ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Москва,
14-22 апреля 2022 г.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

Материалы научной конференции

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

14-22 апреля 2022 г

Материалы научной конференции

Москва
2022

УДК 908 (5/6)082
ББК 26.89 (5+6)я431
Л75

Издание подготовлено в рамках программы мероприятий, проводимых к 65-летию ИСАА

Рецензент
Е.М. Астафьева, кандидат исторических наук ИВ РАН

Главный редактор
Доктор исторических наук А.А. Маслов
Ответственный редактор
Доктор исторических наук Д.В. Мосяков
Рекомендовано к печати Ученым советом
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Редакционная коллегия
А.В. Бочковская, М.В. Воронцова, Н.В. Громова, В.Б.Иванов, В.А. Исаев, С.А. Кириллина, Л.Т. Нечаева, О.А. Машкина, Д.В. Мосяков, В.В. Орлов, К.А. Панченко, М.Л. Рейснер, А.Л. Сафронова, Ж.С. Сыздыкова, М.В. Фролова, М.Ю. Ульянов, М.Р. Урб, Т.А. Барабошкина, Т.Д. Черкасова, Е.В. Черновол, С.С. Белоусов

Л-75 **Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика** (Москва, 14-22 апреля 2022 г): материалы научной конференции / Институт стран Азии и Африки/ отв. ред. А.А. Маслов [Электронный ресурс]. – М.: ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, 2022. 409 с. ISBN 978-5-9216-0341-7 (e-book).

*Предлагаемое издание представляет собой сборник материалов научной конференции «*Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика» сотрудников ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова и *приглашенных специалистов из ряда ведущих институтов России и зарубежных стран.*

УДК 908 (5/6)082
ББК 26.89 (5+6)я431

Публикуется в авторской редакции

ISBN 978-5-9216-0341-7 (e-book)

© ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2022
© Коллектив авторов, 2022

Оглавление

Литература стран Азии и Африки **12**

Акимушкина Е.О. Трансформация образа купца в персоязычной поэзии X–XVIII вв. *12*

Ардашникова А.Н. Гендер в его художественном преломлении: женская литература в ИРИ. 14

Бакланова Е.А. Юмор в филиппинском рассказе 1-й половины XX века как средство социальной критики 16

Балданмаксарова Е.Е. Образ святого Равджи в романе «Гэгээнтэн» современного монгольского писателя Г. Мэнд-Ооёо 18

Барабошкин К.Е. Особенности автобиографической главы трактата «Весы суждений» (I в н.э.) 20

Башелеишвили Л.О. Два женских сословных типа в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» 23

Ершова Ю.С. Особенности распространения постмодернизма в индонезийской прозе 26

Фролова М.В. Роман «Атеист» Ахдиата Карта Михарджи (1949) в контексте мусульманской литературы Индонезии 28

Громова А.В. Публикации диалектальной поэзии как формат сохранения языкового многообразия Ирана 30

Гурия А.Г. Обезьяны в ранних буддийских джатаках: образ до символа 33

Ковлеков К.И. Образ «повелителя демонов» в современном японском фэнтези 34

Кукушкина Е.С. Бинарность пространства в ранней реалистической драматургии Малайзии (1950-е –1970-е годы XX в.) 35

Курочкин В.Г. Поэзия Синкити Такахаси как пример освоения дадаизма в Японии 37

Мазурик В.П. Текст и контекст в японской классической литературе 39

Налич Т.С. Роман Нагиба Махфуза «Аулад харатина» (Сыны нашего квартала) в коранической перспективе: Иблис-Идрис 39

Никольская С.В. Исторические личности в современной китайской литературе 40

Оганова Е.А. Жанр пьесы-биографии в творчестве турецкого драматурга Тунджера Джюдженоглу (1944-2019) 42

Осипова К.Т. Современная арабская проза в контексте дискуссий о «мировой» и «глобальной» литературе 44

Поспелова М.К. Первые «стихотворения в прозе» в литературе Китая (на примере публикаций в журнале «Новая молодёжь») 46

Репенкова М.М. Современная турецкая «темная фэнтези» 48

Рейснер М.Л. Двуликий дервиш: интерпретация образа в персидской поэзии XI–XIV вв. 50

Садокова А.Р. Японские легенды о «синих прудах» 53

Семененко И.И. Категория произведения в «Оде о литературе» Лу Цзи 54

Сторожук А.Г. Художественные особенности новелл Пу Сун-лина (1640—1715).....57

Стрелкова Г.В. Два сборника рассказов поэта Кунвара Нараяна.....60

Строганова Н.А. Послание в быличке: “Дочь *шаофу* Цуя одаривает стихотворением Лу Чуна” (II–IV вв.) 61

Волкова К.Б. Жанровое своеобразие романа Рамы VI Вачиравуда «Сердце юноши» 63

Африканистика.....66

Гавристова Т.М. Африканские писатели в поисках новых жанров (на стыке прозы и публицистики).....66

Громова Н.В. Семантика интранзитивного глагола с объектным маркером в суахили 68

Касимовская Е.Н. Качество элит и отношение к власти в странах Тропической Африки 71

Кравченко С.Л. Особенности перевода предлога ‘У’ на амхарский язык.....73

Львова Э.С. Первые публикации африканских сказок в России.....75

Петренко Н.Т. Лексико-грамматические трудности перевода (язык суахили).....78

Ренжин А.П. Средства смыслового выделения в современном амхарском языке.....81

Суетина Ю.Г. Особенности работы с материалами СМИ на хауса 83

Урб М.Р. Редупликация в языке африкаанс 85

Фаттахова А.Р. Коран как источник пополнения заимствованными глаголами словарного состава языка суахили 87

Шатохина В.С. Арабские заимствования в пословицах и поговорках суахили 89

Юзмухаметов Р.Т. К вопросу о генезисе языка суахили.....91

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока 94

Андрианов В.Д. Креативные достижения средневековых корейцев в сфере изготовления бумаги и книгопечатания 94

Вигасин А.А. «Камасутра»: наставление в любви – и не только 96

Грачёв М.В. Судебный процесс в Японии в эпоху Хэйан: рутинные процедуры 99

Ефименко М.В. К вопросу о царских погребениях эпохи Западное Чжоу (1027-771 гг. до н.э.) 101

Коробицына А.К. Роль военачальников во время второй фазы гражданской войны 22-42 гг. н. э. в Древнем Китае 104

Никольская К.Д. Профессор ориентальных языков Георг Якоб Кер (1692-1740) в Санкт-Петербурге 105

Попова Г.С. Особенности структуры и содержания главы «Разъяснение о 72 учениках» в *Кун-цзы цзя-юй* («Школьные беседы Конфуция», III в.) 107

Ульянов М.Ю. Этапы научной биографии Г.Г. Бандиленко (1946-2002), индонезиеведа-медиевиста 109

Ульянов М.Ю. О знакомстве в Нидерландах XVII-XVIII вв. с яванским языком 112

Хазизова К.В. Об особенностях описания правления вана Ыйджона в летописи «Корёса» в начальный период военного переворота в государстве Корё (1170-е гг.).....115

Экономика стран Азии и Африки 118

Андрианов В.Д. Стратегия создания креативной экономики в Южной Корее.....118

Бойцов В.В Интернационализация производства и участие стран ЮВА в глобальных цепочках создания добавленной стоимости.....121

Бочарова Л.С. Отсталые арабские страны: парадигма развития социальной инфраструктуры 123

Карамурзов Р.Б. Страны Азии и Африки в условиях пандемии: что же произошло с переводами трудовых мигрантов в 2020 г.? 126

Касимовская Е.Н. Институциональная инклюзивность и экстрактивность в социально-экономическом развитии: методология измерения и основные тренды в странах Тропической Африки 128

Лап Минг Лиу, Касимовская Е.Н. Ключевые факторы, определяющие лояльность студентов в сфере дополнительного образования Гонконга 130

Лопатина Т.А. Внешнеторговые отношения в рамках союза для Средиземноморья 133

Мельянцев В.А. (Сильно) меняющаяся роль развивающихся стран в мировой экономике....135

Соловьева А.А. Современные тенденции развития интеграционных процессов в регионе Большого Средиземноморья 138

Сучкова А.А. Особенности развития рынка криптовалют в странах Африки южнее Сахары141

Тимонина И.Л. Электронная коммерция в Японии: факторы и перспективы развития 143

Ульченко Н.Ю. Поможет ли девальвация Турции выбраться из ловушки среднего уровня развития?.....146

Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа 150

Али Арамджу Некоторые заметки о взаимодействии братства (тарикат) и шариата в Центральной Азии: баха' ад-дин накшбанд и *улама'* 150

Вдовин С.С. Особенности становления хорезмийской цивилизации 151

Ганич А.А. Кавказская война и мухаджирство в адыгском фольклоре.....153

Джаманкулова Г.Т. Представление о справедливости в произведении Ю. Баласагунского «кутадгу билиг».....155

Досова Б.А. Казахстан и цели устойчивого развития ООН: реализация 12 направления 157

Зайцев И.В. Коран Кенесары Касымова.....159

Исмаилова Л.Г. Национальный менталитет и его отражение в языке (на примере азербайджанского языка) 161

Кадырбаев А.Ш. Салары – тюркоязычный мусульманский народ Китая.....162

Касимовская Е.Н. Страны Центральной Азии: качество элит как фактор социально-экономического развития.....164

Кораев Т.К. Согдийский правящий род на Кавказских рубежах халифата – Саджиды 167

Махаматов Т.М. Ценности традиционализма востока и кризис западной цивилизации.....169

Миньцзя Я. О социально-культурной активности центральноазиатской элиты в столичных городах ирака при первых аббасидах (750 – 833 гг.).....170

Пархимович В.Л. Председатели президиумов верховных советов республик Центральной Азии: конституционные полномочия и политическая роль (1938-1990 гг.).....173

Раимов Р.И. Голод в Средней Азии 1918 года: причины и последствия 175

Рахаев Дж.Я. Тергдалеулеби в интеллектуальной культуре в пореформенной Грузии 178

Сактаганова З.Г. Особые лагеря гулага в Центральном Казахстане: истории создания и функционирования (1948-1950-е гг.) 180

Сапрынская Д.В. От кашгарлы к уйгурам: формирование национальных меньшинств в Средней Азии в первой половине XX века 182

Сыздыкова Ж.С. Ислам в общественно-политической жизни Азербайджана 183

Тожидинов Ф.К. Южный Казахстан в системе внешней политики Кокандского Ханства ...185

Хубоншоев Ш.Д. Исмаилизм в современной истории Памира.....187

Чедия А.Р. Представители народов Кавказа в военно-административной системе Османской империи (по данным из труда sicill-i osmanî).....189

Культура Востока 192

Солодовник Д.М. К вопросу о роли России в мировом культурном наследии 192

Сергеева А.А. Новые инициативы в рамках "мягкой силы" КНР.....194

Адамс О.Ю. Политическая культура и образцы политического участия молодежи Тайваня 196

Кузнецова В.В. Особенности современной деловой культуры Китая.....201

Мазурик В.П. Диалог «учитель-ученик» в традиционной культуре Японии 203

Сяо Цзинъюй Традиции и инновации в гуманитарном образовании КНР 204

Машкина О.А. Межкультурный диалог в иноязычном обучении 206

Зайцев В.Н. Интернациональный стиль архитектуры как основа материальной культуры эпохи постмодерна.....207

Юй Цзе Лирическая поэзия А.С. Пушкина в переводе и интерпретации Чжа Лянчжэна 212

Кириллов А.В. Опыт прочтения элегии Ду Му «Цинмин» 216

Мяо Чунь Китайские традиции и их отражение в современной европейской моде.....218

Исаева Л.И. Символика на бытовых предметах: истоки, типология, содержание.....221

Вострикова Е.А. О влиянии западноевропейской живописи на жанр хвахвеёнмохва в корейском искусстве XVIII в. 223

Языкознание 227

Аганина Г.Р. Основные черты фонетической теории в арабской лингвистической традиции 227

Быкова С.А. Диалектизмы в японской художественной литературе 229

Вихрова А.Ю. Влияние неправильной артикуляции придыхательных инициалей на речевую коммуникацию в современном китайском языке. Экспериментальное исследование 231

Герасимова А.А. Акустические параметры ударного слога в арабской речи (на материале сирийского диалекта) 234

Громова А.В. Структура именной группы в диалектах Ларестана (на примере фишвари) 236

Дашевская Г.Я., Кондрашевский С.А. Вэньянизмы в китайском языке делового общения ... 239

Захарьин Б.А. Реализация признака «долгота» гласных в истории индоарийского 240

Иванов В.Б. Просодия в языке абйанеи (Иран) 242

Кондрашевский С.А. Устойчивые политические метафоры в публичных речах (на примере китайского слова «кризис») 244

Лебедев В.В. Что и как отражает арабская графическая система? Два подхода. Два ответа. (Вопросы теории арабского языка и обучения ему востоковедов-арабистов) 246

Ли Мэй Анафора как межфразовое средство связи в китайском тексте 249

Линяев Д.В. Что делали святые на мосту в Токио? История одного японского топонима 252

Нечаева Л.Т. Двойные падежи в японском языке 253

Силантьева Л.Г. Результаты акустико-глоттографического исследования персидской просодии 255

Софронов М.В. Фонология лингвистических единиц в иероглифической письменности Китая 258

Хохлова Л.В. Сериальные глаголы в хинди-урду 264

Религии, философия и культура на Востоке 267

Бочковская А.В. Ад-дхарм: «изначальная вера» панджабских далитов (к вопросу о формировании религиозных рамок в сикхизме) 267

Валеев Р.М., Валеева Р.З., Кириллина С.А. Неизвестные письма профессора Лазаревского института восточных языков А.Е. Крымского профессору и начальнику Учебного отделения восточных языков МИД России В.А. Жуковскому из фонда Архива востоковедов ИВР РАН (1903–1917 гг.) 269

Валеев Р. М., Валеева Р.З., Тугужекова В.Н. Тюркские народы в наследии Н.Ф. Катанова: к 160-летию со дня рождения 271

Гаджимурадова Г.И. Проблема идентичности («свой»-«чужой») в мусульманских общинах Европы 273

Долгов Б.В. Политический ислам в XXI веке 275

Жантиев Д.Р. От джихада – к мистическому познанию: эмир Абд ал-Кадир ал-Джазаири и его последователи в Дамаске 278

Захарьин Б.А. Концепты «Речь» и «слог» в ведизме 280

Кириллина С.А. Хадж 2021 г. на «специальных условиях»: большое паломничество к святыням ислама во второй год глобальной вирусной эпидемии 283

Ковельман А.Б. Экстаз и Исход в интерпретации Филона Александрийского..... 286

Козлова А.А. Даргахи Дели: «нестандартные» функции сакральных локусов (XIX в.)..... 289

Орлов В.В. Марокканская монархия и исламистские партии: политический пейзаж после «Арабской весны»..... 291

Смирнов В.Е. Влияние исламского фактора на поведенческие стереотипы правящей элиты османского Египта (вторая половина XVIII в.)..... 294

Соловьева Д.В. «Внутренний джихад»: борьба с племенным сопротивлением в трактовке марокканских султанов XVII–XVIII вв. 297

Старикова М.Н. Политика «позитивной дискриминации» в современной Индии: 103-я поправка к Конституции и «мусульманский вопрос»..... 298

Стрелкова Г.В. Изображение религиозного ритуала в литературе хинди 300

Хохлова Л.В. Критерии дифференциации внутри сикхской общины 303

Черкасова Т.Д. Конфессиональный аспект возникновения и формирования андалусской цивилизации в VIII–IX вв..... 306

Якушев М.М. Церемониал приема русских паломников-писателей в Святом Граде Иерусалиме в конце XVIII – начале XIX в..... 307

Новая и Новейшая история стран Азии и Африки 310

Арешидзе Л.Г. Различия в поведенческих моделях японцев в зависимости от региона страны 310

Коняшкина Т.А. «Джихад губной помады»: гендер и проблема «разделенных сфер» в ИРИ 312

Наливайко О.А. Нанкин рё:ри – культура питания в китайских кварталах в Японии в эпоху Мэйдзи 314

Новакова О.В. Демократия в социалистическом Вьетнаме, 1950-е -- 1990-е годы..... 315

Овчинникова Л.В. Реформы в сфере образование в колониальной Корее..... 318

Сафронова А.Л. Территории бывших княжеств в Республике Индия: пути и последствия интеграции 321

Симонова-Гудзенко Е.К. Вымышленные страны на картах типа Гё:ки XIV-XVII вв. 324

Смирнов В.Е. Культура повседневности и быт представителей властной элиты османского Египта во второй половине XVIII в. 326

Спектор И.Б. В поисках «альтернативного социализма»: связи индийских левых сил и Югославии в конце 1940-ых – начале 1960-ых гг. 328

Филимонова А.Л. Специфика правового положения пакистанских *хиджра* в историческом контексте..... 329

Фурсов К.А. Исламизм и хиндутва в сфере образования как угроза диалогу цивилизаций... 332

Шлыков В.И. Трансформация партийно-политической системы Турции в исторической перспективе 1980-х – 2010-х гг. 335

Шлыков П.В. Собирая “пространство общей истории”: феномен культурной дипломатии Турции в XXI в. 337

Методика и практика преподавания восточных языков 341

Акинина О.Г. Традиционные и инновационные методы преподавания арабского языка 341

Бессонова Е.Ю. Скороговорки в процессе обучения японскому языку на начальном этапе. 343

Васильева Л.В. Работа с параллельными текстами как один из методов обучения основам письменного и устного перевода 345

Германович А.В. Типовые ошибки при письменном арабско-русском переводе 347

Горячева Н.А. К вопросу об использовании технологий дистанционного обучения в преподавании арабского языка 350

Громова А.В. Аппетитное аудирование: мультимедийные кулинарные материалы в преподавании персидского языка. 352

Захарьин Б.А. Трудности усвоения числительных хинди русскоязычными студентами 355

Кириллова О.Б. Некоторые приемы развития навыков аудирования с использованием аудио-носителей 357

Крнета Н.Д. Социолингвистические аспекты обучения японскому языку 358

Налич М.С. К вопросу о методике преподавания аудирования у студентов-арабистов 2-го курса ИСАА 360

Налич М.С., Налич Т.С., Осипова К.Т. Социальные сети и онлайн платформы в работе кафедры арабской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова 362

Нечаева Л.Т. К вопросу об обучении письменному переводу 363

Осипова К.Т. Писать, чтобы говорить: обучение техникам написания коротких текстов на арабском языке 366

Румак Н.Г. Вопросы стилистики при преподавании аспекта "перевод газеты" 367

Юй Цзе Лингвопрагматические особенности заголовка современного медиатекста в китайских СМИ и проблема обучения его восприятию (на материале заголовков интернет-версий газеты Хуанцю Шибо) 369

Оганова Е.А. Особенности проведения олимпиад по турецкому языку в дистанционном формате: проблемы и решения 371

Политические процессы на современном Востоке 372

Арсанова Т.Е. ЮНЕСКО в арабском регионе в пандемийный и постпандемийный периоды (на примере Иордании, Ирака, Ливана, Палестины) 372

Ахтамзян Н.А. Позиция Германии в сирийском вопросе на современном этапе 374

Васецова Е.С. Основные тенденции развития конфликта в Ливии (2011-2022 гг.) 377

Кутовая Е.А. АСЕАН и вызовы азиатско-тихоокеанской безопасности 378

Мосяков Д.В. Глобальные тренды в современной ситуации в Азии 380

Первушина К.О. Трансформация роли армии в политической истории Египта XXI века 382

Романова И.А. Современные дискуссии по вопросу внесения поправок в Конституцию Японии 386

Стремовская А.Л. Различия между китайским и американским стилем ведения переговоров 389

Преподавание западноевропейских языков студентам-востоковедам: особенности методики на современном этапе 391

Бессонова Е.Ю. Мировые новости японской телерадиовещательной компании NHK на английском языке в процессе обучения новостному контенту на начальном этапе 391

Воронцова М.В. Синтагматический подход при обучении иностранным языкам с развитой парадигматикой 392

Короновская И.В. Практические идеи по работе с видеоинформацией на занятиях по английскому языку 393

Павловская О.А. Особенности механизмов памяти в процессе запоминания иностранных слов 396

Полунина Т.С. Обучение студентов лексическому, грамматическому и социо-культурному аспектам английского языка на базе телевизионной драмы «Фортуна» 396

Хохлова Л.В. Варианты английского языка в Южной Азии 397

Шихзаманова Л.Э. Реализация принципа коммуникативной методики awareness-raising в авторском курсе Concepts 400

Шихзаманова Т.Н. Использование пособия A Russian-English Glossary of Political Collocations в группах студентов-востоковедов 401

Христианский Восток «Христианские элиты и церковная история – новое прочтение» 402

Войтенко А.А. Этапы и механизмы конфессионального размежевания в период христологических споров (Египет и Сирийский Восток) 402

Грацианский М.В. Соперничество региональных элит в Восточной Римской империи IV–V вв. на примере церковных отношений. 405

Копоть Е.М. Источники и факторы формирования новой церковно-политической элиты православных арабов во второй пол. XIX в. 407

Литература стран Азии и Африки

Трансформация образа купца в персоязычной поэзии X–XVIII вв.

Акимушкина Е.О.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры индийской филологии, eakimushkina@mail.ru

В настоящем сообщении предпринимается попытка выявить основные этапы эволюции образа купца (*таджир*; *базарган*; *соудагар*) в персоязычной поэзии классического (X–XV вв.) и постклассического (XVI–XVIII вв.) периодов, что позволяет дополнить наши выводы, касающиеся изображения горожан в поэзии на фарси [Акимушкина, 2021].

Образ купца в литературе вызывает устойчивый интерес исследователей (см., например, работы А.Я. Гуревича, В.Н. Топорова, С. Шармы). Тем не менее, этот образ в персоязычной литературе до недавнего времени не становился объектом специального анализа.

Материалом для нашего исследования послужили стихи персоязычных поэтов X–XVIII вв., в частности Рудаки Самарканди (ум. 941), Фаррухи Систани (ум. 1037), Масуда Сада Салмана (1046–1121), Амира Муиззи (1048 – между 1126 и 1153), Аттара Нишапури (ум. 1230), Камала Исмаила (ум. 1237), Джалал ад-Дина Руми (1207–1273), Саади Ширази (нач. XIII – 1292), Салмана Саваджи (1300–1376), Лисани Ширази (ум. 1534), Зухури Туршизи (ум. 1616), Саиба Табризи (1601–1677), Саййидо Насафи (ум. между 1707 и 1711).

Важно затронуть вопрос о том, каким было отношение к купцам в культуре персоязычного ареала указанного периода. В этой связи нами рассматриваются поэтические антологии, произведения, относящиеся к дидактической литературе («Кабус-нама», «Сийасат-нама», «Синдбад-нама», «Бахтийар-нама», «Тути-нама»), исторические, географические и агиографические сочинения, содержащие сведения о купцах.

На Ближнем и Среднем Востоке в X–XVIII вв. сложилось двоякое отношение к торговле: с одной стороны, она поощряется, с другой стороны, осуждается, так как она может быть сопряжена с извлечением финансовой выгоды за счет ущерба другим людям. Это двойственное отношение к торговле предсказуемо отражается и в образе купца, который в персидской литературе (прежде всего, в прозе) часто строится на противопоставлении на первый взгляд взаимоисключающих качеств. С одной стороны, прославляются его предприимчивость, деловая хватка, ум и жизненный опыт, с другой стороны, осуждается его глупость, из-за которой он совершает рискованные путешествия по торговым делам, говорится о его верности своему слову, но при этом высмеивается его склонность к обману и мошенничеству, восхваляются его смелость и отвага при кораблекрушении, но порицается его трусость во время нападения разбойников на караван с товарами.

Можно выделить два основных этапа эволюции образа купца в персоязычной поэзии указанного периода: X–XIV вв. и XV–XVIII вв.

В X–XIV вв. образ купца чаще встречается в любовной и дескриптивной поэзии, а также в жанре *шахрашуб*. Акцент сделан на описании красоты молодого купца и его любовных взаимоотношений с лирическим героем, причем о последних рассказывается с применением «торговой» образности, например:

Покупаешь ты сердце и душу мою за поцелуи. // Дешево ты покупаешь благодеяния!

Ты – тот, кто стремится к выгоде, ибо верно говорят: // «Торговцы всегда ищут прибыль» [Масуд Сад, 1960. С. 532].

В этот период наблюдается активный перенос «купеческих» образов и мотивов (например, образа «купец из Ханаана»; мотивов «купец и караван», «купец и море», «купец и попугай») в другие жанры – календарную, дидактическую, панегирическую поэзию, а также их переосмысление в религиозно-мистическом (суфийском) ключе (особенно в XIII–XIV вв.). Можно сказать, что в персоязычной поэзии X–XIV вв. в изображении купцов чаще преобладают положительные качества, хотя мотивы стремления купцов к обогащению, извлечению выгоды и мошенничеству все равно могут проступать в их описании.

Начиная с XV в., в персоязычной поэзии обнаруживается все больше стихов о купцах, причем они становятся более пространными, нежели в предшествующий период. В XV–XVII вв. образ купца чаще встречается в философско-аскетической (дидактической) и хулительной поэзии: осуждаются его торговая деятельность и моральный облик (склонность к обману, вероломству, скупости, алчности, злоупотреблению спиртными напитками, азартными играми), практически не говорится о его внешности (если она и описывается, то в хулительном ключе). В этот период складывается традиция написания сатирических стихотворений в адрес купцов (и торговцев в целом). Во второй половине XVII–XVIII вв., наряду с порицаниями в адрес купцов, появляется больше описаний их торговой деятельности, в том числе путешествий, причем число «документальных деталей» в таких описаниях увеличивается. Кроме того, стандартными мотивами описания купцов становятся упоминания об их несметных богатствах и окружающей их роскоши. Обратим внимание, что образ восхваляемого-купца в немногих обнаруженных нами панегириках такого рода XVII–XVIII вв. отличается от стандартного образа восхваляемого-аристократа: купца хвалят не потому, что он проявляет щедрость, а потому, что он обладает богатствами, обеспечивающими ему вес и влияние в обществе. Следовательно, делается акцент на его статусе, т.е. на том, чего ему не хватало по сравнению с аристократией. Появление таких панегириков свидетельствует о явном возрастании значимости купцов в иранском обществе.

Возвращение к канону изображения «идеального купца» классического периода наблюдается в творчестве Саййидо Насафи: поэт описывает путешествие купца по торговым делам с помощью одного из конвенциональных мотивов любовной поэзии – мотива разлуки влюбленных, однако в данном

случае расставание купца с возлюбленной объясняется не происками соперников и завистников, а его занятием, которое требовало от него проводить много времени в разъездах.

В персоязычной поэзии прослеживается нарастающая тенденция изображения купца во все более негативном свете, которая достигает своей кульминации примерно к XVII–XVIII вв. и способствует формированию образа купца, угнетающего простых людей, в гражданской поэзии XIX в.

Анализ образа купца в персоязычной поэзии призван способствовать исследованию феномена городской литературы на персидском языке, поскольку этот образ считается типичным для городской культуры Средних веков и Нового времени.

Литература

[1] Акимушкина Е.О. Эволюция жанра *шахрашуб* в персоязычной поэзии X–XVIII вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени доктора филол. наук. М.: «Ключ-С», 2021. – 48 с.

[2] Мас‘уд Са ‘д Салман. Диван. Вступит. статья Р. Йасими. Тегеран: Амир Кабир, 1960. – 538 с. (на перс. языке).

Гендер в его художественном преломлении: женская литература в ИРИ

Ардашникова А.Н.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры иранской филологии, anardash@mail.ru

Победа в Иране в 1978-1979 гг. исламской революции привела к провозглашению новой гендерной политики, красноречивым символом которой стал *хиджаб*, а содержанием – существенные ограничения присутствия женщин в публичной сфере. Совершенно очевидно, что за более чем 40 лет характер политики иранских властей в женском вопросе не мог не претерпеть изменений, как изменилось и общество, настаивающее на этих переменах, в результате чего в последние годы иранские женщины добились некоторых улучшений своего гражданского статуса в социально-политическом и юридическом поле. В ряде областей присутствие женщин особенно заметно: например, более половины обучающихся в вузах – студентки, иранки занимают треть государственных должностей. Однако диалог общества и власти по гендерной проблематике в ИРИ не прекращается, и существующие ограничения побуждают женщин помимо громких политических кампаний вести тихий «бархатный джихад» [Shirazi, Faegheh. Velvet Jihad. Muslim Women’s Quiet Resistance to Islamic Fundamentalism. University Press of Florida, 2009] против исламистского статуса-кво и искать новые способы самовыражения в рамках исламского государства. Яркое свидетельство этому – беспрецедентно высокое присутствие женщин в сфере литературы и издательского дела: авторитетный иранский исследователь

Х. Мирабедини сообщает, что в 2004 г. в Иране насчитывалось 370 женщин-литераторов и что количество публикующих свои произведения женщин и мужчин практически сравнялось [Hassan Mirabedini, *The History of the Female Storywriters*. https://www.iranchamber.com/literature/articles/history_female_storywriters.php].

Одной из самых известных современных писательниц является Зоя Пирзад (род. 1925), чьи произведения переводятся на многие языки мира и неоднократно переиздаются в Иране. Главные героини рассказов и романов Пирзад – обычные горожанки, работающие и домохозяйки, представленные в ограниченном пространстве частной жизни в своих рутинных занятиях (сборники рассказов «Как и все вечера», «Вяжущий вкус хурмы», романы «Я выключаю свет», «Мы привыкаем»). Иранское литературоведение обозначает творчество Пирзад уничижительным термином «кухонная литература», отражающим устоявшееся представление о сегрегированном положении женщины в традиционном обществе. Вместе с тем, основная проблематика прозы Пирзад – определение женской идентичности, соотношение женской индивидуальности и социальной роли, отведенной женщине. Писательница намеренно разрушает образ скромной и отсутствующей в публичном пространстве «сидящей за завесой» (перс. *парде-нешин* – синоним слова «женщина»), поднимая вопрос о праве женщины на личное счастье и самореализацию и наделяя ее собственным голосом.

Одной из самых читаемых иранских писательниц является Шахрнуш Парсипур (род. 1947), чей почерк разительно отличается от реалистической манеры Пирзад. Ее роман ««Женщины без мужчин» (1989) переведен на многие языки и экранизирован в 2010 г. В фокусе внимания писательницы – героини, выступающие в роли травматического субъекта. Унижаемые мужским сообществом и бегущие от невзгод, они находят убежище в прекрасном саду, где живут без мужчин в идеальной утопической реальности. Писательница касается табуированных в Иране тем – это женская сексуальность, внебрачный секс, изнасилования, убийства чести, высмеивает нормативную сексуальную мораль, фетишизирующую девственность. Творческая манера Шахрнуш Парсипур полифонична: писательница смело вводит в ткань повествования сюрреалистические сцены, сочетая миметическое отражение действительности с приемами магического реализма.

Не может обойти вниманием гендерную проблематику и Голи Таракки (род. 1939), которой больше свойствен аполитичный подход к отражению действительности: она неоднократно отмечает сегрегацию иранских женщин в бытовой сфере (отдельный вход в транспорт, отдельный вход в аэропорт и т.д.).

Современная персидская литература не только демонстрирует высокий творческий потенциал иранских женщин, но и ярко показывает, что в Иране присутствует недовольство гендерной политикой исламских властей, и общество ждет, чтобы исламский закон был более адаптирован к потребностям современной жизни.

Литература
[1] Шахрнуш Парсипур. Женщины без мужчин. Перевод с персидского Ю. Садыковой. ЛитРес: Самиздат, 2020.
[2] Mirabedini, Hassan. The History of the Female Storywriters. https://www.iranchamber.com/literature/articles/history_female_storywriters.php (дата обращения: 19.03.2022).
[3] Pirzad, Zoya. *Adat mikonim*. Tehran: Nashr-e Markaz, 2004.
[4] Pirzad, Zoya. Cheragha ra man xamush mikonam. Tehran: Nashr-e Markaz, 2001.
[5] Shirazi, Faegheh. Velvet Jihad. Muslim Women's Quiet Resistance to Islamic Fundamentalism. University Press of Florida, 2009.

Юмор в филиппинском рассказе 1-й половины XX века как средство социальной критики

Бакланова Е.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии,
baklanova@iaas.msu.ru

Генезис жанра рассказ в филиппинской литературе приходится на период 1920-1940-е гг., в первую очередь – на тагальском (национальном) языке, а также на английском, активно внедряемом американцами в рамках новой общеобразовательной программы. 1920-30-е гг. стали временем знакомства образованных филиппинцев с образцами американской и европейской литературы XIX – начала XX вв. Заметное влияние на становление филиппинской новеллистики в 1 пол. XX в. оказали такие авторы, как Эдгар По, О' Генри, Чарльз Диккенс, а позднее Шервуд Андерсон, У. Дэниэл Стил, Уильям Сароян, Эрнест Хемингуэй [2, стб. 965-967; 3, p. 19-20]. Филиппинские англоязычные прозаики, такие как Х.Г. Вилья, М. Аргилья, А. Ротор, в 1920-30 гг. стали в авангарде местной новеллистики, на их произведения равнялись лучшие тагальские авторы - А.Афан, Б.Батумбакаль, С.Гинигундо, М.Пинеда, Х.Э. Матуте и др.

Тем не менее, в первой половине XX в. сохраняется сильное влияние традиционных романтическо-дидактических произведений рубежа XIX-XX вв. Основная тематика рассказов – любовь и сопутствующие эмоции, образцовые отношения в семье, а также тема сохранения филиппинских традиций и ценностей на фоне тлетворного влияния урбанизации и американизации. Средоточием традиционных ценностей и гармонии обычно представляется сельская местность, город мыслится как источник меркантильности, порока, духовного упадка. Социальная критика только начинает звучать в рассказах таких авторов, как Деограсиас Росарио, Амадо Эрнандес, Илария Лабог, Кармен Херрера, однако их произведения сохраняют черты ранней филиппинской прозы – дидактизм, неправдоподобность сюжетов с обязательной

счастливой развязкой, эскапизм, акцент на развлекательность [1, с. 92]. За редким исключением - таким, как рассказ Амадо Эрнандеса («Пять тузов, три святых», 1932?) – юмор как художественный прием, инструмент критики, не используется в ранней новеллистике.

Значительно больше внимания социальной критике уделено в рассказах авторов «новой школы» – англоязычных Хосе Г. Вильи, Карлоса Булосана, тагалоязычных Брихидо Батумбакаля, Серафина Гинигундо, Макарио Пинеды, Хенобебы Эдросы Матуте, Фаусто Галаурана и т.п., чьи произведения тяготеют к реализму. При этом лишь немногие из них применяют юмор в построении сюжета и описании своих героев в целях обличения пороков общества и человеческих слабостей.

Наиболее успешно эта задача решена в творчестве англоязычного писателя-эмигранта Карлоса Булосана (1911? – 1956) и в отдельных произведениях тагалоязычного автора Макарио Пинеды (1912-1950). В рассказах Карлоса Булосана из цикла «Смех моего отца» (опубликован в 1944 г.), а также «Письмо из Америки» (1942) комизм ситуаций, часто граничащий с гротеском, юмористическое изображение главных героев скрывают острую сатиру, обличение пороков филиппинского общества (цикл «Смех моего отца»), или бесправного положения эмигрантов и расизма в Америке (рассказы «История любви Магно Рубио», «Письмо из Америки» и др.). В рассказах Макарио Пинеды о сельской жизни, напротив, все острые углы сглажены, комичные ситуации не граничат с сатирой, в повествовании превалирует тонкая ирония – не высмеивание недостатков филиппинцев, а лишь добродушное подшучивание над ними. Это отражает один из принципов национальной культуры – избегать прямого конфликта и открытой критики, переводить упрек в шутку. Наиболее последовательно этот принцип реализован в рассказе Макарио Пинеды «Биография нашей деревни» (1943). В филиппинской юмористической прозе обоих авторов прослеживается влияние таких классиков западной литературы, как Чарльз Диккенс (его ранние произведения «Записки Пиквикского клуба», «Приключения Оливера Твиста» и др.), О'Генри и Уильям Сароян (особенно его рассказы из цикла «Меня зовут Арам»).

Таким образом, в первой половине XX века юмор как инструмент социальной критики в англо- и тагалоязычной филиппинской новеллистике еще не получил достаточного развития: он реализуется лишь в произведениях отдельных авторов, с опорой на образцы английской и американской прозы XIX – начала XX века.

Литература

[1] Бакланова Е.А. Филиппинки – авторы и персонажи тагальской новеллистики 1920-1950-х гг.// *Малайско-индонезийские исследования (К 80-летию А.К. Оглоблина)*. – Т. 21. – Экон-Информ, 2019. – С. 90–101.

[2] Макаренко В.А. Филиппинская литература// *Краткая литературная энциклопедия*. Т. 7. – М.: Советская энциклопедия. – С. 963-969.

[3] San Juan, Epifanio. 1974. *Introduction to Modern Pilipino Literature*. – New York: Twayne Publishers. – 234 p.

Образ святого Равджи в романе «Гэгээнтэн» современного монгольского писателя Г. Мэнд-Ооёо

Балданмаксарова Е.Е.
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН,
ведущий научный сотрудник, liza.bur@mail.ru

В историческом романе «Гэгээнтэн» (Святой, 2012) современного монгольского писателя Гомбожавын Мэнд-Ооёо (род. 1952) художественно осмысливается неоднозначно воспринимаемый в монгольской историко-культурной среде XIX-XX вв. образ V перерожденца Гобийского святого Докшин Ноён Хутукта, монаха-философа, йогина-тантриста, поэта и драматурга Дулдуйтын Данзанравджа (1803-1856). До последнего времени у нас в России и в самой Монголии Д. Равджа был больше известен как первый профессиональный поэт и первый драматург. Мэнд-Ооёо в своем романе литературно-художественными средствами широко и объемно изобразил жизнь этого необычайно уникального, разностороннего человека и познакомил читателей с его богатым и многогранным творческим наследием.

Несколько слов об авторе романа. Г. Мэнд-Ооёо свою творческую деятельность начинал как поэт. Он известен как автор более пятидесяти художественных книг: стихов, эссе, очерков, романов, которые довольно активно переводятся на иностранные языки. Сфера деятельности Г. Мэнд-Ооёо на сегодняшний день весьма обширна, он увлекается монгольской каллиграфией и с 2006 г. организовывает ежегодную выставку. Выход романа «Гэгээнтэн» (2012) стал событием в культурной жизни Монголии и автору присуждена престижная литературная премия «Золотое перо» (2012). Сейчас его имя известно далеко за пределами Монголии. За поэтическое творчество ему присуждена премия «Золотая корона» Всемирного конгресса поэтов (Венгрия, 2009), удостоен Гран-при Международной академии имени Михая Эминеску (Румыния, 2014) и мн. др. Первым из творческой интеллигенции он получил высшую награду Монголии – орден Чингис-хана (2015). В настоящее время Г. Мэнд-Ооёо – видный общественный деятель, президент Монгольской академии культуры и поэзии, постоянный член Всемирной академии искусств и культуры и избранный вице-президент Всемирного конгресса поэтов.

Мэнд-Ооёо в романе «Гэгээнтэн» на основании письменных жизнеописаний учеников своего героя, различных мифов, легенд и рассказов, сохранившихся в устном народном творчестве о святом Хутукте, воссоздал его жизненный и творческий путь в образной форме. С малых лет жизнь Равджи была полна разных символов и знамений. Как герой эпических сказаний, он родился в бедной семье простого мирянина, мать умерла вскоре после родов. Отец часто

болел и поэтому жизнь их была полна трудностей. Однако, в жизни Равджи произошел неожиданный поворот: в восемь лет его признали воплощением IV Гобийского святого и возвели в сан V перерожденца. И это обстоятельство открывало перед ним большие перспективы, по крайней мере, давало возможность стать крупным буддийским деятелем Монголии. Равджа, отличавшийся с детских лет ясным и острым умом, независимым и целеустремленным характером, освоив в буддийских монастырях Монголии обязательные «пять наук», действительно стал выдающейся личностью, творческая деятельность которого не ограничивалась только духовной религиозной деятельностью. Для возмужания, окончательного сложения личности Равджа большую роль сыграли предпринятые им путешествия после окончания в 1827 г. буддийского образования в монастыре Бадгар. Путешествия Равджи по Китаю (Пекин, Утайшань), Тибету (Амдо), Западной Монголии (Алашань) и трем княжествам Северной Монголии (Халхи) дали ему многое в плане знакомства с жизнью разных слоев общества, изучения истории и культуры не только своей страны, но и сопредельных государств.

Поэтический дар Равджи проявился рано, еще в детские годы. Однажды, странствуя с отцом по степи, они попали на праздник, где в одной юрте совершался обряд призывания счастья. Им досталось место у двери. Когда пошел сильный дождь, северная сторона юрты (хоймор), куда обычно усаживают дорогих и уважаемых гостей, насквозь промокла и залила сидящих. А место, где сидели Равджа с отцом, оставалось сухим. Было предложено им поменяться местами, и они с отцом оказались на самом почетном месте в юрте. Тогда Равджа, которому было семь лет, сочинил свое первое стихотворение «Хурмаст тэнгри» (Хурмаст тэнгэр) и пропел его, сильно удивив всех присутствующих[1].

Основная тема романа посвящена религиозно-духовному развитию, а также культурно-просветительской деятельности V Докшин Ноен Хутукты. Свидетельством этому являются сновидения, символические видения во время ретрита и в промежутках между медитациями, песнопения, отрывки из его стихотворных произведений, которые занимают немалую часть текста романа. Равджа, как представитель школы Кагью (красношапочников), был прекрасно знаком с творчеством великого духовного учителя этой линии, тибетского поэта Миларепы (XI-XII вв.), который стал ярким образцом «безумного йогина». Как и Миларепа, Равджа – «докшин хутукта», то есть «безумный святой», «гневный святой». Автор романа, рисуя его человеком с независимым характером и своеобразным поведением, показывает, что традиция, заложенная в Тибете, ярким представителем которого стал Миларепа, была продолжена Равджой в Монголии.

[1] Удивительным, на наш взгляд, является то, что стихотворение Равджи, которое можно воспринимать как «первую пробу пера», знают и любят в Монголии по сей день. Известный современный монгольский фолк-рок-группа «Алтан ураг» (Золотой род) в композиции «Сказка о старом савдаке» (Өвгөн савдгийн улгэр) использовала из этого стихотворения Равджи первое четверостишие, и оно звучит рефреном на протяжении всего произведения, придавая философскую глубину. Привожу данное четверостишие в переводе с монгольского: «Тучи собрались, дождь пошёл — / У двери сидеть или на хойморе — есть ли разница? / Судьба определила смертный час — / Стар ты или молод — есть ли разница?» [Мэнд-Ооёо, 2012, 22 х.].

V Докшин Ноён Хутукта – личность, ярко одаренная художественно, умел излагать сложные буддийские понятия, категории буддийской культуры ясно и доходчиво в духовных песнях, в устных рассказах, в передачах «из уст в уста», т.е. непосредственно от учителя к ученику. Одной из его заслуг является организация религиозно-просветительской школы как учебного центра для передачи индо-тибетских буддийских ценностей и традиционного культурного наследия. В рамках этой школы он создал центр для медитации в пещерах вокруг храма «Хамрийн хийд». Это место, по его духовному зрению, является местом получения благословения от Шамбалинских святых, а вершина горы Золотой Гавал, что в окрестностях Хамрийн хийд, – это круг Шамбалинского Колеса Времени (Калачакры) на Земле и, поднимаясь по хрустальной лестнице, можно пройти через северный вход в сакральную страну Шамбала. Равджа-хутукта, как отмечено в романе, любил устраивать диалоги-диспуты со своими учениками на тему о перерождении в Шамбале, об участии в Шамбалинской войне под руководством владыки Шамбалы Благословенного Ригден-Джапо.

Художественно исследуя жизненный и творческий путь буддийского святого монаха Д. Равджа, Г. Мэнд-Ооёо, естественно, не смог обойти тему, волнующую каждого буддиста, тему об очистительной Шамбалинской войне, в которой, согласно буддийским астрологическим, а также эзотерическим текстам, будут разбиты все силы зла. Более того, нужно сказать, что она становится сквозным лейтмотивом романа, смыслообразующим компонентом текста. Привлекается автором чисто монгольский материал, соответственно, излагается монгольская интерпретация бытования буддийской легенды о Шамбале. И это свойство придает тексту данного исторического романа особую ценность, самобытность и оригинальность в изложении этой вечно современной и животрепещущей темы.

Литература

[1] Мэнд-Ооёо Г. Гэгээнтэн. Монгол роман (Святой. Монгольский роман). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 2012. 346 с. (На монг.яз.)

[2] Мэнд-Ооёо Г. Намтар. Чөлөөт нэвтэрхий толь — Википедиагаас. = Биография. Свободная энциклопедия – из Википедии. (https://mn.wikipedia.org/wiki/; дата обращения 08.02. 2022). (На монг.яз.)

Особенности автобиографической главы трактата «Весы суждений» (I в н.э.)

Барабошкин К.Е.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры китайской филологии, kanglaoshi@iaas.msu.ru

В трактате Ван Чуна (I в.н.э.) *Луньхэн* «Весы суждений» (論衡) есть множество интересных глав, которые привлекают внимание не только с точки

зрения изучения литературной мысли, но и с точки зрения структуры, а также грамотно выстроенной аргументации. Сохранившиеся главы трактата разнообразны, однако некоторые из них схожи по своей композиции, которая определялась мыслителем исходя из задач каждой конкретной главы. Однако в трактате существует одна глава, которая на первый взгляд сильно отличается от остальных— *Цзыцзи* «О себе» (自紀).

В англоязычной литературе к данной главе принято также присоединять предшествующую ей в классической разбивке главу *Дуйцзо* «В защиту творчества» (對作), и называть их «автобиографическими». Скорее всего, подобное объединение идет еще от первого перевода трактата на английский язык, который был произведен в начале XX века немецким синологом Альфредом Форке (Alfred Forke) [2]. Автор разбил перевод трактата на два тома, полностью изменив порядок глав оригинала. Вышеозначенные главы, которые в классических изданиях идут под номерами 83 и 84 соответственно, он поместил в самое начало и объединил в раздел «А. Биографические [главы]» (A. Biographical), опубликовав в первом томе перевода, который назвал «Философские эссе Ван Чуна» (Philosophical essays of Wang Chong). Поэтому дальше в западной традиции многие ученые ссылались на подобное решение, обозначая главы «О себе» и «В защиту творчества» как «автобиографические».

С подобным делением нельзя согласиться — если взглянуть на главу «В защиту творчества», то даже само название трудно интерпретировать в том ключе, в каком это было сделано А. Форке — «Ответы в собственную защиту» (Replies in Self-Defence). Данная глава в оригинале называется 對作 (*дуйцзо*), значение названия, исходя из содержания, можно трактовать иначе. К примеру, с одной стороны, главу можно перевести как «Ответы [на вопросы] о творчестве [в принципе]». В таком случае 對 (*дуй*) вполне отражает диалогическую структуру главы, превращая ее в одну из очередных «философских» глав, по классификации того же Форке. Однако диалогическая структура здесь дана лишь для виду (приём диалогизма, идущий от давней традиции) тут присутствуют только один вопрос и одно утверждение оппонента, которые просто являются отправной точкой в рассуждениях Ван Чуна. Диалогический (вопросно-ответный) стиль рассуждения присущ многим главам трактата, но ни у одной другой главы в труде иероглиф 對 (*дуй*) не вынесен в заглавие, который бы в таком случае действительно означал «ответ» и указывал на диалогическое построение или же, в данном случае, «ответ» на какие-либо упреки «в собственную защиту» по Форке.

Для большей ясности, здесь стоит обратиться к переводу второго иероглифа. Иероглиф 作 (*цзо*), представляет большой интерес, с одной стороны, он сразу относит нас к высказыванию Конфуция «Передаю, но не творю» [1, с.94] – 述而不作 (*шу эр бу цзо*), а с другой – указывает на «традицию» отречения многих мыслителей от «творчества», в пользу «передачи» 述 (*шу*), или даже «рассуждения» 論 (*лунь*) по классификации Ван Чуна. Внимательнее присмотревшись к ходу мысли самого философа, и его постоянному повторению

мысли о том, что его труд «не несёт никакого вреда» 無害 (*ухай*), становится ясно, что в этой главе он всячески пытается подчеркнуть, что называть труд «творчеством» — не зазорно, и что стоит отходить от подобного предубеждения, которое в среде конфуцианских мыслителей бросало тень на любого, кто осмеливался заниматься литературным творчеством. Таким образом, на протяжении всей главы Ван Чун плавно подводит читателя к мысли о том, что творить могут не только премудрые-*шэн* (聖), а на самом деле, любой человек при наличии таланта способен к литературному творчеству. Если же пытаться называть эту главу «автобиографической» лишь на том основании, что здесь мыслитель затрагивает причины, которые побудили его написать «Весы суждений», это также будет не обосновано — к этим причинам философ не раз обращается и в других главах данного трактата. Сама же глава структурно все такая же «философская», как и большинство остальных глав трактата.

Совершенно в ином виде на первый взгляд предстает перед нами именно глава «О себе», которая композиционно не напоминает ни одну из глав из «философских» глав. В них философ обычно либо спорит с некоторыми-*хо* (或), либо дает развернутое обоснование заявленному в начале главы тезису. «О себе» строится немного иначе и поначалу напоминает повествовательную технику, к которой прибегал, в частности, Сыма Цянь (司馬遷) в *Шицзи* «Исторических записках» (史記) в разделе биографии\жизнеописания-*лечжуань* (列傳). Ван Чун был хорошо знаком с данным трудом, о чем свидетельствуют постоянные отсылки на него (и даже спор с некоторыми местами *Шицзи*) в тексте «Весов суждений». Более того, сам философ обучался у историка Бань Бяо (班表), отца Бань Гу (班固), и был знаком с отдельными частями работы отца и сына, так как давал обоим критическую характеристику, к примеру, в главе *Чаоци* «О превосходстве и необычности» (超奇).

Подобная манера повествования, представляющая собой своего рода «беллетризованную» биографию, достаточно изящно переплетается с собственным «философским» стилем Ван Чуна. Начинается глава совершенно не типично для «Весов суждений», но вполне стандартно для какого-либо жизнеописания. Сперва в общих чертах описываются некоторые предки Ван Чуна, его родители и дается характеристика самому философу. Однако, если во многих биографиях, которые можно наблюдать в «Исторических записках», акцент смещается с подробного описания всей жизни исторического деятеля на отдельные моменты жизненного пути, то в данной главе Ван Чун дает весьма последовательное описание собственной жизни. Причем некоторые поступки или сделанный выбор, о которых философ писал, он сопровождает вопросами, возражениями и восклицаниями со стороны «некоторых», используя уже известную манеру повествования, которую читатель может наблюдать и в других главах трактата. Вслед за тезисами «оппонентов» следует подробный ответ Ван Чуна на замечания, при котором он прибегает к уже хорошо известным из других глав трактата приемам — это и эмпирические аргументы, и аргументы к традиции, авторитету, здравому смыслу и т.п.

Также возникает вопрос, а писал ли Ван Чун биографию сам или она была дописана уже за него? Конечно, однозначного ответа здесь дать невозможно, но в конце главы, во-первых, нельзя найти времени ухода философа из жизни, хотя на протяжении всей главы даны весьма конкретные даты — глава же завершается лишь риторическим восклицанием о скоротечности человеческого бытия – мысль которая не раз появляется в других главах трактата. А с этой точки зрения в отдельных местах главы вводимых философом «некоторых» можно воспринимать не как гипотетических оппонентов, не согласных с тем или иным тезисом мыслителя, а, скорее, как собственные сомнения автора, которые одолевают его на склоне лет, когда, вероятнее всего и была написана данная глава. Во-вторых, структурно глава хоть и выделяется среди прочих, но это, опять же, обусловлено иной задачей — рассказать о себе и подвести некий итог своему труду и собственной жизни. А обилие типичных приемов и тропов, которые встречались раньше и которые таким же образом используются в данной главе также добавляют уверенности в том, что глава вполне могла быть написана самим Ван Чуном.

Литература

[1] Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй». «Мэнцзы». // Пер. с кит. и предисл. И.И. Семененко. Москва: Издательство восточной литературы, 2016. — 375 с.
[2]. Alfred Forke: Lun-heng. Part I. Philosophical Essays of Wang Ch’ung. Leipzig: Harrassowitz | London: Luzac | Shanghai: Kelly & Walsh, 1907. — 577 p.

Два женских сословных типа в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»

Башелеишвили Л.О.
МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический факультет, старший преподаватель кафедры истории стран ближнего зарубежья

Исследование поэмы «Носящий барсовую шкуру» (К. Бальмонт) великого средневекового грузинского мыслителя-поэта Ш. Руставели (XII в.), нуждается в комплексном подходе. Поскольку мегатекст поэмы изобилует рефлексами средневекового художественного сознания и отсылками к ближневосточным контекстам, историко-сравнительный метод и культурологический подходы не имеют альтернативы. С одной стороны, «художественное произведение можно понять только тогда, когда знаешь, из каких оно выросло корней, с другой стороны, художественное произведение, следует оценивать только само по себе…Следовательно, решение состоит в том, что историческая интерпретация и эстетическая критика тождественны; они не составляют пару, но являются единством: единая двойственность и двойственное единство», – писал известный итальянский профессор, интеллектуал, филолог и историк Бенедетто Кроче (1886-1952).[3, с. 13]. Остается еще один великий контекст и маркер – это сам

язык памятника, в нашем случае древнегрузинский, который, с одной стороны, можно подключить к историческому методу анализа любовно-героической поэмы Руставели, с другой стороны – к эстетической критике. Только язык поэмы даёт нам возможность увидеть литературное произведение таким, «какое оно есть на самом деле». Руставели говорит с читателем на энигматическом языке (З.К Гамсахурдия) и образы, в том числе женские, создает с учетом вездесущности языка, который способен иногда выходить за «собственные границы», а «иногда пользуется триадой *Символического, Воображаемого* и *Реального*» [1, с. 329].

В поэме, которая является средневековым любовно-рыцарским романом, страты общества представлены с учетом множества ракурсов: патронов и вассалов, горожан и крестьян, слуг и рабов, женщин и мужчин, стариков и юнцов, красавиц и не «очень». Имена главных героинь поэмы имеют сложный аллегорический смысл. Имя Нестан-Дареджан (перс. *нист андар джахан* – «нет на свете», трансцендентный атрибут Бога), дочери царя Индии Парсадана, отсылает одновременно к традиции суфийских толкований поэтических образов и к стратегии аллегорического построения европейского жанра бестиария, *«преломленного в грузинской действительности»* [2, с. 191]. Имя второй героини, Тинатин, дочери арабского царя Ростэвана, грузинское, означающее «солнечный зайчик», «лучик», «отражение солнечных лучей», (символ зеркала и философского разума), также имеет ряд скрытое аллегорическое ассоциаций. Оба женских персонажа включены и в реальный исторический контекст, отсылая к обстоятельствам правления царицы Тамары: это, в частности, связь эпизодов воцарения Тинатин и детства Нестан-Дареджан с историей воцарения Тамары и ее воспитанием. Символика имен, аллегорический пласт повествования направляют читателя к многослойному мегатексту, где можно увидеть и следы архаичного тотема барса и тигра, а также библейские контексты барсовой шкуры (напр., вавилонской блудницы, одежды Иосифа Прекрасного). Первый план повествования – на поверхности, и он предлагает понятный и буквальный образ сравнения главной героини с пантерой:

«Скорбь исчерпав полной мерой, – разъяренною пантерой,
Что скалой крадется серой, вот не солнце уж она.
Не луна, и не алоэ. Сел вдали я. В сердце – злое.
Сердце вдруг копье сквозное. Села. Хмурит взор. Грозна».
(Перевод К. Бальмонта)

Властная, влюбленная, умеющая править и желавшая царствовать, наполненная высшей добродетелью и красотой дочь царя Парсадана после убийства сына *хваразмши* и её пленения в цитадели зла приобретает в поэме как бы мистические черти. Поэт чаще прибегает к «невербализуемим словам» (ап. Павел), катафатической и апофатической лексике Псевдо-Дионисия Ареопагита. Путь в поисках Нестан-Дареджан становится своего рода универсальной аллегорией поиска Святого Грааля, Света во тьме, перекликаясь и с суфийской доктриной мистической любви. Поэт как бы переплетает в едином образе Восток

и Запад. Сказанное не всегда означает наличие прямых параллелей, либо точных совпадений, напротив, иногда поэт исходит от обратного, с сопоставительным материалом. Включается язык *воображения.* Подбор лексем становится предельно возвышенным, лаконичным, исключая описание бытовой и приземлённой детали, вкрапление бурлеска и юмора (они, в принципе, не чужды поэту). В память «о своей пантере» убытий горем влюбленный рыцарь носит барсовую шкуру, с черно-желтой цветовой гаммой (иногда сидит на барсовые шкуре), предается неописуемой печали после долгих, тщетных поисков возлюбленной. Барсовые одежды становятся символом трагической судьбы влюбленной пары, причиной неизбывной скорби, которую символизирует также желтый цвет.

Руставели меняет языковые средства синхронно с изменением сложной фабулы, вводя в поэму Фатман-хатун, богатую жену предводителя купцов Усэна. Следует отметить, что поэт «не жалуют» купцов вообще. Говоря словами одного из героев – Автандила, купцы «не владеют искусством войны», «трусливы», «не дорожат честью», «не умеют любить», «не выполняют обеты», стремятся лишь к земным благам, лишены рыцарских добродетелей и понимания смысла служения. Купеческий караван, с которым встречается странствующий Автандил, всячески оказывает ему содействие, в знак благодарности за спасение, но поэт слишком «скуп» на похвалу. Ему «помогает» и грузинский язык (купец, торговец в грузинском языке имеет пейоративное значение и близок к уничижительной семантике русской лексемы «торгаш»). Государство купцов устроено иначе, чем Аравия, Индия или Мугазанзария. На высшей ступени социальной лестницы в граде царя морей стоят правитель Мелик-Сурхав и правительница из купеческой среды, а после государя важнейшими фигурами и структурообразующими в иерархии являются предводитель великих купцов и его супруга, которая верховодит всеми влиятельными женщинами царства. Остальные, низшие сословия связаны с куплей-продажей, способствуют стяжанию богатства в этом красочном морском царстве. Фатман-хатун – знатная женщина из царства купцов – пленительная красавица с пышными формами, свободная и жизнелюбивая, любящая вино и песни, веселые пиршества, шелка и драгоценности. Иной мир – иные нравы. Её образ нарисован «ренессансными» красками. Она неверна мужу, и её адюльтер с Автандилом вызывает саркастическую оценку автора. Автандил «вынужден» пойти на близость с ней, дабы узнать тайну исчезновения «похищенного света», т.е. Нестан-Дареджан. Поэт подбирает лексику нижайшего порядка, Фатман-хатун — *нэзви* (груз. «свиноматка»), а её любовник — *ваци* (груз. «козёл»). Именно в её уста поэт вкладывает указанные лексемы. Сам Автандил сокрушается по поводу своей измены, сравнивая любовницу с вороной. Поэт трансформирует языковые средства, только тогда, когда рассказывает о возвышенных порывах души Фатман-хатун, и о её готовности к жертвам, во имя любви к ближнему. Противопоставление решено в языковом плане и служит отражением социокультурных представлений эпохи и этических взглядов автора.

Литература
[1] Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М., Европа, 2007.
[2] Гамсаурдия З.К. Язык образов «Витязя в барсовой шкуре». Тбилиси, 1991.
[3] Меиер Вайс. Библия и современное литературоведение. Метод целостной интерпретации. М., Мосты культуры, 2001.
[4] Мелетинский Е.М. Средневековый роман. М., Наука, ГРВЛ, 1983.

Особенности распространения постмодернизма в индонезийской прозе

Ершова Ю.С.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, переводчик кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии, juliaseptember@yandex.ru

В Индонезии постмодернистская проблематика стала предметом активного обсуждения довольно поздно. Постмодернизм начал интересовать исследователей в 1980-е годы, и в последующие десятилетия внимание к нему все больше возрастало: сначала со стороны философов и культурологов, позднее – литературоведов. Стоит отметить, что среди работ по постмодернизму до сих пор преобладают переведенные труды западных специалистов. Количество работ с анализом постмодернистской парадигмы на индонезийской почве все увеличивается. Однако они в основном суммируют результаты западных исследователей и носят скорее теоретический характер.

Литературоведческие исследования на местном материале в большинстве своем носят частный характер и имеют узкий объект изучения. Они рассматривают отдельные произведения конкретных писателей. В теоретических разделах этих работ со ссылками на авторитетные источники достаточно подробно описываются базовые характеристики постмодернизма. Как правило, авторы перечисляют художественные средства, характерные для постмодернистского литературного текста, а затем выявляют их в конкретном произведении.

Таким образом, выделяются лишь отдельные приемы, в целом частотные для постмодернистских текстов, в результате чего при внешней логичности и последовательности анализа в большинстве случаев выделенные элементы не сводятся к целостной картине, типичной для постмодернистской парадигмы.

Широкая трактовка постмодернизма на основе его выборочных характеристик приводит к тому, что к постмодернистам начинают причислять все более широкий круг авторов, включая тех, кто составил славу индонезийской литературы еще во второй половине XX века. Исследователи легко ставят знак равенства между постмодернизмом и любым нереалистическим художественным методом. Попытки классифицировать творчество прославленных писателей XX века как постмодернизм свидетельствуют не столько об их обоснованности, сколько о значительной востребованности

постмодернистской темы в исследованиях последних десятилетий. Но не только в исследованиях – постмодернизм интересен и творческой интеллигенции.

Писатели XXI века в своем большинстве принадлежат к среде, для которой знакомство с постмодернистской парадигмой было доступно благодаря образованности и путешествиям (у предыдущих поколений авторов такой возможности не было). Вопрос в том, насколько глубоко сложившееся у них представление о постмодернизме отражает его суть, и чем мотивировано стремление использовать его приемы. Так, индонезийская женская проза *састра ванги* регулярно дает литературоведам пищу к размышлениям о постмодернистском характере ее текстов. Но и здесь речь идет скорее лишь об элементах, соотносимых с художественной практикой постмодернизма, а не о целостной парадигме.

Важно, что отсылки к постмодернизму создают явно коммерческий литературный продукт, увлекательный, легко усвояемый, но с налетом интеллектуальной игры, где есть место иронии, коллажу, пародии и другим характерным постмодернистским приемам. Общеизвестна склонность постмодернизма к использованию кодов массовой литературы. В эпоху постмодернизма, стирающего грань между высокой (элитарной) и низкой (массовой коммерческой) культурой, последняя переживает подъем.

Внимание к постмодернистской проблематике все больше возрастает, и посредником между поэтикой массовой литературы и постмодернизмом выступает беллетристика. Специфика их соотношения и взаимоотношений может быть проиллюстрирована многими произведениями популярных индонезийских автором, среди которых далеко не последнее место занимают и писательницы *састра ванги*.

Несмотря на то, что в произведениях современной индонезийской прозы присутствие постмодернизма как целостной парадигмы зачастую оказывается непросто доказать, можно с полной уверенностью утверждать наличие достаточно большого массива текстов, включающих в себя определенные его элементы. Так как основой для создания беллетристического произведения может служить любой художественный метод, поэтика постмодернизма успешно используется индонезийскими авторами в качестве модели беллетристического повествования. Кроме того, для их творчества характерна ориентированность на широкую читательскую аудиторию и коммерческий успех. Использование узнаваемых приемов постмодернистской парадигмы в полной мере отвечает этим потребностям, и потому они широко применяются современными индонезийскими писателями.

Литература

[1] Черняк М.А. Массовая литература XX века: учеб. пособие / М.А. Черняк. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 432 с.
[2] Heryanto A. Postmodernisme: Yang Mana? // Kalam. Edisi 1, 1994. Hlm. 80-93.

[3] Heryanto A. What Does Post-Modernism Do in Contemporary Indonesia? Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia. Vol. 10, No. 1, Post-Modernism and Southeast Asian Scholarship (April 1995), pp. 33-44.

Роман «Атеист» Ахдиата Карта Михарджи (1949) в контексте мусульманской литературы Индонезии

Фролова М.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии, m.v.frolova@gmail.com

Ахдият Карта Михарджа – индонезийский писатель, проживший почти сто лет (1911–2010), известен прежде всего благодаря своему произведению «Атеист» 1949 года. Остроактуальная тематика романа позволяет ему сохранять позиции одного из самых значимых произведений индонезийской литературы и по сей день. Экранизация 1974 года знаменитого режиссера Суманджаи[2] не прошла цензуру; тем не менее, фильм считается одним из самых известных в его карьере. Режиссер учился в Москве с 1959 по 1965 год, год переворота в отношениях Индонезии и СССР после Движения 30 сентября и отстранения первого президента Сукарно от власти. Естественно, пристальное внимание роману уделялось именно в Советском союзе. В последнее время романом интересуются западные исследователи в связи с подъемом академического интереса к марксизму и феминизму. Эти аспекты идейной линии сюжета тесно связаны с главной провокацией для индонезийских читателей – безбожием героев. Атеизм неприемлем для граждан Индонезии, что регулируется государственной идеологией *Панчасила,* первый принцип которой – «Вера в единого Бога» (*Ketuhanan yang Maha Esa*). По сюжету, благочестивый мусульманин-*сантри*, Хасан, сунданец (как и сам Ахдият Карта Михарджа, рожденный в Гаруте, провинция Западная Ява), увлекается идеями марксизма под влиянием круга прогрессивно настроенных друзей. Его исповедь, основа романного текста, погружает читателя в подробности детства героя, выросшего в верующей семье сунданцев-аристократов. Эпизоды романа, посвященные семье и воспоминаниям о детстве Хасана, противопоставлены сценам про «бандунгский кружок» марксистов.

Несмотря на первое впечатление, что объект исследования – продукт прокоммунистической идеологии, столь популярной в Индонезии до 1965 г., дальнейшие рассуждения этот тезис опровергают. Роман о душевных терзаниях бывшего мусульманина тематически встраивается в категорию литературы мусульманской, рассчитанной на религиозные круги.

Предположительно, традиции мусульманского романа берут исток из назидательных трактатов-*зерцал* Нуруддина ар-Ранири («Сад царей») и Джаухари аль-Бухари («Корона царей») XVII в., времен расцвета Ачехского

[2] Суманджая (1943–1985) – отец писательницы и режиссера Джэнар Маеса Айю.

султаната. Главы трактатов подкреплены сурами Корана или хадисами. Истории в *зерцалах* противопоставляются «лживым повестям» (волшебно-авантюрным повестям *хикаятам*). Если традиционная мусульманская литература была адресована правителям и их потомкам и создавалась в воспитательных целях (т.е. была включена в орбиту *литературы адаба*), то в XX в. мусульманская литература прочнее сливается с литературой развлекательной и массовой.

Одним из создателей мусульманской популярной литературы считается писатель и общественный деятель под псевдонимом Хамка (от полного имени Хаджи Абдулла Малик Карим Амрулла, 1908–1981). Хамка – автор многочисленных литературных произведений, самыми известными из которых являются «Под сенью Каабы» (*Di Bawah Lindungan Ka'abah*), «Путешествие в Дели» (*Perjalanan ke Deli*) и «Гибель корабля 'ван дер Вейк'» (*Tenggelamnya Kapal van der Wijk*). В отличие от традиционных *зерцал*, рассчитанных на мужчин, целевой группой романов Хамки были женщины, преимущественно из религиозных семей. Его произведения были сентиментальны, в духе наивного реализма начала становления национальной индонезийской литературы, однако, не были в мейнстриме *адатных романов* об «отцах и детях», борьбе молодого поколения с отжившими традициями.

В качестве преемника 'флагмана' «мусульманского слезливого романа» Хамки можно рассматривать ангажированного писателя Хабибурахмана эль-Ширази (род. 1976, Семаранг, Центральная Ява). Автор получил широкую известность и признание в узких кругах. Многочисленные романы эль-Ширази повествуют о любови и чести, о грешном образе жизни и воздаянии. Бестселлер «Аяты любви» и его экранизация (*Ayat-ayat Cinta*, 2008) пропагандирует исламские ценности, жизнь по шариату, многоженство. Для текстов эль-Ширази характерно четкое разделение героев на плохих и хороших, в том числе заблудших, но вернувшихся на пусть истинный. В плане стиля это бедный язык, обилие штампов, клише однотипных названий. Действие эскапически переносится в Египет («Аяты любви»), в Москву («Земля Любви») и т.д. – декорации меняются, но сюжеты о воздаянии за грехи и добродетелях главных героев остаются.

«Атеист» Ахдията Карта Михарджи выделяется на фоне массовой мусульманской литературы. Сюжет и композиция также выстроены нетипично для своего времени – автор маскирует нарратив под автобиографию и исповедь, прочитанную писателем, рассказчиком номер два. Язык сложный, метафорический, в диалогах герои много говорят на нидерландском, языке индонезийской интеллигенции времен краха колонии. В отличие от ходульных персонажей Хамки и эль-Ширази, «Атеисты» Русли, Анвар, Картини и Хасан показаны в динамике, помимо своих функций образов-рупоров идей (Русли – марксизм, Анвар – анархизм, Картини – феминизм, Хасан – атеизм). Трактовка авторского позиции совершенно не сводится к торжеству марксизма. «Недаром этот роман долгое время был обязательной книгой для старшеклассников в Малайзии, где марксизм ныне под запретом» [1, 2014: 110]. Роман выдержал множество переизданий. Несмотря на провокационное название, сюжет

завершается раскаянием героя и его смертью с именем Аллаха на устах. Подобный драматизм «прощает» герою Хасану все грехи. Финал позволяет встроить роман в контекст индонезийской мусульманской литературы, главной идеей которой можно обозначить укрепление веры читателей.

Литература

[1] *Achdiat K. Mihardja.* Atheis – Djakarta: Dinas Penerbit Balai Pustaka, 1960. – 262p.
[2] *Сикорский В.В.* О литературе и культуре Индонезии – Москва: «Экон-Информ», 2014. – 496 с.

Публикации диалектальной поэзии как формат сохранения языкового многообразия Ирана

Громова А.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова,
старший преподаватель кафедры иранской филологии,
agromova@yandex.ru

«Родной язык – это мост между поколениями и средство передачи исконной культурной идентичности и комплекса традиционных знаний», – подчеркивается в статье, размещенной 21 февраля 2022 г. на сайте Информационного агентства Исламской Республики IRNA. «Местные языки напрямую связаны с автохтонными микрокультурами, – можно прочесть в тот же день на сайте иранского Гостелерадио IRIB, – и являются хранителями различных обычаев, традиций, систем представлений». Ведущие СМИ страны ежегодно публикует серию материалов, приуроченных к Дню родного языка, с целью привлечь внимание общественности к проблематике сохранения богатейшего языкового многообразия Ирана, в настоящее время оказавшего под угрозой исчезновения [2, с. 331-333].

В последние годы одним из основных направлений деятельности иранских языковых активистов стала организация мероприятий по популяризации народной поэтической культуры и фольклора, поскольку именно эта сфера представляется наиболее перспективной в плане расширения области функционирования исчезающих языковых разновидностей (идиомов) Ирана. Описание этих инициатив, в частности, проведение поэтических вечеров и последующая публикация диалектных стихов и фольклорных материалов на персоязычных сайтах, и анализ эффективности этих мер в контексте борьбы языковых сообществ за социальный престиж миноритарных языков и диалектов является основной целью данного доклада.

Объектом исследования стали публикации диалектных стихов на локальных интернет-ресурсах и направленные на поддержку местных языков и литератур репортажи центральных иранских СМИ (IRNA, IRIB, ISNA). Онлайн-издания

превратились сейчас в один из главных инструментов национальной политики языкового планирования, став важной площадкой как для документирования местных идиомов, так и для всестороннего обсуждения проблематики, связанной с необходимостью противостоять нивелированию лингвистического многообразия страны. Эти две тенденции: 1) расширение диалектного корпуса и научное изучение идиомов и 2) корректировка отношения в обществе к родному языку и его популяризация – считаются универсальными ответами на ситуацию языкового сдвига (наряду с пессимистичным сценарием, который может стать результатом бездействия).

Лучшими исполнителями фольклорных произведений и хранителями песенного наследия на местных языках традиционно являются представители старшего поколения носителей, и к ним прежде всего обращаются языковые активисты, занимающиеся документированием и возрождением миноритарных языков. Одной из распространенных мировых практик ревитализации является проведение фестивалей народной культуры и поэтических вечеров с исполнением стихов, коротких рассказов, песен, юморесок и сатирических скетчей [3: 97; 1:124-125]. Так отдельно взятому языковому сообществу гарантируется возможность продемонстрировать на публике красоту и благозвучие локального языка/диалекта и расширить его сферу использования, которая зачастую ограничивается домашним общением. Нередки случаи, когда спонтанная или предпринятая языковыми активистами публикация поэзии и фольклора на миноритарных языках в печатных СМИ предшествовала лексикографической фиксации диалектного материала [3: 115-116].

Сходные форматы работы можно наблюдать сейчас и в Иране, где языковая ситуация регулируется статьей 15 Основного закона, которая провозглашает свободу в использовании местных языков в СМИ и в изучении литературы на них в школе. Однако на практике главным фактором, определяющим изменение лингвистического ландшафта страны, оказывается все большее доминирование более престижного персидского, официального языка школьных учебников и деловой документации. На этом неблагоприятном для сохранения жизнеспособности миноритарных идиомов фоне проблемы диалектов все больше привлекают внимание как профессионального сообщества, так и широкой общественности.

Растет число специализированных журналов филологического профиля, доступных в национальных базах данных научной периодики (magiran.com, ensani.ir, sid.ir): «Филологические исследования» Гилянского университета, «Народная культура и литература») Университета Тарбийат-е модаррес, «Журнал иранистических исследований» Керманского университета имени шахида Бахонара и другие. В академических кругах изучаются литературы на местных языках/диалектах, в частности, типология народного песенного наследия [5], специфике развития отдельных жанров, например, особенности *добейти* и его место в системе народной поэтической культуры [4]. Издаются диалектные словари, содержащие – в полном соответствии с традиционным пониманием термина *фарханг* – не только словарные подборки и

объяснительный перевод на персидский, но и пословицы, поговорки, народные стихи, сказки, предания.

Ведущую роль в работе с общественным мнением играют интернет-СМИ, неизменно проводящие идею о необходимости преемственности поколений в деле сбережения культурного наследия предков. Среди мероприятий по поддержке местных языков и популяризации диалектного фольклорного наследия за февраль-март 2022 г. можно выделить:

1) праздник в честь дня родного языка в Такестане (остан Казвин), на котором дети читали стихи на тати, торки-азарбайджани, курдском и персидском;
2) музыкальный фестиваль героических народных баллад *шарвех* имени Файеза Дашти;
3) второй конкурс курдоязычных дикторов и чтецов «Шахнаме» в Керманшахе и Иламе;
4) фестиваль устной литературы остана Фарс (сбор видеоматериалов о праздничных и траурных церемониях, колыбельных, трудовых песен, исполняемых во время валяния войлока, молотьбы и других сельскохозяйственных работ).

В качестве примера локальных интернет-ресурсов остана Фарс, создатели которых ведут активную работу в направлениях: расширение корпуса и повышение статуса местных идиомов – можно привести сайт «Рождение Ларестана» (mldl.ir) и его публикации о проведении онлайн конкурса поэзии на лари, о фестивале народных сказок Ларестана, победителями которого стали школьники из городов Лар, Хур, Эваз, Бендер-Аббас, Эмад-шахр; о детском онлайн конкурсе сказительства в Эвазе.

Нередко в новостные заметки включается стихотворный материал. Так, репортаж о поэтическом вечере в честь дня Ларестана содержит большие цитаты из прочитанных на персидском и на лари стихов. Фольклорные материалы, стихи, заметки об изучении различных идиомов Ларестана регулярно публикуются в блогах местных языковых активистов, в том числе gapolap.blogfa.com/. При письменной фиксации лари используется арабо-персидская графика и огласовки, эта система еще не нормирована, стихи даются с переводом и без, иногда вместе с аудиофайлами. Видеоконтент: мультики для детей, клипы с декламацией стихов – в изобилии представлен на самом крупном национальном хостинге aparat.com.

Можно констатировать, что при все более широком использовании новых мультимедийных технологий именно популяризация фольклора и диалектальной поэзии, продолжающей развитие традиционной системы жанров, оказывается одним из главных перспективных направлений работы по сохранению исчезающего языкового богатства Ирана.

Литература

[1] Bel B., Gasquet-Cyrus M. Digital curation and event-driven methods at the service of endangered languages // Endangered languages and new technologies. M.C. Jones (ed). Cambridge: Cambridge University Press, 2015. Pp. 113-126.

[2] Modarresi Y. Sociolinguistics // The Oxford Handbook of Persian Linguistics. A. Sedighi, P. Shabani-Jadidi (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 329-346.
[3] Sallabank J. Attitudes to endangered languages: identities and policies. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
[4] Zolfeqāri H. Kārbord-o vižegihā-ye dobeyti dar anvā'-e adabiyāt-e manzum-e 'āmme // Adabpažuhi. 1394 (2015). 9 (32). 63-95. URL: https://adab.guilan.ac.ir/article_1379.html
[5] Zolfeqāri H., Ahmadi L. Gunešenāsi-ye bumisorudhā-ye irān // Adabpažuhi. 9 (32). 1388 (2010). 3 (7-8). 143-170. URL: https://adab.guilan.ac.ir/article_341.html

Обезьяны в ранних буддийских джатаках: образ до символа

Гурия А.Г.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник кафедры индийской филологии, agguria@mail.com

Жанр джатаки как истории о прошлом рождении Будды. Гетерогенность долитературных джатак палийского канона. Их функционирование как притч в составе буддийских проповедей. Животные сказки как один из источников сюжетов. Джатаки и эпос. Образы животных в санскритском эпосе. Особое место обезьян («Рамаяна», «Махабхарата»). Образ Ханумана.

Джатаки, сходные с бытовыми сказками. Быт отшельников-монахов и обезьяны-нарушители спокойствия. Фокусник и его обезьяна - образ злого наставника и сбежавшего ученика. Обезьяны, погубившие себя по глупости и любопытству.

Возвышенные образы обезьян в джатаках: сюжетная схема «животное лучше человека», самопожертвование животного ради других. Обезьяны наряду с оленями и другими животными как вариант этой схемы.

Арья Шура и его литературная «Гирлянда джатак» на санскрите (III-IV вв.): общая характеристика. Способы изображения животных в санскритской литературной джатаке (стандартное описание мудреца с небольшими деталями, относимыми к животному; статическое описание животного с использованием поэтических тропов-аланкар; динамическое описание поведения животного, без образов, в духе средневековой поэзии *джати*, т.е. описания предмета как он есть). Две джатаки об обезьянах в его сборнике (обезьяна спасает неблагодарного человека и прощает ему попытку убить ее; царь обезьян, став живым мостом между деревом и дальним берегом реки, ценой жизни спасает свое стадо от царской охоты). Два круга ценностно значимых для санскритской литературы образов, стоящих за этими двумя историями: праведник-*сант*, добрый человек из городской дидактической поэзии, который незлобив и сострадателен даже к злодею, вне всякого социального контекста; и великодушный царь, служащий примером для царя людей, поступающего противоположно ему и

пристыженного. «Джатака о буйволе» и динамичское описание поведения обезьяны, досаждающей герою; способ ее изображения и ее наказание в финале.

Харибхатта (IV-V в. н.э.) как автор придворного варианта жанра гирлянды джатак. Его взаимоотношения с Арья Шурой как ненавязчивое творческое соперничество, при попытке избежать прямых повторов и сравнений. Взаимосвязь джатак Арья Шуры и Харибхатты об оленях, о зайце. Отсутствие джатаки об обезьяне как главном герое. «Джатака о льве» и образы обезьян-просителей, детенышей обезьян, которые досаждают герою безобидными шалостями и которых он спасает от стервятника. Психологизация и сентиментальность в поздней джатаке. Описание детенышей обезьян и умилительные описания деревенских сценок и детей в средневековой поэзии малой формы, своего рода аналог европейской пасторальной поэзии. Смягчение образа животных в классической санскритской литературе.

Образ-символ: японская картина «обезьяны ловят луну в воде». Ее философский подтекст. Отсутствие символического смысла у образов обезьян в ранней буддийской джатаке. Взаимодействие и сравнение в ней обезьян и людей. Аллегория и реальность в сюжетах разбираемых джатак.

Образ «повелителя демонов» в современном японском фэнтези

Ковлеков К.И.
ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносов, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Восточные языки в средней школе»,
aevin.laelist@gmail.com

Для глубокого понимания и изучения фабулы произведений современного японского фэнтези важным является образ «повелителя демонов» или *мао:* (яп. 魔王). Образ «повелителя демонов» выступает одним из ключевых образов персонажей японского фэнтези, существующих со времени зарождения японской массовой культуры. В связи с этим раскрытие образа *мао:* представляется достаточно актуальным для изучения.

Термин *мао:* является исконно буддийским, обозначающим повелителя злых духов *мара* (буддийских демонов-искусителей). Данный термин также использовался при переводе на японский язык западных источников, таких как, например, произведения «Лесной царь» композитора Шуберта или «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкиена [1]. В японском фэнтези же *мао:* традиционно представал в образе «тёмного властелина» толкиенистского типа. Так, в раннем японском фэнтези *мао:* служит своеобразным олицетворением Зла и разрушительных сил, повелителем чудовищ и демонических существ. Однако за несколько десятилетий существования данный литературный образ претерпел значительную трансформацию. В последние годы стала проявляться динамическая тенденция отхода *мао:* от классического образа злого тирана к жизнелюбивому образу потешного инфантильного «вечного мальчика» и/или

трикстера-балагура. В то же время в данных трансформациях продолжает сохраняться ядро образа в связи с интеграцией статуса и злодейского модуса вивенди классического повелителя демонов [2].

Таким образом, «повелитель демонов» служит одной из центральных конвенций современного японского фэнтези. На протяжении существования – образ претерпел качественную трансформацию, вследствие инвенциональной деятельности авторов, стремящихся разнообразить фабулу произведений. В результате развития образ *мао:* постепенно превратился в один из элементов самобытности современного японского фэнтези.

Литература

[1] Онлайн-словарь японского языка. [Электронный ресурс]: URL: https://www.weblio.jp/content/%E9%AD%94%E7%8E%8B (дата обращения: 20.03.2022)

[2] Фусэ *Тэнсэй-ситара сурайму датта кэн* (с яп. «сказ о том, как я переродился в слизь») [Электронный ресурс] URL: https://bookwalker.jp/dedceb236a-e064-4092-893b-dffb8b661455/ (дата обращения: 20.03.2022)

Бинарность пространства в ранней реалистической драматургии Малайзии (1950-е –1970-е годы XX в.)

Кукушкина Е.С.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. кафедрой филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии, eskukushkina@iaas.msu.ru

В отличие от прозы и поэзии, малайская драматургия не имеет в своей истории периода традиционного развития. Возникновение этого литературного рода пришлось на середину XX века и не предварялось созданием каких-либо драматических текстов в период литературного средневековья. Ему предшествовало лишь бытование разнообразных народных зрелищ, а с последней трети XIX в. – представлений переходного типа (*бангсаван, бориа, газал*).

Одно из важных следствий подобного положения состоит в отсутствии канона, с которым литература вступает во взаимодействие в период перехода к современности. Это взаимодействие может носить разный характер – от сохранения определенной преемственности до полного негативизма, – но оно выступает точкой отсчета и мерилом происходящих новаций. Для малайской же драматургии точкой отсчета и объектом сравнения при изучении ее истории было ее взаимодействие не с традицией, а с поэтикой переходного коммерческого театра *бангсаван*.

Эта зрелищная форма сохраняла ряд существенных черт традиционных представлений: актерская импровизация на известный сюжет, стандартный набор персонажей и сцен, стилизация речи и движений героев. Вместе с тем,

поэтику *бангсавана* определяла его коммерческая природа: необходимость поддерживать зрительский интерес диктовала его постоянное стремление к новизне и, следовательно, его высокую адаптивную способность. *Бангсаван* был практически лишен сакральных функций, адаптировал для сцены широкий спектр местных и заимствованных сюжетов, а для своих интермедий использовал огромное разнообразие номеров. Кроме того, именно на сцене *бангсавана* в ответ на запрос аудитории началось движение к реализму, впоследствии подхваченное и развитое малайскими драматургами на протяжении 1950х-1970х годов.

Тем не менее, для описания литературного процесса применительно к драматургии сопоставление с театром переходного типа представляется недостаточным. Если в малайской литературе отсутствовал средневековый драматический канон, то в народных зрелищах, которые долгое время сосуществовали с развитием драматургии, находил воплощение канон фольклорный. Он очевидным образом наложил свою печать на реализм малайской сцены, придав ему определенную специфичность.

Одной из характерных черт малайских реалистических пьес является последовательная смена локации действия, заставляющая вспомнить мифологическую картину мира с ее дуальностью и основанную на ней композиционную структуру народных зрелищ. Наиболее характерны в этом отношении представления теневого театра малайского мира, в которых, как правило, ключевую роль играли чередующиеся сцены аудиенций при дворе антагониста и протагониста. В наиболее ранних пьесах малайских авторов это легко объясняется лежащим в основе фольклорным сюжетом. Например, в самой первой из изданных малайских пьес «Мегат Теравис» (*Megat Terawis*) Тех Фатимы Абдул Вахаб (1951) разворачивается история о похищенной принцессе, которую вызволяет и возвращает под отчий кров герой-богатырь. Однако тенденция чередования локации действия сохраняется и в дальнейшем, в творчестве более зрелых драматургов-реалистов.

Изданные в 1960-х гг. «Адвокат Дахлан» (*Lawyer Dahlan*) и «Горбун из Танджунг Путри» (*Si Bongkok Tanjung Puteri*) Шахарома Хусейна также демонстрируют перемещение сюжета из ‘царства добра’ в ‘царство зла’ и обратно. В первой пьесе это происходит на фоне современных реалий, во второй – в контексте событий XIX в., сохранившихся в предании о бунтаре-пирате и победившем его благородном воине. Перемещение места действия по этому же принципу происходит в период расцвета реалистического направления *teater moden* в произведениях его теоретика Калы Деваты (Мустафы Камала Яссина). В его самой знаменитой пьесе «Черепичная крыша, пальмовая крыша» (1963) намек на бинарность содержится даже в названии: благополучные, но бездушный город противопоставляется скромной, но человечной деревне. Аналогичное явление наблюдается в более поздних текстах: романтическом мюзикле Усмана Аванга «Юноша и Дева», созданном уже в 1972 г. и в бытовой драме «Петухи-куры» (1974) Малины Манджи (Бидина Субари).

Раздвоение мира на сферы благого (человеческого) и условно демонического, таким образом, сохраняется в малайской драматургии достаточно долго. Ситуация начинает меняться в середине 1970-х годов, когда подъем постреалистического театра меняет и характер взаимодействия драматургии с ее фольклорной предысторией.

Литература

[1] Awang, Usman. Sasterawan Negara. *Drama-drama Pilihan*. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 1987.
[2] Dewata, Kala. Atap Genting Atap Rembia. Kuala Lumpur, Dewan Bahasa dan Pustaka, 1968. –108 ms.
[3] Husain, Shaharom. Drama-drama. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 1991. – 700 ms.
[4] Manja, Malina. *Ayam Jantan Ayam Betina*. *Malay Literature 1995,* 8(1):102-263.
[5] Ahmad Kamal A., Hashim A., Ramli I., Sahlan M. S., Zakaria A. Sejarah Kesusasteraan Melayu. Jilid II // Sejarah Kesusasteraan Melayu / oleh A. Samad Ahmad. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 2006. Ms. 251-800.

Поэзия Синкити Такахаси как пример освоения дадаизма в Японии

Курочкин В.Г.
ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносов, старший преподаватель кафедры японской филологии, documents4vgk@gmail.com

Одной из основных задач доклада является вопрос о разграничении идеологического посыла европейского дадаизма с последующей интерпретацией его в Японии в контексте творчества поэта Синкити Такахаси (1901-1987). В докладе дана попытка установить, что сближает дада Синкити Такахаси с элементами философии дзен, и что отдаляет его, таким образом, от европейского дадаизма.

Редкая последовательность и преданность Синкити Такахаси созданному им образу воробья создаёт уникальную возможность оценить динамику и трансформацию его творческого сознания на большом промежутке времени с начала 20-х до середины 80-х годов двадцатого века. Многие исследователи, в том числе и Коити Иидзима однозначно интерпретируют и соотносят «воробья» Синкити с личностью автора. Однако эволюция этой метафоры может быть рассмотрена несколько иначе, если строго придерживаться дзенского нарратива в его творчестве.

Регулярные занятия дзен в храме Сюссэкидзи сформировали решимость принять монашеский постриг. То, чем он особенно заинтересовался, читая сутры, был один из основополагающих буддийских принципов - «Му-га» (Не-самость, отсутствие постоянной личности). Позднее, в эссе «Ничто» он пишет: «Не то, что бы у меня было абсолютное понимание, у меня было едва

формулируемое ощущение, что «это» - качественно иная идея, нежели то, о чём я читал в произведениях Ницше, Штирнера и Достоевского.

Синкити был знаком с идеями «Му-га» (отсутствие самости) и «Дзи-га» (самость) ещё до активного увлечения дадаизмом, что существенно отличает его от других представителей этого движения на Западе и в Японии. В эссе «От дада к буддизму» он пишет: «До знакомства с дада я уже был знаком с эготизмом Штирнера и буддийской философией отсутствия «Я». В эссе «Дада в Японии» отражена важная для понимания его творчества мысль: «Я думаю, что дада всего лишь эпигон первоначального дзен».

Можно сказать, что в дада Синкити увидел возможность приближения к идеальному с его точки зрения постижению вещей. Дада, словно природа Будды, есть возможность постоянной трансформации «Я» от вечно разделяемого умом бытия к великому единству, включающему в себя противоположности и несоединимые в профанном представлении вещи.

В отличие от утверждения нарочито нигилистического и вульгарного антиискусства из манифеста европейских дадаистов, сочинённого Р.Хельзенбеком от имени Тристана Тцара, Франца Юнга, Георга Гросса и др., где сказано: «дадаизм не противостоит жизни эстетически, но рвет на части все понятия этики, культуры и внутренней жизни, являющиеся лишь одеждой для слабых мышц», дада Синкити Такахаси связано одновременным порождением, анализом, синтезом абсолютного и одновременным его ниспровержением и уничтожением. Другими словами, западное дада, которое стремится предстать в облике Танатоса, неверно отождествлять с дада из манифеста Такахаси. В его манифесте «Дада видит во всём сущем личность». Дада из манифеста Такахаси не дихотомическая субстанция, а «группирующее абсолютное», и в то же самое время «взрывающее и крушащее» его.

Литература

[1] Долин А.А. История новой японской поэзии в очерках и литературных портретах: В 4 т. Т. 2. Революция поэтики // СПб.: Гиперион, 2007.
[2] Маслов А. А. Письмена на воде. Первые наставники чань в Китае // М.: Сфера, 2000.
[3] Такахаси Синкити зэнсю: дай 2 кан (Полное собрание сочинений Синкити Такахаси, том 2). Город: Сэйдося, 1982.
[4] Электронная библиотека «Нестор», Манифест дадаизма // URL: http://libelli.ru/works/dada18.htm

Текст и контекст в японской классической литературе

Мазурик В.П.
ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносов, доцент кафедры японской филологии,
mazurik52@mail.ru

Всякий, кто занимался историей словесности в традиционных обществах Востока, знает, что контекст в этой культурной среде играет значительно большую роль сравнительно с литературами Запада, особенно в новое и новейшее время. Отчасти это связано с большей устойчивостью моделей поведения в традиционном сообществе, однако важное значение могут иметь и другие факторы, особенно весомые, например, в японской культуре.

Она представляет собой явно не логоцентрический тип, столь привычный для нашего сознания, отчего, по справедливому замечанию А.Н. Мещерякова, в ней нет различия черновика и беловика. К тому же легко заметить, что текст в ней принципиально интертекстуален, а вся система текстов имеет прямое отношение к определенным социальным ритуалам и правилам, беспрерывно дополняемым и уточняемым.

Связано это и с непреодоленным в японском подсознании синкретическим образом мира, отраженном в особенностях японского дискурса по сей день. Именно это создает основные трудности для понимания и перевода текстов японской классической литературы, особенно в самом японском роде японской классической литературы – в поэзии.

Роман Нагиба Махфуза «Аулад харатина» (Сыны нашего квартала) в коранической перспективе: Иблис-Идрис

Налич Т.С.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры арабской филологии,
nalitchts@my.msu.ru

«Аулад харатина» (Сыны нашей улицы) нобелевского лауреата Нагиба Махфуза (1911-2006) – произведение, которое вызвало ожесточенные споры в египетском обществе и за которое шейхи ал-Азхара обвиняли его автора в ереси. Ведь в романе в аллегорической форме изложена мусульманская священная история, проблема соотношения религии и науки и высказывается идея о том, что наука, не сдерживаемая нравственными ограничениями, превращается в инструмент наживы.

Идея о том, что параллели образу Идриса следует искать в образе антагониста Всевышнего и врага рода человеческого, высказывалась неоднократно, например, об этом пишет переводчица и исследовательница творчества Нагиба Махфуза В.Н. Кирпиченко в предисловии к переводу романа [Махфуз, 1990, с. 10]. Интересно проследить конкретные аллюзии между

текстом романа и представлениями об Иблисе и его грехопадении, как они изложены в Коране.

Надо отметить, что в мусульманской священной истории есть пророк Идрис, который дважды упоминается в Коране (19:56-57; 21:85), но он имеет положительную характеристику, в отличие от героя романа Нагиба Махфуза.

Параллели между образами заметны на самых разных уровнях – и на уровне текста, и на уровне образов, и на уровне отдельных эпизодов. Всего необходимо рассмотреть три ключевых эпизода из первой части «Адхам», где история Идриса рассказывается в связи с историей его младшего брата Адхама. Первая часть имеет параллелью историю жизни и грехопадения первого человека и пророка Адама и историю грехопадения Иблиса.

В докладе содержится краткий пересказ романа, объясняется этимология некоторых имен, важных для понимания образа Идриса, и приводятся параллельные места из Корана, где рассказывается история Иблиса.

Литература

[1] Ал-Кур'ан ал-Каримени Каир: б.и., 1964.
[2] Кирпиченко В.Н. «Нагиб Махфуз – эмир арабского романа». М.: Наука, 1992.
[3] Коран. Пер. И.Ю. Крачковского. М.: Наука, 1990.
[4] Махфуз, Н. Серия «Мастера современной прозы». М.: Радуга, 1990.

Исторические личности в современной китайской литературе

Никольская С.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры китайской филологии, svetlana-nikol@yandex.ru

С древности до настоящего времени в Китае сохраняется тесная связь истории с литературой, а судьбы исторических личностей дают писателям импульс к творчеству. Героями произведений разных жанров у современных авторов становятся императоры, сановники, философы, ученые, литераторы. Особое место занимают необычные женщины, сыгравшие значительную роль в жизни страны. Внимание к жизни и деяниям подобных персонажей характерно не только для Китая. В литературе практически любой страны Запада и Востока можно найти произведения, сюжеты которых строятся вокруг исторических лиц. Но только в Китае возник и был претворен в жизнь лозунг: «Поставить древность на службу современности», а авторам беллетризованных биографий удалось сохранить связь с многовековой национальной традицией. Отношение современных писателей к древности и её знаковым фигурам неоднократно менялось на протяжении XX века. Например, в 20-30-е годы происходит десакрализация образов Конфуция, Мэнцзы, Лаоцзы, Чжуанцзы и древних правителей, к которым раньше относились с пиететом. В сборнике Лу Синя «Старые легенды в новой редакции» правители Бо И и Шу Ци, отказавшиеся от

власти и ушедшие в горы, чтобы не есть чужой хлеб, выглядят глуповатыми обитателями дома престарелых, далекими от реальной жизни («За папоротником»). Некий властитель судеб обвиняет Чжуанцзы в хулиганстве, а полицейский хочет его арестовать («Воскрешение из мертвых»). Конфуций привозит в подарок Лаоцзы вяленого гуся, а охранники на заставе рассуждают, как можно продать старые рукописи философа («За пограничную заставу»). В рассказе Го Можо «Застава Ханьгу» Лаоцзы представлен как великий обманщик, написавший книгу во вред людям.

Когда же речь заходит о литераторах, то во многих произведениях современных авторов звучат трагические ноты. Поэту Цюй Юаню (340-218 г. до н.э) в исторической драме Го Можо «Цюй Юань» приходится пережить не только унижения и арест, но и предательство ученика. Драматурга Гуань Ханьцина (1225-1320 г.), о котором рассказал Тянь Хань, за создание и постановку пьесы «Обида Доу Э» отправили в тюрьму, а потом в ссылку («Гуань Ханьцин»). Примечательно, что судьба драматургов, во второй половине XX в. обратившихся к далекой истории, также оказалась страшной. Так У Хань подвергся нападкам из-за пьесы «Разжалование Хай Жуя», в которой речь шла о сановнике эпохи Мин, осмелившемся открыто критиковать императора. В 60-е годы XX в. власти увидели в исторической пьесе намек на современность, и судьба драматурга была решена – он погиб в тюрьме. Та же участь постигла Тянь Ханя, не только как автора пьесы «Гуань Ханьцин», но и «Се Яохуань», о женщине-цензоре, критикующей «новую знать».

Писатели и драматурги часто и по-своему рассказывают о неординарных женщинах, имена которых стали нарицательными. Одна из таких героинь, Ван Чжаоцзюнь, находилась в гареме ханьского императора Юаньди и была отдана в жены вождю гуннов. Это событие, произошедшее в I в. до н.э., в XX в. нашло отражение в пьесах с одинаковым названием «Ван Чжаоцзюнь» у двух авторов – Го Можо (1923 г.) и Цао Юя (1978 г.). Го Можо сначала подробно рассказал о придворном художнике, авторе портретов всех обитательниц гарема. Ван Чжаоцзюнь отказалась платить за свой портрет и получилась самой некрасивой из них, поэтому император предназначил ее в дань гуннам. Художник понял свою оплошность, решил спасти девушку, к которой воспылал страстью, но она не приняла помощи и ушла из дворца. Император же приказал отрубить портретисту голову, хотя очень печалился, что лишился талантливого живописца. Так исторический факт лег в основу романтической пьесы.

У Цао Юя сирота Ван Чжаоцзюнь воспитана теткой, которая и отправила ее в императорский гарем, чтобы получить от этого разные привилегии. Красивая девушка с независимым характером не хочет сидеть забытой в «золотой клетке» и без колебаний становится претенденткой на роль жены вождя гуннов. Она уезжает на его родину, изучает местные обычаи и нравы, переживает неприятности, возникающие из-за интриг царедворцев, и в конце концов становится законной женой вождя гуннов, а их союз – символом единения двух народов. Здесь исторический факт – повод для глобальных обобщений.

Одиозными фигурами в китайской истории стали правительницы У Цзэтянь и Цыси. У Цзэтянь из фаворитки императора перешла в ранг законной супруги его сына, а после смерти мужа взошла на престол, низложив наследника. В 705 г. она была свергнута с престола. В литературных произведениях У Цзэтянь, как правило, представлена деспотичной и коварной и властительницей.

Цыси стояла у власти и определяла политику Китая почти 50 лет (1861-1908), но была не императрицей, а регентшей. Уверенная в себе, она безжалостно расправлялась с заговорщиками, которые становились на ее пути к безграничной власти. Личная жизнь «наложницы, изменившей судьбу Китая» вызывает большой интерес у современных писателей в Китае и на Тайване. А у китаянок, живущих в Европе и США и пробующих свои силы в литературном творчестве, «последняя императрица» стала героиней романов, написанных на английском языке.

Круг исторических лиц, которые становятся героями современных художественных произведений, достаточно узок. Основным критерием отбора является популярность в народе и традиционная связь с определенной политической или экономической ситуацией в стране. Однако, отношение разных авторов к одному и тому же историческому лицу может быть разным.

Пристальное, но специфическое внимание к истории наблюдается с конца 50-х до середины 70-х годов XX в. В это время активно проводятся параллели между прошлым и настоящим, а за историческими личностями видят своих современников. В XXI в. появляются не только исторические, но и псевдоисторические романы и повести, в которых доля вымысла преобладает над исторической достоверностью. Авторы подобных произведений подчеркивают, что важна не сама история, а понимание того, какие люди жили в те времена. Главным критерием оценки произведения для читателя должно стать ощущение, смог ли писатель передать дух эпохи.

Жанр пьесы-биографии в творчестве турецкого драматурга Тунджера Джюдженоглу (1944-2019)

Оганова Е.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры тюркской филологии, ova8@yandex.ru

В первой части доклада дается общее определение жанра пьесы-биографии. И. Прушковская относительно этого жанра в турецкой драматургии пишет: «В интерпретации биографического материала драматурги шли двумя путями: создание исторической или историко-биографической драмы с включением максимально реалистичных фактов и конструирование квазиисторического текста, в котором биографии мифологизируются и/или легендаризируются, а персонажи представляют из себя идеальных героев» [1, 98]. В первом типе пьес зачастую используются мемуары, письма главного героя или же – если таковые

имеются – отрывки из его произведений. При создании пьес второго типа может привлекаться непроверенная информация, не получающая подтверждения в письменных источниках.

Другой особенностью жанра биографии является то, что в них не описывается жизнь обычных людей. В центре произведений в жанре биографий стоит герой, который достиг успеха на каком-либо поприще, или же обладает некоей особенностью/особенностями, которые выделяют его на фоне остальных.

С точки зрения сюжета выделяются следующие типы пьес-биографий: универсальная биография, региональная биография, национальная биография, историческая биография и профессиональная биография.

С точки зрения хронологии изложения событий выделяются два типа пьес-биографий: линейная биография, когда события из жизни человека излагаются последовательно – от рождения до конца жизни, или от рождения до смерти, или с детства до старости; и ретроспективная биография, когда события излагаются от конца жизни героя к началу. Также существует достаточно большое количество пьес, в которых изображается один момент из жизни героя или одна жизненная ситуация. В то же время пьесы-биографии дифференцируются по «плотности» изложения событий, которые могут описываться с промежутком в один день, одну неделю, один год и т.д.

В турецкой драматургии пик интереса к этому типу пьес пришелся на период после 1980-х гг., особой популярностью пользовались пьесы о суфийском певце-ашыке Юнусе Эмре (XIII в.) и основателе Турецкой Республики (1923) М.К. Ататюрке.

Вторая часть доклада посвящена исследованию жанра пьес-биографий в творчестве известного турецкого драматурга Т. Джюдженогу: «Нейзен» (Neyzen, 1999) – об известном оппозиционном властям турецком поэте-сатирике Нейзене Тевфике к. XIX – пер. пол. XX в., «Сабахаттин Али» (Sabahattin Ali, 2003) – более позднее название «Кто убил Сабахаттина Али?» (Sabahattin Ali'yi Kim Öldürdü?) – об известном турецком писателе левых взглядов Сабахаттине Али пер. пол. XX в., «Мой Мустафа, мой Кемаль» (Mustafam Kemalim, 2009), «Че Гевара» (Che Guevara, 2007), «Брут, или убийство Юлия Цезаря» (Brütüs, Ya da Jul Sezar'ın Katli, 2016). Таким образом, из 5 пьес драматурга три посвящены национальным героям, две – интернациональным.

Рассматривается каждая из приведенных пьес, делаются выводы об общих закономерностях этого жанра, проявляющихся в творчестве Т. Джюдженоглу, в частности, устанавливается, что все рассмотренные пьесы представляют собой первый тип пьес-биографий, построенных на историко-документальном материале, письменных свидетельствах очевидцев, мемуарах и воспоминаний самих героев. Особенно отчетливо это проявляется в национальных пьесах-биографиях.

Примечательно, что во всех пьесах главным героем является борец за свободу, как правило, представитель левых взглядов, жизнь которого сопряжена с неимоверными трудностями на пути выполнения своих главных задач, и заканчивается трагически – герой умирает в расцвете сил, полный планов и идей

(кроме Нейзена Тевфика). Такой выбор главного героя корреспондирует с идейными установками самого Т. Джюдженоглу, который, как и большинство творческой интеллигенции Турции, был сторонником левых взглядов.

В этом проявляется одна из задач пьес-биографий: биография героя пьесы служит (особенно в период усиления цензуры и ограничения прав и свобод граждан) рупором гражданской позиции самого автора.

В творчестве Т. Джюдженоглу мы встречаемся с разными моделями реализации пьесы-биографии с точки зрения хронологии событий: от развернутого описания жизни героя начиная с его рождения и до самой смерти (С. Али, Че Гевара, Н. Тевфик), до наиболее значимых эпизодов из жизни героя (М.К. Ататюрк) и отдельно взятый фрагмент из жизни (Брут, или убийство Юлия Цезаря – драматическое действие в пьесе охватывает промежуток чуть меньше одних суток и завершается гибелью Юлия Цезаря).

Литература

[1] Прушковская, Ирина. Незамкненість канону: поетика турецькоі драматургіі. Киев, 2015 (на укр. яз.).

Современная арабская проза в контексте дискуссий о «мировой» и «глобальной» литературе

Осипова К.Т.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры арабской филологии, urjuwan@gmail.com

Многие восточные авторы на вопрос о повлиявших на них крупных писателях зачастую приводят схожий перечень: Маркес, Достоевский, Кафка и пр. Это подталкивает многих специалистов считать современную литературу восточных стран изобретением начала XX в. и даже продуктом переводов западной литературы. Но стоит ли сложный процесс становления национальной литературы настолько упрощать?

XXI в. стал временем новых авторов в литературе. Законы медийного пространства поменяли как писателей, так и читателей. Условия присуждения международных книжных премий, позиция крупных издательских домов, мнения соцсетей, умение общаться с аудиторией, изобилующие разнообразной программой международные книжные ярмарки – все это стало во многом определять тенденции литературного процесса. Это повлекло новые вопросы. Насколько современная национальная литература и вместе с ней локальные проблемы могут стать частью мировой литературы? Учитывая, что глобальный книжный рынок зависим от вкусов англоязычной аудитории. Действительно ли международные книжный премии, главным бонусом которых помимо призового фонда является перевод на английский язык, вводят локальное произведение, обладающее высокими художественными достоинствами, в оборот мировой

литературы? Или оно, как и многие похожие, пусть и необычные в начале, проявления глобализации будут в скором времени забыты? Наконец, стоит ли восточным авторам учитывать вкусы мировой интеллектуальной элиты, чтобы быть одинаково понятными и интересными и внутри страны, и вне ее?

Новые явления в литературном процессе совпали с очередным витком интереса критиков и исследователей к понятию «мировая литература». Отдельно стоит остановится на концепциях директора гарвардского Института мировой литературы, специалиста по сравнительной литературе Дэвида Дамроша. В частности, американский ученый различает глобальную литературу (безличные бестселлеры) и мировую литературу (национальная литература высокого качества). Последняя от переводов на другие языки и переноса в реалии другой читательской аудиторию только обогащается.

Помимо статей и книг под его редакцией вышла антология мировой литературы в шести томах, представляющая собой подборку отрывков произведений различных национальных литератур. Своего рода научно-популярная версия этой антологии "80 книг вокруг света" появилась в результате вынужденной социальной изоляции и перехода в виртуальный мир из-за пандемии в 2020 г. В этой обзорной книге по шедеврам мировой литературы нашлось место и арабоязычным произведениям. В главе «Каир-Стамбул-Маскат: истории внутри историй» включены цикл сказок 1001 ночи, роман «Ночи тысячи ночей» (1979 г.) Нобелевского лауреата египтянина Нагиба Махфуза и роман «Повелительницы луны» (2010 г.) единственной победительницы Международной Букеровской премии оманской писательницы Джохи ал-Хариси. В другую главу «Израиль/Палестина: чужаки в чужой земле» попало произведение Эмиля Хабиби «Невероятные факты об исчезновении Саʻида Аби ан-Нахс Неудачника» (1974 г.) и стихи палестинского писателя и активиста Махмуда Дервиша.

В данном докладе я предлагаю посмотреть, какое место отводят крупные исследователи арабским писателям и их литературной продукции в актуальной всемирной литературе.

Литература

[1] *Куделин А. Б.* Литературные взаимосвязи Запада и Востока в XIX в. и формирование концепции мировая литература // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (1993-2013). Т. 1. Санкт-Петербург, 2013. – С. 463-501.

[2] *Damrosch D.* What Is World Literature? Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2003. — XVI, 324 p.

[3] *Damrosch D.* Around the World in 80 Books. Pelican Books, London, 2021. – 471p.

[4] *Jacquemond R.* The Yacoubian Building and Its Sisters: Reflections on Readership and Written Culture in Modern Egypt // Popular Culture in the Middle East and North Africa. A Postcolonial Outlook Ed. by Walid El Hamamsy, Mounira Soliman. Routledge, New York 2012. – p. 223-236.

Первые «стихотворения в прозе» в литературе Китая (на примере публикаций в журнале «Новая молодёжь»)

Поспелова М.К.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, преподаватель кафедры китайской филологии, kardome@mail.ru

Журнал «Новая молодежь», первый номер которого вышел в 1915 г., стал ключевым периодическим изданием, благодаря которому сформировался новый облик общественной, культурной, литературной мысли Китая. Революционер Чэнь Дусю, главный редактор журнала, выступал за просветительскую роль публикаций, ставя задачу «воспитать молодежь». Именно молодежи, по мнению Чэнь Дусю и многих других авторов журнала (Лю Баньнун, Ху Ши, Шэнь Иньмо и др.), предстояло вывести Китай из прозябания, построить государство, где с уважением бы относились к личности, а угнетение, нищета, безграмотность навсегда бы ушли на задворки истории. Ввиду неспокойной политической обстановки в Китае после Синьхайской революции (1911 г.), засилью цензуры, авторы журнала пришли к выводу, что наиболее эффективно и безопасно для «воспитания молодежи» будет использовать не только статьи публицистического характера, но и художественные произведения, в том числе и поэзию. При этом публикация художественной литературы казалась авторам невозможной в том виде, в котором эта литература пребывала к концу XIX-началу XX в. Классическую китайскую литературу отличали строгая иерархичность, устаревший язык «вэньянь», обязательным было соблюдение формальных требований, свойственных каждому жанру.

К 1917 г. Чэнь Сыхэ, Ху Ши и Лю Баньнун подготовили статьи-манифесты, ставшие предвестниками «литературной реформы» 1919 г. В этих манифестах кроме указания на несостоятельность старых форм и тем классики поднимался также и вопрос о создании новых форм и жанров, что могло бы способствовать развитию литературы нового Китая. Так, Лю Баньнун в своем манифесте «Мой взгляд на литературную реформу» указал на необходимость поиска новых форм в литературе зарубежья, в первую очередь в западной традиции [2]. Сам Лю активно занимался переводами поэтических произведений зарубежной литературы, в том числе в специальных рубриках «Новой молодежи». В частности, литератор предлагал обратиться к прозопоэтической традиции, образцы которой, по его мнению, можно было найти в английской литературе. Лю Баньнун здесь очевидно совершил фактическую ошибку, учитывая довольно скромное место «стихотворений в прозе» в английской литературной традиции по сравнению с литературой Франции. Тем не менее в истории китайской литературной мысли именно Лю было впервые введено понятие «саньвэньши», то есть перевод-калька с английского «prose poetry» [1]. Чуть позже, в 1919 г. на страницах «Новой молодежи» в переводческой рубрике впервые было опубликовано стихотворение, отнесенное к жанру «саньвэньши» - перевод стихотворения в прозе «Иду в снегопад» автора Шри Парамаханса Тат,

напечатанного в 1916 г. в издании «Вэнити фэйр». С этой публикацией связан курьез – автором, которого Лю Баньнун принял за индийского поэта, оказался А. Кроули, известный английский мистификатор и идеолог оккультизма.

Вслед за этим появились авторские прозопоэтические публикации китайских авторов. Лю Баньнуна и Шэнь Иньмо более остальных участников поэтической рубрики «Новой молодежи» привлекла свободная от рифмы, однако не лишенная лирического и ритмического начал форма. Всего за годы существования поэтической рубрики журнала (1918-1923 гг.) этими авторами было опубликовано 9 «стихотворений в прозе» («Бойня», «Канун Нового года», «Снег», «Саньсянь», «Сестричка», «Белый тополь», «Осень» Шэнь Иньмо; «Скука», «Рассвет» Лю Баньнуна). Комментариев относительно жанровой принадлежности произведений в поэтической рубрике не было, поэтому сейчас следует учитывать в первую очередь китайские и западные источники по теории литературы и наиболее очевидные характеристики произведений, позволяющие соотнести их с жанром «стихотворений в прозе». В первую очередь, это краткость формы. Те «стихотворения в прозе» действительно отличались малым размером («Саньсянь» и «Снег» Шэнь Иньмо насчитывают всего лишь четыре прозаические строки). Другой важной особенностью прозопоэтических произведений в «Новой молодежи» является их публикация в виде прозаического текста. Возможно, отсутствие деления на поэтические строки в понимании авторов делало произведение более цельным, ведь лирическое начало или «лирическое событие» (термин В.И. Тюпа) раскрывалось в менее ограниченном пространстве текста [4]. Важной особенностью формы «саньвэньши» становятся ритмическая организация текста, отсутствие рифмы, привычной китайской классической китайской поэзии, а также многочисленные повторы, анафорические и эпифорические конструкции. С одной стороны, это увеличивает эмоциональное воздействие на читателя, а также помогает автору перейти от одного зримого или чувственного образа к другому, как, например, в стихотворении «Осень» Шэнь Иньмо:

Белый гречишник, красный гречишник, сколько дождей и ветров они простояли, а красный по-прежнему красен, и белый по-прежнему бел, не сломил гречишника стебли дующий ветер, не смыл его цвет неистовый дождь.

В «саньвэньши» можно также выделить определенный круг тем и специфику их раскрытия. В стихотворениях «Бойня», «Канун Нового года» (Шэнь Иньмо), «Рассвет» (Лю Баньнун) с разной степенью интенсивности авторы размышляют о человечности, о чувстве сопричастности к людям, в том числе незнакомым, пусть даже случайным попутчикам. В стихотворении «Рассвет» эта тема развивается на фоне определенного «лирического события» – путешествия лирического героя в поезде, а в стихотворении «Бойня» с помощью метафорического осмысления человеческой жестокости через образ скотобойни лирический герой приходит к восклицанию-просьбе о сострадании. В стихотворении «Сестричка» (Шэнь Иньмо) автор размышляет о горечи потери, где лирический герой даже после смерти родного человека пытается найти следы его пребывания в земном мире.

Важное место среди прозопоэтических публикаций занимаются пейзажные зарисовки. В таких произведениях «лирическим событием» становится пребывание героя в определенной картине, примечательной своей необычностью или уединенностью. Это может быть усыпанный снегом город, заросший сад или постоянно меняющийся пейзаж за окном вагона.

Несмотря на то, что это были лишь первые «пробы пера» китайских поэтов в новом жанре, тем не менее, как современники, так и последователи в основном высоко оценивали художественную ценность этих публикаций. «Новая молодежь» и его поэтическая рубрика не ограничивали авторов в их творческом поиске. Особая выразительность, искренность, эксперименты авторов в построении поэтического хронотопа заслужили внимание исследователей, а поэтическая рубрика «Новой молодежи» сыграла консолидирующую роль для поэтов-новаторов.

Литература

[1] Hockx M. Liu Bannong and the forms of new poetry // Journal of Modern Literature in China. №3.2. 2000. с. 83-117.
[2] Лю Баньнун. Во чжи вэньсюэ гайлян гуань (Мой взгляд на литературную реформу) // Синь циннянь. 1917. №3. с. 162-172.ё
[3] Синь циннянь (Новая молодёжь). 1915-1923. Оцифрованные экземпляры журнала.
[4] Тюпа В.И. Стихотворения в прозе: проблема жанровой идентичности. [Электронный русурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stihotvorenie-v-proze-problema-zhanrovoy-identichnosti

Современная турецкая «темная фэнтези»

Репенкова М.М.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. кафедрой, профессор кафедры тюркской филологии, mmrepenkova@rambler.ru

В 2000-е гг. в турецкой литературе наблюдается небывалый рост произведений, относимых к жанру фэнтези, зарождение которого пришлось на 1990-е гг. В отличие от научной фантастики, в которой необыкновенные события объясняются с научной точки зрения, в фэнтези сверхъестественное связывается с волшебством, прочно располагающимся среди повседневности.

Однотипность модели мира в фэнтези не исключает разнообразия ее субжанров или жанровых форм. В турецкой фэнтези можно наметить по крайней мере три большие группы произведений, различающиеся по представлению «сверхъестественного» в реальной действительности. На первом месте по количеству имен писателей, обращающихся к данному субжанру, стоит «городская фэнтези» – романы Садыка Йемни, Гюндюза Огюта, Ахмета Азиза Чонгарлы, Фунды Озлем Шеран, Гюльшан Эликбанк, Догу Юджеля, Зафера

Сёнмеза и др. Здесь «сверхъестественное» входит в современную городскую жизнь, наполняя ее совершенно новым, необычным содержанием. На втором месте стоит менее многочисленная фэнтези «меча и волшебства» или «героическая фэнтези» Барыша Мюстеджаплыоглу, Оркуна Учара, Альпа Араса, Гектуга Джанбаба и др. В ней чудеса происходят в выдуманных странах среди выдуманных народов, облаченных чаще всего в средневековый антураж (замки, дворцы, короли, рыцари, султаны, янычары и т.п.). На третьем месте находится фэнтези, которую обычно именуют «ужасной» или «черной/темной» (от английского названия dark fantasy). Этот субжанр фэнтези еще только начинает развиваться в турецкой литературе. Поэтому можно назвать лишь одного его представителя Сайгына Эрсина. Волшебство входит в современную жизнь в виде борьбы добрых и злых волшебников. Своими корнями «темная фэнтези» восходит к тюркскому фольклору и исламской мифологии.

В романной дилогии Сайгына Эрсина (род. 1975) «Закон Зюльфикяра» (Zülfikar'ın Hükmü, 2005) и «Буря Сорока» (Erbain Fırtınası, 2006) борьбу ведут семь добрых волшебников (Оджак Семерых), учеников Мудрого Локмана с «темными» силами, овладевшими тайными письменами Мудрого Локмана и мечом пророка Мухаммеда Зюльфикяром. На стороне «темных» выступает и исмаилитский лже-Орден/Тарикат Аламут, руководители которого лже-Великий имам Хасан, адвокат Бехзат Танер, Бехрам занимаются продажей наркотиков и оружия. Руководители Тариката Аламут захватили письмена Мудрого Локмана с помощью преданных федаи-смертников, чтобы произвести эликсир бессмертия, способ приготовления которого зашифрован в этих письменах. На стороне Тариката Аламут выступает и племя Ночных вампиров, издревле живущих в Стамбуле.

Хронотоп дилогии С. Эрсина несет в себе оттенок двоемирия. Пространство локализуется вокруг двух городов – Стамбула и Анкары, в которых любой объект имеет двойственный характер. Время, как в сказках, может сворачиваться и разворачиваться в соответствии с действиями персонажей. Но в целом в «темной фэнтези» С. Эрсина основной акцент делается на пространственной составляющей хронотопа.

Система персонажей в дилогии во многом заимствована из волшебной сказки. Главные герои – семь добрых волшебников, которые согласно фольклорной традиции, обладают одновременно двумя сущностями – человеческой и демонической. Все они, кроме их наставника Мудреца Локмана, являются выходцами из обычного, человеческого мира. Но они обретают сверхъестественные компоненты души во время прохождения инициации.

Литература

[1] Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). М.: Изд-во МГУ, 1999. 308 с.

[2] Репенкова М.М. У истоков современного турецкого фэнтези // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2021, т. 14, вып. 3. С. 691 – 697.
[3] Софрон Е.А. Поэтика городского фэнтези в русской литературе XX – начала XXI веков. Диссертация на соиск. уч.степ. доктора филологических наук. Саранск, 2021. 437 с.
[4] Ersin S. Erbain Fırtınası. İstanbul: KaraKutu, 2006. 390 s.
[5] Ersin S. Zülfikar'ın Hükmü. İstanbul: KaraKutu, 2005. 373 s.
[6] Uğur V. Türk Edebiyatında Fantastik Roman//Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, 2011. S. 133 – 154.

Двуликий дервиш: интерпретация образа в персидской поэзии XI–XIV вв.

Рейснер М.Л.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры иранской филологии, marinareys@iaas.msu.ru

Дервиш как сложившийся образ обязан своим закреплением в персидском поэтическом лексиконе в первую очередь литературному творчеству представителей суфизма. Именно суфийская литература с ее апологией нищенства создала особый ореол святости вокруг странников, живущих подаянием и равнодушных к мирским благам. В настоящей работе интерпретация этого образа рассматривается на материале газелей XI–XIV вв., поскольку именно в лирике этот образ и связанные с ним мотивы кристаллизовались и получили двойственную интерпретацию.

В ранних образцах суфийской газели, относящихся к XI в., дервиш оказывается объектом восхваления в рамках проповеднической и назидательной тематики, развивавшейся на основе традиционного жанра *зухдийат* («аскетическая лирика»). В этом жанре начиная с ранних арабских образцов сильны были мотивы осуждения тщеты мирской и людских пороков, быстротечности земной жизни и равенства всех людей независимо от социального статуса перед лицом смерти. Развитие этих мотивов в суфийской поэзии сформировало идеал дервиша-отшельника, мудрого и праведного, равнодушного к любым соблазнам и чуждого телесным страстям. Дервишество складывается в особое сочетание доктринальной теории нищенства как одной из составляющих мистического пути к Богу и реального образа жизни определенного круга суфиев, представлявших собой бродячих проповедников и не имевших личного имущества. В дошедшей до нас газели Абдаллаха Ансари, одного из ранних персоязычных суфийских теоретиков и поэтов, автор славословит дервишей как носителей совершенных качеств натуры – воспитанности, кротости, преданности, нравственной чистоты:

«Прекрасен тот час, когда в уединении встречаются дервиши,

От поминания Истины процветает достойное дело дервишей.
*Они – **нищие**, идущие к небесам, они – **неимущие**, что живут, как ангелы,*
Подобны водам Каусара и Замзама[3] тайны дервишей» [1, с. 97].

В контексте цитируемой газели дервиши существуют в едином семантическом поле с «нищими» и «неимущими», в то же время подчеркивается их обладание сокровенным знанием. Сравнение с ангелами дает нужный смысловой оттенок всему перечню достохвальных качеств дервишей. Далее Ансари рассуждает о том, что общение с ними дарит радость, что их облик светозарен («… [исходят] от чистого света Преславного лучи дервишей»). В тексте Ансари мы имеем дело с панегириком, сложенном в регистре назидания, поскольку дервиши – пример следования для стремящихся к духовному совершенствованию. Близкое к газели Ансари по смыслу и пафосу стихотворение можно найти у Баба Кухи Ширази. Его лирика, в которой доминирует любовная тематика в религиозно-мистической интерпретации, предположительно относится к тому же раннему этапу становления суфийской поэзии. Одна из его газелей, сложенная во славу мистиков, познавших Истину (*‘арифан*), выбивается из общей тематической линии его лирики. Несмотря на присутствие мотивов любви к Богу как к Другу, она содержит характеристики качеств нищих отшельников, пребывающих в чистоте и отрешенных от мира, т.е. отсылку к той же семантической парадигме, в которой даны качества дервишей в газели Ансари:

«Они – постники нашего времени, они – столпники ночей,
Покорны они закону (шар‘) Мустафы (Пророка).
*Поскольку они стали **нищими** Величия,*
Свободны они от гордыни и лицемерия.
Каждый их вздох наполнен Любовью,
Где бы они ни были, пребывают с Богом…
Словно солнце, они сияют днем,
Темной ночью их лики, словно луна» [2, с. 37- 38].

Газели, сложенные в хвалебной тональности и имеющие дидактическую направленность, лишены подтекста и воспринимаются в буквальном значении, т.е. текст не содержит никаких дополнительных коннотаций. Такие стихи являются продолжением проповеди, в семантическом поле которой дервиш оказывается синонимичным совершенному мистику (*‘ариф*), приобщившемуся к божественным тайнам.

По мере развития особого иносказательного языка суфийской лирики в ее тематическое поле вовлекаются все новые блоки мотивов традиционного репертуара. Помимо любовных, мистическое истолкование обретают и мотивы пиршества, вина и винопития, принадлежащие жанру *хамрийат*. В рамках этих поэтических контекстов развивается совершенно иная интерпретация образа дервиша, помещенного в ряд обитателей квартала городских трущоб – Харабата,

[3] Каусар и Замзам – названия райских источников.

где находят пристанище те, кто не соблюдает норм внешнего благочестия, зато внутренне искренне предан любви к Богу. Эти городские «маргиналы» в языке газели характеризуют разными терминами, которые в их в буквальном, словарном значении имеют отрицательные коннотации – гуляки, пьяницы, плуты, чернь, подонки и т.д. Одним из ключевых в этом семантическом ряду оказывается слово *ринд*, объединяющее практически все перечисленные значения. В иносказательном же смысле речь идет о мистиках, нелицемерно преданных Богу, о «людях внутреннего знания» (*ахл ал-батин*). Формируется тот тематический тип газели, который стали называть *газал-и риндана*, т.е. «газели о риндах», «газели в духе риндов». Этот тип газели с полным правом можно назвать «персонажной» лирикой. Именно в ее контекст попадает дервиш в газели ‘Аттара:

«Харабат полон *риндов*, предъявляющих право пить до дна,
Среди таких, как вы, хоть одного такого *ринда* покажите.
Я всех этих несчастных *риндов* вижу влюбленными,
А меж вами хоть одного такого искреннего влюбленного покажите…
Поскольку *айары* остались раздетыми среди собрания **дервишей**,
В этой бескрайней долине (*вади*) хоть одного *айара*[4] покажите.
[Жажда] славы и [страх] позора, притворство и уловки приводят лишь к падению,
Хотя бы одного, нелицемерного, подобного *каландарам*[5], покажите» [3, с. 378-379].

В дальнейшем при несомненном преобладании второго, иносказательного типа газели в период наивысшего ее расцвета в творчестве Саади и Хафиза (XIII–XIV вв.), дидактическая линия в репертуаре также сохраняется. Достаточно обратиться к газели Хафиза, отсылающей к тексту Ансари и начинающейся словами: «Сады вышнего рая – укромная обитель дервишей, // Источник величия – служение дервишам…» [4, с. 345-349]. В рамках *газал-и риндана* дервиш входит в новый семантический круг и обретает статус одного из персонажей, населяющих мир Харабата. В этой связи можно прийти к заключению, что в традиционной поэтической системе актуален не только «жанровый образ автора» (Л.Я. Гинзбург), но может появиться и «жанровый образ персонажа».

Литература

[1] Жуковский В.А. Песни Хератского старца. – Восточные заметки. СПб., 1895. – 113 с.
[2] Баба Кухи Ширази. Диван. – Изд. 2-е. Шираз, Кетабфоруши-йе мо‘арефат, 1332 (1954). 128 с. (на перс. яз.)

[4] *Айарами* (бук. «хитрец», «ловкач», реже «бродяга») в средневековом Иране называли представителей низших сословных корпораций, объединявших молодых людей без определенного профессионального статуса, нередко используемые как наемники. Наиболее полные сведения о них содержатся в средневековом персидском дидактическом сочинении «Кабус-наме» (XI в.)
[5] *Каландар* – странствующий аскет, по лексическому значению термин близок к слову «дервиш».

[3] ‘Аттар, Фарид ад-Дин. Диван. Предисл. и коммент. М. Дарвиш. – Изд. 2-е. Тегеран, Сазман-е чап ва энтешарат-е Джаведан, 1359 (1981). – 678 с. (на перс. яз.)
[4] Пригарина Н., Чалисова Н., Русанов М. Газели Хафиза в филологическом переводе. Часть 1. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. – 609 с.

Японские легенды о «синих прудах»

Садокова А.Р.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры японской филологии, sadokova@list.ru

В японском фольклоре особое место занимают легенды и предания, связанные с рельефными особенностями страны: горами, реками, озерами. Многим из них, в действительности очень красивым и необычным, приписываются особые, нередко божественные черты. Отсюда и рождение огромного количества фольклорных этиологических повествований, объясняющих те или иные удивительные особенности рельефа Японии.

В этой связи несомненный интерес представляют так называемые «синие пруды» Японии. Это реальные водоемы, находящиеся в разных уголках страны, объединенные единым качеством: их вода имеет необыкновенный цвет. Народные повествования о «синих прудах», включают в основном произведения несказочной прозы – легенды и предания. Тексты связаны с конкретными прудами и бытуют, как правило, в границах местности. Тем не менее, все вместе они формируют своеобразный общенациональный фольклорный цикл.

Для некоторых из прудов сочетание «синий пруд» стало общеизвестным гидронимом. Таковым является Синий пруд на острове Хоккайдо, вода которого содержит алюминий, серу и известь. Особое их сочетание с прозрачностью воды и белыми камнями, лежащими на дне, создает эффект ярко-синей воды.

Конечно, народная традиция не полагалась на научные объяснения, а приписывала появление воды столько необычного цвета деятельности божественных сил. Именно поэтому у каждого «синего пруда» в Японии есть свои боги-хранители: в этом качестве выступают как значимые божества японского синтоистского пантеона, так местные духи-покровители. Изменение цвета воды (например, от светло-синего до чернильного) связывали с настроением богов, рассматривали как предостережение или весть от божественных сил. Об этом сохранилось много местных преданий.

Современные японские городские легенды продолжают фольклорную традицию. Особая божественная энергетика «синих прудов» в фольклорной интерпретации передается и тем прудам, которые стали объектом поклонения сравнительно недавно. Можно вспомнить в этой связи Пруд Моне в синтоистском храме Нэмити-дзиндзя в преф. Гифу. Почитатели творчества

великого живописца решили на храмовом пруду воспроизвести подобие картин мастера, тех, на которых изображены кувшинки, высадив и в своем пруду водные лилии. Рассказывается, что пруд стал синим, а цветы и листья сами расположились в нем таким образом, что он стал абсолютной копией полотен Клода Моне.

О божественной составляющей «синих прудов», согласно японской фольклорной традиции, свидетельствует и особая их прозрачность, благодаря которой достигается необычное отражение всех объектов, находящихся на берегу, чаще всего деревьев. Возникающее ощущение единства реальности и отражения издавна также считалось в японских легендах проявлением присутствия местных богов.

Благодаря связи с божествами вода «синих прудов» почиталась священной. Как полагали, на ней боги готовили пищу. Обычные же люди считали ее целебной и использовали в местных обрядах.

Категория произведения в «Оде о литературе» Лу Цзи

Семененко И.И.
ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова, доцент кафедры китайской филологии, yise@yandex.ru

«Ода о литературе» *Вэньфу* 文赋 Лу Цзи 陆机 (261-303 гг.) является одним из самых изучаемых памятников поэтологической классики Китая. И в разряд стереотипов уже давно перешло утверждение о том, что ее главной темой выступает литературное творчество. Но при этом из анализа исследователей, как правило, выпадает то, ради чего, собственно, и затеивается само творчество: литературное произведение. Именно категория произведения в поэтике оды занимает одно из центральных мест. Даже перевод *Вэньфу* как «Ода о литературе» (или «Ода изящному слову» в перев. В.М. Алексеева) с этой точки зрения не совсем точен, поскольку в самой оде под *вэнь* 文 подразумевается прежде всего «литературный текст», «литературное произведение», что позволяет перевести ее название еще и как «Ода о литературном произведении».

Как известно, эта категория возникает в поэтике не сразу, а формируется в течение достаточно длительного времени. В Китае даже в эпоху Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), при массовом появлении отдельных авторских произведений, она в литературной мысли еще специально не выделяется и только в оде Лу Цзи становится полноценным предметом рефлексии. Об этом свидетельствует уже само разнообразие обозначающих ее терминов: отмеченный выше *вэнь* и близкий к нему *вэньчжан* 文章, а также *пянь* 篇(исходное значение: «связка бамбуковых планок»), *чису* 尺素 (досл. пер.: «белый шелковый свиток длиной в *чи*»), *цзы ши* 兹事 («это дело, событие»), *цзы у* 兹物 («эта вещь»). То, что речь идет о художественном словесном произведении подтверждается тем, что в ряде случаев оно метонимически и метафорически обозначается как «стиль» *цзао* 藻,

«рифма» *юнь* 韵, «завитки из самоцвета» *цюнфу* 琼敷, «подвески из нефрита» *юйцзао* 玉藻 и т.п.

Произведение входит и в тему оды: создание литературного произведения, и в ее проблему: «Как должно создаваться совершенное литературное произведение»? В нем Лу Цзи видит также исходную единицу литературы, по существу, утверждая, как и Гегель много веков спустя в Европе, «необходимость теоретического движения не от видов искусства и жанров к реализующему их конкретному художественному произведению, а, наоборот, от природы произведения как исходной точки и основания к классификации всех художественных – в том числе и жанровых – форм [3, с. 30]. Собственно, такое «теоретическое движение» мы наблюдаем в основной части оды: автор идет от создания произведения в строках 1-70 (далее перед номером будут указываться как «стр.») к описанию и классификации воплощающих его стилистических форм и жанров (стр. 70-98).

Внешняя определенность произведения у Лу Цзи фиксируется четким выделением его начала и конца. Более того, хотя намечается предварительный набросок произведения (стр. 33-44), но за ним вполне явственно следует переход к написанию уже полного текста (стр. 47, 48). И автор не менее ясно отмечает обязательное наличие «окончания произведения» *чжун пянь* 终篇 (стр. 217). Еще важнее этих внешних маркеров наиболее общее определение произведения как законченного в себе, самодостаточного художественного целого (см. [1, с.17; 3, с. 23; 4, с. 422]. Дефиницией такой целостности Лу Цзи занят, по существу, на протяжении самой большой IV части оды (стр. 99-186). Это сквозная взаимосвязь и последовательность на уровнях концепции *ли* 理 или идеи *и* 意, языка *цы* 辞 и музыкальности *инь* 音 . Выделяются общие для всех этих уровней последовательные ступени или виды органического единства, начиная с исходной, наиболее общей по объему беспримесной целостности – «чистоты» *цин* 清 , которая разворачивается в ряд все более содержательных видов: «отклика» *ин* 应, «гармонии» *хэ* 和, «печали» или «сильного чувства» *бэй* 悲, «возвышенности» *я* 雅 и «очарования» *янь* 艳. «Очарование» становится у Лу Цзи высшей ступенью художественной целостности произведения.

Эта внутренняя целостность произведение предполагает соответствие выходящей за его рамки целостности мира. Произведение, будучи обособленным, даже автономным, с ограничением по теме благодаря «отбору идей» (стр. 33), производимому при разработке художественного замысла, оказывается обязательно соотнесенным в содержательном плане со вселенной, представляя ее в сокращенном виде, в миниатюре. Это становится одним из неоднократно повторяющихся мотивов оды: «Обозреваю за мгновение прошлое и настоящее, касаюсь в один миг всего в пределах четырех морей (стр.31, 32). ... Вмещаю в формы небеса и землю, осаживаю тьму вещей на кончик кисти (стр. 47, 48). … Вмещает дальние края на свитке в *чи* [длиной] …» (стр. 63; здесь и далее в перев. автора по [2, с. 350-351]). Следовательно, такой существенный признак категории произведения, определяющий его как содержательно

«соотнесенного со “всем”» [1, с. 17], наряду с другими, получает у Лу Цзи достаточно полное теоретическое осмысление. Эта художественная целостность произведения, его обособленность и в то же время соотнесенность с миром способствует тому, что произведение может представлять всю литературу, «являть образ поэзии» (Там же), каким оно тоже видится в оде. О том же свидетельствует легкость в обмене значениями «произведение» и «литература» в понятии *вэнь* 文.

Художественная целостность произведения становится также необходимым коррелятом индивидуального авторства. Их осознание находится в прямом соответствии друг с другом. Если под целостностью понимать «сквозную связность» частей, которая управляется автором благодаря наличию у него «наблюдательной точки зрения над произведением» [Там же, с. 13], то наличие такого авторского управления становится и у Лу Цзи необходимым условием создания целого завершенного текста: «Проверь до мелочей, что по заслугам всего выше или ниже, определи до кончика ворсинки, что убрать или оставить. И если точно мерить кройку (метафора написания – *И.С.*), тогда поистине, как по отвесу, все непременно будет надлежащим» (стр.119-122) [2, с. 352, 353]. Или другой пример: «Поставить полуслово, но в весьма важном месте – это удар кнутом для всего произведения. Хотя во всех словах [произведения может] быть порядок, но только на основе этого достигают результата» (стр. 127-130) [Там же, с. 353]. Целостность или беспримесная «чистота» проявляется также в заботе Лу Цзи об оригинальности, когда он говорит о необходимости устранения даже невольного плагиата, нечаянных заимствований, наносящих вред нравственному престижу автора: «Но когда в том, что я наметил (имеется в виду написанное – *И.С.*), нет отличия, и оно невольно схоже с каким-то давним сочинением, пусть даже у меня в груди челнок с катком (метафора ткачества как творческого процесса, т.е. автор сам творчески, независимо от предшественников создал эти строки – *И.С.*), боюсь, чтобы другие в этом не предшествовали мне. И если оно ущемляет бескорыстие и справедливость, хотя и сожалея, обязательно его отброшу» (стр. 137-142) [Там же].

В целом акцент на создании произведения способствует сосредоточению Лу Цзи на чисто эстетических аспектах словесности и выявлению ее особенностей. Этому посвящена вся основная часть оды, а что касается функциональности, воспитательного значения литературы и подобных вопросов, то им отводится небольшая концовка, которая представляется в какой-то степени отделенной, даже несколько обособленной от остального изложения.

Литература

[1] Аверинцев С.С. Категория произведения в риторическую эпоху // Теория литературы. Т. II. Произведение. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 7-19.

[2] *Вэньсюань* (Литературный изборник). Сост. Сяо Тун, коммент. Ли Шаня. В 2т. Т. 1. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1959. С. 349-357.

[3] Гиршман М.М. Становление понятия «художественная целостность» и его современное значение // Теория литературы. Т. II. Произведение. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 20-58.
[4] Палиевский П.В. Художественное произведение // Теория литературы. Кн. 3. Основные проблемы в историческом освящении. Стиль. Произведение. Литературное развитие. М.: Наука, 1965. С. 422-442.

Художественные особенности новелл Пу Сун-лина (1640—1715)

Сторожук А.Г.
Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры китайской филологии, a.storozhuk@spbu.ru

Творчество Пу Сун-лина (蒲松龄, 1640—1715) известно за пределами Китая, благодаря, прежде всего, его собранию новелл «Ляо Чжай чжи и» (聊斋志异, Странные рассказы из Кабинета Неудачника). Это собрание переиздавалось в течение XIX и XX вв. в Китае бессчётное количество раз и в самых разных вариациях: с иллюстрациями, комментариями, в виде адаптированной выборки, ксилографически, литографически и т. п. (одно из наиболее известных литографических изданий — см. [0]) Тем не менее, творчество писателя было много более разнообразным и богатым как тематически, так и жанрово, включая в себя стихи, пьесы, бытовые заметки, народные лечебники и пр., практически не переводившееся на иностранные языки и исследовавшееся европейскими и российскими синологами.

Сам же свод «Ляо Чжай чжи и», ставший к середине XIX века одним из самых известных и востребованных произведений китайской словесности, с приходом новых информационных технологий получает выход на недосягаемые вершины популярности, и сегодня эти сюжеты многократно экранизированы (как в кино, так и на телевидении), преобразованы в компьютерные игры и вообще легли в основу огромной области массовой культуры.

Избранные новеллы Пу Сун-лина неисчислимое количество раз переиздаются в Китае, но, как правило, либо в переводе на современный китайский язык, либо с развёрнутыми и объёмными комментариями (часто в изданиях присутствует и то, и другое), причём подборка произведений может оставить впечатление, что «Странные истории» посвящены исключительно рассказам о призраках, оборотнях или волшебниках. На самом же деле тематика «Ляо Чжая» много богаче, а причина популярности этих новелл в XVIII—XIX вв. коренится отнюдь не в оригинальности фабул, но в совершенно других художественных особенностях, не всегда понятных и доступных сегодня даже образованным носителям языка.

Во-первых, следует сразу же отметить, что подавляющая часть «Странных историй» писалась на уже известные сюжеты, представленные в исторических

сочинениях или, например, в художественной прозе VI—X вв. (подробнее см. [0]), поэтому оригинальность повествования в данном случае никак не могла бы объяснить широкую популярность текстов Пу Сун-лина. Сама тематика была вполне обычна для жанра *чжигуай* (志怪, «рассказы об удивительном»), и подобные произведения были широко представлены как в многочисленных собраниях предыдущих эпох, так и в собственно цинских сводах (например, «О чём не говорил Конфуций» (子不语) Юань Мэя, 袁枚 (1716—1798)).

Во-вторых, «Ляо Чжай» это не всегда исключительно *чжигуай*. В числе новелл есть и зарисовки, скорее всего, делавшиеся с натуры и посвящённые каким-нибудь необычным людям или явлениям (например, крупному землетрясению в провинции Шаньдун; гигантским рыбам у побережья; любителю змеиного мяса, способному через стену учуять змею по запаху; мастеру кулачного боя, демонстрирующему чудеса своего искусства и т. п.). Есть среди «Странных историй» и отвлечённые философские рассуждения, есть детективные повествования. То есть тематическое разнообразие новелл столь велико, что невозможно признать какую-то одну тему определяющей.

Привлекательность «Ляо Чжая» может быть объяснима, прежде всего, стилем изложения и невероятной красоты языком. Как это свойственно классическим произведениям китайской словесности, «Странные истории» написаны на языке *вэньянь*, и Пу Сун-лин демонстрирует невероятную способность посредством *вэньяня* передавать не только самые тонкие душевные состояния героев, но имитировать просторечье, искусно передавать характерность персонажей, мгновенно переходить от предельно возвышенной изысканности к незамысловатым вульгаризмам и тем создавать неповторимый колорит рассказываемого. Проза часто сменяется ритмизованным нарративом, который, в свою очередь, может уступить место стихам, после чего опять возвращается обычная либо ритмическая проза, и подобные перемены постоянны. Ритмический рисунок также может непрерывно меняться, что рождает у читателя ощущение полифоничности прочитанного, при том, что *вэньянь*, особенно в описываемый период, был языком письменным, предназначенным для чтения про себя, а не для устной коммуникации. Ещё одной привлекательной для образованного китайца чертой было обилие явных и скрытых цитат, аллюзий, намёков, парафразов на произведения классической литературы; чтение как разгадывание такого рода ребуса было излюбленным занятием классически образованного интеллектуала.

И наконец, чрезвычайно важной особенностью «Ляо Чжая», принесшей ему громкую славу, была искренняя увлечённость писателя сюжетами, легшими в основу его повествований. Этим объясняется отсутствие общей тематики произведений, крайняя разнородность персонажей, жанровое разнообразие «Странных историй». Пу Сун-лин писал о том, что в данный момент казалось ему достойным внимания, что занимало его мысли и требовало немедленного воплощения в виде новой новеллы. Так появляются и пересказы классических сюжетов, и повествования о сверхъестественных существах из фольклора разных провинций, и бытовые зарисовки, и размышления о вечных вопросах.

Принимая во внимание вышесказанное, нужно отметить крайнюю сложность переводов произведений Пу Сун-лина на иностранные языки. Из всех имеющихся изданий наиболее удачными и близкими к оригиналу по степени передачи фактуры и по стилю изложения признаются переводы В. М. Алексеева (1881—1951), созданные в 20—30 гг. XX в (об особенностях творческих приёмов В. М. Алексеева см. [0]). Наиболее полный их свод был издан в 2000 году [0], но это всё равно только около трети от полного текста собрания. Тем не менее, переводы В. М. Алексеева оказали большое влияние не только на популяризацию китайской литературы в России, но и на русскую художественную литературу второй половины XX в. (см. [0]).

На основе сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Популярность новелл Пу Сун-лина в Китае была обусловлена не столько сюжетами этих произведений, сколько их художественными особенностями.
2. Сюжеты «Странных историй» часто заимствовались из классических произведений, а сам жанр *чжигуай* был отнюдь не нов для цинской литературы.
3. Мастерское владение языком *вэньянь*, сложные ритмы, стихотворные вставки, аллюзии и цитаты сделали «Ляо Чжая» излюбленным чтением классически образованных китайских интеллектуалов.
4. Одним из важнейших факторов, обеспечивших популярность «Ляо Чжая» была искренняя увлечённость Пу Сун-лина описываемым.
5. Богатство выразительных средств и множественность цитат делает задачу перевода «Странных историй» на другие языки крайне сложной.

Литература

[1] Пу Сун-лин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и) / Пер. с кит., предисл., ст., коммент. акад. В. М. Алексеева. Сост., подгот. текста, послесл. М. В. Баньковской. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. 784с.

[2] Рифтин Б. Л. Новеллы Пу Сун-лина (Ляо Чжая) в переводах В. М. Алексеева // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика / Под ред. Б. Л. Рифтина. М.: «Восточная литература», 2008. С. 113—203.

[3] Ляо Чжай чжи и цзыляо хуйбянь (Сборник материалов по Ляо Чжаю) / Чжу И-сюань бянь (под редакцией Чжу И-сюаня). 聊齋志異資料彙編 / 朱一玄編。 Чжэнчжоу: «Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ», 1985. 728 с.

[4] Пу Сун-лин. Сян чжу Ляо Чжай чжи и ту юн (Иллюстрированное издание Странных историй из Кабинета Неудачника с подробным комментарием). 蒲松齡. 詳註聊齋志異圖詠. Шанхай: Тунвэньшуцзюй, 1886. Т. 1—8. 1413 с. с илл.

[5] Со Цзя-вэй. Тандай юй Цинчао дэ сяошо эи: лиши цзи инсян (Сторожук А. Г. Перевод на русский язык танских и цинских новелл: история и роль в культуре) // Чжунго эюй цзяосюэ (Русский язык в Китае). 索嘉威。唐代與清朝的小說俄譯：歷史及影響 // 中國俄語教學. Пекин, 2020, №2 (Т. 39). с. 54—61.

Два сборника рассказов поэта Кунвара Нараяна

Стрелкова Г.В.
ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова, доцент кафедры индийской филологии, gstr@mail.ru

Выдающийся поэт хинди Кунвар Нараян (1927 – 2017), проживший долгую жизнь, известен не только в Индии, но и за её пределами. Его поэзия переведена на многие языки мира, в том числе и на русский язык. Однако проза этого поэта известна гораздо меньше, чем его стихи – как в самой Индии, так и за её пределами. И это несмотря на то, что первый сборник рассказов «Близ ***о***бразов» (Akaaron kea as-paas) был опубликован трижды, начиная с 1971 года, кроме того, он был издан в 2020 году и в переводе на английский язык под названием “The Play of Dolls”. Перевод был сделан Апурвой Нараяном - сыном поэта и Джоном Ватером, индологом. В наши задачи не входит сравнение оригинала этого сборника с его переводом, отметим лишь, что предваряется это издание Предисловием, в нем кратко характеризуется обстановка, в которой проходило становление Кунвара Наряна как поэта и прозаика, а также время формирования модернистского литературного направления Новая поэзия (Naee kavitaa), в котором Кунвар Нараян сыграл видную роль. Он был одним из тех поэтов, которые участвовали в становлении Новой поэзии, направления, известного под названием экспериментализм (Prayogvaad). Основателем его был Агъея, под чьим крылом объединилась талантливая молодёжь, уже хорошо знакомая и с европейской литературой, и с великой индийской традицией. Этот поэт был также и редактором журнала «Воин» (Sainik), он считал, что поэзия не должна застывать в определённых рамках, а становиться экспериментальной. Стихи Агъеи и его последователей объединялись в сборники, названные «Семерицами струн» (Taar saptak), Кунвар Нараян участвовал в «Третьей семерице струн» 1959 года. Этот факт укрепил репутацию Кунвара Нараяна как уже зрелого поэта современности.

Позже Кунвар Нараян обратился к прозе. Его первый сборник рассказов «Близ образов» (Akaaron kea as-paas) был опубликован в 1972 году. Он включает в себя 17 рассказов, они очень разноплановые, некоторые из них лирические, другие философские, сюжет третьих развивается в историческом прошлом. Автора интересовала эпоха Моголов, неслучайно в его первом сборнике опубликован рассказ «Могольский султанат и водонос», а во втором – «Нехватка воды в столице», в нём писатель также возвращается к этому периоду средневековой Индии. При этом главное для Кунвара Нараяна -– внутренний духовный мир человека, его общение с людьми и природой, беспокойство об окружающем мире и о тех, кто герою дорог и любим. Сборник предваряется Предисловием, в котором автор обращается к читателю со словами о том, что «мог бы еще пять – шесть лет назад опубликовать этот сборник рассказов, но по разным причинам не сделал этого, поэтому в нём нет ни отблесков суровой реальности жизни, ни воображаемой сладостной любви, ни сложных

хитроумных манёвров».[6] Пишет писатель и о том, что он под видом рассказа говорит истинную правду, которая в основном проживается[7] на духовном уровне. В этих рассказах автор-повествователь играет важную роль, он приближен к персонажам и не только рассказывает историю, но и обдумывает её – «словно хор в драме».

Второй сборник рассказов «Хор беспокойных листьев» (Bechain patton kaa koras) вышел в свет спустя год после смерти поэта, но он всё-таки успел написать к нему Предисловие. В нём Кунвар Нараян объяснил причину такого большого перерыва между публикациями двух сборников своих рассказов тем, что главная его страсть и призвание – именно поэзия, которую он писал практически до последних дней своей жизни. «Вместо того, чтобы постоянно писать рассказы, поэзию я писал гораздо больше. Помимо того, что писал и другую прозу, я писал и рассказы, которые периодически публиковались в журналах. Рассказы были написаны в разное время, поэтому естественно, что у них нет единой формы и соразмерности». [8] Поэт-писатель добавил, что проводил и своего рода эксперименты, поэтому счёл уместным собрать эти рассказы в сборник. Он также указал и на основную разницу между двумя своими сборниками – и тематическую, и стилистическую. Он пишет, что его увлекала возможность «прикоснуться к широкому и полному разнообразия горизонту», иногда приближая стиль к форме очерка. При этом в прозе поэта, несомненно, присутствует и дух поэзии, который отнюдь не мешает ясному выражению того, о чём думает автор. И сам поэт осознает, что «поэзия и рассказ идут вперёд свободно – и мы это принимаем».[9]

Литература

[1] Kunwar Narain. Akaaron kea as-paas. Radha Krishhna Prakshan. Delhi. 1990.
[2] Kunwar Narain. Bechain patton kaa koras. Rajkamal Prakashan. Delhi. 2018.
[3] Kunwar Narain. No other world. Rupa and Co. Delhi. 2008.
[4] Kunwar Narain. The play of dolls. Penguin books. 2020.

Послание в быличке: “Дочь *шаофу* Цуя одаривает стихотворением Лу Чуна” (II–IV вв.)

Строганова Н.А.
ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова, преподаватель кафедры западноевропейских языков, nina.stroganova@mail.ru

Дочь *шаофу* Цуя одаривает стихотворением Лу Чуна

(1) Гриб *линчжи* по своей природе ярко блестит, (2) Как же он великолепен и роскошен. (3) [Он] переливается красками, (4) Завораживает [своей]

[6] Kunwar Narain. Akaaron kaa aas-paas. Radhakrishna Prakashan. Naee Dilli. 1990.P. 5.
[7] Kunwar Narain. Akaaron kaa aas-paas. Radhakrishna Prakashan. Naee Dilli. 1990.P. 5.
[8] Kunwar Narain. Bechain patton kaa koras. Rajkamal Prakashan. Delhi. 2018. P. 5.
[9] Kunwar Narain. Bechain patton kaa koras. Rajkamal Prakashan. Delhi. 2018. P. 7.

непостижимостью. (5) Все лучшее, что в нем есть, еще в полной мере не проявило себя, (6) [А] в середине лета [он уже] засыхает под инеем. (7) Его блеск навсегда угасает во мраке, (8) В этом мире [более] никогда не появится. (9) Чередование двух начал – *инь* и *ян* – невозможно постичь, (10) [А без постижения оного] мудрец неверно совершает ритуал. (11) Свидание [наше] коротко, и время разлуки наступает быстро, (12) Мы проникнуты друг к другу почтением. (13) Чем же мне одарить своих родных? (14) Золотой чашей можно воспитать сына. (15) Питаю любовь, но отныне мы не вместе, (16) Разрыв отношений ранит печень и селезенку (Перевод Строгановой Н.А.)

«Дочь *шаофу* Цуя одаривает стихотворением Лу Чуна» (II–IV вв.) – стихотворение неизвестного автора. В качестве первоисточника, сохранившего это стихотворение, «Полное собрание стихотворений доциньской эпохи, Западной и Восточной Хань» [Чжоу Бингао, 2011, С. 651] указывает «Записки о поисках духов» Гань Бао 干宝. Оно является вставным элементом в быличке «Лу Чун сочетается браком с покойницей» (XVI, 397) [Гань Бао, 1994, С. 385–391] (*Лу Чун ю хунь* 卢充幽婚) [Гань Бао, 2008, С. 456–462], краткий сюжет которой таков: уроженец Фаньяна Лу Чун, охотясь неподалеку от дома, набрел на некое строение, оказавшееся жилищем *шаофу* (хранителя императорских одежд и драгоценностей) Цуя, который отдал ему в жены свою младшую дочь; после свадебного пиршества Чуну было велено возвратиться домой, где он узнал от своих родных, что Цуй уже покойник, а побывал он только что в его могиле; на четвертый год после этого происшествия Чун вновь увиделся со своей женой, но теперь им было суждено разлучиться уже навсегда; передав Чуну на воспитание их сына, она обратилась к нему на прощанье со стихотворением.

Стихотворение являет собой образец пятисложной поэзии; оно проникнуто трагическим мироощущением, призвано передать настроение героини, выразить обуревающие ее чувства. Композиционно оно делится на две части – первую философскую и вторую лирическую. В связи с этим важно вспомнить, что таким сочинениям, как «Записки о поисках духов», непосредственно предшествовала философская проза, в частности – трактат *Чжуанцзы*, отличительной чертой которого является сочетание философского высказывания с иллюстрирующей его притчей. Хотя в этом стихотворении ни афоризма, ни притчи мы не найдем, однако экстраполяция общего на частное, целого на единичное, а также проекция абстрактного на конкретное – налицо.

Первая, философская, часть стихотворения представлена строчками 1–10. Мотивы, отраженные в ней, – бессмертие; вечность; смерть; непостижимость мироздания, попытка приоткрыть завесу его тайн. Тема первой части стихотворения – преходящий характер всего сущего, обреченность каждого на смерть. В основе темы лежит осознание человеком трагического несовершенства бытия. Вторая, лирическая, часть стихотворения представлена строчками 11–16. Мотивы, заключенные в ней, – неизбежность расставания; взаимное уважение; дарение как средство выражения любви; разлука любящих друг друга людей; страдания, вызванные разлукой. В отличие от первой части стихотворения, его вторая часть представляет собой лирический монолог – обращение от первого

лица, проникнутое индивидуальным началом. Тема второй части – разлука, глубокая тоска по дорогим сердцу людям и, конечно, любовь, – органично вплетаясь в тему первой части, способствует созданию целостного тематического узора стихотворения, вырисовывает его идею. Это идея обреченности человека на страдания в мире, жизнь в котором сулит каждому неизбежный конец.

«Дочь *шаофу* Цуя одаривает стихотворением Лу Чуна» – не столько послание, сколько обращение (жанр послания в ту эпоху был представлен как собственно посланием, так и посвящением, обращением), которое, тем не менее, по общему набору признаков может быть отнесено к тематическому комплексу жанра послания. «Дочь *шаофу* Цуя одаривает стихотворением Лу Чуна» – одно из первых посланий в истории китайской литературы.

Таково послание, дошедшее до нас в быличке из «Записок о поисках духов». При этом любопытно и примечательно то, что в недрах сборника фольклорных текстов, большинство из которых – фантастические рассказы, вошло стихотворное послание, произведение лирической поэзии, проникнутое индивидуальным авторским началом.

Литература

[1] Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи). – Пер. с древнекит., предисл., примени и словарь-указ. Л.Н. Меньшикова. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. – 576 с.

[2] 干宝。神搜记全译 / （东晋）干宝 著；黄涤明 注。–贵州：贵州人民出版社，2008。– 436 页。Гань Бао. *Шэньсоуцзи* с переводом / Гань Бао (Вост. Цзинь); комм. Хуан Димин. – Гуйчжоу: Издательство Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 2008. – 436 с. (на кит. яз.)

[3] 周秉高。全先秦两汉诗：两汉卷（卷二） / 周秉高 著。- 呼和浩特市：内蒙古大学出版社，2011。- 691 页。Чжоу Бингао (Полное собрание стихотворений доциньской эпохи, Западной и Восточной Хань: Западная и Восточная Хань). Том 2 / Сост. Чжоу Бингао. – Хух-Хото: Издательство Нэй Мэнгу дасюэ чубаньшэ, 2011. – 691 с. (на кит. яз.)

Жанровое своеобразие романа Рамы VI Вачиравуда «Сердце юноши»

Волкова К.Б.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии, kbvolkova@mail.ru

Король Вачиравуд (1881-1925) – малоизвестен как читателю западноевропейскому, так и российскому. Но в Таиланде он фигура знаковая. В литературной жизни его творчество сыграло огромную роль в становлении и развитии современной тайской художественной словесности. Излюбленной

английском языках), которой в основном посвящены работы исследователей тайской литературы в общем и творчества Вачиравуда в частности. Эпические же произведения короля не становились до сих пор темой отдельного изучения.

Первым прозаическим произведением короля считается роман «Сердце юноши» (1921), которое представляет собой цикл из 18 посланий и построено явно по образцу европейского сентиментального *романа в письмах*. Композиционно «Сердце юноши» имеет классическую для эпистолярного романа форму и обладает строгой жанровой структурой – Предисловие, указание места и даты написания, обращение к адресату, сам текст и подпись. Письма расположены в хронологическом порядке и последовательно раскрывают сюжет и душевные переживания главного героя.

Основная проблема романа «Сердце юноши» – соотношение общественных перемен и судьбы отдельного человека. В центре повествования – молодой человек по имени Прапхан, который только что вернулся на родину, в Сиам, после учебы в Оксфорде. Главный герой пишет в Европу своему лучшему другу – единственному близкому человеку, способному понять его чувства. Получив европейское образование и впитав в себя мировоззрение западного человека, Прапхан ощущает себя чужаком в своей стране, где все ему кажется варварским и закостенелым.

Через письма другу Прапхан проявляет свои чувства, выражает отношение к окружающему его миру, раскрывая свой внутренний мир и рефлексируя над событиями своей жизни. В своих посланиях он открыто выступает против традиций, социальных условностей и общепринятых норм. Автор в романе гармонично соединяет личное и общественное: события, происходящие вокруг героя, хотя они и служат лишь фоном, обрамляющим переживания Прапхана, но имеют большое значение, и не только потому, что находят отражение в частной жизни героя, но потому прежде всего, что именно общественно-политические реформы представляют для автора-монарха главный интерес.

В романе явно проявляется дидактизм, свойственный как сентиментально-психологическому роману, так и традиционной восточной литературе. Король показывал, как недостатки и пороки тайского общества, от которых нужно избавляться, так и его сильные стороны – национализм, патриотизм и преданность монархии. Через эволюцию внутреннего мира героя автор стремился укрепить в сознании читателя идеалы, которые, на его взгляд, могут сформировать гармоничное процветающее общество.

Наряду с явным влиянием сентиментализма, у которого Вачиравуд позаимствовал структуру жанра, в романе ощутимы и предвестия реализма. Знаменательно, что главный герой романа – это типичный человек своей эпохи. В начале XX в. много молодых людей из тайских семей, как аристократических, так и простых, возвращались после обучения на родину, полные надежд на социальные изменения.

«Сердце юноши» – роман новаторский для тайской литературы по форме и содержанию. Вачиравуд, с одной стороны, подражал сентиментальной литературе XVIII в., с другой – сделал первый шаг на пути к реалистическому

психологическому роману. Выбранная форма позволила изобразить внутренний мир и переживания главного героя и в то же время поднять важную тему – человек и общество. Он использовал классическую жанровую форму для изображения нового и насущного – отражение общественного в личности отдельного человека. Более того, выбранный жанр эпистолярного романа позволил монарху-просветителю в полной мере выразить свои дидактические интенции. В «Сердце юноши» Вачиравуд проявил себя как талантливый художник-новатор, создав оригинальный жанровый синтез: сентиментальный *роман в письмах* с элементами реалистического психологического романа.

Литература

[1] *มงกุฎเกล้าเจ้าอยู่หัว, พระบาทสมเด็จพระ หัวใจชายหนุ่ม* / โดย รามจิตติ [พระราชนิพนธ์ในพระบาทสมเด็จพระมงกุฎเกล้าเจ้าอยู่หัว], 2373 (*Король Рама VI Вачирвуд, Рамтьит.* Сердце юноши, 1921).

Африканистика

Африканские писатели в поисках новых жанров (на стыке прозы и публицистики)

Гавристова Т.М.
Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, профессор, tagavristova@gmail.com

Рубеж XX-XXI веков ознаменовался бурным развитием африканской литературы на английском языке. В условиях глобализации и дигитализации писатели континента и диаспоры совершили прорыв в развитии постколониального дискурса. Заявив об актуализации тематики, связанной с историей и культурой Африки, они «открыли» ее для людей книжной культуры. Кибератака на международную аудиторию привела к тому, что в число самых ангажированных авторов попали десятки африканцев. Мировой литературный рейтинг возглавили нигерийцы по происхождению: Чимаманда Нгози Адичи, Бен Окри, Теджу Коул, Чигози Обиома, Бернадин Эваристо, кениец Биньяванга Вайнайна (1971-2019) и другие.

Африканские реалии в их произведениях представлены сквозь призму «магического реализма» и постмодернистских традиций, с акцентом на новое прочтение легенд и мифов, переоценку ценностей, трансформацию обыденности в некое «чудо», имеющее, как правило, более или менее очевидный исторический контекст. Большое число видимых читателю аллюзий в творчестве африканских авторов играет роль своеобразных кодов: это «ключи» к расшифровке многочисленных культурных смыслов, которые особенно важны для аудитории, имеющей поверхностное представление о том, что «Африка – это не страна» (#Africaisnotacountry).

Африканские писатели обладают отчетливо выраженной гражданской позицией. Это касается их отношения к континенту и диаспоре, проблемам гендера, расы, этноса и т.д. В их среде есть те, кто соотносит себя с «афрополитами» - «гражданами мира»; есть и «почвенники», тяготеющие к ретрансляции традиционной африканской культуры на весь мир. Их произведениям, практически без исключения, свойственна дидактическая направленность, которая очевидна, будучи нацелена на борьбу со стереотипами, и в то же время завуалирована, ибо назидательность в настоящее время не в моде!

Большинство вышедших из-под пера нигерийских и кенийских писателей романов – это «романы воспитания». В центре внимания авторов находится то, что М.М. Бахтин трактовал как «освоение реального исторического времени и исторического человека в нем» [4]: становление человека и личности (самости), границы аутентичности и идентичности (индивидуальной и коллективной), эволюция взаимоотношений с окружающим миром, цивилизационный и культурный транзит. См.: «Голодная дорога» (1991 г.) Б. Окри, «Лиловый цветом гибискуса» (2003 г.) и «Половина желтого солнца» (2006 г.) Ч.Н. Адичи,

«Рыбаки» (2015 г.) и «Оркестр для меньшинств» (2019 г.) Ч. Обиомы, «Девушка. Женщина. Иная» (2019 г.) Б. Эваристо и т.д.

Генный субстрат произведений, наряду с многочисленными легендами и мифами народов мира, в том числе африканскими, вмещает тексты Священного Писания, европейскую, индийскую, нигерийскую классику и много что еще.

Жанровое своеобразие произведений писателей в значительной мере зависит от условий их создания, аудитории, к которой они апеллируют, целей коммуникации. Для авторов характерно желание быть услышанными и понятыми. Некоторые используют весьма редкий для литературы жанр манифеста, в условиях XXI века превратившийся в подобие декларации о намерениях.

Манифест – особый жанр, произведение, скорее написанное от лица коллектива, хотя нередко имеющее индивидуальное авторство. Художник же обычно высказывается от первого лица. Однако в настоящее время литература утратила изначальную евроцентричность, а в литературно-художественное сообщество интегрировалось немало представителей неевропейских этносов и рас. Их обращение к формату манифеста связано со стремлением быть объективными в выражении собственной (личной и общественной) позиции, нередко отличной от других. Ироничное эссе Б. Вайнайны «Как писать об Африке» (2005 г.), не используя таких слов, как сафари, экзотика, барабан, трайб, партизаны [2], адресовано от лица африканских писателей тем, кто все еще находится в плену стереотипов. Блистательные по своей смысловой и контекстуальной насыщенности книги Ч. Н. Адичи и Б. Эваристы («Дорогой Иджеавеле, или Феминистский манифест в 15 предложениях» (2017 г.) [3] и «Манифест: никогда не сдаваться» (2021 г.) [1] соответственно), с одной стороны, являются ответом на вопрос, поставленный Гаятри Ч. Спивак в названии известного эссе: «Могут ли угнетенные говорить?» (1988 г.). С другой – это своего рода триггер, инициировавший всплеск профессиональной и творческой активности многих тысяч женщин разных национальностей, заинтересованных в том, чтобы без ущерба для себя, совмещать то, что еще несколько десятилетий назад, в условиях господства мужского шовинизма, совмещать было невозможно: семью и карьеру.

Внутри литературы континента и диаспоры в настоящее время присутствуют все традиционные жанры: лирические, эпические, драматические. Очевидная подвижность жанровых форм и возникновение промежуточных (синтетических) жанров соответствуют требованиям времени и подвержены влияниям со стороны мульти-, омни-, поли-, интер- и транскультурализма.

В условиях глобализации и медиатизации происходит смещение читательского интереса в сторону non-fiction. Наиболее востребованными становятся биографии и автобиографии, которые, вслед за итальянским историком Дж. Леви, можно рассматривать как лучшие в мире учебники. Внимание к жизни селебрити (выдающихся ученых, писателей, политиков) в рамках биографического и мемуарного жанров связано с актуализацией сюжетов, направленных на ретрансляцию представлений о том, как реализовать

себя, получить образование и профессию и, в конечном счете, как добиться успеха, сохранив гармонию с собой и окружающим миром. В Африке и за ее пределами в университетских и школьных программах есть специальные курсы «Автобиография», в процессе изучения которых студенты и школьники изучают творчество тех, кого в настоящее время относят к числу «самых влиятельных африканцев». Среди них немало писателей.

Логика ангажированности жанров такова, что на нее влияют не только литературные процессы, но и атмосфера в мире, стране, обществе – то, что в отношении самого произведения М. Бахтин определял как хронотоп. Ведущим началом в нем он считал время. Ситуация постколониальности привнесла в литературу Африки идеи либерализма и демократии, что (вкупе с устной историей и традициями сторителлинга) привело к обновлению существующих форм «художественного отражения реального хронотопа» [5] и вывело африканских писателей в элиту профессионального сообщества.

Литература

[1] *Evaristo B.* Manifesto: On Never Giving Up. L.: Hamish Hamilton, 2022. 190 p.
[2] *Wainaina B.* How to Write about Africa URL: https://granta.com/how-to-write-about-africa/ (дата обращения: 20.03.2022).
[3] *Адичи Ч.Н.* Манифест от женщины к женщине. М.: Бомбора, 2019. 128 с.
[4] *Бахтин М.М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма (по Гете). Постановка проблемы романа воспитания [Электронный ресурс]. URL: http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/bahtin-roman-ego-znachenie/postanovka-problemy-romana-vospitaniya.htm (дата обращения: 13.03.2022).
[5] *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки исторической поэтики [Электронный ресурс]. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronmain.html (дата обращения: 13.03.2022).

Семантика интранзитивного глагола с объектным маркером в суахили

Громова Н.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой африканистики, gromova@iaas.msu.ru

Понятие лексической транзитивности/интранзитивности в языках банту синонимично понятию переходности/непереходности. Глагольную лексику в таком случае можно разбить на две основных группы: транзитивные и интранзитивные глаголы, которые объединяются по принципу наличия общих морфосинтаксических свойств. Транзитивные глаголы в языках банту допускают реализацию позиции объектного маркера, интранзитивным глаголам, как правило, такая реализация недоступна.

Особое место в числе наименований предметов, объектный маркер которых может быть индексирован в глагол, составляют существительные неотторжимой принадлежности. Это универсальная категория, проявляющаяся в системе семантических оппозиций, свойственных отношениям посессора как целого и объекта посессивности как его части. Маркер предмета неотторжимой принадлежности передает в глаголе значение косвенного объекта, ср.:

A-li-m-kata	nywele[10]
3Sg-Pst-3Obj-резать	волосы

Она подрезала ему волосы.

Но:

A-li-m-kat-ia	shati
3Sg-Pst-3Obj-резать-Apl	рубашка

Она подрезала ему рубашку.

В группу имен неотторжимой/неотчуждаемой принадлежности в языке суахили входят существительные, обозначающие части и органы тела (macho *глаза*, miguu *ноги*, moyo *сердце*) или другого объекта, например, дерева и его ветвей; некоторые физиологические свойства (pumzi *дыхание*, mate *слюна*, machozi *слёзы*), эмоциональные свойства и качества (furaha радость, woga *страх*, mashaka *сомнения*) и некоторые другие (habari *новость*, mambo *дела*, wazo *мысль/мнение*).

Транзитивные глаголы допускают управление одним или двумя объектами с морфемной индексацией адресного или бенефактивного дополнения, интранзитивные глаголы такой возможностью не обладают. Перевод исходного интранзитивного глагола в категорию транзитивных возможен при оформлении его аппликативным суффиксом, например, amekuja kwa Hasani «он пришел к Хасану» (не обязательно к самому и Хасану не ради него) > amenijia «он пришел ко мне» (и ради меня) [1: 266]. Тем не менее, в языке суахили наблюдается ряд исходных интранзитивных глаголов различной семантики, в которых морфосинтаксическая позиция объектного показателя реализуется в зависимости от особенностей лексической семантики глагола, так как объект наиболее тесно связан с семантикой глагола.

Общепризнанной семантической классификации глаголов суахили нет. Так, в русском языке, например, собственно глагольное значение представлено тремя наиболее абстрактными семами, на базе которых формируются три лексико-семантических поля: поле «Действие и деятельность» (динамично-моментальные глаголы), поле «Бытие, состояние, качество» (динамично-постепенные глаголы или ситуации); 3) поле «Отношение» (статические или адинамичные глаголы). На семантико-грамматической шкале «глаголы, обозначающие состояния (стативные глаголы, или стативы),

[10] Иллюстративный материал почерпнут из художественных произведений: Faraji H.H. Katalambula. Lawalawa na hadithi nyingine. Dar es Salaam, Dar es Salaam University Press, 1994. 92 pp.; Said A. Mohamed. Tata za Asumini. Nairobi, Longman Kenya, 1990. 186 pp.; Adam Shafi. Haini. Nairobi, Kampala, Longhorn Publishers, 2003. 272 pp.

противопоставляются обширному классу динамических глаголов» [3: 246]. Примерно по тем же семантических группам распределяются глаголы в языках банту, в том числе и в суахили. К семантическим признакам, релевантным для исследования системы глагола, относитс признак транзитивности (прямообъектности) [2: 49].

Динамические глаголы движения (с различными оттенками передвижения в пространстве) представлены в языке суахили наиболее многочисленной группой. Это глаголы типа -enda *идти*, -toka *выходить*, -kimbia *бежать*, -rufai *подниматься*, -ruka *прыгать*, -zunguka *окружать* и мн. др.:

Machozi ya-li-m-toka kwa uchungu
Слезы 6clSbj-Pst-3SgObj-выходить от боли
Слезы полились от боли.

Mashaka haya ya-li-ku-zonga toka juzi?
Сомненич эти 6Sbj-Pst-2SgObj-окружать с позавчера
Эти сомнения одолели тебя уже позавчера?

В группе статических глаголов выделяется небольшой разряд интранзитивных глаголов с семантикой состояния (не движения): -kaa *сидеть*, -simama *стоять*, -isha *заканчивать*, -pata *получать* и др.

Nguvu zote zi-me-ni-isha
Силы все 10Sbj-Prf-1SgObj-кончаться.
Все силы у меня закончились.

Manyewele machafu ya-li-wa-simama timutimu
Волосы грязные 6Sbj-Pst-3PlObj-стоять в беспорядке
Грязные волосы стояли у них дыбом.

Большую группу статических/стативных глаголов составляют глаголы с эмоциональным значением. Многие глаголы этой группы представлены нейтрально-пассивной/стативной формой глагола типа -sisimka *волноваться*, -tetemeka *дрожать*, -vurugika *находиться в смятении*, *-potea теряться* и др. «Показатель, выражающий добавление аргумента с ролью бенефактива, адресата или экспериенцира» характерен для аппликатива [3: 210], но в суахили он занимает позицию объектного маркера (прямого дополнения) в исходно интранзитивном глаголе:

Sauti i-ka-m-potea i-ka-wa ha-i-m-tok i tena
Голос 5Sbj-Nar-3SgObj-теряться 5-Nar-быть Neg-5Sbj-3SgObj-выходить-Neg
Голос у него исчез, и он не мог произнести ни слова.

Таким образом, в рассматриваемых выше конструкциях с точки зрения их семантико-структурной организации важная роль принадлежит лексико-семантическому наполнению: интранзитивный глагол с семантикой движения

(динамический) или состояния (стативный) может включать маркер объекта с семантикой неотторжимой принадлежности.

Сокращения: цифры от 1-3 – показатель лица, от 4 и далее – номер именного согласовательного класса, Apl – аппликатив, Nar – нарратив, Neg - отрицание, Obj – объект, Pl – множественное число, Prf – перфект, Pst – прошедшее время, Sbj – субъект, Sg – единственное число.

Литература

[1] *Аксенова И.С.* Значение направительного суффикса в глаголах движения в языках суахили и курия (банту) // Проблемы африканского языкознания. М., Наука, 1972. – С. 263-279.
[2] *Аксенова И.С.* Категории вида, времени и наклонения в языках банту. М., Наука, 1997. – 216 с.
[3] *Плунгян В.А*. Общая морфология. Введение в проблематику. М., УРСС, 2003. – 383 с.

Качество элит и отношение к власти в странах Тропической Африки

Касимовская Е.Н.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры экономики и экономической географии, ekasimovskaya@gmail.com

Роль элит в социально-экономическом развитии разных стран мира – тема, широко обсуждаемая в современной политэкономической литературе. Изучение качества институтов, тезис об их инклюзивности и экстрактивности в контексте развития страны привлекает пристальное внимание исследователей последние 20 лет. Однако сравнительный анализ правящих элит и количественное сопоставление и оценка трендов развития – сфера достаточно новая. Группа ученых Университета Сент-Галлена (Швейцария) разработала индекс качества элит как инструмент такого сравнительного анализа. Первый доклад был опубликован в 2020 году и охватывал 32 страны, преимущественно развитые. Из стран Тропической Африки в него вошли три страны: Ботсвана, ЮАР и Нигерия. Однако реакция научного сообщества была настолько позитивной, что работа была продолжена и в 2021 году был опубликован новый рейтинг, охвативший уже 150 стран [1]. Индекс качества элит (EQx) относится к категории композитных качественных индексов и включает в себя несколько уровней и подуровней показателей (всего 107). Идея построения индекса (и соответственно принципа сопоставления стран) достаточно «проста»: он измеряет способность национальных элит в рамках реализуемых ими бизнес-моделей создавать (value creation) и/или извлекать (rent extraction) ценности из национальной экономики. Таким образом, трансформационно- креативный компонент действия правящей группы противопоставляется ее же рентоориентированному поведению в масштабах общества и общий вектор от этого комплексного воздействия

определяет генеральный тренд развития страны. Под элитой понимается узкая, внутренне высоко координированная группа, реализующая бизнес-модель, позволяющую аккумулировать благосостояние. Эмпирические наблюдения свидетельствуют, что элиты складываются и существуют в любом обществе независимо от уровня развития, но отличаются по конечным результатам своего воздействия на общественное развитие. Влияя на решения, принимаемые на высшем уровне, элиты фактически распределяют и используют ограниченные ресурсы общества или в целях своего обогащения, или в интересах развития страны. Легко понять, что высококачественные элиты будут нести в себе высокую долю креативной составляющей, а низкокачественные – напротив, будут способствовать обогащению узкого слоя за счет экстрактивной составляющей. Тропическая Африка представлена в глобальном рейтинге качества элит 2021 года элитами 38 стран. Самый высокий результат в глобальном рейтинге – у Маврикия (50), самый низкий – у Судана (150). В целом, африканские страны демонстрируют достаточно высокие места. Помимо Маврикия, впечатляющий результат наблюдается у Руанды (52), Ботсваны (56), Бенина (58) и Ганы (63).

С точки зрения положения стран в глобальном рейтинге элит можно выделить пять групп: страны с чрезвычайно качественными элитами, страны с высококачественными и просто качественными элитами, а также с элитами среднего уровня и отстающими элитами. Что касается Тропической Африки, то в рейтинге 2021 года из 38 стран 6 входят в группу с качественными элитами, 20 представляют элиты среднего уровня и 10 характеризуются отстающими элитами. Причем все африканские страны, входившие в рейтинг 2020 года, улучшили свои позиции. Эксперты полагают, что инклюзивная составляющая действий африканских элит способна обеспечить долгосрочный рост примерно 70% африканских стран.

Измерение сравнительного вклада инклюзивной и экстрактивной составляющих действия элит предполагает комплексный анализ многих показателей, как количественных, так и качественных, требующих особых процедур обработки и оценки. В то же время первичные опросы способны достаточно быстро отразить отношение населения к власти, что, в свою очередь, может являться оценкой качества правящих элит, пусть и субъективной. Такие страны как Нигерия и Эфиопия входят в группу элит среднего качества. Причем Нигерия (107) ранжируется выше Эфиопии (119). Кения по качеству элит относится к группе стран с качественными элитами и занимает 66 место в глобальном рейтинге. Все три страны участвовали в опросах по проекту Всемирного обзора ценностей (7-я волна, 2017-2022гг.) [2]. На вопрос о доверии правительству Кения и Нигерия демонстрируют схожие паттерны: не доверяют правительству почти 60% опрошенных. В Эфиопии, напротив, доверие правительству очень высоко, более 60%. Однако надо отметить, что фактор этнической принадлежности в Тропической Африке может быть значимым. Так, более 80% представителей народности оромо в Эфиопии доверяли правительству, а среди народности тигре таких оказалось в два раза меньше. В

Нигерии почти зеркально противоположные оценки правительству дали представители народностей йоруба и хауса: доверяют властям соответственно 8.4% и 30.1% опрошенных, а полностью не доверяют – 30.3% и 9.9%. Отметим, что согласно рейтингу обе страны попадают в группу элит среднего качества. В то же время по результатам опросов в Кении, входящей в группу качественных элит, распределение ответов на вопрос о доверии правительству между представителями народностей луо, кикуйю и массаи не выявили значимых различий. Причем, доля тех, кто полностью доверяет властям этой страны, не слишком высока и составляет 13-15% всех опрошенных. В структуру композитного по своей природе индекса качества элит ходят многие качественные показатели, отражающие социальные процессы, такие как, например, гендерная составляющая. Однако ни одна позиция не отражает важнейшую для стран Тропической Африки особенность – этническую гетерогенность.

Литература

[1] *Casas i Klett, T. & Cozzi, G.* (2021). Elite Quality Report 2021: Country Scores and Global Rankings. Zurich: Seismo. doi: 10.33058/seis m

[2] WVS wave 7 (2017-2020): Haerpfer, C., Inglehart, R., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano J., M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). 2020.

[3] World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat. doi.org/10.14281/18241.1 EVS/WVS Joint Dataset (2017-2020)

Особенности перевода предлога ‘У’ на амхарский язык

Кравченко С.Л.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры африканистики, slkravchenko@gmail.com

Предлоги относятся к связующим служебным словам. Как и все служебные слова, они не могут употребляться самостоятельно, они обозначают связи и отношения предмета к предмету, явлению или ситуации. Вследствие своей синтаксической несамостоятельности предлоги никогда не выступают в качестве членов предложения. Они обслуживают управление как вид подчинительной связи, будучи связанными с управляющим компонентом словосочетания. Характерным для предлога является обязательная связь со словом субстантивного характера, которое следует за ним (существительным, субстантивированным прилагательным).

В данной статье рассматриваются некоторые способы передачи русского предлога ‘У’ на амхарский язык.

Предлоги не обозначают предмет, как имена существительные или действие, как глаголы, тем не менее каждый предлог обладает определенным значением. Часть предлогов совмещают ряд значений. Например, предлог ‘У’ имеет несколько значений:

1. Местонахождение объекта, физическая близость к чему-то. ‘У дома растет дерево’.
2. Месторасположение, проживание где-то или с кем-то. ‘Я живу у родственников’.
3. Принадлежность (как и отсутствие принадлежности). ‘У нее красивые глаза’.
4. Ощущения, переживания, эмоции. (У меня болит голова).

Однако наиболее распространен локалистический типологический подход, при котором исходное значение предлога считается пространственным [1, 116-118].

В амхарском языке предлоги, указывая на синтаксическую связь между членами предложения, фонетически тесно связываются с последующим словом, как правило, составляют с ним одно целое, являясь своеобразными агглютинативными префиксами [2, 212]. С морфологической точки зрения большинство непроизводных предлогов – проклитики, образующее единое фонетическое слово с последующим словом, поэтому предлоги пишутся слитно с именем.

Употребление предлога в амхарском языке обладает той или иной семантической мотивированностью и тесно связано с семантической сетью его употреблений в других контекстах.

Предлог በ bä ‘в’ имеет широкий спектр значений и часто употребляется для обозначения пространственных отношений. Однако для передачи этих отношений основную роль в амхарском языке играют послелоги. Послелоги передают более конкретное значение, чем предлоги, и обычно употребляются в сочетании с ними, уточняют и конкретизируют их содержание, напр.: በመስኮቱ አጠገብ ገበታ አለ። bä mäskotu aṭägäb gäbäta allä ‘У окна стоит стол’. Послелог አጠገብ aṭägäb указывает на расположение предмета или объекта вблизи чего-то.

Послелог ጋ ga в конструкции с предлогом በ bä часто синонимичен предлогу በ … አጠገብ, но немного отличается от него. Эта конструкция не дает полного представления, в каком именно месте находится предмет, она лишь показывает, что он находится дальше, чем на это указывает конструкция በ … አጠገብ, напр.: ልጆቹ በዛፍ ጋ ተቀመጡ ləjoču bäzaf ga täqämmätu ‘Дети сидят около (неподалеку, рядом с…) дерева’.

В амхарском языке имеются имена существительные, которые окказионально употребляются в роли послелогов, напр.: слово ሥር ‘корень’, которое, сочетаясь с предлогом በ bä, приобретает значение ‘у, около’, напр.: በሐውልቱ ሥር አበባ አለ። bä hawəltu sər abäba allä ‘У (подножия) памятника лежат цветы.’ ተማሪዎቹ በዛፉ ሥር ተቀመጡ። tämariwoču bäzafu sər täqämmäṭmu ‘Ученики расположились под деревом (у, около дерева)’.

Для предлогов характерен перенос с пространственного значения на другие. Например, для передачи значения проживание где-то или с кем-то, т.е. местонахождение, но в переносном смысле, употребляется конструкция በ bä … ዘንድ zänd , напр.: ዘመዶቻዋ ዘንድ ትኖራለች zämädoččwa zänd tənoralläč ‘Она живет у своих родственников’.

У послелога ዘንድ zänd есть еще одно значение, которое по логике близко к значению ‘нахождения у, рядом’. В этом случае послелог ዘንድ zänd сочетается с предлогом ከ kä, напр.: ከርሱ ዘንድ ገንዘብ ወሰድኩ kärsu zänd gänzäb wässädku ‘Я взял у него книгу’.

В амхарском языке возможно употребление послелогов без предлогов. В этом случае послелоги обычно употребляются перед именами собственными или местоимениями, напр.: ደብተሩ አልማዝ ዘንድ ነው däbtäru almaz zänd näw ‘Моя тетрадь у Алмаз’; እኔ ጋ əne ga ‘у меня…’, እርሱ ጋ ərsu ga ‘у него …’.

Однако значения ‘обладания кем-либо, чем-либо’ чаще всего выражается без предлогов. В этом случае употребляется глагол አለ allä ‘иметься, быть в наличии, находиться’ с объектными местоименными суффиксами, напр.: ባል አለኝ bal alläñ ‘У меня есть муж’ (*букв*. ‘Муж есть у меня’). ሰማያዊ ዓይኖች አሉዋት። sämayawi aynočč alluwat ‘У нее голубые глаза’ (*букв*. ‘Голубые глаза имеются у нее’).

Для выражения физического и психического состояния человека в амхарском языке употребляются безличные глаголы. Они всегда выступают в форме 3-го лица ед. числа м.р. в сочетании с объектными местоименными суффиксами, напр.: ጉሮሮዬን አመመኝ። gurorroyeñ amämmäñ ‘У меня заболело горло’ (*букв*. ‘Мое горло он сделал больным мне’). ራሱን ያዞረዋል። rasun yazoräwal ‘У него кружится голова’. (*букв*. ‘Его голову он повернул ее’)’.

Литература

[1] *Плунгян В.А., Рахилина Е.В*. По поводу локалистской концепции значения: предлог под. // Исследования по семантике предлогов. М., Русские словари, 2000 – С. 115-133.
[2] *Титов Е. Г.* Грамматика амхарского языка, М., Наука, 1991 – 320 с.

Первые публикации африканских сказок в России

Львова Э.С.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры африканистики
eleonora.lvova39@yandex.ru

ХУШ-Х1Х вв. - время открытия Африки для населения Европы. Многие европейские путешественники практически сразу либо в ближайшие годы (3-4 года спустя), а то и спустя немало времени, публиковали свои дневники и

впечатления. До России они доходили далеко не сразу. Первые россияне на континенте появились в самом конце позапрошлого столетия. Паломническая литература (записки Василия Барского, Норова, Коробейникова и других) к этому времени была уже забыта. Вахтенные журналы морских кругосветных путешествий оставались неизвестными широкой публике. Так, например, практически не использованы материалы Крузенштерна, хранящиеся в Национальном Архиве Эстонии в г. Тарту. Конечно, в дворянских усадьбах собирались библиотеки, для которых книги закупались за рубежом или выписывались из Франции, Великобритании, Германии. Сведения, почерпнутые из них, как правило, не выходили за рамки столичных салонов и провинциальных усадеб. Понемногу начались появляться пересказы и переводы отдельных отрывков, сборников. Восемь африканских народов упоминаются и в Словаре всех языков Палласа. Однако сейчас трудно установить, какие именно народы упомянуты, так как их названия давались, как правило, по географическим пунктам (акимский, анголянский, аквапимский и т.д. языки). Позднее появились и упоминания в географических энциклопедиях и полные переводы записок европейских путешественников по Африке. Во второй половине ХУШ века и наши соотечественники стали публиковать свои записки о пребывании в Африке, но это касалось лишь Северной и Северо-восточной частей континента. Однако даже столь немногочисленные издания широкой публике оставались неизвестны. После окончания гражданской войны прошлого века такие дворянские собрания положили начало большим библиотекам. Типичным и очень интересным было, например, собрание графа М. Воронцова, в котором немало книг об Африке, ныне находящееся в библиотеке Одесского университета.

Первыми книгами, знакомившими с Африкой простого читателя, стали сказки. Одни из них переводились известными литераторами (например, переводы Е. Бекетовой сказок из записей Г.М. Стенли) либо неизвестными под псевдонимами (однако с работ профессиональных африканистов, записавших сказки у самих создателей, оставивших о себе память на многие годы). Их было не так уж мало, но лишь немногие сохранились до наших дней. Пожалуй, первым из них был сборник «Басни и сказки диких народов», изданный в Санкт-Петербурге в 1874 г. Сказки, помещенные в нем, представляют собой перевод работ известных исследователей У. Блика «Райнард Лис в Южной Африке» [1] и Г. Коллавея «Нянюшкины сказки. Традиции и истории зулусов»» [2]. Издатель и переводчик остались неизвестными, скрывшись под псевдонимом Д.К. Сборник увидел свет через 10 лет после издания книги У. Блика и через 6 – Г. Коллавея.

Сама книга состоит из двух частей. Первая озаглавлена «Животный эпос и легенды готтентотов» и представляет собой перевод работы У. Блика. Вторая – «Детские сказки и предания зулусов», основанная на записях Г. Коллавея. Сразу отметим, что это не полный перевод. Об этом говорит уже сравнение объема сборника и первоисточников. Так, книга У. Блика содержит 90 стр., а русский текст его сказок – лишь 30. Один лищь первый том английского издания Г.

Коллавея состоит из 375 стр. (неизвестно, выходил ли второй том), в русском издании он занимает чуть более 60 страниц. Неясен подход переводчика и издателя к выбору сказок.

Предполагалось серьезное издание, а не легкое чтение для детей (что практиковалось в более позднее время). Сказки разбиты по жанрам и типам, Видна попытка (пока без анализа и объяснения) дать научную классификацию переводимого фольклора. Первая часть названа «Животный эпос и легенды готтентотов». Она состоит из пяти частей: «Басни о шакале», «Басни о черепахе», «Басни о павиане», «Разные басни» и «Басни о солнце и луне». Здесь на деле нет эпоса, зато есть былички, бытовые сценки, мифы, космогония. Вторая часть носит название «Детские сказки зулусов», но и в этом случае принцип объединения никак не связан с настоящей типологией сказок. Это скорее повествовательные бытовые истории. Заключает книгу «Прибавление», где дается описание незнакомых русскому читателю ритуалов взросления и правил наследования, сравнимых с обычаями других народов мира.

Стремление дать новое знание именно взрослым и образованным людям заметно и по авторскому стилю, и по тексту небольшого обращения «К читателю». В нем переводчик надеется, что читатели знакомы с работами Дарвина, Тэйлора, Бастиана и других ученых и антропологов, разделяют их практику сравнительных методов. Там же он пишет и о важности изучения сказок, так как «продукты первобытного общества» для антрополога и сравнительного психолога «играют такую же роль, какую ископаемые играют для палеонтолога и биолога» [1: 4]. Ниже он рассказывает о жизни и истории готтентотов, подчеркивает, что некоторые обычаи остались только в сказках, так как ко времени записи их фольклора эти племена имели уже двухсотлетний опыт общения с европейцами.

Помимо предисловия, книга снабжена десятистраничным «Прибавлением» с пояснениями по поводу незнакомых русскому человеку обычаев и ритуалов взросления и правил наследования. Часты и помещенные в подсрочниках обращения к примерам фольклора других народов мира, в частности, к скандинавскому, и выявлению похожих сюжетов и мотивов. Подчеркивается, что это обстоятельство было отмечено еще самим У. Бликом – недаром он назвал свой сборник «Райнеке Лис в Южной Африке».

Важным представляется и обращение переводчиком внимания будущего читателя на заметное единство человечества, хотя и остается убеждение в существовании «низких» и «высоких культур». Он пишет «Они (сказки) показывают нам, как одинаково человек в известном периоде своего развития относится к природе, к какой бы расе и к какой бы эпохе он не принадлежал». В переводимых сказках «те же животные, наделенные разумом, даром слова», а «человеческий ум и хитрость одерживают верх над грубой силой» [1: 4]**.** А чуть выше Д.К. утверждает, что «одним из плодотворнейших начал новейшей науки о человеке является признание существующего единства человеческого ума во всех его фазисах, и низших, и высших, и диких, и цивилизованных» [1: 3]. Как видим, он еще несвободен от представлений о низких и диких культурах, однако

в отличие от многих современников, убежденных в существовании расовых особенностей интеллекта, признает «единство человеческого ума».

Таким образом, первое издание на русском языке африканских сказок не только дает возможность познакомиться с фольклором коренных народов Южной Африки, но и знакомит нас с интересным переводчиком, одним из немногих в то время, стоящим на передовых и гуманистических позициях тогдашней науки о человеке.

Литература

[1] Басни и сказки диких народов, СПб, 1874. 104 с.
[2] *Bleeck W.H.I.* Reynard the Fox in South Africa, L., 1864, 90 pp.
[3] *Collaway H.* Nursery Tales, Traditions and Histories of the Zulus. L., 1868, vol.1, 375 pp.

Лексико-грамматические трудности перевода (язык суахили)

Петренко Н.Т.
Московский государственный институт международных отношений МИД России, старший преподаватель, natapaka@yandex.ru

В высших учебных заведениях, где суахили преподается в качестве основного языка специальности и программой обучения предусмотрен курс общественно-политического перевода, практические занятия со студентами по освоению этой дисциплины проводятся с учетом специфики официально-делового стиля речи. В работе с аутентичными материалами на суахили важно концентрировать внимание студентов не только на общепринятых терминах, но и знакомить их с лексико-грамматическими, синтаксическими, стилистическими и др. особенностями, характерными именно для языка политики.

1. Названия стран, городов, регионов в материалах СМИ. Некоторые из топонимов уже имеют устоявшиеся эквиваленты на суахили: *Misri* “Египет”, *Marekani* “США”, *Msumbiji* “Мозамбик”, *Mashariki ya Kati* “Ближний Восток”. Но в основном названия даются на английском языке, при этом названия некоторых стран сопровождаются их английской аббревиатурой: *Jamhuri ya Kidemokrasi ya Kongo (DRC)* “Демократическая Республика Конго”, *Muungano wa Falme za Kiarabu (UAE)* “Объединенные Арабские Эмираты”. Встречаются разные варианты одних и тех же наименований – *Italy/ Uitalia* “Италия”, *Rome/ Roma* “ Рим”, *China/ Uchina* “КНР”, *Israel/ Uyahudi “*Израиль*”, Russia/ Urusi* “Россия”.

2. Наименования международных организаций и учреждений, встречающихся в оригинальных текстах и в материалах Интернета на суахили, в большинстве случаев формируются методом прямого калькирования с английского языка и зачастую имеют несколько вариантов. При этом практически всегда в скобках даётся либо аббревиатура, либо полное название

на английском языке: *Umoja wa Ulaya/ Jumuiya ya Ulaya/ Muungano wa Ulaya (EU)* “Европейский Союз”, *Umoja wa nchi zisizofungamana na upande wowote/ Mwendo wa kutofungamana (NAM)* “Движение неприсоединения”, *Umoja wa Kujihami wa Nchi za Ulaya/ Jumuiya ya Kujihami ya Nchi za Magharibi (NATO)* “НАТО”.

Немногие международные организации имеют свои унифицированные варианты наименований: *Umoja wa Mataifa (UN)* “Организация Объединенных Наций (ООН)”, *Baraza la Usalama la Umoja wa Mataifa.* “Совет Безопасности ООН”. В формировании наименований организаций и объединений на суахили есть несколько близких по значению слов: *Umoja* “единство, союз, лига”, *Jumuiya* “организация, ассоциация, общество, сообщество”, *Muungano* “союз, объединение”, *Shirika* “объединение, организация; общество, агентство”, *Shirikisho* “объединение, союз; федерация”. В названиях различных институтов, находящихся под эгидой ООН, в суахили закрепилось слово *Shirika,* например, *Shirika la Umoja wa Mataifa la Elimu, Sayansi na Utamaduni (UNESCO)* “Организация ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО)”, *Shirika la Afya Duniani (WHO)* “Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)”.

3. Наименования основных региональных организаций Африки имеют свои устойчивые эквиваленты на суахили: *Umoja wa Afrika (AU) “*Африканский Союз”, *Jumuiya ya Afrika Mashariki (EAC)* “Восточноафриканское сообщество”. В заголовках статей обычно помещают лишь английскую аббревиатуру.

4. Названия должностей руководителей различного ранга следует переводить на русский язык не дословно, а в соответствии с тем, как это принято в российских официальных изданиях, например, *Waziri wa mambo ya [nchi za] nje wa Marekani* “Государственный секретарь США” (*букв.*: “Министр иностранных дел [зарубежных стран]”); *Waziri Kiongozi wa Zanzibar* “Премьер-министр Занзибара” (*букв.*: “Министр-Руководитель Занзибара”); *Rais wa China* “Председатель КНР” (*букв.*: “Президент Китая”).

5. Употребление существительных инфинитивного класса. Для материалов общественно-политической тематики на русском языке характерно частое употребление отглагольных существительных типа “создание”, “укрепление”, “снижение”, “подтверждение” и т.п. Суахилийскими эквивалентами такой лексики, как правило, служат существительные инфинитивного класса, такие как *kuundwa, kuimarishwa, kupunguzwa, kuthibitishwa.* Существительные других именных классов реже встречаются в политическом контексте. (Ср.: *uundaji, uimarishaji, punguzo, thibitisho*).

6. Глаголы движения *-enda, -elekea, -tembelea, -zuru, -ondoka, -tokea* часто выполняют функцию русских предлогов “в”, “на”, “по”, “к”, “из” и др. – *ziara ya kuitembelea nchi* “визит в страну”, *msafara wa kwenda kusini mwa bara* “поездка на юг континента”, *matembezi ya kuzuru miji* “турне по городам”, *kuondoka kwenda safarini* “*отправиться в поездку*”, *akitokea Arusha ataelekea Nairobi* “из Аруши он направится в Найроби”.

7. Синтаксическая конструкция с глаголами *-hakikisha* “обеспечивать, гарантировать”, *-ona* “видеть, смотреть”, *-angalia* “следить, наблюдать” и др.

Наличие такого глагола в главном предложении, как правило, требует оформления глагола придаточного предложения показателем настоящего времени *-na- (или его отрицательным вариантом): Serikali inapaswa kuhakikisha hali ya usalama inapatikana kwenye maeneo ya mpakani* “Правительству необходимо обеспечить безопасность на приграничных территориях” (*букв.* “обеспечить безопасность она-имеется”); *Tume ya bunge imeagiziwa kuangalia (kuona) fedha za bajeti hazitumiwi ovyo ovyo* “Парламентской комиссии поручено следить за рациональным использованием бюджетных денег” (*букв.* “ следить деньги они-не- используются кое-как”).

8. Перевод русских конструкций с обстоятельством места, выраженным существительным в предложном падеже и предшествующим глаголу-сказуемому и подлежащему. Функцию формального подлежащего в суахилийском предложении может выполнять существительное с локативным суффиксом или предлогом, а также местоимения локативных классов, такие как *huko, kule, pale* и др., часто заменяющие предлоги. В этом случае глагол-сказуемое согласуется по нормам локативных классов: “На совещании будут обсуждаться вопросы экономического сотрудничества” *Mkutanoni/ Kwenye mkutano kutazungumziwa (patazungumziwa) masuala ya ushirikiano wa kiuchumi*.

9. Сложноподчиненные предложения со связкой *ni (или ndi-)*. При выделении подлежащего в главном предложении с помощью такой связки глагол-сказуемое придаточного предложения желательно оформить соответствующим релятивным показателем. На русский язык эти конструкции обычно переводятся простыми предложениями: *Ni (ndio) usawa tu unaoweza kuimarisha demokrasia* “Только равноправие может укрепить демократию”.

Стилистическую особенность такой суахилийской конструкции рекомендуется использовать при переводе с русского языка, особенно при необходимости акцентировать тот или иной член предложения – “Представители всех регионов присутствовали на совещании” *Waliohudhuria mkutanoni ni wawakilishi wa wilaya zote*. “Итоги выборов будут объявлены только в конце недели” *Ni mwishoni mwa wiki hii tu ndipo matokeo ya uchaguzi yatakapotangazwa*.

10. Замена формы множественного числа существительного на форму единственного числа. Такой стилистический прием, наблюдаемый в некоторых суахилийских текстах, позволяет передать обобщающий смысл существительного с конкретным значением. Зачастую это существительное именного класса одушевлённых лиц: *taasisi za kutetea haki ya mtoto* “центры, призванные охранять права детей”, *hatua za kuelemisha mtoto wa kike* “шаги по привлечению девочек в сферу образования”. Функцию обобщения могут выполнять существительные разряда людей определённой национальности или социальной группы, например, *Tumeteswa na Mwingereza vya kutosha* “Мы достаточно натерпелись от англичан”; *Mnyonyaji afukuzwe nchini!* “Эксплуататорам не место в [нашей] стране!” Существительные из грамматических классов неодушевлённых предметов также могут передавать собирательное значение − *kisomo cha watu wazima* “обучение грамотности

взрослого населения”. В русском варианте в подобных контекстах, как правило, используется множественное число.

Средства смыслового выделения в современном амхарском языке

Ренжин А.П.
МГЛУ, старший преподаватель, alexanderrenzhin@mail.ru

Проблема смыслового выделения связана с передачей информации, которая может быть простой констатацией реальной действительности, наиболее существенной информацией из сообщаемого или субъективной оценкой высказанной мысли.

Все основные средства смыслового выделения так или иначе связаны с выражением субъективного мнения говорящего и его эмоционального состояния в момент речевого акта. Тем самым, эти средства применяются либо в целях логического, либо эмфатического выделения.

В основе смыслового выделения лежит актуальное членение предложения, которое делит его на рему и тему. Коммуникативным центром предложения является рема, без которой предложение невозможно.

Основными средствами смыслового выделения в современном амхарском языке, как и в любом другом языке являются интонация, синтаксические средства и лексические средства. Наиболее интересными для анализа являются, на наш взгляд, синтаксические и лексические средства смыслового выделения.

К синтаксическим средствам смыслового выделения в современном амхарском языке можно отнести порядок слов, коммуникативную инверсию, выделительные конструкции, эмфатические конструкции, сегментированные предложения, парцелляцию.

В современном амхарском языке порядок слов в предложении, когда за каждым его членом закреплено обычное место, определяемое способом его синтаксического выражения и связями с другими членами, является основным средством смыслового выделения.

Так, для рематизации какого-либо элемента предложения в современном амхарском языке используется коммуникативная инверсия. В основном, коммуникативная инверсия служит для рематизации предикатива или прямого дополнения:

bəzu tanɛbbalɛh mɛssɛlɛñ – ‘mɛṣhaf tərasu’ nɔw (P) yɛqəṣəl səme (T) [3, 20]

«Мне кажется, ты много читаешь. - «Книга — его подушка» мое прозвище».

yato mɛlakun assab(P) wəyzɛro alamṭašəm sayassəbut alqɛrru (T) [5, 43]

«Предложение г-на Мэлаку г-жа Аламтащим не оставила без внимания».

Универсальным средством выделения смыслового центра высказывания является так называемый выделительный оборот, в котором «служебную функцию выделения члена предложения выполняют глагол-связка nɔw «есть» (в

повествовании о прошлом nɛbɛrɛ «был») и относительное местоимение yɛ-(yɛmm-)«который» [1, 1007].

Суть выделительного оборота, в котором реализуется инвертированный порядок слов, заключается в том, что путем «постановки какого-нибудь члена предложения непосредственно перед глаголом- связкой nɔw (nɛbɛrɛ) достигается его смысловое выделение, т. е. на него переносится логическое ударение» [2, 274].

Как правило, выделительные обороты используются как средство актуализации при выделении членов предложения, которые в нейтральных предложениях входят в состав темы, и как средство эмфазы актуализации при выделении тех членов предложения, которые в нейтральных предложениях входят в состав ремы. Возьмем, например, нейтральное предложение yalɛm tarik (T) yəhən yasrɛddanal (P) — «Мировая история учит нас этому». С помощью выделительного оборота мы можем актуализировать тему (yəhən yɛmmiyasrɛddan yalɛm tarik nɔw – «Этому нас учит мировая история») или член ремы (yəhən nɔw yalɛm tarik yɛmmiyasrɛddan – «Именно этому учит нас мировая история»).

К средствам смыслового выделения информативно значимых членов предложения относятся и синтаксические конструкции расчленения (парцелляция, сегментация).

Парцелляция наряду с актуальным членением является особым способом смыслового акцентирования содержания высказывания. Парцеллянты представляют собой отдельные ремы:

o! yato wəbɛtu bet. yɛbɛžərond bet. yawlləh. yəhewlləh gašše! - «О! Дом господина Вубэту. Дом бэджиронда. Вот он. Рядом, братишка!» [5, 131].

Основным назначением сегментации предложения является противопоставление темы и ремы. В современном амхарском языке для выделения темы используются делиберативные обороты, например, bɛ...bɛkkul, (kɛ) ...gar bɛtɛyayazɛ «что касается…, то», а также предложения с тематическим подлежащим, употребление которого «связано с желанием обратить внимание на данный предмет мысли» [2, 251]:

bɛssu bɛkkul dɛhna nɔw – «Что касается его, он здоров».

mɛwəṭatu gar bɛtɛyayazɛ yəh zɛgəytoal – «Что касается отъезда, он задерживается».

yaraya ənnat ṭɛnkarra bahrəy nɛbbɛraččɔw – «У матери Араи был сильный характер» (букв. «Мать Араи сильный характер был у нее»). [4, 9]

Как и в других языках, в современном амхарском языке существует множество лексических средств, способствующих смысловому выделению в предложении. В первую очередь, это усилительные и ограничительные частицы, например, sənkwan, ənkwan, əkko, mɛčɛm, ənji, bəččа, употребляющиеся, как правило, для эмфатического выделения:

ṭəru nɔw <u>ənji</u> – «Это же хорошо!»

zarewə<u>nu</u> ənnəmɛṭallɛn – «Мы сегодня же приедем».

təlant <u>əkko</u> mɛṭto nɛbbɛr – «Вчера же он приходил».

lɛrsum <u>ənkwan</u> asčɛggari nɔw – «Это даже (и) для него трудно».

Актуализаторами могут выступать и другие лексические средства. Так, для рематизации какого-либо члена предложения в современном амхарском языке может использоваться союз ənji «а»:

lam nɛjiwan ənji getawan attawqəm – «Пастуха знает корова, а не хозяина» (посл.).

Кроме того, что в современном амхарском языке существуют различные синтаксические и лексические средства смыслового выделения, наблюдается также и возможность их комбинирования.

Наивысшая степень выделения достигается путем использования выделительного оборота и одновременного употребления наречия bəččа «только»: yayyhut təlant bəččа nɔw – «Только вчера я с ним виделся».

Литература

Ганкин Э.Б. Основные русско-амхарские грамматические соответствия.- Русско-амхарский словарь. М., Изд-во «Советская Энциклопедия», 1965. - 1013с
Титов Е.Г. Грамматика амхарского языка. М., Изд-во «Наука», 1991.- 321 с.
Bɛalu Gərma. Haddis. Addis Abeba, “Ityopya mɛṣahəft dərəjjət”, 1982. - 323 p.
4 *Haddis Alɛmayyɛhu*. Yɛəlm əžat. Addis Abeba,“Kuraz”,1998. - 620 p.

Особенности работы с материалами СМИ на хауса

Суетина Ю.Г.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры африканистики,
kaduna2007@mail.ru

Курс «Теория и практика перевода» читается в восьмом семестре бакалавриата, сокращенном до 8 недель. Но на практике работа с материалами СМИ на хауса начинается уже на третьем курсе. И тут перед преподавателем возникает ряд проблем, связанных не столько с различиями в грамматических структурах русского языка и хауса, сколько с различиями в том, как подается информация в СМИ на русском языке и хауса. И эти проблемы мы начинаем решать с первых дней работы над материалами СМИ.

Первая проблема, которая является общей для всех языков, состоит в том, что наши студенты не читают прессу на русском языке и не слушают информационные программы. Отсюда вытекает тот факт, что материалы СМИ переводятся ими с использованием бытовой лексики.

Так, глагол *ziyara* имеет значение ‘навещать, посещать’. Но при переводе текстов СМИ, в которых речь идет об официальном визите, переводить этот глагол как ‘навещать’ некорректно. Необходимо использовать штамп ‘нанести визит’. Возможно использование второго значения этого глагола ‘посетить’, но при этом необходимо добавить *da ziyartar aiki* ‘с официальным/рабочим визитом’, как этого требует стиль СМИ на русском языке. В бытовом плане у

глагола *ziyara* есть синоним *halarta,* но в настоящее время в материалах СМИ он используется в другом значении: ‘принимать участие в чем-либо’. Поэтому перевод фразы *Ministan harkokin waje ya halarci taron EKOWAS* как ‘министр иностранных дел посетил сессию ЭКОВАС’ является неправильным. Очень часто, переводя фразу ‘… прибыл с визитом’, студенты используют глагол *zo* ‘прибывать’, но, за редким исключением, официальные визиты совершаются при помощи воздушного транспорта и хауса в этом случае использует глагол *sauka* ‘приземлиться’, добавляя *da ziyara* ‘с визитом’.

В текстах о международных конференциях часто встречает выражение в ‘кулуарах’, например: ‘В кулуарах конференции министр иностранных дел Нигерии провел беседу со своим японским коллегой’. На хауса это выражение передается как *a gefen taro,* что буквально переводится как ‘рядом с конференцией’. Именно так студенты и переводят это словосочетание.

При работе с материалами СМИ на начальном этапе часто допускаются ошибки при переводе должностей, постов, занимаемых официальными лицами. Глава правительства Германии называется канцлером. В конце семидесятых годов это слово было заимствовано - *kansila*, поскольку оно часто употреблялось в передачах на хауса радиостанций «Немецкая волна» и БиБиСи, но в язык хауса оно так и не вошло, а его заменило словосочетание *sdhugaban gwamnati* ‘глава правительства’. Госсекретарь США на хауса переводится *sakataren harkokin waje* ‘секретарь по иностранным делам’, так как должность госсекретаря соответствует должности министра иностранных дел. Таких примеров можно привести много.

Другой проблемой является быстрое пополнение словарного состава языка хауса семантическими неологизмами. При этом для того, чтобы понять какое значение приобрело слово во многих случаях нужно знать его происхождение, первоначальное значение, так как в словарях современное значение такого историзма может быть не отмечено. Например, слово означает большую металлическую трубу. Такие трубы появились в Кано в XV веке во времена правления сарки Мухаммаду Румфа. В них трубили, когда правитель выезжал из города и когда он возвращался из него. В настоящее время это слово обозначает полномочного представителя, человека, говорящего от лица какого-либо государственного деятеля, как правило, президента. Слово *alaka* обозначает ‘повод, которым связывались между собой верблюды в караване’. В настоящее время оно обозначает просто ‘связь, отношение с чем-либо/кем-либо’, хотя в хауса есть и другие слова с тем же значением.

Еще известный немецкий африканист Йоханн Лукас отмечал, что для африканцев важно не только то, что сказано, но и то, как оно сказано. Справедливость этого утверждения полностью подтверждается в языке хауса. В отличие от европейских языков, где фразеологизмы (ФЕ) используются в основном в фольклорных текстах или в произведениях художественной литературы, в хауса ими буквально нашпигованы тексты СМИ. При этом в последние двадцать лет наметилась устойчивая тенденция замены лексем с нейтральным значением на ФЕ. Так, слово *shugaba* ‘начальник, глава’ все чаще

заменяется словом *jagora*, состоящим из двух слов - *ja* ‘тянуть’ и *gora* ‘палка’, т.е. ‘поводырь’. Слово *baraka* имеет значение ‘прореха, дырка в одежде’, *dinke* ‘шить, зашивать’, а все вместе переводится как ‘налаживать отношения’. Поэтому предложение *Shugaban Najeriya ya nuna aniyar dinke baraka da shugaban Afirka ta Kudu* никоим образом не означает, ‘что президент Нигерии выразил намерение зашить дырку в одежде президента ЮАР’.

Но при работе с текстами СМИ нужны и страноведческие знания. Иначе невозможно понять значение выражения *aski ya zo gaban goshi* ‘бритье подошло ко лбу’. Хауса-мусульмане бреют голову, и это бритье идет от шеи ко лбу. Все это выражение означает ‘дело идет к концу’. И таких выражений в текстах СМИ на хауса очень много.

Другой особенностью языка материалов СМИ на хауса является использование не всей пословицы, а какой-либо её части. Чтобы понять, о чем идет речь, студент должен знать всю пословицу целиком. В материале о катастрофическом наводнении в Бразилии есть фраза: *Shugaba Balsanaru ya zargi hukumomi jihar kan cewa ba su shafa wa gemu ruwa ba.* ‘Президент Боласанару обвинил власти штата в том, что они не предприняли совевременных мер’. Выражение *shafa wa gemu ruwa* является второй частью пословицы *Idan ka ga wuta ta kama gemun wani, sai ka shafa wa naka ruwa*. ‘Если ты увидел, что огонь охватил бороду какого-нибудь человека, то намочи свою (бороду)’.

Хочу отметить, что те студенты, который читали в школе художественную литературу не для того, чтобы только сдать ЕГЭ, и продолжают ее читать, поступив в университет, справляются с трудностями перевода лучше, чем те, кто предпочитает интернет и в работе которых встречаются такие «перлы» как *shugaban kasa* ‘начальник страны’ вместо ‘президент’ или ‘Жители Нигера побелели животами, узнав о победе вооруженных сил страны над террористами’, где *Yi farin ciki* ‘дословно: сделать белый живот’ означает на хауса ‘обрадоваться’.

Редупликация в языке африкаанс

Урб М.Р.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры африканистики,
urb72@mail.ru

Редупликация в языке африкаанс – самом «молодом» из германских языков, для которых повтор исходной единицы не характерен и находится на периферии языка, оказывается в самом центре грамматической системы. Это явление охватывает все значимые части речи языка: существительное, прилагательное, глагол, наречие, числительное.

Вероятно, что в плане выражения африкаанс демонстрирует лишь одну форму редупликации – полную. Вместе с тем вопрос о бинарном признаке редуплицированных форм «полная редупликация – частичная редупликация» в

африкаанс остается дискуссионным. Кроме того, некоторые южноафриканские ученые считают, что классификация форм редупликации, помимо упомянутых ранее форм, должна включать эхо-редупликацию и ономатопическую редупликацию. По числу повторений для африкаанс характерен двукратный повтор/удвоение, собственно редупликация, трипликация и квадрипликация не зафиксированы.

Редупликация в африкаанс, как правило, модифицирует категориальное значение исходной единицы в наречие, то есть выполняет транспонирующую функцию. Помимо адвербиализации редупликация влечет за собой также семантическую модификацию. Редуплицированные формы обладают по сравнению с нередуплицированными набором факультативных значений, которые выражают семантику количества и меры: мультипликативности, дистрибутивности, итеративности, интенсивности, аугментативности и др. Реализация этих значений для различных исходных частей речи происходит по-разному: для существительных – разделительная множественность, для прилагательных и наречий – как усиление качественного признака, для глаголов – как многократность или длительность, для числительных – как распределительность.

Рассмотрим примеры:

1) Редупликация существительных

Результатом редупликации существительного является наречие образа действия или места.

Ryp sal p**lek-plek** voorkom. ‘Местами появится иней’

Die lobolageld is **stuk-stuk** betaal. ‘Лобола оплачен по частям’

Mielieland kom **kol-kol** langs die rivier voor. ‘Вдоль реки то тут, то там видны кукурузные поля’

2) Редупликация прилагательных и наречий

Формы качественных прилагательных и наречий в африкаанс совпадают: kort ‘короткий, коротко’, vroeg ‘ранний, рано’, erg ‘серьезный, серьезно’. По этой причине установить принадлежность исходного нередуплицированного слова в результирующем редуплицированном слове к той или иной части речи не представляется возможным.

Результатом редупликации прилагательного/наречия является наречие образа действия или времени.

Hulle het **vroeg-vroeg** gekom. ‘Они приехали очень рано’

Sy het my **skelm-skelm** briefies gestuur. ‘Она тайком отправила мне письмо’

Dis **byna-byna** sesuur. ‘Сейчас почти семь часов’

Dit was **groot-groot** uitstalling. ‘Это была очень крупная выставка’

3) Редупликация глаголов

Результатом редупликации глаголов являются отглагольные наречия, которые характеризуют процесс действия.

Hy is wakker en **voel-voel** soek hy na die hemd ‘Он проснулся и ощупью искал рубашку’

Отглагольные наречия обладают рядом факультативных значений, среди которых наиболее четко выражено значение многократности, в то же время значение длительности выражено менее четко.

Hulle het s**taan-staan** geloop en redeneer. ‘Они шли и рассуждали, то и дело останавливаясь’

Soldate marsjeer **sing-sing**. ‘Солдаты маршируют, напевая’

Die meisie het **huil-huil** langs die straat geloop. ‘Девушка шла по улице, рыдая’

Отглагольные наречия могут приобретать переносное значение, при этом теряя прямую связь с выражением действия.

Die bouers het **lag-lag** met hulle werk klaargekry. ‘Рабочие легко [смеясь] справились с работой’

Ag toe man, ons doen dit net **speel-speel**. ‘Брось, старик, мы делаем это легко [играючи]’

Dit was net **speel-speel**. ‘Это было не по-настоящему [всего лишь игра]’

Редупликация глагола может не менять категориальной принадлежности исходного глагола. Редуплицированный глагол сохраняет свои грамматические функции, при этом приобретая дополнительное значение многократности.

Sy **knip-knip** haar oë van verbasing. ‘Она быстро моргает от удивления’

Saggies **drup-drup** die water van sy papnat klere af. ‘Вода медленно капает с его насквозь промокшей одежды’

Die dokters het hom bly **voel-voel.** ‘Доктора продолжали его ощупывать’

4) Редупликация числительных

Анализ примеров повтора количественных числительных демонстрирует весьма ограниченные возможности редупликации числительных. В результате образуются наречия образа действия с распределительным значение.

Die kinders het **een-een** in die swembad gespring. ‘Дети запрыгивали в бассейн по одному’

Hulle slap **twee-twee** in ’n bed. ‘Они спят вдвоем в кровати’.

Коран как источник пополнения заимствованными глаголами словарного состава языка суахили

Фаттахова А.Р.
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
доцент, gaidaf@mail.ru

В центре внимания – глагольная лексика языка суахили, источником которой послужил Коран.

Несмотря на наличие публикаций, посвященных арабским заимствованиям в суахили, роли Корана в обогащении словарного состава африканского языка уделяется недостаточное внимание, в то время как именно Коран являет собой главный источник арабизмов.

Слова из языка-донора поступают в принимающий язык с соответствующей фонетической и грамматической адаптацией, изучение которой дает возможность проследить путь трансформации исходного варианта к конечному в языке-реципиенте. Что касается глаголов, то в отличие от арабских имен, заимствованных суахили, не всегда удается выявить их изначальный вариант, несмотря на наличие источника. Трудности с установлением формы, в которой арабский глагол мог проникнуть в суахили, заключаются в том, что в божественном тексте глаголы функционируют с различными морфологическими признаками, и какие из них были доминирующими при заимствовании определить сложно. Например, *араб*. aṭāʿa «повиноваться» упоминается в Коране 65 раз в разнообразных проявлениях: aṭaʿnā «мы повиновались» (10 раз), tuṭīʿū(n) «вы повинуетесь» (5), ʾaṭīʿū «повинуйтесь» (19), [lā] tuṭiʿ «[не] повинуйся» (8) и др. [1]. В суахилиязычном варианте данный глагол – *tii*, в котором в большей степени проявляются признаки императива либо настоящего времени.

Рассмотрение семантики заимствованных коранических глаголов показало, что среди них выделяются: глаголы, выражающие исламские понятия (-rithi «наследовать», -sujudia «преклоняться», -silimu «принимать ислам»); глаголы эмоционального состояния, передающие чувства верующих (-hofu «бояться», -husudu «завидовать», -shaka «сомневаться»), и другие тематические группы. Отдельно выделяется группа глаголов, демонстрирующих силу и могущество Аллаха: -adhibu «подвергать мучениям», -rehemu «щадить», -hukumu «судить», -huisha «оживлять» и др.

Богатство синонимов арабского языка и Корана обнаруживается в заимствованной лексике суахили. Речь идет о семантических синонимах, различающихся оттенками в значениях: -dhani «думать», «полагать» – -fikiri «думать», «размышлять»; -sali «молиться» – -abudu «поклоняться», «молиться»; -amini «верить» (в Бога) – -sadiki «верить», «считать правдивым».

В докладе особое внимание уделяется морфологическому анализу коранических глаголов, приводятся статистические данные, рассматриваются тематические группы глаголов, а также исследуются заимствования, расширившие свою семантическую структуру, и заимствования, которые в ходе своей адаптации приобрели значения, не характерные арабскому языку.

Литература

[1] ArabiCorpus. – URL: https://arabicorpus.byu.edu/search.php?page=citations&sort=rBeforeW&start=1

Арабские заимствования в пословицах и поговорках суахили

Шатохина В.С.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, преподаватель кафедры африканистики, viktoria_mamaafrika@mail.ru

Лексический состав суахили включает в себя значительный процент заимствований из различных языков: арабского, португальского, английского, тем самым демонстрируя активное взаимодействие суахилиговорящего общества и других цивилизаций в процессе своего исторического развития. «Арабский язык – самый значительный донор лексики в африканские языки начиная со средних веков. Суахили первым столкнулся с арабским языком» [1]. Самые ранние контакты суахили с арабами датируются VII веком. Арабский язык стал языком торговли и культуры. При этом долгое время язык суахили оставался бесписьменным, а суахилийский фольклор стал основным источником знаний, мудрости и нравственных ориентиров. Пословицы и поговорки на языке суахили, являясь частью древнейшего фольклорного пласта, представляют собой богатый материал для исследования продуктивности арабизмов в языке-рецепторе.

«По мнению некоторых исследователей, количество арабских заимствований колеблется от 25 до 35 % в суахили <…>» [1]. С точки зрения семантики наиболее продуктивным для заимствований стал раздел «религия» и «торговля».

Ibada *ina nguvu kuliko* ***silaha****.* ‘Вера сильней оружия’.

Bilisi (ibilisi, shetani) *wa mtu ni mtu.* ‘Демон человека – сам человек’.

Bure *ina* ***gharama****.* ‘То, что достается даром, [все равно] чего-то стоит’ (~ Бесплатный сыр бывает в мышеловке).

В некоторых случаях пословица может практически полностью состоять из арабизмов.

Dhamira safi *ni tandiko* ***laini****.* ‘Чистая совесть – мягкое покрывало’.

Fedha *ni* ***fedheha****.* ‘Деньги – это стыд’.

Ghururi *za* ***dunia*** *huzijua* ***jahimuni****.* ‘Мирское высокомерие познает огонь геенны’.

Hasira *ni* ***hasara****.* ‘Гнев – это вред’ (~ Гнев – плохой советник).

Возможно, данные пословичные единицы были в готовом виде заимствованы из арабского языка. Источником подобных изречений могли стать мусульманские проповеди, публично произносимые на арабском языке и транслируемые в устной форме более образованными слоями населения в массы.

В пословичных текстах присутствуют примеры заимствований, закрепившиеся в различных частях речи: существительное (*mali* ‘богатство’, *shukuru* ‘благодарность’), прилагательное (*safi* ‘чистый’, *haramu* ‘незаконный’), глагол (*-rudi* ‘возвращаться’, *-stahamili* ‘заслуживать’), союз (*bali* ‘но’, *lakini* ‘но’), однако наибольший интерес представляют примеры грамматической адаптации арабизмов. Например, образование множественного числа

существительного в соответствии с нормами одного из именных классов (5/6 или 9/10 именных классов).

Goma la ***mashetani*** *hupanda* ***bila*** *mzuka.* ‘В крепость демонов забираешься и без помощи духа’.

Mali *mengi* ***maadui*** *wengi.* ‘Много богатства – много врагов’.

Или применение словообразовательных моделей к корням арабского происхождения.

Mgema ***akisifiwa*** *tembo hulitia maji.* ‘Когда винодела хвалят, он разбавляет вино’.

La kwanza ***udhalili****, la pili* ***ukamilifu****.* ‘Первое [дело] – смирение, второе – завершение’.

Интерес также вызывают те пословичные единицы, где несмотря на наличие суахилийского синонима предпочтение отдано арабизму. Возможно, это также обосновано исконно арабской этимологией соответствующих паремий.

Mahaba *ya* ***wanadamu*** *sio mambo ya* ***dawamu****.* ‘Человеческая любовь непостоянна’.

Mali *ya* ***bahili*** *huliwa na wadudu* ***(jini)****.* ‘Богатство скряги съедают насекомые (джинны)’.

Mpata ***radhi*** *hupata* ***hadhi****.* ‘Получивший прощение получает уважение’.

Таким образом, пословицы и поговорки суахили демонстрируют активное присутствие и явную ассимиляцию арабизмов, что доказывает тесное и долгое сосуществованием суахилийского фольклора с арабо-мусульманской культурой.

Литература

[1] *Громова Н. В., Суетина Ю. Г., Фаттахова А. Р.* Эволюция арабских заимствований в языках Восточной и Западной Африки // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. –2021. – Т. 13, № 3. – С. 1-6.

[2] *Мисюгин В.М.* Происхождение городов восточноафриканского побережья //Вестник Ленинградского университета. № 20. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. – Ленинград, 1958. – С. 142-152.

[3] *Фаттахова А.Р.* Лексика арабского происхождения в татарском языке и суахили: морфологическое освоение // Вестник Чувашского университета. Лингвистика. – 2013. – №4. – С. 253-259.

[4] *Kingei K., Ndalu A.* Kamusi ya methali. – Kenya, Nairobi: Arts Limited, 2008. – 372 p.

[5] Swahili proverbs: Methali za Kiswahili. – URL: http://swahiliproverbs.afrst.illinois.edu/introduction%20to%20listing.html (дата обращения 10.03.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

К вопросу о генезисе языка суахили

Юзмухаметов Р.Т.
Казанский (Приволжский) федеральный университет, доцент,
ramil.yuzmukhametov@mail.ru

Статья посвящена вопросу о генезисе языка суахили. Актуальность исследования обусловлена, во-первых, необходимостью уточнения знаний о заимствованиях в языке суахили, особенно ираноязычных включений, в связи с новейшими данными по этногенезу народа суахили; во-вторых, интересом к выявлению ареала распространения персидского языка или его отдельных элементов в мире, а именно на востоке Африки; в-третьих, интересом к вопросу об истории появления мусульманской культуры в Восточной Африке. Есть различные точки зрения по поводу появления ислама и арабо-персидских заимствований в суахили.

Вопросы этногенеза и происхождения языков всегда вызывают большой интерес у исследователей. Этот вопрос требует привлечения большого количества сведений различного характера – исторических, антропологических, лингвистических, культурологических, социо-политических и др. Суахили – это относительно молодой язык, он начал формироваться на основе языков *банту* после начала исламизации этих территорий и включения арабо-персидских лексических слов в состав языка банту. Позже в суахили вошли и заимствования из европейских языков (португальского, английского, немецкого и др.).

Исторический аспект. Вопрос этнонима Ширази. Исследуя проблему персидских заимствований, необходимо остановиться на вопросе расселения выходцев из Южного Ирана в Восточной Африке. В отечественной африканистике принято считать, что язык суахили возник благодаря арабизации языков *банту* восточного побережья Африки вследствие контактов с арабскими мореплавателями. И в качестве наглядного примера приводится само название народа и языка – *суахили*, которое происходит от арабского *sawāhil* «побережье». При этом часто не уточняется само понятие *арабские мореплаватели*, были ли это только арабы (из Омана и Йемена), или нужно также рассматривать вместе с ними и персов, и индийцев. В работах по этнополитическим проблемам стран Восточной Африки часто отмечается важная роль этнической группы ширази при формировании органов власти на Занзибаре и всей Танзании в целом [1]. Хотелось бы обратить внимание на сомнения некоторых исследователей касательно иранского происхождения предков нынешних ширази ввиду отсутствия у местных ширази явных шиитских традиций, об этом, например, пишет В. Аллен [2]. Здесь необходимо уточнить, что в самой Персии шиитское направление получило развитие лишь начиная с XVI века, при Сефевидах, а до этого иранцы преимущественно придерживались суннитского направления. Между тем суахилийские ширази прибыли на восток Африки гораздо раньше этого времени.

Антропологический аспект. Историческому присутствию выходцев из Ирана есть современные антропологические подтверждения. Генетические исследования жителей Коморских островов, проведенные профессором университета Лиля (Франция) С. Мсаиди [3] с группой коллег, показывают, что коморская популяция формировалась в результате трехстороннего генного потока в течение последних 2000 лет между популяциями банту в прибрежных районах Африки к югу от Сахары, поселенцами из Ирана и мигрантами из Юго-Восточной Азии. В генетике принято различать отцовские гены и материнские, их судьба обычно складывается различно, и по ним можно делать некоторые выводы исторического характера. Что касается отцовских генов у жителей Коморских островов, то среди них генов, характерных для стран Африки к югу от Сахары, содержится до 41 процентов. Генов, характерных для Южного Ирана, содержится до 29,7 процентов. Маркеров Юго-Восточной Азии содержится до 6 процентов. Что касается материнских генов, то следов присутствия из Ближнего Востока не обнаружено.

Культурологический аспект. Контакты с мусульманами начались, главным образом, благодаря торговле африканскими рабами, золотом, слоновой костью, шкурами животных, специями со странами Персидского Залива и Аравии. По мере развития торговли в Восточную Африку стал проникать ислам, благодаря которому в местные языки проникли арабо-персидские слова, новый язык суахили графически оформился на основе арабского письма. Хотя ислам в Восточной Африке появился давно в связи с торговлей в Индийском океане, всё же настоящее развитие получил лишь в XIX веке. В это время в Восточную Африку проникают три суфийских тариката: *Кадирия*, *Шазилия* и *Ба`лавия* [4]. Только с их приходом начинается широкое привлечение простых мусульман к грамотности, открываются школы для самых обездоленных жителей.

Лингвистический аспект. Лексический состав языка суахили отражает различные исторические вехи существования народа суахили, когда в Восточную Африку начали прибывать иранцы, арабы, индийцы и др., которые смешавшись с коренными африканскими народностями банту, стали частью нового этноса, главным отличительным признаком которого стал новый язык *суахили*. Затем в разные периоды здесь присутствовали португальские, германские и британские колонизаторы, которые также оставили свой «словарный» след в суахили. В нашем исследовании подробно рассматриваются ираноязычные лексические заимствования в языке суахили на материале словаря под ред. Н.В. Громовой [5], так как именно этот пласт лексики является важнейшим в установлении проблемы происхождения языка суахили из языков банту.

Литература

[1] *Илларионов И. С.* Этнополитические проблемы современного Занзибара (этнос островных суахили в 1960–1970 годы) // Советская этнография. – 1982. – № 1. – С. 46–55.

[2] *Allen J. de V.* The Shirazi problem in East African coastal history // Paideuma: Mitteilungen zur Kulturkunde, Bd. 28, FROM ZINJ TO ZANZIBAR: Studies in History, Trade and Society on the Eastern Coast of Africa. – 1982. – Pp. 9–27.
[3] *Msaidi Said*; et al. (2011). Genetic diversity on the Comoros Islands shows early seafaring as major determinant of human biocultural evolution in the Western Indian Ocean // European Journal of Human Genetics. 19: 89–94. doi:10.1038/ejhg.2010.128. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3039498/.
[4] *Sellström T.* Africa in the Indian Ocean: Islands in Ebb and Flow. – BRILL Academic. – 2015. – Pp. 142–144.
[5] Суахили-русский словарь. Под ред. Н.В.Громовой. – М.: Изд-во Ключ-С, 2012. – 716 с.

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока

Креативные достижения средневековых корейцев в сфере изготовления бумаги и книгопечатания

Андрианов В.Д.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки, академик РАЕН,
andrianov_vd@mail.ru

В текущем столетии в Республике Корея создание креативной экономики стало приоритетом в экономической стратегии. Она активно поддерживается на государственном и частном уровне. Следует отметить, что реализация стратегии по развитию экономики знаний, креативной и цифровой экономики, опирается на глубокие исторические и национальные традиции.

В Средневековой Корее были созданы уникальные творения в сфере ремесел, науки и культуры, которые вошли в историю развития мировой цивилизации, где занимают достойное место.

Технология производство бумаги была изобретена в Китае, однако более качественные ее сорта из тутового дерева изготавливались в Кореи. Корейская бумага благодаря своей прочности и гладкости пользовалась спросом в самом Китае, где ее называли «бумагой подобной коже и гладкой как зеркало» [2, 230]. Корейцы разработали свою технологию производства качественной бумаги, где в качестве сырья использовалась кора тутового дерева (шелковицы), сосновая хвоя и солома.

В начальный период существования государства Чосон, согласно «Великому уложению по управлению государством» (Кёнгук тэджон), производство бумаги относилось к казенному ремеслу и было приписано к ведомству Чоджисо. В то время в Корее насчитывалось 698 специалистов по производству бумаги – ремесленников (чиджан).

Кроме производства качественной бумаги древние корейцы прославились достижениями в развитие ксилографии – технологии книгопечатания. Первоначально текст или рисунки вырезались мастерами (чогакчан) на деревянной доске, а затем с использованием различных красок они переносились на бумагу, пергамент или ткань. По мнению специалистов, самая древняя в мире печатная книга была обнаружена на территории Кореи. Это буддийский трактат под названием «Мугу чонгвандэ таранигён» («Сутра, приносящая счастье»). Этот свиток получил название «Свиток Дхарани». По оценкам специалистов книга была напечатана примерно в 700-750 гг. в период расцвета корейского государства Силла (57 г. до н.э. – 935 г. н.э.), правители которого стремились в своих владениях построить идеальное буддистское государство.

По мнению историков, этот свиток является самым древним из мировых памятников ксилографического книгопечатания. Аналогичная старейшая

японская сутра «Таранигён» из храма Хорюдзи была напечатана ксилографическим способом после 770 г. В 1236 г. была напечатана древнейшая в Корее книга по медицине - «Способы изыскания местных лекарственных растений» (Ханъяк кутыппан). Позднее массовым тиражом была напечатана книга «Способы изготовления местных лекарств из трех компонентов» (Самхва чахян), которая являлась пособием по медицине для местных жителей.

Несмотря на то, что ксилографическая печать была трудоемкой, в государствах Силла и Корё она развивалась достаточно быстро в силу поддержки правителями страны распространения на территории Кореи буддизма, содержащихся в буддийских священных книгах. Корейцы, усовершенствовав технологию книгопечатания, вместо досок стали использовать деревянные подвижные шрифты. Это позволило во много раз увеличить производительность и тиражи выпуска книг.

В частности, в начале правления династии Корё (918-1392) было отпечатано 6 тыс. экземпляров свода священных текстов известного буддийского философского трактата «Трипитака» (Тэджангён) и 4700 экземпляров его продолжения (Сокчангён). Как пишут историки на их изготовление было потрачено 460 стоп бумаги.

Примерно в это же время искусные корейские мастера завершили гигантский труд, вырезав на больших деревянных досках текст свода буддийских сутр. Эти деревянные печатные доски-клише, число которых составляет 80 тысяч использовались для печатания книг, а также по легенде были предназначены для того, чтобы призвать божественную силу Будды для борьбы с монгольским нашествием. Этот буддийский канон, получивший название «Трипитака Кореана» (Пхальман тэджангён), представляет историческую ценность и в настоящее время хранится в Хэинса.

Позднее в Корее ок. в 1220 г. был изобретен первый в мире металлический наборный подвижной шрифт для печатания книг. Металлические брусочки с изображением иероглифов, букв и печатных знаков на бумаге отпечатывались по принципу матрицы. Отливкой металлических шрифтов в то время в Корее занималось управление Чуджон тогам, ведавшее также чеканкой медных монет.

Согласно историческим данным в период правления короля Коджона с 1234 по 1241 гг. по новой прогрессивной технологии в Корее было отпечатано 28 экземпляров трактата «Установление древних и современных обрядов» (Седжон когымне) в 50 томах. К сожалению, этот уникальный корейский артефакт не сохранился до наших дней. В настоящее время древнейшей в мире книгой, напечатанной с помощью подвижного металлического шрифта, считается корейский философский трактат «Главное в прямом высказывании идей» (Чикчи симчхе ёджоль), вышедший в свет в 1377 г. в монастыре Хындокса города Чхонджу. Этот древний корейский манускрипт до сих пор хранится в одном из исторических музеев Франции.

В 1392 г. по указу короля в Корее была создана государственная типография по изготовлению шрифтов и печатанию книг (Соджогвон), что дало толчок развитию книгопечатания в период правления династии Чосон. В то время в

государственной типографии работало 146 мастеров 8-ми специальностей, в том числе резчики текста на досках (чогакчан), изготовители шрифтов (кюнджаджан), наборщики (какчаджан), печатники (инчхульджан) и др. [2, 193].

Следует отметить, что подвижной металлический шрифт был изобретен в Корее на 200 с лишним лет раньше появление аналогичной технологии в Европе, которую впервые разработал и применил известный немецкий первопечатник Иоганн Гуттенберг примерно в 1439-1940 гг. Как известно, первое печатное произведение с использованием подвижных металлических шрифтов на территории Европы увидело свет в 1454 г. Это была Библия, которую Иоганн Гуттенберг напечатал в Майнце. Библия вышла в свет тиражом около 180 штук, из них 45 — эксклюзивные, их печатали на пергаменте. Для работы над этим тиражом было отлито не менее сотни тысяч металлических литер. Однако, не справедливо, что заслуги европейцев в развитии книгопечатания во всем мире признаны, а креативные достижения корейцев в этой сфере нет.

Литература

[1] *Андрианов В.Д.* Креативная Корея в сб. «Креативная экономика - важнейший фактор устойчивого развития страны». Кыргызско-Российский-Славянский Университет, г. Бишкек 2021 г., 120 с.
[2] *Хан Ёнъу.* История Кореи: новый взгляд; перевод с корейского под ред. М.Н. Пака. – М.: Восточная литература, 2010. – 758 с.
[3] Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. — 680 с.

«Камасутра»: наставление в любви – и не только

Вигасин А.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, в.н.с. кафедры истории Южной Азии,
Alexey.vigasin@gmail.com

«Камасутру» (КС) часто называют трактатом по сексологии. Некоторые главы ее, основанные, видимо, на медицинской литературе, соответствуют такому определению. Однако этим содержание памятника отнюдь не исчерпывается.

Центральным персонажем КС является *нагарака*. Буквальный перевод этого слова как «горожанин» не передает его действительный смысл. *Nāgaraka*, как и латинское *urbanus*, противопоставляется не сельскому жителю, а неотесанной деревенщине (лат. *rusticus*, санскр. *grāmya*). Где бы ни находился *нагарака* – в городе или в большом селе – он вел жизнь представителя культурной элиты. Он старательно соблюдает правила гигиены и следит за модой, рисует и музицирует, любит театр, а на столике у его кровати всегда лежит какая-нибудь книга (комментатор Яшодхара, безусловно, прав, когда говорит, что это не священная литература, а поэтический сборник).

Одной из основных областей Индии Ватсьяяна называет Кошалу (II.5.27). Это Дакшина-Кошала (совр. Чаттисгарх), которая впервые упоминается в эпиграфике IV в. (Аллахабадский панегирик и надписи Вакатаков). Так что, скорее всего, Ватсьяяна был современником Харишены и Калидасы, поэтов, творивших в утонченном стиле *кавья*.

Жизнь *нагараки* («кавалера») проходит в занятиях искусствами, в играх и развлечениях (*krīḍā*). Он постоянно общается с друзьями во время застолий с изысканными угощениями и напитками либо во время азартных игр и прогулок по парку. Искусство культурного досуга требует определенного достатка, но варновая принадлежность при этом не имеет значения: «кавалером» может быть и шудра, живущий на жалованье. Женятся для того, чтобы иметь законных наследников, а для «удовольствий» (*rati*) нужны любовницы. В идеальном доме «кавалера» должны быть две спальни. Одна из них находится во внутреннем помещении и предназначена для жен, а «внешняя спальня» - для культурных развлечений, в которых нет места супруге. Здесь кавалер встречается с дамами: с чужой женой, с веселой вдовой (*punarbhū*), а чаще всего – с куртизанкой (*gaṇikā*), которая способна доставить ему эстетическое и интеллектуальное наслаждение.

Куртизанка ведет со своим кавалером искусную игру, изображая страстную любовь и бескорыстную преданность. Отношения любовников кажутся театрализованным действом. Не случайно в КС для них используется терминология театра: он – *nāyaka* (исполняющий на сцене роль героя-любовника), она же – *nāyikā* (актриса в роли любовницы). Свита их – та же самая, что фигурирует в трактатах о театральном искусстве: наперсник, волокита и комический персонаж (*pīṭhamarda, viṭa,vidūṣaka*). Актрисы ведут себя как куртизанки, а куртизанки – как актрисы. В КС мы видим своего рода любовный канон - такой же, как в классической драме и поэзии. Бывает трудно определить, беллетристика следует за дидактикой или же, напротив, в трактате отражаются литературные образы и драматические сцены.

Известно, что Ватсьяяна подражал Каутилье. Но порою создается впечатление, что здесь есть элемент пародии, рассчитанный на комический эффект (так же, как в «Дашакумарачарите» и «Мудраракшасе»). Автор, сохраняя мину абсолютной серьезности, играет с читателем. В КС, как положено в ученом сочинении, содержатся отсылки к мнениям древних авторитетов – но цитаты эти фиктивные. В качестве наставников фигурируют два легендарных царских советника, упомянутых в «Артхашастре» (Диргха Чараяна и Гхотакамукха), а также два лингвиста, которые были названы в «Махабхашье» (Гонардия и Гоникапутра).

Нужна большая наивность, чтобы поверить автору КС, будто коварные министры Бимбисары и Прасенаджита на досуге сочиняли трактаты о том, как ухаживать за девушками, а специалист по санскритской грамматике - пособие в помощь тем, кто соблазняет чужих жен. Само составление трактата о наслаждении (*кама*) является частью той интеллектуальной игры, которой предавались древнеиндийские дамы и кавалеры.

Из области санскритской синонимики

Людвик Штернбах насчитал в санскрите 330 синонимов, означающих проститутку. Из них чаще всего встречаются *gaṇikā* и *veśyā*. Этимология первого слова очевидна – от *gaṇa* («множество, общность»). Второе, очевидно, связано с *viś* («община»). Вариантом слова *veśyā* является *veśa* [«Дашакумарачарита», изд. M.R.Kale, стр. 88, 125 и др.]. От последнего образовано *vaiśika* – название VI раздела «Камасутры», посвященного *veśyā*. Это то, что в ученых трактатах («Абхидханачинтамани», 532) называется *sādhāraṇastrī* – букв. «общая женщина» (латинское *publica*). Композиция «Камасутры» отражает это определение: один из ее разделов посвящен любовным отношениям со своей женой, другой – с чужой женой, третий – с девицей (которая и не своя, и не чужая), а четвертый – с «общей» женщиной (она и своя, и чужая, то есть публичная).

По словам Ватсьяяны (VI.5.28-30), публичные женщины бывают трех категорий: *gaṇikā*, *rūpājīvā* и *kumbhadāsī*. В данном контексте *gaṇikā* – высшая категория *veśyā*. *Ганика* принадлежит к культурной элите: она знает разнообразные искусства (*kalā*), с нею можно вести интеллектуальные беседы. Она выступает в качестве содержанки, получающей богатые подарки (пока не разорит клиента). Это – кокотка, городская знаменитость (палийское *nagarasobhinī*, то есть украшение и гордость города).

Rūpājīvā имеет более низкий престиж. Она не блещет образованностью, а ценят ее лишь за красоту. *Rūpa* «красота», *ājīva* «доход», таким образом, название можно истолковать как «продажная красотка» («Амаракоша» II.6.19). Доходы ее значительно меньше, чем у кокотки. Иногда (Яшодхара VI.6.60) говорится, что разновидностью *рупадживы* являются актрисы (*naṭī*). По словам «Артхашастры», в государстве есть разведчики, действующие открыто, а есть другие – те, что носят звание дипломатов. И точно так же есть просто публичные женщины, а есть такие, которые именуются актрисами.

Сложности вызывает самая низшая категория в перечне – *kumbhadāsī*. Слово состоит из двух основ: *kumbha* обычно означает «кувшин», а *dāsī* – «рабыня». На этом основании часто дают такое истолкование: «рабыня с кувшином», т. е. водонос. Однако повсюду, где встречается слово *кумбхадаси* («Дигха-никая» II.170; «Джатаки» V.403; VI.228; «Милиндапаньха» 331 «Махавасту» II.58; III.264, 270 и др.), речь идет не о воде в кувшине, а о занятиях проституцией (причем в самом пренебрежительном тоне). Известно также, что слово *kumbhā* означает «проститутка». У *kumbhadāsī* (или *kumbhā*) нет ни образования, ни красоты, ни богатства – она всего лишь оказывает сексуальные услуги.

Слово *dāsī* отражает презрительное отношение к женщине, торгующей своим телом (ср. *rūpadāsī*). В индийской литературе женское лоно часто уподобляется кувшину (начиная с «Ригведы» VII.33.13: риши Васиштха был зачат в кувшине - *kumbha*). Отсюда известные сюжеты о риши Агастье и Дроне – их называют *kumbhayoni*, *kumbhajanman*, *kumbhasaṃbhava* и т.д. Ср. обозначение незаконнорожденных детей как *kuṇḍa* и *golaka* (это также разновидности сосудов: «Ману-смрити» III.174; «Амаракоша» II,6.36). В

пракритской «Саттасаи» (7.54) есть такой стих: «Милый, что ты беспокоишься, не забеременею ли я? Ведь я сверху – разве может остаться хоть капля в перевернутом кувшине (*kumbha*)?». *Kumbhā* или *kumbhadāsī* – грубое обозначение уличной проститутки, находящейся в сексуальном рабстве.

Любовника проститутки или сутенера называют словом *kumbha*. От *kumbhā* образовано слово *kumbhīka* («Сушрута» I.318.13) – мужчина, которого используют как женщину, т.е. пассивный педераст (ср. пракритское *kumbhi* – «евнух»). Я рискнул бы высказать предположение, что, когда плагиатора называют словом *kumbhila*, это означает «происходящий от *kumbhā*», то есть попросту «сукин сын».

Судебный процесс в Японии в эпоху Хэйан: рутинные процедуры

Грачёв М.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории и культуры Японии, maxgr73@mail.ru

Отечественные японоведы вносят свои достижения в изучении истории страны Восходящего солнца. Однако при всем имеющемся в распоряжении специалистов изобилии источников (летописные своды, тексты законов и собрания пояснений к законам, сборники церемониальных мероприятий, дневники сановных особ, актовая документация и т.д.), правовая система эпохи Хэйан (794-1185) не получила детального рассмотрения в работах российских ученых, если сравнивать, например, с периодами Асука (592-710), Нара (710-794), Муромати (1336-1573) или Токугава (1603-1868). Между тем, судебная система хэйанских времен таит немало загадок, позволяющих скорректировать наши представления о становлении правовой традиции в Японии. Ведь именно в этот период наблюдаются значимые перемены в японском уголовном праве и судопроизводстве.

Судебный процесс в период Хэйан, инициируемый, как правило, письменной жалобой, носил розыскной (инквизиционный) характер. Исходя из уровня правосознания в тот период, рассмотрение и разрешение дела в суде не предполагало (да и не могло предполагать) состязательности. Разбирательства проходили как в провинциальной управе, так и в столичном Тюремном бюро (значимые дела требовали пристального внимания, а обвиняемого после рассмотрения дела в провинциальном ведомстве могли отконвоировать в столицу для продолжения следственных мероприятий) [Сёюки, 1959-1986; Сэйдзи ёряку, 1981].

В начале периода Хэйан существующие правила требовали, чтобы и истец, и ответчик (как и любой подозреваемый) на время следственных процедур помещались в тюремное присутствие, где могли быть подвергнуты различным формам дознания (спектр таковых был обширен). Для чиновников регулярной службы делалось исключение. Если они не обвинялись в серьезном проступке

(например, убийстве, «восьми тяжелейших преступлениях», фальшивомонетничестве и т.д.), когда требовалось обязательное содержание подследственных в тюремном ведомстве, то ранговых лиц временно отстраняли от службы и помещали под домашний арест (чиновники были обязаны явиться в тюремное присутствие по первому требованию; в случае неявки их можно было преследовать, как обычных беглых рабов) [Рё-но гигэ, 1998; Сэйдзи ёряку, 1981]. Только после создания полицейского ведомства Кэбииситё и реализации правовых инициатив при императорах Уда (прав. 887-897) и Дайго (прав. 897-930) были введены новые правила, согласно которым доноситель (истец) не должен был находиться в тюрьме вместе с подозреваемым (ответчиком), а контактировал со следователем по мере надобности [Сэйдзи ёряку, 1981].

О процессуальной независимости суда в эпоху Хэйан (такие предположения время от времени высказываются в зарубежной японистике), по всей вероятности, говорить не приходится, хотя источники позволяют допустить, что обществом выдвигались требования относительно беспристрастности суда [Сёюки, 1959-1986]. Технология судопроизводства в эпоху Хэйан регулярно корректировалась. Отличительной характеристикой процессуального права хэйанской поры по-прежнему была неразделенность уголовного и гражданского процесса, тем не менее, становятся заметны различия при разрешениях дел гражданских и уголовных. Ощутимы перемены и в процессе доказывания (сбора, проверки и оценки имеющихся доказательств), поскольку в эпоху Хэйан особенное внимание уделялось тщательной перепроверке свидетельских показаний [Сёюки, 1959-1986; Сэйдзи ёряку, 1981; Хосо руйрин, 1934].

Судебный процесс в эпоху Хэйан включал многочисленные рутинные процедуры. Акцентируем внимание читателей на нескольких значимых мероприятиях.

Во время допроса специальный чиновник, ведущий следствие, должен был осуществить «пятикратную оценку» подследственного, что предполагало у следователя наличие навыков судебного психолога. Высокая эффективность этой процедуры при всей очевидной сложности ее полноформатного проведения объясняет ее жизнестойкость на протяжении всего периода Хэйан [Рё-но гигэ, 1998; Хосо руйрин, 1934]. Совершенно рутинным мероприятием во время следствия была пытка, которая одновременно мыслилась и методом психологического воздействия на подследственного, и действенным инструментом дознания. Источники тех времен сохранили немало свидетельств об избыточном рвении судейских чиновников в деле применения пыток не только по отношению к подследственным, но и к своим бывшим «коллегам», которые попали под обвинения. Таковы нормы организации социального пространства тех далеких времен, когда не существовало презумпции невиновности и даже чиновник неявившийся без уважительных причин в присутственное место воспринимался как беглый. Несмотря на все удручающие последствия применения пыток (физические увечья и гибель подследственных), их применение в системе судопроизводства оставалось общеупотребительным не только в период Хэйан, но и в более поздние времена. Небезынтересно, что

отдельные судейские чиновники превращали процедуру пытки в удручающий ритуал, вызывая со стороны вельможных особ неодобрение и порождая призывы к ужесточению контроля над служащими судебных ведомств [Сёюки, 1959-1986]. Со временем пытка, применение которой надлежало обосновать, становится жизненно важным институтом процессуального права в средневековой Японии [Хосо руйрин, 1934].

Не менее пугающей представляется еще одна процедура. Речь идет о весьма шаблонном мероприятии, когда после получения признания («царицы доказательств» тех времен) связанного путами из пеньковых веревок обвиняемого под конвоем вели на рыночную площадь, где оглашали приговор и надевали на него кандалы. Со временем таковая процедура превратилась в масштабное церемониальное действие, регулярно осуществляемое в 5-м и 12-м лунных месяцах. Это было своеобразное позорящее наказание, ставшее верительным знаком торжества закона над беззаконием; ритуалом оповещения окружающих о виновности преступников и неотвратимости наказания. В то же самое время нельзя не обратить внимание на театральную зрелищность и символизм мероприятия, которое уже в X в. трансформировалось в востребованное не только среди знатных особ зрелище, но и обрело широкую популярность у простолюдинов. Оное стало в некотором смысле спектаклем, вызывавшим возбуждение толпы. Посредством усиления визуальных и звуковых элементов устроители церемониального действа достигали правильности понимания сути происходящего у присутствующих, ее предельной информативной точности. Зеваки были готовы смотреть на процессию преступников даже в ненастную погоду, не скрывая при этом возгласы восторга и демонстрируя негодование, если «представление» по каким-либо причинам не состоялось [Сайкюки, 1993].

Литература

[1] Рё-но гигэ [Официальные комментарии к гражданским законам]. Токио: Ёсикава кобункан, 1998.
[2] Сайкюки [Записи из Западного дворца]. Токио: Синто тайкэй, 1993
[3] Сёюки [Записи правого министра]. Токио: Ринсэн, 1959-1986
[4] Сэйдзи ёряку [Кратко о важнейших политических делах]. Токио: Ёсикава кобункан, 1981.
[5] Хосо руйрин [Лес категорий законов]. Токио: Ёсикава кобункан, 1934

К вопросу о царских погребениях эпохи Западное Чжоу (1027-771 гг. до н.э.)

Ефименко М.В.
НИУ ВШЭ, РАНХиГС

Памятники материальной культуры активно используются историками при реконструкции истории древних государств. При их интерпретации

используются методы историко-археологического анализа. К ним прибегали авторы работ по истории древней Греции (Ю.В. Андреев), Хазарского каганата (С.А. Плетнева, М.И. Артамонов), древнего Китая (Д.В. Деопик, С. А. Комиссаров, М.Ю. Ульянов) и др.

Чжоу-гун мяо 周公庙 – один из важнейших западночжоуских памятников, хорошо известный археологам, но мало описанный историками. Он располагается в 15 км от политического центра чжоуского государства в Цичжоу (у деревни Фэнмин 凤鸣镇, в 7 км к северу от уезда Цишань 岐山, пров. Шэньси), у подножия южного склона гор Цишань. Первые находки здесь были сделаны еще в 1943 г., но разведка была проведена только в 2003-2004 гг., а раскопки продолжаются до сих пор.

В 2004 г. здесь был выявлен комплекс погребений (Линпо 陵坡), состоящий из 36 могил различных размеров и конструкций, там же обнаружены четыре ямы с лошадьми. К юго-западу от него найдены следы строений, которые были атрибутированы как храмовый комплекс, – это шесть групп фундаментов из утрамбованной земли. Там же было найдено большое число фрагментов черепицы. К западу, северо-западу и северу от могильника обнаружены участки стены из утрамбованной земли общей длиной около 1500 м. Она идет вдоль глубокого ущелья и окружает могильник Линпо. Вероятно, это фрагмент стены, защищавшей все поселение от нападений с севера.

Обратимся к погребениям (рис.1). Среди них выделены 22 крупных с 1, 2, 3 и 4 дромосами (могильными коридорами). Китайские археологи сравнив эти погребения с царскими погребениями государства Шан-Инь (ок. 1300-1027 г. до н.э., район г. Аньян), указывают на то, что здесь могли быть захоронены члены правящего в Чжоу рода Цзи 姬 [2]. Это особенно важно, поскольку до сих пор в исторической литературе нет конкретных представлений о погребениях царей Западного Чжоу.

Все они по числу дромосов и размерам могу быть объединены в пять групп:

Группа 1: погребения с 4 дромосами:

Подгруппа А - крупных размеров: М1, М10, М12

Подгруппа Б - средних размеров: М4, М5, М18, М35

Подгруппа В - шахтовые погребения: М14, М26, М23

Группа 2: погребения с 3 дромосами:

Подгруппа А: крупных размеров: М2, М22,

Подгруппа Б: средних размеров: М21

Группа 3: погребения с 2 дромосами:

М3, М7, М25, М19, М25, М27, М32, М33

Группа 4: погребения с 1 дромосом: М3, М1, М34

Группа 5: грунтовые погребения без дромосов

Подгруппа А: крупные М6, М9, М13, М15

Подгруппа Б: мелкие М8, М16, М17, М20, М24, М28, М30, М31, М36

Крупнейшее погребение — М1. Это могила крестообразной формы с 4 дромосами, что указывает на высший социальный статус погребенного. К югу от него на одной линии располагаются еще два аналогичных погребения — М10 и М12. Несколько западнее от них, но, как бы между ними, расположено еще одно погребение с 4 дромосами — М18, единственное в котором сохранился некоторый материал: большое число фрагментов керамических сосудов, нефритовые подвески, бронзовая насадка на колесничную ось и другие бронзовые украшения колесницы. К востоку и между погребениями М10 и М12 также в линию расположены погребения М4 и М5 с 4 дромосами, но несколько меньших размеров.

Большие размеры погребений двух этих групп (М1, М10, М18, М12 и М4, М5,), их расположение в центре могильника, наличие четырех дромосов позволяют предположить, что это могилы монархов Чжоу. Сравнение крестообразные погребения памятника *Чжоу-гун мяо* с царскими погребениями Шан-Инь позволяет выявить сходство в их конструкции — это грунтовые или шахтовые могилы с прямоугольной или квадратной погребальной ямой с гробом и саркофагом или двумя саркофагами. Вероятно, сходства погребального обряда обусловлены тем, что шанцы и чжоусцы являются представителями одной этнической группы – *хуася*. Первые чжоуские цари могли воспроизводить шанский обряд погребения. Но в самом обряде погребения и погребальном инвентаре могут быть отмечены некоторые различия, вызванные субэтнической принадлежностью погребенных (шанцы - восточные *хуася*, чжоусцы - западные *хуася*). Заимствуя обряд погребения царей у шанцев в целом, чжоусцы его несколько видоизменяли, соотнося со своими погребальными обрядами.

По аналогии с царскими погребениями в районе шан-иньской столицы, мы предполагаем, что это могли быть погребения Чэн-вана (1024-1004 гг. до н.э.), Кан-вана (1004-984 гг. до н.э.), Чжао-вана (984-966 гг. до н.э.), Му-вана (965-928), Гун-вана (927–907 гг. до н.э.), И-вана (I) (907–897 гг. до н.э.). Мы начали с Чэн-вана, а не с У-вана, поскольку до Чэн-вана правители Чжоу состояли на службе у правителей Шан-Инь и вряд ли могли иметь сравнимые по размеру с шанскими погребения. У-ван, объединив вокруг себя ряд государей соседних царств, завоевал столицу Шан-Инь, но оставил там в качестве государя сына последнего шанского *вана* [1]. После смерти У-вана, тот был убит. И уже тогда сын У-вана Чэн-ван, после продолжительного регентства его дяди - Чжоу-гуна, стал единовластным правителем государства Чжоу, как преемника Шан-Инь. Напомним, что сам Чжоу-гун был похоронен не здесь, а в удельном владении своего сына в землях западного Шаньдуна – на территории владения Лу.

Могила М18, в силу ее некой обособленности, могла принадлежать государю, правление которого проходило или закончилось при необычных обстоятельствах. Соответственно, это мог быть Чжао-ван, который погиб в военном походе, в попытке завоевать государства к югу от реки Хуайхэ. Менее вероятно, Му-вана, поскольку в его правление происходили некие кардинальные политические и религиозные преобразования, но описание его правления в

источниках исключительно мифологизировано и практически не предполагает собственно исторической информации.

***

Таким образом, изучение археологического материала памятника *Чжоу-гун мяо* позволяет весьма уверенно предполагать, что могильник высшей знати Линпо является последним пристанищем первых чжоуских царей. Конструкции их погребений во многом сходны с конструкциями могил народа шан, расположенного к востоку от чжоусцев. Однако существуют отличия погребального обряда, указывающие на различия в погребальных традициях восточных и западных *хуася.*

Литература

[1] История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 тт. Т. 1. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): От палеолита до V в. до н.э. / Гл. ред.: С.Л. Тихвинский; Отв. ред.: А.П. Деревянко. М.: Наука, 2016. 974 с.

[2] Ма Цзянькэ. Шилунь Чжоугунмяо ичжидэ вэньхуа нэйхань цзи синчжи (К вопросу о культуре и особенностях памятника Чжоу-гун мяо) // Вэньбо, 2004. №6. Сс. 173-175, 211.

Роль военачальников во время второй фазы гражданской войны 22-42 гг. н. э. в Древнем Китае

Коробицына А.К.

Институт Востоковедения РАН

Для Древнего Китая 22 – 42 гг. были временем гражданской войны, временем падения государства Синь и постепенного образования государства Восточная Хань. Это был период полицентризма, период борьбы между несколькими императорами, в которой участвовали более ста военачальников. Целью этого доклада – показать, как менялась роль военачальников на протяжении этой борьбы за власть.

Постановка данной проблемы стала возможна после перевода и анализа первой главы *Хоу Хань шу* («История поздней Хань») — сочинения Фань Е (398 – 446 гг.), основного источника по истории изучаемого периода. Для анализа главы понадобилось составить базу данных, в которую были занесены имена всех упомянутых исторических персоналий, их звания или титулы, а также события, происходившие с ними, и даты этих событий.

После перевода и анализа источника удалось выделить два периода гражданской войны 23 – 29 гг. н. э. Первый период с 23 г. по 25 г. В это время происходит выделение основных участников политической борьбы. Во время второго периода с 26 по 29 гг. н.э. происходит борьба за восстановление империи Хань между представителями рода Лю, который до этого правил в Западной

Хань. Роль военачальников менялась из-за изменения характера политической борьбы.

Профессор ориентальных языков Георг Якоб Кер (1692-1740) в Санкт-Петербурге

Никольская К.Д.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории Южной Азии, sniff0210@gmail.com

В фондах РГАДА хранится архив, принадлежавший человеку ярких дарований и необычной судьбы, стоявшему у самых истоков европейской востоковедной науки. Речь идет о немецком ученом, последние несколько лет своей жизни, проведшем в России, – Георге Якобе (Георгии Яковлевиче) Кере (1692-1740). Сведений об этой неординарной личности мало: биография его известна фрагментарно, ни одного портрета не сохранилось. Однако архивные материалы позволяют восстановить некоторые страницы его жизни и черты личности, рисуя человека редкой эрудиции, талантливого исследователя и знатока языков, в том числе, восточных.

Хранящийся в Москве архив Георга Якоба Кера весьма велик и крайне плохо разобран. Представленные в РГАДА бумаги ученого совершенно разные по жанру и содержанию: это письма, конспекты, выписки из научных трудов начала XVIII века и даже проект создания в России общества для изучения восточных языков (прообраз будущего Института Востоковедения). Их анализ демонстрирует необычайно широкий круг интересов Кера: топография, юриспруденция, астрономия, нумизматика (им, в частности, была собрана коллекцию слепков с восточных монет) и т.д. Однако основная тема его изысканий – языки, и прежде всего, языки восточные.

Анализ эпистолярного наследия Кера демонстрирует необычайно широкий и разноплановый круг знакомств: адресаты ученого разбросаны от Западной Европы до Южной Индии. Среди них – крупные ученые эпохи (Г.З. Байер, Д.Г. Мессершмидт), миссионеры, жившие вдали от Европы (Б. Цигенбальг, Б. Шульце), знатоки восточных языков (Н. Дал, К.Р. Дадичи, С. Негри). Значительная часть корреспонденции Г.Я. Кера (и официальной, и приватной), как и его личных записей, – тексты либо на немецком, либо на латыни. Помимо этого, в папках представлены письма и бумаги на французском, русском, арабском и даже греческом языках. Часть этих документов позволяет в общих чертах реконструировать историю переезда ученого в Россию, а также обстоятельства его жизни и работы в Петербурге.

В январе 1732 г. Г.Я. Кер по приглашению графа А.И. Остермана прибыл в российскую столицу, где в качестве переводчика поступил на службу в Коллегию иностранных дел. В «портфеле Кера» сохранилось несколько документов, позволяющих понять характер взаимоотношений ученого с его

российским работодателем, графом А.И. Остерманом, с одной стороны, а с другой – представить себе уровень и образ жизни преподавателя восточных языков в Петербурге начала XVIII века. Прежде всего, к числу этих документов относится контракт, заключенный с Георгом Якобом Коллегией иностранных дел в 1732 г., и его письма, адресованные Остерману.

Контракт сохранился в двух версиях: русской и немецкой. Последняя – более полная, русский же экземпляр составлен в краткой форме. Согласно этим двум документам, Г.Я. Кер поступал на службу в Коллегию иностранных дел сроком на 6 лет и обязался «*при помянутой коллегии в арабском, турецком и персидском языках должность переводческую отправлять, и во всем том, что ему повелено будет, всегда с совершенною и неогурливою верному и прилежному служителю должною ревностию и рачением себя оказывать*». Помимо основной работы при коллегии ему вменялось в обязанность «*подчиненыя ему ученики в вышепомянутых ориентальных языках обучать, и к службе ея императорского величества годными учинить*». То же прописано и в немецкой версии контракта: обучать языкам учеников и готовить к тому, чтобы усердно и прилежно (*tüchtig und geschickt*) служить Ее Императорскому Величеству. За службу в коллегии Керу полагался оклад в размере 400 рублей ежегодно. Сверх того за каждого обученного восточным языкам ученика ему обязаны были выплачивать по 100 рублей. Немецкий экземпляр договора гарантирует также обеспечение ученого бытовыми удобствами – жильем, дровами и свечами (… *freie Kvartier, Holz und Licht*).

Оценить щедрость нанимателей Г.Я. Кера возможно, если сопоставить обещанные ему средства с заработной платой и уровнем цен начала XVIII в. Сведений такого рода сохранилось достаточно много – и в отечественных источниках, и в записках иноземных путешественников. Они относятся к разным регионам Российской империи и касаются разных социальных слоев. Однако в целом их анализ демонстрирует то, что назначенное Керу жалование должно было обеспечить ему безбедное существование даже в таком дорогом для проживания городе как Петербург, ибо в мире отечественной науки XVIII в. лишь, пожалуй, оклад академической профессуры превосходил те средства, которые были обещаны переводчику и преподавателю языков Г.Я. Керу.

Помимо двух экземпляров контракта в бумагах ученого сохранились черновики писем к человеку, по приглашению которого он и оказался в Петербурге, – вице-канцлеру и первому кабинет-министру графу А.И. Остерману. Большая часть этих посланий посвящена теме постоянных денежных затруднений. Из этих документов со всей очевидностью следует, что, истративший все свои сбережения на длительное и дорогостоящее путешествие в Россию, немецкий профессор постоянно нуждался: деньги за его труды в Коллегии иностранных дел платили с большим опозданием и лишь после смиренных просьб, из которых и состояли его письма к графу.

Всплеск интереса к восточным языкам и острая потребность в них в России, как и в Западной Европе, – ситуация, характерная, скорее, для XIX в., нежели для века XVIII. Даже созданный позднее Московский Университет долгое время не

имел ни ресурсов, ни платформы для преподавания восточных языков. Некоторым исключением в эту эпоху являлись лишь практические школы, готовившие переводчиков. По этой причине уникальные таланты и познания Г.Я. Кера в начале XVIII в. не могли быть оценены по достоинству, и имя его достаточно скоро было почти забыто.

Литература

[1] Архивные документы: РГАДА, ф.191, д.141, л.211-213; РГАДА, ф.191, д.141, л.155-156; РГАДА, ф.191, д.141, л.166-167.

Особенности структуры и содержания главы «Разъяснение о 72 учениках» в *Кун-цзы цзя-юй* («Школьные беседы Конфуция», III в.)

Попова Г.С.

Институт Востоковедения РАН, м.н.с отдела Китая

Кун-цзы цзя-юй 孔子家語 («Школьные беседы Конфуция») – сборник произведений, большинство из которых представляют собой философские диалоги между Конфуцием (551-479 до н.э.), его учениками и другими людьми. Точное время составления памятника неизвестно. Первое упоминание его названия встречается в *Хань шу* («Записи о Хань», I в.). Дошедший до нас вариант связывают с именем ученого периода Троецарствия (220-280) Ван Су (195-256), который либо отредактировал, либо воссоздал упомянутое в *Хань шу* произведение.

Одна из глав этого произведения полностью посвящена описаниям учеников Конфуция (551-479 до н.э.). В ней перечислены имена и даны краткие описания 76 учеников философа (в названии главы говорится о 72 учениках).

Особенности структуры

В главе использованы две модели описания учеников.

Первая модель содержит следующие последовательно перечисленные сведения: 1) имя, 2) место рождения, 3) прозвище, 4) возраст по отношению к Конфуцию, 5) личные качества или поступки, характеризующие его как человека, 6) отношение Конфуция к этому ученику, 7) детализация обстоятельств жизни, происхождения и пр. По этой схеме составлены описания 40 учеников, составляющих большую часть главы.

Полностью все указанные структурные элементы содержатся только в четырёх описаниях. В 14 описаниях отсутствует один элемент, в девяти – два элемента. Таким образом, немногим более половины описаний этого типа – достаточно полные. Самыми краткими описаниями можно считать перечисление: имени, места рождения, прозвища и возраста по отношению к Конфуцию – три случая; имени, прозвища и возраста – три случая.

Вторая модель предполагает только два элемента: 1) имя, 2) прозвище. Этому типу структуры соответствуют 36 описаний, находящихся в конце главы.

Их компактное нахождение в конце главы и неизменность структуры может свидетельствовать о том, что эта часть главы имеет иной источник, нежели описания первого типа.

Особенности содержания.

Первые 40 описаний учеников данной главы содержат множество сведений, в частности, о их возрасте по отношению к Конфуцию, месте рождения, семейных и служебных обстоятельствах, а также описаний некоторых событий из их жизни.

Место рождения указано в описаниях 33 учеников: из них 19 человек из царства Лу, по четыре из царств Вэй и Чэнь, три из царства Ци, два из царства Сун, один из царства Цай. В 16 описаниях говорится о личных качествах учеников, в большинстве случаев это положительные характеристики. Среди них: человеколюбие, сыновняя почтительность, благодать, благодатные свершения, красноречие, умение управлять, владение учением о письменах и др. В 16 описаниях имеются сведения о личных и семейных обстоятельствах (5 случаев) и службе (9 случаев) учеников, о каких-либо событиях из их жизни (4 случая). Все эти сведения имеют значение для составления представления о личности учеников.

В 29 описаниях указано, на сколько лет ученики младше Конфуция. Значительное число учеников (21 человек) были младше Конфуция на 30-50 лет, трое были младше более чем на 50 лет, четверо были младше менее чем на 30 лет (от 4 до 29). Несмотря на то, что в главе указан возраст чуть больше трети учеников, это позволяет сказать, что активная деятельность Конфуция как наставника началась после того, как ему исполнилось 50 лет, хотя некоторые ученики (Цзы Лу, Цзи Лу, Цзы Жо) ненамного младше него.

Часть упоминаемых в этой главе сведений об учениках Конфуция может быть уникальна для древнекитайских источников, однако эта глава не является единственным произведением, содержащим подобные сведения – сходная глава имеется в «Исторических записках» Сыма Цяня, составленных на рубеже II-I вв. (глава 67 «Жизнеописание учеников Конфуция»). Часть содержащихся в ней сведений сходна с тем, о чем говорится в *Кун-цзы цзя-юй*, однако невозможно сказать, что одно произведение могло послужить источником для другого, поскольку в ней описаны совершенно иные случаи из жизни учеников, к тому же более подробно, противоречивы сведения об их возрасте, различны называемые имена. Разница в структуре и содержании описаний учеников в двух произведениях может свидетельствовать о том, что для их создания были использованы сходные, но неодинаковые источники.

Этапы научной биографии Г.Г. Бандиленко (1946-2002), индонезиеведа-медиевиста

Ульянов М.Ю.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой китайской филологии

Геннадий Георгиевич Бандиленко (10 июня 1946 – 28 февраля 2002) – один из замечательных российских востоковедов, историк-медиевист. Он внес существенный вклад в развитие отечественного индонезиеведения [1-2, 4-5]. Г.Г. Бандиленко окончил ИСАА при МГУ в 1970 г.; как и все медиевисты кафедры истории стран Дальнего Востока и ЮВА, являлся учеником Д.В. Деопика. Его творческая жизнь была посвящена изучению истории, идеологии и культуры государств островной части ЮВА (Нусантары), прежде всего на Яве, Суматре и Бали. В течение многих лет он преподавал в ИСАА историю Индонезии, Малайзии и Филиппин, читал общий курс «Основы археологии и истории первобытного общества», вел курсы по этнографии, источниковедению и историографии, истории религий и искусства.

В его научной биографии можно выделить два этапа: формирования (1973-1986), когда были определены основные направления исследований, и научной зрелости (1986-2002), когда им были сформулированы подходы к системному изучению монархической власти в средневековых государствах Нусантары.

I. *1973-1986 гг. Этап формирования: исследование проявлений монархической власти*

Первые научные работы отражали результаты исследований трех тем: изучения *Пararатона* («Книга царей») – важнейшего нарративного источника по истории средневековой Явы, храмовых комплексов и скульптур, а также титулатуры монархов яванских государств. Эти направления возникли в силу необходимости расширения круга источников, из-за малочисленности письменных памятников. Тогда же пришло понимание важности разработки и использования количественных подходов.

В 1973 г. накануне защиты диссертации им было опубликовано две статьи. Первая: «“Книга царей” — культурно-исторический памятник средневековой Индонезии», посвященная рассмотрению структуры и содержательных особенностей *Пararатона*. Вторая: «Культовая скульптура средневековой Явы VIII-XV вв.» [1]. В 1974 г. им была защищена диссертация на соискание ученого звания кандидата исторических наук: «Развитие культуры средневековых индонезийских государств VII-XV вв. (по материалам искусства и архитектуры)» [1]. В ней были представлены результаты изучения памятников культуры как одного из видов исторических источников. После этого началось время накопления опыта: он интенсивно преподавал и много часов проводил в библиотеках, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архиве многочисленные выписки из книг и статей. В 1981 г. увидела свет статья «Опыт количественного анализа памятников культуры средневековых индонезийских государств (VIII-

XV вв.)» [1]. В 1980-1982 гг. в первом издании энциклопедии «Мифы народов мира» было опубликовано 14 статей по яванской и балийской мифологии [3].

В 1982-1986 гг. обозначился переход к углубленному изучению институтов монархической власти, в частности титулатуры яванских властителей. Первые результаты были отражены в статье 1982 г. «Власть и титул монарха в Сингасари и раннем Маджапахите (к анализу санскритских и яванских детерминативов)» [1]. В 1984 г. эта тема нашла развитие в статье «Типология обозначения монарха и его развития в средневековом яванском обществе» [1]. В этих двух работах разрабатывалось понятие «система обозначения монарха» (СОМ). А то, что изучалось ранее, получило название: «система изображения монарха» (СИМ). Так были сформулированы две основополагающие части формирующейся «монархической концепции». В том же году была опубликована монография «Культура и идеология средневековых государств Явы. Очерк истории VIII-XV вв.» [1]. Она стала рубежной в научном творчестве, в ней были обобщены итоги предыдущих трудов, намечены направления исследований на будущее.

II. ***1986-2002 гг. Работа над докторской диссертацией, посвященной «концепции монархической власти»***

В это время на основе всех направлений его научных изысканий (источники, политическая история, титулатура, храмовая архитектуры и скульптура) сформировалось системное описание феноменологии высшей власти, которую он назвал «Концепцией монархической власти» (КМВ). 1 апреля 1986 г., в день рождения основателя кафедры академика А.А. Губера (1902-1971), на заседании кафедры истории стран ДВ и ЮВА впервые обсуждался вопрос о написания им докторской диссертации.

Одним из самых плодотворных в научном творчестве Г.Г. Бандиленко стал 1989 г. В статье «Об истоках древней и раннесредневековой культовой архитектуры в Юго-Восточной Азии» им были представлены результаты исследований культовой архитектуры Явы [1]. Тогда же наметилось новое направление: исследование острова Бали. Оно нашло отражение в статье «Изучение традиционной балийской культуры в зарубежной историографии» [1]. В том же году увидела свет небольшая статья «“Чарака”: ориентир яванских ученых», посвященная характеристике журнала, в котором публиковались работы яванистов [1].

В первой половине 90-х гг. Г.Г. Бандиленко сосредоточился на разработке КМВ. Ее результаты отражены в двух статьях: «К вопросу о сакральной экологии власти в ранних государствах Западной Нусантары» и «Религиозная концепция монарха и образ горы в средневековых государствах Нусантары» [1]. В 1992 г. увидел свет учебник «История Индонезии», первый том которой был посвящен древности, средним векам и новому времени [1]. Г.Г. Бандиленко принадлежит краткое и концептуальное описание особенностей политической и культурной истории (разделы по социально-экономической тематике были написаны Д.В. Деопиком при участии С.В. Кулланды).

К декабрю 1993 г. появился первый вариант диссертации, которая должна была называться «Монархии Нусантары в VII–XV вв.: к проблемам исследования традиционных религиозно-идеологических концепций высшей власти и этапов политической истории государств Явы, Суматры и Бали». В нем было окончательно сформулировано основное направление исследований: системное рассмотрение феномена высшей монархической власти в государствах Нусантары. В 1995 г. увидела свет статья, отражавшая теоретические подходы диссертации: «Центры власти и власть центра», в которой был опубликован первоначальный вариант пространственной модели КМВ [1]. Чуть позже, в 1996 г. был опубликован большой очерк по истории индуизма на Яве в словаре «Индуизм, джайнизм, сикхизм».

В конце 90-х гг. благодаря читаемому в ИСАА и Институте практического востоковедения (ИПВ) спецкурсу «Религиозно-идеологические основы монархии в ранней истории государств Нусантары», диссертационная работа начала принимать все более завершенный вид. 22 апреля 1998 г. на Ломоносовских чтениях Г.Г. Бандиленко сделал доклад «Концепция пространства в религиозной идеологии средневековых государств Явы», в котором подробно рассмотрел содержание схемы КМВ [1]. В конце 1998 г. увидела свет программная (оказалось – итоговая) статья «Религиозно-идеологическая концепция монархической власти как объект систематического описания (в связи с изучением монархий Нусантары VII-XV вв.)» [1]. В ней была опубликована доработанная схема КМВ и дано ее системное описание. В 1999 г. появилась статья «Атрибуты власти и монархическая концепция. К вопросу о регалиях и ритуализованных действах как фигурантах политической истории средневековой Нусантары», в которой был детально рассмотрен один из элементов КМВ [1].

Последние годы жизни были связаны с размышлениями (очевидно, непростыми) над окончательной структурой диссертации. Дело в том, что схема КМВ имела вид пространственной объемной модели, а любой текст по природе линеен. Надо было найти решение, как эту схему передать в тексте. К началу 2000-х гг. ход работы ускорился, но до завершения было еще далеко. Г.Г. Бандиленко придавал ей все более фундаментальный вид: продолжилось раскрытие схемы КМВ, появилось философское осмысление монархизма (Ильин) и феноменологии КМВ (Хайдеггер), оформился финальный замысел работы.

В последний год жизни Г.Г. Бандиленко планировал взять академический отпуск, чтобы поправить здоровье и дописать диссертацию. Но судьба распорядилась иначе, жизнь оборвалась. Работа осталась незавершенной. Через несколько лет после кончины Геннадия Георгиевича его супруга Елена Алексеевна и сын Вадим Геннадьевич передали в распоряжение кафедры его рукописное наследие, в том числе и несколько вариантов рукописи диссертации, которая, надеемся, скоро увидит свет в виде монографии. Работы Г.Г. Бандиленко вместе с трудами С.В. Кулланды, Д.В. Деопика и А.О. Захарова составляют фундамент отечественной индонезиеведческой медиевистики.

Литература
[1] Бандиленко Геннадий Георгиевич // С. Д. Милибанд. Востоковеды России. Биобиблиографический словарь. М., 2008, с. 100.
[2] Бандиленко Геннадий Георгиевич // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2002, № 4. С. 143.
[3] Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. 2-е изд. Том 1. М., 1987, с. 151-153, 164, 199, 341, 361, 478, Том 2. М., 1988, с. 195, 296, 367, 405-406, 424, 644.
[4] *Оглоблин А.К.* Памяти Г. Г. Бандиленко // Нусантара. Юго-Восточная Азия. Вып. 3. СПб, 2002, с. 185.
[5] Bandilenko Gennady Georgievich // Victor Pogadaev. Wajah Sarjana Pengajian Melayu Rusia. Kuala Lumpur, DBP, 2015, hlm. 11.

О знакомстве в Нидерландах XVII-XVIII вв. с яванским языком

Ульянов М.Ю.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой китайской филологии

Изучение яванского языка, а также истории и культуры яванцев, государствообразующего этноса в современной Индонезии, является важной частью современного индонезиеведения. Сложность в том, что государственным языком в стране является индонезийский, который возник на основе малайского как языка-посредника, который был широко распространен в островной части ЮВА еще в средние века. С проникновением сюда европейцев, португальцев и нидерландцев, он получил еще большее хождение. Знакомство с ним началось еще в начале XVI в. благодаря списку малайских слов (ок. 1522 г.), составленный Антонио Пигафетта, участником испанской экспедиции Магеллана-Элькано (1519-1522) [4, 12].

Поэтому и в Нидерландах в XVII-XVIII вв. все усилия были направлены на изучение малайского языка и перевод Библии, что сопровождалось написанием грамматик и составлением словарей [5]. Датой зарождения нидерландской малаистики можно считать 1603 г., когда увидел свет словарь малайского и мальгашского языков, изданный Фредериком де Хаутманом [4, 51]. Яванский же на протяжении XVII-XVIII вв. находился на периферии внимания, свидетельства о знакомстве с ним носят единичный характер [1].

Период 1. 1646-1706 гг. От первого словника до создания яванско-нидерландского словаря

Первое свидетельство о знакомстве с яванским языком относится к 1646 г., когда в приложении к книге «Возникновение и развитие Объединенной нидерландской официальной Ост-Индской компании» (*Begin en de Voortgangh van de Vereenighde Nederlantsche Geoctroyeerde Oost-Indische Compagnie*. 2 vol.,

1646. p. 43-52) был опубликован небольшой яванско-малайско-голландский словник [5].

В 1686 г. в структуре «Высшего правительства» (Hooge Regeering) Нидерландской Ост-Индской комании в Батавии появилась должность «уполномоченного по делам туземцев» («*De Gecommitteerde tot de Saecken der Inlanderen*»), в подчинении которого находилось несколько переводчиков. Благодаря этому возникли условия для появления служащих, владевших языком. Однако устный и письменный перевод с яванского и на яванский обеспечивался в основном теми служащими ОИК, которые являлись детьми от смешанных браков (*индо*, англ. *Eurasians*) и, будучи билингвами, они не нуждались в специальном обучении языку и не занимались его изучением и описанием.

И все-таки порой яванский привлекал внимание отдельных энтузиастов. Одним из них был **Герберт де Ягер** (Herbert de Jager, 1636-1694), который после окончания Лейденского университета нанялся на работу в ОИК в качестве специалиста по азиатским языкам (малайский, персидский, санскрит, тамильский, телугу и др.). Известен он стал как натуралист, который переписывался с жившим на острове Амбон великим ботаником Георгом Румфом (1627-1702). В одном из писем к нему (от 25 февраля 1689 г.) он писал о классическом яванском языке *кави*, отмечая в нем большое число заимствований из санскрита [5].

Период 2. 1706-1778 гг. От первого словаря до образования «Батавского общества культуры и наук»

В **1706** г. был создан первый яванский словарь: «*Lexicon Javanum: in quo voces sermonis Javani Belgice redduntur*» («Яванский лексикон, в котором звучание разговорной яванской речи передано по-бельгийски»)[11]. Он известен по рукописи, в которой имя автора не указано. Словарь содержит 7,500 глосс, яванские слова записаны латиницей. В нем также приведен список яванских *аксар* (букв), даны образцы яванских текстов на *нгоко* и *кромо*, содержатся данные о яванском календаре.

Почти сразу после составления этой рукописи священник Петрус ван дер Форм**,** который занимался переводом Библии на малайский язык и хорошо понимал значимость яванского языка, отправил ее голландскому востоковеду (арабисту и гебраисту) **Адриану Реланду** (Adrian Reland, 1677-1718). А. Реланд проявив к нему интерес, он опубликовал этот словарь в третьем томе своих избранных трудов 1708 г. (*Relandi Hadriani*. Dissertations miscellaneae. 1708. vol. 3 p. 91-103), добавив к нему список яванских слов из яванско-малайско-голландского словника 1646 г., а также перечень титулов яванской знати [5].

Ярчайшая фигура в истории яванистики XVIII в.: **Франсуа Велентейн** (François Valentijn, 1666-1727), автор пятитомного сочинения «Oud en Nieuw Oostindiën» (Старая и новая Ост-Индия), издававшегося в 1724-1726 гг. В нем описана история завоеваний голландской ОИК в Нусантаре, приведены сведения из историй островных государств. Собственно Яве посвящены, изданные в 1726

[11] Рукопись хранится в Библиотеке Ватикана (Vat. Ind. 9), а копия — в библиотеке Лейденского университета (D Or. 381).

г. четвертый том названного труда, а также своего рода добавочный к нему том, который назывался «Дела на службе Господу на острове Ява» («Zaaken van den godsdienst op het eyland Java»).

В первом труде приведен образец текста, написанный яванским письмом *чаракан,* даны список *аксар* и образцы переводов христианских молитв на яванский язык двух его уровней: *нгоко* и *кромо*. Во второй книге Ф. Валентейн писал о том, что в его время языками общения являлись португальский и малайский, а яванский оставался среди тех языков, «*над которыми не ведется никакой работы*». И он сам занялся его изучением, когда находился в Сурабае в качестве полевого капеллана в экспедиции против Сурапати (война с ним длилась в 1683 – 1706 гг.). Там он познакомился с текстами яванских законов. Позже он писал: «*Я с тех пор [язык] узнал лучше, поскольку позже я уже настолько хорошо знал его, что составил Лексикон или Словарь (Woordenboek of Dictionarium), который ношу при себе*». Известно, что этот словарь в рукописи имел хождение среди нидерландских переводчиков и в первые годы XIX в. [3].

С яванским языком был знаком еще один служащий ОИК, **Николас Хартинг** (Nicolaas Hartingh), который служил на Яве в **1750-1754** гг. Из его «Послания благородным лордам-директорам ОИК» (Амстердам 1783, стр. 80) мы узнаем, что «*когда он прибыл в [Ост-]Индию, ему как какому-нибудь голодранцу пришлось несколько лет живя на Яве среди простых яванцев, ходить голым и босым, для того чтобы за счет [Ост-Индской] компании учить яванский язык*».

О знакомстве некоторых служащих ОИК с яванским языком свидетельствует то, что в 1768 г. неизвестным переводчиком на нидерландский был переведен кодекс законов яванского города Чиребон. Тогда же вышел перевод созданного в XVII в. одного из произведений художественной литературы в жанре *Серат Канда* (*Sĕrat Kanḍa*) – поэтический свод, в котором содержались изложения древних яванских преданий, переложения пьес традиционного театра теней, индийских *пуран* и др. [2].

Период 3. 1778-1808 гг. Протонаучный. Начало формирования культурной среды вокруг «Батавского общества» и его журнала «Труды Батавского общества культуры и науки»

В апреле 1778 **г.** по инициативе **Якоба Радермахера** (Jacob Cornelis Matthieu Radermacher, 1741–1783) в Батавии было основано «Общества культуры и наук» (нид. *Koninklijk Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen*), которое способствовало формированию условий для всестороннего изучения колонии. В 1781 г. вышел первый номер «Трудов Батавского общества культуры и наук» (Verhandelingen van het Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen). Большой интерес к истории Явы проявлял первый секретарь Общества, священник **Джошуа ван Иперен** (Josua van Iperen, 1726-1780 гг.). В трех первых выпусках Трудов он опубликовал со своими подробными комментариями перевод с яванского историко-литературного произведения *Sadjara Radja Djawa* («История монархов Явы»), который был выполнен сотрудником ОИК по фамилии Гордейн (Gordijn).

В целом, Батавское общество создавало свою ***культурную*** среду, но оно не могло формировать ***академическую*** среду, поскольку еще не существовало академических институций: университетов, институтов академии наук или специалистов, так или иначе причастных к нимени Предпосылки для их возникновения появятся уже в первые десятилетия XIX в. [1].

Литература

[1] *Ульянов М.Ю.* Этапы складывания классической яванистики в Нидерландах XIX в. // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика. Тезисы докладов научной конференции (Москва 2021). М., 2021. С. 199-201.
[2] *Hazeu G.A.* Tjeribonsch wetboek (Pepakem Tjerbon) van het jaar 1768, in tekst en vertaling // Verhandelingen van het Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen. Dl. 55.2. 1905.
[3] *Kolff S.* Een Baanbreker voor 't Javaansch // Djawa № 1, 1922, pp. 75-76.
[4] *Teeuw A.* A critical survey of studies on Malay and Bahasa Indonesia. 's-Gravenhage. 1961.
[5] *Uhlenbeck E.M.* A critical survey of studies on the languages of Java and Madura. S·Gravenhage. 1964.

Об особенностях описания правления вана Ыйджона в летописи «Корёса» в начальный период военного переворота в государстве Корё (1170-е гг.)

Хазизова К.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры истории стран ДВ и ЮВА, minari@yandex.ru

В 1170 г., когда в государстве Корё в результате внутриполитического кризиса к власти пришли военные чиновники высших рангов, на престоле находился 18-й ван династии Ыйджон. Со времени его вступления на трон в 1146 г. ситуация в государстве постепенно менялась к худшему. Ыйджон пришел к власти на фоне серьезного протеста со стороны ближайших родственников: его отец Инджон (1123–1146) и мать считали его младшего брата более талантливым и подходящим для дела управления государством, так что после смерти отца Ыйджону удалось стать правителем только благодаря поддержке лояльной группировки чиновников [4, 13].

В летописи «Корёса» («История [государства] Корё», 1451–1454) неоднократно отмечается, что Ыйджон, несмотря на успехи на административном поприще, продемонстрированные в первые годы правления, со временем все чаще предпочитал в государственных делах полагаться на своих придворных и даже на главную наложницу, которая «занималась всеми делами дворца» [2(1)].

Также историограф Ким Янгён отмечает, что ван много внимания уделял строительству буддийских храмов и служению различным духам, однако не

обращал внимания на возраставшее недовольство чиновников и в делах правления «боялся того, чего бояться не стоило, и не боялся того, чего действительно следовало бояться». В летописи неоднократно упоминается, что «ван пил вино и предавался удовольствиям с женщинами, не занимаясь делами государства, вел себя неразумно и ездил по стране, [приказывая] останавливать повозку в красивых местах и сочиняя стихи» [2(2)].

К 1170 г. заговор против вана созрел окончательно, толчком к началу вооруженного выступления стало откровенное пренебрежение правителя по отношению к военным чиновникам. После захвата власти военные отправили Ыйджона в ссылку, на трон посадили одного из его младших братьев, а спустя три года, в 1173 г., их лидер Чон Джунбу тайно принял решение убить Ыйджона.

Несмотря на то, что негативное мнение о правлении Ыйджона неоднократно отражено и в разделе «Сега» («История домов») «Корёса», и в биографиях чиновников, следует полагать, что здесь имеет место так называемая дискредитация правителя, т.е искажение подлинных обстоятельств его жизни, что «связано со стремлением стереть историческую память о неблаговидных обстоятельствах политической борьбы» [1, 322]. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные упоминания о возраставшем интересе вана к строительству и посещению буддийских храмов, что является «тонким признаком начавшегося ослабления позиций правителя в сфере светской власти и усиления борьбы за его вытеснение в сакральную сферу» [1, 322-323].

Это представляется весьма логичным, учитывая, что «Корёса» – официальная летопись (*чонса*), написанная специальными чиновниками по распоряжению правительства исходя из установки обосновать неизбежность падения правящего дома Корё и воцарения новой династии Ли (Чосон), для чего авторы летописи подвергали критике политические, экономические и идеологические устои Корё [3, 45, 48-49]. Труды, на основе которых составлялась «Корёса», были многократно переработаны и впоследствии запрещены.

Литература

[1] *Бакшеев В.В., Ульянов М.Ю.* Периодизация как инструмент и результат исследования исторического процесса: на примере истории Китая периода поздней древности (221 г. до н.э. – 25 г. н.э.) // Общество и государство в Китае. Том XLIV. Часть 2. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – С. 312-364.

[2] Корёса (История [государства] Корё). (1) 24 год Ыйджона (1170). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://terms.naver.com/entry.naver?docId=1624112&categoryId=62161&cid=62131 (дата обращения: 25.02.2022); (2) Чон Джунбу (биография). [Электронный ресурс] URL: https://terms.naver.com/entry.naver?docId=1672505&ref=y&cid=62131&categoryId=62163 (дата обращения: 25.02.2022).

[3] Пак М.Н. Очерки по историографии Кореи // М.Н. Пак. История и историография Кореи: Избранные труды. – М.: Вост. лит., 2003. – 911 с.

[4] *Edward J. Shultz*. Generals and Scholars. Military Rule in Medieval Korea. University of Hawaii Press, Honolulu. 2000. – 254 p

Экономика стран Азии и Африки

Стратегия создания креативной экономики в Южной Корее

Андрианов В.Д.
ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, профессор кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки, академик РАЕН,
andrianov_vd@mail.ru

Понятие «креативная» экономика все чаще встречается в научной экономической литературе, активно используется в лексиконе бизнесменов и представителей органов исполнительной власти.

Креативная экономика становится важным направлением в современной инновационной сферы, эффективным механизмом раскрытия творческого потенциала человека, способствует формированию интеллектуальной среды в обществе.

В Республике Корея (РК) создание креативной экономики активно поддерживается на государственном уровне. В частности, президент Пак Кын Хе (2013-2017) в своей иннаугурационной речи 25 февраля 2013 г. заявила, что для дальнейшего развития страны и сохранения ее конкурентоспособности на мировом рынке необходим переход на приоритетное развитие креативной экономики.

Сочетание креативных идей, изобретательности, информационных и компьютерных технологий стимулирует развитие новых инновационных производств.

Для реализации этой задачи были поставлены три основные цели. Первая – повышение к 2017 г. уровня дохода на душу населения до 30 тыс. долл. Это требовало поддержание ежегодных темпов роста национальной экономики на уровне 4% в год. Такой уровень экономического роста был достигнут в результате увеличения производительности труда, обеспеченного за счёт использования собственных инноваций и активного взаимодействия с инновационными структурами зарубежных стран.

Вторая цель - повышение качества жизни граждан РК за счет разработки и внедрения современных инновационных идей и технологий.

Третья цель – в сфере научных исследований и научно-технических разработок осуществить переход на модель опережающего развития.

В октябре 2015 г. была представлена дорожная карта по реализации этих целей и профильная программа «Производство инноваций 3.0», в которой предусматривалось коренная модернизация промышленности на основе новых современных технологий.

В программе были представлены 13 масштабных национальных проектов, которые стали драйверами экономического роста РК.

Для запуска программы по реализации «креативной экономики» была проработана система налоговых льгот, система финансирования новых

проектов, система государственной поддержки и гарантий и другие финансовые инструменты.

Для финансирования этих инновационных проектов был образовал специальный **Глобальный партнерский фонд** с первоначальным капиталом 72,3 млн. долл. Основными учредителями фонда стали **Корейский банк развития** (Korea Development Bank) и **Промышленным Банком Кореи** (Industrial Bank of Korea).

Фонд привлекал зарубежный венчурный капитал и стал стратегическим инвестором для реализации инновационных проектов в рамках программы креативная экономика.

Для запуска и финансирования небольших проектов малых и средних предприятий была создана **«краудфандинговая» система**, которая работает на он лайн платформе.

В результате в РК в настоящее время **сформировалась целостная национальная инновационная система.** Динамичное инновационное развитие привело к модернизации высокотехнологичных секторов экономики и повышению мировой конкурентоспособности страны в целом.

В стране было создано 17 **специализированных центров креативной экономики и инноваций** (CCEI). За развитие каждого центра отвечает крупная корейская компания «чеболь», способствующая малым и средним компаниям выводить на рынок продукцию, созданную на основе новых инновационных разработок.

Была реформирована государственная система управления развитием инноваций. Для улучшения координации между министерствами и государственными агентствами правительство провело реформу государственной системы и структуры управления и развития инновациями.

Для реализации государственной программы было создано **Министерство Науки, Телекоммуникаций и Планирования Будущего** (Ministry of Science, ICT and Future Planning).

В 2015 г. была **проведена налоговая реформа**, направленная на стимулирование национальной экономики, развитие малого и среднего бизнеса и оптимизации налоговой системы в целом:

Правительство **реформировала систему образования** были приняты меры по смягчению акцента на научную базовую подготовку в пользу формирования у обучаемых новой культуры, предполагающей поощрение и уважительное отношение к индивидуальному творчеству.

Реализация программы креативной экономики позволила РК стать **ведущей инновационной державой мира.** В частности, в рейтинге ведущих инновационных экономик мира, который ежегодно публикует авторитетное международное агентство «**Блумберг»** в период с 2014 по 2019 гг. РК занимала первое место в мире, в 2020 г. - второе место в мире и в 2021 г. – опять первое место в мире. [Bloomberg Innovation Index 2013-2021]

Известная корейская компания **Самсунг** в последние годы входит в десятку ведущих инновационных компаний мира. По данным консалтингового агентство

«**Бостон консалтинг групп»** в рейтинг самых инновационных компаний мира в 2021 г. Самсунг занимала 6 - е место. [The Boston Consulting Group, 2021].

Особое внимание уделялось **культурной индустрии**, где взаимодействие инноваций с традиционной культурой способствовало созданию конкурентоспособного культурного продукта.

Подтверждает это мировые достижения корейцев в культурных сферах, в том числе в сфере музыкального искусства, шоу-бизнеса, кинематографа и др.

В этой связи следует отметить такой феномен как **«Корейская волна»** или по корейский **«Халлю»** — это одно из направлений современной южнокорейской культуры, которое нашло свою реализацию в индустрии музыкальных развлечений и стало очень популярным не только в соседних азиатских странах, но и во всем мире.

В настоящее время «корейская волна» распространилась более чем на 60 стран мира. Быстрорастущая популярность этого направления является поводом для национальной гордости для многих корейцев.

Если говорить о перспективах развития инноваций в РК, то программа реализации креативной экономики имеет более глобальные цели, чем активизация экономического роста страны.

Речь идет об изменении менталитета целой нации – комплексе мер, направленных на создание креативного мышления, совмещение конфуцианских ценностей корейского общества с цифровой культурой, конвергенции в экономике традиционных и высоких инновационных технологий.

Фактически правительство ставит перед собой задачу вырастить новое поколение служащих, рабочих и предпринимателей, которое будет уверено в своей уникальности, уникальности своей культуры, которые могут быть использовано в целях модернизации общества на основе инноваций.

Литература

[1] Андрианов В.Д. Креативная Корея в сб. «Креативная экономика - важнейший фактор устойчивого развития страны». Кыргызско-Российский-Славянский Университет, г. Бишкек 2021 г., 120 с.

[2] Ким Енгпэ. Время инноваций / Ким Енгпэ, ЧонгКухен. – Сеул Корея, 2016 (на кор. яз.).

[3] Пак Чханки. Инновационная экономика Кореи / Пак Чханки. – Сеул, Корея, 2012 (на кор. яз.)

[4] John Anthony Howkins. The Creative Economy: How People Make Money from Ideas, Penguin Global, 1 June 2002.

[5] Bloomberg Innovation Index – 2014 – 2021

Интернационализация производства и участие стран ЮВА в глобальных цепочках создания добавленной стоимости

Бойцов В.В.
ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки, v.boitsov@mail.ru

Современный этап развития мировой экономики характеризуется динамичным вовлечением национальных экономик в мировое хозяйство, выходом их воспроизводственных процессов за национальные границы и в целом общей интернационализацией воспроизводства и обмена. Одним из наиболее новых, распространенных и динамичных инструментов интернационализации экономики являются глобальные цепочки создания добавленной стоимости (ГЦСДС), включающие в себя производство, торговлю и инвестиции, размещенные в разных, в том числе географически удаленных странах. Дезинтеграция и распределение производства конкретных товаров между различными странами превратили международную торговлю преимущественно в процесс перемещения из одних стран в другие отдельных узлов, компонентов и деталей. Так, в Юго-Восточной Азии (ЮВА) в 2020 г. промежуточные товары составили в стоимости экспортной торговли в Камбодже 40,3%. во Вьетнаме – 42,5%, в Таиланде – 53,9%. в Сингапуре – 64.7%, в Индонезии – 70,4%, в Малайзии – 70,9%, в Лаосе – 75,4% и в Брунее – 94,7%. В свою очередь, дробление производства технологически сложных изделий на составляющие позволили большинству развивающихся стран найти производственную нишу, соответствующую их экономическому, технологическому и кадровому потенциалу и таким способом активно включиться в единый международный производственно-сбытовой и инвестиционный цикл. В результате удельный вес товаров и услуг, произведенных в рамках ГЦСДС, в их совокупном экспорте достиг в том же 2020 г. в Лаосе 32,1%, в Индонезии – 35,0%, в Таиланде – 41,7%, в Брунее – 44,2%, на Филиппинах – 45,4%. Камбодже – 50,0%, во Вьетнаме – 56,7% и в Сингапуре – 58%.

Однако основным и наиболее обобщенным показателем масштабов включенности отдельных стран и целых регионов в производственно-сбытовые цепочки является так называемый индекс участия в ГЦСДС, который позволяет не только избежать двойных счетов так характерных для традиционной внешнеторговой статистики, но и учесть реальный вклад (добавленную стоимость) каждой экономики в совокупную стоимость ее экспортной продукции. Своего максимума участия в производственно-сбытовых цепочках страны ЮВА, как и большинство других стран и регионов развитых и развивающихся стран, согласно расчетам автора, выполненным на базе данных Организации экономического сотрудниичества и развития (ОЭСР), достигли к середине 2000-х гг. Так, в 2008 г. индекс ГЦСДС составил в Брунее 41,9%, в Индонезии – 43,3%, в Камбодже – 45%, в Лаосе – 51,2%, на Филиппинах – 52,8%,

в Таиланде – 55,6%, в Малайзии – 60,1%, во Вьетнаме – 60,7% в Сингапуре – 61,8% и в ЮВА, в целом, – 49,9%, что заметно превышало средний уровень, достигнутый к тому времени, в ЕЭС-28 (30,8%), в ОЭСР (30,9%), в Северной Америке (35,0%), в Восточной Азии (36,2%), а также в Южной и Центральной Америке (38,5%). Под воздействием глобального кризиса 2007 – 2008 гг. многие сложившиеся к тому времени производственно-сбытовые связи оказались нарушенными, а хозяйственное сотрудничество в рамках ГЦСДС в большинстве случаев заметно ослаблено. Хотя процесс восстановления нарушенных связей и формирования новых развертывается в целом успешно, их докризисный уровень в большинстве стран ЮВА, как и в других регионах развивающихся стран и регионов, к концу 2010-х гг. все еще остается не достигнутым. Медленные темпы реабилитации производственно-сбытовых цепочек в развивающихся странах и в том числе в странах ЮВА предопределяются, с одной стороны, активизацией практики решеринга их традиционных партнеров из числа наиболее развитых экономически стран и перекоммутацией последними своего производства с относительно отдаленных географически стран на более близкие, а с другой, все большим предпочтением, которое в посткризисные годы стали отдавать некоторые из наиболее успешных развивающихся стран в ЮВА и в других регионах, горизонтальным связям за счет вертикальных. Тем не менее уровень участия стран ЮВА и региона в ГЦСДС в целом по-прежнему остается одним из самых высоких. Так, в 2018 г. он составил в Индонезии 39,2%, в Камбодже – 40,7%, на Филиппинах – 44,3%, в Лаосе – 46,9%, в Таиланде – 47,0%, в Малайзии – 55,2%. во Вьетнаме – 62,1%, в Сингапуре – 62,1%, в Брунее – 65,3% и в ЮВА, в целом, – 46,9%, тогда как в странах-членах ОЭСР – всего 28,1%, в ЕЭС (28) – 29,0%, в Северной Америке – 33,8%, в Восточной Азии – 35,4% и в Центральной и Южной Америке – 37,2%.

Еще одной важной характеристикой участия национальных и региональных экономик в глобальных производственно-сбытовых цепочках является показатель вклада в их валовый экспорт иностранного компонента. Последний представляет собой продукцию, полученную из-за рубежа и подвергшуюся дальнейшей обработке или комплектации, а затем экспортированную в третьи страны, в том числе для участия в дальнейшем производственном процессе. Его величина характеризует масштабы и глубину включенности экономики отдельно взятых стран или целых регионов в международную производственно-сбытовую кооперацию, организованную на средства и в интересах транснациональных корпораций. В соответствие с общей динамикой эволюции ГЦСДС, максимальных значений показатели присутствия иностранного компонента в большинстве стран ЮВА (за исключением Брунея и Вьетнама) достигли к середине 2000-х гг., составив в 2008 г. в Индонезии 16,5%. в Лаосе – 23,9%, на Филиппинах – 26,7%, в Камбодже – 35,4%, в Таиланде – 35,5%, в Малайзии – 43,1%, во Вьетнаме – 43,8%, в Сингапуре – 50,1% и в ЮВА, в целом – 32,0%, что было, как правило, заметно больше, чем в странах Северной Америки (7,5%), ОЭСР (8,4%), Южной и Центральной Америки (9,8%), Восточной Азии (11,1%) и ЕЭС-28 – 11,6%. Последующее сокращение вклада иностранного компонента

в глобальные производственно-сбытовые цепочки в ЮВА было связано не столько с временным свертыванием деятельности некоторых из этих цепочек, так как речь в данном случае идет не об абсолютных объемах, а об относительных показателях, сколько с ростом внимания в странах этого региона в условиях глобального кризиса 2007 – 2008 гг. к собственному производственному потенциалу и расширению сферы горизонтальных связей при производстве экспортной продукции в рамках ГЦСДС. Тем не менее, к концу 2010-х гг. уровень присутствия иностранного компонента в валовом экспорте стран ЮВА, хотя в большинстве случаев и не достиг докризисного, однако по-прежнему остается одним из самых высоких не только среди развивающихся, но и экономически развитых экономик, составив в 2018 г. в Брунее 9,8%, в Индонезии – 14,4%, в Лаосе – 18,8%, на Филиппинах – 23,7%, в Малайзии и Таиланде – 34,6%, в Сингапуре – 47,3%, во Вьетнаме – 51,1% и в ЮВА, в целом– 32,0%, тогда как в Северной Америке – всего 7,7%, в ОЭСР – 8,4%, в Южной и Центральной Америке – 11,3%, в ЕЭС – 13,7% и в Восточной Азии – 14,7%.

Значительный, по международным меркам, уровень участия стран ЮВА в ГЦСДС способствует их ускоренному экономическому росту и стимулирует опережающее развитие внешнеэкономических связей. В то же время высокая доля иностранного компонента в производственно-сбытовых цепочках содействует внедрению передовых технологий, а следовательно и общему техническому прогрессу этих стран. Вместе с тем, столь тесная международная производственно-сбытовая кооперация ставит страны этого региона в особенно серьезную зависимость от конъюнктуры мирового рынка, интересов и коммерческих планов организаторов ГЦСДС – могущественных ТНК, а также от превратностей политической ситуации и природных аномалий.

Литература

[1] World Integrated Table Solution/gvc/visualisation. Available at: https://wits.worldbank.org/gvc-data-visualisation.html (accessed March, 12)
[2] OECDStat. Available at:https:Stats.oecd.org (accessed March, 12)

Отсталые арабские страны: парадигма развития социальной инфраструктуры

Бочарова Л.С.
ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки, bocharovaludmila@mail.ru

Согласно классификации Генеральной Ассамблеи ООН, разработанной в 1971 г., к наименее развитым арабским странам (НРС) относятся Йемен, Мавритания, Сомали и Судан, где проживает 90 млн человек или 21% совокупного арабского населения. Они являются самым бедным сегментом арабского сообщества, имеют слабый потенциал управления экономикой,

дефицит внутренних финансовых ресурсов, высокое долговое бремя и сильную зависимость от внешнего финансирования. ВНД на душу населения варьируется от $95 в Сомали до $1452 в Судане (данные на 2018 г.). Тот факт, что три страны из перечисленных выше входят в мировую десятку самых нестабильных государств, свидетельствует о серьезности ситуации и необходимости изменения экономического курса в ближайшей перспективе.

Важным условием повышения уровня и качества жизни населения является развитие и функционирование объектов социальной инфраструктуры и их доступность населению. Специалисты Стокгольмского международного института водных ресурсов утверждают, что после реконструкции объектов инфраструктуры в наименее развитых странах мира происходит увеличение их ВВП на 3,7%. Что касается НРС региона МЕНА, то доля населения, имеющего доступ к электричеству, увеличилась с 26% (3,3 млн чел) до 55% (11 млн. чел.) за период с 2000 г. до 2019 г. И несмотря на то, что Сомали и Судану удалось удвоить этот показатель, он остаётся весьма «скромным» особенно в Сомали, где только четверть населения имеет возможность пользоваться электричеством. Напротив, более 70 % йеменцев были подключены к электросетям. Но в большинстве случаев они оказались нерабочими.

Говоря о базовых санитарных услугах, следует отметить, что в 2019 г. 54 % населения четырех представленных стран не имели к ним доступа, что привело к высокому риску загрязнения окружающей среды и распространения инфекционных заболеваний. В городах исследуемый показатель достигал 62%, а в сельской местности опускался до 20%.

Ближний Восток и Северная Африка обладают самыми скудными водными ресурсами в мире, а в отсталых арабских странах ситуация еще больше ухудшается из-за воздействия конфликтов, изменения климата и экономического спада. Одним из последствий военных разрушений в результате длительной гражданской войны в Судане стало отсутствие нормального водоснабжения – постоянный доступ к чистой питьевой воде имеет менее 75% населения, большая часть которого проживает в городах. Контрастом выступают данные 1990 года, когда Судан входил в число 12 африканских стран, полностью удовлетворявших потребность населения в чистой питьевой воде. Сегодня отсутствие доступа к обеззараженным источникам питьевой воды в сочетании с плохим состоянием канализации приводит к постоянным вспышкам кишечных заболеваний, распространению тропических и инфекционных болезней, а также масштабным эпидемиям малярии и менингита.

По мере увеличения проблем, связанных с окружающей средой, в Сомали быстро истощаются водные ресурсы, в результате чего 70 % семей по всей стране остаются без доступа к безопасной питьевой воде. В большинстве городов Йемена осуществляется прерывистое водоснабжение. В Таизе частота подачи водопроводной воды составляет один раз в 40 дней. В городах Ибб и Баджил- раз в неделю. Все больше и больше людей вынуждены полагаться на более дорогую воду из частных колодцев, снабжающих цистерны с водой.

Если говорить об уровне системы здравоохранения в арабских НРС, то он крайне низок и не отвечает международным требованиям. Индекс глобальной безопасности здравоохранения, разработанный «Центром безопасности здравоохранения Джона Хопкинса», организацией «Инициатива по ядерной угрозе» и «Economist Intelligence Unit» свидетельствует о том, что Сомали, Йемен, Судан и Мавритания входят в число наименее безопасных стран, когда речь идет в целом о развитии системы здравоохранения.

Уровень младенческой смертности является ключевым показателем общего физического здоровья общества. Высокие показатели младенческой смертности, как правило, связаны с неудовлетворенными потребностями человека в медицинском обслуживании, питании, санитарии. Во всех отсталых странах мира наблюдается снижение младенческой смертности. В русле этой тенденции находятся и арабские НРС: в 2000 г. было зафиксировано 75 смертей на 1000 рожденных живыми детей, а в 2019 г. – из каждой тысячи новорожденных не доживали до года 53 ребенка. Несмотря на снижение младенческой смертности в Сомали со 104 в 2000 г. до 74 в 2019 г., страна остается одним из пяти государств с самым высоким уровнем младенческой смертности в мире, что отражает тяжелую ситуацию со здоровьем внутри страны. В Йемене, напротив, был зафиксирован самый низкий показатель среди арабских НРС. Но политическая ситуация и продолжающаяся гражданская война ставят под угрозу достижения предыдущих лет. Проблемы со здоровьем усугубляются несколькими факторами, в том числе последствиями низкого дохода, большого размера семьи, высокого уровня безработицы. и нерегулярного характера заработной платы у многих государственных служащих. По данным ООН, 80 % населения Йемена в 2020 году были бедными. Также важно отметить, что во всех четырех странах по-прежнему очень высоки показатели материнской смертности: в 2018 году в Мавритании было зафиксировано 50 материнских смертей на 100 000 рождений. В Судане, Сомали и Йемене эти цифры составили 74 и 68 соответственно.

Если говорить об уровне развития системы здравоохранения, то он имеет крайне низкие показатели, которые не отвечают международным требованиям. Например, в Судане В 2000 году доступ к медицинскому обслуживанию имело не более 62% населения, а предоставляемые медицинские услуги исключали применение высоких технологий и возможность серьезных операций. К настоящему времени качество медицинского обслуживания снизилось еще больше.

Большую роль в борьбе с заболеваниями и эпидемиями играют международные гуманитарные миссии, действующие на территории некоторых стран уже более 10 лет. Благодаря таким организациям, как Врачи без границ и Красный крест, удается справиться с некоторыми вспышками эпидемий в исследуемых странах.

Важной составляющей социальной инфраструктуры является образование. Наименее развитые страны во всем мире добились значительного прогресса в увеличении охвата начальным образованием с ежегодным приростом в 1% на

протяжении последнего десятилетия. Что же касается арабских НРС, то удельный вес детей, обучающихся в начальной школе, наоборот, снизился с 75% в 2010 году до 67% в 2016 году ввиду политической нестабильности и вооруженных конфликтов в рассматриваемых государствах. Справедливости ради следует отметить, что число лет обучения, хоть и медленно, но все же растет: в период с 2010 г. по 2018 г. средняя продолжительность обучения в школе увеличилась с 3,8 до 4,6 лет в Мавритании, с 2,6 до 3,2 лет в Йемене и с 3,1 до 3,7 лет в Судане. Но эти показатели значительно уступают аналогичным по другим субрегионам и миру в целом. Их дополняют сведения об уровне грамотности. В Судане удельный вес не умеющих читать и писать, составляет 39%, в Йемене 46%, Мавритании 47%, а Сомали достигает 95%.

Слабым звеном в системе образования всех наименее развитых арабских государств остается среднее специальное и высшее образование. В большинстве вузов отсутствует современная материальная база, не укомплектован штат преподавателей, состав и квалификация которых в большинстве случаев не соответствуют международным требования. Отсев студентов, низкое качество стандартов образования ставят под сомнение конкурентоспособность рабочей силы представленных стран на международном уровне. Но и внутри страны их трудоустройство весьма проблематично. Об этом свидетельствует уровень безработицы среди молодежи, который в арабских НРС вдвое выше, чем в прочих наименее развитых странах мира. В 2019 г. он варьировался от минимального в Мавритании (9%) до максимального в Судане (16%). Политическая ситуация в этих странах дает основание полагать, что представленные данные официальной статистики не отражают в полной мере реального положения дел и значительно занижены.

Страны Азии и Африки в условиях пандемии: что же произошло с переводами трудовых мигрантов в 2020 г.?

Карамурзов Р.Б.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки, karamourzov@gmail.com

Несмотря на вводившиеся ранее и время от времени по-прежнему вводимые ограничения на трансграничные перемещения, переводы трудовых мигрантов неизменно остаются важной частью семейных бюджетов для многих стран Азии и Африки.

В 2020 г., а также на протяжении большей части 2021 г. внимание специалистов в области трудовой миграции было приковано к базе данных Глобального партнерства по распространению знаний о миграции и развитии Всемирного банка (далее, KNOMAD). Дело в том, что по распространенным в апреле 2020 г. оценкам этого источника, в 2020 г. переводы трудовых мигрантов по сравнению с 2019 г. могли снизиться на 20%. Принимая во внимание, что в

странах Азии и Африки к концу 2010-х гг. потребительские расходы составляли около 2/3 величины ВВП, подобный порядок сокращений переводов трудовых мигрантов, мог приобрести характер социального катаклизма.

Именно поэтому большой интерес представляют введенные в оборот в 2021 г. новые данные, которые могли бы уточнить ранее представленные сведения.

Общий вывод, который следует из обновленной базы данных KNOMAD – сокращение оказалось куда меньшим, чем считали эксперты.

В среднем по миру объем переводов сократился не на 20%, как предполагалось, а «лишь» на 1,6% В пресс-релизах Всемирного банка, появившихся в мае 2021 г. особо подчеркивалось, что снижение оказалось в 3 раза меньшим того, что имело место во время финансово-экономического кризиса 2008-2009[1] г.

В целом оптимистичный тон подобных комментариев не должен вводить в заблуждение.

Во-первых, более чем десятикратный порядок расхождений между прежними оценками и новыми сведениями наводит на определенные размышления. Вне зависимости от того, чем именно руководствовались авторы ранних оценок, есть основания полагать, что они не так уж сильно ошиблись. Во многих странах, особенно тех, в которых труд мигрантов широко используется, строгие ограничения на режим работы официально действовали от одного до двух месяцев, что уже предполагает значительное (по крайней мере, более чем на 1,6%) сокращение доходов работников. Например, международные правозащитные организации прямо указывали на серьезные нарушения со стороны работодателей в отношении трудовых мигрантов в государствах-монархиях Персидского залива[2].

Во-вторых, в среднем меньшие, чем ожидалось сокращения объема переводов отнюдь не означают, что подобный порядок изменений был типичен для всех развивающихся стран. Так, согласно первоначальным оценкам, переводы трудившихся за рубежом граждан Гвинеи снизились в 2020 г. по-сравнению с 2019 г. «лишь» на 5,6%, а по новым данным – на 86%. Аналогично, в Ираке по первоначальным оценкам показатель сократился «всего» на 6,3%, а по обновленным сведениям – на 26%. Подобная картина была характерна для многих стран Азии и Африки.

В целом, порядок расхождений между ранними оценками и более поздними расчётами объема переводов трудовых мигрантов в 2020 г. является ярким подтверждением тезиса, что любые, даже вводимые в научный оборот авторитетными международными организациями, количественные характеристики требуют особого внимания и критического отношения.

Литература

[1] URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2021/05/12/defying-predictions-remittance-flows-remain-strong-during-covid-19-crisis

[2] URL: https://www.amnesty.org/en/latest/campaigns/2020/04/covid19-makes-gulf-countries-abuse-of-migrant-workers-impossible-to-ignore/

Институциональная инклюзивность и экстрактивность в социально-экономическом развитии: методология измерения и основные тренды в странах Тропической Африки

Касимовская Е.Н.
ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова,
доцент кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки

Вопросы инклюзивности и экстрактивности институтов в различных странах привлекают пристальное внимание исследователей уже давно. А тезис о том, что качество институтов оказывает непосредственное влияние на социально—экономическое развитие страны, не вызывает сомнений. В 2004 году Всемирный Банк опубликовал первый отчет о качестве предпринимательской среды на основе разработанного группой экспертов Банка индекса легкости ведения бизнеса (Ease of Doing Business Index) [1]. Ежегодные отчеты по этому показателю выходили в свет вплоть до 2021 года, когда Мировой Банк вынужден был денонсировать данную серию из-за выявленных независимым аудитом неточностей и искажений данных. Но в 2020 году группа ученых из Университета Сент-Галлен (Швейцария) представила на суд мировой научной общественности первый отчет на основе сконструированного ими нового индекса, с помощью которого его авторы предлагали соизмерять качество не только предпринимательской среды в разных странах мира, но и разнонаправленность процессов в сфере макрорегулирования экономики, социальной сфере, организации рынков и эффективности политических институтов [2]. Оригинальность предложенного подхода заключалась в попытке учесть в рамках сконструированного показателя два вектора воздействия властей на социально-экономическое развитие вверенных им стран: позитивный вектор, ведущий к росту общественного благосостояния и негативный вектор, направленный на личное обогащение находящихся у власти групп. Методологически данный подход опирался на критерий Калдора-Хикса, согласно которому переход от одного состояния экономической системы к другому увеличивает общее благосостояние, если те члены общества, которые выигрывают при этом переходе, способны компенсировать проигрыш тех, чье положение ухудшается. Однако только если созданы и работают механизмы перераспределения. В противном случае, другая часть общества не будет достаточно задействована в процессах поступательного развития [3, с.46]. Новый индекс получил название индекса качества элит и, предположительно, позволит сравнительно оценивать внутри- и межстрановые институциональные сдвиги, проводить глобальные сопоставления и определять основные тренды в будущей глобальной архитектуре мирового хозяйства в режиме сравнительной статики.

В первый доклад 2020 года вошли 32 страны, но уже в следующем 2021 году рейтинг качества элит охватил более 150 стран мира. Индекс качества элит (EQx)

относится к категории композитных качественных индексов и включает в себя несколько уровней и подуровней показателей (всего 107). Методология построения индекса опирается на несколько ключевых понятий, как то элита, власть, ценности в контексте их создания, экономические и политические механизмы, позволяющие реализовать ту или иную бизнес-модель развития общества. Под элитой или элитами понимаются узкие внутренне сплоченные группы, реализующие бизнес-модели, которые позволяют им аккумулировать богатство. Эмпирические наблюдения свидетельствуют, что элиты существуют повсеместно, являются неотъемлемой частью любого общества, независимо от уровня развития страны. Влияя на решения, принимаемые на высшем государственном уровне, элиты фактически распределяют ресурсы общества, что приводит либо к росту общественного благосостояния (происходит создание ценности – value creation), либо к его сокращению (имеет место отток ценностей вследствие рентоориентированного поведения – rent-seeking). Таким образом, можно предположить, что качество элит должно влиять на социально-экономическое развитие страны, а индекс, измеряющий это качество, должен включать в себя экстрактивную и инклюзивную составляющие действия элит. В рейтинг качества элит 2021 года вошла 151 страна. По результатам оценки страны сформировали 5 групп по уровню качества элит: очень высокое, высокое, нормальное, среднее и низкое. Группу с очень высоким качеством элит возглавляет Сингапур (68.1). В эту же группу вошли США, скандинавские страны, Нидерланды. Во вторую группу, кроме Японии (61.8), вошли уже несколько стран Азии – Республика Корея (62.3), Малайзия (57.8), Катар и ОАЭ. Третья группа стран с нормальным качеством элит достаточно обширна. Именно здесь расположились Китай (57.6), Таиланд, Вьетнам и Индонезия. Здесь же находятся Россия (48.9) и страны СНГ (Беларусь и РК), а также шесть стран Тропической Африки и Саудовская Аравия. Примечательно, что, согласно данному рейтингу, Россия по качеству элит уже уступает и Руанде (50.9), и Ботсване (50.2), и Бенину (49.9). В группе стран БРИКС лидерство принадлежит Китаю. Причем позиции КНР заметно превосходят таковые у многих развитых стран, в три раза превосходящих Китай по подушевому показателю ВВП. Особо стоит отметить африканские страны, достаточно хорошо представленные в рейтинге качества элит. Большая часть стран этой части мира пока относится к группам средне- и низкокачественных (или отстающих) элит. Замыкают рейтинг две страны континента – Судан (28.5) и Ливия (27.3). Однако, к примеру, в странах Тропической Африки в целом прослеживается тенденция к заметному росту качества элит. В 2021 году лучший результат продемонстрировали Маврикий (51.6), Руанда (50.9), Ботсвана (50.2), Бенин (49.9) и Гана (49.3), входящие в группу качественных элит. Сюда же относятся Кения и Танзания. В рейтинге 2021 года из 38 стран Тропической Африки 6 входят в группу с нормальным качеством элит, 20 представляют элиты среднего уровня и 10 характеризуются отстающими элитами. Причем все африканские страны, входившие в рейтинг 2020 года, улучшили свои позиции. В целом, авторы

исследования полагают, что сохранение тенденции роста качества элит на африканском континенте способно обеспечить долгосрочный рост 70% стран.

Остается открытым вопрос на сколько хорошо данный индекс способен измерять качество управления страной через призму экстрактивности и инклюзивности. В силу новизны предложенного подхода, а также отсутствия сколь-нибудь продолжительных временных рядов наблюдений по странам, пока невозможно использовать данный индекс для выявления глубинных взаимосвязей между различными количественными и качественными составляющими и результатами социально-экономического развития исследуемых стран.

Литература

[1] Doing business in 2004: understanding regulation. Simeon Djankov, Caralee McLiesh, Michael Klein, World Bank, International Finance Corporation. Washington, D.C.: World Bank. 2004.
[2] Casas i Klett, T., Cozzi, G. Elite Quality Report 2021: Country Scores and Global Rankings. Zurich: Seismo, 2012. doi: 10.33058/seis m
[3] Касимовская Е.Н. Основы экономической теории общественного сектора. М., Изд-во ДЕЛО, 2006

Ключевые факторы, определяющие лояльность студентов в сфере дополнительного образования Гонконга

Лап Минг Лиу[1], Касимовская Е.Н.[2]
[1]преподаватель Института дополнительного образования Гонконга
[2]доцент ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

The Antecedent Factors of Student Loyalty at Hong Kong Sub-Degree Educational Level

Lap *Ming Liu[1], Elena N. Kasimovskaya[2]*
[1]Lecturer HK Institute of Vocational Education,
[2]Associate Professor, Institute of Asian and African Studies, MSU

This research aims to study the relationship between students' loyalty to their institutions (hereafter "student loyalty") and its antecedent factors among sub-degree students in HK. As the education system in HK was transformed from an elite to a mass education system in 2000 [1], the number of study places (study quota) surged, especially for the sub-degree education sector in HK. Under the massification of Higher Education (HE), Associated Degree (AD) programmes, apart from the Higher Diploma (HD) programme, were introduced to accommodate the demand of the secondary school leavers in HK. According to the information of the Federation for Continuing Education in Tertiary Institutions (2001) it was because that the HK

government wished to increase the student participation rate from 30 percent to 60 percent by 2010-11. Based on a report released by the Hong Kong Education Bureau (HKEdB) in 2006, the percentage of students in HE soared from 33 percent in 2000 to 66 percent in 2005. In 2018, this figure rose to around 73 percent [2]. The report revealed that the increase in the rate of student participation had far exceeded the government's target.

However, data from the Hong Kong Examinations and Assessment Authority (HKEAA) showed that the number of secondary student graduates dropped from 73,074 in 2012 to 59,000 in 2018, which represented a fall of 24 percent. This figure was expected to drop to 45,100 in AY 2022/2023[3], explaining competition for student recruitment in the HE sectors has become keen, especially at the sub-degree level which is mainly in self-financed mode. To survive in this battle, sub-degree programme providers are taking a market approach to engage students by establishing student loyalty or, in other words, to beat the competition by winning students' trust; therefore, they need to meet the expectations of stakeholder, particularly students.

It was stressed many times by the researchers that such type of the educational marketization indicated market competition for students and resources, which, inevitably, leads institutions to treat students as customers. To satisfy the students under the market mechanism, institutions try to achieve the highest customer loyalty, as this will not only enable them to retain current students but also to attract a new intake [5]. However, existing studies of the link between marketization and student loyalty have mainly studied the situation in other regions, and the studied targets were students at degree level. Hence, their generalizability to the HK sub-degree sector is doubtful. Meanwhile, empirical study on the antecedent factors of student loyalty in the HK sub-degree sector is very limited. To provide a comprehensive analysis for the HK sub-degree providers, this research wishes to extend the study model constructed by Rojas-Méndez et al. [5] on the antecedent factors of student loyalty with a focus on the HK sub-degree education sector. The antecedent factors of this study covered student satisfaction, perceived service quality, student trust, and student commitment, an additional factor, articulation pathway (AP) that many researchers did not address, was introduced into the research model to cope with the education system in HK. In HK, there are three common types of AP for sub-degree students.

1. Government-funded undergraduate degree programmes governed by the University Grants Committee (UGC) of HK, also known as UGC programmes.
2. Overseas Top-up (OTU) degree programmes that jointly organized with overseas universities, also known as OTU programmes.
3. Locally self-financed (LSF) degree programs, also known as LSF programmes.

As such, this research also aims to determine the strength of these three common types of articulation degree programs to the sub-degree student's loyalty and satisfaction on their institutions.

To ensure the validity and reliability of the study, all the question items of the questionnaire were adopted from previous literatures. Finally, this research study was successfully collected 385 responses by snowball sample technique. In addition, a case

study of a particular sub-degree students that studying Business discipline from a particular institute, was conducted in order to testify the research model's replicability. Total 149 responses were successfully collected for the case study.

The research adopted Partial Least Square-Structural Equation Modeling (PLS-SEM) approach and there were ten research hypotheses in total to study the relationship between student loyalty and its antecedents and the relationship among each antecedent factors. The path coefficients computed by the PLS-SEM analysis ($p<0.005$) demonstrated all the antecedent factors positively and directly affecting student loyalty except student satisfaction, which displayed an indirect and positive influence on student loyalty via student trust and student commitment. In addition, student commitment gave the strongest influence on student loyalty among other antecedents. These findings were consistent with the research model of Rojas et al. [5].

In addition, the multiple regression of Student Loyalty (LOY), [F (3, 385) =72.47, $p<$ 0.000, R^2= 0.361], indicated government-funded articulation programme contributed the most substantial influence on LOY in the main study. While the results [F (3,145) =39.64, $p<0.05$, R^2 = 0.451] indicated overseas top-up programme gave the most substantial influence on LOY in the case study, which was used for cross-checking the results from the main study.

Finally, these findings suggested sub-degree programme providers should consider all antecedent factors in designing their student engagement strategies to establish positive student loyalty and they should also consider different sub-degree students will have different articulation needs as per the finding of this research. Lastly, the proposed framework attempts offer an in-depth insight for sub-degree providers (both the managers and the administrators) in designing their respective strategies to address the coming challenges.

Reference

[1] Wong, P., Ng, P. M., Mak, C. K., & Chan, J. K. (2016). Students' choice of sub-degree programmes in self-financing higher education institutions in Hong Kong. *Higher Education, 71*(4), 455-472.

[2] Hong Kong Education Bureau. (2017). 2017 policy address education bureau's policy initiatives. Retrieved from URL: https://www.edb.gov.hk/en/about-edb/legco/policy-address/2017_EDB_Panel_Paper_Eng.pdf

[3] Lo, J., Yung, W. K., & Feng, E. Q. (2015). The development and challenges of self-financing higher education in Hong Kong. *Public Administration and Policy, an Asia-Pacific Journal, 18*(1), 75-88.

[4] Lee, K., & Salciuviene, L. (2018). Modelling determinants of customer loyalty in services sector across different cultural contexts. *Engineering Economics, 29*(5), 580-590.

[5] Rojas-Méndez, J. I., Vasquez-Parraga, A. Z., Kara, A., & Cerda-Urrutia, A. (2009). Determinants of student loyalty in higher education: A tested relationship approach in Latin America. *Latin*

Внешнеторговые отношения в рамках союза для Средиземноморья

Лопатина Т.А.
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», м.н.с. кафедры «Экономика предприятия», taya1998taya@mail.ru

Начиная с XX века страны формируют объединения, в которых сообща преследуют цель - улучшить свое экономическое положение. Одним из таких объединений является Союз для Средиземноморья (англ. Union for the Mediterranean, UfM) – международная организация, включающая страны Средиземноморья и Европейского союза (всего 42 страны). Данная инициатива была основана в 2008 году и действует в рамках Евро-средиземноморского партнерства [3].

Помимо выстраивания политического, экономического и социально-культурного сотрудничества, основным направлением деятельности UfM являлось создание зоны свободной торговли (ЗСТ). Изучение внешнеторговых отношений в рамках Союза достаточно актуально, т.к. анализ торговых потоков UfM способен показать действительно ли исследуемое объединение стимулирует региональное сотрудничество, дополняя при этом двусторонние отношения ЕС со странами-партнерами, функционирующими на основе соглашений об ассоциации.

В 2021 году регион UfM осуществил экспорт товаров на сумму более 9 трлн долларов США, что составляет 40% от общего объема мирового экспорта товаров. Однако, несмотря на то, что общая стоимость товарного экспорта региона увеличилась практически в три раза с 1996 года, его относительный глобальный вес остался практически без изменений (39% в 1996 году), в большей мере связано это с расширением в международной торговле товарами участия Китайской Народной Республики, а также с последствиями, вызванными эпидемией COVID-19 [1].

Внутрирегиональный рынок UfM является основным направлением экспорта товаров региона, на который приходится более 68% (4,9 трлн долларов США) экспорта странами-членами UfM в 2021 году. Значение внутрирегионального рынка возросло относительно 1996 года (56% от общего объема товарного экспорта).

На долю Европейского союза приходится более 95% внутреннего товарного экспорта региона (около 3,9 трлн долларов США в 2021 году) и 93% внешнего товарного экспорта (более 2,5 трлн долларов США). В 2018-2020 годах страны UfM экспортировали почти в два раза больше товаров в другие страны-партнеры UfM, чем в остальной мир. Внерегиональный экспорт товаров из UfM составил 2,7 трлн долларов США по сравнению с внутрирегиональным экспортом на сумму 4,9 трлн долларов США, демонстрируя тем самым положительную тенденцию, указывающую на прогресс в региональной интеграции [4].

Наибольший прогресс в региональной торговле товарами, измеряемый соотношением регионального экспорта внутри и за пределами UfM, наблюдается среди субрегионов Южного побережья и Западных Балкан.

За последние 20 лет экспорт внутри UfM стал более диверсифицированным и сложным. В 2020 году наиболее востребованным товаром было транспортное оборудование, на долю которого приходилось 15% внутреннего экспорта региона. Доля экспорта промышленных товаров в рамках UfM увеличилась с 66% от общего объема экспорта в 2006 году до 76% в 2020 году, в то время как доля экспорта топлива и продуктов горнодобывающей промышленности, которая составляла 24% в 2006 году, в последнее время снизилась до 15%. Сельскохозяйственный экспорт также значительно увеличился (почти на 31% с 2006 года).

Многие компании, весомая доля которых находится в развивающихся странах региона, сталкиваются с торговыми препятствиями, связанными с нетарифными мерами (НТМ) [2]. Экспортные предприятия Иордании больше всего страдают от НТМ - 64% от общего числа предприятий-экспортеров, за которыми следуют предприятия Палестинской администрации (56%), Туниса (52%), Египта (37%) и Марокко (23%). Тремя наиболее распространенными типами препятствий среди НТМ, являются: оценка соответствия; меры, связанные с экспортом и правила происхождения товаров.

На основе Соглашения ВТО об упрощении процедур торговли, вступившего в силу в 2017 году, Организацией экономического сотрудничества и развития был разработан специальный набор «Показателей упрощения процедур торговли». Анализ показателей отражают степень внедрения мер по упрощению процедур торговли. Показатели в области упрощения процедур торговли для Алжира, Иордании и Ливана остаются относительно низкими, в то время как Марокко демонстрирует самые высокие средние показатели среди стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА).

Среди стран-участниц UfM присутствует стремление уменьшить существующие препятствия для торговли и соответствовать глобальным стандартам, но, несмотря на общий прогресс, различия между Северным и Южным побережьями Средиземного моря все еще заметны.

Полученные результаты указывают на несколько инициатив, которые страны-члены UfM могли бы реализовать, чтобы раскрыть неиспользованный торговый потенциал в регионе и воспользоваться преимуществами региональной интеграции: расширять приграничное сотрудничество с соседними странами.

Сегодня во многих странах-участницах UfM, находящихся на Южном побережье, отсутствует статистика, необходимая для оценки их способности использовать мегатенденции глобализации и цифровизации для повышения своей международной конкурентоспособности. Это подчеркивает важность ускорения усилий стран UfM по разработке и приведению своих данных в соответствие с международной стандартизацией. Кроме того, гармонизация и прозрачность информации о применяемых НТМ позволит свести к минимуму их

негативное влияние на эффективность деятельности экспортных предприятий и сделает торговлю менее непредсказуемой.

Литература

[1] OECD (2021), Regional Integration in the Union for the Mediterranean: Progress Report, OECD Publishing, Paris. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: https://doi.org/10.1787/325884b3-en
[2] Rodrik (2018), What Do Trade Agreements Really Do?, Journal of Economic Perspectives 23 (2):73-90. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: https://drodrik.scholar.harvard.edu/publications/what-do-trade-agreements-really-do.
[3] Трофимова О. Е. Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции / О.Е. Трофимова; Учреждение Рос. акад. наук Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН (ИМЭМО). – М.: ИМЭМО РАН, 2011. - 122 с.
[4] UN Comtrade database, and OECD calculations. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: https://comtrade.un.org/

(Сильно) меняющаяся роль развивающихся стран в мировой экономике

Мельянцев В.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой МЭО стран Азии и Африки, vamel@iaas.msu.ru

1. Живем мы в сложный, насыщенный глубокими метаморфозами момент исторического времени. Момент - тектонических, многовекторных сдвигов в мировой экономике, социальной сфере и (гео)политике.

2. Не пытаясь объять необъятное, остановимся на масштабах и важнейших характеристиках феномена *в целом* сильно возросшей роли развивающихся стран (РС) в глобальной экономике. Базируясь на ряде авторских расчетов и моделей, выполненных на материалах международной статистики и с учетом разработок ряда российских и зарубежных коллег (см.: [1-5]), оценим за последние десятилетия важнейшие траектории, параметры и факторы экономического прогресса РС на фоне достижений развитых государств (РГ).

3. По нашим расчетам (в ППС 2017 г.), *доля РС в приросте мирового ВВП* выросла с менее 1/3 в 1800-1950 гг. (когда подавляющее большинство ныне РС были колониями и зависимыми странами) до более 2/5 в 1950-2000 гг., ¾ в 2001-2019 гг. и 110% (!) (в РГ (-)10%) в 2020-2021 гг. Доля РС и азиатских новых индустриальных стран (АЗ НИС) в 2020-2021 гг. достигла *в глобальном ВВП* почти 3/5 (в ППС 2017 г.; в 1950 и 1980 гг. ~ 2/5), в общемировых показателях *заявок на патенты*, приросте парка *промышленных роботов* и экспорте *высокотехнологичной продукции* – 2/3.

4. Отчасти прогресс РС вызван внешними факторами, в т.ч. перенесением в них из РГ немаловажных сегментов глобальных цепочек стоимости. Но не

только этим. Существенное повышение роли РС в мировом хозяйстве связано, как с *укреплением во многих из них внутренних основ их экономик*, так и с *ослаблением РГ*, значительным снижением среднегодовых темпов прироста (СГТП) в них совокупной факторной производительности (СФП) (несмотря на бурное развитие инфо- и других технологий; т.н. парадокс Р. Солоу): с 2,5% в 1950-1980 гг. до 1,6% в 1980-2000 гг. и 0,5% в 2000-2021 гг.

5. Согласно расчетам по построенным нами моделям, *феномен торможения роста в РГ* вызван (а) потерей ими демографического дивиденда, (б) исчерпанием эффекта перелива рабочей силы из отраслей с низкой в отрасли с более высокой производительностью труда, (в) избыточной финансиализацией их экономики (усиленной действием ИКТ), тормозящей рост реального сектора экономики, (г) усилением неравенства доходов и потребления, ограничивающим платежеспособный спрос населения.

6. Вместе с тем, подчеркнем, что РГ, метафорически выражаясь, вовсе еще не захлебнулись в своей печали и безысходности. По рассчитанной нами модели, все еще значительное – в среднем почти четырехкратное - превосходство РГ над РС по подушевому ВВП (ПВВП, в ППС) определяется на 1/3; 2/5 и 1/5 соответственно более высокими значениями у первых показателей (а) технологической развитости, (б) достигнутого уровня образования населения и (в) качества институтов (аппроксимировано по индикатору верховенства закона).

7. Судя по рассчитанным нами индексам и моделям, в последние три-четыре десятилетия существенное опережение рядом крупных и средних развивающихся стран развитых государств по СГТП ПВВП вызвано не только и не столько эффектом Александра Гершенкрона (конвергенция к уровню развитых государств за счет использования преимуществ отсталости - низких трудовых и экологических издержек производства), сколько проведением прагматичных прорыночных реформ (с опорой на бизнес-ориентированное государство), масштабным наращиванием физического и человеческого капитала, активным внедрением новых технологий, форсированным осуществлением экспортоориентированной стратегии развития.

8. По нашим расчетам, если в 1800-1950 гг. и 1950-1980 гг. *среднегодовой темп прироста (СГТП) СФП* в среднем по РГ в три-четыре раза был выше, чем в РС, то в 1980-2021 гг. в среднем по Китаю, Индии и АЗ НИС он оказался выше вдвое, чем в РГ, и в десять раз, чем в других РС (ДРС; 2,1%: 1,0%: 0,2%). Хотя в целом по РС в 1980-2021 гг. *вклад СФП в прирост ВВП* был вдвое ниже, чем в РГ (1/5 vs 2/5), в среднем по Китаю, Индии и АЗ НИС этот важнейший показатель экономического прогресса (1/3) был намного ближе к РГ, чем к ДРС (1/10). Если *по уровню СФП* ДРС в целом нарастающе отстают от РГ (в 1980 г. 1/3, в 2000 г. ¼ и в 2021 г. ~ 1/5), то в целом по РС Восточной и Южной Азии по рассматриваемому показателю *обнаружилась заметная конвергенция к «планке» РГ* (соотв. с 1/5 до 1/3 и 2/5).

9. Согласно рассчитанной нами модели, более чем шестикратное превосходство крупных и средних РС над крупными и средними РГ по СГТП

производительности труда в 2000-2020 гг. вызвано *на 2/5 более существенным увеличением у первых доли совокупных вложений в физический и человеческий капитал в ВВП (достигшей в 2016-2020 гг. в целом по РС 44-46% ВВП)*, и на ¼ - *значительным повышением в обозначенной группе РС эффективности госуправления и качества основных институтов*.

10. Основываясь на трехфакторной модели экономического роста, можно обнаружить, что в последние три-четыре десятилетия сравнительно более высокие СГТП ПВВП в азиатских РС и НИС по сравнению в целом со странами Африки южнее Сахары (АЮС) и Латинской Америки (ЛА; 5,1% vs 0,4%) определялись *наполовину* - более высокими у первых показателями доли вложений в физический и человеческий капитал в ВВП, *на треть* – более высокими темпами роста экспорта товаров и услуг и *на одну пятую* более умеренным, чем в АЮС и ЛА неравенством в распределении доходов.

11. Этот вывод весьма важен, поскольку, хотя в целом по РС за последние четыре десятилетия сократились абсолютное число и доля в населении критически бедных (соотв. в 3 и 5 раз – до 0,7-0,8 млрд человек и 10-12%), весьма велика доля т.н. других бедных, высок и во многих РС растет уровень неравенства в распределении доходов. Рост доходов населения в ряде РС в немалой мере сдерживается весьма внушительными размерами задолженности РС (в 2000-2021 гг. показатель непогашенного объема совокупной задолженности к ВВП вырос более чем на 2/3 ~ до 230%).

12. Однако, несмотря на эти значительные трудности, в целом по СГТП ИЧР в 1980-2021 гг. РС на 2/3 обгоняли РГ (1,5% vs 0,9%). Разрыв по ИЧР между РГ и РС, который вырос с 1,8 в 1800 г. до 3,5 в 1950 г., сократился до 2,8 в 1980 г. и 2,1 в 2021 г. Вместе с тем *среди РС велика дифференциация успехов и неудач*. По рассчитанному нами расширенному (семикомпонентному) ИЧР в 2000-2019 гг. Китай, Индия и АЗ НИС подтянулись к РГ в среднем на 4/5, то арабские страны, АЮС и ЛА вдвое меньше - на 2/5.

Резюмируя, подчеркнем, что в глобальной экономике в результате успеха быстрорастущих азиатских государств существенно увеличилась роль РС. Но при этом заметно усилилась дифференциация между РС и социальная поляризация внутри многих из них, возросли в РС и в мире политические и экономические риски и нестабильность.

Литература

[1] Акаев А.А. (2015) От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции. М.: ЛЕНАНД. 352 с.

[2] Мельянцев В.А. (2022). Влияние накопления, человеческого капитала и институтов на рост производительности в развитых и развивающихся странах, *Азия и Африка сегодня*, № 2, С. 14-28.

[3] Мельянцев В.А. (2021). Основные тенденции, детерминанты и проблемы-противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах, *Восток*, № 5, С.203-215.

[4] Maddison A. (2007). Contours of the World Economy, 1 - 2030 AD. New York: Oxford University Press. 418 p.
[5] The World Bank. DataBank. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: https://databank.worldbank.org

Современные тенденции развития интеграционных процессов в регионе Большого Средиземноморья

Соловьева А.А.
Севастопольский государственный университет, доцент, alfiya-soloveva@mail.ru

Многие страны прибегают к двусторонним или многосторонним региональным соглашениям в качестве быстрого и гибкого способа развития свободной торговли - соглашения о свободной торговле (ССТ), соглашения о преференциальной торговле (ПТС) или региональные соглашения о торговле (РТС). Увеличение количества соглашений о свободной торговле называют — эффект «миски спагетти» (spaghetti bowl effect). Впервые этот термин использовал Джагдиш Бхагвати (Jagdish Bhagwati): чем больше торговых соглашений заключают между собой страны, тем более сложными и менее открытыми становятся торговые процессы. Затрудняется определение происхождения товара для установления тарифов, увеличиваются административные издержки, что снижает общую конкурентоспособность стран — членов ВТО. Данная организация ведет мониторинг заключения ССТ, ПТС и РТС, информирует страны, не являющиеся сторонами ССТ, о таких соглашениях [1].

Несмотря на стремительные темпы и расширение географического поля интегрирующихся межстрановых союзов, в самой природе международной экономической интеграции заключен ряд противоречий. Интеграционные процессы и снижающий их эффект spaghetti bowl effect в регионе Большого Средиземноморья рассматривался автором в статье [2].

В ближайшем будущем даже самое успешное интеграционное объединение в регионе ЕС ожидают новые трудности, связанные с необходимостью координации действий и достижения консенсуса среди все возрастающего числа государств–членов. Интеграция в ЕС, призванная устранить различные формы дискриминации между странами–участницами, постоянно порождает союзнические противоречия [3]. В настоящее время внутри ЕС выделяется тенденция объединения стран для решения круга важных для них вопросов, прежде всего касающихся энергетической безопасности.

Уже чуть более четверти века прошло с принятия Барселонской декларации и начала Евро-Средиземноморского партнерства, и Европейский союз сталкивается с активизацией ряда стран в Средиземноморском регионе (в бассейне восточного Средиземноморья и на его берегах). С экономической точки

зрения ЕС также должен учитывать свои торговые и инвестиционные интересы в регионе, свои энергетические интересы в Ливии и на морских газовых месторождениях Египта, Кипра и Ливана. Однако, в течение последнего десятилетия Европейский совет не смог прийти к четкому консенсусу по политике ЕС в Сирии, Ливии и Турции [4].

В то же время Турция продвигает две крупные инициативы в восточном Средиземноморье, используя одностороннюю методологию: разведку и бурение газа вокруг Кипра, в основном, в спорных водах, договор с Ливией о пересмотре морских границ за счет Греции и Кипра и «разрешение» будущей разведки газа вокруг Родоса и Крита. Данные действия вызвали сплочение южно-европейских государств ЕС.

На 7 саммите государств юга Евросоюза MED-7 Греция, Кипр, Франция, Италия, Мальта, Португалия и Испания выступили единым фронтом и потребовали от Турции прекратить геологоразведочные работы на шельфе, который расположен в территориальных водах Греции. Европейский Совет проводил консультации о возможности введения санкций в отношении Турции. На 8 саммите в 2021 году MED-7 переименовали в EU MED (EuroMed, MED-9) в связи с его расширением, поскольку в нем приняли участие уже девять стран: присоединились Хорватия и Словения, что свидетельствует о готовности южных стран ЕС к новому формату сотрудничества в отстаивании своих интересов.

Так в рамках Евро-Средиземноморского партнерства уже сформировалась новая региональная организация Восточно-Средиземноморский газовый форум (East Mediterranean Gas Forum, EMGF) с государствами-членами (Египет, Греция, Кипр, Израиль, Иордания и Италия) со штаб-квартирой в столице Египта Каире [5].

Шесть государств ставят перед собой задачу создания регионального рынка газа, а также укрепления экономических и коммерческих связей между членами с целью вложения инвестиций в газовые месторождения Восточного Средиземноморья. Ожидается, что EMGF может стать не менее важным, чем ОПЕК, но в сфере природного газа. А трансформация форума в международную организацию может превратить Египет в настоящий мировой хаб природного газа, который аккумулирует газ с месторождений «Зохр», «Афродита» (Кипр), «Левиафан» и «Тамар» (Израиль).

В перспективе страны участники EGMF намерены построить Восточно-Средиземноморский трубопровод – EastMed, даже подписано межправительственное соглашение по газопроводу между странами Энергетического треугольника (Израиль, Кипр и Греция), по которому газ месторождений Восточного Средиземноморья должен будет поступать в Европу. Однако, считается вполне возможным и сжижать газ, поставлять его танкерами-газовозами из египетского хаба в Европу.

Попытку решения энергетических проблем продемонстрировали двенадцать государств, расположенных вдоль меридиональной оси от Балтийского к Адриатическому и Черному морям, которые присоединились к ЕС после 1986 года. Они создали в 2016 году свое объединение Инициатива трех морей (или

Союз три моря, ИТМ). ИТМ активно сотрудничает с крупным инфраструктурным проектом в регионе по транспортировке сжиженного газа, с морскими терминалами в Польше и Хорватии и соединительным трубопроводом.

Активно решили пробивать дорогу в Евросоюз и НАТО совместно, создавая кумулятивный эффект политики обращений в соответствующие структуры, Грузия, Молдова и Украина. Объединение Ассоциированное трио было создано в мае 2021 г. в Киеве путём подписания совместного меморандума, имеющего трёхсторонний формат для усиленного сотрудничества по вопросам, представляющим взаимный интерес, связанным с евроинтеграцией государств, включая сотрудничество в рамках Восточного партнёрства. Ассоциированное трио пытается следовать примеру Польши, Чехии и Венгрии, однако, объединив усилия, эти страны получили членство в ЕС лишь спустя 15 лет.

Активизировалось и деятельность Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ, Тюркский совет, созданный в 2009 году), в рамках работы 8 саммита стран - членов ССТГ в Стамбуле в 2022 г. он был переименован в Организацию тюркских государств (ОТГ). В принятой «Концепция Тюркского мира на период до 2040 года» уделяется внимание активизации экономического сотрудничества путем создания сети «Тюркских торговых домов», увеличении объемов торговли, наращивании взаимных инвестиций. На конец текущего десятилетия планируется формирование общего рынка товаров, инвестиций, рабочей силы и услуг. Уже заявлено о размещении штаб-квартиры Тюркского инвестиционного фонда на площадке Международного финансового центра «Астана».

Этот формат взаимодействия основан также на решении общих энергетических вопросов. Имеют энергетические ресурсы: Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и Азербайджан, Турция же является энергетическим хабом.

Литература

[1] Mattoo, Aaditya, Nadia Rocha, and Michele Ruta, eds. 2020. Handbook of Deep Trade Agreements. Washington, DC: World Bank. URL: https://databank.worldbank.org

[2] Solovyova, A. 2019. “Spagetti bowl” in the Region of the Greater Mediterranean. Advances in Economics, Business and Management Research, volume 90. Atlantis Press. August. 2019. – pp. 542-545. Available: URL: https://www.atlantis-press.com/proceedings/ispcbc-19/125914585

[3] Baldwin, R. 2013. Lessons from the European Spaghetti Bowl. ADBI Working Paper 418. Tokyo: Asian Development Bank Institute. Available URL: http://www.adbi.org/workingpaper/2013/04/24/5626.lessons.european.spaghetti.bowl/

[4] Юрганов Д. Новый газовый союз в Восточном Средиземноморье [Электронный ресурс] URL:

https://zavtra.ru/events/novij_gazovij_soyuz_v_vostochnom_sredizemnomor_e (дата обращения: 30 сентября 2020)
[5] Пиерини, М. Новая борьба за власть в Средиземноморье, Ежегодник Средиземноморья на IEMed 2020 [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: https://www.iemed.org/publication/new-power-struggles-in-the-mediterranean/

Особенности развития рынка криптовалют в странах Африки южнее Сахары

Сучкова А.А.
ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова, доцент кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки, annasuchkova@yandex.ru

В настоящее время африканский континент имеет самую маленькую криптоэкономику в миру, которая оценивалась в 2020-2021гг. в 105, 6 млрд. долл., что составило менее 5 % от мировых криптовалютных активов. Несмотря на относительно небольшие размеры, криптовалютный рынок Африки южнее Сахары оказался одним их самых динамичных, продемонстрировав за тот же период темпы роста в 1200% [1]. В настоящее время Нигерия и Кения входят в десятку лидеров по доле населения, владеющих криптовалютой. Эти же страны, а также Южная Африка включены в список стран, владеющих наибольшим количеством биткоинов [2]. В соответствии с Глобальным индексом принятия криптовалют, разработанному исследовательской компанией Chainanalysis, в 2021 г. в двадцать лидирующих по этому показателю стран, помимо указанных выше, вошли Гана, Того и Танзания [3].

Причины роста криповалютной экономики в африканских странах отличаются от драйверов роста операций с криптовалютой в развитых странах, где главным основанием для приобретения криптовалют являются инвестиционные мотивы. Для жителей Африки, так же как и для многих развивающихся экономик Азии и Латинской Америки, главными стимулами ухода в криптовалюты являются обесценение национальных валют, высокие барьеры при проведении экспортно-импортных операций и комиссионные, взимаемые при частных переводах. Последние исключительно высоки именно в африканских странах южнее Сахары и составляют около 10 % от переводимых сумм, что в два раза превышает стоимость переводов в Южной Азии и почти в полтора раза стоимость переводов в Северной Африке [4]. Ежемесячные переводы криптовалюты в Африку и из Африки на сумму менее 10 тыс. долл., обычно совершаемые частными лицами и малым бизнесом, подскочили более чем на 55% за 2020 г. и достигли 316 млн долл. Количество ежемесячных переводов также выросло почти вдвое, превысив 600 тыс. В результате доля розничных переводов из Африки и в Африку в указанном году составила более 7% от общего объема транзакций, превысив среднемировой показатель на 1,5 п.п.

Опросы, проведенные агентством Reuters в пяти африканских странах, в том числе в столице Нигерии Лагосе, показали, что малый и средний бизнес, участвующий в экспортно-импортных операциях, после перехода к расчетам в криптовалюте фиксирует снижение затрат за счет ускорения операций, ликвидации сборов за переводы и уменьшения потерь из-за девальвации национальной валюты при приобретении долларов и, соответственно, увеличение прибыли. Инициаторами расчетов в криптовалюте часто выступают партнеры африканского бизнеса из других стран, в частности, китайские компании и фирмы из ОАЭ.

Важным отличительной чертой африканской криптоэкономики является относительно большее по сравнению с европейскими странами и США использование P2P платежных платформ для приобретения криптовалюты, переводов и платежей. Рейтинг 154 стран по индексу использования P2P платформ (с поправкой на ППС на душу населения и количество пользователей Интернета) возглавляет Кения. Далее следует Того, Танзания занимает 10 место и Нигерия -18 [3]. Существует несколько причин такого положения. Во-первых, следует отметить низкий охват африканского населения банковскими услугами. При этом многие африканцы имеют возможность проводить платежи через мобильные телефоны. Так, в Уганде только 11% жителей имеют банковский счет, а 43% используют счет для мобильных платежей. Достаточно широкое распространение цифровых финансовых операций в фиатных валютах создало технические возможности для последующего перехода к P2P на основе блокчейна.

Вторая причина популярности P2P платформ состоит в действиях регуляторов в африканских странах, которые крайне настороженно относятся к криптовалюте и либо прямо запрещают банкам, как, например, в Нигерии, проводить операции с нею по поручению клиента и с использованием средств его банковского счета, либо настоятельно не рекомендуют это делать. При этом сами операции с криптовалютой остаются в легальном поле. Поэтому P2P платформы, которые не связаны с хранением средств клиентов и позволяют им обменивать наличные деньги на криптовалюту между собой или отправлять ее на централизованные биржи, представляют удобную альтернативу для тех, кто заинтересован в операциях с криптовалютой.

Существует несколько популярных в Африке платформ, через которые проводятся подобные сделки: это Paxful, Remitano, LocalBitcoins, Coinbase. Спустя два месяца после того, как финансовым учреждениям Нигерии Центральный банк запретил проводить финансовые операции с криптовалютой, прирост транзакций через LocalBitcoins и Paxful составил почти 80% (32,5 млн долл. в марте 2021 г. против 18,4 млн долл., инвестированных в январе того же года) [5].

После введения запрета, значительная часть P2P-активности переместилась также в неформальные групповые чаты в приложениях в WhatsApp и Telegram. Отследить эти сделки невозможно, поэтому уровень активности P2P в Африке, скорее всего, выше, чем его фиксирует доступная статистика.

Конечно, в таком взрывном росте есть и спекулятивная составляющая, подпитываемая агрессивным маркетингом технологических компаний, в том числе из Азии и Европы, продвигающих свои торговые боты и обещающих подписчикам, что боты в зависимости от конъюнктуры будут покупать или продавать для них криптовалюту, а выручку вносить в специальные кошельки. Кажущаяся доступность операций с криптовалютой привлекает в криптоэкономику людей, мало разбирающихся в цифровых технологиях, увеличивая риски распространения мошеннических операций.

Литература

[1] Tim Fries, Africa's Crypto Market Has Grown by $105.6 Billion in the Last Year, [Электронный ресурс] — Режим доступа —URL: https://tokenist.com/africas-crypto-market-has-grown-by-105-6-billion-in-the-last-year, (дата обращения: 03.03.2022).
[2] Top 10 Countries with The Most Cryptocurrency Holders [Электронный ресурс] — Режим доступа URL: https://www.c-sharpcorner.com/article/top-10-countries-with-the-most-cryptocurrency-holders, (дата обращения: 03.03.2022).
[3] Chainanalysis [Электронный ресурс] — Режим доступа URL: https://blog.chainalysis.com/reports, (дата обращения: 03.03.2022).
[4] Remittances to Africa cost far too much—more competition would change that, [Электронный ресурс] — Режим доступа URL: https://qz.com/africa/1272445/remittances-sending-cash-to-africa-is-most-expensive-says-world-bank, (дата обращения: 04.03.2022).
[5] Geoff Iyatse,Young Nigerians defy CBN ban, gamble on risky crypto assets [Электронный ресурс] — Режим доступа URL: https://guardian.ng/news/young-nigerians-defy-cbn-ban-gamble-on-risky-crypto-assets, (дата обращения: 05.03.2022).

Электронная коммерция в Японии: факторы и перспективы развития

Тимонина И.Л.
ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, профессор кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки

В последние десятилетия в Японии, как и других странах, активно развивается электронная торговля (e-commerce). Тенденция к росту объемов и доли транзакций онлайн прослеживается как на внутреннем рынке при совершении сделок B2C и B2B, так и при осуществлении международных торговых операций между теми же группами контрагентов.

Япония занимает высокие места в рейтингах международных организаций, оценивающих потенциал и уровень развития электронной торговли (ЭТ): 10 место (из 176 стран) по Индексу развития ИКТ (ITU ICT Development Index), 15 место (из 134 стран) по Индексу готовности сети (WEF Networked Readiness

Index) и 20 место (из 152 стран) по индексу ЭТ B2C (UNCTAD B2C E-commerce Index).

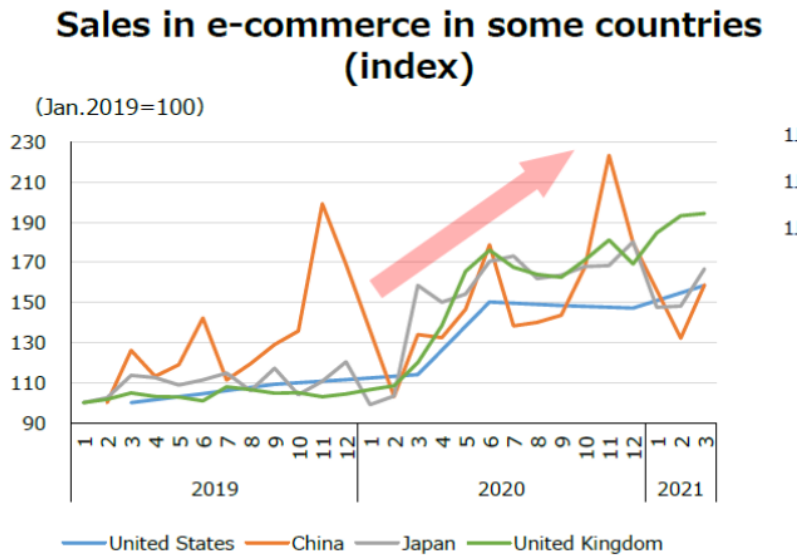
По данным ЮНКТАД, в 2019 г. Япония занимала второе место в мире по общему объему продаж через сети (таблица 1).

Таблица 1

Объемы продаж через сети (по данным ЮНКТАД) [1, p. 4]

Rank	Economy	Total e-commerce sales ($ billions)	Share of total e-commerce sales in GDP (%)	B2B e-commerce sales ($ billions)	Share of B2B e-commerce sales in total e-commerce (%)	B2C e-commerce sales ($ billions)
1	United States	*9,580*	45	8,319	87	*1,261*
2	Japan	3,416	67	3,238	95	178
3	China	*2,604*	18	*1,065*	41	1,539
4	Korea (Rep.)	*1,302*	79	*1,187*	91	115
5	United Kingdom	885	31	633	72	251
6	France	*785*	29	*669*	85	116
7	Germany	524	14	413	79	111
8	Italy	*431*	22	*396*	92	35
9	Australia	*347*	25	*325*	94	21
10	Spain	344	25	280	81	64
	10 above	**20,218**	**36**	**16,526**	**82**	**3,691**
	World	**26,673**	**30**	**21,803**		**4,870**

Страна также занимает второе место в мире по показателю соотношения продаж через сети к ВВП – 67% (после Республики Корея – 79%). Особенностью японского рынка ЭТ является чрезвычайно высокая доля сделок B2B – 95% в общем объеме электронных продаж. По объему электронных продаж на розничном рынке Япония занимает 4 место (лидером с большим отрывом от других стран здесь является Китай) с относительно небольшой долей таких продаж по отношению к ВВП (3,5%, что ниже среднего показателя по 20 странам-лидерам по объему продаж). Данное обстоятельство объясняется особенностями японского потребительского рынка, в том числе приверженностью японцев к совершению покупок в «физических» магазинах, что, в свою очередь, связано с высокой плотностью торговой сети в стране, в результате чего интернет-магазины до определённого момента частично теряли свои преимущества в удобстве, а также с относительно низким распространение кредитных карт. Однако уже после кризиса 2008-2010 гг. и особенно в период пандемии ситуация начала динамично меняться (рис.1) [2; 3, p. 14].



Note : US and UK values are seasonally adjusted. Japan and China values are not seasonally adjusted. Only US data is quarterly data.
Source : METI Japan, United states of Census Bureau, National Bureau of Statistics of China, Statistics Korea, UK Office for National Statistics, CEIC.

Необходимость оставаться дома и совершать покупки онлайн в условиях борьбы с пандемией COVID-19 привели к значительному расширению рынка в секторе продаж материальных продуктов в 2020 г. по сравнению с 2019 г. (рост на 22 %) при закономерном сокращении оборота в секторе услуг.

Цифровизация международной торговли развивается по двум взаимосвязанным направлениям. Это – электронная торговля и цифровизация торговых процедур.

Трансграничные операции японских компаний в формате онлайн в секторе B2C составили в 2019 г. 23 млрд долл. (3,3 % общего объема экспорта товаров). Доля международных операций в общем объеме продаж B2C в Японии превышала средние показатели по миру и по странам-лидерам и составляла 13, 2 %. [1, p.6].

В период пандемии на трансграничную ЭТ Японии существенно повлияло драматическое сокращение въездного туристического потока и, что особенно чувствительно для Японии, числа туристов из Китая. К этому следует добавить фактор переноса Олимпийских игр 2020 г. и проведение их с большими ограничениями по туристическому потоку в 2021г.

Правительство Японии проводит последовательную политику по цифровизации и упрощению процедур международной торговли и управления цепочками поставок. Политика эта опирается в том числе и на Соглашения в рамках ВТО и Соглашения об экономическом партнерстве (СЭП), которые предусматривают усилия по повышению прозрачности процедур таможенного оформления и содействию их компьютеризации. В частности, это касается оцифровки процедур сертификации происхождения товара, необходимых при применении норм СЭП.

Еще в 1978 г. в Японии начала функционировать Единая сеть таможенной службы Японии – NACCS (Nippon Automated Cargo and port Consolidated System),

которая впоследствии постоянно совершенствовалась на основе новых технологических возможностей. Она объединяет базы данных практически всех государственных контролирующих органов, базы данных владельцев складов, перевозчиков, таможенных брокеров, банков.

В Японии продвигается цифровизация торговых операций с использованием блокчейна: 2020 г. был создан межотраслевой корпоративный консорциум Trade Waltz, использующий платформу управление торговыми операциями с помощью электронных данных. В 2021 г. был запущен Киберпорт – платформа, обеспечивающая оцифровку процедур портовой логистики.

Ожидается, что усилия компаний и правительств по цифровизации торговых процедур также будут способствовать повышению уровня оперативности и устойчивости управления цепочками поставок.

Литература

[1] Estimates of Global E-Commerce 2019 and Preliminary Assessment of Covid-19 Impact on Online Retail 2020 [Электронный ресурс] — Режим доступа URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tn_unctad_ict4d18_en.pdf
[2] Results of FY2020 E-Commerce Market Survey Compiled July 30, 2021 [Электронный ресурс] — Режим доступа URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2021/0730_002.html
[3] Summary of White Paper on International Economy and Trade 2021 [Электронный ресурс] — Режим доступа URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2021/pdf/0629_001b.pdf

Поможет ли девальвация Турции выбраться из ловушки среднего уровня развития?

Ульченко Н.Ю.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой экономики и экономической географии стран Азии и Африки, ulchenko-n@rambler.ru

С 2002 г. в Турции правит Партия справедливости и развития (ПСР), которая по историческому праву и фактическому статусу воспринимается как партия, тесным образом связанная с действующим президентом Турецкой Республики Реджепом Тайипом Эрдоганом. В первый период правления ПСР основные экономические ассоциации были связаны с феноменом быстрого роста страны. Однако с начала второго десятилетия XXI в. и до сегодняшнего дня преобладающим лейтмотивом в оценке экономического развития Турции стало замедление темпов роста.

Наблюдающиеся на фоне отмеченного снижения структурные экономические сдвиги позволяют предположить его долговременный характер, связанный с началом сползания Турции в так называемую «ловушку среднего уровня развития».

Под термином «ловушка среднего уровня развития» подразумевается длительное снижение темпов роста после периода активного развития, обеспечившего стране выход на среднемировой уровень.

По мнению авторов идеи «ловушки», решающее значение принадлежит изменениям на рынке труда, а именно исчерпанию возможности поддерживать развитие промышленности за счет притока дешевой рабочей силы из сельской местности. Момент, когда «резервуар скрытой сельской безработицы оказывается исчерпан», представляет собой своего рода поворотную точку развития, после прохождения которой неизбежно повышение реальной заработной платы и обусловленное им падение доли занятых в промышленности. [1, p. 412].

Но специфика социально-экономической модернизации в Турции заключается в сравнительно раннем по сравнению со странами Восточной и Юго-Восточной Азии переходе к росту заработной платы в промышленности ввиду более позднего перехода к стратегии экспортоориентированного развития. Более длительное пребывание на стадии импортозамещения, которое, с одной стороны, предопределялось емким рынком сбыта, а с другой, нуждалось в нем, обусловило начало роста заработной платы в промышленности задолго до момента «осушения резервуара дешевой рабочей силы».

С конца 1980-х годов, после почти десятилетия активных усилий по наращиванию экспорта и снижению реальной заработной платы, Турция вновь обратилась к стратегии расширения внутреннего рынка, а удельный вес частного потребления в ВВП начал расти, создавая дополнительные возможности для роста национальной экономики.

Всякий раз «накачивать» внутренне потребление удавалось за счет активного использования внешних источников финансирования.

Исходя из опыта Турции, можно предложить более широкую трактовку феномена «ловушки среднеразвитости», как результата исчерпания различных видов источников роста, ранее являвшихся изобильным. И если для стран Восточной и Юго-Восточной Азии это действительно был дешевый труд, то для Турции, в силу особенностей социально-экономической политики такого рода ранее доступным, но теперь оказавшимся ограниченным ресурсом, стали внешние источники финансирования.

Снижение темпов роста Турции после 2012 г. можно рассматривать как начавшийся процесс погружения в «ловушку среднего уровня развития» на фоне падения уровня частного потребления. Последнее, в свою очередь, обусловлено сокращением объемов использования внешних источников финансирования ввиду неблагоприятных изменений внешней конъюнктуры, очевидной для иностранных инвесторов обратимости процессов стабилизации экономики Турции и избрания ею более независимого, но при этом и более рискованного с точки зрения сохранения благоприятного инвестиционного климата курса внешней политики.

Проблемы, стоящие перед турецкой экономикой, можно интерпретировать и под иным углом зрения. Длительное отсутствие давления на внутреннее

потребление, благодаря использованию внешнего финансирования, привело к тому, что Турция значительный период времени жила в условиях опережающего роста заработной платы по сравнению с ростом производительности труда. В итоге Турция утратила конкурентные преимущества, связанные с относительной дешевизной рабочей силы. Таким образом, важной причиной, препятствующей ускорению роста турецкой экономики, можно считать непропорционально низкий уровень производительности труда. Следовательно, более эффективное участие в международной конкуренции требует смещения акцента с производства трудоемкой продукции на более дорогостоящую техноемкую и перехода к последующей стадии догоняющей индустриализации. Тогда быстрая модернизация и последующая структурная перестройка промышленности позволили бы сделать экономически обоснованным достигнутый уровень заработной платы. Таким образом, речь идет о своего рода вынужденной отработке задним числом уже произошедшего в реальности повышения заработной платы, что, в известной мере, дестимулирует и осложняет процесс отраслевой модернизации промышленности.

В противном случае, необходимо проведение весьма мало популярной политики снижения реальной заработной платы до момента структурной модернизации. В этом смысле неоднократные девальвации турецкой лиры, снизившие ее курс с 7,4 лир за доллар в январе 2021 г. до 18,4 в декабре, способны выступить в роли инструмента приведения в соответствие уровня заработной платы и производительности труда. Действительно, в начале 2000-х годов Турция по уровню минимальной заработной платы опережала такие страны Европы, как Болгария, Румыния, Эстония, Словакия, Венгрия, Польша, Чехия. Однако во второй половине 2021 г. она уже находилась на 24 месте среди 27 стран ЕС, опережая лишь Черногорию и Албанию. После следующего этапа девальвации в ноябре 2021 г. Турция смогла опередить по данному показателю только Албанию, сместившись на предпоследнее место.

Можно ли надеяться на то, что в результате исправления диспропорции Турция начнет выбираться из «ловушки среднего уровня развития» и ее ожидает переход в новый этап устойчивого экономического роста? Обозреватель газеты турецкой газеты Sozcu С. Ялчин считает, что именно на этот сценарий рассчитывает турецкий президент. По его мнению, Эрдоган мечтает о том, чтобы Турция стала страной с дешевой рабочей силой, такой, как Китай, и за счет большого количества мигрантов и иностранных инвестиций и повысила свою конкурентоспособность.

Возможно, стоит согласиться с определенным положительным эффектом девальвации для возвращения турецкой экономики в состояние более устойчивого равновесия. Но, во-первых, оно достигнуто не за счет модернизации производства, а за счет снижения доходов наемных работников. Следовательно, задача структурной перестройки экономики осталась нерешенной. Во-вторых, цена баланса - рост социальной напряженности в обществе, что для имиджа ПСР как социально-ориентированной партии является и вызовом, и угрозой. В-третьих, несмотря на целенаправленную политику правительств ПСР по

снижению роли профсоюзов, борьба вокруг заработной платы традиционно остается в Турции предметом ожесточенных столкновений, наблюдая за которыми власть традиционно готова к определенным уступкам. Так, на протяжении декабря 2021 г. страну сотрясали дискуссии о размерах будущей минимальной заработной платы, которая в Турции является не столько базой исчисления налогов, сколько реальным доходом 70% занятых в частном секторе: сторона работодателей настаивала на 3,5 тыс. лир, сторона рабочих – на 4 тыс. лир. Решением Эрдогана-миротворца был принят уровень в 4тыс. 250 лир. Таким образом, есть вероятность того, что девальвация приведет к довольно кратковременному эффекту выравнивания макроэкономического баланса, лишь сместив усилия от главного фокуса, которому надлежит оставаться на структурном обновлении национальной промышленности и усложнении ее продукции.

Литература

[1] Eichengreen B. Escaping the Middle Income Trap/Achieving Maximum Long Run Growth. Kansas, Federal Reserve Bank of Kansas City, 2012. [Электронный ресурс] - URL: http://www.kansascityfed.org/publicat/sympos/2011/Eichengreen_final.pdf

Некоторые заметки о взаимодействии братства (тарикат) и шариата в Центральной Азии: баха' ад-дин накшбанд и *улама'*

Али Арамджу
Тегеранский университет, преподаватель кафедры истории и цивилизации исламских народов

В VIII в. х. / XIV в. н.э. в Бухаре, ханафитские 'улама' все еще пользовались большим влиянием. Находясь при Кулале, Баха' ад-Дин поддерживал с ними многообразные контакты. В рассказах, связанных с представшим ему во сне видением Гиджувани, последний подчеркивает необходимость обратить внимание на шариат: «при всех обстоятельствах вы должны выйти на путь шариата ...».[12] Как справедливо указал ДеВис,[13] это убеждение, что Бахахеддин было прямо подтверждено Абдулом Халеком Гаджуани, на основе этого повествования, в некотором роде дает ему значительную легитимность по сравнению с другими активными ветвями хаджагана. В другой части этого повествования сказано Баха' ад-Дину: " дали тебе это достоинство, что эта катастрофа будет устранена благодаря вашему благословению ".[14] В этом повествовании нет объяснения этой катастрофы. Но из повествования можно сделать вывод, что это означало те же самые нововведения, которые были распространены среди суфиев того времени, и шариат занял позицию перед ними, и Хваджа Абдул Халиг запретил ему участвовать в них. обширные отношения Баха' ад-Дина с религиозными учеными могут быть доказательством правильности этого притязания.

Хотя религиозные ученые в сельской местности потеряли свои прежние позиции из-за доминирования суфийских шейхов, но они все еще доминировали в городских условиях, таких как Бухара. Баха' ад-Дин, как человек, который был активным в городской среде, был, несомненно, хорошо знаком с этим и, следовательно, стоял посреди Шариата и суфизма как умеренный суфий. Из-за постоянной связи с религиозными учеными, Баха' ад-Дин нашел возможность сотрудничать с великими учеными своего времени, такими как Маулана Хусам ад-Дин ал-Асили и Маулана Хамид ад-Дин Шаши, и через некоторое время ему удалось, убеждая многих религиозных ученых, присоединиться к нему. По-видимому, первым религиозным ученым, присоединившимся к Баха' ад-Дину, был Маулана Хесамеддин Хваджа Юсуф, внук Мауланы Хафез аль-дин Кабир Бухари.[15] Его приверженность последователям Баха' ад-Дина Накшбанда следует рассматривать как поворотный момент в отношениях Баха' ад-Дина с религиозной общиной Бухары. После него многие другие религиозные ученые

[12] - Анис al-Talibin, с. 89.
[13] - DeWees, "The legitimation of Bah' ad-Dn Naqshband", *Asiatische Studien*, V.60, 2006, p. 265.
[14] - Анис al-Talibin, с. 89.
[15] - Анис, с. 327.

также обратились к Бахахеддину. Интересно знать, что три халифа Баха' ад-Дина, которые имели непосредственное право на руководство людьми (иджазате иршад) от него, были среди той же группы религиозных ученых, которые присоединились к нему. Среди них, Хаджа Мохаммад Парса сыграл важную роль. Написав много работ, он основал теоретические основы хаджагана в целом и Накшбандии в частности.

Эта связь, помимо обеспечения дальнейшего развития данной ветви накшбандийи, также открыла своеобразную отдушину в ограниченной и замкнутой системе отношений «наставник – ученик». Например, когда один из последователей Кулала, Хусрау, присоединился к Баха' ад-Дину, он столкнулся с противодействием со стороны бывшего наставника. Нежелания Кулала как учителя, согласно суфийской традиции, было достаточно, чтобы не дать ему присоединиться к Баха' ад-Дину. Позже, в присутствии Хусрау, Баха' ад-Дин обращается с этим вопросом к '*улама*': «Ученик присоединился к наставнику... позже он предпочел пойти к другому наставнику. Первый наставник попросил его порвать связь со вторым. Что нужно сделать ученику?». 'Улама' отвечали: «Ученик имеет право выбора. Куда бы ни захотел, он может пойти».[16]

Обеспокоенность и протест некоторых 'улама' сложившейся ситуацией может косвенно указывать на растущую популярность Баха' ад-Дина среди верующих Бухары: «Что это за суфизм? Некоторые школы потеряли свою привлекательность. Величие [богословской] науки ушло [в прошлое]».[17]

Особенности становления хорезмийской цивилизации

Вдовин С.С.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант кафедры стран Центральной Азии и Кавказа

В географическом плане Хорезм представляет собой земледельческий оазис, образуемый низовьями Амударьи и южным Приаральем, окруженный практически со всех сторон пустынными и полупустынными территориями. Считается, что в I тыс. до н.э. там возникла цивилизация, получившая название «хорезмийская». В рамках данного доклада мы произвели попытку осветить и систематизировать данные по вопросу ее становления.

Вопрос происхождения хоронима «Хорезм» носит дискуссионный характер. Если второму элементу названия («-зм») учеными отводится значение «земля» («страна»), то по первому элементу «хоре-» («хвари-») предположения рознятся. К ним относятся следующие варианты: «кормящая земля», «низкая земля», «страна с хорошими укреплениями для скота» [3, 14].

Из этого ряда выбивается теория, изложенная С.П. Толстовым. Он объяснял это связью с этнонимом «хурриты» («страна народа Харри / Хурри»), подкрепляя

[16] - там же, с. 327-329.
[17] - там же, с. 330

свои аргументы параллелями лингвистического характера (сходство имен правителей и богов) [2, 80-81].

Говоря о зарождении и дальнейшем становлении хорезмийской цивилизации, нельзя не упомянуть информацию, приводимую аль-Бируни касательно летоисчисления жителей Хорезма и, вероятно, основанную на исторических преданиях. Так, хорезмийцы начали его вести с момента заселения страны в XIII в. до н.э. [1, 47], что соотносится с периодом появления новых этнических элементов на территории Хорезма [2, 82].

Существует также версия, основанная на сведениях Геродота и Гекатея Милетского, что изначальным местом обитания хорезмийцев («хорасмиев») являлась территория между Бактрией и Маргианой. В виду же нависшей угрозы со стороны Ахеменидской державы они были вынуждены расселиться в низовьях Амударьи во второй половине VI в. до н.э., тогда наименование «Хорезм» и могло закрепиться за данной областью [3, 41-44].

Вопрос о существовании государственного объединения на территории Хорезма до завоевания Ахеменидов не находит своего однозначного ответа. С одной стороны, Хорезм упоминается в Бехистунской надписи Дария I (датируется примерно 521-520 гг. до н.э.) и в V в. до н.э. в Хорезме уже существовала развитая сеть оросительных каналов, необходимая для нужд ирригационного земледелия и поддержания жизни обитавших в городищах (Кюзелигыр, Калалыгыр и др.) людей [2, 95-101]. История показывала, что строительство ирригационной системы, обеспечение функционирования уже имеющейся и ее расширение могли быть возможны при наличии сильной централизованной власти.

Подобную зависимость можно проследить и спустя два тысячелетия на территории Хорезма, во времена Хивинского ханства (XVIII-XIX вв.). Так, ведение хозяйства оседлой части его жителей практически полностью было основано на системе искусственного орошения. Ее поддержание в надлежащем состоянии и расширение были одними из главных забот ханов и всего населения. Для достижения данной цели со всего ханства собирались люди, от каждого дома выставлялось по одному человеку. Они были обязаны трудиться на оросительных сооружениях, сменяя друг друга, почти две недели [4, 15].

С другой стороны, мы не располагаем историческими фактами, которые бы позволили говорить о наличии государственности и крупных оросительных систем на территории Хорезма до прихода Ахеменидов [3, 47-48]. В этой связи представляется целесообразным считать вторую половину VI в. до н.э. приблизительным периодом их появления и одной из вех в становлении хорезмийской цивилизации. В последующие же годы Хорезм существовал в рамках 16-й сатрапии державы Ахеменидов.

Литература

[1] *Бируни Абу Рейхан*. Избранные произведения. Ташкент: Издательство АН УзССР, 1957. Т.I. 485 с.

[2] *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. — М.—Л.: изд-во Академии наук СССР, 1948. 328 с.
[3] Хорезм в истории государственности Узбекистана / - Ташкент: Издательство «Ўзбекистон файласуфлари миллий жамияти», 2013. 336 с.
[4] *Шкапский О.* Как хивинцы ведут полевое хозяйство на своих безводных землях. М. 1900. 63 с

Кавказская война и мухаджирство в адыгском фольклоре

Ганич А.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник лаборатории Экологии культуры Востока

В исторической памяти народа отражается восприятие и интерпретация конкретных событий прошлого. Обычно это события переломные, победоносные или трагичные, сопряженные с переживанием сильных эмоций. В истории народов Северного Кавказа XIX в. таковыми являются Кавказская война и мухаджирство (вынужденное переселение) горцев в Османскую империю. Начавшаяся как сопротивление российскому военному продвижению на Кавказ и завершившаяся выселением значительного числа местного населения с их родных земель, Кавказская война стала сюжетом народных песен и преданий. Рожденные на исторической родине и в диаспоре, эти произведения выражают с одной стороны всю горечь утраты, разочарование, а с другой – надежду на возвращение на землю своих предков. Именно он, родной Кавказ, представлялся мухаджирам и их потомкам в идеализированном виде, олицетворяя лучшее и утраченное человеком, народом.

Записанные образцы адыгского фольклора дошли до нас в XIX – начале XX вв. в трудах русских публицистов, гражданских и военных деятелей. В периодических и отдельных изданиях, выходивших в различных городах Российской империи (Петербурге, Москве, Тифлисе, Баку и др.), публиковались фольклорные тексты народов Кавказа, в том числе и относившиеся к периоду Кавказской войны. Так, в 25-м выпуске серийного издания «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК. Тфл., 1898) было напечатано 28 адыгских песен, среди них 11 – о событиях и участниках войны на Кавказе. В книгу «Кабардинский фольклор» (М.-Л., 1936) вошла 21 песня на тему Кавказской войны.

В героических и героико-лирических песнях и преданиях выражаются сетования, оплакиваются жертвы, запечатлеваются многие трагические и героические эпизоды войны. В них же воспеваются подлинные герои, осмеиваются трусы, проклинаются предатели. Выделяется несколько основных тем, порожденных Кавказской войной: песни о сожженных аулах; о нападениях на неприятельские аулы и крепости; сетование женщин, уведенных на чужбину; песни, посвященных массовому исходу адыгов со своих родных мест в

османскую Турцию и др. Среди новаций обращает на себя внимание апелляция к мусульманским духовным ценностям, чего не было в традиционной адыгской песне предшествующего периода.

В песнях о сожженных аулах, помимо плачей и сетований отражались подвиги защитников, их рыцарское поведение (согласно нормам адыгского этикета Адыгэ хабзе), а из мотивов негативной оценки обычно указывается на неприятие образа чужого, чужой воли. Образ кровавого тумана или пара, поднимающегося над аулом стал символом массовой гибели беззащитных людей и употребителен в песнях о разорении мирных аулов.

Для традиционных адыгских песен характерно сопровождающее прозаическое предание, повествующее о герое или событии, которые стали побудительным мотивом для сложения песни. В цикле песен, посвященных массовому переселению адыгов в пределы Османской империи отражены боль, отчаяние и растерянность народа. Это новая тема, пришедшая в адыгский фольклор как следствие Кавказской войны. Народ же, покидая родину, выразил свое отношение во множестве песен-плачей о покинутой родине. Уже в диаспоре, те кто остался в живых после перенесенных бед обвиняли своих власть имущих сородичей в том, что те обманули и продали свой народ, складывали песни-воспоминания о родных аулах.

Кавказская война оказала влияния на характер, жанрово-тематический состав, поэтику фольклора. Ею обусловлена доминирующая роль историко-героического эпоса в системе жанров. При этом, традиционные типы песен – такие, как песни о сражениях, песни о подвигах одного наездника и др., – значительно изменились в своем содержании. Так, среди песен о сражениях мотивы победы над противником уступили место плачам и мемориальным песням о погибших воинах. Прочно укоренилась минорная тональность как основная и определяющая мелодику адыгского народного песнетворчества.

Кавказская война и явление мухаджирства хотя и не привели к возникновению новых, но обусловили приоритет отдельных жанров народного устно-поэтического творчества адыгов. В частности – песен историко-героического содержания и преданий. Одна из важнейших функций песни историко-героического эпоса – мемориальная. Она призвана запечатлеть в памяти народа определенные события, имена героев или предателей, отдельные поступки. Здесь же имеет место прямое обращение к слушателям. В отличие от атрибутики народной поэзии более раннего периода, базирующейся на представлениях собственно адыгской или общекавказской мифологии, в центр внимания выдвигается и постепенно становится стержневым компонентом кораническое мировоззрение. Мысль о предпочтительности гибели в священной войне, нежели позор или изгнание повторяется неоднократно. Столь же популярной стала другая мысль – о том, что исполнение запеваемой песни приравнивается к проповедованию Корана, а поддержание ее – пению мусульманской духовной песни. Так, через духовное проживание боли народ стремился сакрализовать в своей памяти дорогие образы, традиционные ценности и свою идентичность.

Представление о справедливости в произведении Ю. Баласагунского «кутадгу билиг»

Джаманкулова Г.Т.
Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына, профессор кафедры кыргызского языкознания

Юсуф Баласагуни – поэт, мыслитель, основоположник тюркской художественной литературы родился в городе Баласагын, известном под именем Куз-Ордо (Кут Ордо) около 1015-1016 гг. Баласагын – средневековый город, существовавший на территории нынешнего Кыргызстана близ современного города Токмок. Баласагын был крупным торгово-ремесленным центром государства Караханидов. Город Баласагун, как центр мира, указан в самом центре средневековых тюркских карт, хранящихся в Стамбуле. Башня Бурана считается частью архитектуры Баласагуна.

Отец Юсуфа Баласагуна был влиятельным человеком того времени. Ю.Баласагуни начальное образование получил в родном городе. Разностороннее образование поэт приобрел в признанных культурных центрах того времени – Фарабе, Кашгаре, Бухаре. Он имел основательные познания по астрономии, математике, медицине, знал историю, философию, эстетику, этику, литературу, арабскую и ирано-таджикскую поэзию, фольклор тюрков и язык фарси.

Влияние на творчество поэта оказали учения Авиценны и аль-Фараби, а также книга «Шах-наме» Фирдоуси. Ю.Баласагуни свой знаменитый труд «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») начал писать в Баласагыне, а завершил в 1067-1070 годах в возрасте примерно 54 лет в Кашгаре. Таким образом, он работал над поэмой в течение 18 месяцев. После завершения поэмы он преподнес ее в дар Тавгач Буура Карахану Абу-Али-Хасану — правителю Кашгара и был удостоен им почётного звания «Хасс Хаджиб» (Khass Hajib), (араб, хасс — уважаемый человек при дворе, главный советник кагана).

Поэма как духовная, нравственно-этическая энциклопедия имеет большую ценность. «Кутадгу билиг» — одновременно и художественное произведение, и этико-дидактический и политико-философский трактат. Поэма имеет характерную назидательно-воспитательную направленность. В ней отражены также история, культура, религиозные воззрения общества той эпохи. Поэма «Кутадгу билиг» является первым энциклопедическим произведением, которое написано на тюркском языке. Она - является суммой знаний по различным областям науки и культуры своей эпохи и содержит богатый материал о государственном управлении в Караханидском каганате, о политике, общественной жизни, особенностях языка и идеологии караханидских тюрок. В поэме собран и обобщен материал с философскими осмыслениями жизненных позиций самого автора, рассмотрены мировоззренческие проблемы смысла жизни, предназначение человека, его место в обществе.

Главные герои поэмы — аллегорические образы, олицетворяющие справедливость (Кюнтогды), счастье (Ай-Толды), разум (Огдулмиш),

довольство (Огдурмиш). Поэма построена в форме диалогов между основными персонажами. Во вводной же части поэмы Ю.Баласагуни раскрывает содержание своих мыслей, описанных в книге. Он перечисляет качества правителя, которые ведут к счастью граждан. Все сводится к четырем благодетелям: (1.Справедливость; 2. Счастье; 3. Разум; 4. Непритязательность).

Поэт стремится довести до сознания читателя о необходимости придерживаться этих четырех добродетелей, чтобы построить свое счастье и всеобщее благо. В последующем поэт раскрывает эти добродетели на примерах героев своего произведения. Например, мудрость правления заключается в доверии дел государства достойным и славным гражданам, тем, кто обладает разумом и мудростью. Это и есть справедливость по отношению к тем, кто не наделен богатством, но наделен умом.

Ю. Баласагуни справедливость ставит на самое главное первое место среди четырех добродетелей. Он про Кюнтогды пишет: «Сама справедливость и правды вершитель — Элик Кюнтогды, справедливый властитель». В поэме автор акцентирует внимание читателя на справедливости, правдивости, мудрости Кюнтогды: «На свете жил бек, и премудр и умен, И долгие годы страной правил он. В делах справедливый, был прям он и строг, Правдив был в речах он и духом высок».

В личностных качествах человека Ю. Баласагуни большое значение придает его знанию и разуму. По его мнению, знание и разум ведут человека к благу: «В науке - все благо, в познаньях - величье, Даны божьим слугам два высших отличья». Он отмечает два преимущества знающего: «Кто предан ученью – тому и успехи: Разумный не знает в желаньях помехи!». Поэт считает, что знание ведет к счастью, ведет вперед к свершению желаний. По учению Ю.Баласагуни во всех делах следует руководствоваться знаниями: «Познаньям учись – и познаешь почет: Познанья – твердыня и силы оплот! Без знаний бесплодны и разум, и речь, А знанья – что влага живительных вод». По мнению Ю.Баласагуни: «И сколько б ни знал ты – учись и учись; Познание все, что жаланно, дает».

Личностные знания у него перерастают в необходимые и обязательные качества, которые должны быть у правителя, чтобы вести государство к конечной цели - справедливому и счастливому обществу.

Он считает, что сила власти в справедливости: «Для власти во всем справедливость – основа, Да власть лишь во правде жива и здорова». Он наставляет: «Всегда говори только правду, не путай Правдивое с ложью и белое с черным».

В описании справедливости как качества личности и одной из благодетелей Ю. Баласагуни восполняет ее своими представлениями о справедливости в государственном управлении, ведущем ко всеобщему благу, законности, процветанию как государства в целом, так и всего населения страны.

Казахстан и цели устойчивого развития ООН: реализация 12 направления

Досова Б.А.
Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, доцент кафедры истории международных отношений

В «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» указаны Цели устойчивого развития (ЦУР), принятые на Саммите ООН в сентябре 2015 г. на срок с 2016 по 2030 гг. [1]. ЦУР представляют собой очень важные цели, достижение которых позволит решить актуальные проблемы человечества – социальное неравенство и экологическое бедствие. Реализация 17 ключевых направлений поможет привести страны к устойчивому развитию.

Миссия международных экспертов ПРООН, оценивая готовность Казахстана к реализации ЦУР, выявила достаточно высокую степень включения целевых показателей ЦУР в национальные и отраслевые планы – более 60% задач ЦУР уже охвачены национальными стратегическими документами [2]. Казахстан относится к неблагополучным в экологической области странам и поэтому уделяет внимание именно такого рода целям. Одной такой является 12 цель – ответственное потребление и производство, т.е. обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства. Как мы знаем, движущая сила мировой экономики – это потребление и производство, основанные на использовании природной среды. И здесь вопрос не в ограничении потребления и производства, а вопрос в бережном использовании природных ресурсов и поиске альтернативных, более экологичных, способов потребления и производства. Успешное преодоление прямой зависимости между экономическим ростом и ухудшением состояния окружающей среды станет основой устойчивого развития человечества. Устойчивое потребление и производство должны привести к сокращению масштабов нищеты и способствовать переходу к низкоуглеродной и «зеленой» экономике.

Развитие «зеленой» экономики будет способствовать развитию производства и потребления не за счет консервативного использования природных ресурсов, а за счет новых, передовых технологий, учитывающие интересы окружающего мира. Понятие коэволюции в постковидный период станет актуальным. До этого игра часто была в «одни ворота». Теперь компромисс между человеком и природой необходим: природа тоже хочет жить. В нашем мире потребности человека растут, но надо понимать, что ресурсы природы ограничены. Человеку необходимо, наконец-то, научиться не только брать, но и отдавать. Делать все для восстановления природных ресурсов и параллельно работать над созданием природоохранных технологий в производстве, и главное – это культивировать в себе разумное потребление. Человек ведь тоже, в какой-то мере, относится к животному миру, но в отличии от животных потребляет больше, чем ему нужно. Потребительская психология современных людей сделала перекос в сторону органической пищи в ущерб

духовной. Отсюда и многие современные проблемы человечества. Поэтому так актуальна сегодня философия «зеленой» экономики.

В Казахстане для реализации 12 цели делается не мало: в 2013 г. объявлено о переходе к «зеленой» экономике [3], в результате тема международной выставки «ЭКСПО-2017», проходившая в Казахстане, была посвящена ей. На базе выставки создали Центр зеленых технологий и инвестиционных проектов «Энергия будущего». Одним из десяти глобальных вызовов XXI века в Стратегии развития Казахстана до 2050 г. назвали глобальную энергетическую безопасность. В связи с этим страна ставит своей задачей построение устойчивой и эффективной экономики, основанная, в первую очередь, на так называемой «зеленой» экономике. Это не только развитие возобновляемых источников энергии, но и внедрение только экологически безвредных производств на добывающих предприятиях [4].

Казахстан делает шаги для развития возобновляемых источников энергии и поэтому планирует к 2030 г. получить 30% электроэнергии из возобновляемых источников, а к 2050 г. 50%. Гидроэнергетика пока для Казахстана проблемная, поэтому эксперты предлагают сосредоточится на ветровой и солнечной энергии. Ветров и солнца в стране хватает, их просто необходимо эффективно использовать. С каждым годом использование альтернативных форм энергии в Казахстане растет, но все-таки еще недостаточно. Например, в 2019 г. они составляли 0,7% – ветровая и 0,4% – солнечная от общего производства электроэнергии в стране [5]. В частности, в Жамбылской области функционируют 10 объектов возобновляемых источников энергии (ВИЭ): 4 объекта ГЭС, 3 объекта ВЭС, 3 объекта СЭС [6].

Казахстан стремится к тому, чтобы эффективно работали предприятия по переработке опасных отходов, решались вопросы по контролю за стойкими органическими загрязнителями (СОЗ). Проблема переработки и утилизации пластика в Казахстане также стоит остро, т.к. объем ее переработки еще на низком уровне, в районе 2-3%. [7].

В целом, Казахстан еще не достиг значительных результатов по 12 цели, но работа продолжается. Казахстану необходимо приложить максимум усилий для успешного достижения Целей устойчивого развития ООН, т.к. они полностью совпадают с целями успешного развития страны.

Литература

[1] Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ООН, 2015. – 45 с. URL: https://docs.cntd.ru/document/420355765 (дата обращения 10.02.2022).

[2] Краткая информация о реализации Целей устойчивого развития в Казахстане. URL: https://egov.kz/cms/ru/articles/development_goals (дата обращения 12.02.2022).

[3] Концепция по переходу Республики Казахстан к «зеленой» экономике. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577 (дата обращения 12.02.2022).

[4] Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства». Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана, г. Астана, 14 декабря 2012 года. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050 (дата обращения 20.02.2022).
[5] Амбиции Казахстана в области возобновляемых источников энергии – ключ к модернизации устаревшей энергосистемы. URL: https://www.thethirdpole.net/ru/energy-ru (дата обращения 10.03.2022).
[6] Аскар Мырзахметов побывал на строительстве Шуской СЭС. URL: https://lenta.inform.kz/ru/askar-myrzahmetov-pobyval-na-stroitel-stve-shuskoy-ses_a3572321 (дата обращения 10.03.2022).
[7] Онлайн-конференция по 12 цели устойчивого развития ООН «Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства». URL: https://greenkaz.org/index.php/press-centr/novosti-koalicii/item/3302-onlajn-konferentsiya-po-12-tseli-ustojchivogo-razvitiya-oon-obespechenie-perekhoda-k-ratsionalnym-modelyam-potrebleniya-i-proizvodstva (дата обращения 10.02.2022).

Коран Кенесары Касымова

Зайцев И.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник лаборатории экологии Востока, профессор РАН

В конце 2021 г. автору статьи на экспертизу была представлена рукопись Корана. Переплет рукописи картонный, обтянутый бордовой кожей, украшенной тиснеными медальонами. Размеры: 16 х 23 см, объем 373 листа (с текстом, плюс один чистый). Бумага светло-коричневого цвета (оттенка кофе с молоком), тонкая, лощеная, без филиграней, кустарного производства. Бумага рукописи подвергалась порче насекомыми, а также реставрации (подклейка краев листов), замена в клейка фрагментов листов с восполнением текста. Несколько страниц отделены от блока, пострадал корешок (частично утрачен).

Почерк рукописи *насх*. Текст в рамке из двух тонких красных и одной синей (внешней) линий размером 10,5-11 х 18-18,5 см, по 12 строк на странице. Чернила черные. Заголовки сур, указание на место их ниспослания (Мекка или Медина), а также количество *айатов* выполнены красными чернилами. Отмечено деление текста на *джузы* (1/30 часть текста для удобства чтения по дням месяца), их половины и четверти. Имеются *кустоды* (*рекабе*). В ряде случаев (например, в суре «Ибрахим»), заголовок ее вынесен в колонтитул.

Начало (сура «ал-Фатиха» и начало суры «ал-Бакара»), середина текста и разворот последних двух листов отмечены иллюминацией (в виде многоцветного *унвана* в начале и украшений полей в голубой с золотом гамме).

Постраничная пагинация (нумерация дана арабскими цифрами) доведена до 171 страницы.

Согласно колофону (л.373), переписка рукописи закончена 15 числа месяца *зу-ль-хиджа*. Чтение года вызывает сложности, но, судя по всему, переписчик мог иметь в виду 1151 г., либо 1251 г. (число сотен в арабском тексте отсутствует). В таком случае дата переписки соответствует либо 25 марта 1739 г., либо 1 апреля 1836 г. Имя переписчика и место переписки не указано.

На нескольких страницах рукописи проставлен оттиск 8-угольной владельческой печати с легендой المتوكّل على الله («ал-мутаваккил ала Аллах» - «Уповающий на Аллаха»), без даты. На последнем листе рукописи (л.373об.) имеется рукописное пояснение о принадлежности печати некоему Маралу (?) б. Курбан-баба и дана дата 1255 (этот год начался 16 марта 1839 г.). На этой же странице несколько раз неизвестный писец попытался передать имя احمد ابن محمد خان («Ахмед сын хана Мухаммеда»).

На одном из листов рукописи имеется оттиск миндалевидной печати без даты с легендойبن قاسيم صارى سلطان كنه. Это может говорить о принадлежности рукописи казахскому султану Кенесары Касымову (1802-1847). Форма печати соответствует печати с несколько иной легендой, оттиск которой представлен в письме Кенесары Касымова Оренбургскому военному губернатору Перовскому (22 февраля 1841 г.)[18].

Подпись рядом с печатью Кенесары имеется надпись почерком *насх* черными чернилами в одну строку:

قزاق خاني كينه سارى خان ني الله قروسون دعاكوى فقيرراجي الى الله ملا مرال بن قربان بابا

То есть: «Храни Аллах казахского хана Кене Сары-хана молитвой бедняка, уповающего на Аллаха муллы Марала сына Курбан-баба». В конце надписи оттиск 8-угольной печати с легендой «ал-мутаваккил ала Аллах» («Уповающий на Аллаха»).

Таким образом, рукопись могла принадлежать казахскому ишану Маралу Курманулы (1769 или 1780 ?-1841), выходцу из рода Керей, мавзолей которого находится на кладбище Ишанкамар в Кармакшинском районе Кызылординской области Казахстана, а впоследствии – Кенесары Касымову (иногда считается, что ишан был дядей султана и его духовным наставником). Терминология надписи у печати (упоминание ханского все-казахского титула) имеет очевидную политическую направленность. При условии подлинности надписи, она может относится к 1841 г., когда султан Кенесары был провозглашен ханом[19]. В этом случае, перед нами очевидная реликвия.

---

[18] См. https://ru.wikipedia.org/wiki/Кенесары_Касымов#/media/Файл:Letter_of_Kenesary-sultan.png. Печати казахских ханов XVIII-XIX вв. см. Туркістанда жерленген хандар мен сұлтандар. Туркістан, 2019. С.154-155.

[19] *Ахмет Кенесарин.* «История Кенесары Касымова и Садыка Кенесарина» («Насаб-наме-йи султан Садык» – «Родословная султана Садыка»). Факсимиле текста, перевод, примечания. Археографическое предисловие, подготовка текста, примечания и указатели И.В. Зайцев. М.: Пресс-Бук, 2017. С.20-21.

Национальный менталитет и его отражение в языке (на примере азербайджанского языка)

Исмаилова Л.Г.
ВУ МО Российской Федервции, доцент

Язык не только отражает действительность, но интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек. А.М. Хайдеггер называл язык «домом бытия».[20]

Учитывая совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций азербайджанцев, можно сказать, что они по своей природе очень эмоциональны. Может, именно поэтому в языке существует много фразеологических единиц, буквально на любой случай жизни существует своя фразеологическая единица. При этом каждая из этих единиц имеет многочисленные варианты, синонимы и антонимы. Фразеологические единицы создавались в языке годами, они связаны с определенными историческими, географическими, бытовыми, обрядовыми, традиционными моментами.

На эту тему написаны диссертации, монографии. Следует отметить такие исследовательские работы как «Основы фразеологии азербайджанского языка» Байрамова Г., «Теоретические проблемы фразеологии тюркских языков» Мирзалиевой М., «Лексикология современного азербайджанского языка» Гасанова Г., «Фразеология азербайджанского языка» Гасанова Г., «Фразеология современного азербайджанского языка» Курбанова А.

Фразеологизмы, как утверждает Телия, возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который, безусловно, связан с его культурными традициями, ибо субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры.[21]

Азербайджанцы очень гостеприимный народ. Гость для азербайджанца - это святой человек. Хозяин должен проявить щедрость и почтение гостю. О гостеприимстве азербайджанского народа говорит само устное народное творчество. Очень много поговорок, пословиц, и надо тут отметить, что слово «пословица» на азербайджанский язык переводится как «***atalar sözləri***» [букв.: слова отцов].

«***Qonaq bərəkət gətirər***» [букв.: гость приносит благодать].

Выражение «***Qonaq evin nurudur***» [букв.: гость – свет дома].

«***Qapım hər gələn üçün açıqdır***» [букв.: двери открыты для каждого пришедшего].

«Açıq süfrə təklif istəməz». / [букв.: открытая скатерть не будет приглашать]

---

[20] В.А. Маслова Лингвокультурология: Учебное пособие для студ. Высш. Учеб. Заведений. – М.Издательский центр «Академия», 2001. – 3 с.

[21] Телия В.Н. Типы языковых значений. 1981. – 269 С.1981 , -с 13.

«Qonaqsız ev susuz dəyirman kimidir» / [букв.: дом без гостей как мельница без воды]

«Qapı açmaq» / [букв.: открывать двери] принимать гостей, проявлять гостеприимство.

Qonaq Allah qonağıdır.

«Qapısı açıq olmaq» / [букв.: его дверь всегда открыта] хлебосол, гостеприимный, щедрый, великодушный человек.

«Азербайджанцы, в разное время по-разному приветствуют. Например, утром говорят: ***«Sabahın(ız) xeyr olsun!»*** / [букв.: пусть утро будет добрым] / «*Доброе утро!»* В полдень: ***«Gün aydın!»*** [букв.: День ясный] *«Добрый день!»* А вот вечером ***«Axşamınız xeyir olsun»*** / [букв.: пусть вечер будет добрым]. В ответ можно услышать: ***«Hər vaxtınız xeyir olsun»*** [букв.: пусть любое ваше время будет добрым]».

Когда вечером провожают гостя, обязательно скажут*: «**Xeyrə qarşı» /*** [на встречу добру] «*в добрый час*». Есть такой обычай у азербайджанцев, если ты пошел к брату, к соседу, не важно к кому, важно, что ты узнал о каких-то их начинаниях, о каком-то деле, бизнесе того, к кому пришел. Желая удачи в начинаниях, скажут: *«**xeyrini görəsən**»* [букв.: чтоб ты увидел добро] получил пользу, выгоду. Или же ***«Xeyir tapasan»*** / [букв.: чтоб ты нашел добро]***, «Işin avand olsun» / «****ни пуха, ни пера».*

На благотворительность, деньги на операции кому-нибудь всегда найдутся у азербайджанцев, оперативно соберут и помогут. В таких случаях говорят ***«Əl tutmaq Əlidən qalıb***» / [букв.: держать руку помощь осталось от Али].

В азербайджанских семьях с особым трепетом относятся к состарившимся родителям. Стараются быть образцовой семьей. Про них говорят ***«Qucağından yerə qoymamaq»*** [букв.: не кладут на землю, держат в объятиях] «носить на руках», любить, проявлять особое внимание. ***«Nazını çəkmək» /*** [букв.: цацкаться] нянчиться. Скажут *«**gözü üstündə saxlayırlar**»* / [букв.: держат на веках] или синоним этой ФЕ ***əlindən yerə qoymurlar*** / [букв.: из рук не выпускают].

Пословицы, поговорки, ФЕ, отражают национальные особенности быта и поведения, образно оценивающие жизненные ситуации, раскрывая тем самым принятые этические нормы. Именно в них мы видит отражение менталитета.

Салары – тюркоязычный мусульманский народ Китая

Кадырбаев А.Ш.
Институт Востоковедения РАН, ведущий научный сотрудник

В Китайской Народной республике (КНР), в ее северо-западных провинциях Цинхай и Ганьсу, а также в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), проживает народ салары, говорящий на огузской ветви тюркских языков. Их самоназвание варьируется в следующих терминах: салар, салор, салыр, салир, салацзу (последнее – на китайском языке) и относится к числу племенных

названий, существовавших еще у огузских племен. И в наши дни оно встречается как племенное название у туркмен Туркменистана – салыры, салоры. Современные салары – небольшой народ Китая, значительная часть которого живет на узком высокогорье по правому берегу реки Хуанхэ, в юго-восточной части провинции Цинхай. Салары живут близ истоков трех великих рек Восточной Азии – Хуанхэ, Янцзы и Меконга. Рядом – заснеженные вершины Тибета, пустыни и оазисы обращенного к мусульманскому миру Восточного Туркестана, называемого ныне в Китае Синьцзян-Уйгурским автономным районом, и многонаселенные равнины Внутреннего Китая. Общая численность саларов в Китае в пределах 130 тысяч. В Китае они имеют национально-территориальную автономию – Сюньхуа-Саларский автономный уезд в провинции Цинхай на северо-западе этой страны, где их насчитывается до 87,8% от общего числа саларов в Китае. 7,7 % - живут в провинции Ганьсу, а 4,2 % - СУАР.

Салары любят свою землю, бережно обработанную многими поколениями предков. Плодородная земля и ежедневный упорный труд сделали саларов самодостаточными и уверенными в себе. Главное их занятие – пашенное земледелие (пшеница, ячмень, овес, гречиха, чумиза) и скотоводство – разведение овец, крупного рогатого скота, лошадей, ослов, мулов, а также приусадебное садоводство и огородничество, кузнечное и гончарное ремесла.

Салары включены в официальный реестр национальных меньшинств КНР. Верующие салары – мусульмане-сунниты. Согласно сохранившимся у саларов преданиям, они полагают, что их предки перекочевали в Китай из района Самарканда в конце XIV века и даже указывают дату поселения первых 40 саларских семей на новом месте - 1390 год, которая остается неизменной в различных версиях саларских преданий. Салары помнят Самарканд, свою далекую прародину. О переселении саларов в Китай, в первые годы правления династии Мин (1368-1644), упоминают и китайские исторические хроники. Самые ранние этногенетические связи саларов прослеживаются с огузским племенем XI века салгурами, упоминаемым в труде «Дивану-лугат-ат-тюрк» Махмуда Кашгарского. В ходе своей истории салары испытывали в культурном отношении тюркское – огузское и кипчакское, затем китайское и монгольское, отчасти, тибетское влияние. Их язык обогатился хорезмскими, чагатайскими, старокипчакскими, древнеуйгурскими словами, а также тибетской, монгольской и, особенно, китайской лексикой. Большой вклад в изучение саларского языка внес советский ученый Э.Р. Тенишев. По его словам, «речь саларов льется очень быстро, как у туркмен-текинцев. Облик многих саларов очень напоминает туркменский».

По преданию, два брата Ахман и Караман, первыми переселившимися из Самарканда, погрузили на спину белой верблюдицы бурдюк с водой, мешочек с землей родины и список Корана, с которыми отправились в Китай по Великому Шелковому пути. Белая верблюдица, спасшая братьев и превратившаяся в камень, стала национальным символом саларов. Сегодня упомянутый список Корана, хранящийся в специально построенном здании, признан старейшим в

Китае. 30-томная рукопись Корана, принесенная по легенде братьями, - важнейшая святыня этого народа. Во второй половине XVIII века часть саларов стала приверженцами учения суфийского братства накшбандие, которое олицетворял Мухаммед Амин (он же Ма Мин-синь), вернувшийся на родину в 1761 году после совершения хаджа в Мекку и обучения в Бухаре и Кашгаре, ставший в глазах саларов святым подвижником.

В недавнем прошлом многие салары традиционно избирали военную карьеру, причем, салары считались выносливыми и отважными воинами. Они сплавляли плоты или отправлялись с караванами в качестве охраны в опасные путешествия через горные ущелья и пустыни, что всегда представлялось рискованным предприятием.

Вместе с тем, салары не имеют начальных и средних школ на родном языке и получают образование на китайском. Собрания ведут на саларском, а протоколы и документацию оформляют на китайском. Литературного языка и своей письменности салары сейчас не имеют. Родным языком пользуются в основном для внутрисемейного общения. Как мусульмане-сунниты, салары в последние годы подвергаются дискриминации со стороны властей КНР, ведущих ныне наступление на права национальных меньшинств, исповедующих ислам. В определенной степени, поводом для властей КНР стало влияние на саларскую общину салафитских идей в исламе, которые расцениваются как радикальные.

Литература

[1] Бартольд В.В. Очерк истории туркменского народа. Сочинения. Том II, ч.1, М., 1963, с.580.
[2] Махмуд Кашгарский. Дивану-лугат-ат-тюрк. Алматы, 2005.
[3] Потанин Г. У тюркских народов Китая. М., 1955. С.138-139.
[4] Резван Е.А. Салары Китая: Туркмены – серия «Народы и культуры». М., 2016, с.504-521.
[5] Он же. Между Туркестаном и Тибетом.СПб, 2010.
[6] Тенишев Э.Р. Салары//Народы мира. Этнографические очерки. Народы Восточной Азии. М.-Л., 1965.

Страны Центральной Азии: качество элит как фактор социально-экономического развития

Касимовская Е.Н.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки

Доверие к правительству, к властным структурам – один и важнейших факторов, способных обеспечить стабильность в стране. Вряд ли данное утверждение вызовет много возражений. Однако из него вытекает, что

складывающееся у населения недоверие к правительству может, в свою очередь, являться индикатором общественной дестабилизации. События в РК в январе 2022 года показали, что внешне вполне благополучная страна с устойчивым позитивным трендом социально-экономического развития может сравнительно быстро быть охвачена массовыми протестами. Одна из причин этого может крыться в неудовлетворенности граждан результатами деятельности правящих элит. Под элитой или элитами понимаются узкие внутренне сплоченные группы, реализующие бизнес-модели, которые позволяют им аккумулировать богатство [1]. Эмпирические наблюдения свидетельствуют, что элиты существуют повсеместно, являются неотъемлемой частью любого общества, независимо от уровня развития страны. Влияя на решения, принимаемые на высшем государственном уровне, элиты фактически распределяют ресурсы общества, что приводит либо к росту общественного благосостояния (происходит создание ценности – value creation), либо к его сокращению (имеет место отток ценностей вследствие рентоориентированного поведения – rent-seeking). Опросы населения в странах Центральной Азии, регулярно проводимые международной группой социологов, включают ряд вопросов, позволяющих определить отношение населения к власти. Один из таких вопросов касается доверия правительству. Казахстан принимает участие в международном исследовании ценностных предпочтений населения начиная со второго десятилетия 21 века. В 2010-14 годах доля тех, кто испытывал недоверие к правительству, составляла 19%, а к 2020 году она увеличилась до 25%. А в совокупности с теми, кто вовсе не доверял властям, эта доля составила 30%. В Кыргызстане таких людей еще больше: доля недовольных управлением страной к 2017-20 гг. составляла уже 46%. Сравнительно благополучно на этом фоне выглядит Таджикистан, где правительству в целом доверяют более 80% населения [2].

Альтернативный подход к оценке власти был предложен авторами исследования качества элит. Сконструированный ими одноименный индекс позволяет не только сравнить страны, но и оценить степень экстрактивности и инклюзивности национальных элит. Индекс качества элит (EQx) публикуется с 2020 года, основан на107 индикаторах, и на данный момент охватывает уже более 150 стран мира. С точки зрения положения стран в глобальном рейтинге элит 2021 года можно выделить пять групп: страны с чрезвычайно качественными элитами, страны с высококачественными и просто качественными элитами, а также с элитами среднего уровня и отстающими элитами. Страны Центральной Азии присутствуют в трех группах: Казахстан (также как и РФ) входит в группу стран с качественными элитами с рейтингом 46 и опережает Россию, имеющую рейтинг 65. Узбекистан (82) и Киргизия (121) относятся к группе со средним качеством элит. Таджикистан (140) и Туркмения (139) – к группе с отстающими элитами. По сравнению с ситуацией в 2020 году, Казахстан опустился в глобальном рейтинге (такой же тренд продемонстрировала и Россия). Остальные страны Центральной Азии участвуют в рейтинге впервые. Индекс качества элит измеряет способность национальных элит в рамках реализуемых ими бизнес—моделей создавать или извлекать

ценность из экономики той или иной страны. С этой точки зрения, т.е. посредством оценки инклюзивности и экстрактивности деятельности элит, можно говорить о четырех кластерах, отражающих разную степень присутствия элементов создания общественной ценности (value creation) и элементов реализации властной составляющей (power). «Конкурентные элиты» находятся у руля в основном тех странах, которые принято называть развитыми. Такие элиты существуют в условиях быстрой взаимной сменяемости, высокой инновационной составляющей и задействованием всех видов ресурсов, что обеспечивает устойчивый экономический рост и политическую стабильность. Данный кластер характеризуется низким значением экстрактивной составляющей и высоким – инклюзивной. «Просвещенные элиты» представляют собой высоко консолидированные группы с мощным политическим и экономическим влиянием, в большей мере выбирающие вектор создания общественной стоимости, а не извлечение ренты. Для этой группы характерно высокое значение креативной составляющей и низкое – властной. «Элиты-рантье» реализуют бизнес-модели рентоориентированного поведения и в силу этого стремятся создать такие институты, которые бы способствовали извлечению ренты. И, наконец, последняя группа стран, где процесс конституирования элит еще не закончен. Группы специальных интересов не до конца сложились и идет борьба за контроль над наиболее привлекательными сферами деятельности. Для таких элит характерно сочетание низких значений ценностной составляющей и высоких – властной. Декомпозиция индекса качества элит позволяет заключить, что Казахстан по соотношению экстрактивной и инклюзивной составляющей располагается в данный момент на границе двух кластеров – просвещенной и конкурентной элит. Такое своего рода пограничное положение элиты Казахстана косвенно подтверждается изменениями в ценностных ориентациях населения. В частности, к 2020 году заметно возросла доля тех, кто в качестве главной цели страны указывал трансформацию общества от не персонифицированного к гуманистическому типу (14% в 2014 г. против 27% в 2020 г.) [3] Узбекистан, несколько «проигрывая» Казахстану, тем не менее также может быть отнесен скорее к кластеру просвещенной элиты. Кыргызстан заметно проигрывает по ценностной составляющей: 126 место в глобальном рейтинге 150 стран. А опросы населения Кыргызстана показывают, что стабильность экономики ранжируется гораздо выше других потенциальных целей социально-экономического развития. Туркмения и Таджикистан представляют собой элиты-рантье. В таких странах, как правило, опросы населения показывают высокую степень доверия правительству и слабую дифференциацию целеполагания.

Литература

[1] Casas i Klett, T. & Cozzi, G. (2021). Elite Quality Report 2021: Country Scores and Global Rankings. Zurich: Seismo. doi: 10.33058/seismo.30781
[2] URL: https://www.worldvaluessurvey.org

[3] Inglehart, R., C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). 2014. World Values Survey: Round Six - Country-Pooled Datafile Version: https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp. Madrid: JD Systems Institute.

Согдийский правящий род на Кавказских рубежах халифата – Саджиды

Кораев Т.К.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры стран Центральной Азии и Кавказа

Саджиды – недолговечная, но весьма примечательная династия наместников Халифата на Юго-Восточном Кавказе и в Северо-Западном Иране III века хиджры. В ее истории ярко отразились особенности рекрутирования и функционирования правящей элиты на востоке Аббасидской державы в поздний период ее существования (2-я половина IX – 1-я половина X в.). Основными источниками, по которым она реконструируется, служат хроникальные памятники, создававшиеся арабоязычными авторами X – XI вв. Это, прежде всего, «Летопись посланников и царей» Абу Джа‘фара ат-Табари и ее продолжения, составленные ‘Арибом ал-Куртуби и Мухаммадом ал-Хамдани, а также «Промывальни золота и рудники драгоценностей» Абу-л-Хасана ал-Мас‘уди, «Листки» и другие очерки Абу Бакра ас-Сули, «Опыты народов и череда высоких помыслов» Абу ‘Али Мискавайхи. Сведения своих предшественников деталями справочно-биографического характера дополняют сочинения эрудитов XII – XIII вв. Важнейшие среди них – «Известия пресекшихся держав» Джамал ад-Дина ибн Зафира, «Полный свод летописей» ‘Изз ад-Дина ибн ал-Асира, «Кончины именитых мужей и известия о современниках» Шамс ад-Дина ибн Халликана. Особой группой источников являются произведения древнеармянских и древнегрузинских хронистов X – XIII вв., которые позволяют взглянуть на Саджидов с противоположной (христианской) стороны: Иованнеса Драсханакертци, Товмы Арцруни, Асохика Таронеци, Вардана Аревелци, Мхитара Айриванци, а также соответствующие книги «Картлис цховреба». В научном востоковедении пионером в исследовании саджидской проблематики по праву может считаться Ш. Дефремери, опубликовавший обширное аналитическое резюме доступных в его время источниковых материалов – «Памятка о семействе Саджидов» – в «Азиатском журнале» (1847).

Саджидская эпоха, по сути, укладывается в три поколения – карьеры родоначальника-эпонима (Абу-с-Саджа Дивдада ибн Дивдаста), его сыновей (Абу ‘Убайдаллаха Мухаммада и Абу-л-Касима Йусуфа) и внуков (Дивдада ибн Мухаммада и Абу-л-Мусафира ал-Фатха ибн Йусуфа) – каждое из которых совпадает с конкретным периодом в эволюции мусульманской

государственности в ирано-кавказском регионе. Это, соответственно, 830-е – 870-е, 880-е – 920-е, 930-е – 970-е, когда протекал многосторонний процесс дезинтеграции Халифата и становления локальных династических режимов, судьбы которых складывались крайне разнообразно. Деятельность саджидских эмиров разворачивалась на пересечении ‘аббасидской и византийской стратегии и дипломатии, которые охватывали обширную зону между Средиземным и Каспийским морем, от Ливанского до Большого Кавказского хребта. Особенно показательна их роль как заинтересованных (зачастую своекорыстных) посредников между халифским двором в Багдаде и восточнохристианскими государями армянского и картвельского пространства – Багратидами (Багратуни/ Багратиони), Арцрунидами, Михранидами и др.

Непродолжительная эпоха Саджидов, несмотря на их тюрко-согдийские корни, в целом ознаменована укреплением арабской культурной традиции на Кавказе и Армянском нагорье, центрами которой служили в эти десятилетия Барда (древний Партав) и Дабил (древний Двин). В этом смысле существует определенное сходство между ними и хорасанскими Тахиридами, которые, при все своем огромном могуществе, не только не шли на разрыв с Халифатом, но и щедро поддерживали арабоязычную поэзию. Полную лояльность к Аббасидам демонстрирует их монетный чекан, где неизменно указывалось имя правящего халифа. На Южном Кавказе период, последовавший за их падением, ознаменовался переходом гегемония к династиям местного, прежде всего, западноиранского происхождения – выходцам из дейлемитов (Салариды) и курдов (Раввадиды).

Литература

[1] *Arib*. Tabari continuatus quem edidit, indicibus et glossario instruxit M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1897.

[2] *Maçoudi*. Les Prairies d’or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. T. I – IX. Paris, 1861 – 1877.

[3] The Eclipse of the ‘Abbasid Caliphate. Original Chronicles of the Fourth Islamic Century. Ed. by H.Fr. Amedroz et D.S. Margoliouth. Vol. I – VII. Cairo – Oxford – London, 1914 – 1921.

[4] The History of al-Tabari. Vol. 37 – The ‘Abbasid Recovery: The War Against the Zanj Ends A.D. 879-893/A.H. 266-279. Transl. by Ph.M. Fields. New York, 1987; Vol. 38 – The Return of the Caliphate to Baghdad: The Caliphates of al-Mu'tadid, al-Muktafi and al-Muqtadir A.D. 892-915/A.H. 279-302. Transl. by Fr. Rosenthal. New York, 1985.

[5] *Ал-Хамдани, Мухаммад ибн ‘Абд ал-Малик*. Такмилат та’рих ат-Табари. Ал-мухаккик: Альберт Йусуф Кан‘ан. Бейрут, 1961.

Ценности традиционализма востока и кризис западной цивилизации

Махаматов Т.М.
Финансовый университет при Правительстве РФ, профессор

Основная цель и задача каждого социального организма – это сохранение своей целостности и стабильности своей жизнедеятельности в сочетании с постепенным расширением границ свободы граждан, социальных групп, с обеспечением политико-экономическими условиями позитивных изменений и развитий всего общества. Такая задача реализуется через призму исторически сложившихся культурно-цивилизационных достижений, мировоззрения и менталитета людей региональных сообществ.

На Востоке и Западе сложились обусловленные первоначально природно-климатическими и географическими условиями противоположные способы решения вышеназванных задач и организации жизнедеятельности обществ. На Западе преобладают личностные начала над общественными. Как писал К. Ясперс, «в осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью»[22]. Первоначально выделение личности, гражданина как ценностей общества в древней Греции и Рима послужили основанием формирования и развития античной цивилизации.

Однако, вскоре, уже во времена Сократа и Платона эти же факторы становятся причинами кризиса древнегреческой демократии, стабильности полисов. Если Сократ только обличает лицемерие и попирание законов как аристократами, так и демократами, то Платон ищет основания стабильного и устойчивого государства. Таковыми он считает отсутствие частной собственности и семьи у правителей, стражников и воинов, приоритет интересов государства. Апогеем превосходства личностных начал в западном мире является феодальная анархия в эпоху средневековья, которая преодолевается установлением режима абсолютной монархии.

Т. Гоббс, Дж. Локк писали, что государство является результатом общественного договора от природы равных и свободных людей для защиты своих *личных* интересов, жизни и собственности. Принципы западноевропейского либерализма связаны именно с требования предоставления свободы личности, защиты ее жизни и собственности. Основными лозунгами Великой французской революции конца 18-начала 19 века были «свобода, равенство, братство». Они еще не отрицали традиционные ценности жизни общества, защищаемые церковью, сельским населением стран Запада. Однако, с уменьшением в них доли сельского населения, постепенным искажением классических принципов либерализма и усилением личностных начал наступает эпоха неолиберализма, который в сфере идеологии выступает в форме постмодернизмом, общественные начала отодвигаются на задний план. Общественные начала западного мира сохраняются и защищаются лишь двумя

[22] Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 35.

факторами – силой юридических законов и институтами гражданского общества. Однако, сейчас и они находятся в глубоком кризисном состоянии[23].

В странах же Востока общественные начала, которые, как отмечал К. Маркс, первоначально определялись природными условиями, главным образом опирались на религиозные ценности, исторически сложившиеся традиции, преобладали и ныне преобладают над личностными началами. Такое состояние противоречия в пользу общественных начал обеспечивает целостность и стабильность социального организма, но, однако, тормозит его развитие. Ведь основным двигателем развития общества является законами обеспеченная свободная деятельность личности.

Благодаря процессу глобализации, в восточные страны через призму национальных традиций проникают принципы либерализма. Здесь свобода личности идет не во вред общественным началам и не отрицает традиционные ценности. Она приводит к ее совершенствованию, способствует разумному осознании своей национальной идентичности[24].

Объективные принципы демократии и либерализма в единстве с национальными и общецивилизационными ценностями может определить способы плодотворного сотрудничества и гармоничного развития стран Запада и Востока.

О социально-культурной активности центральноазиатской элиты в столичных городах ирака при первых аббасидах (750 – 833 гг.)

Миньцзя Я.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант кафедры стран Центральной Азии и Кавказа

Известно, что Абу Муслим поддерживал дружбу с Бухара-худой, хотя народное движение беспрерывно вспыхивало: от антиарабского Шерик шейха до *сепидджамаган* (одетые в белых) и хариджитов под руководством Рафи‘ ибн Лайса. Аббасиды продолжали походы в Мавераннахр; в частности, ал-Ма‘мун присоединил к Халифату Уструшан, вел священную войну против тюрков. Эти чрезмерно частые вооруженные столкновения в Согдияне дали толчок центральноазиатской элите искать приключение за ее приделами. В Багдаде, среди кварталов участников «Аббасидской революции» построены были и обители *марвази* (мервцев), хорезмийцев, выходцев из Исфиджаба, Иштихана и Хуталлиана. Эти первые переселившиеся несли службу в хорасанском

[23] См.: Махаматова С.Т. (2021). Либертарианство как продолжение ценностного слома. Взгляд из России // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Т. 11, №4, С. 30-36.*

[24] Махаматов Т.М. Поиски основ национальной идентичности центрально-азиатских республик. В книге: Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика. тезисы докладов научной конференции. Москва, 2021. С. 290-291.

контингенте халифского войска. Далее при осаде Багдада из мамуновой партии один самаркандец успешно управлял катапультой так, что впоследствии был распят сильно пострадавшими горожанами. Еще один согдиец в 751/52 г. кооптировался военным советником в Омане, где добыча жемчуг привлекла к себе купцов-ювелиров.

Многосторонние компетенции элиты Мавераннахра объясняет *Мафатих ал-‘улум* («Ключ наук»), одно введение в научную терминологию. Отрасли ее употребления сгруппировались в две макалы (*статьи*). Первый цикл состоит из 6 отраслей, то были: *калам* (умозрительное богословие) и *фикх* (мусульманское законоведение), грамматика и лексика арабского языка, делопроизводство и история. Второе подразделение – 8 секторов знания, которые условно называются философией, логикой, медициной, музыкой, алгеброй, геометрией, механикой, астрономией и химией. Составитель Абу ‘Абдаллах ал-Хуваризми его посвятил вазиру Саманидов Абу Хасану ал-‘Утби.

Комбинация сочинения якобы воспроизвела разграничение между арабскими и неарабскими науками (заимствованные у греков, иранцев, индийцев), но словарные пояснения затрагивают, помимо фундаментов-теории, и применения той или иной научной дисциплины к практике. Так, в разделе *ал-хийал* (механика) под «катапультой» описывалась его основная структура – пьедестал и стреляющая установка, в главе законоведения обобщен был список наименований верблюжонка разных возрастов, в предмет медицину введены кулинария и фармакология, а под темой музыка упоминается певец-согдиец, изобретавший музыкальный инструмент *шахруз* в Багдаде в 913 г.

Словарные статьи в некотором смысле совпадают с хвастовством хорасанского контингента халифского войска за достижение своих земляков в отраслях *адаба*, философии, счета, инженерного дела, музыки, ремесла, фикха. Показательно то, термины каких ремесел переведены с персидского языка на арабский: заимствование лексикона одной отрасли и становление наслоения в новом языке, скорее всего, указывает на высокую релевантность носителей исходного языка с данным промыслом. Исходя из этого, мы напоминаем несколько представительных сфер, где доминировали центральноазиатские мигранты.

В *Мафатих ал-‘Улуме* не встречается раздел, разъясняющий бы коммерцию, ведь торговля не считалась наукой. Кроме того, когда халиф ал-Махди ошибочно относил Башшара ибн Бурда к Согду, поэт высказал свое происхождение из знатного витязи-тохара, отметил еще: «Согдийцы – купцы.» Данный эпизод показывает, что в Ираке центральноазиатские купцы и торговцы, возможно и ремесленники, оставляя сильное впечатление мусульманам, все-таки не снискали своей родине достопочтенного престижа.

Более продуктивной отраслью в плане поднятия общественного мнения о Центральной Азии были естественные науки. Теоретически их вклады доказывает ввод в арабский язык терминов кяриз, нефть (*нафт*) и т. д. Представителем за изучаемый период выступает Абу ал-Муса ал-Хуваризми, «ректор» Дом мудрости (*байт ал-хикма*). Специально объяснилось слово

«мудрость» – мастерство по естественным наукам. Если механическая технология признается традиционным умением центральноазиатских жителей, то их создание катапульты и владение боевым оружием уже не столько удивительны.

Элита Мавераннахра принесла в общество Ирака и доисламские культовые обычаи. Элементы, несовместимые с исламом, определялись как *зандик* (дуализм) или язычество, а некие практики применялись или нашли параллель у семитического народа. ал-Джахиз особо раскритиковал склонность писцов административных ведомств к безбожию, но с полным почтением представлял подвижников-суфиев. В отличии от него Абу ‘Абдаллах ал-Хуваризми конкретизировал еретические вероучения как шаманизм, манихейство и пр. На фоне воздействия приверженцев доисламских вероучений на нравы арабов напрашивается вопрос об их языковой компетенции; в отрасли стихотворения ал-Джахиз, Ибн Кутайба и ал-Йакут обратили внимание на Абу Йа‘куба Исхака ибн Хассана ал-Хузайми, который начал свою карьеру под патронатом одного писца Бармакидов.

Одна ветвь медицины, погруженная в арабизированный персидский лексикон, резюмировалась как знание о приправах. ал-Джахиз упомянул мервскую кухню *сикаджба* (рагу: мясное блюдо с уксусом, луком и пр., досл. «каша с уксусом») и *табахадж* (мясное блюдо с луком и яйцом). Первая пища упоминается в анекдоте, где иранец спорил превосходность своей культуры с арабом в присутствии Йахйа Бармакида: он ссылался на заимствование арабами предметов и быта иранцев (*‘аджам*), в том числе рецептов, а вазир молчаливо согласился на воззрение не араба. Это интересное меню включило напитки *саканджабин* (подкисленный уксусом мёд), *халанджабин* (сок верескоцветных цветов), *джулаб* (розовая вода); блюда *исфидадж* (совр. значение «белила для косметики», предпол. белая каша), *сикбадж*, *дугбадж* (досл. «каша с кефиром»).

Вероятно, что согдийцы сыграли важную роль в применении «персидских» ингредиентов населением Месопотамии. Эти растения могли происходить из Западного Ирана или Востока. Но касательно *сикбаджа* и *табахаджа*, то в «Книге о скупых» ал-Джахиз вынес порицание Марвази, считая мелочность недостатком жителей всего Хорасана (ал-Мас‘уди заметил недостаточность его познаний в географии). Во второй половине VIII – первой трети IX в. Марвази мог быть этнически согдийцем, так как скупость героев ал-Джахиз возбудила его опасение за сохранность моральных принципов арабов, а китайская династийская история набрасывала ту же природу самаркандцев.[25] Нишапурцы, наоборот, не ощущали необходимости сэкономить, спустя 10–20 лет очередное праздничное общегородское пиршество 40 зажиточных купцов ошеломило амира востока ‘Абдаллаха ибн Тахира. Иначе говоря, *марвази* доминировали представление общительного ал-Джахиз о расчетливых представителях Хорасана, а они, со всей вероятностью, были согдийцами.

[25] Люди питают слабость к вину, любят петь и плясать по дороге. […] Когда рождается сын, его кормят леденцовый сахар, в ладони кладут клей, чтобы он в зрелости говорил сладкие речи, держал в руках монету так, будто она склеена. […] Искусен в торговле бродячим и оседлым, вожделен к прибыли. Исполнив лет двадцать, мужчины покинули сопредельные страны; лишь только найдется выгода, нет место, где бы не достигли.

Таким образом, примеры ассоциаций специфических тематик мусульманской науки X в. с социально-историческими явлениями и личностями показывают, что, во-первых, элита Центральной Азии за несколько десятилетий адаптировалась к укладу жизни знатока военного дела, ученого, богослова, поэта-панегирика, устроилась в густонаселенных метрополисах рождающегося мира ислама, частично сохранила свое межрегиональное влияние; во-вторых, ее портрет в глазах иракских мусульман во многом определялся согдийским купечеством, но несомненно, что они совместно обогатили кулинарию и быт населения Южной Месопотамии. Многие аспекты из данного процесса еще ожидают просвещения; примечательно то, что традиционная классификация эмпирических и умозрительных знаний мусульман вполне эффективна в открытии закономерности эволюции аристократии.

Председатели президиумов верховных советов республик Центральной Азии: конституционные полномочия и политическая роль (1938-1990 гг.)

Пархимович В.Л.
ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры ЮНЕСКО

Должность Председателя Президиума Верховного Совета в союзных республиках СССР была учреждена в 1937 году. Ещё в феврале-марте указанного года чрезвычайные съезды Советов Казахской (26 марта), Киргизской (23 марта), Таджикской (1 марта), Туркменской (2 марта) и Узбекской ССР (14 февраля) приняли республиканские конституции, разработанные по образцу Конституции (Основного Закона) СССР 1936 года. Как и в других союзных республиках Советского Союза, высшим органом государственной власти в республиках Центральной Азии провозглашался Верховный Совет, обладавший учредительными и законодательными полномочиями. Верховный Совет формировал наделённый широкими полномочиями постоянно действующий Президиум.

Первые выборы депутатов Верховных Советов союзных республик Центральной Азии состоялись только 24 июня 1938 года, а Президиумы Верховных Советов были сформированы в июле того же года (в Казахской ССР – 16 июля, в Киргизской ССР – 19 июля, в Таджикской ССР – 15 июля, в Туркменской ССР – 26 июля, в Узбекской ССР – 21 июля).

В состав Президиумов Верховных Советов входили избиравшиеся из числа депутатов Председатель, его заместители, секретарь и члены Президиума. Фактически Президиумы в союзных республиках выполняли как функциями постоянно действующего законодательного органа, так и исполняли обязанности коллективного главы государства – «коллегиального президента». В частности, Президиумы Верховных Советов назначали выборы в Верховные Советы, местные Советы, районные и городские суды, принимали в гражданство, присваивали почётные звания, осуществляли помилования граждан, осуждённых судами соответствующей союзной республики.

Однако подавляющее большинство депутатов, входивших в состав Президиумов, работали на не освобождённой основе, а сами Президиумы Верховных Советов союзных республик собирались на пленарные заседания лишь несколько раз в год. Поэтому практически все властные функции «коллегиального президента» сосредоточились в руках председателей и секретарей Президиумов. И если последние преимущественно руководили аппаратом и отвечали за подготовку документов, то председатели Президиумов выполняли руководящие и представительские функции.

Формально конституционная компетенция председателей Президиумов Верховных Советов республик Центральной Азии сводилась к председательствованию на заседаниях Президиумов и подписанию указов и постановлений. Предполагалось, что все члены Президиумов будут на заседаниях обсуждать и принимать все выносимые решения. Но вплоть до 1953 года заседания Президиумов проходили редко и не регулярно, выносившиеся решения, как правило, были заранее подготовлены, за них следовало лишь проголосовать. Большинство проектов указов и постановлений рассылалось членам Президиумов для ознакомления и визирования («за», «согласен»).

Председатели Президиумов Верховных Советов республик Центральной Азии в этих условиях превращались из глав института «коллегиального президента» в собственно «советских президентов» союзных республик. Причём союзные республики СССР в определённой мере соответствовали по форме правления парламентским республикам, для которых характерна весьма ограниченная реальная компетенция главы государства и широкие полномочия главы правительства или лидера правящей партии. Действительно указы и постановления Президиумов санкционировали решения, принятые Бюро ЦК компартий или внесённые Советами Министров соответствующих союзных республик.

Формально председатели Президиумов Верховных Советов республик Центральной Азии являлись высшими должностными лицами в республиках. Они возглавляли систему органов советской власти, представляли свою республику в других союзных республиках, на общесоюзном уровне (избирались заместителями Председателя Президиума Верховного Советов СССР и ежегодно один месяц работали в Москве), а с 1950-х годов – и на международном уровне. Кроме того, председатели Президиумов являлись членами Бюро ЦК республиканских компартий, тем самым они входили в высшее политическое руководство республик. Председатели Президиумов Верховных Советов Казахстана и Узбекистана избирались также членами ЦК КПСС, а соответствующие должностные лица других республик Центральной Азии избирались кандидатами в члены ЦК или членами Центральной Ревизионной Комиссии КПСС. В 1950-е – 1980-е годы «советские президенты» республик Центральной Азии часто сопровождали высших политических руководителей СССР в их зарубежных поездках (преимущественно по странам Азии и Африки), а глав иностранных государств – в поездках по Советскому Союзу.

Реальная политическая роль председателей Президиумов Верховных Советов имела определённые особенности в разных республиках Центральной Азии. Так в Узбекской ССР пост председателя Президиума стал кадровым резервом для должности первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана (А.Ниязов, Ш.Рашидов, И.Усманходжаев, Р.Нишанов). А в Казахской ССР порой на должность председателя Президиума избирали бывших глав правительства или второго секретаря ЦК компартии (Н.Ундасынов, Б.Ашимов, Ф.Карибжанов).

Принятые в апреле 1978 года новые конституции в республиках Центральной Азии не повлияли на компетенцию и политическую роль председателей Президиумов Верховных Советов. Данная должность была упразднена в 1990 году с вступлением в силу конституционных поправок и избранием новых высших должностных лиц республик – председателей Верховных Советов или президентов.

Голод в Средней Азии 1918 года: причины и последствия

Раимов Р.И.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант кафедры стран Центральной Азии и Кавказа

В докладе рассматривается вопрос о продовольственном кризисе в Туркестане в 1918 году. Представлены анализ проблемы голода и причин его возникновения, сделаны выводы о его влиянии на развитие социальных и политических процессов в Средней Азии. Важный документальный материал по обозначенной проблематике представляют различные опубликованные в сборниках архивные документы (нормативные документы, протоколы заседаний, телеграммы). К этой группе источников можно отнести работу Г. А. Сафарова «Колониальная революция (опыт Туркестана)» 1921 года. Его работа была написана на основе материалов, собранных на месте специальной комиссией РКП (б) по делам Туркестана, а также на основании личных наблюдений автора. При этом, Г. Сафаров дает статистические данные об экономическом положении в Туркестане: численность продовольственных поставок, смертность от голода и прочее. Дополняют источниковедческую базу мемуары политэмигрантов (Валиди Тоган, М. Чокаев). Данные источники представляют ценность с точки зрения фактического материала, так как позволяют взглянуть на экономическую ситуацию в Туркестане изнутри.

Рассматриваемая нами проблема, частично, нашла отражение в работах как классических западных исследователей-советологов (Бэкон, Рывкин), так и современных историков, предложивших новые ревизионистские подходы к объяснению исторических процессов и явлений в Средней Азии в рассматриваемый нами период (К. Абдуллаев, А. Халид). В настоящем исследовании уточним и расширим имеющиеся в нашем распоряжении сведения.

В качестве главной причины начала голода в Туркестане большинство источников называют нарушение фронтами Гражданской войны транспортного сообщения между Туркестаном и РСФСР. Уже в мае 1918 года продовольственная ситуация в Туркестане была критической. Об этом свидетельствует тревожная телеграмма Турксовнаркома Колесова Ленину с просьбой оказать военную и продовольственную помощь Туркестану. Колесов писал: Туркестанская республика накануне голодной смерт. От Кавказа отрезана, н поступления хлебных злаков не предви дится в течение очень долгого времени. От Сибири отрезаны прервавшимся железнодорожным сообщением под Оренбургом. Запасы хлеба в республике на 2, в некоторых пунктах на 3 дня… Промедление грозит ужасными последствиями» [Из истории…, 1963, с. 32-33].

Однако голод начал свирепствовать намного раньше еще до изоляции Туркестана от РСФСР. Сафаров перечисляет помимо образования Оренбургской пробки в декабре 1917 года следующие причины: весенняя и летняя засуха 1917 года, суровая зима 1917-18 гг., поздний переход туркестанских дехкан от хлопковых плантаций к посеву зерновых культур [Сафаров, 1921, с. 81].

По оценкам Сафарова к ноябрю 1918 года убыль людей от голода, холода и болезней в разных районах Туркестана составила от 25 до 50 %. Уже в начале зимы была съедена вся мука и скот. Фиксировались случаи каннибализма. Например, в выпуске газеты «Новый Туркестан» от 19 февраля 1918 года сообщалось, что киргизы Семиречья начали поедать трупы умерших от голода людей. При этом, по мере обострения Гражданской войны ввоз хлебных грузов стремительно сокращался. Сафаров приводит следующие данные: в Самаркандскую область хлебных грузов было завезено в ноябре 1917 г. - 76 вагонов, в декабре - 20 вагонов, в январе 1918 г. - 3 вагона, в феврале - 14 вагонов. В Ферганскую область – в ноябре - 103, в декабре - 45, в январе 1918 г. - 15, в феврале - 16 вагонов [Сафаров, 1921, с. 80-81].

В материалах Стенографического отчета секретного совещания ЦК РКП, 1923 г. видно, что хлопковый кризис считали основной причиной. Начало голода объясняли тем, что дехкане сразу перейти к посевам хлеба не смогли, так как ждали завоз хлеба из Северного Кавказа. При этом, хлопковая зависимость привела в 1918 году к тотальной безработице и обнищанию дехканства. Если раньше хлопок продавали за 10 рублей за пуд, то в 1918 году цены упали до 80 копеек за пуд [Тайны нац. политики…, 1923, с. 60].

При этом были и факторы, усугубившие продовольственный кризис. Так американский историк, профессор Городского колледжа Нью-Йорка Михаил Рывкин писал, что усилили экономический кризис с последующим голодом политика военного коммунизма в туркестанских кишлаках - продразверстка, грабеж и убийства красноармейцами дехкан, реквизиции и прочее [Rywkin, 1990, p. 33].

Каковы исторические последствия голода 1918 года? Главным последствием голода, которое было нами выделено в ходе исследования, является укрепление советской власти в Туркестане. Как ни парадоксально, острая продовольственная

ситуация позволила выжить неокрепшей советской власти в условиях изолированности фронтами Гражданской войны и борьбы с контрреволюционными силами. Советская власть была главным дистрибьютером продовольствия в регионе. Большевики распределяли продовольствие в пользу лояльных групп населения, ставя их в зависимое от себя положение, в ущерб коренным жителям. Острый голод вынудил русское население Туркестана и бывших военнопленных пополнить ряды Красной армии. Кроме того, этому способствовал страх этноконфессиональных меньшинств (армян, русских крестьян) перед местным мусульманским большинством способствовал их солидаризации с идеологическим меньшинством - коммунистами.

Второе последствие голода, обозначенное в ходе исследования, тесно связанное с первым, это усиление басмаческого движения. Голод вынуждал местное население сплачиваться вокруг басмаческих групп, которые вербовали обездоленных, голодных дехкан аналогичными обещаниями бесплатной еды. Это заключение не противоречит современным точкам зрения в историографии. Согласно американскому историку А. Халиду, басмачество стало острой реакцией дехкан на принудительную реквизицию у них продовольствия под видом революционной продразверстки [Khalid, 2007, p. 55]. Такой взгляд, действительно, подтверждается источниками. К примеру, Валиди Тоган свидетельствовал, что большевики пополняли Красную армию за счет голодавшего населения Средней Азии, чтобы те в свою очередь реквизировали хлеб у состоятельных жителей Туркестана [Paksoy, 1995, p. 387]. Таким образом, численность волонтеров в Красной Армии сильно выросла. Более того, они энергично боролись на стороне большевиков, потому что в случае демобилизации фактор риска гибели их от голода возрастал.

Литература

[1] Из истории гражданской войны в СССР. Документы и материалы. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане, в 2-х т. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР : Наука, 1963-1964.

[2] Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). М.: Госиздат, 1921. – 131 с.

[3] Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного совещания ЦК РКП, 1923 г. - М.: ИНСАН, 1992. — 60 с.

[4] Khalid A. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. University of California Press, Berkeley, California, 2007 - P. 241.

[5] Paksoy H. B. Basmachi Movement from Within: Account of Zeki Velidi Togan. — Nationalities Papers. 1995. Vol. 23. No 2. — Pp. 373—399.

[6] Rywkin M. Moscow’s muslim challenge. Soviet Central Asia (second edition). London: Sharpe, 1990. – P. 181.

Тергдалеулеби в интеллектуальной культуре в пореформенной Грузии

Рахаев Дж.Я.
ИРИ РАН, старший научный сотрудник

«Великие реформы» 1860-1870-х гг., снявшие «историческое напряжение» Крымской войны, коренным образом трансформировали внутреннюю политику самодержавия. Под влиянием европейской модели в сфере решения национального вопроса, российское правительство после 1863 г. стало склоняться к последовательной интеграции всех частей империи. В силу огромного многообразия этносов интеграционные процессы проходили асинхронно, локально и прерывисто. Просвещенная петербургская бюрократия поставила своей целью унифицировать аппарат управления во всех регионах империи, поставить его на единую правовую основу и тем самым интегрировать пограничные сообщества в социокультурное пространство Российской империи. Однако незавершенность и половинчатость проведенных преобразований привели к прямо противоположному эффекту. Самая важная из них – крестьянская – была проведена в жестких для крестьян условиях. Другая, не менее важная, земская реформа, которая так хорошо себя показала в России, в Грузии вовсе не проводилась, а судебная реформа, которая в центральных областях имела наиболее последовательный характер из всех проведенных реформ, в Грузии была лишена всех своих прогрессивных черт. Узкий и ограниченный характер носили преобразования в сфере народного образования, городского самоуправления и административного устройства края.

Бюрократизация традиционного жизненного уклада грузин в рамках строго очерченных Тифлисской и Кутаисской губерний приводила к тому, что в сознание этнической принадлежности грузинского дворянства стал привноситься территориальный фактор. Поскольку бюрократические институты и стандарты поведения устанавливались внутри каждой отдельной территории, охватывая даже свободные и педагогические профессии, это способствовало образованию сильного чувства общинной солидарности. Бюрократические внебюрократические каналы связи (с одной стороны, различные законы и постановления, с другой – стандартизированное школьное образование), а также грузинская православная церковь, поддерживали сознание общности. В подобных условиях неизбежно возникновение и распространение в среде грузинского дворянства образа «единой святоотеческой матери Грузии», отводящей российскому государству уже лишь роль контекста. Местом рождения нации является город. Именно в городе реализуются многообразные возможности социального разграничения, неактуальные вне городской черты. Городское пространство Тифлиса, Кутаиси, Гори и других средневековых городов Грузии дает опыт дифференциации, из которого рождается общее чувство сплоченности. В последней трети XIX в., с началом индустриализации, многие кавказские деревни и поселения превратились в города, ставшие одновременно мультиэтническими центрами. Совпадение этнических и

социальных границ привело к тому, что эти города стали своего рода лабораториями агрессивной ксенофобии. Генезис и ранние этапы развития грузинского патриотического движения связан с общественной-политической и литературной полемикой на страницах первого грузино-язычного журнала журнала «Цискари» («Заря») по вопросам грузинского языка и литературы, и отношения к крепостному праву и крестьянской реформе. Лидеры тергдалеулеби, выражая интересы крестьянства и городской мелкой буржуазии, выступали против крепостного права, за социальное и национальное освобождение грузинского народа. Представители «Пирвели даси» («Первая группа»; И. Чавчавадзе, А. Церетели, Я. Гогебашвили, В. Пшавела) надежду на восстановление национальной государственности возлагали на демократизацию русского общества и равноправный союз русского и грузинского народов в рамках Российской империи. Деятели «Меоре даси» («Вторая группа»; Г. Церетели, Н.Я. Николадзе, С. Месхи) критиковали пережитки крепостного строя, выступали за ускоренное развитие страны путём создания нац. промышленности и торговли. Победоносное для России завершение русско-турецкой войны 1877-1878 гг. привело на Кавказском фронте в том числе, к восстановлению территории исторической Грузии: Аджария была включена в состав Кутаисской губернии. Это привело к территориальной консолидации грузинского народа, росту патриотических настроений среди грузинской знати, деятельному участию грузинской аристократии в интеграции и адаптации аджарцев (грузин-мусульман) в административно-политическую систему империи.

Конец царствования Александра II ознаменовала череда террористических актов, явившихся проявлением крайней формы разочарования различных общественных сил империи свертывания правительством либеральных реформ. Региональная специфика Закавказья проявилась в распаде национально-просветительских движений середины XIX в. на ряд полуавтономных интеллектуальных кругов, его постепенную политизацию. В 1880-1890-е гг. термин «национализм» проявляется в грузинской публицистике И.Г. Чавчавадзе, А.Р. Церетели, Нико Авалишвили и др. Сначала этот термин использовался не для обозначения конкретной политической доктрины, а предусматривал достаточно широкий круг общественно-политических представлений и предпочтений грузинского народа. Однако на рубеже XIX-XX вв. ситуация коренным образом изменилась: разделение грузинского национального движения на отдельные конкурирующие течения и борьба между ними приводят к идеологизации и политизации понятия «национализм». Точкой консолидации различных общественно-политических сил Грузии в конце XIX – начале XX вв. стал вопрос об автокефалии Грузинской православной церкви.

Особые лагеря гулага в Центральном Казахстане: истории создания и функционирования (1948-1950-е гг.)

Сактаганова З.Г.
Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, профессор

В целом в истории казахстанских лагерей ГУЛАГа мы выделяем 4 периода: 1930-1940 гг.; 1941-1948 гг.; 1949-1953 гг.; 1953-1960 гг. Для каждого периода характерны определенные тенденции развития системы лагерей и особенности каждого периода. Первый период — 1930 —1940 — «период создания первой серии казахстанских ИТЛ ГУЛАГа», еще этот период можно назвать также, как он обозначен в российской историографии: «время становления и экспансии лагерной системы, когда крупные лагеря становятся основным элементом в общей организационной структуре мест заключения». В КССР в этот период созданы 6 лагерей. Второй период — 1941 — 1948 гг. — «период лагерно-производственного комплекса», когда в годы войны и восстановления экономики СССР произошло полное слияние лагерных и производственных структур по всей вертикали. Для Казахской ССР это был «период наибольшей экспансии». Самое большое количество лагерей возникло именно в эти годы, в 1941-1948 были созданы 8 лагерей. В третий период в 1949 — 1953 гг. — период создания «особых» лагерей; в республике было создано 4 особлагеря, они были одними из самых крупных ИТЛ. В 1949-1953 г. были созданы Степной лагерь (Особлаг №4, Карагандинская область, г. Караганда, пос. Джезказган, г. Джезказган, 1948-1956 гг.), Песчаный лагерь (Особый лагерь №8, г. Караганда, 1949-1955 гг.), Луговой лагерь (Особый лагерь № 9, Карагандинская область, пос. Долинское, пос. Саранский, 1949-1951 гг.), Дальний лагерь (Особый лагерь №11, Павлодарская область, пос. Экибастуз, 1952-1954 гг). Дольше всех функционировал Степлаг — с 1948 по 1956 гг. И четвертый период — 1953-1960 гг. — «переходный период, когда лагерно-производственный комплекс деградирует, происходит частичный возврат к старым организационным формам, идет поиск нового места и новой роли системы мест заключения в государственной системе» [1, с.61-62]. В эти годы в КазССР появилось 3 лагеря.

Особлаги были созданы по Постановлению Совета Министров СССР (№ 416-159сс) от 21 февраля 1948 г. [2, с. 326]. В послевоенный период были образованы 12 таких лагерей, дислоцировавшихся на территории только двух бывших союзных республик — РСФСР и Казахстана. На территории КазССР находились 4 особых лагеря [3]. Особые лагеря— это система особых лагерей ГУЛАГа для политзаключенных. Согласно постановлению СМ СССР эти лагеря создавались «для содержания осужденных к лишению свободы…, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности» [2, с. 326].

Три лагеря из семи ИТЛ в центрально-казахстанском регионе — особлагеря Степной, Песчаный и Луговой. Степной лагерь МВД был основан в мае 1948 г. на базе Спасского отделения лагеря военнопленных №99 и бывших

подразделений Джезказганского района Карлага МВД [4, л.3]. В созданном особом лагере №4 было организовано 8 лагерных отделений, управление лагеря находилось в поселке Джезказган-рудник. В 1949 г. в лагере находилось 23125 заключенных [3, с. 28], на 1 июля 1953 г. — 20731 заключенных, из них 16848 мужчин и 2883 женщин [3, с. 79]. Самыми многочисленными (в 1949 г.) были лагерные отделения №2, 1 и 3, самыми малочисленными — 6 и 7. Самое большое количество осужденных в Степном лагере было по статье 58-1«а» и 1 «б», они в 1953 г. составляли 3/4 всех заключенных. Самый значительный контингент заключенных составляли украинцы (почти 1/2 часть), затем шли литовцы и русские (около 12% каждая группа).

Песчаный лагерь (особлагерь №8) был организован в соответствии с приказом МВД СССР №00828 от 5 сентября 1949 г. [5, л.104] Лагерь был создан на базе освободившихся от военнопленных в Караганде лагерных помещений с использованием труда заключенных в угольной промышленности. В 1950 г. в Песчаный лагерь входило 8 лагерных отделений. На 25 октября 1950 г. в лагере содержалось 9276 заключенных. На 1 апреля списочное число заключенных было 31631 человек, из них 28075 мужчин и 2956 женщин. Самое большое количество заключенных было осуждено по статье «Измена Родине» (до 50% заключенных). Самый значительный контингент заключенных, как и в Степлаге, составляли украинцы (почти 1/2 часть), затем шли русские и литовцы (около 10-8% каждая группа). Как и в Степлаге в Песчаном лагере отбывали срок иноподданные (из Польши, Венгрии, Германии и др.) [3, с.282].

Луговой лагерь (особлагерь №9) был организован постановлением СМ СССР №3956 от 19 сентября 1949 г. в районе Чурубай-Нуринского месторождения. Предполагалось создать 6 отделений лагеря, но на 1 марта 1950 г. содержалось 2365 заключенных в лаготделении №1. На 1 января 1951 г. списочное число заключенных было 10040 человек, из них 8393 мужчин и 1647 женщин. Самое большое количество заключенных было осуждено по статье «Измена Родине» (до 60% заключенных).

Литература

[1] Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960: Справочник / Общ-во «Мемориал», ГАРФ. Состав. М.Б. Смирнов. Под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. — М.: Звенья, 1998. — 600 с.
[2] История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. Том 2. Карательная система: структура и кадры. Отв. ред. и сост. Н. В. Петров. Отв. сост. Н.И. Владимирцев.— М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
[3] Особлаги в Казахстане: Степной. Песчаный. Луговой. Дальний. — Алматы, 2014. 1005 с.
[4] ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп.1. Д.1871. Л.3.
[5] ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп.1. Д.465. Л.104.

От кашгарлы к уйгурам: формирование национальных меньшинств в Средней Азии в первой половине XX века

Сапрынская Д.В.
МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник, аспирант кафедры стран Центральной Азии и Кавказа

Для отечественного востоковедения и целого ряда гуманитарных дисциплин исследование «национального» – чрезвычайно актуализированная и многогранная тема. Подходы и, соответственно, представления о «национальном» затрагивают не только частные исследования, но и образуют целые школы, формулируя их научную парадигму, в частности, теория этносов Ю. Бромлея, пассионарность и географический детерминизм Л. Гумилева, или же «воображаемые сообщества» Б. Андерсона и представления наций Э. Хобсбаума.

В контексте подобных исследований тема «национального меньшинства» – конкретный предмет для научного изыскания, опирающийся и на работы общего историографического характера, и на труды объясняющие политический процесс выделения тех или иных народностей в отдельные группы.

Для среднеазиатских народов, и уйгуров в частности, фундаментальные источники представлены в разные эпохи сведениями китайских хронистов (например, Сыма Цянь «Ши цзи», «Синь Тан шу», «Шэн у цзи»), греческих географов (Страбона, Птолемея и т.д.), описаниями арабских, персидских, тюркских историографов (Джами ат-таварих, Бабур-наме, «Родословная тюрок» Абул-Гази-хан и др.), отдельно стоит отметить источники по истории уйгурского этноса, «Тарихи Рашиди» Мухаммада Хайдара, «Огуз-Наме» Рашид Ад-Дина, «Вейшу» в переводе Бичурина Н. Я. [Иакинфа] и др. Российская империя и вхождение территорий региона в её состав аккумулировали и подтолкнули исследования о регионе, оставив большое наследие из описаний, травелогов, записок чиновников и военных (Ч. Валиханов, А. Куропаткин и др.), над изучением региона трудилась целая плеяда академиков, живших в том числе и на смене эпох (например, С. Ольденбург, В. Бартольд, С. Малов, А. Бернштам и др.).

При этом формулирование ряда народностей в качестве национальных меньшинств региона – продукт советской академии, основанной на знании и трудах предшествующей имперской эпохи. Национальными меньшинствами в среде мусульман Средней Азии и Казахстана в процессе социалистического строительства были определены уйгуры, салары, дунгане, персы (иранцы), арабы и ряд иных народностей, которые в числе других входят в многонациональный состав бывших республик советского Востока.

К исследованию процесса формирования народов региона, и в частности уйгуров и разных аспектов его бытности и языка, обращались как отечественные ученые (Г. Садвакасов А. Кадырбаев, С.Кожирова, Д. Аманжолова, С. Абашев и др.), так и западные (А. Халид, В. Тольц, А. Эдгар и др.).

Однако процесс формулирования и выделения тех или иных народностей в известном сегодня виде занял не одно десятилетие, свидетельством чему служат данные и уточнения комиссий по переписям 1926 г., а затем и признанной неточной 1937 г., последующей за ней переписью 1939 г. В этом смысле, вопрос о переходе от «кашгарлык» к уйгурам – пример среди многих, подобная «терминологическая» история была связана как с титульными народами республик СССР, так и другими представителями многонационального состава страны. В качестве источника приводится работа Залмана Львовича Амитин-Шапиро — советского востоковеда, этнографа, классика киргизской научной библиографии и его архива доступного в МАЭ РАН. [26] Дополнительным материалом для исследования также послужили архивные документы, посвященные обращениям уйгурской комсекции [27], свидетельствующие об отсутствии единства среди «алты-шахарцев» и «таранчи» (относящихся к уйгурам как и кашгарлыки), а также и о необходимости их консолидации.

Таким образом, на частном примере, которым представляется уйгурская общность, проживающая на территории бывших советских республик Средней Азии и Казахстана, предлагается рассмотреть примечательную страницу в истории бытности этих народов Востока и их изучение в начале XX в. советской академией.

Ислам в общественно-политической жизни Азербайджана

Сыздыкова Ж.С.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа

После распада СССР произошли серьезные изменения практически во всех сферах экономической и общественно-политической жизни во всех бывших республиках СССР. Не стал исключением и Азербайджан. Среди государств Южного Кавказа Азербайджан по площади занимает первое место, население свыше насчитывает более десяти миллионов человек. Страна многонациональная, основная часть населения азербайджанцы, также здесь проживают, лезгины, армяне, русские, талыши, аварцы, турки, таты, евреи, курды и многие другие народности.

В первые годы становления независимого Азербайджана вопросы, связанные с религией, вышли на первый план. Появилось множество публикации в средствах массовой информации, в которых дискутировали представители политических кругов, а также религиозные деятели. В посткоммунистический период значительно возросли мусульманские общины в странах Центральной Азии и Кавказа. Стало больше людей, которые стали посещать мечети и принимать участие в различных религиозных церемониях. В страны

[26] МАЭ РАН. Ф.40. Оп.1.Д. 1. Л.1-9.

[27] РГАСПИ. Ф. 62. Оп.2. Д.407. Л.19-21

постсоветского пространства стали в большом количестве приезжать зарубежные состоятельные миссионеры и проповедники, прежде всего из арабских стран и Турции, которые вместе с теми, кто активно стоял за веру были намерены многое поменять кардинально, то есть изменить многое в религиозной сфере и соответственно в жизни, как минимум, местных мусульман. Со временем все больше и больше граждан проявляли интерес к религиозным организациям, одни становились последователями той или иной религии, а также были те, которые не находили то, что искали.

В свое время события, происходившие на Ближнем Востоке, показали повышенный интерес к мусульманскому миру и способствовало выдвижению ислама на первый план. Процесс шел интенсивно и динамично и характеризовалось возрастающим числом тех людей, которые считали себя религиозными и практикующими верующими. Глубокие и масштабные изменения в политической и экономической ситуации в стране привели к изменениям в системе интересов и ценностей населения страны. Если общаться к массовому сознанию, то религию большинство рассматривают как культурный и этический феномен. Со временем появляется потребность на объективную и правдивую информацию и получать специализированное образование. Но все же рост религиозности не привел к быстро растущему качественных образовательных центров. И это было связано в первую очередь, со слабостью местного духовенства и еще не сформировавшихся местных религиозных институтов.

Политика государства была своевременной и поставленная цель была достигнута, которая заключалась в институализации ислама, которое должно было заложить фундамент для взаимоотношений религиозных объединений и государства. Среди первоочередных мер, можно выделить, в первую очередь - это поправки в законодательство страны, которые обеспечивали их полновесное участие в общественной, политической и экономической. Необходимо продолжать комплексный характер образования, включая преподавания основ религии в школе, что могло бы позволить в перспективе удовлетворить потребность подрастающего поколений в религиозных знаниях и формировать объективное понимание и восприятие ислама, который бы исключал радикализм и экстремизм.

Духовное управление мусульман Закавказья было учреждено в 1944 году. После провозглашения суверенитета Азербайджана поменялось наименование – Управление мусульман Кавказа. Председателем Верховного религиозного совета кавказских народов был избран Гаджи Аллахшукюр Пашазаде в 1992 г., его выбирали из среды религиозных представителей из Азербайджана, Грузии, Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Дагестана, Ингушетии, Чечни. Иерархия руководства Управление, имеет свои особенности, в частности, согласно Уставу глава Управления мусульман Кавказа должен быть из шиитской общины, заместитель – суннит. На Х1 съезде мусульман Кавказа, который состоялся 2003 г. Пашазаде был избран пожизненным шейх-уль-исламом. В настоящее время доля шиитов составляет около составляет 70 %. В стране

существует более 942 религиозных общин из них 907 исламские и 24 – христианские, 8-еврейские, 2-бахаи, 1-кришнаитская. Мечетей 2250 мечетей. 14 церквей и 7 синагог.

Стоит отметить, что условия, в которых происходило изменение в общественно-политической жизни стран постсоветского пространства, безусловно, имели как ряд общих черт, так и свои особенности. Азербайджан – страна, в которой большинство представляют шииты, а сунниты составляют меньшинство, здесь также проживают представители христианской конфессии, иудаизма, то есть мирно сосуществуют представители различных мировых религии. Условия, в которых происходило изменение в общественно-политической жизни стран постсоветского пространства, безусловно, имели как ряд общих черт, так и свои особенности в зависимости от урбанизации и уровня образования

Ислам, появившийся на территории Азербайджана в VII-VIII вв., когда процесс исламизации шел медленно и долгое время часть населения продолжало исповедовать свои традиционные религии. А в современном Азербайджане важнейшим преимуществом является то, что в стране преобладает толерантная и мирная версия ислама. В первые годы становления независимого Азербайджана своевременно были произведены структурные изменения и предприняты действия по усилению Государственного комитета по работе с религиозными образованиями (ГКРРО) и Духовного Управления мусульман Кавказа.

Южный Казахстан в системе внешней политики Кокандского Ханства

Тожидинов Ф.К.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант кафедры стран Центральной Азии и Кавказа

Кокандское ханство, формировавшееся во второй половине XVIII в. как самостоятельная единица в Ферганской долине, в начале XIX в. превратилось в обширное государство.

В 1809 г. Алим-хан (1799-1810 гг.) предпринял решающий поход на Ташкент, являющиеся с давних времен экономическим и политическим центром оседлых жителей и кочевого казахского народов. [1] Подчинение Ташкента значительно облегчило кокандцам дальнейшее продвижение в глубь казахской степи.

Для того чтобы удержать казахов в повиновении, в Казахстане (Дашт-и Кипчаке) были созданы кокандские укрепления и крепости. По берегам Сырдарьи были основаны такие крепости, как Джаны-Курган, Джулек, Дин-Курган, Ак-Мечеть, Камыш-Курган, Тайчубек и др. Были установлены налоги: закят со скота и харадж с урожая. С каждой кибитки брали по 6 баранов, а с казахов, занимающихся земледелием, половинную часть урожая.[1]

Было много случаев, когда местное население из числа казахов вынужденно оставляли родные места и уходили в новые кочевые угодья. Как свидетельствуют архивные материалы, к 20-м годам XIX в. под властью Кокандского ханства оказалось примерно 150 000 семей казахов.[1]

Захватническая политика Умар-хана также была направлена против населения юга Казахстана и алатауских киргизов. При нем власть Кокандского ханства распространялась не только на районы Сайрама и Чимкента, но и на Аулие-Ату (1814 г.). К этому же времени относится и признание власти Коканда султаном Адилем, правителем Семиречья. Здесь следует отметить, что захватническая политика кокандских ханов на юге Казахстана (Дашт-и кипчака) определялась не только стремлением расширить свои границы, но и торговыми интересами.

Через казахскую степь пролегали важные караванные пути из России в Ташкент, Коканд, Андижан и другие города ханства.[1] Помимо этого, эти области и сами по себе бьши важны в торговом отношении, население их в основном торговало с Кокандским ханством. В годы правления Мадали-хана (1822-1842) вся завоеванная территория юга Казахстана вместе с городом Ташкентом была отдана ташкентскому правителю Гулам-шаху Чатрари за ежегодную уплату 20 тыс. червонцев.[1] Им подчинилась вся завоеванная кокандцами территория на севере.

Ташкентский бекларбеги старался выжать побольше податей из населения. Одним из главных и наиболее тяжелых видов налога с рядовых скотоводов - казахов был ежегодно собираемый закят. Закят со скота являлся самой доходной статьей для кокандских правителей.[1]

Кроме зякета и хераджа, на рядовых тружениках – казахах лежала трудовая и воинская повинность: они возделывали пашни, огороды крепостных властей и по первому требованию выставляли джигитов для воинской службы. Помимо этого, они обязаны были снабжать продуктами кокандские гарнизоны, поставлять скот на пропитание представителям ханской власти, кормить сборщиков податей.[1]

Кокандские ханы всячески стремились воспрепятствовать завоеванию юга Казахстана Российской империей. Против России ханы выступали не открыто. В качестве главного предлога использовалась «братская помощь» казахам в борьбе против «неверных» под лозунгом «газавата» («священной войны»). Основным проводником этой идеи было кокандское духовенство.[1]

В годы правления Худояр-хана (1843-1857, 1863, 1865-1875 гг.) тяжелый гнет испытывали не только казахи и киргизы, но и земледельцы узбекского и местного таджикского населения.[1]

Литература

[1] Диваев А. Преданна о возникновении азиатского города Ташкента. // ПТ1СЛА, год 5. - Ташкент, 1900.- С. 151.

[2] Шуховцев Т.Ж. Письменные документы из города Туркестана // Казахстан в эпоху феодализма: проблемы этнополитической истории. — Алма-Ата, 1981. - С. 27-43.
[3] С.К. Елшибаев. Южный Казахстан и Кокандское ханство в XVIII - середине XIX веков: дис. … канд. Ист. Наук:07.00.02 - Д., 2013. - С. 19.
[4] Маллшхкий Н. К истории Ташкента под кокандским владычеством // ПТКЛА, год 4. -Ташкент: 1900.- С. 129.
[5] Венюков М. Путешешвие по окраинам русской Азии и записки о них. - Спб., 1868. - С. 164-165.

Исмаилизм в современной истории Памира

Хубоншоев Ш.Д.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносов, переводчик кафедры стран Центральной Азии и Кавказа

В настоящее время исмаилизм - это ведущий компонент духовной и культурной жизни народов Памира. Данное течение ислама относится к шиизму, сторонники которого считают, что духовным лидером мусульманского сообщества после смерти пророка Мухаммада должен был стать Али, его последователь, двоюродный брат и зять, и обязанность должна переходить по наследству.

Исмаилизм - это отдельная ветвь шиизма, которая зародилась к концу VIII в. Причиной возникновения послужил вопрос о выборе правопреемника. Шиитский имам Джафар ас-Садик назначил своим наследником сына Исмаила, который скончался еще при жизни отца. Однако последователи имама Исмаила - исмаилиты сохранили преемственность, назначив сына Исмаиля Мухаммада ал-Махди своим имамом. На Памире исмаилизм начал развиваться с X в., а уже в XII в. занял центральное место среди религиозных вероучений. В XIX-XX вв. Памир перешел под военный и административный контроль России, были организованы и отправлены многочисленные военно-топографические экспедиции с целью научно-географического, этнографического изучения народов данной местности. Детальное изучение жизни исмаилитов в высокогорных и труднодоступных краях связано с присоединением Памира к России в 1895. С середины 1950-х годов, времен «хрущевской оттепели» религия получила официальный статус и общины верующих могли свободно действовать в рамках, определенных им Конституцией СССР. Также в данный промежуток времени был введен коллективный намаз для исмаилитов. Именно приверженность исмаилизму послужил основным фактором этнического объедения народов Памира.

Наследование имамата, духовного руководства, в соответствии с шиитской концепцией и традицией, происходит путем назначения и считается прерогативой имама. Таким образом, нынешним имамом исмаилитов является

Шах Карим аль-Хусейни, известный как Ага-Хан IV, который унаследовал имамат в 1957 году от своего деда. Сразу же после принятия руководства имаматом он был награжден титулом «Его Высочество» Ее Величеством Королевой Англии. 21 августа 1991 года руководство Таджикистана направило приглашение Ага-Хану IV, выполнив требование исмаилитов о помощи в организации визита Имама на Памир. После Гражданской войны в Таджикистане (1992-1997) народ Памира оказался в тяжелом экономическом положении, испытывая острый дефицит продовольствия. С 1993 года активно начала работать организация Ага-Хана IV «Программа помощи и развития Памира». Грамотно распределенная гуманитарная помощь позволила обеспечить необходимыми продуктами питания всех нуждающихся. 25 мая в 1995 году было принято приглашение: с первым визитом прибыл Его Высочество Ага-Хан IV. В современной истории исмаилитского сообщества Памира описанное событие является одним из самых важных, поворотных моментов. Исмаилиты придерживаются основ ислама: веры в Единого Бога, веры в посланника Мухаммада и истинность его миссии, веры в Коран, также следуют указам и наставлениям имама. При встрече Ага-Хана выступил с речью, побуждая исмаилитов Памира следовать добру и морали. Им было выдвинуто несколько принципов:

-использовать интеллект в рамках этики своей религии;

-везде и всюду жить и работать честно;

-способствовать развитию страны, в которой живете и работаете;

-жить в мире и согласии со всеми членами общества, независимо от их расовой, религиозной, национальной, языковой особенностей;

-простить друг друга за ранее совершенные поступки, грехи, не покушаться на жизнь других, если это даже изменит исходное и конечное положение дел;

-отвечать добром на зло;

-помогать бедным;

-признавать и соблюдать законы своей и других стран, способствовать выполнению законов своей страны;

-уделять внимание воспитанию, обучению детей, способствовать развитию интеллекта;

-установить и развивать контакты с более развитыми странами, для чего необходимо изучение английского языка - языка международного общения.

Была создана так называемая «Исмаилитская Конституция», которая содержит основные установки исмаилизма, не противоречит Конституции проживаемой страны. После первого визита Ага-Хана IV начинается перестройка: активно строятся школы, отрываются офисы для развития религиозного образования, на территории Памира свою работу начинает Комитет по образованию, религиозному учению ИТРЕБ (Ismaili Tariqah and Religious Education Board), обеспечивая детей и взрослых необходимыми книгами об истории исмаилизма и ислама в целом. В 1998 году открылся Лицей Ага-Хана, а в 2000 году подписан договор о создании Университета Центральной Азии. В 2009 году в Душанбе построен один из значимых центров исмаилизма-

Исмаилитский центр, который состоит из 4 секторов-административного, образовательного, молельного и общественного и включает в себя Национальный совет исмаилитов.

Исмаилизм на Памире в современном понимании нацелен на стремление к знаниям, которые способствуют развитию народа, сохранению культурных и религиозных ценностей, достижению высоких результатов. В настоящее время в мире насчитывается около 20 миллионов исмаилитов, 300 тысяч из которых живут на Памире. Нынешняя история исмаилизма напрямую связана с Имамом Времени, действующим Имамом, который способствует выстраиванию гармоничных и комфортных отношений между исмаилитами и остальной частью населения, так как исмаилитские общины проживают в разных странах мира.

Литература

[1] Разделение Бадахшана и судьбы исмаилизма. Шохуморов А. ИВ РАН; Душанбе: ИВ АНТ, 2008.
[2] Исмаилиты Таджикистана: традиции и современность. Валентин Бушков, Тохин Каландров. 2003
[3] Исмаилизм на постсоветском Памире. Худоеров. М.М. 2010
[4] 1995-2015: Его Высочество Ага Хан IV и его таджикские единоверцы URL: https://subscribe.ru/archive/news.world.turkestan/201505/27090105.html
[5] URL: https://www.iis.ac.uk/ru/content/address-his-highness-aga-khan-tutzing-evangelical-academy-upon-receiving-tolerance-award
[6] URL: https://www.toybytoy.com/doll/Pamiri-house-CID

Представители народов Кавказа в военно-административной системе Османской империи (по данным из труда sicill-i osmanî)

Чедия А.Р.
ИНИОН РАН, научный сотрудник отдела истории

Начиная со второй половины XV века Кавказский регион находился в сфере внешнеполитических интересов Османской империи. Соперничество Османов с Сефевидами привело к переделу сфер влияния на Кавказе в XVI веке, в результате которого, большая часть территории региона оказалась под внешним, а также прямым управлением Стамбула. Из-за продвижения Российской империи на Кавказе в XVII – XIX вв. Османская империя постепенно теряла контроль над отдельными частями региона, что в конечном итоге привело к полному отказу от владения всеми ранее завоеванными территориями на Кавказе в пользу Петербурга [1, 203].

Благодаря существовавшей в Османской империи социальной или вертикальной мобильности[28] в XV-XVIII вв. [2, 406], представители народов

[28] Отсутствие институционализированных классовых или социальных ограничений в продвижении по социальным ступеням.

Кавказа получали возможность занимать различные должности в военной и административной системе государства. Некоторые представители народов Кавказа становились главными министрами - Великими Визирями Османской империи[29]. Большая часть, находившихся на службе Порты, представителей народов Кавказа занимала различные должности в административной системе 1-ого, 2-ого, 3-его уровней. По имеющимся у нас прямым и косвенным данным, представители народов Кавказа становились бейлербеями и санджакбеями, субаши и мухафызы разных областей и округов Османской империи от Румелиийского эялета до Кафинского санджакбейства (затем эялета).

Стоит отметить, что исследователи порой сталкиваются со сложностями в прослеживании деятельности тех или иных личностей, находившихся на османской службе. В этой связи важным источником для пополнения информации по данному вопросу выступает многотомный труд Sicill-i Osmanî (с тур. Реестр/личные дела Османов). Этот труд — является биографической энциклопедией, составленной османским историком и «вакавюнисом» [30] Мехмедом Сурейя-беем между 1893 и 1897 годами. Данная работа представляет собой биографический сборник об известных людях, проживавших в империи в разные периоды, с момента ее основания до конца XIX века.

Уникальность данного труда автора заключается в том, что большинство изложенных биографий основывается на информации, полученной из изученных авторов и его предшественниками надгробных эпитафий, не сохранившихся на сегодняшний день.

В первом томе работы, рассказывается о всех представителях Османской династии. В других томах в алфавитном порядке даются сведения о поэтах, учителях, историках, военных, чиновниках и других деятелей разных эпох. Мехмед Сюрейя охватил почти 17 000 биографий известных ему личностей. Помимо краткой биографической информации в работе также даются сведения о семье, об образовании, профессии, местах работы, месте кончины Османского деятеля. [3, 527]

Важная особенность биографических сведений труда Мехмеда Сюрейя заключается в том, что в них указывается либо о месте рождения конкретного человека, либо дана информация о его происхождении, что дает возможность исследователю расширить знания о представленности тех или иных этнических групп (в данном случае кавказских народов) в военной или административной системе Османской империи, а также о степени взаимодействия Османов с народами Кавказа.

Литература

[1] Еремеев Д.Е., Мейер М. С. История Турции в средние века и новое время. М.: издательство Московского университета, 1992. – 246 с.

[29] Среди Великих Визирей Османской империи в разное время были выходцы с Кавказа, а именно абхазы, адыги, грузины, представители народов Дагестана, чеченцы и некоторые другие.

[30] Правительственный чиновник в Османской империи, которому поручали записывать исторические события и биографии важных личностей.

[2] История Османского государства, общества и цивилизации: перевод с тур. В.Б. Феоновой. Т. I. /Под ред. Э. Ихсаноглу. М.: Восточная литература, 2006. – 602 с.
[3] *Abdülkadir Özcan*. Mehmed Süreyya// TDV İslâm Ansiklopedisi. Ankara: 2003. 28. Çilt. S. 527-529

К вопросу о роли России в мировом культурном наследии

Солодовник Д.М.
ИСАА МГУ имени Ломоносова, заведующий кафедрой ЮНЕСКО
6294138@gmail.com

Работа России по сохранению и развитию памятников Всемирного культурного наследия осуществляется по нескольким линиям:

1. По линии правительственной комиссии по делам ЮНЕСКО.

Еще в 1989 г. СССР стал участником Конвенции по охране Всемирного культурного и природного наследия, которая была принята ЮНЕСКО в 1972 г. В настоящее время Россия занимает 9 место по количеству объектов Всемирного наследия, внесенных в список (31 объект). Около 27 объектов находятся в числе списка кандидатов [1].

В России разработан специальный индекс: Национальный индекс культурного наследия (НИКН). Основную работу по подготовке документов в список объектов Всемирного наследия осуществляет Национальный комитет. Это неправительственная общественная организация, которая аккредитована в октябре 2016 г. Международным Советом по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) [2].

2. Второе направление по развитию памятников Всемирного Наследия сосредоточено в неправительственных общественных организациях, в том числе в научно-образовательной среде.

Особую роль в настоящее время приобретают транснациональные и трансграничные номинации Всемирного наследия, которые играют большую роль в развитии «межцивилизационного диалога», способствуют развитию международной инфраструктурной составляющей стран, задействованных в эти масштабные проекты. Таким проектом, бесспорно, является «Шелковый путь», который на 38-ой сессии Комитета Всемирного Наследия ЮНЕСКО в 2014 г. был включен в список Всемирного наследия в качестве наднационального международного проекта по поиску уникальных объектов мировой культуры по древнему маршруту из Азии в Европу [3]. В настоящее время в этом масштабном межкультурном проекте задействовано более 55 стран мира.

Другим актором, помимо ЮНЕСКО, который также включен в работу по составлению «дорожных карт» коридоров маршрутов «Шелкового пути» и значимых объектов культуры является ЮНВТО является Всемирная Туристская организация, работающая на межправительственном уровне [4]. РФ являлась членом Исполнительного Совета Организации с 2017-2021 гг. В 2019 г. создан Международный Образовательный центр ЮНВТО в России. ЮНЕСКО и ЮНВТО имеют совместную рабочую группу по составлению туристических международных маршрутов, караванных путей из Азии в Европу. Совместно

изучено более 54 различных коридоров «Шелкового пути» от Дальнего Востока до Средиземного моря.

Российская Федерация, работая на межправительственном уровне, привлекая общественные организации, научные и образовательные учреждения, активно работает над идентификацией и потенциальной номинацией Северного участка «Шелкового пути»: Волжского и Кавказского коридоров. На основании архивов уже установлено 7 коридоров «Шелкового пути», включающих Хакасию, Алтай, Саратовскую, Астраханскую, Волгоградскую области, Республику Татарстан, Тыву, Горную Шорию. Эти российские «коридоры» могут объединить более 40 регионов страны. Очень активная научно-исследовательская и общественная работа по возможной номинации Северного участка «Шелкового пути» осуществляется в Татарстане [5].

Солидарная работа внутри страны совместно с международными организациями по реализации этого социогуманитарного транснационального мегапроекта, к которому подключено большое количество стран, будет способствовать развитию доверия и взаимопонимания между народами.

Литература

[1] Российские объекты из списка Всемирного наследия /ЮНЕСКО в России/Эл. ресурс: http://unesco.ru/unescorussia/sites/, дата доступа 15.03.22.

[2] Межрегиональная общественная организация «Национальный комитет Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест» (ИКОМОС), Россия/ICOMOS, RUSSIA/Эл. ресурс: http://icomos.org.ru/, дата доступа: 15.03.22.

[3] *Айтуганова Н.Л., Филатова Н.В*. Транснациональная серийная номинация Всемирного наследия ЮНЕСКО «Шелковый путь»: механизмы координации номинационного процесса. // Журнал Института Наследия, 2019, № 2 (17). – http://nasledie-journal.ru/ru/journals/287.html

[4] Всемирная туристическая организация (ЮНВТО)/Федеральное агентство по туризму. – https://tourism.gov.ru/contents/deyatelnost/mezhdunarodnaya-deyatelnost/sotrudnichestvo-v-mezhdunarodnykh-organizatsiyakh/vsemirnaya-turistskaya-organizatsiya-pri-oon-yunvto/.

[5] Шелковый путь: Татарстан инициирует присоединение России к транснациональной номинации ЮНЕСКО /Казанский национальный университет – https://kpfu.ru/imoiv/shelkovyj-put-tatarstan-iniciiruet-prisoedinenie.html.

Новые инициативы в рамках "мягкой силы" КНР

Сергеева А.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, ст. науч. сотрудник кафедры китайской филологии, unanimity-sa@hotmail.com

«Мягкая сила» КНР давно является темой для дискуссии международного сообщества ученых и исследователей. Вопросы относительно ее эффективности и политической ангажированности появляются по мере реализации Китаем, в том числе, ряда глобальных внешнеэкономических инициатив, таких как, например, «Один пояс, один путь». Неоднозначная реакция граждан многих стран, отразившаяся на местных выборах, говорит о том, что данная инициатива, по их мнению, не расширяет возможности китайской «мягкой силы», а скорее наоборот, сужает. Такая реакция заставляет китайское руководство пересматривать старые и искать новые формы реализации этого направления политики.

На примере открытия Лубаньских мастерских\семинаров （鲁班工坊 Luban Workshops) можно говорить о реализации новых адаптивных китайских стратегий, которые приспосабливаются к местным реалиям и работают в них. С 2016 г. по инициативе управления образования г.Тяньцзиня, китайское руководство создает по всему миру сеть профессиональных колледжей, названных Лубаньские мастерские («семинары» в английском варианте) в честь Лу Баня, мифической фигуры, почитаемой в качестве изобретателя из народа [1]. С помощью данного проекта планируется создание глобальной сети профессиональных колледжей по обучению китайским технологиям и стандартам в рамках глобализации китайских национальных проектов. Китайские компании серьезно относятся к повышению квалификации и найму большего числа местных жителей для работы на своих зарубежных проектах.

Лубаньские семинары обучают профессиональным навыкам в таких технических областях, как промышленные датчики, технологии управления и робототехника, производство машинного оборудования, технологии высокоскоростных железных дорог и др. [1]. Помимо этого, реализуются программы обучения китайской традиционной медицине и ресторанному бизнесу. Конечно, это не жест благотворительности или альтруизма со стороны КНР. Обучение китайским технологиям проводится в рамках полномасштабной кампании по глобализации китайских технологий. Это часть более масштабных усилий по укреплению экономических связей между КНР и глобальным Югом, которые Пекин считает ключевым для конкуренции с США. Пекин также учитывает требования стран-партнеров, которые настаивают на том, чтобы в китайских проектах было задействовано больше местных жителей. В ответ на давление со стороны местного общества и правительства китайские фирмы адаптировались путем организации повышения квалификации местных жителей для работы над своими проектами. Скорость локализации варьировалась в зависимости от типа проекта. Компании, ориентированные на краткосрочное

строительство, локализовались медленнее, чем компании, ориентированные на долгосрочные инвестиции.

Как и многие другие правительственные программы Китая, Лубаньские мастерские начинались в качестве пилотной инициативы местного правительства г.Тяньцзиня, открывшей первый Лубаньский семинар в Таиланде в 2016 г. На данный момент этот курс профессиональной переподготовки и повышения квалификации освоили 1125 тайских слушателей, а также более 8000 обучающихся по обмену из других стран ЮВА. Площадь семинаров и мастерских расширилась с 232 до 2000 квадратных метров, а предложения практических учебных курсов увеличились с 4 до 15, с одной технической специальности до шести.

Первоначальный план заключался в том, чтобы данные семинары служили интересам государственных и частных фирм Тяньцзиня, облегчая местное профессиональное обучение и трудоустройство. Это также овысило бы конкурентоспособность и узнаваемость бренда этих фирм в принимающих странах. Но одновременно этот проект служит интересам китайского правительства как инструмент мягкой силы, в контексте глобальной геоэкономической политики КНР. С учетом местных потребностей он представляется весьма привлекательным для развивающихся стран.

Таким образом, можно сказать, что Luban Workshops были кооптированы центральным правительством КНР и стали глобальными площадками распространения китайского профессионального образования. По данным на март 2022 г., по всему миру существуют 20 мастерских Luban в Таиланде, Великобритании, Индии, Индонезии, Пакистане, Камбодже, Португалии, Мадагаскаре, Джибути, Нигерии, ЮАР и Кот-д'Ивуаре. Как и Институты Конфуция, Лубаньские мастерские обычно открываются на базе местных учебных заведений, в данном случае – профессиональных колледжей. Китай проводит обучение для местных инструкторов. Так, с 2016 по 2020 гг. 136 человек прошли обучение в Китае. По заявлению председателя КНР Си Цзиньпина в ближайшее время планируется создание 10-ти новых Лубаньских мастерских в странах Шанхайской организации сотрудничества.

Конечно, остаются не до конца проработанными вопросы по качеству предлагаемых курсов и связи навыков со спросом. Отчеты самих семинаров могут преувеличивать их достижения. Но зарубежная экономическая политика Китая доказала свою адаптивность, и эти семинары вполне могут развиваться в соответствии с меняющимися потребностями стран с развивающейся экономикой. Ключевым моментом здесь является то, что китайское правительство готово выслушать принимающие страны, участвующие в инициативе «Один пояс, один путь» и разработать планы по передаче производственных навыков, а также по преодолению языковых и культурных различий.

Литература

[1] Лубаньские мастерские [Электронный ресурс] – URL http://www.lubanworkshop.cn/

Политическая культура и образцы политического участия молодежи Тайваня

Адамс О.Ю.
ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры политологии Востока,
oyadams_98@yahoo.com

Турбулентная история Тайваня (Китайской Республики) способствовала формированию выраженных особенностей современной политической культуры острова. Очень быстрый по историческим меркам переход от авторитарной политической системы к полноценной демократии произошел при активном участии молодежи. Теории поколений, в том числе политических, рассматривают возрастные группы как объединенные не только принадлежностью к примерно одинаковому возрасту, но и как сформированные поворотными политическими событиями. Переживание этих событий, их осмысление добавляют новые характеристики в непрерывную традицию политической культуры. В свою очередь она становится определяющим фактором модернизации всей политической системы.

Опираясь на этот подход, рассмотрим особенности политического участия молодежи Тайваня в период после отмены чрезвычайного положения в 1987 г. Переломными моментами стали студенческие выступления 1990, 2008 и 2014 гг. Цели выступлений различались, но все они были инициированы образованной молодежью и оказали значительное влияние на политическую жизнь острова, без преувеличения изменив траекторию его развития. Указанные события подробно анализировались в научной литературе, вместе с тем вопрос формирования образцов политического поведения тайваньской молодежи пока остается недостаточно освещенным.

Несмотря на сохраняющееся неоднозначное политическое положение (де-факто – независимое государство, де-юре – часть Китая), за удивительно короткое по историческим меркам время – с 1987 г., Тайвань стал безусловным примером успеха. Сегодняшняя Китайская Республика –развитое демократическое общество с многочисленным средним классом и хорошо образованным населением; а также быстроразвивающаяся в высокой степени интернационализированная экономика с относительно равным распределением благосостояния. К концу 2021 г. ВНП Тайваня достиг 689 млрд долл. «Мировой Индекс счастья», который систематизирует более тонкие нюансы жизни людей в разных странах, в том же 2021 г. поставил Тайвань на 24-е место среди 149 стран. В 2021 г. Тайвань занял 8-е место в «Индексе демократии», который публикует журнал «Экономист» [1].

Высокое качество тайваньской демократии в немалой степени определяется активной политической ролью молодежи. Так, в 2009-2018 гг. число кандидатов на местных выборах в возрасте 23-38 лет выросло на 25%. Регистрируются новые политические партии, объединяющие представителей молодых образованных слоев населения, которые в большинстве своем

выступают за независимость острова. Самые активные на сегодня – «Сила эпохи» (*Shidai liliang*), «Третья сила» (*Disan shili*) и «Социал-демократическая партия Тайваня» (*Taiwan shehuiminzhu dang*). Очевидно, что новые политические традиции поразительно быстро укоренились среди молодого населения страны. Это тем более примечательно, учитывая то, что во многих западных странах, считающихся обществами с наиболее прочной демократической традицией, сегодняшняя молодежь (автор относит к ней людей, родившихся между 1990 и 2000 гг.) часто не слишком заинтересована в политическом участии.

Тайваньская молодежь обоснованно считается локомотивом перемен. Три крупных выступления, инициаторами которых стали студенты: движение «Дикой лилии» 1990 г., «Дикой клубники» 2008 г. и «Подсолнухов» 2014 г., стали поворотными моментами для широких общественно-политических перемен, в том числе и для восприятия молодежью собственной роли в политическом процессе. Рассмотрим подробнее каждое из них.

Движение «Дикой лилии»[31] инициировано студентами, социализация которых прошла в условиях тоталитарной политической системы. Его главной целью в широком смысле можно назвать демонтаж тоталитарной политической системы посредством мирных протестов. Непосредственной причиной массовой сидячей забастовки тайбэйских студентов стала инаугурация президента Ли Дэн-хуэя. Возмущение молодежи вызвали непрямые выборы, которые были проведены Национальной Ассамблеей за закрытыми дверями. Альтернативные кандидаты от Демократической прогрессивной партии (ДПП) к выборам допущены не были. Здесь важно отметить, что студенчество протестовало против процедурных нарушений: принципиальный поворот к демократизации в широком смысле в стране уже произошел. Это была классическая «революция сверху», когда авторитарные политические элиты отменили чрезвычайное положение и разрешили регистрацию оппозиционных политических партий. Об истинных причинах такого решения правящей группы во главе с сыном Чан Кайши Цзян Цзинго можно только догадываться, но факт остается фактом: движению «Дикой лилии» удалось избежать революционной разрушительности, став мирным импульсом дальнейших преобразований. Лозунгом протестов стало возвращение политических прав гражданам и возрождение конституционной политики. В качестве практических требований выдвигался роспуск Национальной Ассамблеи, отмена «Временных установлений, действующих в период национальной мобилизации для подавления коммунистического мятежа»), которые на протяжении более 30 лет законодательно закрепляли действие чрезвычайного положения и несоблюдения гражданских прав. Студенты требовали конституционной реформы и обозначения конкретных сроков дальнейшей модернизации. На пике выступлений в них приняло участие около 300 тысяч человек. Новая администрация разумно не упустила возможность наладить диалог со значимыми социальными силами. Президент Ли Дэн-хуэй встретился с лидерами студенческого движения, обещал выполнить их требования и сделать все, что для построения подлинно демократического

[31] Символ чистоты и жизненной силы в традиционной тайваньской поэзии. – *Прим. автора*

общества на Тайване. Были назначены даты проведения выборов в Законодательный Юань, прямых выборов губернаторов и всеобщих президентских выборов и отменены «Временные установления».

Движение «Дикой лилии» стало проверкой принципиальной готовности нового политического руководства острова к открытости и переменам, а также к диалогу с социальными группами, занявшими активную позицию в менявшейся политической реальности Тайваня. Мирный протест доказал свою эффективность в условиях модернизирующейся страны. Участники получили возможность выдвигать требования к политической системе. Она, в свою очередь, проявила достаточную зрелость для участия в диалоге и кооптирования протестного импульса: начиная с 1990 года многие общественные деятели Тайваня начинали свой путь в политику участниками мирных протестов. Появился даже термин для обозначения молодых прогрессивных политиков, которые держат руку на пульсе общества: *сюэюнь чушэнды* - «родившиеся в студенческих движениях».

К 2008 г., когда развернулось движение «Дикой клубники», пассионарная волна политической активности молодежи естественным образом угасла. При этом политическая модернизация продолжалась: в 2000 г. президентом был избран Чэнь Шуйбянь – первый лидер, родившийся на Тайване, а не перебравшийся туда с отступавшим с материка Гоминьданом в 1949 г. Вопросы тайваньской идентичности, взаимоотношений с материком, никогда не сходившие полностью с повестки дня, вновь вышли на первый план. Обсуждались они в значительно изменившемся социуме: образованном, в большой степени включенном в мировые экономические взаимодействия, хорошо осведомленном о политическом процессе в собственном государстве и занимающим активную позицию относительно собственной роли в нем. Безусловные достижения в политической сфере наложились на непростую экономическую ситуацию, рост стоимости жизни, сложности с трудоустройством выпускников вузов и т.д. Это способствовало определенному снижению интереса молодежи к политическому участию и сыграло свою роль в победе Ма Инь-цзю на президентских выборах 2008 г.

В попытке улучшить экономическую ситуацию на фоне рецессии после глобального кризиса 2008 г. новый президент сосредоточил усилия на расширении экономических связей с материком. Это не встретило понимания в тайваньском обществе, несмотря на представленную стратегию «Трех нет»: «нет объединению двух сторон», «нет независимости», «нет применению силы». Учитывая сложность отношений между КНР и Китайской Республикой, развитие взаимных связей было поручено неправительственным организациям: Фонду обменов через Тайваньский пролив (Тайвань) и Китайской Ассоциации за развитие связей между двумя берегами Тайваньского пролива (КНР). Визит главы Ассоциации Чжан Минь-циня в октябре 2008 г. не только не увенчался успехом, но был прерван нападением на гостя агрессивно настроенных молодых людей. Несмотря на это, администрация Ма начала работу по подготовке следующего визита представителя Ассоциации. Это и стало поводом для

студенческих протестов 2008 года: участники протестовали против «поворота к Китаю», в котором усматривали опасность для де-факто независимого положения своего государства. Около 500 студентов Национального университета Тайваня организовали сидячую забастовку перед зданием Законодательного юаня, протестуя против «продажи интересов Тайваня». Полиция разогнала протестующих, но они снова собрались на следующий день. 7 декабря 2008 г. на улицы Тайбэя вышло около 10 тысяч человек - значительно меньше, чем в движении «Дикой лилии». Выраженных лидеров не было: координаторами выступили студенты университетов Цинхуа и Чэнгун. Участники требовали извинений от правительства за полицейскую жестокость, немедленной отставки глав Национальной полицейской академии и Национального Бюро безопасности. Самым значимым было требование поправок к «Закону о собраниях и шествиях» 1988 г. В то время Закон стал большим шагом вперед для общества, освобождающегося от тоталитарных ограничений. Подход «осторожного прогресса» отразился в зафиксированном в Законе требовании получать разрешение властей на любое массовое мероприятие. Студенты подчеркивали, что для Тайваня, который стал развитым демократическим обществом, эта норма давно устарела.

Движение «Дикой клубники» не было воспринято всерьез администрацией Президента Ма Инь-цзю: требования студентов выполнены не были. Среди возможных причин можно назвать заметно меньшие масштабы выступлений, которые происходили в сильно изменившемся контексте: несмотря на экономическую стагнацию, Тайвань к 2008 г. стал высокоразвитой страной с многочисленным средним классом и изменившимися взглядами молодежи на участие в политическом процессе. Критики движения подчеркивали его мелкий масштаб, указывая на само название: «клубничным поколением» на Тайване называли молодежь, которая якобы была неспособна преодолевать жизненные вызовы и в целом была не приспособлена к жизни, не имела активной жизненной позиции и интереса к политическому участию. Соглашаясь с ограниченными результатами движения, отметим его несомненную заслугу во включении в общественно-политический дискурс сложных вопросов тайваньской идентичности на фоне углубления экономических связей с материком, лоббируемого администрацией президента Ма. Этот комплекс вопросов стал лозунгом «Движения подсолнухов» – самых масштабных молодежных протестов в период после 1987 г.[32] Его кульминацией стал захват студентами здания Законодательного Юаня, которое протестующие удерживали в течение 24 дней: с 18 марта до 10 апреля 2014 г.

Взаимосвязанных причин и непосредственных поводов для выступлений было множество. Сложная экономическая ситуация (экономика Тайваня начала медленно расти только в 2016 г.), распространившиеся в этой связи пессимистические настроения, внутриполитические вопросы, в том числе проблема коррупции – все это сыграло свою роль в растущем разочаровании

[32] Подсолнух был выбран в качестве символа дома. – *Прим. автора.*

молодежи в политике и опасениях по поводу лоббируемых администрацией Ма Инь-цзю более тесных связей с КНР.

В 2013 г. КНР и Тайвань подписали «Соглашение о торговле услугами между двумя сторонами Тайваньского пролива» (СТУ), известное по его китайской аббревиатуре *фумао*. Находящаяся в то время в оппозиции ДПП выступила против, поэтому СТУ не было ратифицировано Законодательным Юанем. Соглашение предполагало открытие для тайваньских инвестиций 80 секторов экономики материкового Китая. Со своей стороны, Тайвань открывал 64 сектора услуг, включая здравоохранение, банковское дело, туризм и др. Противники СТУ считали, что такое масштабное привлечение китайских вложений негативно отразится на малом и среднем бизнесе, деловой культуре и демократической традиции острова. ДПП настаивала на публичных слушаниях каждого пункта соглашения, о чем в 2013 г. с Гоминьданом была достигнута договоренность. Однако правящая партия нарушила ее, представив на одобрение документ целиком и не проведя публичных слушаний. Как только об этом стало известно, в Тайбэе начались массовые протесты.

С самого начала участники были настроены решительно. Возглавила протесты организация «Молодежный фронт черного острова», созданная в 2013 г. на волне противодействия предлагаемому правительством Ма Инь-цзю курсу на сближение с Китаем. «Фронт» – идеологический наследник анархической традиции, склонный к радикальным методам, в том числе и захвату правительственных зданий. Лидерами «Подсолнухов» стали Линь Фэй-фань - аспирант факультета политологии Национального университета Тайваня и его однокурсники – Чэнь Вэй-тин и Хуан Го-чан. Были выдвинуты требования вернуть СТУ на подробное рассмотрение в Законодательный юань и внести необходимые поправки; принять законодательные акты, регулирующие процедуру подготовки, представления и принятия договоренностей с материковым Китаем; провести конституционную ассамблею.

В ходе протестов в центре Тайбэя собиралось до 300 тыс. человек. Было принято решение не применять силу для того, чтобы освободить захваченное здание Парламента – Законодательного Юаня. Президент Ма оказался между двух огней: студентами, отказывавшимися «прислушаться к голосу разума», и представителями властей, настаивавшими на немедленном освобождении здания Парламента. Некоторые наблюдатели проводили аналогии с событиями на площади Тяньаньмэнь 1989 г., а председателя Законодательного Юаня Ван Цзинь-пина даже называли тайваньским Чжао Цзыяном. В итоге ему удалось убедить студентов покинуть здание Парламента, дав личные гарантии того, что *фумао* не будет одобрен.

«Подсолнухи» – пример долгосрочного массового протеста. Было продумано и в общем найдены решения сопутствующих вопросов, таких как: логистика, питание, санитарная инфраструктура и медицинская помощь и др. Протестующие «вели себя цивилизованно», решительно пресекая попытки вандализма. Движение «Подсолнухов» стало большим медийным событием.

Новости «пресс-группа» движения публиковала на 14 языках. Это свидетельствует о высоком уровне PR-навыков участников выступлений.

В интервью по случаю пятилетнего юбилея «Подсолнухов», его бывший лидер Линь Фэй-фань сказал, что основная цель «Подсолнухов» - блокирование *фумао*, была успешно достигнута. По его мнению, другие, не менее важные цели, такие как повышение уровня гражданской ответственности, осведомленности населения о событиях политической жизни Тайваня, достигнуты не были. Сегодня Линь Фэй-фань – заместитель генерального секретаря ДПП, ответственный за молодежную политику партии. Его близкий соратник Чэнь Вэй-тин вступил в партию «Власть времени», но вскоре из нее вышел и сегодня позиционирует себя как независимый общественный деятель. Хуан Го-чан в 2016 г. стал генеральным секретарем вышеупомянутой партии и был избран депутатом в Законодательный Юань. Тайваньская политическая система в очередной раз продемонстрировала свою зрелость и устойчивость, вполне успешно кооптировав протестную энергию и направив ее в созидательное русло.

Литература

[1] Taiwan Ranks Among Top 10 Democracies in Annual Index. – [Электронный ресурс] URL: https://www.voanews.com/a/taiwan-ranks-among-top-10-democracies-in-annual-index-/6438806.html - (дата доступа 12.03.22).

Особенности современной деловой культуры Китая

Кузнецова В.В.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Факультет государственного управления, доцент, vkuz_55@mail.ru

1. Хотя традиционные культурные ценности относительно стабильны, они не статичны и меняются со временем. В маоистский период многие традиционные китайские ценности были подменены левацким эгалитаризмом. В эпоху Дэн Сяопина возобладали ценности утилитарного прагматизма. С 2007 г. китайское правительство стало снова подчеркивать ценности традиционной культуры. Современная китайская культура содержит и элементы маоистской идеологии, и отдельные западные ценности.

2. Одна из центральных концепций китайской социальной жизни – лицо (面子 mianzi). Понятие «лицо» отражает социальную значимость субъекта. У человека может быть «лицо», пока его уважают другие, но он может «потерять лицо», если столкнется с недоверием. В деловой культуре это проявляется в том, что китайцы редко дают определенные отрицательные ответы, вместо этого они часто используют такие выражения, как «неудобно» («bu fangbian») или «есть некоторые трудности» («you xie kunnan») [1,2].

3. Китайские руководители (включая частный бизнес) получили назначение не в силу их образования или опыта, а благодаря сети гуаньси

(личных отношений). Гуаньси рассматриваются как один из важнейших элементов социального капитала, от которого зависит профессиональное продвижение и благополучие. Если кто-то не возвращает услугу (благодарность), то такое лицо становится нелояльным (wang'en fuyi), что негативно сказывается на бизнесе.

4. Китайцы очень подозрительны ко всем, кто пришел из вне сообщества. Но у них развито, а в последнее время постоянно подчеркивается в образовании и пропаганде, превосходство китайской нации. Сочетание подозрений и превосходства делает почти обязательным для иностранных компаний привлечения посредника (zhongjian ren) для ведения деловых переговоров [1,2].

5. При переговорах с китайцами внимание следует концентрировать на контексте, косвенных факторах и помнить, что китайский способ коммуникаций заключается в том, что они предпочитают слушать, ориентируясь на «лицо» партнера, а когда говорят, то предпочитают использовать косвенный язык, который следует интерпретировать с учетом ситуации и контекста.

6. В китайской культуре большое внимание уделяется гармонии. Со времени, когда президентом КНР был Ху Цзиньтао, в официальных документах стало уделяться большое внимание построению гармоничного общества, а затем – гармония была дополнена стабильностью. Любое деловое соглашение возможно только, если между сторонами сложатся отношения, основанные на уважении, дружелюбии и положительных эмоциях. Для этого требуется время.

7. Китайский язык состоит из символов, которые означают слова или концепции. Это осложняет перевод, равно как и тот факт, что в Китае часто традиционное сочетание иероглифов используют для обозначения новых явлений. В результате у китайского слова, состоящего, как правило, из двух иероглифов, нет однозначного толкования. Это влияет на ведение переговоров: а) китайцы отдают предпочтение одновременному обсуждению всех вопросов (например, цены, объема, условий поставки и т.п.) а не последовательно; б) к обсуждению одного и того же вопроса они возвращаются неоднократно, даже если вопрос уже был согласован, это не означает, что в будущем китайская сторона не вернется к его обсуждению снова.

8. Китайцы – великие переговорщики. Их готовность к сопротивлению партнера проявляется в том, что они проводят большую подготовку к переговорам, анализируя различные возможные варианты и все вопросы, выносимые на переговоры, стараясь предусмотреть потенциальные реакции партнеров. Китайцы предпочитают продолжительные сессии переговоров, во время которых стороны обмениваются множеством вопросов. Ход таких сессий они часто заранее репетируют. Китайцы очень внимательны во время переговоров. Зачастую они под тем или иным предлогом откладывают принятие окончательного решения. Это служит дополнительным инструментом стратегии давления на противоположную сторону.

9. Для Китая характерна этика, принципиально отличная от принятой в западных странах. Китайское понимание этичного поведения восходит к конфуцианской норме: «Мораль опирается на обстоятельства данного момента

и не является универсальным принципом». Такая позиция открывает двери для непрерывных изменений в уже согласованных условиях, что считается в западной культуре плохой практикой, а в Китае − совершенно приемлемой практикой.

Литература

[1] *Ikhsan M. F., Ghani A.B.A., Ishak M.S*. The Dynamics of the Chinese Business Practice and the Local Elites Behavior: The Legacy of Pseudo-Capitalism in Indonesia's Local Development // Journal of Governance and Development, 2017, Vol. 13. Issue 2, p.155-169. URL: http://www.jgd.uum.edu.my/images/vol13_issue2_2017/10.pdf

[2] *Lamazares O*. business Culture in China: 10 Elements. – Global Negotiator. – 5 p. URL: https://www.globalnegotiator.com/files/Business-Culture-In-China-10-Elements.pdf

Диалог «учитель-ученик» в традиционной культуре Японии

Мазурик В.П.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры японской филологии,
mazurik52@mail.ru

Современная система образования оказалась совершенно не подготовленной к информационной революции, а в нашей стране, не так давно примерившей на себя новейшие европейские модели (ЕГ, Болонская система и т.д.), это заметно вдвойне. Внедрявшаяся в России с начала 18 века немецко-голландская система образования при всей своей эволюции, довольно далеко ушедшей от идеалов просвещенческого энциклопедизма, ныне абсолютно не способна адекватно отвечать вызовам времени.

В эпоху стремительных перемен не грех оглянуться на опыт прошлого, где зачастую содержатся удивительно актуальные идеи. Достаточно вспомнить рассуждения Жозефа де Местра, Сергея Рачинского, И.Д.Касаткина (Св. Николай Японский), чтобы понять, что мы еще далеко не полностью освоили опыт предков в этой области. Работавшие уже в далеком прошлом технологии традиционного образования содержат в себе много «рациональных зерен», столь необходимых сегодня. И в числе важнейших забытых истин следует назвать существенно отличный от нашего взгляд на модель взаимоотношений учителя и ученика, существовавшую в культурах Востока и Запада в прежние века. Классическая культура Дальнего Востока дает в этой области ценнейшие наблюдения для задач нашего времени, примеры которых будут приведены в докладе. Главный тезис состоит в том, что эта модель активного и абсолютно равноправного взаимодействия учителя и ученика.

Традиции и инновации в гуманитарном образовании КНР

Сяо Цзинъюй
Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли профессор, (г. Гуанчжоу, КНР), najia0802@163.com

Проект «Новые гуманитарные науки», недавно инициированный министерством образования КНР, превратился в важный компонент концепции модернизации высшего образования КНР. Стратегическая цель Китая – к середине XXI в. выйти на уровень передовой образовательной страны – диктует задачу внести новое понимание в содержание гуманитарных наук. В концепцию «новые гуманитарные науки» заложена китайская гуманистическая традиция, но в то же время она отличается от сложившихся в стране традиционных воззрений на гуманитарные науки.

В нынешней структуре высшего образовании КНР гуманитарные науки делятся на две большие предметные группы: дисциплины, связанные с изучением духовного мира и культуры человека, и социальные науки, специализирующиеся на проблемах социально-экономического развития. Центральное место в исследованиях первой группы дисциплин занимает такая проблематика, как сознание, эмоции, ментальность, ценности, культура, в то время как в фокусе внимания социальных наук находятся такие сферы, как экономика, менеджмент, право, образование и т.д. В традиционном китайском восприятии гуманитарных наук оба сегмента мало связаны между собой. «Новые гуманитарные науки», по мнению китайских ученых, должны содействовать интеграции философии, социальных наук с достижениями научно-технической революции. В отличие от традиционного гуманитарного знания, новая концепция гуманитарных наук является результатом влияния глобальной научно-технической революции на нынешний этап экономического развития Китая, отражает новое синтезированное мышление и диктует необходимость изменения форм и методов обучения. Сегментация учебных дисциплин в структуре научного познания должна остаться в прошлом [1: 3]. Для перехода от логики разделения специализаций и профессий к логике освоения полидисциплинарного знания необходимо создать такую систему образования, где студенты в массовом порядке будут овладевать теми когнитивные навыками, которыми раньше владели немногие.

В этом контексте актуальность приобретает вопрос: какие изменения требуется внести в программы подготовки специалистов по иностранным языкам с учетом нового осмысления теории и практики преподавания «новых гуманитарных наук»? В настоящее время в рамках укрупненной группы специальностей «Иностранные языки и литература» в образовательные программы китайских университетов входят такие базовые дисциплины как иностранные языки, зарубежная литература, теория и практика перевода, региональные и национальные исследования, сравнительная литература и межтекстовая коммуникация, кросскультурные исследования и др. В обучении

иностранным языкам насчитывается более 100 специальностей, дублирующих друг друга или близких по задачам и содержанию. Дробление областей научного познания в современных условиях наносит вред процессу обучения. Перед китайскими языковыми вузами стоит задача определить, какие из существующих программ и дисциплин следует объединить.

Безусловно, ядром специальности «иностранный язык» является иностранный язык и иностранная литература, без них это будет дерево без корней. Но в то же время специальности по иностранному языку не должны ограничиваться исключительно изучением иностранных языков и литературы. Моделирование новых компетенций – это не простое соединение иностранного языка с какой-либо другой специальностью, а их органичная интеграция [2]. Таким образом, ключ к цели построения новых гуманитарных наук заключается в ориентации прежде всего на требования национальной стратегии развития КНР. Национальная стратегия ставит на первое место подготовку универсальных специалистов, способных быть не только преподавателями иностранных языков, переводчиками, но и профессиональными экспертами по регионам, в которых изучаемые языки используются как средство коммуникации. В ведущих языковых университетах успешно готовят кадры для реализации политики открытости внешнему миру. Например, в Пекинском университете иностранных языков идет подготовка специалистов практически по всем официальным языкам стран, с которыми КНР установил дипломатические отношения. Основной задачей Шанхайского университета иностранных языков стала подготовки кадров для международных организаций по образовательным программам «иностранные языки+». В целях усиления интеграции дисциплин по иностранному языку и литературе и региональных исследований стран, расположенных вдоль «Пояса и пути», в 2017 г. здесь были открыты Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии. Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли также ориентирован на подготовку кадров для крупных государственных и международных экономических структур. И хотя методы реформирования и обновления специализаций в указанных языковых университетах имеют отличия, тем не менее они сходны в основных позициях: здесь формируется педагогическая система, во главу угла которой поставлена триединая задача: развитие профессионализма—социальной ответственности и гуманистических ценностей —инновационных способностей.

Суммируя достижения ведущих китайских университетов, можно сказать что им удалось благодаря конвергенции дисциплин, цифровизации и интернационализации образования создать интеллектуальные кампусы с многоязычной средой коммуникации, запустить новые образовательные программы, в том числе, двуязычные, онлайн-курсы по наиболее востребованным иностранным языкам, активно готовить учебные материалы по десяткам языков и делиться своими ресурсами дистанционного обучения и учебными материалами с отечественным и зарубежными коллегами.

Литература
[1] *王铭玉. 张涛.* 高校新文科建设思考与探索. – 天津外国语大学学报 (Wang Mingyu. Zhang Tao. Thinking and exploring the construction of new liberal Arts in Colleges and Universities.Journal of Tianjin Foreign Studies University). 2019. № 6. с. 2-7.
[2] *Сяо Цзинъюй, Машкина О.А.* «Новые гуманитарные науки» в Китае: цели, объекты и реалии. //Педагогическая информатика, 2021, № 3, с. 136-150.

Межкультурный диалог в иноязычном обучении

Машкина О.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры китайской филологии, oliya-m@yandex.ru

1. Мы живем в мире глобальных коммуникаций, когда в противоположность идее однополярного мироустройства, все большую актуальность приобретает идея многополярного мира. России и Китай занимают активную позицию в формировании нового общественно-политического мироустройства, в котором общение, диалог и конструктивное взаимодействие становятся важнейшими инструментами развития взаимопонимания, межкультурных, межгосударственных и личностных контактов. Трудности в поиске и принятии общих решений, отсутствие практики (а порой и желания) вести уважительный диалог зачастую провоцируют оппозиционные подходы к «чужим», носителям другой культуры.

2. Академик В.С. Мясников так сформулировал идею понимания того, что объединяет и разъединяет народы Востока и Запада, Севера и Юга: «Мы поняли, что человечество едино, но у его представителей, принадлежащих к разным цивилизационным ареалам, различны не только языки, но и системы ценностей, символов, психологические установки, ассоциативное мышление, юмор, а,следовательно, нравы и многое другое» [1: 7].

3. В современном мире иноязычное обучение должно больше опираться на межкультурный диалог. Страноведческий аспект изучения иностранного языка позволяет лучше узнать страну изучаемого языка, способствует открытости культур друг другу, взаимному обучению и обогащению. В процессе обучения иностранным языкам необходимо учитывать национально-культурные традиции своей страны, но одновременно учитывать и языковой код, обычаи и нормы социального поведения своего партнера.

4. Учебный процесс предполагает вовлеченность студентов в диалектику культур. Урок иностранного языка – это возможность дать почувствовать студентам разницу между культурой страны изучаемого языка и родной культурой. Знание родной культуры в этом смысле является неотъемлемым компонентом процесса обучения иностранному языку, становится ключом к его пониманию.

5. «Диалог культур» в условиях иноязычного учебного общения предполагает решение нескольких культурологических и развивающих задач обучения, в том числе:

• углубление знаний о культуре страны изучаемого языка через сопоставление имевшихся ранее знаний и понятий с вновь полученными, а также со знаниями о культуре собственной страны;

• развитие лингвострановедческой и речевой наблюдательности, творческого воображения, ассоциативного и логического мышления.

6. Образовательное сотрудничество между Россией и Китаем основано на внимательном и уважительном изучении традиций и практики обучения и воспитания в школе и вузах другой страны. Происходит взаимовлияние российских и китайских культурных и образовательных норм, стандартов и ценностей, благодаря чему повышается эффективность и качество образовательной деятельности в обеих странах. Неуклонно растет число русских студентов в Китае и китайских студентов в российских вузах.

7. В условиях интенсификации двусторонних контактов в процессе обучения актуализируется не только задача освоения студентами профессиональной лексики, терминологии, но и понимания культурного фона, правил речевого и невербального поведения, этикетных норм, ценностей и особенностей менталитета носителей изучаемого языка как основных компонентов коммуникативной и знаниевой компетенций.

Литература

[1] *Мясников В.С.* Квадратура китайского круга: избранные статьи. Книга 1. – М.: Восточная литература, 2006. – 550 с.

Интернациональный стиль архитектуры как основа материальной культуры эпохи постмодерна

Зайцев В.Н.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент

кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, zalexa93@mail.ru

Архитектура есть воля эпохи, переведённая в пространство [4]

***

« *... От страха дети больше не трясутся -*

Нет дома, что два века простоял,

И скоро здесь по плану реконструкций

Вввысь этажей десятки вознесутся -

Бетон, стекло, металл...

Весело, здорово, красочно будет» [1].

Из всех видов человеческой жизнедеятельности, относимых к категории искусств, архитектура в наибольшей мере определяет характер и отличительные особенности каждой из культур и цивилизаций. Современный образованный человек, даже не искушённый в истории мировой архитектуры, рассматривая изображения египетских пирамид, древнегреческих храмов, римских акведуков, готических соборов или замков и крепостей Европы и Азии, буддийских ступ, китайских или японских пагод, мечетей и минаретов, способен по меньшей мере догадаться о месте и времени их создания, поскольку всем им свойственны некоторые самобытные черты, хорошо изученные и многократно описанные. Но если нашему современнику показать снимки с панорамами деловых центров или районов новой массовой жилой застройки мегаполисов, растущих на всех континентах невиданными в истории темпами, то он, если только не знаком близко с какими-либо из этих городов, навряд ли отличит Токио от Торонто, Шанхай от Гонконга, Сеул от Каракаса. Он сможет сказать с полной определённостью лишь одно: всё это построено в наше время, в XX-XXI вв. Подавляющее большинство зданий, образующих подобные городские ландшафты, выстроено в одном архитектурным стиле, который в наши дни у специалистов принято называть интернациональным.

1. От “эклектики” к “интернациональному” стилю

В 1835 г. Н.В. Гоголь опубликовал в своём сборнике “Арабески” статью “Об архитектуре нынешнего времени”, где довольно скептически отозвался о господствовавшем в Европе и Северной Америке того времени стиле *ампир.* Мастера, следовавшие этому стилю, основанному на использовании классических элементов греко-римского зодчества, своим творчеством изменили планировку и архитектурный облик множества больших и малых европейских городов, включая российские, в первую очередь Санкт-Петербург и Москву. Гоголь усмотрел в вездесущем ампире нечто казённое, однообразное, лишённое оригинальности и фантазии. [2: 75.]. Такое или близкое к нему мнение о современной архитектуре с начала 30-х гг. XIX в. разделяли с Гоголем многие из европейских “властителей умов”, полагавших, что ограниченный набор конструктивных решений и художественных средств классических ордеров полностью исчерпан и дальше возможны лишь скучные повторения. Так складывались теоретические предпосылки становления мощного и многоликого течения в архитектуре, которое долгое время обозначали термином *эклектика*, позднее заменённым на другие (*историзм, национально-романтический стиль* и др.). Его нельзя назвать единым стилем, поскольку в нём уживались (нередко в одном сооружении) имитации всех наиболее известных стилей или их отдельных элементов, причём, не только европейских. Считалось, что такое вольное использование всемирного архитектурного наследия способно дать импульс обновлению современного зодчества. Это направление в течение нескольких десятилетий почти безраздельно господствовало в архитектуре и градостроительстве Европы и Северной Америки. Оно в решающей мере определило современный облик центральных районов ряда крупнейших

европейских городов (Лондона, Парижа, Санкт-Петербурга, Москвы, Берлина, Вены, Праги, Будапешта), а также столицы США Вашингтона.

К началу 90-х гг. XIX в. эклектика в Европе и США была вытеснена новым, в отличие от неё вполне самобытным и цельным художественным стилем, зародившемся в Англии и называемым в разных странах по-разному: Modern Style в Англии, Шотландии и США, Art Nouveau в Бельгии и Франции, Stile Liberty в Италии, Jugendstil в Германии, Secession в Вене, Modernisme в Каталонии, модерн в России. Главными особенностями этого стиля, присущими всем его национальным и региональным школам, считаются соразмерность человеку и небывалая прежде свобода в организации масс сооружения; широкое использование в декоре мотивов, восходящих к гибким и текучим природным формам, особенно растительным; разнообразие применяемых материалов (кирпич, железобетон, металл, керамика и т. п.), полихромность наружных стен зданий. Срок жизни, отпущенный этому стилю историей, был невероятно коротким - всего около двух десятилетий. Наименование модерн оказалось глубоко символичным. Его гибель по существу ознаменовала переход западной цивилизации из эпохи модерна в постмодерн.

В самом начале XX в. пресыщенный модерном Запад сделал очередную попытку опереться на античную классику, используя при этом новые технологии и материалы, широко востребованные в предшествующие десятилетия. В городах Европы появились целые россыпи и ансамбли, как правило, одноцветных (оттенки серого) зданий с классическими портиками, фронтонами, скульптурными фризами, куполами, маскаронами. Стиль получил название неоклассицизма и прожил чуть более десятилетия.

Между двумя мировыми войнами в архитектуре и других визуальных искусствах Европы и Северной Америки наибольшее распространение получил стиль *Art Déco*, соединявший в себе некоторые элементы неоклассицизма с упрощёнными, огрублёнными декоративными приёмами модерна и в целом тяготевший к нарочитой монументальности. Самый известный образец архитектуры этого стиля – парижский дворец Шайо (1937), расположенный на холме с видом на Марсово поле и Эйфелеву башню. В СССР, главным образом в Москве, Ленинграде и других крупных городах также возводились постройки в стиле Art Déco, например, здания Библиотеки имени В.И. Ленина, гостиницы Москва, Центрального телеграфа на Тверской, Военной академии имени М.В. Фрунзе, Наркомата обороны в Колымажном переулке и др.

Приобщение советской архитектуры к этому стилю было одним из свидетельств поворота в культурной политике руководства страны от поощрения авангардистких экспериментов первого постоктябрьского десятилетия к их сворачиванию с начала 30-х гг. и формированию советского искусства как отдельного явления мировой культуры XX в. В архитектуре и градостроительстве утвердился стиль, которому дают самые разные названия от *“сталинского ампира”* до *“сталинского барокко*”. Трудность однозначного его определения состоит в том, что этот стиль творчески осваивал наследие зодчества всех эпох и народов. Он был официально упразднён Постановлением

ЦК КПСС и Совета министров СССР от 4 ноября 1955 г. “Об устранении излишеств в проектировании и строительстве”. Как вскоре выяснилось, то был запрет на архитектуру как искусство…

Практически одновременно с Art Déco формировалось ещё одно, поистине революционное течение в архитектуре, ныне широко известное *как конструктивизм*. Он появился почти одновременно в нескольких странах Европы. Первоначальными его центрами были художественная группа Де Стейл (*стиль*), образованная в 1917 г. в нидерландском Лейдене, и Высшая школа строительства и формообразования, основанная 1919 г. в германском городе Веймаре и известная впоследствии под сокращённым немецким названием Баухаус. Вскоре их творческие концепции были восприняты художниками и теоретиками русского авангарда А. Родченко, В. Татлиным и их последователями, которые нашли в них созвучие идее построения нового общества, провозглашённой Советской властью, которая вплоть до начала 30-х гг. поддерживала авангардные течения в искусстве как революционные. Так в СССР сложилась школа, в течение одного десятилетия задававшая тон в строительстве и архитектуре страны. Она выработала стиль, именуемый конструктивизмом или советским (русским) *архитектурным авангардом*. Он до сих пор почитается на Западе как одно из первых течений постмодерна, вслед за которым появились и другие: функционализм, брутализм, необрутализм, концептуализм, деконструктивизм...

Не вдавась в разбор теоретических построений идеологов и мастеров различных течений архитектурного авангарда, рассмотрим те особенности, которые присущи их зодчеству и урбанистике в созданных ими бесчисленных объектах.

2. Урбанистика бетоно-металло-стеклянных джунглей

Термин конструктивизм указывает прежде всего на то, что главное в здании – его конструкция, остальное несущественно и излишне. Отсюда – предельный аскетизм пластического образа строения: его поверхности начисто лишены какого-либо декора, это всего лишь комбинации параллелепипедов, призм, конусов, пирамид. Таковы и административные здания, и частные виллы, и жилые дома, спроектированные мастерами авангарда. Этот родовой признак в целом унаследован интернациональном стилем, с той лишь разницей, что в своих “знаковых” творениях он отдаёт предпочтение не кирпичным или бетонным внешним покровам, а прикреплённым к несущему железобетонному или металлическому каркасу здания стеклянным панелям, заменяющим ему стены.

Это создают множество практических проблем. Возрастают затраты на кондиционирование воздуха внутри таких зданий. Люди, подолгу находящиеся в них, особенно на высоких этажах, подвержены различным неврозам, чаще всего агарофобии и акрофобии, синдрому хронической усталости. Скопление таких сооружений в городах превращает их пространство в недружественную человеку среду. Высотная застройка с её утомительным единообразием, отсутствием растительности, перегруженностью автомобилями (и, как

следствие, загрязнением воздуха) делает жизнь в таких центрах мегаполисов нелёгким испытанием. Обширные и тесно застроенные многоэтажные жилые районы городской периферии при недостаточно развитой транспортной инфраструктуре становятся подобием гетто. Пороки такой урбанистики “человейников” дают о себе знать почти во всех мировых мегаполисах, где она культивируется, включая Москву. Чтобы в этом убедиться, достаточно побывать в таких районах Москвы и ближайшего Подмосковья и поговорить с их жителями.

Выявляя причины продолжающейся глобальной экспансии интернационального стиля, как и всей культуры эпохи постмодерна, можно убедиться в том, что она питается не только алчностью финансового капитала, инвестирующего свои активы в доходную недвижимость, но и социально-культурной функцией такой архитектуры и урбанистики, работающей на утверждение основ “дивного нового мира” [5]. Загоняя гигантские массы людей в бесчисленные скопления “человейников”, правящие “элиты” решают сразу несколько актуальных для себя задач. *В-первых*, они ужесточают свой контроль не только над жизнедеятельностью людей, локализованной в таких гетто, где ограничены или вовсе сведены на нет межличностные контакты, отсутствуют проявления какой бы то ни было гражданской солидарности даже на локальном уровне, но при этом усиливается склонность к стадному поведению, направляемому сверху. Иначе говоря, происходит десоциализация и атомизация населения. *Во-вторых*, архитектура и урбанистика, лишённые каких-либо значимых художественных свойств и при этом отделяющие человека от природы, резко сужают его жизненный горизонт, ограничивают его творческий потенциал, стирают индивидуальность, подавляют волю, делая из него послушного члена общества потребления. *В-третьих*, его существование в таких условиях неизбежно ведёт к эрозии основополагающих нравственных императивов и расширяет возможности его расчеловечивания и денатурализации путём навязывания ему противоестественных установок, “новой нормальности”.

Интернациональный стиль, как и все другие большие архитектурные стили, не ограничиваясь сферой зодчества и градостроительства, влияет на другие визуальные искусства от живописи и скульптуры до высокой моды и технического дизайна. В 1923 г. в своей книге “К архитектуре” Ж.-Э. Ле Корбюзье, один из главных теоретиков и мастеров архитектурного авангарда, сформулировал тезис: “Дом — это машина для жилья” (*Une maison est une machine à habiter*) [3:9]. При всей его категоричности постулат вполне соответствует характеру домов, которые проектировал сам его автор. В них преобладает рассудочное, стерильное механистическое начало, отчего у их обитателей не возникает органической связи с ними. Возможно, отчасти поэтому в современном постиндустриальном обществе, особенно таком динамичном как США, горожане готовы менять жильё почти так же часто, как они меняют свой вполне работоспособный, но вышедший из моды автомобиль. Заметим, что распространившийся по всем континентам интернациональный стиль всё же не

смог перекрыть альтернативные пути в мировой архитектуре и урбанистике. Они (например, сохранение традиций национального зодчества; различные концепции городов-садов, расширение масштабов индивидуального домостроительства и др.) составляют предмет специального изучения.

Литература

[1] *Владимир Высоцкий*. Песня-сказка о старом доме на Новом Арбате // Владимир Высоцкий. Кони привередливые. Поэзия и проза. СПБ. 2013, с. 753.
[2] *Гоголь Н. В*. Об архитектуре нынешнего времени // Н. В. Гоголь. Собрание сочинений в семи томах. М., т.6.
[3] *Ле Корбюзье*. К архитектуре. Перевод В. Н. Зайцева// Ле Корбюзье. Архитектура XX века. М., 1977.
[4] *Mies van der Rohe* URL: https://www.pinterest.ru/pin
[5] |*Олдос Хаксли*. О дивный новый мир. – М. 2020.

Лирическая поэзия А.С. Пушкина в переводе и интерпретации Чжа Лянчжэна

Юй Цзе
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры китайской филологии, kaqusha686@yahoo.com

Великий русский поэт А.С. Пушкин стал известен в Китае на рубеже XIX–XX вв., когда в стране вслед за пробуждением национального сознания появилась возможность познакомится с европейской литературой. Творчество Пушкина в Китае не однозначно воспринималось в разные периоды истории Китая. Эволюция китайского пушкиноведения прошла путь от критики политико-идеологической к социально-исторической, а затем к культурно-эстетической. В 1907 г. китайский писатель, критик и переводчик Лу Синь опубликовал статью «О силе сатанинской поэзии», в которой рецензировал такие произведения А. С. Пушкина, как «Кавказский пленник», «Цыганы», «Евгений Онегин» и др. Он особо отмечал художественное своеобразие «Евгения Онегина»: «событие простое, стиль замечательный». Верно отражается социальная ситуация данного времени» [2: 59-86]. В 1947 г. в Шанхае был издан «Пушкинский литературный сборник» под редакцией большого знатока и друга Китая В.Н. Рогова и известного переводчика Гэ Баочуаня. К середине 1980-х годов на китайский язык были переведены все произведения Пушкина [1: 91-94]. В Китае Пушкина любят за утонченную лирику и историческую правдивость.

Благодаря таланту китайских переводчиков, А.С. Пушкин стал наиболее читаемым в Китае зарубежным автором. Переводчик и поэт Чжа Лянчжэн, также

известный под псевдонимом Му Дань[33], с 1953 г. начал переводить произведения Пушкина и к концу своей жизни перевел более 500 лирических стихов. В 1957 г. он издал пять книг-переводов сочинений Пушкина, тираж которых составлял 38000 экз. Чжа Лянчжэн мастерски перевел такие шедевры пушкинской лирики, как «Я помню чудное мгновение»; «Я вас любил, любовь еще, быть может»; «Ты и вы»; «Если жизнь тебя обманет…»; «Письмо Татьяны к Онегину».

Достоинства художественного перевода Чжа Лянчжэна давно стали темой предметных исследований в теории перевода поэзии в Китае. Мы дадим лишь краткое изложение лирического мира Пушкина, получившее отражение в переводах Чжа Лянчжена. Чжа Лянчжэн изначально был известен как поэт. Это дало ему богатый опыт в словесной практике, к тому же он еще был замечательным переводчиком художественной литературы с английского языка. В списке его переводов стихи таких английских поэтов, как Шелли, Байрон, Джон Китс, Томас Элиот и др. Широкая эрудиция и кругозор позволили ему выработать превосходную технику перевода. Высокое мастерство Чжа Лянчжена как переводчика проявляется в полноте передачи содержания оригинала в свойственной ему поэтической форме.

Искусное объединение содержания и формы поэзии в переводе на китайский язык не удавалось многим переводчикам, недаром в ряде теорий художественного перевода считается невозможным переводить поэзию вообще. Это объясняется тем, что в китайской классической поэзии применяется совершенно иная рифма, чем в русской. Если в последней существуют понятия «перекрестной», «охватной» и «смежной» рифмовки, то в китайской поэзии в четверостишиях – «цзэцзюй» рифмуются 1-я, 2-я и 4-я строки; в уставных стихах– «люйши», состоящих из двух четверостиший, рифмуются 2-я, 4-я, 6-я и 8-я строки; в поэзии архаического стиля – «гуши» рифмуются только четные строки. Разница между русской и китайской поэзией также существует и в звуковой организации стихов. В русских стихах действуют правила чередования ударных и безударных слогов, а в китайских применяются четыре тона: первые два тона считаются ровными (пин), последние 2 тона – ломаными (цзэ), которые в определенных чередованиях создают соответствующий ритмический эффект.

К техническим сложностям поэтического перевода, объективно обусловленными языковыми барьерами, добавляются еще социальные и индивидуальные факторы. С начала 19-го в. в китайском языке произошли колоссальные изменения. Переход словесного творчества на современный разговорный китайский язык (байхуа), привел к игнорированию строгих правил рифмования и ритмики поэзии. Новые «правила игры» также распространились на художественный перевод поэзии. Многие переводчики в своей практике пошли по упрощенному пути, решив не ломать голову над фонетикой поэтической речи.

---

[33] Китайский поэт и переводчик Чжа Лянчжэн (查良铮) в 1934 г. – псевдоним Му Дань (穆旦) . В 1958 г. был сослан в деревню; потом работал в библиотеке и занимался главным образом переводами. Признание к нему пришло уже после смерти. Годы жизни 1918-1977.- *Прим. автора.*

В таких условиях в Китае сформировались три подхода к переводу русской поэзии. Первого придерживались любители строгой формы, которые стремились максимально воспроизвести художественную форму оригинала; второй подход практиковали переводчики, которые пытались передать смысловую нагрузку иностранной поэзии при усиленном сохранении эстетической традиции китайской поэзии. В итоге оба подход не привели к успеху. Чжа Лянчжэн пошел по третьему пути. Для воспроизведения художественного образа пушкинской поэзии переводчик прибегнул к форме новой поэзии (поэзии на байхуа), но при этом для создания поэтичного звучания максимально использовал правила китайского рифмы и ритмики классической формы. Его успехи были впечатляющими. Приведем в качестве примера перевод знаменитого стиха «Если жизнь тебя обманет…»:

假如生活欺骗了你(-i3)，
不要忧郁，也不要愤慨(-ai3)!
不顺心时暂且克制自己(-i3)，
相信吧，快乐之日就会到来(-ai2)。
我们的心儿憧憬着未来(-ai2)，
现今总是令人悲哀(-ai1)：
一切都是暂时的，转瞬即逝(-i4)，
而那逝去的将变得可爱(-ai4)。

Как видим, в переводе одночастного стихотворения Пушкина получился китайский уставный стих. К рифмованным строкам из слов современного языка прибавлено чередование тонов, которое соответственно передает эмоциональный мотив оригинала. Однако надо сказать, что искреннее восхищение талантом Пушкина вызывает у китайских ценителей поэзии не только ее строгая классическая поэтическая форма, но и пережитое лирическим героем чувство – горечь, уныние, а также позитивный, оптимистичный настрой, который характерен и для китайской классической романтической поэзии. В приведенном переводе стихотворения Пушкина китайский читатель мог услышать созвучие с поэзией самого выдающегося представителя танской романтической поэзии Ли Бо, который, как и Пушкин, переживает человеческую жизнь в трех измерениях: прошлом, настоящем и будущем. Если с настоящим больше связаны горькие переживания, то с прошлым – прекрасные воспоминания, а на будущее возлагаются светлые надежды.

В переводах Чжа Лянчжэн сумел создать поэтическую картину мира с использованием китайской лексики, отсутствующей в оригинальном тексте, зато имеющей устойчивую коннотацию с образами картины мира, характерными для китайского восприятии. Например, в переводе стихотворения Пушкина «Война» переводчик использовал звукоподражания[34] для передачи звукового ощущения, которое в оригинале выражают глаголы «шумят» и «засвищет». Таким образом, переводчик удачно передает возбужденное ожидание перед началом битвы,

[34] «嗖嗖的响» и «呼啦啦» . – *Прим. автора.*

весьма знакомое для китайских читателей, у которых в своем литературном наследии немало военных баллад.

Мастерство Чжа Лянчжэна в переводе лирики Пушкина также характеризуется тонким подходом к синтаксису оригинала. Для примера приведем его перевод стихотворения «Ты и вы»:

她一句失言：以亲热的“你” (-i3)
代替了虚假客气的您 (-in2)，
使美妙的幻想立刻浮起 (-i3)，
再也耐不住这钟情的心 (-in1)。
我站在她面前，郁郁地 (-i0)，
怎么也不能把目光移开 (-ai1)：
我对她说：“您多么可爱 (-ai4)！”
心里却想：“我多么爱你 (-i3)！”

В этом переводе –уставном стихе Чжа Лянчжэну удалось не только воспроизвести метрическую организацию пушкинского стихотворения: в первом четверостишии применяется перекрестная рифма, во втором – кольцевая, но и отразить психологическое состояние влюбленного лирического героя с помощью синтаксической трансформации. Благодаря использованию непереходного, возвратного глагола «浮起 » (подниматься, всплыть) вместо буквального перевода русского переходного глагола «возбудить», переводчик гениально перевел одно простое предложение по синтаксической конструкции «И все счастливые мечты—В душе влюбленной возбудила» – на два китайских предложения, которые более образно описывают полное волнения и счастья душевное состояние героя. Кроме того, в пятой строке переводчик также умело переделал русское простое предложение с обстоятельством, выраженным наречием «задумчиво» перед глагольным сказуемым «стою» в китайское предложение с обособленным обстоятельством, выраженным наречием «郁郁地 », расположенным после целой синтаксической основы. Несмотря на смысловое различие между русским наречием «задумчиво» и его китайским вариантом перевода «郁郁地» (подавленно), в китайском переводе появился образ тайно влюбленного, пытавшегося не показывать свое чувство героя. Гениально написанная Пушкиным миниатюра превратилась в одинакова гениально переведенную китайскую миниатюру, нарисовавшую два противопоставленных образа – случайно нарушила этикет высшего света «она» и «я», два конфликтующего эпизода – строгий и вежливый этикет в высшем обществе и искреннее, полное мечтами чувство любви, две противопоставленные фразы – высказанная вслух «как вы милы» и затаившаяся в душе «как тебя люблю». Можно сказать, что в этом переводе Чжа Лянчжэн точно интерпретировал пушкинскую идею и задуманный им лирический мотив, который также актуальны и в китайской реальной жизни, и в литературном творчестве.

Литература
[1] *Ли Минбинь*. Ход развития пушкиноведения в Китае // Зарубежная литература. 1999. № 1. С. 91-94. (李明滨：《普希金学在中国的进展》// 国外文学，1999 年第 1 期（总第 73 期），第 91-94 页)
[2] *Ли Сун*. Академические архивы китайской эстетической истории. Издательство Уханьского университета. 2017 г. С. 59-86. (李松：《中国美学史学术档案》，武汉大学出版社，2017，第 59-86 页)

Опыт прочтения элегии Ду Му «Цинмин»

Кириллов А.В.
Руководитель ТАСС в Пекине, pekinec@hotmail.com

Стихотворение Ду Му (803-852) «Цинмин» (清明) является шедевром поэтического творчества периода Тан, оно входит в антологии классической китайской поэзии, изучается в школах. Ду Му творил в стилях “ши“ и “фу“ и был мастером изящных лексических конструкций с непременными смысловыми кодами, которые довольно легко «прочитывали» современники. Как представляется, и в этом случае автор наполнил свое произведение семантическими отсылками, которые и составляют основное содержание этого культурного памятника. Позволю себе привести его иероглифическое написание:

清明
清明时节雨纷纷
路上行人欲断魂
借问酒家何处有？
牧童遥指杏花村

Осмелюсь предложить свой перевод стихов, который филологи, скорее всего, сочтут неидеальным. И тем не менее:

«На праздник Цинмин сеет дождь вкривь и вкось
Странник в дороге смертельно устал
Где здесь ближайший кабак? – он пастушка вопросил
В Деревне цветущих абрикосов – мальчик кивком указал».

Содержание виршей, на первый взгляд, незамысловатое, это почти бытовая картинка, как ее, кстати, обычно и изображают на китайских иллюстрациях. Какой-то странник в весенний Праздник поминовения усопших попал под дождь. Он ищет место, чтобы обогреться и отдохнуть, и спрашивает встретившегося на пути, к счастью, пастушка, где тут поблизости постоялый двор. Мальчик, небрежно мотнув головой, указывает дорогу к Деревне цветущих абрикосов.

Однако это – одна из самых трогательных китайских элегий. Поэт отправился в горы на могилу безвременно ушедшего друга (или подруги),

заблудился под мелким апрельским дождиком, промок, продрог, выбился из сил… Откуда ни возьмись – мальчик с буйволом (что может быть философской аллюзией, намеком на Старого мальчика – Лао-цзы, удалившегося от мира, восседая на буйволе), который указывает путь к горному селению, где не только можно согреться чаркой подогретого вина, но и на абрикосовые деревья в цвету полюбоваться. Разве не такова наша жизнь, в которой печали прихотливо тасуются с неожиданными радостями!

В Китае до сих пор некоторые трактиры так и называют – «Деревня цветущих абрикосов». Но это, возможно, лишь первый, поверхностный смысловой слой. Можно и глубже копнуть. Мальчик, даром что скотину пасет, сердцем чистый и безгрешный ребенок. Он указывает дорогу в совершенный мир, где цветет абрикос и всем хорошо. Задолго до Ду Му эту тему поднимал другой поэт - Тао Юаньмин (365-427). У того был «Персиковый источник», а в страну счастливых можно было попасть через мистическую пещеру. Но и Тао Юаньмин, упоминая петухов, откликающихся на лай собак, отсылает нас совсем уж к истокам китайской мудрости – к Ли Цзи («Записки о благопристойности» или «Книга ритуалов») – одному из важнейших сочинений канонической литературы, приписываемому Конфуцию и его ближайшим ученикам, где воспевается 大同 (datong, датун) – идеальное общество Великого единения.

И все же, почему это произведение так печалит не только китайцев, но и нас, носителей другой языковой культуры, иных ритуалов, традиций? Возможно, ответ кроется в названии произведения – «Цинмин» – «Чистый свет», что в буддийском лексиконе обозначает прекращение бренного, земного существования, радость растворения в сиянии Будды. Герой произведения умирает, не случайно в тексте говорится, что он 欲断魂, дошел до предела желаний, взалкал прекращения мук… Вспомним, что в буддизме бытие – это 苦海 (kuhai, «море страданий»), освобождение из этого моря страданий воспринимается с облегчением. В момент ухода герой видит и чудесного мальчика, и прекрасную страну счастливых…

В русской лирике стихотворение Ду Му можно сравнить с известным произведением Михаила Лермонтова «Сон», написанным через тысячу лет, в котором также передано странствие духа в состоянии post mortem:

«В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя.
Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня – но спал я мертвым сном.
И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;
И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей».

Китайские традиции и их отражение в современной европейской моде

Мяо Чунь
ИСАА МГУ имени Ломоносова, старший преподаватель кафедры китайской филологии, miaochun16@gmail.com

Китайское традиционное изобразительное искусство является частью мирового искусства. Его уникальность привлекает внимание иностранцев как в истории, так и в современной жизни. Уже в XVII веке, с развитием морской торговли, китайский шелк, чай и фарфор были завезены в Европу и пользовались популярностью в западных аристократических обществах. Как отдаленная и загадочная страна, Китай вызывал большой интерес в европейском обществе. Традиционная архитектура, дизайн сада, мебель, стили одежды и т. д. привлекли внимание европейцев, так постепенно сформировалось новое направление «китайский стиль ***шинуазри***».

Шинуазри (中国风, от фр. *chinoiserie*) – «китайский стиль» – возник в XVII в. и стал популярным в XVIII в. Он относится к стилю, в котором европейцы использовали восточную культуру как источник вдохновения, используя мотивы и стилистические приёмы китайского средневекового искусства, но сам термин появился только в XIX веке. Западный художественный стиль – «китайский стиль Шинуазри» в то время был мягким, в стиле рококо, его также можно назвать результатом культурного смешения.

Самым известным представляющим стиль *шинуазри* зданием в Великобритании является башня в китайском стиле (пагода 宝塔) в Королевском ботаническом саду Кью-Гарденс в Лондоне, спроектированная и построенная архитектором Уильямом Чемберсом (1723−1796). Уильям Чемберс специализировался на китайской архитектуре и китайском садово-парковом искусстве. Он сумел объединить художественные характеристики западного и китайского ландшафтного искуссства, чтобы сформировать сад в китайском стиле.

Китайский стиль «Шинуазри» отражается в зданиях, садах, мебели, одежде, картинах и предметах декора. Он одновременно практичен и художественно уникален. Дизайн *шинуазри* основывается на изображениях китайцев, их вещей и символов, включая иероглифы, животных и растения,

пейзажи, посуду и т. д. Цветовое соответствие и форма композиции также частично опираются на характеристики восточного искусства, экзотического и привлекательного [1].

В современной жизни китайский стиль также нашел свое выражение я в мире моды. Основатель бренда YSL, дизайнер Ив Сен-Лоран (Yves Saint Laurent) является верным сторонником «китайского стиля Шинуазри». Он стал первым иностранным дизайнером, который провел показ мод в Китае после введения курса реформ и политики открытости Китая в начале 1980-х гг. Ив Сен-Лоран разработал серию одежды в китайском стиле и аксессуаров с китайскими элементами. Сен-Лоран, обладавший незаурядным вкусом, серьёзно увлекался коллекционированием китайских культурных реликвий. Фарфор и бронзовая посуда из Китая, а также обои и мебель в китайском стиле стали важным украшением его парижской квартиры.

Другим почитателем китайского искусства была Габриэль (Коко) Шанель (1883 -1971). Она однажды сказала: «С 18-ти лет я влюбилась в китайские ширмы, и когда я вошла в китайский антикварный магазин, я чуть не упала в обморок от радости. Я впервые увидела китайскую ширму и это был также первый раз, когда я собирала китайские ширмы» [2]. С тех пор началось и её увлечение коллекционированием китайских ширм. Ширмы часто появляются на связанных с ней фотографиях, превращаясь для Коко Шанель в источник вдохновения и становясь важной частью ее дизайнерской карьеры. В дальнейшем элементы китайских ширм неоднократно появлялись в разных ракурсах в дизайне бренда, например, Chanel Collection Oriental Screen Perfume. В 2018 г. бренд Chanel также выпустил весеннюю лимитированную серию глянцевых румян Oriental Screen.

С 7 мая по 16 августа 2015 г. в Музее искусств Метрополитен в Нью-Йорке проходила специальная весенняя выставка Отдела искусства костюма. Знаменитый режиссер Вонг Кар-вай （王家卫）выбрал тему «Китай: зеркало, вода и Луна （镜花水月» [3]. Он представил платья «синий и белый фарфор» с изображениями дракона, которые привлекли большое внимание. Китайцы уделяют большое внимание традиционным цветам и узорам. На цвет влияют пять природных элементов. Есть пять цветов: голубой, красный, черный, белый и желтый, которые называются основными цветами, в то время как остальные являются промежуточными цветами. Узоры и орнаменты привлекают благоприятность и отгоняют злых духов. Типичными изображениями являются: летающий дракон, и танцующий феникс, цветы четырех времен года, горные павильоны, сливовые орхидеи, бамбук и хризантемы и т. д. Эти узоры также часто появляются в качестве элементов на одежде в стиле вышивки. Современные дизайнеры усовершенствовали традиционные характеристики и отразили их в различных аспектах одежды, дизайна, интерьера.

С возрождением традиционной китайской культуры в последние годы стиль *ханьфу* (汉服 – традиционная одежда ханьцев), характерный для традиционной китайской культуры, стал любим все большим количеством людей. И что интересно, почитатели *ханьфу* становятся все моложе и моложе.

Став модным, *ханьфу* наследует сущность традиционной ханьской одежды, но в то же время он обновляется и развивается в соответствии с потребностями современной жизни общества. Новый *ханьфу* находится между традиционным стилем *ханьфу и* ханьской модой, сфера его применения шире, чем у традиционного стандарта *ханьфу*. Можно также утверждать, что современный модный стиль *ханьфу* находится между традиционным *ханьфу* и модой на элемент хань. Его можно использовать для общих церемониальных мероприятий, таких как традиционные фестивали, культурные мероприятия, праздничные дни, общественные собрания и т. д.

Женский наряд Ципао также является традиционной китайской одеждой. Этот вид одежды стал популярен со времен Китайской Республики. Некоторые эксперты считают, что *чонсам* (английский вариант названия ципао в кантонское произношении) произошел от одежды маньчжурских женщин во времена династии Цин. Позже оно стало модой в Китае и даже во всем мире. Важным моментом чонсам является то, что такое платье может выгодно подчеркнуть фигуру и темперамент китаянок. Будь то жена лидера или женщина-чиновник, они будут носить чонсам при посещении мероприятий, связанных с иностранными делами.

Классический Ципао характеризует косая застежка на груди слева направо и воротник-стойка. Платье может быть с короткими рукавами, с длинными рукавами или вовсе без рукавов, но оно всегда отражает традиционную элегантность. Прорези по бокам бёдер делятся на высокие и низкие, хотя раньше у чонсам не было боковых разрезов.

Китайский стиль (шинуазри) как уникальное искусство представляет собой сочетание восточной и западной культур, слияние традиции и современности, что привнесло новую жизненную силу в сферу мировой моды.

Литература

[1] 17 至 18 世纪中国风在欧洲的传播 (The spread of chinese style in Europe in the 17th and 18-th centuries) – URL: https://www.zqwdw.com/wenku/jiaoyujiaoxue/2020/0403/153754.html

[2] Как коромандельские ширмы стали частью Дома Chanel. – URL: https://artchive.ru/publications/3857.Kak_koromandel'skie_shirmy_stali_chast'ju_Doma_Chanel

[3] 纽约大都会博物馆服装部春季特展中国风 (New york metropolitan museum of fashion department spring special exhibition chinese style) – URL: https://news.artron.net/20150506/n738261_1.html

Символика на бытовых предметах: истоки, типология, содержание

Исаева Л.И.
Центр изучения культуры Китая Института Дальнего Востока РАН, старший научный сотрудник, miladina@rambler.ru

Тема «Символика на бытовых предметах» имеет непосредственное отношение к процессу познания современной китайской культуры и, прежде всего, уникальной древнейшей символики. Китай – удивительная страна, разительно отличающаяся от всех остальных своей культурой, философией и основными жизненными принципами. У большинства европейцев упоминание Китая вызывает в воображении целый ряд символов: Великая китайская стена, драконы, Инь и Ян, панды и бамбук, кунг-фу и каратэ, китайский шелк и чай. О некоторых из этих символов и пойдет речь.

В китайском языке «море» омофонов, т.е. одинаково или почти одинаково звучащих слов. В языке всего 400 слогов, поэтому один и тот же слог может иметь массу значений. Иностранцу пользоваться таким языком трудно, зато такое неисчислимое количество одинаково звучащих, но с разным значением слов таит в себе неисчерпаемые возможности для намеков, шуток, иносказаний, недоговорок, символических выражений и речений. Не будет преувеличением сказать, что сложная система знаков и символов, которые несут необычную для иностранца смысловую нагрузку, заложена в основе китайской культуры. Например, изображение лотосовой коробочки с семенами является пожеланием многочисленного мужского потомства, потому что в китайском языке словосочетание «семена лотоса» lián-zǐ (莲籽) является омофоном выражения «рождение подряд сыновей» lián-zǐ (连子). На картинках добавляют еще и ребенка, играющего на губном органчике shēng (笙), потому что он является омофоном слова «рождаться» (生).

Рисунок с бамбуком и веткой сливы означает «пусть у вас не прекращается мужское потомство», т.к. росток бамбука сунь является омофоном слова «внуки» (потомство); а слива дает плоды — ли-цзы, где цзы созвучно слову «сын». В то же время изображение бамбука с веткой сливы является символом мужа и жены с пожеланием им měi-shí měi-kè dōu zhù-yuàn cháng-shòu (每时每刻都祝愿长寿), т.е. «каждый час, каждую минуту желаем долголетия», поскольку и «каждый», и «слива» по-китайски звучат *мэй*, а слова «желаем» и «бамбук» звучат *чжу*. Но если изображены три растения — слива, бамбук и сосна, то значение такого послания иное — suì hán sān yǒu (岁寒三友) значит три верных друга», или «стойкая дружба, прошедшая все испытания», потому что все три растения не боятся холодов. Тему цветущей сливы и бамбука можно долго продолжать, потому что каждый из них таит в себе еще несколько интересных намеков.

Китаеведы знают, что богатейшая символика, культура благопожелательных знаков, которой более трех тысяч лет, играет важную роль в жизни китайцев и широко используется в искусстве. Знание символики, умение ее «расшифровывать» помогает понять содержание многих произведений

китайской культуры. Однако мало кто обращал внимание на то, что символика широко используется и на бытовых предметах, а между тем, это – поразительный факт, и данный аспект китайской культуры я бы назвала интереснейшим предметом для исследования. Символикой пронизана буквально вся жизнь китайцев; с глубокой древности и по сей день едва ли не каждый предмет, многие явления природы имеют символическое значение, не говоря уже о животных, цветах, камнях, цифрах. Так что совершенно необходимо понимать значение этих предметов в качестве символов и тем специалистам, которые занимаются изучением культуры Китая, и всем, кто интересуется этой культурой. По-настоящему понять всю прелесть такой символики смогут лишь люди, владеющие китайским языком, иероглификой.

В настоящее время существует определенный набор предметов, которые являются символом чего-то хорошего, о чем мечтают, к чему стремятся люди. Но еще в летописи периода «Весны и Осени» упоминаются благопожелательные фразы, такие как *вань-шоу у-цзян* – «безграничного долголетия» (это пожелание и ныне наносят на традиционные китайские чашки-бокалы с крышечкой), *нань-шань-чжи шоу* – «такого же долголетия, как у Южных гор». Из этих фраз видно, что в далекие времена уже существовали специальные пожелания долголетия, кроме того, уже тогда употребляли и благопожелательный орнамент.

В период Воюющих царств набор счастливой символики стал еще глубже и богаче, появилось много благопожелательных предметов, в названиях которых люди зашифровывали свои надежду на благополучное выживание в смутную эпоху, свою мечту о счастье. Так, например, во многих государствах Юга во время похоронных обрядов использовали ритуальные изображения или фигурки журавлей, оленей, тигров. Таким образом, из обычной жизни предметы-символы «переправлялись» в загробный мир: китайцы верили, что там они понадобятся человеку. Значение, которым наделяли эти предметы, оставалось неизменным: обещание счастья, долголетия, повышения по службе, многочисленного потомства и счастливого продолжения судьбы на том свете.

Символика непосредственно связана с китайской народной картиной *нянь-хуа* (年画), которую называют еще новогодним лубком. Открыл ее для россиян известный российский академик В.М. Алексеев, который в начале XX в. писал: «Для китайской народной картины прежде всего характерна любовь к символике, к всевозможным шарадам и ребусам. Самые слащавые и утилитарные благопожелания облекаются на народной картине в сложнейшую символическую оболочку, способную поразить богатством народной фантазии» [1: 3].

Культ благопожеланий в Китае уходит далеко в глубь истории и представляет собой уникальное явление в традиционном изобразительном искусстве этой страны, являясь примером образного восприятия мира. Систему символических благопожеланий можно рассматривать как энциклопедию, которая знакомит нас с одним из важнейших аспектов духовной жизни китайцев с древности и до наших дней. Неудивительно, что символические знаки и рисунки, традиционные китайские благопожелательные символы встречаются и

в вышивке, и в живописи, и на ремесленных изделиях, и в архитектуре, и в одежде. Например, на шкафах или тумбочках, непременно, присутствует летучая мышь. Правда, она не сразу бросается в глаза, так как ее изображают стилизованно, контурно, висящей вниз головой. В Европе летучих мышей не любят и побаиваются; их и к вампирам причисляют, и суеверия многие с ними связаны, а в Китае – это наилучший символ удачи и счастья, поскольку иероглиф «летучая мышь» fú (蝠) является омофоном слова «счастье» (福). Летучих мышей нередко изображают впятером, и тогда это является намеком на пять видов счастья, которые дарует Небо своим любимцам: долголетие; знатность и богатство; крепкое здоровье; добрый нрав; естественная кончина в старости.

В течение тысячелетий китайцы передают из поколения в поколение свою уникальную символику, в которой проявляются этнические особенности психологии китайцев, их ценностные воззрения, эстетическое сознание, обычаи и нравы, а также религиозные верования. Бытовые предметы, декорированные рисунками-намеками – это целый мир, неповторимый и богатый, это бесценное историческое и культурное наследие. Неслучайно китайская традиционная символика включена в реестр нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

Литература

[1] Алексеев В.М. Китайская народная картина: Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. – М.: Наука, 1966. – 260 с.

О влиянии западноевропейской живописи на жанр хвахвеёнмохва в корейском искусстве XVIII в.

Вострикова Е.А.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, переводчик международного центра корееведения, соискатель МГХПА имени С.Г. Строганова,

dolihotella@hotmail.com

Корейская традиционная живопись всегда развивалась под доминирующим влиянием китайского классического искусства. Вопрос же о влиянии западноевропейской художественной культуры на корейскую живопись не такой очевидный. После Имджинской войны (1592–1598) и Маньчжурских нашествий (1627, 1636–1637) Корея в своей внешней политике перешла к полной изоляции и закрытости от окружающего мира, приобретя репутацию «страны отшельницы». Всякая торговля с представителями западных стран была запрещена. По сути, международные связи в поздний период Чосон ограничивались только цинским Китаем и Японией. Политика жесткой изоляции ограничила и замедлила внешние западное влияние на культуру и живопись Кореи. Однако имело место опосредованное влияние, проникавшее через Китай и Японию.

Главными носителями новых знаний о теоретических и практических аспектах живописи становились корейские интеллектуалы, принимавшие участие в дипломатических миссиях. Иногда они сами увлекались живописью, часто их сопровождали профессиональные художники. Также они привозили иллюстрированную христианскую литературу, переведенную на китайский язык, с реалистичным изображением человеческих фигур, светотенью и линейной перспективой. Поражали ученых мужей Чосона католические церкви Пекина. Есть сведения, что корейские эмиссары в XVIII в. привозили из Пекина образцы европейской живописи, заказывали портреты у европейских мастеров [4: 18].

Новые живописные приемы и техники начали использоваться в пейзаже *сансухва* и портретной живописи *чхосанхва*. Также XVIII столетие характеризуется небывалой ранее натуралистичностью изображений в жанре *хвахвеёнмохва* (화훼영모화 花卉翎毛畫), который включал в себя самый широкий круг тем, связанный с образами растений, животных, птиц, насекомых и водных обитателей. Корейские художники начинают активно писать с натуры. Данную тенденцию в определенной степени можно связать с влиянием натурализма, свойственного западноевропейской художественной традиции.

Одним из первых корейских художников, сосредоточившихся на натуралистичности в передаче объектов живой природы, стал художник-интеллектуал Чо Ёнсок (조영석, 1686–1761). Он практиковал натурные зарисовки людей, животных, домашних и диких птиц. Произведение «Сороки на сосне» из частной коллекции демонстрирует, что художник изменил традиционную иконографию, главной же его задачей стало создание реалистичного образа птиц.

Показательным примером может служить творчество потомственного профессионального художника Ким Дуряна (김두량, 1696–1763). Его картина «Чешущаяся черная собака» из Национального музея Кореи является образцом реалистической живописи. Обращает на себя внимание удачный переход от жесткой блестящей черной шерсти на спине к светлому подшерстку. Игра света и тени на морде и хвосте собаки демонстрирует увлечение художника западноевропейскими живописными техниками [3: 242].

Самым известным мастером жанра *хвахвеёнмохва* XVIII в. считается придворный художник Пён Санбёк (변상벽, 1730? – 1775?). Программным произведением мастера является свиток «Кошки и воробьи» из Национального музея Кореи. Характерная для работ Пён Санбёка тщательность в передаче пластики тел кошек, сложные смелые развороты и положения фигурок животных в пространстве редко встречаются в корейской традиционной живописи. Еще две работы Пён Санбёка «Петух и курицы охраняют цыплят» из Художественного музея Кансон и «Курица с цыплятами» из Национального музея Кореи характеризуются нетипичной натуралистичностью исполнения. Картинам присуща новаторская композиция: птицы представлены в смелых ракурсах, подчеркивающих пространственную глубину. Такие приемы явно были заимствованы из арсенала западноевропейского искусства. Подобная натуралистичность обнаруживается в

альбомном листе художника «Бамбук и пара воробьев на дереве» из Художественного музея Кансон. Особое внимание мастер уделяет созданию объема тел птиц, которого он достигает сложными цветовыми переходами. Естественность поз птиц, объемность изображения и стремящийся к минимуму контур сближают эту работу с живописным альбомом Джузеппе Кастильоне (1688–1766) «Бессмертное цветение бесконечной весны» из Национального музея Гугун в Тайбэе [1: 66].

Иным, но тоже новаторским подходом к живописи в жанре *хвахвеёнмохва* отличался придворный художник позднего периода Чосон Ким Хондо (김홍도, 1745–1806 гг.). В альбомном листе «Цветок лотоса и стрекозы» из Художественного музея Кансон Ким Хондо работает в традиционной технике «тщательной кисти». Однако то, как мастер моделирует форму роскошного цветка, сосредоточившись на реалистичности его образа и создании глубины пространства, то, как он работает со светом и тенью, создавая окантовку засохшего листа, указывает на использование новых художественных подходов в его творчестве [2: 115]. Свиток «Свирепый тигр под сосной» из Музея Лиум, который стал одним из главных символов корейской классической живописи всего периода Чосон, также демонстрирует стремление Ким Хондо к реалистичности и правдоподобию. Каждый волосок на шкуре, живое движение изогнутой спины, глаза тигра переданы автором максимально натуралистично. Художник смог превзойти всех других корейских мастеров в стремлении к естественности образа.

Примером успешного использования западноевропейских технических приемов может также служить свиток неизвестного автора «Свирепый пес» из Национального музея Кореи. Пространство, которое занимает собака, не кажется слишком глубоким, но светотеневая моделировка громоздкого тела животного выполнена умело. Неизвестный художник использует новые экспрессивные возможности искусства, он тщательно выписывает шерсть, применяя разные оттенки туши и легкий цвет, что создает ощущение объема и реалистичности в свитке.

Подводя итоги, важно подчеркнуть, что заимствования в жанре *хвахвеёнмохва* были неинтенсивными, они практически не повлияли на общий строй исполнения живописных произведений. Канон не нарушался и оставался незыблемым. Однако осмысление, переработка и интерпретация, безусловно, присутствовали. Адаптация новшеств западноевропейского искусства продемонстрировала, что корейское живописное поле естественным образом впитывало именно то, что легко ложилось на имевшуюся основу, придавая новое звучание корейским картинам.

Литература

[1] *Дубровская, Д.В.* Лан Шинин, или Джузеппе Кастильоне при дворе Сына Неба. – М.: Институт востоковедения РАН, 2018. – 140 с.

[2] **澗松文華**. 화훼영모 – 자연을 품다. – 서울: 간송미술문화재단, 2015. – 221 쪽. (Кансон мунхва. Цветы, птицы и животные – отражение природы. Альбом к выставке. Сеул: Кансон мисуль мунхва чэдан, 2015. – 221 с.).
[3] *장지성*. 한국의 화훼영모화. – 서울: 안크라픽스, 2020. – 419 쪽. (*Чан Джисон*. Корейская живопись цветов, птиц и животных. – Сеул: Анкхырапхиксы, 2020. – 419 с.).
[4] *Yi Sŏng-Mi*. Searching for Modernity: Western Influence and True-View Landscape in Korean Painting of the Late Chosŏn Period. Seattle: Spencer Museum of Art, University of Washington Press, 2015. – 222 p.

Языкознание

Основные черты фонетической теории в арабской лингвистической традиции

Аганина Г.Р.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры арабской филологии
lavrovy10@gmail.com

С самого начала письменной истории арабской классической филологии и языкознания, в частности, связанного с именем Ал-Халила ибн Ахмада (ок.791), мы имеем свидетельства сформировавшегося подхода к описанию звуковой стороны арабского языка. Прежде всего, это касается фонетической классификации консонантизма с точки зрения места образования, демонстрирующей высокую степень точности артикуляционных характеристик с учетом поведения активного и пассивного органов речевого аппарата. Особо важно отметить, что, вопреки широко распространенному мнению, уже на этом этапе выделятся класс гласных фонем с уточнением их характеристик с точки зрения раствора, лабиализации и палатализации.

Уровень фонетического анализа у Ал-Халила свидетельствует, что письменному этапу развития фонетического учения предшествовал длительный устный период зарождения и становления, истоки которого уходят в раннеисламский период. Интерес к звучащему языку мог быть обусловлен двумя вехами в истории появления письменного Корана: 1 – появление Османова кодекса в середине VII в., представляющего собой так называемый «консонантный Коран» с нерегулярным использованием *матрес лекционис* для письменного отражения долготы гласного, когда арабское письмо, базировавшееся на набатейском варианте арамейского, насчитывающем 22 графемы, было приспособлено к системе арабского консонантизма с его 28 согласными фонемами; 2 – проведение реформы письма в начале VIII в., когда в официальный письменный текст Корана были внесены диакритические знаки, отражающие краткие гласные; на регулярной основе также в виде диакритики стали использоваться *матрес лекционис* для указания увеличения длительности звучания кратких гласных; в диакритике получили отражение консонанты, изображаемые графемами с одинаковым базовым начертанием, и геминированные согласные; отражалась различная фонетическая, а также позиционная реализация фонем, связанная с паузальной ситуацией.

Таким образом, письменная разметка Корана демонстрировала детальное и системное осмысление фонологической, фонетической и просодической структуры АЯ, полностью отражая арабский консонантизм, качественный и количественный репертуар вокализма арабского языка, включая аллофоны, и особенности модификации исходной просодической структуры слова в процессе речи.

Совершенствование письменного Корана было подчинено задаче его сохранения как текста и орфоэпии коранической рецитации как органической составляющей его существования, что было крайне актуально в условиях большого разнообразия арабских племенных диалектов и говоров на территории Аравии и распространения арабского языка на завоеванных территориях. Особенности языковой ситуации в раннеисламский период явились объективным основанием возникновения вариантных чтений Корана, затрагивающих, прежде всего, область орфоэпии.

Основатели арабской грамматической традиции Ал-Халил ибн Ахмад и Сибавайхи знаменуют собой начальный этап формирования произносительной нормы АЯ, как с точки зрения внутреннего нормирования, так и внешней кодификации. Он характеризуется привлечением обширного языкового материала, который отражает произносительные особенности различных племенных диалектов и говоров.

Сложившееся в мусульманской традиции отношение к вариативности применительно к чтению Корана как неотъемлемому свойству откровения нашло отражение в подходе к понятию нормативности в языке в целом и применительно к орфоэпии, в частности. В качестве языкового материала привлекались различные племенные аравийские диалекты, отобранные как образцовые с точки зрения речевой компетенции, отличительные особенности которых отражались и вариантных чтениях Корана. Существенным фактором при этом служили частотность употребления, связанная с числом носителей, и престиж племени в исламском контексте, что вовсе не означало их однозначного совпадения.

В результате такого подхода с начала кодификации АЛЯ в теории отсутствовало противопоставление «правильный-неправильный», т.е. нормирование языка не носило прескриптивного характера. В русле общей традиционной научной методологии выделялась основа (*aṣl*) и дополняющие ее разнообразные проявления (*furū ʿ*).

Так, по признаку места артикуляции выделялись основные фонемы и их аллофоны, которые в свою очередь подразделялись по признаку оценочного их восприятия в языковом сообществе, о чем свидетельствуют отражающие их термины: «считающиеся хорошими (*mustaḥsana*) и «считающиеся плохими» (*ghayr mustaḥsana* или *mustaqbaḥa*). Этот же подход отражают и используемые в отношении к различного рода вариантам такие парные лексемы, как: любить (*aḥabba*) – ненавидеть (*kariha*), хороший (*ḥasan*) – уродливый (*qabīḥ*), легкий (*khafīf*) – тяжелый (*thaqīl*). При этом различия, характеризуемые термином *shādhh*, часто переводимым как «ненормативный» или «неправильный», указывал на сам факт различия, на малую степень частотности или регулярности употребления.

Резюмируя сказанное, можно констатировать, что на начальном этапе развития арабской лингвистической традиции в рамках представления о нормативности сложился большой диапазон различных произносительных вариантов.

К X в. по мере внутреннего нормирования арабского языка процесс сознательного нормирования арабскими филологами демонстрирует сужение, но не исчезновение, вариативности в области звучания. Об этом же свидетельствует и формирование к этому времени канона коранических чтений, включающего семь чтений с двумя версиями. Этот процесс можно рассматривать, как проявление тенденции к унификации нормы, с одной стороны, и развитие научного метода описания звуковой стороны арабского языка, с другой. В сочинении Ибн Джинни (941-1002) разного рода явления находят свое место в структуре языка в рамках противопоставления понятий «системный и частотный в речи» (*muṭṭariḍ*) – «несистемный и окказиональный» (*shādhh*).

Диалектизмы в японской художественной литературе

Быкова С.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой японской филологии, st2901@yandex.ru

В произведениях современной художественной литературы Японии немало таких, персонажи которых говорят на диалекте. Это прежде всего служит весомым доказательством изменения отношения к территориальным диалектам в современной Японии. Если до конца 70-х гг. прошлого столетия диалекты оценивались как язык низкого статуса в сравнении с общим языком *кё:цу:го*, основой которого являются нормы стандартного языка, а сами носители диалектов подвергались насмешкам и остракизмам, в настоящее время явно произошла переоценка значимости территориальных разновидностей японского языка. На диалектах говорят герои косплей, манги, аниме, диалектальные формы активно используются в рекламе, частной переписке, реплики на том или ином диалекте звучат в телевизионных шоу и постановках. Особое место диалекты занимают в современной японской литературе. При этом следует обратить внимание на то, что Япония является страной, где стандартный (литературный) язык на протяжении всего периода существования японского государства в отличие от многих других стран не формировался на основе какого-либо одного диалекта, как правило столичного. В случае Японии особое значение в формировании и функционирования стандартного языка приобретал экстралингвистический фактор, а именно то, какой город являлся столицей страны в ту или иную историческую эпоху. Поскольку с древних времён существовало и продолжает существовать разделение территориальных диалектов в крайне общем виде на восточную и западную ветви, а столица страны в различные периоды располагалась то на востоке государства, то на западе, язык соответствующего региона выполнял функции стандартного языка. В настоящее время такие функции, как известно, выполняет язык Токио, а в эпоху Хэйан стандартным был язык Киото.

Диалектальные формы в японской художественной литературе употребляются с давних времён. Пожалуй, наиболее ярким примером может служить знаменитая антология «Манъёсю», 14-я и 20-я книга которой целиком написаны на восточном диалекте. Это известные «Адзума-ута» («Восточные песни») и «Сакамори но ута» («Песни пограничников»). Но само по себе использование диалектальных форм в те далёкие времена никоим образом не было связано с авторским замыслом. В современной же японской литературе употребление диалектальных форм прежде всего в речи персонажей подразумевает воссоздание обстановки действия, ощущение реальности происходящего, соответствия имиджа персонажа задумке писателя при чтении произведения читателем. Иными словами, употребление отдельных диалектальных форм и даже довольно развёрнутых диалогов на диалекте используется авторами как художественный приём, средство художественной выразительности. Существуют исследования, говорящие о том, что наибольшей частотностью употребления в художественной литературе помимо вполне естественного использования различных форм современного общего языка, в т.ч. его токийской формы, отличается Кансайский диалект, распространённый в западной Японии, прежде всего язык Киото и Осаки. Высокая частотность использования кансайских диалектальных форм, как представляется, объясняется двумя факторами: во-первых, многие из выдающихся литераторов Японии являются уроженцами Киото или Осаки, владеют (или, точнее говоря, владели, так как ушли в мир иной) языком своей малой родины и высоко его оценивают, во-вторых, в целом японское общество всегда относилось с уважением к языку Киото, города, не просто бывшего когда-то столицей Японии, но являющегося олицетворением расцвета национальной культуры в эпоху Хэйан. Обратимся к творчеству ряда выдающихся японских писателей и назовём несколько имён. Нобелевский лауреат в области литературы Кавабата Ясунари, Танидзаки Дзюнъитиро, Оока Сёхэй, Ода Сакуноскэ – все они, воплощая художественный замысел, использовали в своих произведениях диалектальные формы. При этом Кавабата Ясунари и Ода Сакуноскэ родились и выросли в Осаке, Оока Сёхэй – в Киото, а Танидзаки Дзюнъитиро, коренной токиец, со временем переехал в Осаку, где и овладел знаниями осакского диалекта. Одно из наиболее известных произведений Кавабаты Ясунари – роман «Старая столица» («Кото»). Все диалоги в этом произведении написаны на диалекте Киото, что позволяет создать у читателя ощущение реальности происходящего, погружения в мир действующих персонажей. Приведём лишь один пример подобного диалога [1, 31].

- Хитокути, иссёни до: я? «Может, немного перекусим вместе?» (употреблена связка *я* вместо стандартной *да*)

- Хай, оокини «Да, спасибо» (*оокини* - кансайский эквивалент *аригато:* «спасибо»)

- Дзими я на:. Тиэко ва васи но ситаэ но н баккари я на. Китэ курэру но ва, Тиэко дакэ ка мо сирэхэн. Уримоно ни наран но на… «Скромно… У Тиэко всё только моего дизайна. Наверное, только Тиэко и носит такое. Это не продашь…»

(*сирэхэн* – кансайский эквивалент отрицательной формы *сиранай* глагола *сиру* с характерным для Кансая формантом *хэ* перед окончанием *н*)

- Суки дэ ки-сасэтэ моротэру но я сакаи ни, ёросиосу «Ну и хорошо, коли надевает с удовольствием» (*моротэру= мораттэ иру* – служебный глагол *морау* выражения социально-личностных отношений в диалектальной форме длительного вида, *сакаи* – союз выражения причинно-следственной связи, эквивалент союза *кара* стандартного *языка, ёросиосу* – кансайский эквивалент формы *ёросий дэс* «хорошо, можно»)

- Фуун, дзими я на: …«М-да, скромновато…»

- Дзими ва дзими досу кэдо «Скромно-то скромно…» (*досу* –эквивалет связки *дэс*)

- Вакай мусумэ-сан но дзими на но ва, вару: най «Это неплохо, если молодая девушка одевается скромно» (*вару: най* – эквивалент отрицательной формы *варуку най* прилагательного *варуй* «плохой», где наблюдается характерная для Кансая ассимиляция с удлинением гласного звука *у* и выпадением согласного звука *к*)

Ещё одним произведением, которое ярко иллюстрирует использование диалектизмов как средства художественной выразительности, несомненно, является «Мелкий снег» («Сасамэюки») Танидзаки Дзюнъитиро, действующие лица которого говорят на осакском диалекте [2].

Литература

[1] Кавабата Ясунари. Кото (Старая столица). Токио, «Синтё:ся», 1968.
[2] Танидзаки Дзюнъитиро. Сасамэюки (Мелкий снег), том 1. Токио, «Синтёся», 1955.

Влияние неправильной артикуляции придыхательных инициалей на речевую коммуникацию в современном китайском языке. Экспериментальное исследование

Вихрова А.Ю.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующая Лабораторией экспериментальной фонетики

Основной фонетической единицей китайского языка является слог, который состоит из согласной части – инициали (声母 shēngmú) – в начале слога и гласной части – финали (韵母 yùnmū) – в конце слога. Для записи звуков китайского языка используется фонетический алфавит пиньинь (拼音 pǐnyīn) на базе латинского алфавита. Инициалы может быть выражена только одним согласным звуком.

При рассмотрении инициалей необходимо обратиться к понятию придыхательности (送气辅音 sòngqìfǔyīn). В китайском языке звонкие согласные

отсутствуют: согласные противопоставлены по придыхательности / непридыхательности. В латинской транскрипции они обозначаются так, как в других языках обозначаются глухие и звонкие согласные – придыхательные обозначаются t, k, p, непридыхательные обозначаются d, g, b.

Объектом исследования стали пары инициалей b – p, d – t, g – k. В Лаборатории экспериментальной фонетики ИСАА МГУ были записаны произнесения придыхательных и непридыхательных звуков, после чего они были обработаны в программе для анализа и обработки речи Praat. При произнесении придыхательных звуков связки начинают колебаться через значительный промежуток времени после начала размыкания смычки взрывного согласного. Это хорошо заметно на осциллограммах. Также при произнесении придыхательного звука увеличивается время произнесения (почти в 2 раза).

Для проведения эксперимента были подобраны пары односложных слов, произносимых с одинаковыми тонами и принадлежащие одной части речи:

1. tù “заяц” – dù “живот"
2. kǎn “рубить” – gǎn “чувствовать”
3. tí “поднимать” – dí “соответствовать”
4. pá “карабкаться” – bá “вытаскивать"
5. pàng “толстый” – bàng “крутой”
6. kǔ “горький” – gǔ “древний”
7. pǐ “хулиганить” – bǐ “сравнивать”
8. pài “назначить задание” – bài “поклоняться”
9. kāi “открывать” – gāi “быть должным”
10. tòng “болеть” – dòng “двигаться”
11. kuài “кусок" – guài “монстр”

Носителю китайского языка было предложено наговорить эти слова, но не добавлять придыхание. Эта задача оказалась крайне сложной, поскольку для китайцев придыхание является основной характеристикой произнесения этих согласных звуков. Поэтому было принято решение попросить русскоговорящего диктора (владеющего путунхуа) произнести и записать слова. После завершения этого этапа мы получили искусственные слова, которые были предложены к прослушиванию носителям китайского языка (в эксперименте приняли участие 5 человек – 4 мужчин и 1 женщина). Условно будем их называть ИМ1, ИМ2, ИМ3, ИМ4, ИЖ. Перед ними была поставлена задача прослушать слова (искусственные без придыхания и естественные непридыхательные), записать с помощью пиньинь то, что они слышат, дать определение услышанному слову.

Слово **dù “живот”** было правильно опознано всеми испытуемыми. Слово **gǎn “чувствовать”** было правильно опознано ИМ1, ИМ2 и ИЖ. ИМ3 посчитал, что перед ним слово, означающее “быть смелым”, ИМ4 сказал, что он слышит существительное “стебель”. Слово **dí “соответствовать”** было правильно опознано ИМ1, ИМ2, ИМ4 и ИЖ. ИМ3 определил это слово как глагол со значением “просвещать”. Слово **bá “вытаскивать”** было правильно опознано всеми испытуемыми. Слово **bàng “крутой”** было верно опознано только ИЖ, остальные испытуемые восприняли это слово как существительное со значением

“палка”. Слово **gǔ “древний”** было правильно опознано всеми испытуемыми. Слова **bǐ “сравнивать”, gāi “быть должным”, dòng “двигаться”, guài “монстр”** и **слово bài “поклоняться”** так же были верно идентифицированы.

Слово **tù “заяц”** всеми испытуемыми было воспринято как слово **dù “живот”**. Слово **kǎn “рубить”** всеми было воспринято как глагол **gǎn “быть смелым, осмеливаться”**. Слово **tí “поднимать”** было верно идентифицировано только ИМ2, остальные идентифицировали его как глагол **dí “соответствовать”**. Слово **pá “карабкаться”** было правильно идентифицировано ИМ1, ИМ3 и ИЖ, остальные определили это слово как глагол **bá “вытаскивать”**. Слово **pàng “толстый”** всеми испытуемыми было идентифицировано как слово **bàng “крутой”**. Слово **kǔ “горький”** было верно идентифицировано ИМ2 и ИМ3. ИМ1, ИМ4 и ИЖ сказали, что это прилагательное **gǔ “древний”**. Слово **pǐ “хулиганить”** всеми испытуемыми было воспринято как слово **bǐ “сравнивать”**. Слово **pài “назначить задание”** всеми испытуемыми было идентифицировано как слово **bài “поклоняться”**. Слово **kāi “открывать”** всеми испытуемыми было идентифицировано как слово **gāi “быть должным”**. Слово **tòng “болеть”** было воспринято как слово **dòng “двигаться”** всеми испытуемыми. Слово **kuài “кусок"** всеми испытуемыми было идентифицировано как слово **guài “монстр”**.

На следующем этапе эксперимента было решено поставить “искусственные” слова с непридыхательными инициалями в предложение – добавить контекста. Таким образом, испытуемые могли бы опираться не только на значение односложного слова, но и на его лексическое окружение. Были составлены следующие предложения:

1. Huī **tù** pǎo de kuài. “Серый заяц быстро бегает”
2. Wǒ jīntiān **kǎn** le dàshù. “Я сегодня срубил дерево"
3. Gēge **tí** xiǎo lánzi. “Старший брат поднял маленькую корзинку”
4. Xiǎo bǎobao **pá**. “Малыш ползает”
5. Zhè ge rén zhēn **pàng**! “Этот человек такой толстый!”
6. Hóngsè de píngguǒ hěn **kǔ**. “Красное яблоко горькое”
7. Xiǎo háir chángchang **pí**. “Маленький ребенок частенько хулиганит”
8. Jīnglǐ **pài** le gōngzuò. “Директор поручил выполнить работу”
9. Tā **kāi** le mén. “Он открыл дверь”
10. Wǒ jiǎo **tòng**, yào qù kàn yīshēng. “Моя нога болит, нужно сходить к доктору”
11. Zhè ge **kuài** tài dà, chī bú wán. “Этот кусок слишком большой, не смогу доесть”

Из проведенного эксперимента можно сделать вывод, что признак “придыхательность” является крайне важным, смыслоразличительным в китайском языке. Неправильное использование этого призвука не только говорит о не полном освоении фонетики китайского языка, но и крайне затрудняет общение с носителями китайского языка.

Акустические параметры ударного слога в арабской речи (на материале сирийского диалекта)

Герасимова А.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант, arina.one.flow@gmail.com

Арабская грамматическая традиция широко известна в общем языкознании. Однако в традиционных средневековых работах вопрос об ударении не рассматривался. И только в прошлом веке появляются монографии-учебники по грамматике, где ударению посвящаются целые главы. Одна из первых фундаментальных работ современной арабской фонетической школы датируется серединой прошлого века. Она связана с именем египетского профессора Ибрагима Аниса. В своей работе «Al-Aʃwāt al-luγawiyya» (Звуки языка, 1958) автор посвящает ударению одну из глав пятого раздела «Супрасегментная фонема» (Al-fūnim fawqa at-tarkib) наряду с фонологической длительностью, слогом, и интонацией. Термин *ударение* имеет арабский аналог «an-nabr» (также употребляется в смысле *акцент*).

О феномене ударения в своих трудах писали различные арабские исследователи: Мухаммад ан-Нури (2019), Тамам Хассан (1990), Ахмад Мухтар 'Умар (1991). Примечательно, что в главах об ударениях авторы часто ссылаются на работы западных лингвистов, таких как Хенри Свит (1892), Питер Ладефогед (1971), Дэниел Джонс (1950), что говорит о принятии подходов общего языкознания к анализу ударения и о поддержке современных исследований в лингвистической науке.

В данной работе ставится задача на материале сирийского диалекта описать просодические характеристики арабского слова: ударение, фонологическую долготу и изменения гласных в ауслауте; а также найти статистические связи просодических факторов с акустическими характеристиками: длительностью (Length, измеряемая в мс), частотой основного тона (F_0, измеряемая в Гц, и соответствующий параметр F_{0area} – интегральный параметр, представляющий площадь фигуры, ограниченной кривой F_0, т.е. полученный по данным F_0 с учётом длительности; измеряется в Гц×с.), интенсивностью слогоносителей (I_{mean} – средняя интенсивность, измеряемая в децибелах (Дб) и соответствующий параметр I_{area} – интегральный параметр, представляющий площадь фигуры, ограниченной кривой интенсивности (I_{mean}), т.е. полученный по данным I_{mean} с учётом длительности; измеряется в Дб×с; этот параметр называется также энергетическим коррелятом), а также интегральный параметр Volume, полученный по данным длительности (Length), интенсивности (I_{mean}) и частоты основного тона (F_0) на основе глоттограммы, измеряемый в Гц×Дб×с; представляет объём фигуры, похожей на параллелепипед, ограниченной нулевой линией, кривой интенсивности и кривой F_0).

В качестве более частной задачи рассматривалось взаимодействие ударения и позиции слогоносителя в абсолютном исходе слова. Для проведения

эксперимента было привлечено трое мужчин и одна женщина-носителей сирийского диалекта арабского языка. В качестве корпуса для эксперимента была проведена запись чтения рассказа Madr**a**satī-l-‘**ū**la «Моя первая школа» за авторством Джирджи Зейдана. Всего было проанализировано 1893 реализации. Для такого рода исследований впервые был использован глоттограф, с помощью которого достигалась большая точность определения частоты колебания голосовых связок. Количественные показатели были получены с помощью анализирующей программы Praat. Результаты измерений были обработаны статистическим пакетом SPSS по многомерной общей линейной модели.

Корреляты арабского ударения в речи информантов проявлялись несколько различным образом: в речи двух информантов ударный слог маркировался длительностью и интенсивностью, в то время как третий ещё использовал и тон (F_0) (p=0,035). В целом, на основании анализа речи четырёх сирийских информантов можно считать, что в формировании просодии арабского слова основную роль играют два фактора: долгота и интенсивность слогоносителей с преимущественным влиянием долготного (квантитативного фактора). Роль тона (F_0) в просодии слова оказалась незначимой, она проявляется на более высоком уровне – во фразовой интонации. Ударение в сирийском диалекте арабского языка является квантитативно-динамическимени Большую роль в выделении ударного слога играет энергетический коррелят – I_{area}, p=0,024. В ударном слоге длительность слогоносителя *сокращалась* в среднем на 5,07% (p <0,001), а интенсивность *возрастала* на 0,245% (p=0,003). В открытом финальном слоге отмечено *снижение* интенсивности на 2,32 % (p=0,003) и *увеличение* длительности на 36,2% (p <0,001). В финальной позиции слогоноситель претерпевает изменения по длительности p<0,001; по F_{0area} p= 0,005; по интенсивности I_{mean} p= 0,035; по энергетическому корреляту I_{area} p<0,001; Volume p=0,003. Планируется продолжение исследования с привлечением новых информантов.

Литература

[1] Jones D. *The Phoneme: Its Nature and Use*. Cambridge University Press, 1950

Ladefoged P. *Preliminaries to linguistic phonetics*. University of Chicago Press, 1971

[2] Sweet H. *A Primer of Phonetics*. Clarendon Press, Oxford, 1892

[3] Ahmad Mukhtar Omar. *Dirāsat ’aṣ-ṣawt ’al-luġawiyya*. Alam Al-Kutub – Masr, Cairo: 1991

[4] Ibrahim Anis *’Al-’Aṣwāt ’al-luġawiyya*. Maktabat Nahḍat Masr wa-maṭba’atuha bi-Masr, Cairo: 1958

[5] Muhammad Jawwād an-Nūri. *Min ’al-lisaniyāt ’al-luġati ’al’arabiyati (’ilm al’aṣwāt)*. Dar al kotob al ilmiyah, Beirut, Lebanon, 2019

[6] Tamam Hassan. *Manāhiğ al-baḥṯ fi-l-luġa*. Cairo, Maktabat al-Anglo al-Masriyya, 1990.

Структура именной группы в диалектах Ларестана (на примере фишвари)

Громова А.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры иранской филологии, agromova@yandex.ru

Корреляции между параметрами, предложенные в классической работе М. Драйера [3], были использованы для анализа доминирующего порядка составляющих в отдельных иранских языках и в персидском языке [1; 2]. Последний обладает гибридным набором черт (http://wals.info/languoid/lect/wals_code_prs), характерных для языков SOV и SVO. Так, глагол в немаркированной (нейтральной) клаузе занимает финальное положение, однако генитивное определение стоит в постпозиции относительно определяемого имени; преобладают предлоги, единственный послелог используется для дифференцированного маркирования объекта. Противоречие, заложенное в векторе распространения вправо таких фразовых категорий, как именные и предложные группы (с вершинами в начале), и финальной позицией глагола в предложении, диктующей ветвление влево, усиливает тенденцию к срединному положению глагола, например, в стандартном разговорном персидском [5: 535]. С учетом функционального регистра и диахронической линии развития делается вывод, что в отношении базового порядка слов персидский находится сейчас в переходной фазе от SOV к SVO [2; 1: 128].

Сфера использования диалектов, распространенных в Иране, зачастую ограничена лишь бытовым общением, большинство из них подвергается воздействию персидского языка как суперстрата, что приводит, например, к тому, что персидские предлоги вытесняют исконные предлоги в мазандарани и гиляки. Из предложенных Драйером параметров были взяты 19, пять параметров были исключены как несуществующие в иранских языках, взамен были предложены другие пять. На основе анализа северо-западных (гиляки, мазандарани, курдский, ховрами, вафси) и юго-западных языковых разновидностей (лурский, лаки, раджи, делвари, ларестани) М. Дабир-Мокаддам выделил [1: 124-127] параметры, типичные для всех представленных на территории Ирана идиомов (1), и варьирующиеся (2), из которых 4 соответствуют типу OV, 9 – VO, 7 коррелируют и с правым, и левым ветвлением, корреляции для 4 нельзя установить с полной определенностью [2: 55-65].

относительная клауза (придаточное определительное) и определяемое существительное (RelN <> NRel); глагол-сказуемое и отрицательная частица (V < > Neg); ‘хотеть’ и глагол (V <> Want); указательное местоимение и существительное (Dem < > N); наречие и прилагательное (Degree word < > Adj); вопросительная частица и предложение (Clause < > Q); подчинительный союз и адвербиальная клауза (придаточное причины, времени) (AdvSub < > Clause); артикль и именная группа (Art < > N); глагол-сказуемое и подлежащее (S < > V); числительное и существительное; аффикс (Num <> N), выражающий время и аспект аффикс и глагольная основа (TAM < > Stem); основной глагол и

вспомогательный глагол (или глаголы) со значением “мочь” (V < > able); подчинительный союз и придаточная клауза (придаточное дополнительное) (Compl < > Clause); перемещение вопросительного слова; выраженное именной группой прямое дополнение и глагол-сказуемое(O < > V); основа глагола и аффикс отрицания (Neg <> Stem);

прилоги (предлоги / послелоги) (PrepN <> NPostp); существительное и притяжательное определение в виде ИГ (NGen <> GenN); прилагательное и эталон сравнения, выраженный именной группой (St <> Adj); глагол-сказуемое и косвенное дополнение, выраженное предложной/послеложной группой (V <> PP); существительное и адъективное определение (N <> Adj); глагольная группа и вспомогательный глагол (V < > Aux); притяжательный аффикс/энклитика и существительное (N < > PosEncl); глагол-сказуемое и обстоятельство образа действия (Adv <> V); глагол-связка и именная часть именного сказуемого, выраженная именной группой (Cop <> Pred).

При описании диалектов Фарса, с учетом их локализации в исторической провинции на юго-западе Ирана, то есть ареале распространения древнеперсидского и среднеперсидского, нередко звучит тезис о генетической близости распространенных там языковых разновидностей со среднеперсидским и современным персидскимени Сходство идиомов Ларестана показано в [3: 383-469], где предметом анализа стал «язык ларестани», объединяющий диалекты лари, хонджи, гераши, эвази, бастаки, бихеи [3: 383]. Публикации А. Салами, положившие начало масштабному проекта Академии персидского языка по документированию языковых разновидностей Ирана, значительно расширили доступный для исследования «сырой материал» по диалектам области Ларестан.

В рамках данной работы предпринимается попытка использовать данный набор критериев для анализа идиомов Ларестана на примере не изученного в данном аспекте диалекта фишвари с использованием примеров «Диалектологической сокровищницы Фарса» [4: 320-374], ввиду необходимости оценить репрезентативность модели, используемой в настоящее время для лексикографического и грамматического описания исчезающих языков и диалектов Ирана. По указанным параметрам фишвари демонстрирует те же черты, что и персидский (3-12):

(1) NRel: bač=i ke gerix āyi (ребенок=ART который плач делать.PRS.3SG) ‘ребенок, который плачет’

(2) AdvV: bori dard kerdey (очень боль делать. PRS.3SG) ‘очень болит’

(3) PredCop: gošna-ye (голодный=быть.PRS.3SG) ‘(он) голоден’; angur-e siya širi=ye (виноград-ez черный сладкий= быть.PRS.3SG) ‘черный виноград сладок’;

(4) DemN: en mardā (этот человек-DET) ‘этот человек’; e-asp-ā (этот лошадь-DET) ‘эта лошадь’;

(5) AdvAdj: kɔm=i (xorde=yi) be:ta (мало=ART лучше) ‘немного лучше’;

(6) AdvSubClause: vaxt=i seyl oma (время=ART наводнение приходить.PST.3SG) ‘когда произошло наводнение’ če rɔz-e xub=i (xaš=i) (какой/что день-EZ хороший=ART) ‘какой хороший день!’;

(7) N(P)Art: mard=i ke (человек=ART который) ‘человек, который’;

(8) SV: berāse=m madrasa nāčedoy (брат=ENCL.1SG школа идти.PRS.NEG3SG. ‘мой брат не ходит в школу’

(9) NumN: da: sāt (десять час) ‘десять часов’; do berāse (два брат) ‘два брата’;

(10) OV: hasan ali tek-e bāγ oš=di (Хасан Али в сад ENCL.3SG=видеть.PST.STEM)‘Хасан видел Али в саду’; en joma-y johun-ā az kojā=t xeled-e (этот наряд красивый=DET от где/куда=ENCL.2SG купить.PFV ‘где ты купил эту красивую одежду’; der=ā mabɔn (дверь=DET закрывать.IMP.NEG.2SG ‘не закрывай дверь’; yak gelās-i ō mɔde ‘Дай стакан воды’.

Наибольший интерес среди варьирующихся параметров представляет собой анализ структуры ИГ, поскольку порядок N-EZ Adj vs. Adj- EZ N считается одним из основных дифференциальных критериев для разделения западноиранских языковых разновидностей на северо-западные и юго-западные [5: 27-28].

В фишвари положение вершины инициально, как и в персидском (13-15).

(11) N(P)Gen: xuna-y mo (дом-EZ я) ‘мой дом’, xuna-y on (дом-EZ он/она) ‘его/ее дом’; xuna-y morxizayā дом-EZ птица-PL ‘гнездо птиц’; berāse-y (kākā-y) ahmat (брат-EZ Ахмад) ‘брат Ахмада’; me:munnazāzi mardom-e ɔnkā (гостеприимство народ-EZ там) ‘гостеприимство людей того места’; harf-e (gap-e) gottayā слово(речь)-EZ большой-CMP-PL ‘слова старших’;

(12) N(P)Pos.Encl: pos=ot (сын=ENCL.2SG) ‘твой сын’; berāse=m (брат=ENCL.1SG) ‘мой/наш брат’;

(13) NAdj: lebās-e garm (одежда-EZ теплый)‘теплая одежда’; ādamiya-y dorōgu (человек-PL-EZ лживый) ‘говорящие неправду люди’; in sandukiya-y dare-nā (этот сундук-PL-EZ деревянный-DET ‘эти деревянные сундуки’.

В фишвари численно превалируют предлоги, возможно варьирование положения прилагательного в сравнительной степени относительно эталона сравнения и позиции предложной группы относительно глагола. На данном материале не представляется возможным проверить следующие параметры: глагол-сказуемое и отрицательная частица; вопросительная частица и предложение; перемещение вопросительного слова, а также – с учетом расщепленной глагольной парадигмы и особенностей структуры сложного глагола – отдельного изучения требуют такие параметры, как соотношение TAM <> Stem, Neg <> Stem, V <> Aux. Предварительно можно сделать вывод, что в основных чертах, подобно другим идиомам Ларестана, фишвари относится к юго-западным иранским языкам.

Литература

[1] Dabir-Moghaddam M. Radešenāsi-ye zabānhā-ye irāni. Vol. 1-2. Tehrān: Sāzemān-e motāle’e va tadvin-e kotob-e olum-e ensāni-ye dānešgāhhā, Markaz-e tahqiq-o towse’e-ye olum-e ensāni, 1392 (2013).

[2] Dabir-Moghaddam M. Typological Approaches and Dialects // The Oxford Handbook of Persian Linguistics. A. Sedighi, P. Shabani-Jadidi (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 52-89.

[3] Dryer M. The Greenbergian Word Order Correlations. Language 68. 1992: 81-138.

[4] Salāmi A. Ganjine-ye guyeššenāsi-ye Fārs. D. 5. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, Našr-e āsār, 1388 (2009).
[5] Windfuhr G., Perry J. Persian and Tajik // The Iranian Languages / G. Windfuhr (ed.). London & New York: Routledge, 2009.

Вэньянизмы в китайском языке делового общения

Дашевская Г.Я.[1], Кондрашевский С.А.[2]

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, кафедра китайской филологии, старший преподаватель[1], galadashevsky@gmail.com; старший преподаватель[2] kondrashevsky@gmail.com

В современной китайской публицистике и аналитических статьях общественно-политической, экономической и социально-культурной направленности нередко наблюдается тенденция к все более заметному использованию слов и речевых оборотов, свойственных классическому литературному китайскому языку - вэньяню, так называемых вэньянизмов. Не стал исключением и особый пласт китайского языка, относящийся к профессиональной коммуникации - язык делового общения, который широко изучается как в самом Китае, так и за его пределами. В нашем Институте данный предмет на протяжении последних двух десятилетий был выделен в качестве отдельного аспекта и осваивается студентами на старших курсах.

Изучение и анализ современного китайского языка делового общения, как в его устном, так и в письменном вариантах, позволило нам выделить некоторые группы лексических единиц, объединенные по признакам структурного сходства и обладающие схожими грамматическими функциями:

1. Двусложные слова, где один из компонентов является вэньянизмом: 彼岸 - противоположный берег, 关乎 - затрагивать, иметь отношение к…, 何等 - до чего же!

2. Двух и трехсложные слова, содержащие компонент отрицания: 非但（岂但）- не только, 无情 - беспощадный, безжалостный, 无视 - игнорировать, пренебрегать, 不失为 - несомненно, вправе.

3. Устойчивые фразеологические обороты, в состав которых включен один или несколько вэньянизмов, часто используются крылатые выражения из классической китайской художественной литературы: 羡慕不已 - завидовать белой завистью, 当之无愧 - заслуженно считаться, 溜之大吉 - ускользнуть, увильнуть.

4. Вэньянизмы широко используются для выражения вопроса, делая высказывание, с одной стороны, более лаконичным и строгим, а с другой, более выразительным:

是否 (是不是) - да или нет, 何时 (什么时候) - когда?, 如何 (怎么样) - каким образом, 岂 (难道) - разве?

5. Нередко вэньянизмы располагаются в конце предложения для придания высказыванию более завершенной формы, передавая значение “и все …”: 而已，罢了，也罢.

Отдельным объектом излучения являются односложные слова, имеющие служебное значение. В учебном пособии «Культура и практика делового общения» (Дашевская Г.Я., Ерасов Е. Б., Юй Цзе), подготовленном авторским коллективом кафедры китайской филологии, уделяется особое внимание описанию наиболее употребительных служебных слов письменного китайского языка. Данные слова активно используются в словарях-справочниках, письменной деловой корреспонденции и текстах торгово-экономической тематики. Некоторые из них хорошо известны в связи с широким использованием в современных текстах самых разных стилей, но есть и слова, присущие, главным образом, формам письменной коммуникации профессионального и делового содержания. Среди них мы можем выделить лексические единицы, образующие рамочные конструкции, уважительные обороты, такие как: 兹 - 兹将此事提交你们处理 “Настоящим передаём данный вопрос Вам для разрешения”, 谨 - 我谨代表公司向中国朋友表示欢迎 “Имею честь от имени компании поприветствовать китайских друзей”, 承蒙 - 承蒙邀请，不胜荣幸 “Искренне признателен Вам за приглашение, для меня это большая честь!” Некоторые односложные слова, помимо знаменательного, также обладают служебным значением, выполняя важную грамматическую функцию в предложении. Слово 将, известное как показатель будущего времени, в деловом языке чаще выполняет функцию предлога 把. В сложных предложениях союз 以 вводит цель действия, обозначенную во второй части предложения. В предложениях, содержащих причинно-следственную связь, слово 故 вводит следствие. Многолетняя практика преподавания показывает, что наибольшую трудность для студентов представляет наличие в текстах таких слов как 系 и 方, которые в деловой письменной речи выступают, соответственно, в значении глагола-связки 是 и наречия 才.

Реализация признака «долгота» гласных в истории индоарийского

Захарьин Б.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой индийской филологии, zakharyin13@ mail.ru

Согласно фонетическому трактату ‘*Paṇinīyā Śikṣā*’, безосновательно приписываемому Панини, все звуки древнеиндийского характеризовались различиями по месту (*sthāna*) и способу (*prayatna*) образования. Гласные при этом подразумевали также противопоставления по трем тонам (*svara*), а именно,

высокому, низкому или нейтральному, по назализованности (*nāsika*) и по длительности (*kāla*, букв. «время»). Нас здесь будет интересовать именно последнее качество, «привязанное», по мнению фонетистов Древней Индии, к «тяжести» образуемых соответствующими гласными слогов: краткая по длительности гласная (*hrasva*) предполагалась равной одной море (*mātra*), долгая (*dīrgha*)– двум морам, сверхдолгая, или протяженная (*pluta*) – трем морам.

Гласные *pluta* (букв. «поплывшие») в текстах вед и в прозаических комментариях к ведам встречались весьма редко – так, грамматистами в качестве примеров приводятся лишь *āsī́it* «был» (из «Ригведы»), *idā́am* «тот» (из «Атхарваведы»), *ágnā́a* «о, Агни!» (из «Тайттирия-самхита») и немногочисленные другие. Ограниченными были и контексты употребления этих гласных: обычно они сводились только к позиции последнего слога словоформы или конструкции и предполагали переклички участников, находившихся на приличном удалении друг от друга, или ситуацию альтернативного вопроса – например, *idam bhūyāa idāam iti* «это больше [или же] то?» [Whitney 1969: 27]. В санскрите диапазон контекстов использования *pluta* расширился: соответствующая гласная могла замещать любую позицию в словоформе – например, *nāarāyaṇa* «о, Нараяна» (обращение к божеству). Кроме того, работало правило: в случае приветствия лица мужского пола после долгой разлуки конечная гласная имени при обращении должна была быть только *pluta* – например, *rāmāa*! «[Приветствую вас], Рам!». Гласная *pluta* могла также назализироваться или – в заимствованиях из ведийского – приобретать тон, обычно повышенный [Whitney 1969: Ibid.]. Все это – свидетельство того, что древнеиндийский, хотя бы на уровне звукотипов, предполагал тройственную оппозицию вокоидов по долготе: «краткая – долгая – сверхдолгая».

За время от древнеиндийского до новоиндийского звуковой ярус индоарийского подвергся существенной перестройке: противопоставление вокоидов, сохранив свою троичность, изменилось качественно и приняло в случае гласных вид: «сверхкраткая – краткая – долгая». Появление сверхкратких гласных объясняется действием закона редукции: длительность исторического краткого [a] в открытых слогах (особенно в ауслауте) значительно сокращалась (до 40 мсек и менее) – например, заимствованное из санскрита *upasarga* «префикс» в хинди реализовывалось как [up^{a}sarg^{a}]. Примечательно, что цепочки вида «первый согласный – сверхкраткая гласная – второй согласный» графически никогда не передавались лигатурами, т.е. носители вполне осознавали присутствие гласной, несмотря на ее редуцированный характер.

Дальнейшее преобразование сверхкратких гласных могло в итоге привести к изменениям в системе согласных. Убедительным примером подобного развития является кашмири, где исторические группы «согласный + сверхкраткая гласная [i]» заместились соответствующими палатализованными согласными. Например, историческое *guri̥* «кони» дало в старом кашмири форму со сверхкраткой *gur*^{1}, а затем последняя, сохранив значение, преобразовалась в *gur'* (с палатализованной плавной в исходе). С ауслаута противопоставление согласных по палатальности распространилось и на другие позиции [Захарьин,

Эдельман 1971: 38 – 40]. На базе оппозиции «нейтральный – палатализованный согласный» в кашмири сформировался также морфологический контраст граммем категории числа – ср., например, пару *gur* «конь» ↔ *gur'* «кони».

Литература

[1] Захарьин Б.А., Эдельман Д.И.. Язык кашмири, Москва: «Наука», 1971
[2] Kachru, Braj B. An Introduction to Spoken Kashmiri, Urbana: University of Illinois, 1973
[3] Whitney, W.D. Sanskrit Grammar, Delhi – Varanasi – Patna: Motilal Banarsidass, 1969 (2nd Indian edition)

Просодия в языке абйанеи (Иран)

Иванов В.Б.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой иранской филологии, iranorus@mail.ru

В иранистических исследованиях все ещё уделяется недостаточно внимания такому важному языковому феномену, как просодия. Большинство экспериментальных исследований в этой области было посвящено ударению на материале персидского языка, в котором ударение определяется как тоническое. Обзор подобных экспериментов по другим иранским языкам см. в работе [Иванов 2012]. Итог этого обзора – в иранских языках словесное ударение либо тоническое, либо квантитативное. Динамическое (силовое, экспираторное) ударение, которое обычно приписывается всем иранским языкам, либо в них не обнаруживается, либо является второстепенным фактором. В частности, утверждение об экспираторном ударении можно найти и в статье Пьера Лекока [1974] в отношении языка селения Абйане неподалёку от Кашана, в котором он на слух обнаружил accent d'intensité (выделение ударного слога большей интенсивностью, т.е. *силовое* ударение). Дальнейшие эксперименты по определению характеристик словесного ударения в этом языке с использованием звукоанализирующей аппаратуры и статистического анализа силового ударения (по крайней мере в чистом виде) не обнаружили (см. ниже).

Пьер Лекок [1974] также отмечал, что ударение в абйанеи по сравнению с персидским языком сдвинуто к началу слова. Последнее было подтверждено и в нашем исследовании:

абй. h**a**me ↔ перс. ham**e** 'все',
абй. n**i**ru ↔ перс. nir**u** 'сила',
абй. **o**šno ↔ перс. āšn**ā** 'знакомый'.

Аналогичный сдвиг ударения наблюдается и в близкородственном языке зороастрийцев Ирана (гявруни/гавруни).

В работе [Иванов 2011] описан пилот-эксперимент. В 2009 году на территории этого селения была записана речь 3-х носителей языка (одного

мужчины и двух женщин 50–60 лет) [35]. Поскольку абйанеи – язык бесписьменный, носителям языка было предложено рассказать о себе, а также описать картинки из составленного экспериментатором набора. Анализ выборки из наговоренного материала (40 двусложных слов с ударением на разных слогах) на том этапе исследования позволил сделать вывод о том, что основным коррелятом словесного ударения в абйанеи является длительность (p=0,006), другими словами, ударение в данном языке было охарактеризовано как *квантитативное*. В качестве вторичного фактора рассматривалась частота основного тона (F_0), т.е. в ряде случаев ударный слог маркировался также более высокой F_0. Интенсивность не играла особой роли в маркировании ударного слога. Влияние интонации не учитывалось.

В данной статье описывается расширенное обследование указанного материала с применением более строгих статистических методов (z-score) и линейного многомерного регрессионного анализа. Помимо простых параметров (длительности, интенсивности и частоты основного тона F_0) рассматривались интегральные параметры (площадь кривой интенсивности I_{area}, площадь кривой частоты основного тона F_{0area} и 3D-фигура Volume, образуемая этими кривыми и нулевой линией). Кроме того, было учтено положение слогов в утвердительных интонационных конструкциях (вопросительная интонация не рассматривалась). Параметр I_{area} в истории экспериментальной фонетики принято называть также энергетическим коррелятом, который был введён и описан в работе Т.А. Бровченко [1967].

Параметры слогоносителей были найдены с помощью речеанализирующей программы Praat. Всего было обработано 107 слогоносителей (из них 48 ударных и 59 безударных). Абсолютные параметры были нормализованы по методу z-score, что позволило абстрагироваться от индивидуальных различий информантов с точки зрения высоты голосов и темпа речи. Нормализованные параметры были обработаны пакетом статистических программ SPSS. За фиксированные факторы принимались ударение (0 – отсутствие ударения и 1 – ударность) и интонация (0 – низкий тон L, 1 – высокий тон H). Оба имели два уровня (0 и 1). Зависимыми факторами считались вышеупомянутые длительность, интенсивность, F_0, I_{area}, F_{0area}, Volume).

Интонация и ударение в большинстве случаев действовали согласно, т.е. ударный слог попадал в тот участок интонационной конструкции, где происходило повышение тона. Но в некоторых случаях просодия и интонация действовали разнонаправленно, т.е. повышение тона в ударном слоге нейтрализовывалось снижением тона в интонационной конструкции. Влияние интонации на тон оказывалось преобладающим (p=0,05; см. *Таблица 1*), и в этом случае F_0 ударного слога оказывалось ниже, чем в безударном. Поэтому был сделан вывод о том, что ударение в абйанеи не является тоническимени

[35] Сбор полевых материалов проводился совместно с к.ф.н. Л.Р. Додыхудоевой в рамках экспедиции по гранту РГНФ 2009 года «Язык зороастрийцев Ирана».

Таблица 1

Значимость статистических связей акустических параметров с

Факторы/параметры	Ударение	Интонация
Длительность	0,131	0,007
Интенсивность	0,104	0,073
F_0 (частота основного тона)	0,648	0,05
I_{area} (энергетический коррелят)	**0,043**	0,004
F_{0area}	0,084	0,001
Volume	0,06	0,001

просодическими факторами в языке абйанеи

Единственным параметром, который регулярно маркировал ударный слог, оказался энергетический коррелят I_{area} (p=0, 043; в *Таблица 1* эта значимость показана жирным шрифтом; за уровень значимости принимается p=0,05). Поскольку энергетический коррелят основан на двух параметрах – длительности и интенсивности, уточняя вывод предыдущего исследования [Иванов 2011], ударение в абйанеи можно квалифицировать как *квантитативно-динамическое*.

Литература

[1] *Бровченко Т.А.* Энергетический коррелят словесного ударения // *Proceedings of the Sixth International Congress of Phonetic Science*. Prague, 1967.
[2] *Иванов В.Б.* Ударение в языке селения Абйане // *Лексика. Этимология. Языковые контакты. К юбилею доктора филологических наук профессора Джой Иосифовны Эдельман*. ISBN 978-5-98421-122-2, Институт языкознания РАН, Тезаурус, Москва, 2011, стр. 176–182.
[3] *Иванов В.Б.* Ударение в иранских языках // *Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции*; ISBN 978-5-93136-173-4. ИД «Ключ-С», Москва, 2012; стр. 49–51.
[4] *Lecoq P*. Le dialecte d'Abyāne // *Studia Iranica*. 3. 1974. P. 51–63.

Устойчивые политические метафоры в публичных речах (на примере китайского слова «кризис»)

Кондрашевский С.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры китайской филологии, kondrashevsky@gmail.com

Сегодня во многих тренингах личностного роста, мотивационных речах и текстах, посвященных исследованиям успеха в бизнесе, нестандартному мышлению и популярной психологии можно встретить утверждение следующего толка: «По-китайски слово «кризис» состоит из иероглифов, означающих «опасность» и «возможность». Это легко запоминающаяся яркая

метафора, являющая собой любопытный образец “восточной мудрости”, призвана объяснить идею о том, что в кризисе есть как опасности, так и возможности. Однако можем ли мы подтвердить верность подобной трактовки этимологии слова 危机 с научной точки зрения, или же это не более чем удобный риторический прием, направленный на ободрение слушающих? В первую очередь стоит обратиться к истории возникновения данного тропа. Мы можем обнаружить, что он широко используется на протяжении уже почти ста лет, став неотъемлемой частью американской политической и публицистической культуры, постепенно просачиваясь в другие языковые ареалы, благодаря глобальности современного информационного поля. Податливость данного тропа также зачастую приводит к возникновению самых разнообразных вариаций на его основе. Однако же заметные дискуссии по поводу легитимности его трактовок в среде американских китаистов возникли лишь относительно недавно - в 2007 году. Так американский лингвист Бенджамин Циммер указывает, что одним из наиболее ранних упоминаний подобной трактовки можно считать редакционную статью в январском номере Chinese recorder от 1938 года, англоязычном журнале, издававшемся для христианских миссионеров в Китае.

«Китайский термин для обозначения кризиса - «опасность-возможность» (危機). Без опасностей не возникают и возможности. Поэтому очень уместно, что в это время «опасности-возможности» должен прозвучать призыв к Движению вперед в христианской церкви в Китае» (журнал “Китайский рекордер”, январь 1938 г., том LXIX, № 1, стр. 2).

В 1940 году выходит колонка известной журналистки Дороти Томпсон в американской газете Washington Post, фактически послужившая импульсом к популяризации данного тропа в общественной и политической жизни США.

“Китайцы пишут символами, тем, что они называют «идеограммами». А китайское слово «кризис» означает «опасность плюс возможность» (Вашингтон пост, 17 июня 1940 г., стр. 7).

В дальнейшем подобную трактовку мы многократно встречаем в ряде самых разнообразных американских и канадских сми в 40-е годы XX века. Вероятно, одна из таких статей могла послужить источником вдохновения для будущего американского президента Джона Ф. Кеннеди, который активно использовал данный троп в целом ряде политических выступлений в 1959-1960 годах. Стоит отметить, что такая трактовка китайского слова “кризис” не утратила популярности и по сей день. Так в 2007 году данная метафора активно звучала в публичном поле из уст государственного секретаря США Кондолизы Райс во время мирных переговоров на Ближнем Востоке, не менее известным стало обращение к данной трактовке со стороны занимавшего в 2007 году должность вице-президента США Альберта Гора, прозвучавшее в его речи перед Нобелевским комитетом. Не обделяли вниманием данный троп и российские политические деятели, так президент РФ В. В. Путин на пленарной сессии клуба “Валдай” в 2021 году сказал: “Слово "кризис" состоит из двух иероглифов: опасность и возможность.”

Если трактовка знака 危 особых сомнений у специалистов не вызывает, то по вопросу этимологии знака 机 их позиции, зачастую, расходятся. Ряд западных и отечественных лингвистов считают оправданной трактовку этимологии знака 机 как “возможность”, указывая на явление морфемной контракции. Однако Бенджамин Зиммер и профессор университета Пенсильвании Виктор Х. Майр сходятся во мнении, что подобный взгляд на данный политический троп не имеет ничего общего с действительностью, представляя собой манипуляцию этимологией и даже, в некоторой степени, мистификацию. Профессор Майр отмечает, что использование слова 危机 прослеживается еще в 3 веке нашей эры, однако в то время оно имело значение “скрытая опасность”, а значение “кризис”, как переломного момента, обрело лишь после заимствования японским и обратного заимствования уже из японского в китайский на рубеже XIX–XX веков, явившись для китайского языка неологизмом старым по форме, но новым по содержанию.

В заключение нам хочется предложить свою версию трактовки данного понятия. Большинство лингвистов, как американских, так и китайских сходится на том, что второй иероглиф означает время, переломный момент. Однако анализируя этимологию знака, они обращаются к словарям современного китайского языка, а значит к современной форме данного знака. Обратившись же к китайским этимологическим словарям, мы можем обнаружить упоминание о том, что иероглиф 机 в определенный момент заменил использовавшийся ранее знак 几. Таким образом мы видим, что иероглиф 机 в данном случае не выступает в качестве словообразовательной родовой морфемы или же морфемной контракции, а представляет собой видоизмененную форму другого знака - 几, одним из основных словарных значений которого является “опасность, беда”, а значит современное слово 危机 мы можем расценить как результат применения копулятивной словообразовательной модели, что на наш взгляд может стать еще одним из возможных подходов к объяснению этимологии данного термина.

Что и как отражает арабская графическая система? Два подхода. Два ответа. (Вопросы теории арабского языка и обучения ему востоковедов-арабистов)

Лебедев В.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры арабской филологии,
lebedev@iaas.msu.ru

1. Один ответ на поставленный вопрос дает европейская языковедческая традиция (ЕЯТ), «исторически сложившаяся в пределах европейской науки и культуры» [1]. Другой – арабская языковедческая традиция (АЯТ), «сложившаяся и существовавшая в культурном ареале Арабского халифата в 7-14 в.в.» [2].

2. Первый подход использует для обозначения означаемых и означающих элементов графической системы термины: *буква, звук, согласный, гласный, краткая фонема, долгая фонема, огласовка.* Второй использует термины: *графема* ḥarf, *речевой сегмент* ḥarf, *сегмент с а* ḥarf maftūḥ, *сегмент с и* ḥarf maḍmūm, *сегмент с і* ḥarf maksūr, *сегмент с нулевым гласным* ḥarf sākin, *сильный сегмент* ḥarf ṣaḥīḥ, *слабый сегмент* ḥarf ‘illa.

3. Арабская графическая система предельно четко и последовательно **отражает просодическую и словообразовательную структуру арабского слова**. Ее элементом является *речевой сегмент* ḥarf, «имеющий морную характеристику и состоящий из согласного и краткого гласного» [3]. **Число *графических знаков*** ḥarf:ḥurūf любого арабского слова **равняется числу его *элементарных речевых сегментов*** ḥarf:ḥurūf.

4. Харфы-речевые сегменты **однородны** в плане своих количественных параметров: они имеют две позиции ($С_{огласный}$ + $Г^{ласный}$ = СГ) и одинаковую продолжительность звучания. Они **неоднородны** в плане реализации своих позиций: первая заполняется одним из 28 согласных, вторая – одним из 3-х гласных арабской звуковой системы: [a], [u] или [i]. При этом каждая из позиций может иметь **нулевую реализацию** – значимое отсутствие одного из материальных элементов: $С^0$ или $^0Г$. Для арабской просодии и арабской морфологии эти сегменты равновелики: $b^0 = {}^0a$ (bā’ sākina = ’alif), $b^0 = {}^0u$ (bā’ sākina = wāw), $b^0 = {}^0i$ (bā’ sākina = yā’).

5. Харфов-речевых сегментов – три разновидности: $С^Г$, $С^0$ и $^0Г$. Они составляют две существенно значимые для их функционирования в арабской речи **оппозиции**: $^1[С^Г + С^0] \longleftrightarrow [^0Г]$ $^2[С^Г] \longleftrightarrow [С^0 + {}^0Г]$. В АЯТ это – ^{1}[*сильные харфы* ḥurūf ṣaḥīḥa] ←→ [*слабые харфы* ḥurūf ‘illa] ^{2}[*харфы движения* ḥurūf mutaḥarrika]←→[*харфы покоя* ḥurūf sākina]. Первый член первой оппозиции [$С^Г$ + $С^0$] отражает всю совокупность возможных комбинаций каждого арабского согласного с гласным в рамках одного речевого сегмента-харфа: $\mathbf{B^{a|u|i|0}}$, $\mathbf{T^{a|u|i|0}}$ …$\mathbf{Y^{a|u|i|0}}$.

Будучи элементом двухчастного сегмента, **согласный** четырежды остается **постоянной величиной** для каждого сильного харфа. Три материально выраженные **гласные** + один **нулевой гласный** являются для него величиной **переменной**. Таких харфов-элементарных речевых сегментов в арабском -112 ($_{28\ x\ 4}$). **Сильный** харф **вариативен** везде: в начале слова ($_{28\ x\ 3=84\ варианта}$), в середине слова ($_{28\ x\ 4=112\ вариантов}$), и в конце, включая позицию внешней флексии у *слов, обладающих словоизменением* mu‘rab ($_{28\ x\ 4=112\ вариантов}$). Сильный харф принципиально флектируем. **Слабый** харф – **не имеет вариантов**. **Постоянной величиной** слабого харфа является **гласный**. Таких харфов три: $\mathbf{^0a}$ ’alif, $\mathbf{^0u}$ wāw, $\mathbf{^0i}$ yā’. **Слабый не может не опираться на сильного**: каждый из них может следовать только за таким сильным харфом, который заканчивается на одноименный с ним гласный: $b\underline{\mathbf{^{a0}a}}$ (в ЕЯТ это - b**ā**), $b\underline{\mathbf{^{u0}u}}$ (в ЕЯТ это - b**ū**), $b\underline{\mathbf{^{i0}i}}$ (в ЕЯТ это – b**ī**). Подчеркнутые полтора харфа-моры **воспринимаются** и **описываются** в ЕАТ как долгие фонемы [a:], [u:], [i:], соответственно [4].

6. Арабская графическая система имеет три уровня.

Первый это - уровень *графем* ḥarf:ḥurūf. Он фиксирует постоянную величину каждого минимального речевого сегмента-харфа: согласный звук *сильного харфа* ḥarf ṣaḥīḥ и гласный звук *слабого харфа* ḥarf ‘illa. Графем-харфов в арабском 28. 23 из них имеют четыре видоизмененных начертания: в зависимости от начального (после пробела), серединного или конечного положения в «графическом слове», которое полностью отражает соответствующее ему «фонетическое «слово», а также обособленное представление речевого сегмента-харфа; пять арабских «букв» имеют только два начертания. Первые соединяются с обеих сторон, вторые – только справа, оставляя после себя пробел, как в конце слова, так и внутри его. Слитное начертание - как в рукописной, так и в печатной форме текста - выражает принципиальную и последовательно реализуемую во всей арабской языковой системе саму идею соединения, которое с необходимостью предполагает видоизменение соединяющихся элементов.

В процессе обучения арабскому языку как его носителей, так и иностранцев видоизмененные начертания «букв» составляют определенные трудности, которые могут быть нейтрализованы правильной методикой обучения.

Принципиально новые методики обучения арабскому языку, обусловленные применением АЯТ в обучении арабскому языку как иностранному, представлены в учебнике проф. Г.М. Габучана «Литературный арабский язык в текстах» [4], а также во всех наших учебниках арабского языка, включая и те, которые выполнены с моими дорогими соавторами: Г.И. Бочкаревым, А.Ф. Садриевым, Н.В. Павловым, Г.А. Тюриной, Г.Р. Аганиной.

Второй и третий уровни включают в себя надстрочные и подстрочные знаки меньшего размера, которые ставятся над/под каждым харфом.

Второй это - **уровень *уточняющих значков*** ḍawābiṭ. Он фиксирует *произнесение* или *не-произнесение гортанной смычки хамза* hamzat ḳaṭ‘ и hamzat waṣl соответственно; замещает вторую графему в сочетании хамзы со слабым харфом ’alif - *мадда* madda; замещает второй харф в сочетании двух харфов с одноименным согласным, первый из которых имеет нулевой гласный – šadda. Таких значков в арабском – 4.

Третий это - **уровень *огласовок и анти-огласовки*** (сукун) ḥarakāt wa sukūn. Так же имеет 4 знака. Он фиксирует второй компонент харфа: гласного *a, u, i* - у сильного харфа или отсутствие согласного - у слабого харфа ’alif, или wā, или yā’. Огласовок вместе с *анти-огласовкой* ḍidd^{u} l-ḥaraka в арабском 4: (fatḥa, ḍamma, kasra) ←→ sukūn.

7. **Не все уровни** арабской графической системы представлены в каждом тексте. Полностью они присутствуют лишь в текстах особой культурной значимости: Коране и Хадисах, в поэзии, включая доисламскую, в учебных текстах, а также в словарях. В других текстах представлен только уровень графем-харфов; могут встречаться и «вкрапления» второго и третьего уровней.

8. ЕЯТ представляет арабскую графическую систему как «основанную на письменном изображении лишь согласных звуков»[5]. Она фиксирует в ней, как и на других участках арабской языковой системы, только видимое ей сквозь

призму европейской традиции положение вещей; не учитывает всех сугубо специфических сторон арабской языковой системы; игнорирует обусловленные этой системой причинно-следственные отношения между ее элементами на разных уровнях; не дает правильной «поведенческой» установки изучающему арабский язык; упускает ценную возможность использовать обучение арабскому языку в общеобразовательных целях; не обеспечивает обучаемому возможности пользоваться арабскими источниками по арабской грамматике и продолжить изучение языка в арабском учебном заведении, где арабский язык преподается на основе АЯТ.

9. АЯТ полно и адекватно отражает специфические особенности арабской языковой системы на всех ее уровнях.

АЯТ сама отличается своими специфическими особенностями как по целям познания, так и своим последовательно системным подходом к **языку**, который является для нее «прежде всего **видом деятельности**». Атомом языковой деятельности является для нее мельчайшее **высказывание**.

АЯТ обладает мощным образовательным потенциалом: Она знакомит обучаемого с новой для него традицией изучения языка; обеспечивает формирование вариативного подхода к изучению явлений с учетом их специфики; позволяет обучаемому продолжить изучение арабского языка и получать филологическое образование на любом уровне в любой арабской стране.

Литература

[1] Бокадорова Н.Ю. «Европейская языковедческая традиция», Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990, С. 146.
[2] Габучан Г.М. Арабская языковедческая традиция. Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990, С. 39.
[3] Габучан Г.М., Лебедев В.В. Арабистика. Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990, С. 38.
[4] Габучан Г.М. Литературный арабский язык в текстах. Учебное пособие. М., 2005, С. 6-7.
[5] Ковалев А.А., Шарбатов Г.Ш. Учебник арабского языка. М., 1969, С.12.

Анафора как межфразовое средство связи в китайском тексте

Ли Мэй
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант; старший преподаватель Института иностранных языков Харбинского университета, г. Харбин,
limei20141124@gmail.com

Текст представляет собой коммуникативную единицу, которая больше, чем предложение. Текст обычно состоит из нескольких предложений, что неизбежно предполагает связь между предложениями, называемую межфразовой связью. А

средства для осуществления межфразовой связи называются «межфразовыми средствами связи» [Ши Тецян, Ань Ли, 2012, с. 55]. Термины «межфразовая связь» и «межфразовое средство связи» впервые были предложены русским ученым Л. М. Лосевой: «Межфразовая связь — это связь между предложениями, ССЦ (сложным синтаксическим целым), абзацами, главами и другими частями текста, организующая его смысловое и структурное единство» [Лосева, 1980, с. 9]. Также она описывает, что местоименная замена используется как для соединения частей сложных предложений, так и для соединения самостоятельных предложений [Лосева, 1980, с. 15].

Анафора в китайском языке является очень активным средством межфразовой связи. Анафору в китайском языке называют 回指 *хуэйчжи* (анафорой), также называемой 照应 *чжаоин* (анафорой) или 指同 *чжитун* (указанием на один и тот же предмет). Чэнь Пин разделил анафору в китайском языке на три категории: 零形回指 (нулевая анафора), 代词回指(анафора местоимения) и 名词回指(анафора имени существительного) [Чэнь Пин, 1987, с. 363]. Русский ученый Г. Я. Солганик также указывал, что анафора местоимения, анафора имени существительного (с помощью лексического повтора) и использование синонимов являются тремя основными формами анафоры в русском тексте [Солганик, 1993, с. 47].

Местоименная анафора — общая и распространенная в тексте. Л. М. Лосева указывает: «Среди средств связи самостоятельных предложений наиболее широко распространены личные местоимения *он, она, оно, они* и притяжательные *его, её, их*. В любом тексте если не второе, то третье, четвертое предложение обязательно связывается с предыдущим при помощи этих местоимений» [Лосева, 1980, с. 19]. По мнению Г. Я. Солганика «Различные группы местоимений по-разному участвуют в связи между предложениями. Наиболее часто используются местоимения *он, она, оно, они*» [Солганик, 1993, с. 58].

Чжан Бинь как принято в современной китайской лингвистике делит местоимения современного китайского языка на три группы: 人称代词 (личные), 指示代词 (указательные) и 疑问代词 (вопросительные) [Чжан Бинь, 2008, с. 317–319]. Не все местоимения обладают анафорической функцией, обычно считают, что в китайском языке только 他(он), 她(она), 它(оно), 他们(они), 她们 (они) и так далее некоторые местоимения имеют функцию анафоры. Также в китайском языке местоименная анафора является очень важным межфразовым средством связи и занимает незаменимое место в построении текста, однако из-за ограничений языковой системы и текстовой стилистики анафора местоимения в русском и китайском текстах обладает различными способами образования и частотой использования.

Новизна исследования определяется тем, что подвергаются сопоставительному анализу «Золотая роза» К. Г. Паустовского и её два перевода

на китайский язык на текстовом уровне. Ограничения и различия в использовании анафоры местоимений в русском и китайском текстах впервые применяются к описанию семантической эквивалентности русско-китайского перевода и впервые для асимметричности использования местоимений обнаруживаются специфические источники.

Рассматриваются три аспекта данного вопроса.

1. Анафора личных местоимений третьего лица в китайском тексте.

Количество указываемых лиц в китайском тексте напрямую определяет форму анафоры использования. Когда в китайском и русском текстах только существует одно указанное лицо, обычно используется анафора местоимения третьего лица, которая не только обеспечивает последовательность языка, но и не вызывает двусмысленности. Когда референтами являются больше двух человек, особенно разного пола, чтобы избежать нечёткого указания, в китайском языке не используется местоименная замена, а посредством лексического повтора, повторяется снова упомянутое лицо, указанное в предыдущем предложении, за счёт чего и достигается связность предложений. Причина в том, что, во-первых, китайские личные местоимения третьего лица “他(он)” и “她(она)” являются омофонами, это легко вызывает двусмысленность. Во-вторых, когда в начальном предложении одно из двух имён существительных, обозначающих людей, не является субъектом действия, его надо повторить, а не заменять на местоимение.

2. Анафора притяжательных местоимений в китайском тексте.

С точки зрения китайских лингвистов в китайском языке притяжательные местоимения не представлены в классификации местоимений китайского языка. Для выражения отношения притяжательности после личного местоимения обычно добавляется показатель определения 的 (你-你的), что соответствует русскому словообразованию или словоизменению (“ты” - “твой”, “ты” - “тебе”). Иногда личные местоимения могут прямо сочетаться с поясняемым словом и без 的, например: 我母亲 быть равным с 我的母亲 (моя мать), тоже обозначающие отношения притяжательности.

Таким образом, будучи оформленным в китайском тексте на 的, личное местоимение 自己 (сам/себя) приобретает обязательное значение притяжательности (это значение оно может иметь и без 的). Поскольку в китайском языке возвратных притяжательных местоимений (*свой*) тоже не существует, а сочетание слова 自己 (себя) со служебным словом 的 выступает в предложении только как определение, используемое для оформления существительных.

3. Анафора указательных местоимений в китайском тексте.

Указательные местоимения существуют во многих языках и представляют собой типичные средства дейксиса и межфразовой связи. Они играют важную роль в соединении контекстов. Использование указательных местоимений

ближнего дейксиса в китайском языке очень популярно, их число намного превышает таковое в оригинальном русском тексте. Однако в китайском языке не изолировано использование 这 (этот) и 那 (тот) для анафоры, а как “этот (эта, это, эти)” и “тот (та, то, те)” в русском языке могут отдельно использовать для анафоры.

В заключении исследования необходимо отметить, что различия в средстве межфразовой связи и анафоре местоимения в русском и китайском языках существенно влияют на перевод с русского языка на китайский, который не может быть точным без учета этих различий. Кроме того, рассмотрение этих различий способствует более глубокому описанию текстообразующих средств китайского языка и решению ряда существенных проблем при переводе с русского языка на китайский и обратно.

Литература

[1] Лосева Л.М. Как строится текст: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1980.
[2] Солганик Г. Я. От слова к тексту. М.: Просвещение, 1993.
[3] Чжан Бинь. Современный китайский язык, новая редакция. Шанхай: Издательство Фуданьского университета, 2008.
[4] Чэнь Пин. Дискурсивный анализ нулевой анафоры китайского языка // Китайская филология. 1987. № 5, с. 363–378.
[5] Ши Тецян, Ань Ли. Введение в лингвистику текста. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2012.

Что делали святые на мосту в Токио? История одного японского топонима

Линяев Д.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры японской филологии, mitya465@mail.ru

В статье рассматривается название одного из токийских мостов – ХИДЗИРИ-БАСИ (букв. «Святой мост», или «Мост святых»). В названии моста используется иероглиф СЭЙ/СЁ:/ХИДЗИРИ (святой, отшельник или монах высокого ранга). В японской топонимике данный иероглиф чаще всего используется в прочтении СЁ: (японизированное чтение, характерное для южного Китая и закрепившееся за этим иероглифом в эпоху Троецарствия). В данном чтении этот иероглиф часто используется в буддийской и исторической лексике, например, в эпитете «Великий святой» (ДАЙСЁ:НИН), закрепившемся за именем японского монаха НИТИРЭНА, являющегося основоположником одноименного направления в буддизме. В прочтении СЁ: он входит более чем в сотню японских топонимов.

В прочтении СЭЙ (японизированное чтение, характерное для центрального Китая и закрепившееся за этим иероглифом в эпоху Хань),

иероглиф часто используется в церковной лексике, например, СЭЙСЁ – священное писание, СЭЙКАТАЙ – церковный хор. В топонимах данное чтение иероглифа малопродуктивно.

В прочтении ХИДЗИРИ иероглиф также употребляется в топонимике Японии сравнительно редко. Например, в Токийском округе есть всего два топонима, где этот иероглиф читается именно так. По одному топониму встречаем в префектурах Сидзуока, Исикава, Гумма и Фукуи.

Примечательно, что в непосредственной близости (по обе стороны) от моста ХИДЗИРИ-БАСИ находятся конфуцианский храм ЮСИМА-СЭЙДО и православный Токийский Собор Воскресения Христова (ТО:КЁ: ФУККАЦУ ДАЙСЭЙДО:). В названиях этих культовых учреждений также используется иероглиф СЭЙ/СЁ:/ХИДЗИРИ. Анализируется связь названия моста с названиями упомянутых храмов.

Двойные падежи в японском языке

Нечаева Л.Т.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий научно-исследовательской лабораторией "Восточные языки в средней школе"

В японском языке существуют двойные падежи. Роль двойного падежа – обозначить подчинение дополнения-существительного в косвенном падеже другому существительному. При этом перевод полученных словосочетаний имеет широкий спектр значений, отличающийся от привычных значений употребляемых показателей косвенных падежей.

Двойной падеж образуется путём присоединения показателя родительного падежа の (*но*) к существительному в форме любого падежа, кроме именительного на が (*га*), винительного на を (*о*), дательного на に (*ни*).

Интерес представляет перевод слов в двойном падеже, поскольку он значительно отличается от перевода слова в том падеже, к которому присоединяется показатель родительного падежа の *но.* Это не учитывается в учебниках при рассмотрении системы падежей, у учащихся часто возникает непонимание. В связи с этим необходимо рассмотреть переводы двойных падежей на русский язык.

Рассмотрим возможные варианты переводов слов в форме двойных падежей на русский язык. Примеры приводятся из газет «Майнити», «Асахи», «Ёмиури».

I. Двойной падеж с показателем направления へ э.

1.Перевод без предлога в форме родительного падежа.

次に「習体制」への評価だ。*Цуги-ни «сю:тайсэй»-э-но хё:ка.* Далее, оценка системы обучения.

2. Перевод дательным падежом с предлогом «к».

復興への道を、国と地方の関係を見直す機会にすべきだ。 *Фукко:-э-но мити-о, куни то тихо:-но канкэй-о минаосу кикай субэки да.* Дорога к возрождению должна стать благоприятным моментом к пересмотру отношений между государством и регионами.

3. Перевод предложным падежом с предлогом «о».

見守りや相談だけでは、高齢者やその家族が抱く将来への不安に応えられない。*Мимамори я со:дан дакэ-дэ ва, ко:рэйся я соно кадзоку-га даку сё:рай-э-но фуан-ни котаэрарэнай.* Только наблюдение и советы не могут ответить на беспокойство о будущем, охватывающее пожилых людей и их семьи.

4. Дательным падежом без предлога.

衆院選での政権公約（マニフェスト）への過度のこだわりや、官僚組織を排除する「政治主導」の弊害は大きい。*Сю:инсэндэ-но сэйкэн ко:яку (манифэсуто)-э-но кадо-но кодовари я, канрё: со:сики-о хайдзё-суру (сэйдзи сю:до:)-но хэйгай ва о:кий.* Чрезмерная приверженность обещаниям (манифесту) власти на выборах в Палату представителей и «политическая инициатива» по устранению бюрократических организаций приносят большой вред.

II. Двойной падеж с показателем творительного падежа で *дэ.*

1. Перевод творительным падежом с предлогом «по».

民間交流の促進や、経済分野を含めた地球規模の問題での協力強化も確認した。*Минкан ко:рю:-но сокусин я, кэйдзай бунъя-о фукумэта тикю: кибо:-но мондай-дэ-но кё:рёку кё:ка мо какунин-сита.* Подтвердили сотрудничество по мировым проблемам, включая развитие обменов, развитие в экономической области.

2. Перевод творительным падежом с предлогом «на».

高いレベルでの政治対話がなく、日本政府はロシア要人の北方領土訪問を止める手だてを持てずにいる。*Такай рэбэру-дэ-но сэйдзи тайва-га наку, нихон сэйфу ва росиа ё:дзин-но хоппо: рё:до хо:мон-о томэру тэдатэ-о мотэдзу-ни иру.* Нет политического диалога на высшем уровне, и у японского правительства нет способа прекратить визиты российских высокопоставленных лиц на «северные территории».

III. Двойной падеж с показателем совместного падежа と *то*

1. Перевод творительным падежом с предлогом «с»

米欧諸国との共同開発が実現すれば、日米同盟の深化や欧州との安保協力の強化にもつながる。*О:бэй сёкоку-то-но кё:до: кайхацу-га дзицугэн-сурэба, нитибэй до:мэй-но синка я о:сю:-то-но ампо кёрёку-но кё:ка-ни мо цунагару.* Если реализуется совместное развитие с Америкой и странами Европы, то это будет связано с усилением японо-американского союза и сотрудничества в области безопасности со странами Европы.

IV. Двойной падеж с показателем сравнительного падежа より *ёри*

1. Перевод родительным падежом с предлогом «из».

最後に、耳よりの情報をお話ししましょう。*Сайго-ни, мими-ёри-но дзё:хо:-о оханаси-симасё:.* В конце поговорим об услышанной информации. (информации из уха).

2. Перевод родительным падежом с предлогом «от».

その時の印象と、トルーマン大統領よりの指令とで、マッカーサーはこの確言が出来たのであろう。*Соно токи-но инсё: то, тору:ман дайторё:-ёри-но симэй-то дэ, макка:са: ва коно какусин-га дэта-но даро:.* Эта уверенность у Маккартура появилась от впечатлений в то время и указаний президента Трумана

V. Двойной падеж с показателем исходного падежа から *кара*

1. Перевод родительным падежом с предлогом «с».

頂上からの市内全景の眺めは最高です。*Тё:дзё:-кара-но синай кэмбуцу-но нагамэ ва сайко: дэсу.* Самый лучший вид пейзажа всего города был с вершины горы.

VI. Двойной падеж с показателем предельного падежа まで *мадэ*

1. Перевод родительным падежом с предлогом «до».

中国国防費は、一昨年までの２１年間、２ケタ増を記録し、海、空軍の装備も大幅に強化された。*Тюгоку кокубо:хи вы, иссакунэн-мадэ-но 21 нэнкан. 2 кэтадзо:-о кироку-сита.*

Результаты акустико-глоттографического исследования персидской просодии

Силантьева Л.Г.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, специалист по УМР
lyubovsilantieva@yandex.ru

В современном языкознании до сих пор остается неизученным ряд механизмов артикуляции звуков речевыми органами, расположенными более глубоко в речевом тракте, ряд вопросов взаимодействия речевых органов на выходе и на входе речевого тракта. Во многих языках работа по изучению данных вопросов с помощью специальной аппаратуры начата, но исследования не являются комплексными. Кроме того, имеется необходимость проверять произведенные ранее оценки аппаратным путем. Данные задачи стоят по отношению в том числе и к иранским языкам, включая наиболее распространенный и изученный из них – персидский.

Основная цель исследования заключается в изучении работы ларинкса и голосовых связок носителей персидского языка при артикуляции речевых сегментов и определении взаимосвязи между ларингальными характеристиками и ударением в персидском языке. Данная задача для персидского языка ставится впервые.

В рамках инструментально-фонетического исследования был проведен ряд экспериментов, в которых гласные выступали в качестве слогоносителей и сопоставлялись по определенному набору параметров в ударной и безударной позиции. Для анализа использовались записи речи четырёх носителей персидского языка (двух мужчин и двух женщин). Звукозапись, сегментация речевого сигнала и акустический анализ записанных реализаций проводились с помощью программ Real Time EGG, Praat и Adobe Audition в Лаборатории Экспериментальной Фонетики ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова.

В каждом гласном слогоносителе были определены и измерены длительность T, интенсивность I и частота основного тона F_0. Кроме того, проверялись производные параметры F_0-area (площадь фигуры, ограниченной кривой частоты основного тона F_0 и осью времени), I-area (площадь фигуры под кривой интенсивности I) и Volume (трёхмерная фигура, ограниченная кривыми интенсивности I, частоты основного тона F_0 и осевой линией) (см. [Иванов, Силантьева 2019: 526]).

Подъём ларинкса хорошо заметен на глоттограмме (см. рис. 1) и измеряется в относительных единицах по отношению к нулевой линии, и возвратно-поступательные движения ларинкса в вертикальной плоскости могут быть охарактеризованы средней инфразвуковой частотой, в этой связи, помимо уже упомянутых параметров, в рамках слога измерялась инфразвуковая частота (Sub) и амплитуда подъема от нулевой линии – вертикальное смещение ларинкса (VLP).

Рис. 1. Глоттограмма реализации слова birun ‘наружу’ в исполнении информанта М 2 (мужчина)

Важным пунктом в данной работе является то, что ларингальные параметры, которые ранее рассматривались статично, на каком-то определенном временном срезе, рассматриваются в динамике, совместно с инфразвуковой составляющей, которую в большинстве случаев считают параметром избыточным и незначительным и отсеивают. Также важно отметить отход от обработки абсолютных значений параметров и их перевод в относительные величины, а также проведение нормализации значений (Z-score), что позволяет работать с более устойчивыми по отношению к темпу речи и индивидуальным особенностям говорящих величинами.

Кроме того, в ходе работы запись речи была подвергнута фильтрации для подавления шумов в определенной полосе частот. Здесь мы отталкиваемся от того, что нижняя граница слышимых частот находится вблизи 20 Гц, и, чтобы не утерять полезную информацию, разумным представляется с помощью фильтра (Low Pass) установить частоту среза (Cutoff) чуть выше упомянутой величины –

на уровне 25 Гц. Опытным путём выяснилось, что при повышении частоты среза менее чем на октаву, до 30–40 Гц, на графике колебаний появлялись гармонические колебания слышимых частот, усложняющих анализ, а при понижении её до 20 Гц присутствовала вероятность того, что фильтр срезает часть инфразвуковой составляющей. Таким образом, оптимальной оказалась частота среза 25 Гц.

По данным проведенных измерений была составлена таблица, обработанная статистическим пакетом SPSS, на основании данных которой проверялась статистическая связь ударения с вышеописанными параметрами слогоносителя. При оценке значимости параметров мы принимаем следующие значения: значение $p < 0,05$ – значимый; $p < 0,001$ – высокозначимый; $p > 0,05$ – незначимый [Craparo 2007: 889–891].

Проведенные эксперименты показали, что маркирование ударного слога в персидском языке начинается уже на входе в артикуляторный аппарат и, помимо известного фактора повышения частоты основного тона F_0 на 3,44% или на 0,59 полутона (Sig=0,019), производится снижением инфразвуковой частоты колебаний ларинкса Sub на 3,47% или на 2,65 полутона (Sig=0,015). Последний фактор можно назвать ларингальным коррелятом персидского словесного ударения. Отметим, что при аналогичном обследовании ударения в ваханском языке такого коррелята обнаружить не удалось [Иванов, Силантьева 2019: 525–527].

Несколько неожиданным здесь является разнонаправленность изменения частот в ударном слоге: частота колебаний голосовых связок F_0 в нём повышается, а частота колебаний ларинкса Sub снижается. По нашей гипотезе это происходит из-за того, что более напряжённые мышцы гортани оказывают большее сопротивление потоку воздуха из лёгких и другим сопутствующим воздействиям, и, соответственно, замедляют своё движение. При этом напряжённость мышц гортани в вертикальном направлении не препятствует повышению частоты горизонтальных колебаний голосовых связок F_0 внутри неё.

В отличие от тонического коррелята F_0 ларингальный коррелят Sub является более робастной характеристикой. Тонический коррелят F_0 становится статистически значимым только при использовании относительных значений повышения F_0 в ударном слоге, так как F_0 сильно зависит от индивидуальных особенностей говорящего, в частности, от гендерных различий. Тонирование просодии слова у женщин и мужчин производится в разных октавах. Поэтому абсолютные значения F_0 для определения ударного слога в потоке речи нерелевантны (Sig=0,446). В то же время абсолютные значения ларингального коррелята пригодны для обнаружения ударного слога и без перевода в относительные значения (Sig=0,016). Это говорит о том, что, несмотря на существенные различия в размерах речевых органов, инфразвуковая частота колебаний ларинкса у женщин и мужчин может быть использована для распознавания ударных слогов в потоке речи в реальном времени. Единственным неудобством является то, что для измерения инфразвуковой

частоты колебаний ларинкса в потоке речи требуется специальный прибор и второй канал для записи параметров.

Пилот-эксперимент исследования амплитудной составляющей вертикального смещения ларинкса VLP показал нерелевантность параметра (Sig=0,667) для маркирования ударного слога в персидской речи.

Литература

[1] Craparo R.M. Significance level. *Encyclopedia of Measurement and Statistics*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2007, 3: 889–891.

[2] Иванов В.Б., Силантьева Л.Г. Акустико-глоттографический анализ ваханского ударения. *Мир науки, культуры, образования*, 2019, 6 (79): 525–527.

Фонология лингвистических единиц в иероглифической письменности Китая

Софронов М.В.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор, научный сотрудник кафедры китайской филологии

С приходом буддизма Китай познакомился с индийской культурой и ее языками. Прямое взаимодействие санскрита/пракритов с китайским языком расширило знания китайцев о своем языке и письменности. Среди них главным является определение минимальных единиц своего языка. В индоевропейском санскрите/пракритах минимальной единицей языка является фонема, реализованная как физическая единица – звук, который собственной семантики не имеет, но способен различать значения старших лингвистических единиц. Письменные обозначения звуков санскрита образуют алфавит, построенный в порядке их артикуляции с отдельными системами гласных и согласных. В слоговом китайском языке минимальной физической единицей является слог, который реализуется коартикуляцией всех его сегментов, обладает собственной семантикой и тональной просодией. Письменными обозначениями китайских слоговых единиц являются иероглифические знаки, которые образуют собственную графическую систему, лишь косвенно связанную с семантической и фонетической структурой обозначенных слогов. Слоги китайского языка состоят из фонем в последовательности их звучности: инициаль слога является простым согласным с нулевой звучностью, чья артикуляция не отличается от согласных большинства языков. Финаль слога является его вокалической частью и носительницей слогового тона, которая состоит из одного слогового гласного или из последовательности не более четырех фонем, из которых одна, прилегающая к инициали, является медиалью слога. Бинарная структура слогов китайского языка отражена в их традиционном делении на инициали и финали. При таком делении фонемное содержание слогов по умолчанию известно говорящим и может быть воспроизведено как целиком, так и по частям: их

можно идентифицировать и различать, но в письменной форме эти части определяются косвенным путем в словарях и фонетических таблицах, созданных учеными филологами. Деление слогов на части, поддающиеся отдельной идентификации, является основанием хорошо известного эвристического метода фаньце, которым определяется инициаль и финаль любого слога с неизвестным чтением. Для того чтобы его узнать достаточно указать два слога, расположенных вертикально по направлению письменной строки, где инициаль первого или верхнего знака фаньце тождественна инициали искомого слога, а финаль второго или нижнего знака тождественна его финали.

Индийская наука утверждает, что санскрит является универсальным языком и его алфавит с научным порядком единиц пригоден для обозначения звуков любого языка, в частности китайского, ввиду физической общности всех языков. Взаимодействие санскрита и китайского языка показало, что различие их минимальных единиц не препятствует их делению на отдельные фонетические единицы и допускает создание их системы по образцу санскритского алфавита. При переходе к письменным формам санскритско-китайского взаимодействия обнаруживается сходство чтений единиц санскритского алфавита с китайским открытыми слогами. Чтения букв для гласных звучат как китайские слоги, состоящие из нулевой согласной инициали и финали в виде простого гласного/дифтонга. Буквы для согласных читались как слоги с инициалью обозначенного согласного и финалью /а/. Чтения санскритских гласных анусвара, анунасика, висарга, звучащие как китайские закрытые слоги с завершающими согласными, не нарушили общего соответствия фонетических единиц этих языков.

Первым словарем, где возможность фонемного анализа слоговых единиц китайского языка и их построения в санскритском алфавитном порядке, был словарь Шэнълэй «Классы звуков», который составил Ли Дэн, служащий ведомства ритуалов царства Вэй в эпоху «Троецарствия» (220-280 гг.). Словарь не сохранился, но о его содержании остались сведения разной степени достоверности в библиографических и исторических источниках. Из них заслуживают доверия то, что словарь состоял из пяти глав, содержавших слоги артикуляторных классов китайских инициалей, соответствующих нотам китайского основного пятиступенного звукоряда. Это означает, что в основе словаря лежит натурфилософская идея общности звуков речи и музыки, которая допускает обозначение речи нотными знаками. Достоверно также и то, что знаки китайской письменности с словаре имели чтения по фаньце, но о их семантике ничего не известно. В целом, Шэнълэй в более похож на раздел инициалей фонетической таблицы, чем на словарь, и поэтому считается далеким предшественником фонетических таблиц. Более привычные традиционные фонетические словари появились позднее в IV – V вв. в ответна потребность в стандартном чтении знаков китайского письма, которое обозначалось с помощью развитого метода фаньце, созданного учеными филологами того времени, не учитывавших в явной форме опыт словаря Шэнълэй.

Фонетические таблицы как самостоятельное средство определения чтений знаков китайского письма, которые давали прямой доступ к фонемной структуре китайских слогов, появились, по мнению историков китайской науки во времена восприятия буддизма в Китае на переходе от эпохи Хань к Троецарствию. Первой из известных фонетических таблиц является Юнь цзин 韻鏡 «Зерцало рифм», текст которого относится к периоду между 1195-2000 гг. династии Южная Сун. Он содержит его ранний исходный текст и послесловие, где приведено содержание одной из его последующих редакций. Для исторической фонологии китайского языка наибольший интерес представляет первый, который дает представление о Юнь цзине – раннем памятнике китайской филологической науки, и о состоянии фонологической системы китайского языка в эти два периода его развития.

Система китайских слоговых единиц в Юньцзине представляет собой координатную сетку, занимающую 43 развернутых листа. Система основана на хорошем знании предшествующих достижений филологической науки: в ней соединены простые согласные инициали со словесно описанной артикуляцией с финалями обозначенными рифмами из фонетических словарей периода «шести династий», чья фонемная структура является предметом описания в таблице. Нулевые пересечения линий координат в таблице помечены кружком. В содержательных пересечениях находятся микроединицы, состоящие из слогов, финали которых фонетически реализуются в резонансном пространстве органов речи способное изменять объем в зависимости от составляющих фонологических единиц. Китайская традиционная фонологии времени создания Юньцзина различала в нем четыре объемных ступени – дэна, которые реализовались как четыре строки слогов с финалями, которые приобретали свойства, соответствующие этим ступеням. По позднему классическому определению (скорее, соглашению) максимальный объем представлен в финалях слогов 1 дэна, в финалях последующих дэнов он постепенно снижается и достигает минимума в 4-ом. Таким образом, система слогов в Юньцзине состоит из микроединиц, состоящих из простых инициалей и финалей с их тонами, расположенных вертикально в последовательности четырех дэнов. См. таблицу.

Таблица

Ини. фин.	губные 唇音	язычные 舌音	зубные коренные 牙音	зубные альвеолярные 齿音	гортанные 喉音	зубно-язычные сонанты 舌音齿
Дэн	p, p^h ,b, m	t , t^h, d, n	k, k^h, g, N	ts, ts^h, dz, s, z	/, x, ⊗, j	l, z∃
1	C(w)V	C(w)V	C(w)V	C(w)V	C(w)V	C(w)V
2	C(w)V	C(w)V	C(w)V	C(w)V	C(w)V	C(w)V
3	Cj(w)V	Cj(w)V	Cj(w)V	Cj(w)V	Cj(w)V	C(w)V
4	Ci(w)V	Ci(w)V	Ci(w)V	Ci(w)V	Ci(w)V	Ci(w)V

Согласные инициали Юньцзина состоят из шести родовых классов согласных инициалей и видовых акустических признаков единиц этих классов в словесных описаниях, потому что ко времени составления Юньцзина письменные знаки для китайских согласных – аналоги единиц санскритского алфавита – еще не были изобретены. Поэтому во главе вертикальных столбцов таблицы находятся две заглавных горизонтальных строки, где на верхней указаны родовые классы согласных инициалей, артикуляции которых описана соответственными органами речевого тракта в последовательности, отличающейся от санскритского алфавита: «губные» 唇音, «язычные» 舌音 «зубные коренные» 牙音, «зубные альвеолярные» 齿音, «гортанные» 喉音, «язычно-зубные» 舌音齿. На его второй строке под каждым классом расположены ряды видовых признаков аналогичные рядам варга санскритского алфавита, в составе от двух до пяти единиц в зависимости от класса. Эти признаки по существу являются их качественной оценкой, не связанной с артикуляцией: цин 清 «прозрачный» смычный глухой, цыцин 次清 «менее прозрачный» смычный глухой придыхательный, чжо 浊 «мутный» смычный звонкий, цин-чжо 清浊 «чисто-мутный» смычный сонорный носовой. Смычные аффрикаты стоят из описания тех же четырех составляющих с дополнением щелевых с признаками «чистый» цин 清 и «мутный» 浊. Класс ротовых сонантов состоит из двух членов l и z∃ с признаками «чисто-мутный» 清浊. Качественная оценка согласных класса гортанных в общем сходна с артикуляцией образованных в ротовой полости, но имеют отличия: глухая гортанная смычка имеет тот же акустический признак 清, что и согласные ротовой полости, но аспирированного члена 次清 не имеет. Поэтому в системе согласных послесловия к Юнь цзину эти различия были отмечены особо: гортанная смычка и иот названы независимыми, а щелевые глухой x- и звонкий ⊗ – парными согласными. Сонорный j- также имеет признак 清浊, но по месту образования является не носовым, а среднеязычным ротовым.

В классах инициалей слогов Юньцзина заложен эвристический замысел их двоякого толкования как смычных и как щелевых в условиях, которые внешне напоминают современную вокальную партитуру. В классе губных это толкование зависит от состава их финалей, где существенное значение имеют признаки слогового гласного и признаки медиали. Губные инициали p- и p^h- реализуются как смычные при взаимодействии с финалями кайкоу 1 дэна с внутренним слоговым гласным, которые занимают позиции слогов с чистой и придыхательной инициалью. При взаимодействии с финалями 3 дэна с внутренними слоговыми гласными и медиалью -w- они реализуются как единый губной щелевой f-. По современны представлениям чистый и придыхательный p- переходят в единый f-. Однако в соответствующей строке 3 дэна находятся два

слога как и в слогах 1 дэна. Это допускает предположение, что в Юньцзине описан переход не к единому щелевому f-, а к двум, т.е. к чистому и придыхательному. В пользу такого толкования свидетельствует система инициалей последующих фонетических таблиц впервые приведенная в послесловии к Юнь цзину, где приведена номенклатура инициалей китайских слогов пригодная для финалей любого дэна. Инициаль f- в этой системе представлена двумя единицами 非 фэй, 敷 фу, 奉 фэн, из которых фэй и фэн передают разные артикуляции чистого f-, а инициаль фу традиционно передает придыхательный fh-, который е формально сохраняется в ее составе. Тот же замысел обнаруживается классе переднеязычных аффрикат, где признак инициалей класса как свистящис ts- переходит к признаку шипящий ts≅ происходит в слогах с финалями 3 дэна кайкоу и хэкоу с внешним слоговым гласным раздельно для чистых и придыхательных. Этот переход был показан в послесловии, где номенклатура согласных аффрикат состояла из отдельных классов свистящих в слогах 1и 2 дэна и шипящих в слогах 3 и 4 дэна.

На заглавном столбце горизонтальных строк слоговой системы Юньцзина указаны 206 финалей, которые состоят из слогового гласного, медиали, завершающего согласного. разделенных, в свою очередь, на четыре тональных класса по качеству их восприятия: ровный, восходящий, уходящий, входящий.

Простая финаль китайского слога состоит из ее ядра – слогового гласного. По способу артикуляции слоговые гласные в Юньцзине делятся на внутренние и внешние что, вероятно, соответствует современному различению гласных по ряду и подъему. Этот признак гласных сыграл важную роль в развитии фонологической системы китайского языка как источник формирования артикуляторных признаков инициалей. На актуальность этого признака в Юньцзине указывает регулярное распределение слогов этих видов гласных по чередующимся страницам. Сложная финаль состоят из слогового гласного и двух видов медиалей, которые прилегают непосредственно к инициали слога. Медиаль -w-, создает лабиализацию инициали в слогах любого дэна, медиаль j-, создающая ее палатализацию, присутствует только в слогах 3 дэна, где. Медиаль i- является - признаком 4 дэна, однако палатализацию не создает, из-за чего дистрибуция инициалей слогов здесь совпадает с дистрибуцией 1 дэна. Поэтому откуда современные исследователи считают, что медиаль 4 дэна является просто гласным -i-, что поддерживает систему, но не проясняет природу самих медиалей. Иерархия медиалей и слоговых гласных указана в системе слогов их местом: слоговой гласный и слоги с медиалью -w- находятся на общих страницах таблицы, слоги медиалью -j- находится в микросистемах. Следует особо отметить, что слоги с медиалью -w- образуют устойчивую традиционную категорию хэкоу которая выделяется во всех фонетических таблицах. Ей противостоит традиционная категория кайкоу, куда входят слоги без медиали или с медиалью -j-. Слоги кайкоу и хэкоу чередуются на страницах Юньцзина, но на некоторых страницах они объединяются.

Следующая ступень описания согласных, представленная в послесловии к Юньцзину, содержит номенклатуру инициалей в порядке санскритского

алфавита не зависящих от качества их финалей и их деление на артикуляторные классы с помощью фонетических терминов, приведенных в предисловии к Юнь цзину как знаки, представляющие видовые признаки качества согласных каждого родового класса. В классе губных 重 «тяжелые» находятся смычные кайкоу первого дэна p, p^h ,b, m, а в классе 轻 «легкие» – смычные щелевые хэкоу третьего дэна – f , f^h , v, M.

В классе переднеязычных смычных «язычных» 舌音 находятся «апикальные» 舌头 шэтоу смычные кайкоу и хэкоу первого дэна вместе с «язычными» 舌上 чистыми и «палатальными» t, t^h, d, n кайкоу и хэкоу третьего дэна. В классе заднеязычных находятся только чистые смычные: k, k^h, g, N, что означает отсутствие в то время палатализации заднеязычных. В классе переднеязычных аффрикат находятся «альвеолярные» свистящие смычные ts, ts^h, dz со щелевыми s и z 1 и 2 дэна и шипящие смычные аффрикаты кайкоу и хэкоу ts≅, $ts≅^h$,dz и щелевые s≅ и z≅ 3 дэна кайкоу и хэкоу. В классе гортанных находятся: гортанная смычка /, щелевые глухой x и звонкий ⊗, сонант j, последний не назализован.

Наряду с фонетическими терминами в послесловии используются также музыкальные термины – ноты, с помощью которых поясняется качество звучания китайских слогов, основанное на общефонетическом законе высокого звучания глухих согласных и низкое – звонких. Регистровое противопоставление реализовалось полностью в эстетических и ораторских функциях речи, которые имели первостепенное значение для фонетических таблиц. Практически музыкальная интерпретация слогов китайского языка использовалась для указания качества согласного, что требовалось для различения шумных от ротовых сонантов, когда последние обозначались сочетаниями нот со знаками, указывающими на постоянную бемольную окраску.

Компилятивная фонетическая таблица филолога Чжэн Цяо времен династии Южная Сун 七音韵鉴 «Зерцало рифм семи (классов) звуков». Его таблица в дополнении к Юньцзитну содержит два класса инициалей с двумя нотами их музыкальной интерпретации. Она сохраняет классификация слогов по медиалям на кай коу и хэкоу, деление финалей на дэны, совпадающее с Юнь Цзином, деление ядерных гласных на внутренние и внешние, которое к тому времени в других таблицах уже не встречалось.

Сериальные глаголы в хинди-урду

Хохлова Л.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры индийской филологии, khokhl@iaas.msu.ru

Сериальными обычно считаются конструкции, состоящие из двух или более глаголов, описывающих тесно связанные подсобытия одного события. Каждый глагол, входящий в сериальную конструкцию, должен обладать способностью употребляться самостоятельно. Между глаголами не может быть никаких показателей сочинительной или подчинительной синтаксической связи. Они обычно образуют просодическое единство и имеют единый субъект. Существует два морфологических типа сериальных конструкций: в первом каждый глагол представлен в виде финитной формы (русск. *сижу молчу*), во втором только один глагол выражен финитной формой, другие употребляются в виде основы. [Aikhenvald 2006], [Стойнова & Шлуинский 2013].

В отличие от хорошо описанных в лингвистической литературе глагольных сочетаний, образованных присоединением к основному смысловому легкого глагола, сериальные конструкции в хинди-урду мало привлекали внимание лингвистов. А. Хотли-Джаниз рассматривает сочетания некоторых глаголов движения в урду. Она считает, что рассмотренные ею глагольные конструкции отличаются от сериальных, так как описывают разные события, а не одно цельное событие, состоящее из связанных между собой подсобытий. [Hautli-Janisz 2013]. Неточности в описании материала заставляют усомниться в надежности выводов автора.

А.М. Райна рассматривает на материале хинди так называемые «co-eventual verbs» - сочетания двух полнозначных глаголов различной семантики, один из которых выражен финитной формой, другой употребляется в виде основы. [Raina 2011]. В данной работе будет показано, что большая часть описываемых А.М. Райна глагольных композитов соответствует определению сериальных глаголов, предлагаемых различными исследователями. [Aikhenvald 2006], [Стойнова & Шлуинский 2013] и др.

В работе А.М. Райна выделяется четыре типа логических отношений между компонентами «co-eventual verbs» в хинди:

I. Причина - следствие

(1) *mālī* *ne* *bandar* *ko* ***mār*** ***bhag-āy-ā***
садовник ERG обезьяна ACC **ударить бежать-CAUS-AOR.M.SG**

‘Садовник прогнал обезьяну (букв. «ударив, заставил убежать»)

II. Предшествование – следование

(2) *rakeś ne* *ciṭṭhī* ***likh*** ***bhej-ī***
Ракеш ERG письмо.F **писать** **посылать-AOR.F.SG**
‘Ракеш послал письмо (букв. «написав, отправил письмо»)

III. Способ - направление движения

(3) *cor jel se* ***bhāg*** ***nikl-ā***
вор тюрьма ABL **бежать** **выходить-AOR.M.SG**
‘Вор сбежал из тюрьмы (букв. «побежав, вышел»)

IV. Направление – общая характеристика действия. Глагол, описывающий первое
подсобытие, уточнят значение сочетания:

(4) *sītā ne ge^{n}d* ***uchāl*** ***phe^{n}nk-ī***
Сита ERG мяч **подбрасывать** **бросать-AOR.F.SG**
‘Сита бросила мяч (букв. «подбросив, бросила») [Raina 2011]

По структуре описываемые конструкции в хинди-урду совпадают с интенсивными глаголами: и те, и другие представлены сочетанием основы первого глагола с финитными формами второго. И те, и другие обозначают одно событие. Отличие состоит в том, что интенсивные глаголы образуются сочетанием основного смыслового и десемантизированного легкого глагола. Список легких глаголов ограничен 5-7 единицами. В сериальных конструкциях оба глагола не десемантизированы и входят в открытый список. Ниже рассматриваются два синтаксических свойства интенсивных и сериальных глаголов: инверсия компонентов и каузативная деривация.

Инверсия основного смыслового и легкого глагола в интенсивах служит обычно для обозначения умышленно совершаемого негативного действия:

(5) *mohan ne bhūl se gilās* ***toṛ*** ***diy-ā***
Мохан ERG ошибка INSTR стакан **бить** **давать-AOR.M.SG**

‘Мохан нечаянно разбил стакан’

(6) *mohan ne *bhūl se gilās* ***de*** ***toṛ-ā***
Мохан ERG ошибка INSTR стакан **давать** **бить-AOR.M.SG**

‘Мохан нарочно разбил стакан’

В сериальных конструкциях только 3-й тип (способ-направление движения) допускает инверсию компонентов:

(7) *pakśī* ***cal*** ***uṛ-ā*** = ***pakśī uṛ*** ***cal-ā***
птица.M **двигаться** **лететь-AOR.M.SG** птица.M **лететь двигаться-AOR.M.SG**
‘Птица улетела’.

В предложениях с интенсивными глаголами аргументная структура высказывания определяется основным смысловым глаголом: только он может принимать каузативный суффикс и т.о. маркировать актантную деривацию:

(8) *rām ne naukar se bhikhārī ko* ***bhag-vā*** ***diy-ā***
Рам ERG слуга INSTR попрошайка ACC **бежать-CAUS** **давать-AOR.M.SG**

‘Рам велел слуге прогнать попрошайку’.

В сериальных конструкциях каузативный маркер как правило принимает второй компонент:

(9) *kisān-o^{n}* *ne* *śer* *ko* ***mār*** ***gir-vāy-ā***
крестьянин-**OBL** ERG тигр ACC **бить** **падать-CAUS- AOR.M.SG**

‘Крестьяне наняли кого-то, чтобы убить тигра’

Только глагольные композиты второго типа (предшествование – следование) допускают каузативный маркер как в первом, так и во втором глаголе, при этом в результате актантной деривации появляются две различные аргументные структуры:

(10) *rakeś ne* *ciṭṭhī* ***likh-vā*** ***bhej-ī***
Ракеш ERG письмо.F **писать-CAUS** **посылать-AOR.F.SG**

‘Ракеш попросил кого-то написать (продиктовал кому-то) письмо и отправил его (сам)’

(11) *rakeś* ne *ciṭṭhī* ***likh*** ***bhij-vā-ī***
Ракеш ERG письмо.F **писать** **отправлять-CAUS-AOR.F.SG**

‘Ракеш написал письмо (сам) и попросил (кого-то) его отправить’

Глагольные сочетания типа «предшествование – следование» в отличие от других типов рассматриваемых сериальных конструкций допускают замену основы первого глагола деепричастием без изменения смысла высказывания:

(12) *rakeś ne* *ciṭṭhī* ***likh-kar*** ***bhej-ī***
Ракеш ERG письмо.F ***писать*-CV** **посылать- AOR.F.SG**
‘Ракеш, написав, отправил письмо’

Таким образом, в отличие от рассмотренных выше других типов сочетаний двух полнозначных глаголов, глагольные сочетания типа «предшествование – следование» описывают скорее не подсобытия одного события, но два следующих друг за другом события и не соответствуют определению сериальных глаголов.

Литература

[1] *Стойнова, Н.* & *Шлуинский, А.* 2013. Сериальные глагольные конструкции в русском языке URL: https://iling.spb.ru/confs/rusconstr2013/pdf/handouts/stoynovashluinsky.pdf 1-11
[2] *Aikhenvald, A. Y.* 2006. Serial Verb Constructions in Typological Perspective // Serial Verb Constructions: A Cross-Linguistic Typology. Oxford. P. 1-68.
[3] *Raina, Achla M*. The co-eventual verb in Hindi. // Indo-Aryan Linguistics, Omkar N. Koul (ed.), Mysore, Central Institute of Indian Languages, 2011:135-152.
[4] *Coelho, Gail.* The re-emergence of finite serial verbs in South Dravidian // Singh, Rajendra and Bhattacharja, Shishir, *Annual Review of South Asian Languages and Linguistics*. Berlin: Walter de Gruyter, 2012.
[5] *Hautli-Janisz, Annette*. Moving Right Along: Motion Verb Sequences in Urdu, Miriam Butt and Tracy Holloway King (ed.), University of Konstanz, Proceedings of the LFG13 Conference, CSLI Publications 2013: 295-315, URL: http://csli-publications.stanford.edu/

Ад-дхарм: «изначальная вера» панджабских далитов (к вопросу о формировании религиозных рамок в сикхизме)

Бочковская А.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории Южной Азии

Сикхизм – религия, возникшая на северо-западе Индии в Панджабе/Пятриречье на рубеже XV–XVI вв. и вобравшая ряд положений средневекового бхакти (реформаторского течения в индуизме) и суфизма (мусульманского мистицизма) – исходно отличался нечеткостью как внешних, так и внутренних границ. Окончательное формирование доктрины произошло лишь в конце XVII в. при десятом сикхском гуру Гобинде Сингхе (1666–1708), но и после этого, вплоть до последней трети XIX столетия, жителей Пятиречья отличало отсутствие жестких рамок при определении собственной идентичности [2, с. 363-384].

Ситуация изменилась с началом движения Сингх-сабха в 1870-х годах: его участники-сикхи начали вырабатывать критерии, в том числе визуальные, для определения «своих» и «чужих». Изначально возглавлявшим движение Сингх-сабха санатан-сикхам, придерживавшимся «традиционного»/инклюзивного подхода к религии, оппозицию составили тат-халса, т.е. «[самые] истинные» сикхи-халса, которые стремились следовать всем заветам гуру Гобинда Сингха. По их представлениям, единственным сикхским гуру являлся канонизированный при Гобинде Сингхе священный текст Гуру-грантх; только он мог быть единственным объектом поклонения в храмах-гурдварах. Сикхи-халса также стали уделять особое внимание внешней атрибутике сикхизма.

Отход от эгалитарных традиций, которые были изначально присущи сикхской вере, и выстраивание внутри нее новых границ отталкивали значительную часть социальных низов, прежде всего низкокастовых сикхов. В 1920-х годах в Панджабе в их среде началось движение ад(и)-дхар(а)м – «изначальная вера», одним из основателей и главным идеологом которого стал Мангу Рам Муговалия (1886–1980). Среди его последователей были по преимуществу чамары (кожевники), одна из наиболее многочисленных неприкасаемых каст Пятиречья.

О создании ад-дхарм как религии неприкасаемых было объявлено на собрании последователей Мангу Рама в 1926 г.; тогда же на свет появилась их первая организация, Ад-дхарм мандал / Ad Dharam Mandal [1, с. 42]. При проведении всеиндийской переписи в 1931 г. ад-дхарм была зарегистрирована как самостоятельная религия, насчитывавшая на тот момент более 450 тыс. последователей. После заключения Пунского пакта в 1932 г. понятие «ад-дхарми» в переписях стало означать принадлежность не к религии, а к касте.

Своим духовным гуру ад-дхарми провозгласили санта (святого) Равидаса (XV–XVI вв.) – чамара по происхождению; его гимны являются частью священной Гуру-грантх наряду с гимнами сикхских гуру и ряда средневековых поэтов бхакти и суфизма. Также в свой «пантеон» ад-дхарми включили Валмики, почитаемого как ади-кави, первопоэта, автора эпоса «Рамаяна», и бхактов Кабира (XV–XVII вв.) и Намдева (XIII-XIV вв.), чье творчество также представлено в Гуру-грантх. Приветствием ад-дхарми стало «Джай гурудев!» («Да здравствует святой Гуру [Равидас]!»). В качестве внешнего атрибута ад-дхарми избрали одежды красного цвета [1, с. 53]. У них появился собственный символ, он же мантра, – сох(а)м (soham, букв. «я есть»), заимствованный, очевидно, из упанишад и обозначающий исходное единство и равенство всех живых существ, а также «альтернативная» священная книга, получившая название Ад-пракаш («Изначальный свет») [4; 1, с. 52; 3, с. 336]. Тем не менее, в своих храмах-бхаванах они продолжали размещать и Гуру-грантх, с одинаковым пиететом относясь к обоим текстам.

К середине 1940-х годов движение ад-дхарми практически сошло на нет, но возродилось в начале 1970-х – в немалой степени благодаря усилиям диаспоры [3, с. 340-345]. Оно получило новый импульс благодаря росту социально-политической активности далитов (букв. «угнетенные»; общее название для бывших неприкасаемых и близких к ним по статусу каст) в Индии в целом и в Панджабе в частности. В декабре 1970 г. была образована Федерация зарегистрированных каст, [входящих в] ад-дхарм / Ad Dharm Scheduled Castes Federation. Ее задачи включали формирование собственной идентичности ад-дхарми как самостоятельного сообщества (qaum), продолжение борьбы с дискриминацией далитов и отстаивание их прав. На этом этапе ряды ад-дхарми расширились, к ним присоединились чухра (подметальщики), сикхи-мазхаби, рамдасия (кожевенники) и необуддисты (последователи Б.Р. Амбедкара) [3, с. 341]. Однако события в индийском Панджабе 1980-х годов, связанные с попыткой сецессии и с введением чрезвычайного положения в штате, привели к очередному спаду активности ад-дхарми.

Современный этап истории сообщества связан главным образом с деятельностью Всеиндийской миссии ад-дхарм / All-India Adi Dharam Mission. Ее главный храм (ади-двара) Чаран-чох-Ганга находится в панджабской деревне Кхарали, дистрикт Хошиарпур.

На основе материалов полевых исследований, проведенных автором в марте 2022 г. в Панджабе (дистрикты Хошиарпур и Джаландхар), в докладе анализируются особенности взаимодействия ад-дхарми с «истинными» сикхами, а также с другими последователями Равидаса в сегодняшней Индии.

Литература

[1] *Juergensmeyer M.* Religious Rebels in the Punjab: The Ad Dharam Challenge to Caste. New Delhi, Navayana. 2009 (1982).

[2] *Oberoi H.* The Construction of the Religious Boundaries. Culture, Identity and Diversity in the Sikh Tradition. Delhi: Oxford University Press. 1994.

[3] *Ram R.* Untouchability, Dalit Consciousness, and the Ad Dharm Movement in Punjab // Contributions to Indian Sociology, 2004. Vol. 38, iss. 3. P. 323-349.
[4] Sri Adi Prakash Ratnakar. Hoshiarpur: Manorama ilektrik pres, 2041 jeth (1984).

Неизвестные письма профессора Лазаревского института восточных языков А.Е. Крымского профессору и начальнику Учебного отделения восточных языков МИД России В.А. Жуковскому из фонда Архива востоковедов ИВР РАН (1903–1917 гг.)

Валеев Р.М., Валеева Р.З.,
Кириллина С.А.[1]
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока[1]

На протяжении XVIII – начала XX в. в Российской империи формируется и развивается классическая иранистика – актуальная научная дисциплина и значимое направление мирового востоковедения. Иранистика как практической, так и академической направленности была неразрывно связана с многоаспектным исследованием мусульманского Востока. В академических и университетских центрах Санкт-Петербурга, Казани и Москвы она ориентировалась на изучение иранских языков, исследование памятников персидской классической словесности и материальной культуры иранской цивилизации. Анализ научной школы российской иранистики XIX – начала XX в. свидетельствует о ее комплексном характере и историко-филологической и сравнительно-исторической направленности. Разнообразная и широкоохватная тематика, связанная с доисламским и мусульманским персидским социополитическим, культурным и этнолингвистическим пространством, включающим территории Ирана, Афганистана, современных республик Средней Азии и частично Индии ярко представлены в творчестве профессора московского Лазаревского института восточных языков А.Е. Крымского (1871–1942) [см., например, 3; 4] и профессора Санкт-Петербургского университета, члена-корреспондента Петербургской академии наук, начальника Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД (1823–1917 гг.) В.А. Жуковского (1858–1918) [см., например, 2].

Изучение А.Е. Крымским и В.А. Жуковским историко-культурного наследия народов Ирана, включая языки, историю и литературу, характеризовалось энциклопедичностью и системностью, что ярко демонстрируют их опубликованные и рукописные труды. Педагогический опыт и исследовательские навыки этих выдающихся представителей отечественного востоковедения впитали в себя научные традиции, сформировавшиеся в российской и зарубежной иранистике XIX в. Их богатое академическое наследие отличает органичное сочетание исторических, лингвистических, литературоведческих и религиоведческих поисков; сохранение и углубление

научного интереса к средневековой истории и культуре мусульманского Ирана в широком контексте арабо-мусульманской цивилизации; методичный поиск, коллекционирование, описание и скрупулезное текстологическое изучение персидских рукописей и книг; изучение и переводы произведений персидских классиков (Хайяма, Хафиза, Саади и др.) и наконец конструктивную критику европоцентристских подходов к оценке мусульманского, в том числе персидского культурного наследия [1; 5].

Важным источником, расширяющим и углубляющим наши представления о значимых страницах отечественной иранистики начала XX столетия и характере взаимодействия ключевых востоковедных центров Москвы и Санкт-Петербурга, служит личная переписка А.Е. Крымского и В.А. Жуковского. Доклад посвящен обзору и оценке 14 неопубликованных писем А.Е. Крымского В.А. Жуковскому, хранящимся в фонде Архива востоковедов ИВ РАН (ф. 17, оп. 2, ед. хр. 30, крайние даты: 1903–1917 гг.). К сожалению, на настоящий момент мы не обладаем информацией о письмах В.А. Жуковского, адресованных А.Е. Крымскому.

Часть эпистолярного наследия А.Е. Крымского, включающая его переписку с В.А. Жуковским, до настоявшего времени остается малоизвестной в силу того, что она не введена в научный оборот. В то же время она имеет несомненную научную и историко-культурную ценность как для академического сообщества, так и для широкого читателя, интересующегося историей отечественного востоковедения. Анализируемые в докладе письма А.Е. Крымского содержат сведения, позволяющие по достоинству оценить вклад российских востоковедных научно-образовательных центров и выдающихся ученых-востоковедов в развитие отечественной иранистики и, шире, ориенталистики в условиях переломной эпохи в истории России.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00385.

Литература

[1] *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977.
[2] *Жуковский В.А.* Образцы персидского народного творчества. СПб., 1902.
[3] *Крымский А.Е.* Арзакиды, Сасаниды и завоевание Ирана арабами. М., 1900.
[4] *Крымский А.Е.* История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. Т. I–III. М., 1903–1906.
[5] История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997.

Тюркские народы в наследии Н.Ф. Катанова: к 160-летию со дня рождения

Валеев Р. М., Валеева Р.З., Тугужекова В.Н.

Изучение историко-культурного и научного наследия российских тюркологов, в том числе известного хакасского ученого-тюрколога, педагога, путешественника и просветителя, профессора, заведующего кафедрой турецко-татарского языка Казанского университета Николая Федоровича Катанова (1862–1922), является важным направлением гуманитарных исследований в области востоковедения.

Н.Ф. Катанов, чей 160-летний юбилей мы отмечаем в 2022 г., – один из выдающихся представителей российской науки, образования и культуры рубежа XIX–XX вв. Его богатое научное наследие и по сей день остается востребованным и актуальным.

Научные достижения Н.Ф. Катанова, начиная со студенческих лет в Петербурге (1884–1888 гг.), периода экспедиций в Южную Сибирь и Восточный Туркестан (1889–1892 гг.) и преподавательской работы в Казани (1894–1922 гг.), связаны с комплексным исследованием языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Синьцзяня, Поволжья и Приуралья. История, фольклор, языки тюркских народов Евразии стали призванием и научной судьбой Н.Ф. Катанова, который оказал огромное влияние на развитие отечественной и европейской тюркологической лингвистики, этнографии и фольклористики.

На протяжении многих лет Н.Ф. Катанов методично и целенаправленно собирал лингвистический, этнографический и фольклористический материал, имеющий теоретическое и прикладное значение. Накопление им достоверных фактических историко-этнографических и историко-культурных материалов и формирование научно-методических принципов исследования письменного и устного наследия тюркоязычных народов евразийского пространства началось с его первых полевых экспедиций в Сибири.

Данный доклад посвящен обзору и оценке направлений поиска, анализа и систематизации материалов, посвященных биографии и наследию Н.Ф. Катанова, которые хранятся в российских архивных и музейных центрах, фондах и собраниях. Научная, педагогическая и просветительская деятельность Н.Ф. Катанова – неоспоримое свидетельство академических и научно-просветительских достижений отечественной и европейской тюркологической науки, поступательного развития национальных гуманитарных исследований и научных школ XIX – начала XX в.

Историко-архивоведческая работа авторов доклада, которая осуществлялась на базе как опубликованных, так и неопубликованных собраний и материалов, сопровождалась комплексным изучением академической биографии Н.Ф. Катанова, социальной и профессиональной обстановки, в которой он творил, а также ключевых исследовательских результатов ученого,

его инновационных научных идей. При этом учитывался тот факт, что изыскания в архивных фондах и собраниях, посвященных академической и университетской тюркологии и биографиям тюркологов, способствуют комплексному изучению всего многообразия проблем, связанных с феноменом тюркологии в России и Европе.

Личный фонд Н. Ф. Катанова в Государственном архиве Республики Татарстан и личные собрания и материалы ученого, разбросанные по научным и культурным центрам России (Российский государственный исторический архив, Государственный исторический архив Санкт-Петербурга, Архив Российского географического общества, Санкт-Петербургский филиал архива РАН и др.) и Республики Турция (личная библиотека Н.Ф. Катанова в библиотеке Института тюркологических исследований Стамбульского университета) представляют большой научный и просветительский интерес.

Актуальным представляется целенаправленный и комплексный поиск и изучение распыленных по хранилищам собраний, и материалов, связанных с Н.Ф. Катановым, и введение их в научный оборот.

Основная задача, стоящая перед участниками проекта «Наследие Н.Ф. Катанова: Архивные центры, фонды и материалы», состоит в поиске, систематизации и опубликовании научных, дневниковых и эпистолярных материалов Н.Ф. Катанова (в том числе научных исследований, документов о служебной и научно-педагогической деятельности), извлеченных из отечественных культурных центров – архивов, библиотек, музеев. Конечная цель проекта – подготовка к изданию фундаментальной монографии «Н.Ф. Катанов – востоковед, путешественник и просветитель: биография и наследие», посвященной углубленному осмыслению его творческого пути.

Важным научным результатом проекта станут анализ и обобщение вклада Н.Ф. Катанова и в целом российских тюркологов, работавших на рубеже XX в., в развитие ключевых исследовательских принципов и идей: литературоведческого, историко-филологического, сравнительно-исторического, источниковедческого, культурологического и т.д.

Научно значимым итогом исследования должно стать осмысление двух ключевых институциональных тенденций и принципов российской тюркологии – традиционно регионально-страноведческих и проблемно-тематических. В неменьшей степени важно осмысление научной и социокультурной традиции отечественного университетского востоковедения – исследование традиционной полиэтничной, поликультурной, многоконфессиональной истории и культуры Российского государства и общества, которые нашли отражение в наследии российских тюркологов, в том числе Н.Ф. Катанова.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00385.

Литература
[1] *Валеев Р.М., Закиев М.З.* Катанов Николай Федорович // Казанская лингвистическая школа: Книга первая: Казанская тюркская лингвистическая школа. Казань, 2008. С 37-42.
[2] *Валеев Р.М., Тугужекова В.Н.* и др. Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии. Казан; Абакан, 2008-2009. 354 с.
[3] *Валеев Р.М., Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А., Тугужекова В.Н., Валеева Р.З.* Рукописное наследие Н. Ф. Катанова : Дневники периода путешествия в Сибирь и Синьцзянь (1889–1892 гг.) // Материалы VI Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий, посвященной 75-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (26-27 сентября 2019 г.). Абакан, 2019. С. 83-88.
[4] Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оного Н.Ф. Катановым. Казань, 2017. 734 с.
[5] Эпистолярное наследие Н.Ф. Катанова (к 155-летию со дня рождения). Абакан, 2016. 84 с.

Проблема идентичности («свой»-«чужой») в мусульманских общинах Европы

Гаджимурадова Г.И.

Мир, находящийся в постоянном движении, в состоянии миграционной турбулентности ставит человечество перед новыми вызовами, рисками и вопросами: является ли глобализация благом или трагедией для человечества, как сохранить свою идентичность и в то же время стать «своим среди чужих» и не оказаться в положении «чужой среди своих»?

Рост объективных интеграционных тенденций в мире, которые ведут к взаимосвязи и взаимодействию во всех сферах жизни современного общества, сопровождается параллельным, не менее устойчивым процессом противодействия проявлениям глобализации экономики и духовной сферы в форме протестов отдельных этнических и культурных общностей в разных регионах и странах. Более того, в этих условиях страх перед утратой собственной культуры, самобытности и уникальности, характерный практически для всех народов, проявляется и на уровне государств, отстаивающих свою национальную идентичность, свои национально-государственные интересы. Тем самым человечество сталкивается с двойным вызовом. С одной стороны, возросли личное самосознание и чувство культурной идентичности. С другой стороны, значительно расширился взаимный обмен между людьми, народами и цивилизациями.

Интеграционные процессы в мире сегодня сопровождаются разнонаправленными процессами: взаимопроникновение всех сфер жизни современного общества и противодействие обезличиванию, исчезновению своей самобытности, своего «я», выраженного в сохранении своего этноса, культуры, религии и т.д. Особенно ярко этот проявляется в попытках сохранить свою идентичность в мусульманских общинах европейских стран. Учитывая растущее мусульманское население Европы, становится очевидным противостояние «европейских» и «исламских» ценностей в контексте сохранения собственной идентичности, которая все чаще проявляется в религиозном контексте. Европа сегодня стала заложницей своих «ценностей», которые презирают хлынувшие в ее пределы переселенцы.

В Европе нет традиций естественно сложившихся границ между конфессиями, нет традиционных отношений между ними, которые складывались веками в процессе совместного проживания. Нет культурного взаимодействия, не говоря уже о духовном обмене. Конечно, сегодня многое меняется, но не глубинные инстинкты и культурные коды разных цивилизаций. И именно эти две формы общемирового цивилизационного процесса совершенно несовместимы.

У мусульман, помимо религиозной исламской идентичности, есть множество иных идентичностей: локальных, национальных, региональных, племенных, лингвистических, этнических. Поэтому в понимании идентичности важную роль играет противопоставление «свой»–«чужой». В зависимости от политической, социально-экономической или какой-либо другой ситуации личность может выводить на первый план разные или зависящие от контекста черты идентичности, иногда без противопоставления «чужому». В этой связи с уверенностью можно говорить о том, что не существует какой-либо истинной центральной идентичности или образа, в котором может находиться подлинная идентичность: существуют только культурные стратегии, которые могут быть использованы при столкновении с разнообразными ситуациями. Личность всего лишь рисует свой политический и социальный ландшафт в рамках внутреннего сознания или своей идентичности и проецирует ее в политических и экономических институтах. Для мусульман, это означает, что национальные идентичности часто осуществляются через исламские символы и ценностные установки.

Значительная часть мусульман в Европе сознательно отказывается принимать западный образ жизни, мораль и ценности европейцев. В современной Европе на смену религиозной системе ценностей пришла секулярная, сменился приоритет ценностных установок с религиозных на светские. В основе европейской идентичности лежат уже не христианские, а так называемые «европейские ценности». Понятие «европейские ценности» для многих европейцев превратилось сегодня в фетиш или, как верно отметила Ю. Федорова, в «некий теоретический конструкт, позволяющий европейцам заявить о своей идентичности и отгородиться от представителей другой культуры, продуцирующей иной набор ценностных императивов» [2]. Увеличивающееся с

каждым годом число мечетей играет немаловажную роль в отстаивании мигрантами своих так называемых «исламских ценностей». В растущем исламском населении Европы, по мнению Г. Хайнзона, усиливается проблема самоидентификации молодых мусульман [3].

Большинство мусульман, проживающих в Европе, сопротивляются ассимиляции, так как они крепко привязаны к «исламским ценностям» и убеждены в преимуществе своих нравов и обычаев. В то же время им многое нравится в жизни европейцев: высокий уровень потребления товаров и услуг, комфорт, чистота, тяга к знаниям, вежливость и т.п. Но кое-что из европейских обычаев абсолютно неприемлемо для них: они не могут, в частности, смириться с «либеральными ценностями», которые так дороги европейцам. В глазах мусульман эти ценности выглядят вседозволенностью и распущенностью. Большинство мусульман Европы проявляют все большую нетерпимость к таким «европейским ценностям», как гендерное равенство, секуляризм, обеспечение прав сексуальных меньшинств и т.д. Ислам для них не просто религия, это образ жизни, включающий в себя этические нормы, социальное поведение, обычаи и традиции, которые остаются незыблемыми на протяжении веков.

Поэтому чтобы понять проблему идентичности («свой»-«чужой»), необходимо ответить на вопрос: «Есть ли разница между европейскими мусульманами, которые считают себя частью европейской семьи, и мусульманами в Европе? Значит ли это, что у мигрантов-мусульман нет будущего в Европе, а у Европы нет перспектив в связи с ростом мусульманских общин?» [1].

Литература

[1] *Гаджимурадова Г.И.* Европейские мусульмане и мусульмане в Европе: рядом или вместе? // Власть. 2018. Т. 26. № 2. С. 60-63.
[2] *Федорова Ю.Е.* Ислам в восприятии современного европейского сообщества: стереотипы и реальность // Философская мысль. 2014. № 7. С. 99-12.
[3] *Heinsohn G.* Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. Bern: Orell Füssli Verlag AG, 2003.

Политический ислам в XXI веке

Долгов Б.В.
Институт востоковедения РАН, Центр арабских и исламских исследований, ведущий научный сотрудник

Генезис политического ислама, или исламистского движения обусловлен социально-экономическими, политическими, демографическими, культурно-историческими и цивилизационными факторами развития мусульманского социума. Вместе с тем феномен исламистского движения имманентно связан со спецификой исламской религии, в рамках которой не было выработано единое

вероучение. Это способствовало тому, что различные направления ислама, мусульманские движения и отдельные исламистские идеологи могли претендовать на то, чтобы провозглашать себя последователями «подлинного ислама» и «людьми истины» (*ахль аль-хакк*).

Началом формирования современного исламистского движения, или политического ислама принято считать создание ассоциации «Братья-мусульмане» (далее – Б.М.) в Египте в 1928–1929 гг. известным мусульманским деятелем Хасаном аль-Банной, провозглашавшим ее идеологией «салафитский призыв, суннитский путь и суфийскую истину» [1, с.120]. В то же время Б.М. выступали с лозунгом единения всей мусульманской *уммы* и возрождения халифата на основе принципа «братства в Аллахе» [3, с. 47]. Хасан аль-Банна обозначил основные направления своей программы-максимум, на заключительном этапе которой предполагался исламский призыв ко всему человечеству. Исламистскую доктрину существенно дополнил видный идеолог Б.М. Сейид Кутб, включив в нее понятие *джахилийи* (т.е. общества не знающих ислама), с которой мусульмане должны бороться. В настоящее время эта доктрина имеет своих сторонников как в рядах вооруженных исламистских группировок, так и в политических партиях, действующих в арабо-мусульманском мире. Так, девиз, провозглашенный Хасаном аль-Банной: «Аллах – наш идеал, Пророк – наш вождь, Коран – наша конституция» [2] в период Арабской весны почти дословно был повторен ставленником Б.М. Мухаммедом Мурси перед президентскими выборами в Египте в июне 2012 г., на которых он был избран президентом страны.

На рубеже XX–XXI вв. подъем движений политического ислама в арабском мире был спровоцирован системным кризисом в ряде арабских стран. В этом кризисе действовали его социально-экономические, политические и идеологические составляющие. Кризисные явления в идеологической сфере были во многом обусловлены тем, что правящие арабские режимы пытались реализовывать модель либеральной демократии после провала политики национализма и социалистической ориентации, а также ухода из арабского общественного сознания пользовавшейся достаточным влиянием социалистической идеи, что во многом было связано с крахом поддерживавшего ее советского блока. Тем не менее, западный либерализм не был воспринят большинством арабских социумов, считавших данную идеологию чуждой традиционным исламским ценностям и частью политики вестернизации и экспансии Запада. В результате образовавшийся своеобразный идеологический вакуум стал заполняться исламистской идеологией, представлявшей собой социальный и отчасти цивилизационный протест, выраженный в религиозной форме.

Теоретические обоснования необходимости выработки «исламского пути» развивал один из идеологов политического ислама, лидер алжирского Исламского фронта спасения Аббаси Мадани. Он утверждал, что «либерализм способствовал формированию общества, где проповедуется эгоизм и неограниченная свобода. В таких условиях человек может предаться самым

низменным страстям, присущим его животной природе и инстинктам. Тем самым общество, в котором он существует, обрекается на деградацию и смуту» [4, с.20]. На основании этого делался вывод о необходимости и неизбежности выработки «исламской альтернативы». Исламистские идеологи заявляли также о мессианском и непреходящем характере своего движения, утверждая, что они выполняют священную миссию и волю Аллаха.

В XXI в. исламский проект пользовался определенной поддержкой среди части мусульман, значительным импульсом для которого послужили протестные выступления Арабской весны 2010–2013 гг. и продолжение в 2018–2020-х гг. вызванных ею процессов, затронувших в разной степени большую часть арабо-мусульманского мира. Главным результатом социальных протестов Арабской весны, в которых впоследствии инициатива перешла к исламистам, стал подъем исламистской идеологии и исповедующих его движений, в том числе радикальных.

В настоящий период наряду с подавлением радикальных исламистских сил наблюдается попытка исламистов провозглашать в качестве модели развития «исламскую демократию». Так, лидер тунисской партии Нахда Рашид Ганнуши, заявил, что «политическому исламу нет больше оправдания и Нахда является политической, демократической и гражданской партией» [5]. Подъем политического ислама, представленного в основном движением Б.М., имеет место в Ливии, где сторонники Б.М. поддерживаются Турцией и Катаром, в Алжире, где усиливается движение Рашад, близкое Б.М., в Сирии, где такие группировки действуют в районе Идлиба под покровительством Турции.

В тоже время Турция после прихода к власти политических сил во главе с Р. Эрдоганом, исповедующих близкие Б.М. доктринальные принципы, претендует на активную роль в глобальной политике и идейно-политическом пространстве. Турция поддерживает движения политического ислама, используя их в продвижении своих интересов и позиционируя себя в качестве лидера исламского мира.

Вместе с тем турецкое руководство активно проводит политику неоосманизма и воссоздания «Великого Турана», сформировав под своей эгидой Организацию тюркских государств и создавая военно-политическую структуру «Армия Турана». Причем некоторые представители протурецких политических сил в этих государствах заявляют о том, что ислам является последней надеждой человечества во тьме глобализма и либерализма.

Подъем исламистской идеологии, в том числе ее радикальных концепций, наблюдается в европейских мусульманских сообществах, особенно в молодежной среде, что провоцирует рост числа террористических актов в Западной Европе. В тоже время пандемия COVID-19 в 2021 г. значительно усугубила социально-экономическую ситуацию в Европе, спровоцировав рост безработицы. Это в первую очередь затронуло европейское мусульманское сообщество и способствовало маргинализации в мусульманской мигрантской среде, особенно среди молодежи.

Подъем движений политического ислама во многом обусловлен наряду с действием внешних факторов кризисными явлениями в арабо-мусульманском мире и в немалой степени общим кризисным состоянием современной западной общественно-экономической модели либеральной демократии. В свою очередь идеологи исламизма проповедуют альтернативный и более справедливый, согласно их риторике, миропорядок в форме «исламского государства». В тоже время в условиях перманентного обострения социально-экономических проблем в большей части арабо-мусульманского мира и в достаточной степени в странах Запада, исламский проект, являющийся наиболее понятным и приемлемым для части мусульман, может стать своеобразным цивилизационным вызовом Западу, на который у западного социума нет внятного ответа.

Литература

[1] *Al-Banna, Hasan.* Memorandum of Call and Sermon. Cairo, 1986 (in Arabic).
[2] Hasan al-Banna (1906–1949) // http://www.islamtimes.org/en/doc/article/3884 (accessed 8.04.2016)
[3] *Al-Hatib M.* Brotherhood in Allah. Cairo, [s.a.] (in Arabic).
[4] *Madani, Abbaci*. Crisis of the Contemporary Thought and Justification of the Islamic Decision. Alger, 1409/1989 (in Arabic).
[5] *Ribadeau, Laurent.* Congres d'Ennahda en Tunisie : la fin de l'islam politique? // http://www.geopolis.francetvinfo.fr/congres-d-ennahda-en-tunisie-la-fin-de-lislam-politique-106825 (accessed 15.09.2016).

От джихада – к мистическому познанию: эмир Абд ал-Кадир ал-Джазаири и его последователи в Дамаске

Жантиев Д.Р.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока

В историографии об эмире Абд ал-Кадире ал-Джазаири (1808–1883) его многолетняя борьба с французскими колонизаторами в Алжире и более поздний период мирной жизни в османском Дамаске нередко противопоставляются друг другу и трактуются как эволюция от религиозно-политического активизма к квиетизму и отрешенности от мирских дел. Однако деятельность Абд ал-Кадира в качестве суфийского наставника и мистические сочинения, созданные им в годы жизни в Дамаске (1855–1883 гг.) были вписаны в определённый морально-нравственный и религиозно-политический контекст своего времени, когда исламский мир подвергался усиливающемуся давлению со стороны европейских держав. Поиски исламского ответа на внешние вызовы были тесно связаны в деятельности и творчестве Абд ал-Кадира с мистическим учением Мухи ад-Дина ибн Араби (1165–1240).

Принадлежа с юности к числу последователей «Величайшего шейха» (*аш-шайх ал-акбар*), Абд ал-Кадир ал-Джазаири воспринимал свою жизнь в Дамаске после освобождения из французского плена не как ссылку, а как путь приближения и приобщения к мистическим прозрениям Ибн Араби (также в свое время прожившего долгие годы и похороненного в Дамаске) с целью познания отношений между человеком и Богом. Такой выбор во многом определялся принадлежностью алжирского эмира (как и его отца и деда) одновременно к суфийскому братству кадирия, а также к линии духовных последователей Ибн Араби (акбария). В Дамаске Абд ал-Кадир пользовался значительным авторитетом, обладал связями на высоком уровне, а элитный круг его учеников и последователей пополнялся как выходцами из Алжира, так и местными сирийскими алимами. Само его присутствие в главном административном центре Османской Сирии, особенно с учетом его относительной политической самостоятельности и покровительства со стороны Франции, вызывало опасения со стороны османских властей [4, с. 156]. Однако эмир оставался чужд политическим интригам, посвятив себя мистическому познанию и наставничеству в сфере исламских наук, юриспруденции (*фикх*) и суфизма (*тасаввуф*). Важнейшим итогом духовного опыта Абд ал-Кадира в дамасский период его жизни стал труд «Китаб ал-мавакиф фи-л-вааз ва-л-иршад» («Книга остановок для проповеди и руководства»), представляющий собой обширное собрание мистических толкований коранических аятов и хадисов, а также разъяснение сочинений самого Ибн Араби. «Китаб ал-мавакиф», несомненно, создана под сильным влиянием наследия «Величайшего шейха», о котором сам Абд ал-Кадир, в частности, высказывался так: «Он наше сокровище, из которого мы черпаем то, что мы пишем, будь то из его духовности или из того, что он сам написал в своей работе» [2, с. 13].

Абд ал-Кадир ал-Джазаири разделял убеждение в том, что основным препятствием для возрождения ислама в его эпоху являлось излишне формальное поведение многих улама-традиционалистов, слепо следовавших традиции (*таклид*) без глубокого постижения религии. Вместе с тем интеграция ислама в современный мир воспринималась Абд ал-Кадиром не столько как рационалистическая интеллектуальная деятельность богословов-законоведов, сколько как адаптация теософии Ибн Араби к новой реальности. Харизматичный образ Абд ал-Кадира как руководителя алжирского джихада и одновременно выдающегося алима и мистика благородного происхождения привлекал многочисленных учеников и последователей. Избранный круг его учеников в Дамаске в основном состоял из двух групп: последователей различных суфийских братств из числа выходцев из Магриба, а также их потомков (Мухаммад ат-Тайиб, Мухаммад ал-Мубарак младший, Салих ас-Сам’уни, Мухаммад Муртада ал-Джазаири и др.) и молодых дамасских алимов, принадлежавших к братству накшбандия-халидия (Мухаммад ат-Тантави, Мухаммад ал-Хани младший, Абд ар-Раззак ал-Битар, Мухаммад аш-Шатти и др.) [3, с. 193-206]. В учении Абд ал-Кадира, сочетавшем в себе элементы мистицизма и рационализма (при явном преобладании первого компонента), они

находили опору для своих собственных религиозных взглядов и убеждений. Учение акбария при этом выступало в качестве общей основы для духовного единения последователей различных суфийских братств (*турук*). Таким образом, в последние десятилетия жизни Абд ал-Кадир ал-Джазаири относился к своему пребыванию в Дамаске как к духовной миссии, которая, по его убеждению, была возложена на него свыше и предназначалась для всех обращавшихся к нему добропорядочных мусульман, а отнюдь не только для его соотечественников. Изучение учения Ибн Араби под руководством Абд ал-Кадира и записи, которые ученикам разрешалось делать во время его уроков, в дальнейшем стали ядром текста «Китаб ал-мавакиф». Под влиянием наставника между алжирскими иммигрантами и местными сирийскими суфиями установились тесные отношения на почве исламского мистицизма. В то время как религиозно-богословские дискуссии, характерные для исламских интеллектуальных элит Сирии, Египта, а также ряда других крупных регионов в мусульманского мира, во второй половине XIX в. нередко политизировались, выходя далеко за пределы научной полемики [1, с. 100-107], Абд ал-Кадир ал-Джазаири и его ученики демонстрировали иной образ поведения: их интеллектуальная деятельность укрепляла позиции суфизма в Османской Сирии, сближая и гармонизируя религиозные убеждения последователей различных исламских мистических учений.

Литература

[1] *Кириллина С.А., Орлов В.В.* Диалог интеллектуальных элит: марокканские алимы в Османском Египте (XVIII столетие) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2002, № 4. С. 100-107.
[2] The Spiritual Writings of Amir Abd al-Kader. Transl. by Michel Chodkiewicz. Albany: State University of New York Press, 1995.
[3] *Weismann I.* Taste of Modernity: Sufism, Salafiyya, and Arabism in Late Ottoman Damascus. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000.
[4] *Woerner-Powell T.* Another Road to Damascus: An Integrative Approach to Abd al-Qadir al-Jazairi (1808–1883). Berlin: De Gruyter, 2018.

Концепты «Речь» и «слог» в ведизме

Захарьин Б.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой индийской филологии

Имя ‘*Vāc*’ в значениях «персонифицированная Речь / Космическая Сила / Богиня Мироздания» упоминается в нескольких текстах Ригведы, но лишь один из них, а именно, гимн X.125, сотворенный некой ‘*Vāc Āṃbhṛṇī*’, т.е. «Вач, дочерью риши *Āṃbhṛṇa*», целиком посвящен самой этой богине. Данный гимн, принадлежащий к 10-ой, т.е. поздней, мандале Ригведы, состоит всего из 8-ми

стихов и базируется на анаграмме, предполагающей повышенную частотность слогов *va*/*vā* и *am*/*ām*. Пара *va*/*vā* повторяется в тексте гимна более 30 раз и отсылает слушателя к имени '*Vāc*' «Речь», тогда как вторая пара, использованная более 60 раз, указывает на '*aṃbhas*' «воду» и на производные от нее личные имена [2, с. 519].

При этом ни в одном из других гимнов Ригведы, кроме указанного, нет ссылок на персонажей с именами '*Āṃbhṛṇa*' или '*Āṃbhṛṇī*'. Т.е. о девушке-авторе X.125 известно только то, что ее отцом был брахман-поэт (*ṛṣi*) по имени '*Āṃbhṛṇa*' и что ее саму назвали '*Vāc*', возможно, в честь богини того же имени. Повествование в гимне ведется исключительно от 1-го лица, и это дало основание еще пионерам-исследователям XIX в. и позднейшим индологам утверждать, будто X.125 – типичный «гимн-самовосхваление» и что, посредством его, богиня Речи *Vāc* воспевает саму себя. Но при такой трактовке полностью игнорируется содержащаяся в сопровождении к гимну информация о том, что **создательницей** гимна является *Vāc Āṃbhṛṇī*. В действительности, следовало бы предположить наличие определенных психопатологических отклонений у Вач – дочери Амбхарны, по причине которых она, отождествив себя с богиней *Vāc*, посвятила ей гимн-восхваление. Психоделический характер переживаний Вач может быть проиллюстрирован, к примеру, строфой 7 гимна: «Я рождаю отца на вершине этого (мира). | Мое лоно в водах, в океане, | Оттуда расхожусь я по всем существам | И касаюсь теменем того неба ||» [2, с. 283]. Комментируя данный пассаж, Т.Я. Елизаренкова ссылается на работу Л. Рену, который первым обратил внимание на инверсию отношения «отец-дочь», допускавшуюся и в некоторых других гимнах Ригведы [2, с. 524]. Что касается указаний на «лоно в океане» и на «темя в небе», то в контексте данного, 7-го, стиха гимна, скорее, следует предполагать здесь намек на изофункционализм *Vāc* и «Мировой Оси», простирающейся от представляющего Нижний мир первичного Океана до Верхнего мира, т.е. до обители небесного Огня – Солнца.

Упоминаемое в X.125.7b «лоно Вач в водах» и выявляемая на основе анаграмм в ведийском гимне связь богини *Vāc* с «водой» и такими свойствами воды как «текучесть», «изменчивость» и «способность к перенесению предметов» послужили основанием для присутствовавшего уже в Ригведе неявного намека на потенциальное равенство понятий и имен '*Vāc*' и '*Sarasvatī*'. В частности, показательны «водность» *Vāc* в X.125 и описание в гимне VII.95 *Sarasvatī* как «единственно чистой из рек» (*ekā … nadīnāṃ śuci*). Само название '*Sarasvatī*' буквально этимологизируется как «обладающая текучестью» (*saras-vat-ī*) и предполагает два основных значения: (1) сакральная **река** в Западной Индии с многочисленными ашрамами отшельников по ее берегам и (2) **богиня** – супруга или, по другой версии, дочь Брахмы. Процесс семантического сплавления '*Sarasvatī*' как имени реки и '*Vāc*' как обобщенного названия для словесного сопровождения жертвоприношения, возможно, впервые начал осуществляться еще в эпоху раннего ведизма в ашрамах отшельников на берегах Сарасвати [1, с. 394], а в постведийских Брахманах синонимичность этих двух имен уже считалась чем-то самоочевидным. В более поздних работах, в

частности, в трактате ‘*Nirukta*’ Яски (VI в. до н.э.), подобное понимание представлено еще яснее. Предъявив в «Нирукте» список из 57 имен, используемых как синонимы для концепта «речь», Яска подчеркивает, что имена ‘*Sarasvatī*’ и ‘*Vāc*’ объединяет означаемое «река-богиня» [4, с. 35]. В новое время, уже в процессе перехода от брахманизма к индуизму, ‘*Vāc*’ как термин почти перестал употребляться, а выдвинувшееся на передний план имя ‘*Sarasvatī*’ стало использоваться в основном в значении «богиня знания, красноречия и стиля».

В другом гимне «Ригведы», в X.71, сообщается, что боги создали *Vāc* «мыслью», а затем «разделили ее между многими». Т.о. подчеркивается, что мысль выступает каузатором и ценностным «мерилом» (*pramāṇa*) в отношении *Vāc*, выступающей как в виде сакральной Речи, известной одним богам и поэтам, так и в функции обычного коммуникативного средства людей. В гимне I.164 уточняется, что поэтам известен факт членения *Vāc* на 4 части и что сами они знают всю *Vāc*, но три ее четверти «не пускают в ход», а «на четвертой (четверти) говорят люди» [2, с. 205-206]. Это деление Речи получило разную трактовку у индийских схоластов: если следовавший религиозному течению бхакти Саяна (XIV в.) усматривал в нем оппозицию между тремя ведами и бытовой речью, то лингвофилософ Бхартрихари (V в.) дал ему метафизическую интерпретацию. Он полагал, что изначально имеет место неразделимая слитность (*parā*) имманентного Брахмана с трансцендентной *Vāc*, и она подобна сексуальному соединению супруга с супругой. Затем отделившаяся от Брахмана *Vāc* проходит через три стадии эманации, последовательно реализуясь как сверхиндивидуальная ментальность (*paśyanti*), как индивидуальное сознание (*madhyamā*) и, наконец, как речь людей и прочих живых существ (*vaikhari*). В Брахманах этот переход от единой сакральной Речи к полиформной бытовой речи уподобляется «жертвенному расчленению» [3, с. 241], но, подобно тому, как жертва с окончанием ритуала обретает некое «иное», но целостное существование, *Vāc* также остается единой при многообразной реализации.

Практически во всей постведийской комментаторской прозе регулярно подчеркивается тождество *Vāc* и Абсолюта-Брахмана. Например, в ‘*Aitareya Brāhmaṇa* 6.3’ сообщается: *vāg vai brahma* «Вач – [это] воистину Брахман»; то же утверждается и в ‘*Śatapatha Brāhmaṇa* 5.1.5.6’: *vāg vai prajāpatiḥ* «Вач – [это] воистину Праджапати» и т.п. Соединение *Vāc* и Брахмана манифестируется сакральным восклицанием ‘*auṃ*!’, воплощающим идею высшей пространственной и временно́й универсальности, и обозначается термином ‘*akṣara*’ «нерушимый». Тот же термин используется и применительно к концепту «слог», понимаемому как нерасторжимое и вечное единство абстрактных «мужского» (т.е. консонантного) и «женского» (вокалического) начал. Слоги и образующие их звуковые первоэлементы (*varṇa*) также являются частью *Vāc* в ходе ее пребывания в первой фазе эманации, т.е. на ступени сверхментальности (*paśyanti*). Здесь и сама *Vāc*, и ее компоненты, не предполагая никаких пространственных или временны́х ограничений, выступают как «вечные» (*nitya*) и «неупорядоченные» (*akrama*). Присущее *Vāc* свойство

«неупорядоченности» до некоторой степени модифицируется во время ее пребывания во 2-ой, когнитивной, фазе эманации, когда через посредническую мыслительную активность поэтов слоги и первоэлементы включаются в семантику «вечных» слов (*śabda*). На заключительной фазе эманации (*vaikharī*), предполагающей развертывание *Vāc* в виде звучащей речи живых существ, слоги и первоэлементы репрезентируются звуками (*dhvani*), для которых характерна нестабильность (*anityatā*) и линейная упорядоченность (*kramatva*). Т.о. «текучая» *Vāc* «несет» на себе не только «всех богов и людей» (согласно X.125), но и все исходные элементы фонетико-фонологического каркаса языка.

Литература

[1] *Васильков Я.В.* Сарасвати // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм. М.: Республика, 1996.
[2] *Елизаренкова Т.Я.* Ригведа. М.: Наука, 1989–1999 (1989 – мандалы I-IV; 1995 – мандалы V-VIII; 1999 – мандалы IX-X).
[3] *Маламуд Ш.* Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии. М.: Восточная литература, 2005.
[4] *Sarup L.* The NighaNTu and the Nirukta. Delhi: Motilal Banarsidass, 1998 (reprint).

Хадж 2021 г. на «специальных условиях»: **большое паломничество к святыням ислама во второй год глобальной вирусной эпидемии**

Кириллина С.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока

Нарастание очередной волны пандемии и появление новых опасных штаммов коронавируса в течение года, прошедшего после хаджа 2020 г. [1], привело к тому, что Королевство Саудовская Аравия в 2021 г. вторично закрыло границы для иностранных паломников. К участию в хадже были допущены только подданные и резиденты королевства, и их число ограничено 60 тыс. В их отборе была задействована апробированная годом ранее схема, в которую внесли определенные коррективы. Новым обязательным требованием стала вакцинация любым из одобренных в КСА препаратом (Moderna, Pfizer-BioNTech, Johnson & Johnson или AstraZeneca).

Стоимость хаджа 2021 г. неизмеримо возросла по сравнению с предшествовавшим большим паломничеством. Если в 2020 г. правительство Саудовской Аравии покрыло расходы всех паломников, обеспечив их питанием, проживанием и медицинским обслуживанием, то в 2021 г. им были предложены на выбор три «пакета хаджа», включавшие транспортные услуги, трехразовое питание и проживание в палатках разного уровня комфортности (стоимость варьировалась от 3 тыс. 230 до 4 тыс. 416 долл. США).

Согласно итоговой статистике хаджа 2021 г., паломничество свершили 58 тыс. 518 человек, из них около 33 тыс. – граждане Саудовской Аравии и более 25 тыс. – резиденты КСА, представлявшие 150 стран мира. При этом из общего числа совершивших хадж около 40 % были женщины, и они же составили около половины отобранных из числа подданных КСА. Такие впечатляющие показатели участия в хадже женщин явились прямым следствием послабления в отношении совершения паломничества без *махрама* («мужчины-опекуна»), катализатором которого, в свою очередь, послужила пандемия коронавируса.

Протокол соблюдения дополнительных мер предосторожности в отношении COVID-19 во многом дублировал порядок, установленный во время хаджа 2020 г., в том числе предусматривалось соблюдение обязательного масочного режима и полутораметровой социальной дистанции. С предшествующего хаджа сохранилось пятидесятипроцентное заполнение средств общественного транспорта с рассадкой через одного, и не изменился порядок передвижения по святым местам группами по 20 человек. В распоряжении лиц пожилого возраста и с ограниченной мобильностью находились 3 тыс. электрокаров и электроскутеров, которые использовались в том числе и для совершения *тавафа* (ритуального обхода Каабы) и обряда *ас-саʻй* (семикратного пробега между холмами ас-Сафа и аль-Марва).

В рамках превентивных мер по предотвращению коронавирусной инфекции воду из священного источника Замзам можно было получить либо у сотрудников мечети, наливавших ее в одноразовые емкости из портативных переносных или стационарных кулеров, либо в бутилированном виде. Новшеством стала бесконтактная раздача пластиковых бутылок с водой из источника Замзам мобильными роботами, которые появились в главной мечети Мекки – *аль-масджид аль-харам* – незадолго до хаджа, в середине июня 2021 г. Питание участников хаджа осуществлялось централизованно через авторизованные кейтеринговые компании, доставлявшие пищу, расфасованную в герметичные упаковки.

Одной из первоочередных забот властей стали масштабные мероприятия по уборке и дезинфекции, которые проводились как вручную, так и с применением клининговой техники. Внимание масс-медиа привлекли работавшие в *аль-масджид аль-харам* самодвижущиеся роботы с функциями искусственного интеллекта, предназначенные для стерилизации и защиты окружающей среды в закрытых помещениях. Одним из новшеств, внедренных во время хаджа 2021 г., стала также «телемедицина», которая позволяет дистанционно контролировать состояние пациента и удаленно оказывать экстренную помощь до момента приезда медиков.

Качество обслуживания паломников существенно улучшилось с появлением идентификационных «смарт-карт хаджа», которые они были обязаны постоянно иметь при себе. Первые пластиковые «смарт-карты хаджа» апробировались в ограниченном масштабе в 2019 г., со временем номенклатура предоставляемых через них электронных услуг существенно расширилась, и в

2021 г. они уже использовались всеми участниками хаджа на всех этапах паломничества.

В рамках внедрения инновационных технологий полезным дополнением к «смарт-картам хаджа» (как пластиковым, так и на электронном носителе) стали смарт-браслеты нового образца, которые были выданы 5 тыс. паломникам в тестовом режиме. Напоминающий смарт-часы Apple Watch многофункциональный «смарт-браслет хаджа» с сенсорным экраном замеряет частоту пульса и процент насыщения крови кислородом. Он снабжен GPS-трекером, фиксирующим геопозицию паломника, и кнопками экстренного вызова неотложной медицинской помощи или полиции.

Новая «цифровая смарт-технология хаджа» вкупе с информацией, получаемой с датчиков движения и камер фотовидеофиксации, во множестве установленных на территории хаджа, была нацелена не только на облегчение совершения паломничества, но и на его всесторонний контроль. Она позволяла отслеживать местоположение потерявшихся паломников, регулировать людские потоки и предотвращать нежелательные скопления народа, с помощью системы видеонаблюдения и распознавания выявлять тех, кто пытался нарушить дисциплину или совершить хадж нелегально. Сложнейшая логистическая задача по мониторингу паломничества ложилась на плечи сотрудников Национального оперативного центра по обеспечению безопасности хаджа.

В связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой для предупреждения рисков для здоровья паломников и поддержания правопорядка саудовские власти предприняли повышенные меры безопасности объединёнными силами полиции, армии, спецслужб и ведомств гражданской обороны. Полицейские блокпосты контролировали движение автотранспорта. Территория хаджа круглосуточно патрулировалась, и любые попытки несанкционированного проникновения незамедлительно пресекались. По информации Министерства внутренних дел КСА, в период паломничества было зафиксировано 356 случаев незаконного вторжения (почти втрое меньше, чем в сезон хаджа 2020 г.).

По заявлению министерства здравоохранения КСА хадж 2021 г. завершился успешно: не было зарегистрировано ни одного случая как коронавирусной инфекции, так и иных эпидемических заболеваний.

Если в 2020 г. в масс-медиа хадж называли беспрецедентным, то годом позже в СМИ уже рассуждали о смутности перспективы приема Саудовской Аравией миллионов паломников в ближайшем будущем. В 2021 г. пользователей Интернета уже не удивляли имиджи, аналогичные наделавшей много шума фотографии участницы хаджа, одиноко молящейся перед Каабой годом ранее.

Проведение хаджа, как и малого паломничества (*умра*) в «безопасной среде» являются важными составляющими «исламского компонента» детища кронпринца Мухаммада бен Салмана – запущенной в 2016 г. общегосударственной программы многопрофильных реформ «Видение Саудовской Аравии 2030». И то, как КСА справляется с вызовами мировой пандемии коронавируса на примере хаджа является своеобразной «визитной

карточкой» перспектив его амбициозных начинаний, направленных на преодоление болезненной зависимости королевства от нефти путем диверсификации и модернизации экономики, а также на коррекцию его «пуританского» имиджа в мире.

Литература

[1] *Кириллина С.А.* Мусульманское паломничество в эпоху коронавируса: хадж 2020 г. // Хадж российских мусульман. Ежегодный сборник путевых заметок о хадже. М., т. 10, 2021. С. 71-78.

Экстаз и Исход в интерпретации Филона Александрийского

Ковельман А.Б.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой иудаики

Исход и экстаз – понятия противоположные. Экстаз – интимное переживание, выхождение души из тела во сне или наяву; Исход – событие племенное и историческое, выхождение народа из рабства. Между экстазом и Исходом, отстраненностью от толпы и сочувствием к ближнему – души поэтов и философов мечутся, не находя твердой почвы. Душа Филона Александрийского – библейского экзегета и «среднего платоника» – яркий тому пример.

«Среди богов зло не укоренилось, а по смертной природе и по этому месту оно странствует по необходимости. Потому-то и следует пытаться как можно скорее убежать отсюда туда», – так учил Платон устами Сократа [Платон «Теэтет», 176а]. Мысль Платона о бегстве «отсюда туда» подхватывает Филон в трактате «О бегстве и нахождении» и опрокидывает в Библию, а заодно и в гомеровский эпос. Бог делает Каина «изгнанником и скитальцем на земле» [Быт. 4:12], но охраняет от смерти. Каин будет жить вечно и вечно странствовать, поскольку он – олицетворение платоновского зла, равно как и чудовище Сцилла из Одиссеи Гомера. Потому-то и следует бежать «оттуда сюда», с земли на небо! Вдобавок Филон приводит заповедь о «городах убежища: «Я назначу у тебя место, куда убежать» [Исх. 21:12]. Что же это за место? «Местом он называет не страну, наполненную телом, но подразумевает Бога, поскольку Он вмещает, но не вмещается, и является прибежищем всего» [Филон «О бегстве», 75]. Два столетия спустя схожим образом истолковал Платона неоплатоник Плотин: «Бежим в дорогое отечество! Отечество же наше там, откуда мы пришли, там же и Отец наш… бежим как Одиссей бежал от волшебницы Кирки или нимфы Калипсо» [«Эннеады» I, 6, 8, 115-116].

В рассуждения Филона вторгаются понятия из словаря греческой колонизации. На этом языке *апойкия* (в латинском варианте – *колония*) – город, основанный переселенцами, тогда как город, из которого выводят колонию, – *метрополия* (материнский город). С *метрополией* переселенцы поддерживают

связь, почитают ее богов и героев, но именно *апойкия* является для них «отечеством». В трактате «О смешении языков» Филон называет мудрецов «переселенцами» (*парэками*). Ведь их души не пускают в землю корней, не выводят туда колоний (*апойкий*). Они нисходят временно на землю, чтобы просветить тех, кто стремится к знанию, а затем возвращаются в метрополию, на небо. Весь мир для мудрецов чужбина, а небо – отечество [Филон «О смешении языков», 77-78]. Это – в контексте экстаза. В контексте Исхода все иначе. Здесь отечеством становится *апойкия*, по крайней мере вторым отечеством.

В трактате «О жизни Моисея» речь идет о «втором отечестве», которое евреи некогда хотели обрести в Египте. Они бежали туда из-за голода, надеясь найти убежище в верности фараона и в милосердии египтян. «Они были чужестранцами, а чужестранцев, по моему суждению, следует записывать в число просителей, и не только просителей, но и переселенцев, друзей, домогающихся равноправия и стоящих уже на пороге гражданства, только немного отличающихся от местных жителей. Этих то людей, покинувших свою страну и пришедших в Египет как во второе отечество, где можно жить в безопасности, правитель Египта угнетал и объявил рабами» [Филон «О жизни Моисея», 34-36].

За рассказом об египетском рабстве стоит современная Филону действительность. Александрийские евреи были «записаны» как *метэки* – «поселенцы». «Поселенцы» обладали в Александрии правом постоянного проживания, которого у египтян не было, но, подобно египтянам, должны были платить подушный налог. Мечтой александрийских евреев было «равноправие» (*исополития*). Не совсем ясно, что под этим имелось в виду – получение александрийского гражданства наравне с эллинами или уравнение александрийской еврейской общины в правах с эллинской. Делить гражданство с евреями греки категорически не хотели. В 20/19 г. до н. э. они обратились к императору Августу с просьбой даровать Александрии городской совет, который следил бы, «чтобы люди, подлежащие обложению подушным налогом, не уменьшали доход государства, записываясь в ежегодные списки эфебов, и не марали несмешанную общину александрийцев, будучи невоспитанными и необразованными» [1, 150, II, 1–6].

Результатом стал ужасающий погром 38 г., поставивший еврейскую общину на грань уничтожения. После погрома Филон возглавил делегацию александрийских евреев в Римени Но еще до погрома, видимо, он написал трактат «О наградах и наказаниях», который повторяет речь Моисея во Второзаконии о благословениях и проклятиях. Моисей обращается к Израилю: «Когда придут на тебя все слова сии – благословение и проклятие, которые изложил я тебе, и примешь их к сердцу своему среди всех народов, в которых рассеет тебя ГОСПОДЬ, Бог твой, и обратишься к ГОСПОДУ, Богу твоему, и послушаешь гласа Его, как я заповедую тебе сегодня, ты и сыны твои от всего сердца твоего и от всей души твоей тогда ГОСПОДЬ, Бог твой, возвратит пленных твоих и умилосердится над тобою, и опять соберет тебя от всех народов, между которыми рассеет тебя ГОСПОДЬ, Бог твой. Хотя бы ты был рассеян до

края неба, и оттуда соберет тебя ГОСПОДЬ, Бог твой, и оттуда возьмет тебя, и приведет тебя ГОСПОДЬ, Бог твой, в землю, которою наследовали отцы твои, и унаследуешь ее, и облагодетельствует тебя и размножит тебя более отцов твоих» [Втор. 30:1-5].

Филон почти дословно следует за первоисточником: «Ибо даже в самых дальних концах земли, рабствуя врагам, которые захватили их в плен, все они будут освобождены как по одному условному знаку в один день, поскольку их единодушный поворот к добродетели произведет ужас в господах. Ведь господа отпустят их, устыдившись господствовать над теми, кто лучше их. Рассеянные прежде в Элладе и среди варваров, на островах и на материке, теперь, получив нежданную свободу и восстав в едином порыве, они устремятся отовсюду в одно указанное место, ведомые как проводником каким-то видением более божественным, чем человеческая природа, для других невидимым, но явленным только спасаемым из изгнания…» [Филон «О наградах и наказаниях», 164-165]. Из речи Моисея во Второзаконии мы знаем, что Господь откладывал возвращение Израиля «ради озлобления врагов, чтобы враги его не возомнили и не сказали: «Наша рука высока, и не ГОСПОДЬ сделал все сие» [Втор. 32:27]. По словам Филона, поработители евреев не понимали из-за своего неразумия, «что краткосрочным блеском они наслаждались не за свои заслуги, но ради вразумления евреев, разрушивших свое отечество» [Филон «О наградах и наказаниях», 170]. Теперь же враги Израиля получат заслуженную кару. Во Второзаконии Господь устами Моисея возглашает: «Когда изострю сверкающий меч Мой, и рука Моя приимет суд, то отмщу врагам Моим и ненавидящим Меня воздам; упою стрелы Мои кровью, и меч Мой насытится плотью, кровью убитых и пленных, головами начальников врага. Веселитесь, язычники, с народом Его! ибо Он отмстит за кровь рабов Своих, и воздаст мщение врагам Своим, и очистит землю Свою и народ Свой!» [Втор. 32:41-43]. Филон почти столь же мстителен: «Внезапно произойдет переворот всего. Ибо Бог повернет проклятия против врагов, которые радовались бедствиям Израиля, оскорбляя и насмехаясь… Те, кто не будет полностью уничтожен, вернутся, оплакивая свои ошибки, к прежнему состоянию, но те, кто смеялся над скорбями евреев и постановлял проводить народные праздники, пируя по поводу их несчастий и скорбей, начнут получать плату за свою жестокость» [Филон «О наградах и наказаниях», 169, 171].

Мы не знаем о каких праздниках говорит Филон, но у нас есть папирус 199/200 гг., где упоминается торжество в честь победы над евреями, ежегодно справлявшееся после восстания 115-117 гг. [1, 31-35]. В 115-117 гг. александрийское еврейство было полностью уничтожено (вместе со всеми евреями Египта, Киренаики и Кипра). Задача, которую оно задало человечеству – как совместить экстаз с Исходом, индивидуальные воспарения с коллективной безопасностью – остается нерешенной.

Литература
[1] *Tcherikover V., Fuks A.* (eds.). Corpus Papyrorum Judaicarum. Vol. 2. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960.

Даргахи Дели: «нестандартные» функции сакральных локусов (XIX в.)

Козлова А.А.
ФГБУН Институт востоковедения РАН, научный сотрудник

К сакральным локусам принято относить территориальные комплексы, имеющие культурное значение, которое связано с религиозной сферой. Культурное достоинство комплексов определяется наличием священного смысла и/или культового значения. Также сакральные локусы могут служить семантическими центрами социокультурного ландшафта. В отличие от социокультурного ландшафта сакральный локус не претендует быть цельным территориальным комплексом, это может быть отдельный объект.

Даргах – храм-усыпальница, строился над местом захоронения почитаемого религиозного лица, часто суфийского святого или дервиша. Сакрализация подобных мест реализовывалась через сложную систему действий, священных ритуалов и церемоний. К усыпальницам-*даргахам* совершали паломничество – *зийарат*, практика которого сложилась в исламе достаточно поздно [1, с. 25]. Особенность паломничества к *даргахам* в Индии в целом и в Дели в частности заключалась в большом разнообразии обрядов, а также в преемственности мест поклонения: нередко одно и то же место на протяжении веков посещалось с религиозной целью паломниками разных конфессий.

В атмосфере мусульманских *даргахов* и гробниц-*мазаров* нет ничего зловещего. Посещая святые места и проводя *зийарат* и *ʿурс* (обряд в память о кончине святого) верующие испытывают священный трепет, благоговейное умиление, радость; здесь нет места страху. Гробница южноазиатского святого – место людное, шумное и даже веселое, а главное ее сокровище – прах, или пыль (*хак*) [1, с. 238].

В Дели при Поздних Моголах существовало большое количество *даргахов* разной степени сохранности и известности; одни были весьма популярны и процветали, другие находились в запущенном состоянии.

К XIX в. в Дели можно наблюдать тенденцию расширения *даргахов* и превращения их из небольших сакральных локусов в полноценные социокультурные ландшафты. *Даргахи* разрастались до масштабов территориальных религиозных комплексов, включающих саму гробницу святого, мечеть, приют для паломников, *лангар* (общинная кухня и трапезная) и т.д. Нередко рядом находились водоемы-*баоли*, медресе; поблизости возводились усыпальницы лиц, не относящихся к мусульманским святым.

На территории медресе при Делийском колледже находится несколько захоронений. Помимо кенотафов Гази-уд-дин-хана Фирозджанга I (основателя медресе) и Гази-уд-дин-хана Фирозджанга II (основателя мечети) на территории архитектурного комплекса расположен *даргах* Хафиза Саадуллы, суфия, принадлежавшего к ордену накшбандие (ум. в 1152 г. хиджры / 1739 г.). Гази-уд-дин-хан Фирозджанг II был последователем Хафиза Саадуллы, и возвел эти усыпальницы [2, с. 238]. Комплекс образовательного учреждения складывался постепенно.

Территории *даргахов* и близлежащие к ним районы рассматривались могольскими и позднемогольскими правителями в качестве мест для обретения вечного покоя – если правители выражали такое желание, их тела находили пристанище при *даргахах* известных мусульманских святых. Вокруг комплекса *даргаха* Кутуб-уд-дина Бахтияра Каки похоронены могольские правители и члены их семей, включая Бахадур-шаха I (пр. 1707–1712), Шаха Алама II (пр. 1759–1806), Акбар-шаха II (пр. 1806–1837), одного из сыновей Бахадур-Шаха II (пр. 1837–1857) Мирзы Фахру (1816–1856). В комплексе *даргаха* Бахтияра Каки находится *сардгах* и самого Бахадур-Шаха II [2, с. 41].

Последний из династии Моголов – Бахадур-шах Зафар II выбрал место своего погребения еще при жизни – при могиле святого Кутуб-уд-дина Бахтияра Каки, но в этом ему было отказано. Находившийся в Рангуне в ссылке после сипайского восстания падишах был глубоко опечален тем, что после смерти его прах не будет предан делийской земле.

Глубокую привязанность могольские правители выказывали и суфийскому святому Хазрату Низамуддину Аулия. В его *даргахе* читались молитвы, к нему совершали паломничества. Здесь захоронен Мухаммад-шах Рангила (1719–1748), его жена Наваб Сахиба Махал и внук Мирза Джигру. Здесь же расположены и могилы сына падишаха Шах-Алама и дочери Акбара II Джамалуннисы.

Помимо использования *даргахов* или близлежащих территорий могольскими правителями в качестве мест захоронений, данные места привлекали их и в качестве рекреационных зон. В районе Мехраули в непосредственной близости от усыпальницы-*даргаха* Кутб-уд-дина Бахтияра Каки Акбар-шах, несмотря на скудное финансирование [3, с. 420], приказал построить небольшой дворец, где можно было бы скрываться от летней жары. Здание дворца служило местом паломничества для семьи делийского правителя. Позднее дворец в Мехраули приглянулся преемнику Акбар-шаха, Бахадур-шаху II, который добавил к дворцу входные ворота; при нем архитектурный комплекс стал называться Зафар-махал.

Сакрализация *даргахов* поддерживалась за счет совершения многочисленных ритуальных действий и обрядов. При Поздних Моголах стали проводиться праздники и фестивали, которые имели лишь косвенное отношение к сакральности и исторически не были свойственны *даргахам*. Ярким примером может служить шествие цветочников (*пхулвалон-ки-сейр*). Легенда предписывает учреждение этого праздника-ярмарки Мумтаз Бегам, супруге одного из

последних могольских императоров, Акбар-шаха II, по случаю возвращения их сына из ссылки в Аллахабад. Фестиваль проводится и по настоящее время, а местом действия праздника становится весь район Мехраули. Однако важнейшими точками на пути следования участников фестиваля являются *даргах* Бахтияра Каки и храм Йогмайа.

Особого пика празднование шествия цветочников достигло при Бахадур-шахе Зафаре. Знать покидала Шахджаханабад и отправлялась в Мехраули в паланкинах, пешком или на слонах. После прибытия процессии в Мехраули начинались различные мероприятия, в том числе пение и танцы, петушиные бои, травля быка, запуск воздушных змеев, борьба и т.п. Фестиваль завершался возложением *чадара* из цветов на *даргах* Бахтияра Каки [2, с. 55].

В британской Индии посещение гробниц стало для европейцев таким же щекочущим нервы развлечением, как охота на тигров и катание на слонах [1, с. 238].

Менялось отношение и к *баоли* при *даргахах* святых. Функция использования их для совершения ритуального омовения сместилась в сторону утилитарной и также развлекательной: европейские путешественники отмечали такое массовое явление как прыжки местных ныряльщиков в воду со стен *баоли* на потеху публике.

Литература

[1] *Суворова А.А.* Мусульманские святые Южной Азии XI–XV вв. М.: ИВ РАН, 1999.
[2] *Dehlvi S.* The Sufi Courtyard. Dargahs of Delhi. New Delhi: Harper Collins, 2012.
[3] *Nugent M.* A Journal from the Year 1811 till the Year 1815, including a Voyage to and Residence in India, with a Tour to the North-Western Parts of the British Possessions in that Country, under the Bengal Government. In Two Volumes. London: Printed by T. and W. Boone, MDCCCXXXIX [1839].

Марокканская монархия и исламистские партии: политический пейзаж после «Арабской весны»

Орлов В.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока

Перемены, произошедшие в политической среде Марокко с 2011 г., создали множество возможностей и вызовов для исламистских структур страны. В 2011–2021 гг. наибольшим успехом пользовались крупнейшая марокканская исламистская партия – Партия справедливости и развития (ПСР), ее миссионерское крыло – Движение реформы и единобожия, и официально запрещенная, но в целом дозволенная королевской властью Ассоциация справедливости и благодеяния (*Джам‘ийат аль-Адль ва-ль-ихсан*, ДАИ). В то

время, как популярность ПСР росла и она дважды, в 2011 и 2016 гг., достигла беспрецедентных успехов на выборах, ДАИ стала частью антиправительственного «Движения 20 февраля», которое подняло ее рейтинги и дало ей больше свободы в ее политических действиях.

Однако меняющаяся социально-политическая обстановка изменила и основные представления этих группировок относительно их политической деятельности. Растущая важность общественного мнения и народной вовлеченности в «пост-весеннем» Марокко заметно расширили возможности выбора тактики и силу влияния исламистов в 2010-х годах [1, с. 64-65]. Это привело их к новому пониманию того, как уравновесить интересы их сторонников и интересы монархии. Хотя ПСР и ДАИ являются главенствующими исламистскими силами в Марокко, панорама подобных структур королевства намного шире и охватывает широкий идеологический спектр. Эти круги включают множество формальных и неформальных объединений. Большинство их значительно меньше по численности, а их идеологические позиции слабее, чем у ПСР и ДАИ. Одни из них действуют и сейчас – такие, как Партия возрождения и добродетели, а другие были запрещены или расформированы – такие, как движение «Аль-Умма», партия «Аль-Бадиль аль-хадари», или салафитские группы, которые до 2011 г. по большей части оставались вне политики [2, с. 8].

Большинство этих сил в 2010-х годах оставались незначительными в сравнении с ПСР и ДАИ, а их роль и влияние в политической сфере были довольно ограниченными. Лидеры ДАИ и ПСР разделяли важные практические и идеологические черты. Они осуждали насилие, вовлекались в общественную жизнь на многих уровнях (квартала, села, города, провинции) – хотя для ДАИ по-прежнему была запрещена регистрация в качестве политической партии и участие в выборах – и пользовались широкой народной поддержкой. Главное различие между ПСР и ДАИ состоит в их восприятии Алауитской монархии. ПСР не только приемлет, но и поддерживает институт монархии, тогда как ДАИ считает монархию ответственной за общественные и политические сложности развития Марокко.

После провозглашения Конституции 2011 г. марокканские власти создали для участия в выборах разношерстную коалицию из 8 партий, получившую неофициальное название «G8». Руководство коалицией осуществляли наиболее приближенные ко двору Национальное объединение независимых (НОН) и Партия подлинности и модернизма (ППМ). Их победа на выборах полностью отвечала бы надеждам Мухаммеда VI на стабилизацию политической системы Марокко и преодоление угроз «Арабской весны». Главной задачей «G8» было выступить политическим противовесом ПСР, которая стремилась победить во многих округах. В ходе предвыборной кампании 2011 г. ПСР использовала многие из призывов оппозиционного «Движения 20 февраля», направленных против государственного произвола и коррупции. Тем временем полулегальная ДАИ, являющаяся последовательным противником алауитской монархии, совместно с «Движением 20 февраля» и левыми радикалами (Партией

социалистического авангарда, Объединенной социалистической партией, Национальным конгрессом ССНС и Партией демократического пути [Ан-Нахдж]) организовала не давшую результатов кампанию по бойкоту парламентских выборов.

Несмотря на все усилия проправительственной партийной коалиции, выборы 2011 и 2016 гг. выиграла ПСР, которая набрала 107 и 125 парламентских мандатов соответственно. Таким образом, парламентское представительство исламистских сил в ходе избирательных кампаний 1997–2016 гг. стремительно возросло, что уже давно расценивается магрибинскими политологами в качестве своеобразного знака примирения обществ Северной Африки с самими собой и неудачи прозападных устремлений их элит [3, p. 415].

В 2010-х годах Партия справедливости и развития заняла положение ведущего политического полюса в стране, а в качестве наиболее успешных центров ее электоральной мобилизации выступили в первую очередь города атлантического побережья. В ходе своих второго и третьего завоеваний Палаты представителей ПСР подтвердила свое членство в «клубе» общенациональных партий Марокко, наряду с «Истикляль» и ССНС. Она оказалась несомненным фаворитом средних слоев марокканского общества, а также ключевым звеном политической игры королевской администрации (*махзена*) и партий.

В то же время, вступив в коалиционную игру и войдя в правительство короля, ПСР под руководством Саад ад-Дина аль-Османи утратила возможность уверенно эксплуатировать облик «новой», «компетентной», «независимой» и «объективной» силы, не запятнанной участием в делах «коррумпированной власти». Со стороны дворца для борьбы с влиянием исламистов были мобилизованы лучшие кадры прежних лет. Наибольших успехов в этой многолетней кампании достиг Фуад Али аль-Химма. Этот марокканский политик и идеолог принадлежал к окружению всесильного «серого кардинала» короля Хасана II (1961–1999 гг.) – Дриса Басри. После отставки Басри с поста министра внутренних дел (2000 г.) Фуад Али аль-Химма был назначен министром-делегатом короля при МВД. В 2007 г. он оставил свой пост и участвовал в парламентских выборах, на которых прошел в Палату представителей как независимый кандидат. В августе 2008 г. аль-Химма создал новое «парламентское лицо» монархии – умеренно-консервативную Партию подлинности и модернизма (*Хизб ал-асала ва-л-му‘асара*, ППМ) из пяти мелких партий, по образцу лояльного трону Национального объединения независимых (НОН), созданного в 1980-х годах.

Ратуя за активную гражданскую позицию марокканцев и провозгласив политику «близости к избирателю», новая партия «исламистов Его Величества» выиграла муниципальные выборы 2009 г., набрав 21,15% голосов [4, p. 47]. Успех сопутствовал ППМ как на парламентских выборах 2011 и 2016 г., так и на последних выборах в нижнюю палату парламента, состоявшихся 8 сентября 2021 г. Рост популярности короля и неудачи правительства Саад ад-Дина аль-Османи в борьбе с пандемией и ее последствиями привели ПСР к сенсационно

сокрушительному поражению. Партия получила всего 12 мест в составе Палаты представителей и утратила свои позиции во властных структурах королевства.

Литература

[1] *Fakir I.* Participation, the Public, and the Palace: Morocco's Islamists In Search of New Strategies // Transformation of Political Islam in a Changing Regional Order. Ed. by M. Affan. Istanbul: Al-Sharq Forum, 2019. P. 64-91.
[2] *Dahbi Kh.* Meso-level Interactions, Macro-level Repercussions. The Curious Case of the 20th February Movement in Morocco // Annals of Japan Association for Middle East Studies. 2013. Vol. 29. № 2. P. 4-33.
[3] *Marzouki I.* La culture de la différence: pour une redéfinition des réformes démocratiques au Maghreb // L'Année du Maghreb 2004. P.: Éditions CNRS, 2006. P. 415-425.
[4] *Eibl F.* The Party of Authenticity and Modernity (PAM): Trajectory of a Political Deus Ex Machina // The Journal of North African Studies. 2012 Vol. 17. Fasc. 1. P. 31-54.

Влияние исламского фактора на поведенческие стереотипы правящей элиты османского Египта (вторая половина XVIII в.)

Смирнов В.Е.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока

Египет под властью османской державы представлял собой страну с преобладающей долей мусульманского населения и в силу целого ряда причин сохранял значение «оплота истинного суннизма». Порядка 75–85% жителей страны исповедовали ислам суннитского толка, который играл исключительно важную роль в жизни Египта, определяя морально-нравственные ориентиры и поведенческие стереотипы его обитателей. Тем не менее, даже в условиях многократного численного преобладания последователей посланника Аллаха над иноверцами лишь единичные представители властных структур Египетского эйялета были мусульманами по праву своего рождения. Дело в том, что в египетском социуме османского периода господствовал весьма характерный для политических систем традиционного общества закрытый тип рекрутирования элиты, вход в которую местным жителям был практически заказан.

Во второй половине XVIII в. в Египте оформилась автономная система управления, а реальный механизм властвования держался на крупнейших «домах» (*бейтах*) неомамлюкского типа, которые возглавляли представители военно-служилой знати преимущественно мамлюкского происхождения. Дружины бейтов регулярно пополнялись за счёт рабов мужского пола в возрасте от 8 до 18 лет, взрослых военнопленных и ренегатов, а также представителей храброй и воинственной молодёжи из Румелии, Анатолии и островов Эгейского

моря, жаждавших предложить свои услуги на рынке военной силы. Преобладающая часть из них приобщалась к исламским ценностям лишь с момента попадания в систему патронажа того или иного «дома». Как писал известный арабский хронист Абд ар-Рахман ал-Джабарти, «Аллах направил их на путь истины в отроческие годы, вывел их из тьмы к свету. Они выросли под попечительством своих господ, воспитывались под крылом богословов и среди алимов, читали Коран и изучали шариат» [3, с. 136].

Подобно самому османскому султану лидеры правящих египетских бейтов и их подручные в своей основной массе придерживались ханафитского мазхаба, официально признанного османскими властями в качестве основополагающей правовой школы империи [1, с. 85]. Они регулярно совершали намазы в мечетях, отправлялись в паломничество к святым местам Мекки и Медины [1, с. 82, 242, 344, 346, 349; 2, с. 195], нередко приобретали рукописи Корана и различные книги, в том числе религиозной тематики, которые впоследствии могли обращать в вакф и передавать в книгохранилища при мечетях [1, с. 242, 354; 2, с. 195, 434; 4, с. 111–112]. Были среди них и те, кто активно занимался благотворительностью, выделял значительные суммы на строительство и содержание культовых сооружений [1, с. 30–34, 54, 162; 2, с. 427–428, 441–442; 4, с. 111–112]. Будучи правоверными мусульманами, они не только лично совершали поездки к святыням ислама, но также руководили самим процессом организации и сопровождения ежегодного египетского паломнического каравана в Аравию. Эмир ал-хадж – один из основных по значимости беев в неомамлюкской иерархической структуре, который гарантировал безопасность хаджа, защищая пилигримов от разбойных нападений.

Военно-служилая знать Египта тесно контактировала с местными алимами – правоведами, теологами, которые выступали в роли хранителей и интерпретаторов многовекового мусульманского наследия. Эмиры наносили им визиты вежливости, преподносили щедрые дары, а некоторые из них даже посещали занятия исламских богословов [1, с. 54, 79–80, 85, 242–243, 289–290; 2, с. 193, 428]. Впрочем, далеко не всегда взаимоотношения властной верхушки с алимским корпусом были безоблачными и гладкими. Случались серьёзные разногласия и яростные споры, в ходе которых могли звучать как угрозы со стороны неомамлюкских лидеров, так и ответные анафемские декламации и призывы к всеобщему народному неповиновению [1, с. 51; 4, с. 113]. Однако в целом представители правящей элиты старались не идти на конфронтацию с носителями традиционного исламского знания и за редким исключением прекрасно с ними ладили, поскольку осознавали, что в условиях абсолютного верховенства в обществе религиозного мировоззрения власть светская должна обязательно опираться на власть духовную.

Многие высокопоставленные предводители военно-бюрократической прослойки охотно приобщались к суфийским ценностям, оказывали покровительство видным деятелям «народного ислама», а некоторые даже сами становились адептами тех или иных суфийских тарикатов [1, с. 54]. Довольно частым способом проведения досуга представителей властных структур было

участие в торжествах и празднествах в честь мусульманских святых – маулидах, а также почитание захоронений мусульманских мистиков [1, с. 41, 78, 85, 121–122; 4, с. 369].

И всё же не стоит обольщаться относительно мусульманских добродетелей новой генерации египетской военно-служилой знати, представители которой своим нарочитым благочестием, по образному выражению автора хроники, зачастую лишь «накладывали заплату на свою изношенную веру» [2, с. 428]. Впрочем, несмотря на то что правящая верхушка, пришедшая к власти в Египте в последней трети XVIII столетия, в целом была уже не так чувствительна к вопросам веры, тем не менее её культура и быт были в значительной степени подчинены религиозным правилам и предписаниям, следование которым составляло важную часть жизни мусульманской общины-уммы. Изучая некрологи видных эмиров второй половины XVIII в., можно сделать заключение, что большинство из них в сознании основной части египетского общества почитались как носители традиционных исламских ценностей. В то же время их поведенческие стереотипы скорее свидетельствовали о религиозном синкретизме властной элиты, включавшем в себя элементы суннитского ислама, суфизма, а также народных суеверий, верований и культов.

Литература

[1] *Ал-Джабарти ‘Абд ар-Рахман.* ‘Аджаиб ал-’асар фи-т-тараджим ва-л-’ахбар (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике собы-тий). Т. 2. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798). Пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М.: Наука, 1978.

[2] *Ал-Джабарти ‘Абд ар-Рахман.* ‘Аджаиб ал-’асар фи-т-тараджим ва-л-’ахбар (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий). Т. 3, ч. 1. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801). Пер. с араб., предисл. и примеч. И.М. Фильштинского. М.: Наука, 1962.

[3] *Ал-Джабарти ‘Абд ар-Рахман.* ‘Аджаиб ал-’асар фи-т-тараджим ва-л-’ахбар (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий). Т. 4. Египет под властью Мухаммада Али (1806–1821). Пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М.: Наука, 1963.

[4] *Кириллина С.А.* Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000.

«Внутренний джихад»: борьба с племенным сопротивлением в трактовке марокканских султанов XVII–XVIII вв.

Соловьева Д.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры арабской филологии

С точки зрения исламской политической доктрины смута и неповиновение властям являются грехом и нарушением миропорядка. В связи с этим подавление различных форм сопротивления считалось законным долгом мусульманского правителя. Особенно важной эта задача была для государей, которые управляли регионами с большой долей племенного населения и сложным рельефом. К подобным примерам можно отнести и традиционное Марокко, правители которого нередко проводили в экспедициях против племен значительную часть своего времени.

Для оправдания таких жестких мер, как казни представителей племенной верхушки, конфискация имущества и принудительные переселения, султанам требовались дополнительные религиозные основания. Изучение придворных летописей Алауитской династии (1631 г. – наст. время) позволяет утверждать, что в идеологическом инструментарии марокканского султанского двора – *махзена* XVII–XVIII вв. важную роль играло понятие *джахилийа*. Помимо обозначения доисламского периода жизни арабов, под этим словом подразумевалось состояние неверия и невежества. *Джахилийа* была антитезой ислама и использовалась для описания общества, в котором не соблюдался мусульманский закон. В текстах клятвы верности (*бай'а*), которую приносили султану при восхождении на престол, неповиновение султану обозначалось как *джахилийа*. Так, в тексте клятвы верности Мулай Абдаллаху (правил с перерывами в 1729-1757 гг.) говорится: «Кто не повинуется султану, умрет в невежестве (*мат мита джахилийа*)» [1, с. 241].

Это понятие нередко употреблялось султанами в отношении восстававших против центральной власти племен. С их точки зрения, образ жизни племен шел вразрез с нормами мусульманского закона, поскольку зачастую они руководствовались не нормами исламского права, а обычаями [4, с. 165]. Кроме того, к *джахилийе* приравнивались набеги на соседние племена или города, а также отказ от уплаты налогов в казну.

По сведениям марокканского летописца Абу-л-Касима аз-Заййани, когда Мулай Исмаил (1672-1727 гг.) подчинил несколько крупных берберских племен, их вождь, который перешел на службу султану, по личной инициативе конфисковал у соплеменников все оружие и лошадей и объяснил Исмаилу, что тем самым «очистил их от греха (*харам*)» [1, с. 241].

По свидетельству придворного историка Ахмада ан-Насири, в 1745 г. Мулай Абдаллах арестовал делегацию берберских племен, которых обвинил в том, что они перестали платить налоги в казну и перешли к грабежам купцов и соседних

деревень. Подобное поведение султан назвал «отступлением от веры» [2, т. 7, с. 172].

Таким образом, анализ источников показывает, что образ жизни племен трактовался как греховный, а их неповиновение власти султана приравнивалось к отступлению от религии. В связи с этим насилие в отношении племен становилось легитимным и превращалось в непрерывный «внутренний джихад» – борьбой со злом и беспорядком [3, с. 744]. Подавление племенного сопротивления становилось религиозным долгом султана и его армии. В интерпретации махзена карательные походы монархов шли на пользу всей мусульманской общине, а подчинение этих племен власти центра возвращало их в лоно исламской веры.

Литература

[1] *Аз-Зайяни Абу-л-Касимени* Ал-Бустан аз-Зариф фи даулат аулад Мулай аш-Шариф (Красивый сад [повествования] государства потомков Мулай аш-Шарифа). Публ. и коммент. Р. аз-Завийа. Рисани, 1992.
[2] *Ан-Насири, Ахмад ибн Халид.* Китаб ал-Истикса' ли ахбар дуввал ал-Магриб ал-Акса (Книга изучения сведений о династиях Дальнего Магриба). Т. 1-9. Касабланка: Дар ал-китаб, 1954-1956.
[3] *Dakhlia J.* Dans la mouvance du prince: la symbolique du pouvoir itinérant au Maghreb // Annales. Economies, sociétés, civilisations. 1988, № 3.
[4] *Laroui A.* Les origines sociales et culturelles du nationalisme marocain (1830–1912). Casablanca, Centre Culturel Arabe, 2009.

Политика «позитивной дискриминации» в современной Индии: 103-я поправка к Конституции и «мусульманский вопрос»

Старикова М.Н.
МГИМО (Университет), преподаватель

Вопрос о резервировании мест для граждан с низким экономическим статусом уже не раз рассматривался правительством независимой Индии. В 1990 г. премьер-министр В.П. Сингх объявил в парламенте о введении 27%-ого квотирования для «прочих отсталых классов», но это решение вызвало волну протеста со стороны высших каст [1, с. 13]. Он также озвучивал идею добавления квоты для малообеспеченных граждан, но официально не внёс это предложение на рассмотрение, вероятно, опасаясь превышения установленного порога в 50% резервирования [2, с. 2454]. В 1991 г. премьер-министр П.В. Нарасимха Рао попытался провести реформу в политике «позитивной дискриминации», и к предложенным ранее 27% были добавлены 10% квот для экономически отсталых слоёв населения. В 1992 г. Верховный суд Индии (дело Индра Сахни) обязал правительство ввести квоту для «прочих отсталых классов», но отказал в резервировании мест лишь с учётом экономического положения кандидатов.

Спустя почти три десятилетия в январе 2019 г. парламент Индии принял 103-ю поправку к Конституции. Представители «экономически менее развитых групп населения» теперь имеют право получить до 10% мест на государственной службе и в учебных заведениях на основе лишь своего экономического статуса. 10% вводятся отдельно и не уменьшают ранее установленные квоты.

Несмотря на принятие поправки большинством голосов, некоторые члены Нижней палаты парламента высказались против законопроекта о внесении поправки [4]. К примеру, один из лидеров мусульманской общины Асадуддин Овейси заявил, что поправка не соответствует целям политики резервирования: обеспечению социальной справедливости, устранению социальной и образовательной отсталости. Наряду с этим, полагает политик, нет точных данных о степени «отсталости» представителей каст, не включенных в существующую систему квотирования. В то же время такая статистика есть в отношении мусульманской общины, которая демонстрирует удручающие показатели в сфере образования.

Также депутат от Индийской объединённой мусульманской лиги Е.Т. Мухаммад Башир отметил, что «настоящая цель этого законопроекта – извлечение личной выгоды из сложной ситуации» и «не что иное, как подготовка к предстоящим выборам»; в деле Индра Сахни обозначено, что «экономический критерий позволит представителям из высшей прослойки общества (высшим кастам) монополизировать власть в стране, чему политика резервирования должна противодействовать».

В итоге в Верховный суд подано более 20 ходатайств (в том числе и от представителей мусульманской общины), оспаривающих конституционность 103-ей поправки. Сегодня дело всё ещё ожидает рассмотрения. Истцы считают, что поправка нарушает основные положения Конституции и фундаментальное право на равенство, гарантируемое ст. 14. Они также отмечают, что новая квота противоречит решению Верховного суда по делу Индра Сахни, так как экономический статус не может быть единственным основанием для резервирования мест и нельзя превышать верхнюю планку квот в 50%. Позже, в мае 2021 г. Верховный суд, рассматривая дело Джайшри Лакшманрао Патила, снова отказался оспаривать установленную ранее границу. Именно к этим двум судебным делам сегодня апеллируют те мусульмане, которые считают, что новая квота подрывает принципы политики «позитивной дискриминации» в Индии.

Ряд исследователей и публицистов высказывает мнение, что, хотя квота подаётся как предвыборное решение для высших каст, данные показывают, что если правительство ищет наиболее бедных из новой категории, то практически все места должны достаться мусульманам [3, с. 7].

Однако под выделенные критерии подпадает практически каждый в стране. Эта проблема затрагивается в деле, касающемся введения резервирования для «экономически менее развитых групп населения» при поступлении в рамках всеиндийской квоты для медицинских институтов. Между заседаниями суда правительственная комиссия, сформированная для пересмотра критерия

определения «экономически менее развитых групп населения», подтвердила ранее установленную границу годового дохода семьи (до 800 тыс. рупий).

Таким образом, большой процент населения может претендовать на места в университетах и на государственной службе по новой квоте, и не ясно, смогут ли мусульмане получить выгоду от реформы в политике резервирования.

Литература

[1] *Юрлова Е.С.* Роль каст в современной Индии // Азия и Африка сегодня. 2018. № 4 (729). С. 10-17.
[2] *Nauriya A.* Reservations in Public Employment: Modified Mandal Scheme // Economic and Political Weekly. 1991. Vol. 26. No. 43. Pp. 2454-2456.
[3] *Shariff A., Bhat M.M.* Economically Weaker Section quota in India: Realistic Target Group and Objective Criteria for Eligibility // USIPI Policy Paper. May 5, 2019. 8 p.
[4] Discussion on the motion for consideration of the Constitution (One Hundred and Twenty-Fourth Amendment) Bill, moved by Dr. Thaawarchand Gehlot. 2019. URL: https://eparlib.nic.in/handle/123456789/808314?view_type=search

Изображение религиозного ритуала в литературе хинди

Стрелкова Г.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры индийской филологии

Индийская литература с давних времён так или иначе отражала и описывала не только героические подвиги, будничную жизнь своих героев или же красоты природы, но при этом большое внимание уделяла и духовной жизни персонажей, их вероисповеданию, поведению и тому, каким образом они совершают те или иные ритуалы, паломничества, богослужения. Религиозные ритуалы, обращённые непосредственно Богу, совершают для того, чтобы выразить ему своё почтение и любовь. К основным ритуалам, представленным в разных религиозных верованиях и направлениях индуизма, можно отнести следующие. Это *пуджа,* которая обычно проводится раз или два в день, но брахманы могут совершать её и чаще. Как правило, традиционная *пуджа* совершается в храме или дома, перед изображением божества, которому подносится еда, цветы, вода и огонь. Уже освященные подношения становятся *прасадом* и даруют благо верующему. Этот ритуал сопровождается пением священных песнопений, обращенных к избранному божеству – *иштадеву,* что означает «милый, желанный, любимый». Ритуалы совершаются брахманами, а в домашних условиях – представителями высших варн. Относящиеся же к низшей варне *шудры* и *ачхуты* (букв. неприкасаемые, находящиеся вне варновой системы) не могут посещать храмы, но тем не менее, богослужения они так или иначе совершают.

Средневековая литература хинди, среди творцов которой были также и выходцы из низких каст, такие как Намдев и Кабир, и даже те, кто находился вне

касты, как Цокхамела, прославились своими религиозными песнопениями, в которых славили милосердного бога, готового прийти им на помощь. Они прибегали к метафорам, опиравшимся на их родовое ремесло – нитку и иглу, гончарное колесо и глину, или же описывали процесс кормления бога, сопровождая это описание перечислением бытовых деталей. Так, один из самых известных *падо*в – песнопений Намдева (1270–1350), вошедших в священную книгу сикхов Ади Грантх, описывает, как он напоил бога Виттхала молоком. Для этого поклоняющийся ему *бхакт* доит корову, наполняет сосуд молоком, уподобляя их золотой чаше, полной *амриты* – нектара, и таким образом совершает *пуджу* – обряд богослужения, который сопровождается подношением [1, с. 131].

Среди подношений бывают также и цветы, и благовония. Эти предметы становятся освященными, то есть *прасадом*, приносящим благо. Обычно *пуджу* совершают раз или два в день, сопровождая её песнопениями – *мантрами*. Обряд богослужения обычно завершается *арати*, когда зажигают лампады, а затем в сопровождении песнопений их обносят вокруг божества. Но *санты* – святые, представители *ниргуна-бхакти*, то есть те, кто верил в «невоплощенного, лишённого качеств» бога, в отличие от «воплощённого», ограничивались песнопениями и паломничествами к священным местам, например, в Пандхарпур. Там до сих пор находится главный храм Виттхала с самым почитаемым индусами-маратхами изображением этого божества. Считается, что Намдев лишь после того, как покинул Махараштру, перестал быть *сагуна* и стал *ниргуна-бхактом.*

Еще один важный элемент индуистского ритуала – молитвенные песнопения, называемые *джапа,* во время которых молящийся медитирует, сосредоточившись на боге, и вслушивается в звук той мантры, которую произносит. Иногда этот ритуал сопровождается перебиранием чёток. Кроме того, описываются и *сатсанги* – собрания поклоняющихся определённому божеству. Они совместно повторяют мантры, поют славословия – *бхаджаны* и *киртаны.* Один из до сих пор самых известных представителей этого религиозного направления *ниргуна-бхакти* – прославленный средневековый поэт Кабир (1440–1518), почти всю свою жизнь проживший в Бенаресе и занимавшийся ткачеством. По легенде, его родила вдова брахмана, полюбившая молодого аскета – *садху*, а когда родился ребенок, бросила его. Младенца подобрала семья мусульман-ткачей и воспитала его [2, с. 80]. Считается, что Кабир занимает уникальное место в религиозной традиции Индии, так как до сих пор остается своего рода связующим звеном между индусами, мусульманами и сикхами, которые называют его *бхкатом, пиром* и *бхагатом* соответственно. Объясняется это тем, что многочисленные песнопения Кабира сохранились и в священном тексте сикхов Ади Грантх, а также в книге Биджак (опись, список, а также собрание стихов и изречений какого-либо святого), которая почитается индусами, последователями общины *кабир-пантхи*. Кабир, как и Намдев, был противником строгого индуистского ритуала, Одна из его главных идей заключается в том, что любовь существует повсюду, она растворилась везде, а

не только в священных местах, и искать её нужно в своей душе и повседневных делах, а не совершать ритуалы и паломничества. И поскольку человек физически не может соединиться с богом, для Кабира важна символика любви, связанная с разлукой, то есть *вираха,* когда любовь чувствуется особенно обострённо.

Кроме *пуджи* – ритуала поклонения и *джапы* – повторения имени бога существуют также *ягъя,* жертвоприношение, во время которого обращаются к божеству с определённой просьбой, касающейся обретения богатства или власти, счастливой семейной жизни или духовного развития. Один из ярких, на наш взгляд, примеров отражения именно этого ритуала *ягъя* – поэма выдающегося поэта хинди XX в. Сурьяканта Трипатхи Ниралы (1896–1961), который входит в число четырёх поэтов – представителей литературного направления *чхаявад*, буквально «тенизм», который иногда характеризуется как модернизм. Одна из поэм Ниралы называется «Жертвоприношение Рамы» (Raam kee shakti poojaa). Перевод фрагмента этой большой поэмы приводится в книге Е.П. Челышева «Сурьякант Трипатхи Нирала» [3, с. 190-199]. Суть заключается в том, что Раме необходимо освободить свою супругу Ситу, похищенную демоном Раваной, из страшного плена. Но Раване покровительствует богиня Дурга – Махашакти, поэтому, чтобы завоевать её расположение, получить помощь и поддержку, Раме нужно завоевать, вымолить её покровительство. Рама приказывает Хануману – почитаемому индусами божеству, сыну Ваю – бога ветра и *апсары* – небесной девы, – принести ему 108 лотосов. Ваю считается одной из аватар Шивы. Таким образом, Раме необходим совершить моление, сопровождаемое жертвоприношением. И он его совершает, но, когда ему остаётся поднести последний лотос, оказывается, что цветка нет. Его похитила Дурга. Рама в отчаянии, но вспоминает, что в детстве его мать часто сравнивала его глаза с лотосами. Он готов пронзить свой глаз стрелой лука и завершить мольбу о помощи таким страшным подношением. Дурга-Махашакти оценила готовность к этому самоотверженному поступку и обещает Раме покровительство: «Да, я с тобой, отныне и вовек, / О величайший в мире человек! / Сказала- и, как светлая волна, / Ему проникла в дух и плоть она» [3, с. 198-199].

Помимо вышеперечисленных ритуалов, существует еще *шраванам* – чтение священных писаний. Они обычно проводятся в храмах или в семейном кругу, когда читаются и обсуждаются древнеиндийские тексты – Веды, «Рамаяна» и «Махабхарата». В литературе хинди XX в. также есть произведения, которые в определённом смысле можно воспринимать как продолжение этой традиции шравана. Например, у стоявшего у истоков современной литературы хинди Премчанда есть «Сказание о Раме», адресованное детям, а у Майтхили Шарана Гупты – поэма «Урмила», главная героиня которой супруга младшего брата Рамы – Лакшмана, сопровождавшего брата в его поисках Ситы. Урмила тоскует по мужу, но понимает, что Лакшман не мог поступить иначе. Однако эти произведения выполняют уже не религиозную функцию, а скорее воспитательную. Таким образом, религиозные индуистские ритуалы так или иначе по-прежнему осуществляются в индуистском обществе и способствуют сохранению традиции.

Литература
[1] Душа – моя мера, язык – мои ножницы. Гимны Намдева, вошедшие в «Ади Грантх». Предисловие и перевод с хинди Г.В. Стрелковой // Голоса индийского Средневековья. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
[2] Кабир. Золотые строфы. Перевод с авадхи и браджа, комментарий и вступительная статья Н.Б. Гафуровой. М.: Наталис, 2004.
[3] *Челышев Е.П.* Сурьякант Трипатхи Нирала. Стихи в переводе С. Северцева. М.: Наука – ГРВЛ, 1978.

Критерии дифференциации внутри сикхской общины

Хохлова Л.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры индийской филологии

Сикхизм как религия возник в начале XVI в. в Панджабе. Основателем новой религиозной доктрины был гуру Нанак (1469–1539). При жизни Нанака община представляла собой объединение духовно близких людей, собиравшихся для медитации и молитв. Окружающие воспринимали сикхов как одну из каст индуизма [1]. Со времени третьего гуру Амара Даса (1479–1574) сикхские гуру начали соединять в себе как духовную, так и светскую власть. Амар Дас назначал специальных уполномоченных (масандов), призванных распространять сикхское вероучение и собирать пожертвования, благодаря чему существенно пополнилась казна общины. При четвертом гуру Раме Дасе (1534–1581) сикхи стали владеть землей около Амритсара. Рамдас через своих агентов регулярно собирал пожертвования, а следующий гуру Арджан (1581–1606) превратил эти добровольные пожертвования в подушный налог, взимавшийся со всего населения, проживавшего на принадлежащей сикхам территории. Арджан осуществлял большое строительство в Амритсаре, ставшем религиозным центром сикхов.

После того, как веротерпимого падишаха Акбара (1556–1605) сменил на могольском престоле его сын Джахангир (1605–1627), сикхам пришлось обратиться для защиты к оружию, и община постепенно превратилась в религиозно-воинское братство.

Считается, что три основных события сыграли решающую роль в формировании сикхской общины: 1) назначение Нанаком преемника, в результате чего был создан преемственный институт гуру; 2) создание гуру Арджаном сикхского канона – Ади Грантха, который позже стал считаться единственным гуру сикхов; 3) создание сикхской общины – хальсы десятым сикхским гуру Гобиндом Сингхом (1675–1708) [3].

Создание хальсы обычно объясняют стремлением гуру Гобинда Сингха к самоидентификации сикхов: вступление в общину связывало новых членов клятвами, которые позорно было нарушить. С другой стороны, пять «к»,

введенные гуру Гобиндом Сингхом: длинные волосы (кес), гребень для их расчесывания (кангха), специальное нижнее белье (каччх), металлический браслет (кара) и кинжал (кирпан) создавали характерный внешний вид воина – сикха и делали для него бессмысленным бегство с поля боя, так как он всегда выделялся из толпы. Вступление в хальсу предполагало также специальный обряд – пахуль, сохраняющийся в современной сикхской общине. Для церемонии металлический сосуд наполняется амритой – особым ритуальным напитком Проходящие обряд произносят клятвы и пьют амриту из общего сосуда по очереди, в знак того, что стали братьями. Прошедших обряд называют «амритдхари».

Среди вступивших в хальсу гуру Гобинда Сингха преобладали джаты. Многие брахманы и кхатрии, которые были последователями учения гуру Нанака и признавали сакральность сикхского канона Ади Грантха, отказались от вступления в хальсу, так как не приняли обряды, необходимые для вступления в общину. Они стали называться «сахадждхари-сикхи». Слово «сахадж» имеет несколько значений, одно из них – «знание». Таким образом, сахадждхари-сикхи именуют себя «обладающими знанием».

На протяжении XVIII в. создаются «Рахит-нама» – кодексы поведения, регламентирующие в деталях повседневную жизнь сикхов. Неизвестно, однако, как много членов общины следовало эти кодексам. Скорее большинство сикхов исполняло привычные индуистские ритуалы, тем более что в некоторых семьях было принято, чтобы один из сыновей принимал сикхизм, а остальные оставались в индуистской вере.

Самоидентификация сикхов как общины, отличной от хинду, возникла отчасти под влиянием новых западных идей, быстро распространявшихся после аннексии Панджаба англичанами в 1849 г., отчасти перед лицом угрозы перехода многих сикхов в христианство. Современные сикхи придерживаются правил «Рахит марьяда», которые были приняты в окончательной редакции в 1950 г. Комитетом по управлению гурдварами – высшей религиозной организацией сикхов, находящейся в Амритсаре. «Рахит марьяда» дает определение сикха, рекомендации по устройству общины и сикхского храма – гурдвары, описывает обряды жизненного цикла [4].

Сикхом считается тот, кто верит в единого бога, десять гуру, священные тексты Ади Грантха и не является адептом никакой другой религии. Кодекс поведения сикха предполагает сохранение введенных гуру Гобиндом Сингхом пяти «к», воздержание от курения, употребления алкоголя, супружескую верность и т.д.

В сикхской общине выделяется несколько групп, в разной степени следующих предписаниям «Рахит марьяда». Около 15% составляют амритдхари-сикхи, прошедшие обряд посвящения в хальсу. Комитет по управлению гурдварами (но не рядовые сикхи) считает только их подлинными членами общины. Для таких сикхов отступление от кодекса поведения совершенно недопустимо. Нарушившие клятву сикхи называются «патит», букв. «падшие».

Они с позором изгоняются из общины, подвергаются наказаниям и для нового вступления в общину должны снова пройти обряд инициации.

Более 70% общины приходится на кесдхари-сикхов, сохраняющих внешние атрибуты, предписанные гуру Гобиндом Сингхом, но не проходящих пахуль. Среди кесдхари-сикхов численно преобладают джаты. Около 10% составляют сахадждхари-сикхи. Это преимущественно городские жители, принадлежащие к кастам кхатриев, арора и алувалия. В сикхской общине начиная с XIX в. слово «сахадж» понимается как «медленно», а сахадждхари-сикхами считаются те, кто постепенно идет к принятию всех законов хальсы. Сами сахадждхари-сикхи, как правило, не планируют следовать принципу пяти «к» и совершать обряд «пахуль». Некоторые сикхологи, ссылаясь на мнения очевидцев, утверждают, что Гуру Гобинд Сингх вообще не считал, что все сикхи должны пройти обряд посвящения в хальсу и многие близкие к нему сикхи не проходили обряда посвящения [5, с. 291-292].

В современном обществе отношение членов общины к соблюдению кодекса поведения зависит от их кастовой принадлежности, уровня образования, профессии и других социальных факторов. Например, джаты по сравнению с кхатриями гораздо более терпимо относятся к «мона» – стриженым сикхам. Для многих, однако, термин «мона» представляется уничижительным. Он практически не используется в сикхской диаспоре, где многие сикхи вынуждены стричься, чтобы адаптироваться в новом обществе и получить достойную работу.

Строгость соблюдения правил поведения, предписанных «Рахит марьяда», определяется многими факторами: профессией, уровнем образования, семейными традициями, возрастом, кастовой принадлежностью. Например, кхатрий, остригший волосы, обычно считается «патит» – «упавшим», «оступившимся», в то время как джат в силу обстоятельств может позволить себе подобное отступление от правил и продолжает считаться полноправным и уважаемым членом общины. Опросы, проведенные среди молодых сикхов Великобритании, показали, что для большинства сикхской молодежи, живущей в диаспоре, наиболее важными мотивами самоидентификации являются не внешние атрибуты, но те положения сикхской доктрины, которые, по их мнению, составляют ее преимущество перед исламом: запрет на кроскузенные браки, религиозная терпимость, свобода в выборе брачного партнера и др. [2].

Литература

[1] *Habib I.* Jatts of Punjab and Sind // Punjab Past and Present: Essays in Honour of Dr. Ganga Singh. Singh Harbans & Barrier N. Gerald (eds). Patiala: Punjabi University, 1976.

[2] *Jaspal R.* British Sikh Identity and the Struggle for Distinctiveness and Continuity // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2013. Vol. 23. Pp. 225-239. Published online 1 June 2012 in Wiley Online Library (wileyonlinelibrary.com).

[3] *McLeod W.H.* Sikhism. London: Penguin books, 1997.

[4] Sikh Rahit Maryādā. Amritsar: Shromanī Gurduārā Prabandhak Committee, 1992 (18th edition).
[5] *Singh G.* A History of the Sikh People. New Delhi: World Sikh University Press, 1979.

Конфессиональный аспект возникновения и формирования андалусской цивилизации в VIII–IX вв.

Черкасова Т.Д.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, ученый секретарь

Андалусская, или арабо-испанская цивилизация возникла на Иберийском полуострове в VIII-IX вв. и впоследствии сформировалась в один из наиболее самобытных очагов культуры средневекового Средиземноморья.

Аль-Андалус интересен прежде всего неповторимыми традициями сосуществования (исп. coexistencia) и сотворчества (исп. co-creación) между представителями различных конфессий, а также глубоким и давшим исторически значимые результаты синтезом культурных традиций Востока и Запада. Многочисленные аутентичные творения, изобретения и достижения выдающихся андалусских архитекторов, поэтов, писателей, композиторов, художников, математиков, физиков, астрономов, философов, и т.д., возникшие в результате вышеупомянутых сосуществования и сотворчества, служат великолепным примером успешного межконфессионального и межкультурного взаимодействия мусульманского Востока и христианского Запада.

Возникновение и формирование уникальной андалусской цивилизации происходило вследствие слияния, взаимопроникновения и взаимообогащения арабо-мусульманской и иберо-европейской культур, последняя из которых, в свою очередь, сложилась в результате многовековых колонизационных и завоевательных процессов на территории как всего Средиземноморского побережья в целом, так и Пиренейского полуострова в частности.

Одним из важнейших аспектов зарождения и становления арабо-испанской цивилизации аль-Андалуса является конфессиональная составляющая данного процесса. Очевидно, иберо-европейская цивилизация к моменту соприкосновения с арабо-мусульманской успела выработать готовность к коммуникации, достаточную гибкость и умение проявлять лояльность к «чужим» религиям. Скорее всего, именно такой подход и предоставил возможность для взаимной ассимиляции, всестороннего обмена знаниями, опытом и умениями, вместе с тем исключив вероятность тотального поглощения и абсолютного вытеснения завоевателями местных религий, культур и традиций, или же, напротив, неприятие всего инородного местным населением и противодействие любым проявлениям чужеродной идентичности – конфессиональным, культурным, этническим и пр. Очевидно, следствием

подобной лояльности и явилось поликонфессиональное общество средневекового аль-Андалуса.

Заслуга в успешном сосуществовании и плодотворном взаимодействии жителей покоренных земель и завоевателей, разумеется, принадлежит не только местному населению, но и, в огромной степени, мусульманским правителям аль-Андалуса, проводившим несвойственную для этих земель максимально гибкую политику в области религии, экономики, культуры, социальной сферы, административной деятельности. В соответствии с новыми законами, изданными мусульманскими правителями аль-Андалуса, представители покоренного населения (исповедовавшие в основном христианство и иудаизм и не принявшие ислам, хотя им была предоставлена такая возможность), имели право заниматься любой профессией, в том числе запретными для мусульман ростовщичеством, виноделием, и др., а также могли выбирать любой род занятий – торговля, земледелие, ремесленничество, сельское хозяйство, наука, образование, медицина, финансовая сфера, а также государственная деятельность и военная служба. Естественно, подобная тактика благоприятствовала налаживанию отношений между всеми членами пестрого поликонфессионального общества.

Таким образом, в момент «знакомства» арабо-мусульман с иберо-европейцами сыграли главную роль накопленные веками опыт, понимание, желание и умение всех акторов данного процесса взаимодействовать, сосуществовать и ассимилироваться, по возможности минимизировав количество возможных конфликтов на религиозной и этносоциокультурной почве между местным населением и завоевателями. Именно благодаря такой степени готовности, открытости и терпимости стало возможным возникновение и формирование единственной в своем роде средневековой андалусской цивилизации.

Церемониал приема русских паломников-писателей в Святом Граде Иерусалиме в конце XVIII – начале XIX в.

Якушев М.М.
Министерство иностранных дел Российской Федерации

Первым перевалочным пунктом на паломническом маршруте из Стамбула в Иерусалим была Яффа. Прибыв в порт на парусных судах, богомольцы пересаживались на малые гребные суда, арабы-лодочники доставляли их до берега, где их встречали арабы-носильщики, выгружавшие из лодок паломнический багаж и доставлявшие его в греческий монастырь Святого Георгия Победоносца, расположенный рядом с портом.

В Иерусалим паломники отправлялись либо верхом на вьючных животных, либо на колесных транспортных средствах, либо шли пешком по основному маршруту движения через транзитный пункт Рамлю, посещали Лод и далее

добирались до Иерусалима и Вифлеема. Тем же маршрутом богомольцы возвращались обратно, причем Рамля была еще и перевалочным пунктом на пути их следования из Иерусалима в Назарет и Тиверию.

Дорожное имущество, главным образом тяжелые вещи, привезенные арабами-извозчиками в иерусалимский Патриарший монастырь за день до приезда поклонников, складывалось послушниками в специально отведенные для этого помещения, а ценные и мелкие вещи поклонники везли с собой.

Следует отметить, что в Яффе и Рамле функции гостеприимных и странноприимных домов для русских паломников выполняли монастырские патриаршие подворья (греч. *метохи*), или Георгиевские монастыри, возглавляемые иеромонахом, называемым игуменом, или протоигуменом. Бóльшую часть этих зданий по своему прямому назначению следовало бы называть гостиницами (греч. *архондарик*, или *фондарик*), так как они служили исключительно для размещения паломников.

Патриарший монастырь, или «Патриаршеский дом» был первой обителью Иерусалима, где торжественно встречали русских богомольцев и оказывали им теплый прием. Прибывающих в Патриарший монастырь богомольцев в соответствии с церемониалом встречал либо сам игумен, либо *мирхаджи* (араб. *амир аль-хадж*), выполнявший протокольные и переводческие функции. Они отводили постояльцев в гостиные кельи. Паломники подробно описывали убранство гостевых залов и драпировку стен. По их словам, главными украшениями были настенные и напольные ковры, а также тюфяки, подушки, одеяла и другие предметы интерьера.

Поклонники упоминали церемониальные напитки и закуски, в том числе кондитерские и хлебобулочные изделия, предложенные им в приемной палате. В соответствии с монастырским церемониалом, гостей угощали традиционными восточными напитками и легкими закусками. Русским паломникам-писателям Мелетию, И.И. Вешнякову, И.С. Сысоеву, К.И. Бронникову и их спутникам подносили чашку кофе и чарку водки, так как кофе и водка были главными церемониальными напитками греческих святогробских монастырей. К упомянутым напиткам подавались различные сладкие закуски, конфеты, варенье, мед, сухофрукты, виноград, булки, пышки, крендели и сухари.

Богомольцы детально описывали интерьер трапезной палаты Патриаршего монастыря и сервировку стола. По их словам, посуда была изготовлена из красной меди, столовые приборы – из серебра, а стол сделан из белого мрамора. И.И. Вешняков отметил, что ему и его спутникам подносили то «водку и старые крепкие вина серебряными ковшичками», то «водку и старое белое вино». И.С. Сысоев заметил, что ему со спутниками «виноградные вины подносили серебряными ковшичками». К.И. Бронников сообщил, что за столом ели «на тарелках серебряными российской работы ложками, со скатертями и салфетками, в разные времена российскими поклонниками привезенными». И.И. Вешняков и И.С. Сысоев подчеркнули, что блюда с едой стояли «на столах белых мраморных как снег и без скатертей…, а посуда вся из красной меди, кругом полуженная».

Нередко поклонники рассказывали о торжественной трапезе в Патриаршем монастыре после литургии и церемониального обряда в Воскресенском соборе. Пища сервировалась в соответствии с монастырским этикетом. По сообщению И.И. Вешнякова, блюда с едой «расставлялись по всем верхам плоским монастырским и церковным на длинных и узких скатертях, расстеленных на коврах». Праздничную трапезу неоднократно описывал И.С. Сысоев. По его сведениям, «пища стояла по кровлям плоским на простертых белых скатертях». По словам К.И. Бронникова, блюда с едой «раскладывались на площадках монастырских и церковной крыше на рогожках и скатертях».

Далее поклонников распределяли по другим иерусалимским монастырям. Как правило, паломникам предоставляли места для отдыха и ночлега в приемных комнатах для гостей, расположенных в главных христианских храмах Святой Земли – Воскресенском соборе Иерусалима и Рождественском соборе Вифлеема.

После трапезы поклонники отправлялись в большую гостевую келью, «устланную коврами с тюфяками и одеялами» или архиерейскую келью храма Воскресения Христова на ночлег. По словам И.И. Вешнякова и И.С. Сысоева в Воскресенском соборе их «постели состояли из набитых хлопчатой бумагой тюфяков и подушек, покрытых коврами».

После ужина в трапезной в храме Рождества Христова богомольцы направлялись в свои «убранные и устланные коврами» гостевые кельи на ночлег. В Рождественском соборе И.И. Вешняков и И.С. Сысоев со спутниками спали «на приготовленных из хлопчатой бумаги тюфяках, покрытых коврами», однако И.С. Сысоев добавил к описанию еще подушки и одеяла.

Русские паломники-писатели, посетившие Святую Землю с конца XVIII по начало XIX в., в своих трудах рассказывали не только о ближневосточных святынях и достопримечательностях, левантийской торговле, сельском хозяйстве, ремеслах и промыслах, традициях, обычаях, быте и нравах местного населения, средиземноморской флоре, фауне, климате и ландшафте, но и отмечали гостеприимство и радушие греческих монахов, служивших в обителях Яффы, Рамли, Иерусалима, Вифлеема и других палестинских городов, подробно описывали монастырский быт, инфраструктуру и гастрономическую культуру, а также церемониал приема в святогробских монастырях и церемониальные угощения.

Новая и Новейшая история стран Азии и Африки

Различия в поведенческих моделях японцев в зависимости от региона страны

Арешидзе Л.Г.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры истории и культуры Японии

В социокультурном отношении Японию можно условно разделить на две непохожие друг на друга части страны - Восточную и Западную. Разумеется, никакой административной «границы» между ними в действительности не существует. Однако для многих японцев Западная Япония – ассоциируется, прежде всего, с районом Кансай с центром в Киото и с районом Тюгоку с центром в Хиросима. Восточная Япония - это район Канто с центром в Токио. Многие поколения японцев воспринимают Западную Японию, как традиционную колыбель японской цивилизации, а Киото, как основной культурный центр нации, основанный еще в 794 г., тогда как Восточная Япония с центром в Токио — это относительно молодой район, который начать играть активную роль в развитии страны сравнительно недавно.

Японцы, родившиеся в разных частях Японии, заметно отличаются несхожестью своих характеров и традиций в воспитании. Бросаются также в глаза различия в их жизненном укладе, в повседневном быте, в особенностях приготовления блюд национальной кухни, а также в несхожести диалектов разговорного языка. Очевидно**,** что все эти специфические региональные особенности характера японцев оказывают своеобразное влияние на их желание или нежелание соблюдать общепринятые в стране поведенческие нормы. Европейцы, глубоко не разбираясь в психологических тонкостях японцев, чаще всего ошибочно воспринимают их, как однородную гомогенную массу, не делая различий в особенностях их поведения в зависимости от района рождения, где они родились и формировались как личности.

Однако в действительности такие различия существуют и накладывают свой отпечаток на их поведение. Процесс государственного строительства в Японии также испытывал влияние места происхождения японцев и их воспитания, сказываясь на поведенческой неоднородности японцев, которая, в частности, проявлялась в культурном противопоставлении Западной и Восточной частей страны.

Жители Восточной Японии с феодальных времен получали сильное самурайское воспитание, а столичный город Эдо развивался, как крупнейший политический и административный центр этой части Японии. Здесь находилась штаб-квартира бакуфу (военная полевая ставка сёгуна). Японцы, родившиеся в Восточной Японии, отличались в своем поведении уважением к иерархической структуре общественного устройства, готовностью «младших» по своему социальному статусу добровольно подчиняться «старшим», а наемные

работники – своему работодателю. Такие недемократические поведенческие нормы, которые по праву можно назвать патриархальными, распространялись и на отношения в семье, на отношения с близкими и дальними родственниками.

Различия в поведенческих особенностях жителей Восточной и Западной Японии можно представить себе в следующей таблице:

Поведенческие особенности	**Восточная Япония**	**Западная Япония**
Отношения в семье	жесткая субординация, патриархальные отношения	Независимые, демократичные, матриархальные
Имущественные права прямого наследования	Наследниками становятся старший сын или старшая дочь	Наследниками становятся старший или младший сын
Различия в правовом статусе старшего и младших сыновей	Существенные	Несущественные
Статус невестки	Высокий	Низкий
Имущественные отношения в семьях	признание наследниками по более разветвленной родословной линии	признание наследниками только по прямой линии

Японцы, родившиеся в Западной Японии, с одной стороны, формировались в атмосфере бурно развивавшейся торговли и ростовщической деятельности в городах Осака, Кобэ, а с другой, - в обстановке расцвета культурных традиций Киото. Эта раздвоенность материального и духовного начала при формировании характера жителей Западной Японии сохранилась вплоть до сегодняшнего дня.

Принятые у жителей Восточной части Японии морально-этические нормы поведения традиционно наиболее сложно приживались у жителей ее Западной части. Японцы справедливо считают, что межличностные отношения, например, у киотосцев основаны в значительной мере на нежелании вмешиваться в дела окружающих их людей. Более того, у киотосцев всегда бытовало высокое самомнение о себе, которое выражалось в идеологеме, согласно которой Япония как бы разделена на две «неравные части»: с одной стороны, это - жители Киото, а, с другой, – все остальные. Примечательным здесь, на наш взгляд, является суждение киотосцев о том, что жители Токио, например, всегда испытывали известный комплекс неполноценности по отношению к жителям аристократического Киото, который традиционно являлся культурным и исторически центром нации, местом проживания японских императоров.

Важно отметить, что несмотря на сохраняющиеся различия у жителей одной и той же страны следовать общепринятым нормам поведения по причине наличия между ними конкуренции, такое соперничество, как ни странно, всегда носило и продолжает носить не столько деструктивный, сколько созидательный

характер. В любом из районов Японии- ее Восточной и Западной части- молодое поколение японцев воспитывается, начиная с детского садика, в духе бережного отношения к национальной культуре, ее традициям, несмотря даже на некоторые отличия в языке, в быту и в повседневной жизни.

Литература:

[1] Katada, Tamami. Jozuni jibun o mamoru gizutsu (Искусство защитить себя).- Tokyo: Mikasa books, 2015.
[2] Nakane, Chie. Japanese society. A practical guide to understanding the Japanese mindset and culture. -Tokyo: Tuttle Publishing, 1973.
[3] Roger J. Davies. Japanese culture. The religious and philosophical foundations. - Tokyo, Tuttle Publishing, 2016.

«Джихад губной помады»: гендер и проблема «разделенных сфер» в ИРИ

Коняшкина Т.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока

Современное состояние гендерной полемики в ИРИ, одно из наследий революции 1978-1979 гг. – знак незавершенного диалога-спора между властью и обществом, в котором особую роль приобрел вопрос установления/наличия границ, разделяющих мужскую и женскую сферу деятельности.

«Джихад губной помады» [2] как метафорический образ дает представление о характере общественной полемики по проблеме гендера в современном Иране. Двойственный смысл, заложенный в эту конструкцию, вполне очевиден: объединяя вызывающий образ «кокеток с накрашенным и губами», которых обличал в своих публичных выступлениях имам Хомейни, и «джихад», звучащий из этих уст почти богохульно, она знаменует собой отрицание простоты и удобства конфронтационного мышления.

Стремление по призыву Хомейни следовать путем «божьих людей» привлекло в протестное движение массы женщин, чье самопожертвование и внешняя революционность обеспечили победу над монархическим режимом, но после революции это единство дало трещину. Падение монархии и создание Исламской республики было воспринято частью общества как возвращение к принципу разделенных сфер, лишь затушеванное демагогическими заявлениями о важности политической активности женщин. Символом этого «нулевого года» стал хиджаб, принудительный дресс-код, умаляющий индивидуальные права женщины, в том числе и в той сфере, где ее ведущая роль признавалась бесспорной – воспитание нового поколения иранцев. Менее категорично звучит оценка хиджаба как внешнего проявления дихотомии публичности и приватности, неотделимого от иранской культурно-исторической традиции, который благодаря прямолинейному официальному прочтению гендерного

дискурса воспринимается препятствием активного участия женщин в построении нового общества. Но обе эти позиции объединяет понимание необходимости давления на власть, и, используя возможности гражданского общества, стремление действовать «не мечами, а речами» [1] через прессу, разного рода ассоциации, подписные кампании и социальные сети.

У каждого из этих направлений есть своя сильная сторона. Для религиозных оппонентов официоза это активная позиция группы «первых леди государства» из прославленных богословских семей – А.Хашеми - Рафсанджани, М.Талегани, Р. Хомейни., их посягательство на чисто мужскую сферу деятельности - интеллектуально-богословскую. Дискуссия о толковании термина «риджал», который, как считают поборницы равного с мужчинами участия мусульманок в политике, может с полным основанием относиться к дочерям «дома Фатимы» (персидский язык не знает категории рода), обладающими всеми нравственными качествами «достойного мужа», включая интеллектуальные. Спор, завершившаяся обращением к высшему духовному арбитру рахбару Хаменеи, свидетельствует решимости женщин оспорить один из конституционных принципов - запрет баллотироваться на пост президента ИРИ.

Преимуществом поборниц женского равноправия, свободных от религиозной аргументации, являются контакты с внешним миром через интернет, иранскую диаспору, трансмигрантов, живущих на «два дома». Пожалуй, самый их значительный вклад в борьбу за подлинное женское равноправие связан с творческой деятельностью. Иран сегодня переживает писательский бум, настоящее рождение качественной женской литературы, что позволяет рассматривать ее как серьезное общественное явление.

Нельзя сказать, что исламская власть, обеспокоенная поиском средств для достижения баланса между прагматическими соображениями политики и идеологическими требованиями революции, не учитывает голос общества. Внимательно отслеживая любые нарушения «благопристойного поведения» в уличном пространстве, она с поощрением относится к деятельности добровольных блюстителей нравственности из числа женщин, но не провоцирует грубых мизогинистских эксцессов в обществе, как в первые послереволюционные годы.

Литература:

[1] *Milani, Farzaneh*. Words not swords: Iranian women writers and the freedom of movement. Syracuse University Press, 2011

[2] *Moaveni, Azadeh.* Lipstick Jihad: A Memoir of Growing Up Iranian in America and American in Iran. New York: Public Affairs, 2005

[3] *Satrapi, Marjane*. Persepolis: The Story of a Childhood. New York: Pantheon Books, 2003

[4] *Sedghi, Hamideh.* Women and Politics in Iran. Veiling, Unveiling, and Reveiling

Нанкин рё:ри – культура питания в китайских кварталах в Японии в эпоху Мэйдзи

Наливайко О.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры западноевропейских языков

Доклад является продолжением исследования, посвященного различным аспектам китайской культуры питания (*сина рё:ри*) на японском архипелаге в конце XIX – начале XX вв. В рамках изучения особенностей китайской кухни в Японии в указанный период, а также анализа изменения отношения широких масс к китайским блюдам в историческом контексте, особый интерес представляет культура питания, зародившаяся в китайских кварталах, а также история возникновения и распространения по территории Японии блюда «*сина соба*» (совр. - *рамэн*).

Несмотря на развитую инфраструктуру китайских поселений в городах Йокогама и Кобэ во второй половине XIX века в японском обществе сохранялось предубеждение, что в китайских кварталах грязно и небезопасно. Вероятно, этот фактор объясняет отсутствие повсеместного распространения заведений с китайской кухней за пределами китайских кварталов вплоть до 1910-х гг. XX века.

Как правило, в источниках периода Мэйдзи «китайская кухня» обозначается как «*сина рё:ри*», однако если подчеркивается принадлежность блюд или продуктов к заведениям в китайских кварталах («*нанкин мати*»), то употребляется термин «*нанкин рё:ри*». Принято считать, что открывшийся в 1910 году ресторан Райрайкэн способствовал популяризации «китайской лапши» в Токио. При этом термин «*нанкин соба*» впервые встречается в рекламе ресторана *Ё:вакэн* (г. Хакодатэ), размещенной в печатном издании, датированном 1884 годом. Также известно, что блюдо «*нанкин соба*» в конце XIX века подавалось в заведениях в китайских кварталах городов Йокогама и Кобэ. Иными словами, китайской лапше, ставшей одним из национальных блюд современной японской кухни, потребовалось несколько десятилетий, чтобы «выйти» за пределы китайских кварталов и «быть допущенной» до столичных ресторанов.

Среди западных исследований, посвященных различным аспектам китайской культуры питания в Японии в указанный период и, в частности, истории блюда «*рамэн*», необходимо отметить фундаментальную работу профессора Лейденского университета Катажины Цвертка о влиянии геополитических факторов на формирование пищевых пристрастий японцев [Cwiertka, 2006]; а также исследования профессора Кембриджского университета Барака Кушнера [Kushner, 2012] и профессора Университета Нью-Йорка Джорджа Солта [Solt, 2014] о социокультурной истории блюда «рамэн» и его роли в построении японской национальной идентичности.

Цель данного доклада – опираясь на информацию, полученную из письменных и изобразительных источников конца XIX – начала XX века,

проследить историю появления блюда «*нанкин соба*», выявить особенности китайской культуры питания в китайских кварталах на японском архипелаге, а также проанализировать отличительные черты китайской кухни в Японии в эпоху Мэйдзи.

Литература:

[1] *Cwiertka K.* Modern Japanese Cuisine: Food, Power and National Identity. London: Reaktion Books/University of Chicago Press, 2006. – 240 pp.
[2] *Kushner B.* Slurp! A Social and Culinary History of Ramen: Japan's Favorite Noodle Soup. London: Global Oriental, 2012. – 298 pp.
[3] *Solt G.* The Untold History of Ramen: How Political Crisis in Japan Spawned a Global Food Craze.Berkley: University of California Press, 2014. – 240 pp.

Демократия в социалистическом Вьетнаме, 1950-е -- 1990-е годы

Новакова О.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии

Середина 1950-х годов было решающим временем в истории независимого Вьетнама, особенно с точки зрения развития культуры. С подписанием Женевских соглашений в июле 1954 г., положивших конец долгой и кровопролитной войне Сопротивления против французского колониализма, Вьетнам вступил в мирное десятилетие 1954-1964 гг. С обретением независимости вопросы культуры приобрели во Вьетнаме первоочередное значение, что было тесно связано с поиском своих культурных корней и новой национальной идентичности, а также с давними традициями высокой книжной культуры. Это послужило толчком к активизации творческой и научной деятельности в стране, когда возникла и постепенно набирала силу группировка, которую условно можно назвать носительницей демократической тенденции внутри коммунистического движения в ДРВ. В этой связи представляют интерес события, связанные с деятельностью группы творческой интеллигенции ДРВ, объединившихся в 1956 г. вокруг литературно-публицистического альманаха «Шедевры» («Зяй Фам») и газеты «Гуманизм» («Нян Ван»), заявлявших о своем праве на свободу творчества.

Партийное же руководство, вернувшись в Ханой из джунглей после войны, столкнулось с определенными трудностями перехода на мирные рельсы управления. Многие деятели культуры находились на казарменном положении. Но именно в середине 1950-х годов в ДРВ начал складываться своего рода идеологический литературно-художественный истэблишмент – группа поэтов, писателей, художников и музыкантов, занимавших высокие посты в руководстве Союза деятелей искусства (СДИ), созданного в 1948 г. Именно в 1940-е годы закладывались концептуальные основы новой идеологии, будущих социально-

экономических изменений и культурной жизни общества в независимом Вьетнаме [2. С.227]. Любая критика в их адрес стала восприниматься как выступление против руководящей роли партии.

Ситуация стала меняться в мае 1956 г., когда до вьетнамской общественности дошла тщательно до этого скрывавшаяся СМИ информация о 20-м съезде КПСС и о VIII съезде КПК, где прозвучали положения о развитии социалистической демократии. Ошибки, допущенные в ходе реализации аграрной реформы в ДРВ в 1956 г., вызвали недовольство в деревне. Под влиянием этих событий партийное руководство ДРВ предприняло корректировку политической линии партии во всех сферах жизни. Изменение психологического климата в стране почувствовалось очень быстро. В мае 1956 г. арестованные ранее авторы произведений, опубликованных в журнале «Шедевры» («Зяй Фам»), были выпущены на свободу. Развитие демократических тенденций в ДРВ продолжалось и в августе-ноябре 1956 г. К осени стало возможным не только возобновление издания, подвергшегося гонениям литературно-публицистического альманаха «Шедевры», но и создание независимой газеты «Гуманизм» («Нян Ван»). Главным редактором этой газеты стал Фан Кхой[36]. Летом 1956 г. в Ханое выходила газета «Сто цветов»[37]. Лучшие представители интеллигенции ДРВ 1950-х годов были убеждены, что построение социалистического общества возможно только при изменении общественного сознания и внесении элементов демократического мировоззрения. Культурную жизнь ДРВ в 1957 г. можно охарактеризовать как кратковременный период вьетнамской «оттепели». Талант и профессионализм преобладали в творчестве художественной интеллигенции.

Но с начала 1958 г. политика ПТВ по отношению к творческой интеллигенции, стоявшей на демократических позициях, стала меняться. В прессе началась кампания критики группы «Шедевры и Гуманизм», большую активность проявила главная газета страны – «Нян Зан», опираясь на выступления члена Политбюро Чыонг Тиня. Наиболее видные оппозиционные писатели, художники, композиторы были исключены из Исполнительных комитетов творческих союзов, в 1957 г. была создана сеть партийного просвещения, вводился принудительный труд на производстве. Издания этой группы были закрыты [4. С.283].

Надо отметить, что лидеры группы «Шедевры и Гуманизм» переоценили возможности и масштабы демократизации и трансформации северовьетнамского общества того времени. Вместе с тем, ПТВ, осознавая необходимость активизации творческих процессов после окончания войны против Франции, не стала добиваться немедленного прекращения профессиональной деятельности группы «Шедевры и Гуманизм», сыгравшей заметную роль в культурной жизни страны в 1957 г.

В 1986 году на VI съезде КПВ была провозглашена политика обновления, в документах съезда подчеркивалось, что новый курс является требованием эпохи.

---

[36] Фан Кхой, 1887-1959, известный еще с 1910-х годов литературный критик и публицист, с 1948 г. член Постоянного комитета СДИ.

[37] Название газеты перекликалось с лозунгом Китая« Пусть расцветают сто цветов».

Генеральным секретарем ЦК КПВ был избран Нгуен Ван Линь, южанин, известный своими либеральными взглядами, считавший допустимым развитие частного сектора экономики, в то же время, не отказываясь от строительства социализма. Занимая пост №1 в начальный период проведения политики обновления во Вьетнаме, Нгуен Ван Линь инициировал в стране оживлённые дискуссии на тему политического пути развития государства, осуществив ряд либеральных реформ. В прессе поощрялась свобода мнений, а также свобода самовыражения писателей и художников. Допускалась критика партии, но в пределах, не подрывавших ее легитимность. Была провозглашена политика гласности, получившая поддержку у некоторых представителей власти. Например, Чан Суан Бать, на тот момент член Политбюро ЦК КПВ, утверждал, что обновление в экономике без обновления в политической сфере напоминает “ходьбу на одной ноге”. Депутат Национального собрания СРВ Фан Динь Зиеу, физик по образованию, призывал отказаться от принципов классовой борьбы и признать необходимость плюрализма и многопартийности. Была возобновлена традиция вьетнамских литературных салонов с присущими им оживлёнными дискуссиями [3. P.9]. Создавались различные неформальные организации, среди них наиболее значимой был Клуб бывших борцов сопротивления. созданный ветеранами войны против США. После VI съезда КПВ его деятельность приобрела политический характер [3.P.14]. В Ханое и г. Хошимине прошла волна студенческих митингов, правительство отреагировало, частично удовлетворив требования учащихся, особенно в том, что в учебные планы были введены современные дисциплины, например, «рыночная экономика.

На протяжении нескольких лет партия не сдерживала полемику, а ограничивалась её контролем. Но постепенно в традиционалистских кругах партийного руководства накаливалось недовольство некоторыми аспектами политики гласности. В 1989 г. министерство информации Вьетнама вновь ужесточило контроль над прессой и частными издательскими домами. В дальнейшем, подобной дискуссии, происходившей в 1987-1989гг, когда вьетнамское государство только вырабатывало путь политики обновления, во вьетнамском обществе больше не происходило.

В 1991 году на VII съезде КПВ Нгуен Ван Линь ушёл в отставку, пробыв на посту генерального секретаря КПВ один мандатный срок. Так завершился инициированный на VI съезде партии процесс поиска нового политического пути Вьетнама. Решения VII съезда положили конец дискуссиям о партийном плюрализме, а главное – во многом определили пути дальнейшего политического развития Вьетнама [1].

Литература

[1] Đảng Cộng sản Việt Nam. Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ VII của Đảng. Hà Nội. 1991. [Электронный ресурс] https://tulieuvankien.dangcongsan.vn/ban-chap-hanh-trung-uong-dang/dai-hoi-dang/lan-thu-vii/dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-vii-cua-dang-17 (VII съезд КПВ).

[2] Новакова О.В. ТЕЗИСЫ КОМПАРТИИ ИНДОКИТАЯ ПО КУЛЬТУРЕ.// Компартия Вьетнама: новая веха в истории, М. ИДВ РАН 2021 DOI: 10.48647/IFES.2021.74.52.016
[3] Thayer, Carlyle A. and Australian National University. Department of Political and Social Change. Political developments in Vietnam : from the sixth to the seventh national party congress. Canberra 1992
[4] Vũ Kỳ Châu. Vấn đề củng cố và phát triển Đảng. HN, 1958. (Вопросы укрепления и развития партии).//История Вьетнама в новейшее время, 1917-1965. Ред. А.А. Губер, С.А. Мхитарян. М. 1970.

Реформы в сфере образование в колониальной Корее

Овчинникова Л.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры японской филологии

Тема японского колониального управления в Корее достаточно актуальна, оценка этой деятельности вызывает споры у представителей академической общественности. В зарубежной и отечественной историографии долгое время превалировал обвинительный уклон в оценке деятельности японской колониальной администрации. Одни исследователи отказываются признать факт модернизации корейского общества, утверждают, что генерал-губернаторство либо ничего не делало для развития колонии, либо делало слишком мало. Другие утверждают, что колониальная администрация привнесла слишком много изменений в жизнь корейского общества, подавляя его самобытность и национальную культуру. В последнее время появились монографии, в которых приводится данные о модернизации корейского общества, которая началась с преобразований, проведенных японским генерал-губернаторством в колониальный период. Хотелось бы подробнее рассмотреть те из них, которые касались сферы образования.

Несколько слов о том, какова была ситуация в этой области до 1910 г. Напомним, что в Корее был достаточно большой для того времени слой грамотных людей. Традиционно политическая власть находилась в руках представителей наследственной элиты янбан; для получения должности на государственной службе они должны были сдавать экзамены. Мальчики и мужчины посещали сельские конфуцианские школы, где они обучались конфуцианским классическим текстам, морали и этике. [4, с.67]. Правительство не только не обеспечивало возможность получения более широкому кругу лиц образования, но и фактически препятствовало этому. Модернизация общественной жизни не стала приоритетом его деятельности. До 1910 г. начальное обучение ограничивалось в основном Сеулом; так в 1904 г. там работали всего 7 или 8 государственных школ. [5, с.16-17]. Их посещали 500 учеников, что крайне мало для страны с населением в 12 млн. человек. Помимо них работали сотни частных школ, открытых христианскими миссионерами.

Колониальная администрация строила современную систему образования почти с нуля.

Генерал-губернаторство провело ряд реформ в системе образования, в результате которых число учеников в государственных начальных школах возросло с 20,100 чел. в 1910 г. до 901,200 чел. в 1937 г. Общее число учащихся всех школ, включая конфуцианские школы, значительно увеличилось с 110,800 чел. в 1910 до 1,211,400 в 1937 г; ¼ всех учащихся составляли девочки и девушки [3, с.105]. Эти цифры говорят об определенном успехе образовательной политики, правда, надо учесть, что только один из трех детей школьного возраста в Корее посещал школу. Генерал-губернаторство планировало ввести обязательное начальное образования в 1946 г. Рескрипт генерал-губернаторства о школьном образовании 1911 г. определил три типа государственных школ: начальная, профессиональная школы и профессиональные техникумы. Были и немногочисленные конфуцианские школы иероглифического письма. В первые годы японского управления большая часть корейских детей не имела возможность посещать даже начальные школы; в деревнях в школу ходили 15% детей. С началом «эры культурного управления» генерал-губернаторство провел реформу школьного образования (1920 г.), согласно которому был удлинен срок обучения в начальных школах до 6 лет, пересмотрены учебные программы. Было увеличено количество часов, отведенных на преподавание японского языка и истории Японии, японской этики.

В 30-х гг. в период подготовки Японии к войне вновь произошли изменения в системе образования; в 1931 и 1939 гг. приняты новые законы. Развитие военной промышленности в Корее требовало больше квалифицированной рабочей силы, поэтому было решено делать упор на профессиональную подготовку школьников, на обучение их навыкам труда. Встала задача использования квалифицированного женского труда, что стимулировало расширение начального женского образования. К 1945 г. число учащихся в начальных школах девочек составило более 0,5 млн. Расширилась сеть начальных государственных школ с 535 в 1919 г. до 1750 в 1930 г. [1, с.149]. В то же время, число частных и миссионерских школ продолжало сокращаться. Декларировалась и важность для общественного образования и воспитания библиотек, которые стали открываться начиная с 1923 г. К 1937 г. насчитывалось уже 28 библиотек (1 государственная, 19 публичных, 8 частных) [2, с.827]. Потребности военно-промышленного строительства во второй половины 30-х – начала 40-х гг. еще больше стимулировали рост числа школ. Закон 1938 г. провозгласил равное право корейцев и японцев на образование во всех областях просвещения, однако корейцы подвергались дискриминации, поскольку японцы в Корее имели значительно больший доступ к образованию. В 1934 г. дети японцев, проживавших в Корее, были полностью охвачены всеобщим начальным обучением. Начальное и среднее образование детей корейцев и японцев проходило в разных школах. Женщины-кореянки в университет не допускались. В это время в Корее функционировало 479 школ для японцев на 80 тыс. учащихся и 2017 школ для корейцев на 3,5 млн. учащихся школьного

возраста. В 1932-1934 гг. только 20-25% корейцев после окончания начальной школы смогли продолжить свое образование [4, с.150]. В средних школах, техникумах и колледжах число учащихся корейцев почти равнялось числу обучающихся там японцев. В единственном корейском Сеульском императорском университете обучалось больше японцев, чем корейцев, хотя японское население в то время составляло лишь 2,9% общего населения Кореи. Техническое образование поначалу сводилось лишь к ремесленному обучению, но нехватка квалифицированной рабочей силы и технических специалистов стимулировало развитие этого направления образования. Так в 1939 г. генерал-губернаторство открыло сеть краткосрочных курсов – машиностроительных, электротехнических, горных. С конца 30-х гг. значительно возросло число технических школ; в период второй мировой войны власти начали готовить кадры и за пределами Кореи. Корейцев стали направлять на промышленные предприятия Японии и Северо-Восточного Китая, чтобы обучить их дефицитным техническим специальностям.

Японская администрация ставила своей задачей открыть начальные школы повсеместно во всех районах, а потом приступить к расширению среднего образования. Так в 1939 г. в колледжи и семинарии для преподавателей было зарегистрировано 6,313 чел. студентов корейцев; еще 206 чел. обучалось в Сеульском университете, который открылся в 1925 г. К тому же тысячи корейских студентов стремились продолжить свое обучение в Японии. Так в 1942 г. около 14,000 чел учились в средних школах в Японии, а еще 6,771 чел. учились в японских колледжах и университетах [3, с.107]. В Корее почти не было высших технических учебных заведений. Правда, при Сеульском университете был открыт промышленный факультет; были открыты и реальные училища, и технические школы, которые также способствовали подготовке корейских специалистов средней квалификации.

Анализ данных показывают, что японская администрация имела достаточно хорошие результаты в образовательной политике при сравнении с ситуацией в колониях в Африке и Юго-Восточной Азии. Исследуя колониального управления в Корее, необходимо обратить внимание на социальные, экономические, технологические инновации в Корее, проводимые японской администрацией. Генерал-губернаторства вкладывало деньги в индустриализацию Кореи, здравоохранение и образование. Модернизация включала в себя разные сферы общественной жизни - строительство железных дорог, использование в городах трамваев, возведение современных зданий, больниц, наконец, обучение значительных слоев населения и пр. Необходимо рассматривать японское колониальное управление во всем комплексе его проявления и развития. Безусловно, ни коем образом не следует подвергать сомнению страдания корейского народа в этот период. Нельзя ни абсолютизировать, ни преуменьшать эксплуатацию колонии и факты ее модернизации.

Литература:
[1] История Кореи, т.2, Москва, Наука, 1974 г.
[2] 30 лет управления Кореей, Сеул. Издание генерал-губернаторства, 1940 г. (на япон. языке)
[3] Akita, George and Palmer, Brandon. The Japanese Colonial Legacy in Korea. 1910-1945. Portland, MerwinAsia, 1999
[4] Jaison, Philip and Hong, Son-p'yo. My Days in Korea and other Essays. Seoul, Yonsei University, 1999
[5] Seth, Michael J. Education Fever: Society, Politics, and the Pursuit of Schooling in South Korea. Honolulu, University of Hawaii Press, 2002
Cambridge University Press, 2007.

Территории бывших княжеств в Республике Индия: пути и последствия интеграции

Сафронова А.Л.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор, заведующий кафедрой истории Южной Азии

В период с 1947 по 1949 гг. княжества, присоединявшиеся после раздела Британской Индии, к доминиону Индийский союз, интегрировались разными путями. Одни княжества вошли в состав Индии как административные единицы, управляемые непосредственно из центра, другие - образовали федеральные единицы - союзы княжеств или отдельные федеральные провинции в старых границах, третьи - объединились с соседними провинциями, образовав там отдельные округа. В новых провинциях, представлявших собой союзы княжеств или отдельные княжества, были проведены выборы в законодательные органы и созданы правительства. Процесс интеграции княжеств был связан не только с непосредственным присоединением их территорий к Индийскому союзу, но и с принципиальным преобразованием системы управления: традиционное династийное княжеское правление было заменено демократическими институтами власти. Интеграция не только перекроила границы между княжествами и внутри них, но и изменила представления о государственном устройстве у населения княжеств.

Процесс интеграции княжеств с доминионом в целом ряде регионов встретил сопротивление, вплоть до вооруженного. Наиболее сложная ситуация сложилась в княжествах Хайдарабад, Джунагадх и Джамму и Кашмир. Введение индийских войск в течение года решило проблему присоединения первого и второго, «Кашмирская проблема» и сегодня осложняет геополитическую обстановку в южноазиатском регионе. По Конституции 1950 г. в Индии создавалось три группы штатов с различным правовым статусом: группа «А» - бывшие провинции Британской Индии; группа «В» - бывшие княжества и союзы княжеств; группа «С» - бывшие главнокомиссарские провинции, т.е. провинции,

не имевшие самоуправления. Абсолютное большинство княжеств попало в группу «В», в рамках которой многие князья получали должности *раджпрамукхов,* губернаторов провинций.

После проведения административной реформы 1956 г., самой крупномасштабной в истории независимой Индии, должности *раджпрамукхов* были упразднены. Проведение в стране административной реформы на этнолингвистической основе приводило к разрушению прежних границ княжеств, к «растаскиванию» их по разным штатам. (Например, княжество Хайдарабад оказалось разделенным по нескольким штатам – Карнатака, Андхра-Прадеш, Махараштра). Это объективно способствовало постепенному лишению князей их властных полномочий де-юре, но не де-факто. Отдельные князья сохранили за собой места в законодательных ассамблеях штатов, участвуя в электоральном процессе. Князья нередко вступали в существовавшие в регионах Индии политические партии, а иногда и в обшеиндийские.

Для исследователей княжеской тематики представляет интерес вопрос: растворились ли территории бывших княжеств в новых административных единицах или прежние границы сохранились «в умах» населяющих их людей, продолжающих жить по прежним привычным стереотипам. Современная историография по проблемам развития княжеских династий в современной Индии показывает, что специфика «ментальной программы» традиционных сообществ на территориях бывших княжеств оказалась устойчивой и во многом сохранилась вплоть до сегодняшнего дня.

Представители княжеских династий сохранили свой авторитет среди бывших подданных, которые по-прежнему чтят высокородных потомков князей и считают их «неправительственной властью» на местах: обращаются к ним за материальной помощью и для разрешения конфликтных ситуаций. Князья создают благотворительные организации на подвластных им ранее территориях, строят школы и больницы для малоимущих слоев населения, спонсируют малый и средний бизнес. Немаловажную роль в отношении населения к князьям играет кастовый фактор: индусские княжеские династии, как правило, принадлежат к родам, имеющим высокое кшатрийское происхождение, а кшатрии традиционно считались в индийской традиции доблестными воинами и благородными правителями – защитниками подданных.

Процесс воплощения в жизнь этнолингвистического построения административно-политической системы в Индии, начавшийся в середине 1950-х годов, растянулся в дальнейшем на десятилетия и продолжается по сей день. Новый этап борьбы за перекраивание границ штатов и выделение самостоятельных административных единиц из их территорий начался со вступлением Индии в XXI столетие. Наряду с экономическими мотивациями, в этом процессе просматривается и стремление потомков княжеских родов к разукрупнению штатов и воссозданию на карте современной Индии некогда принадлежавших их родам территорий, на которых они сохраняют свое влияние. Представители княжеских династий в большей степени склонны к участию в общественно-политической деятельности на региональном уровне,

распространяющемся в масштабах их прежних владений, нежели к подключению к политике в общеиндийском масштабе. Это ярко проявляется в штатах и исторических областях (Раджастан, Химачал-Прадеш, Орисса, Панджаб, полуостров Катхиавар), на территории которых располагалось значительное количество княжеств. Во всей Индии известны такие княжеские династии как Синдия / Шинде (Гвалиор/Гвалияр), Гаеквад (Барода/Вадодара), Холкар (Индор/Индаур), Сисодия (Мевар), Вадияр / Одеяр (Майсур), Асаф Джах (Хайдарабад) и др.

Различия в административно-политической системе провинций Британской Индии и княжеств имели следствием разновременность подключения к политическому процессу их населения. Для территорий бывших княжеств долгое время был характерен политический абсентеизм. Так, в глубинных районах Индостана, находившихся под княжеской юрисдикцией, процесс становления партийной системы был надолго задержан и обособлен от основных центров жизнедеятельности национальных сил. Демократические движения охватывали незначительную часть населения, а реформы, проводившиеся в ряде княжеств (например, в Гвалиоре, Майсуре, Хайдарабаде) в первой половине XX в., были нацелены прежде всего не на разработку новых форм управления, а на приспособление традиционных институтов к требованиям времени.

Неодинаковыми были и политическая культура, и культура труда. В период независимости обнаружились различия и в социальной сфере: в силу неразвитости промышленности и непрестижности предпринимательской деятельности, в бывших княжествах практически отсутствовал «средний класс», бурно развивавшийся на основной части индийской федерации. Достойной деятельностью всегда считалась придворная или военная карьера. Большинство жителей в городах княжеств было занято в сфере обслуживания, причем в основном обслуживания знати. До сих пор структура городов, бывших столиц княжеств, остается традиционной: в ней по-прежнему доминируют два объекта, вокруг которых строится жизнь города: крепость-форт и княжеский дворец, преобразованные в музеи и фешенебельные отели. Подавляющее большинство жителей этих городов занято в сфере обслуживания туристов и воссоздании историко-культурной атмосферы времен княжеского правления. Дальнейшее развитие получили и традиционные ремесла: производство кустарных изделий, пользующихся спросом у заезжих посетителей.

Изучение общественных умонастроений и политической модели поведения значительной части населения, проживающего на территории бывших княжеств и сохраняющих в наибольшей степени склонность к традиционалистским ценностям, безусловно, представляет интерес в плане оценки перспектив развития индийской демократии и определения ее своеобразия.

Вымышленные страны на картах типа Гё:ки XIV-XVII вв.

Симонова-Гудзенко Е.К.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор, заведующий кафедрой истории и культуры Японии

Самые ранние известные карты японских островов получили название по имени японского монаха Гё:ки (668-741). Буддийский монах, подвизался в монастыре Якусидзи в Нара, проповедуя, путешествовал по Японии вместе с учениками. Ему приписывается создание ряда буддийских храмов, а также объектов культурно-хозяйственного значение. Он также считается автором первой карты страны, самый ранний сохранившийся вариант которой относится к XIV в. Унно Кадзутака, известный исследователь истории японской картографии, писал: «Неизвестно, создавал ли Гё:ки собственноручно какие-либо карты. В наиболее достоверной биографии монаха «Гё:ки нэнпу» (Хроника жизни Гё:ки), составленной Идзуми-но Такатити в 1175, картографирование среди многочисленных занятий знаменитого монаха не упоминается» [Unno 1985, 367]. В качестве автора первой карты страны имя выдающегося монаха впервые встречается в собрании ритуальных и доктринальных традиций буддийской школы Тэндай XIVв. Кэйран сю:ёсю:. Этим же временем датируются самые ранние из известных сегодня карт Гё:ки, Сё:мё:дзи-нихон дзу (карта Японии Сё:мё:дзи. 1305) и Ниннадзи-нихон дзу (карта Японии Ниннадзи. 1305-1306). С этого времени подобное изображение, конфигурация японского архипелага на географических картах становится определяющимени

Создание карт типа Гё:ки японскими мастерами было, вероятно, обусловлено изменением представлений об окружающем мире и своем месте в нем после попыток монгольских вторжений на Острова в 1274, 1281 гг. Значительная часть карт типа Гё:ки являются не только изображением архипелага, но и окружающего мира, по крайней мере, Восточной Азии. Изображение японского архипелага типа Гё:ки, появившись в начале XIV в., обусловило изменение представлений о далекой восточной стране не только у соседей, Китая и Кореи, но и на Западе. На восточноазиатских и европейских географических картах XV-XVI вв. конфигурация Японского архипелага является отражением типа Гё:ки. Однако процесс взаимовлияния восточноазиатской и западной традиций был взаимным. Ко времени нового всплеска интереса к картам типа Гё:ки в странах Восточной Азии в XVII-XVIII вв. они впитывают и такие черты западной картографии, как особый изобразительный код, внимание к объектам рельефа и др.

На юго-востоке, на карте в левой верхней части сохранившегося листа, изображена Расэцу коку, страна Ракшас. В тексте сказано: «Страна Расэцу[38]:

[38] *Расэцу коку* санскр. Ракшасы. В древнеиндийской мифологии - злые демоны, пожирающие человеческую плоть. Летают по небу и с необыкновенной скоростью передвигаются по земле. Согласно махаянистским представлениям, как видно из Сутры о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы, ракшасы, как и другие существа, враждебные людям (например, асуры) могут защищать Дхарму Будды. [Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. 1998, 502. Moerman D.Max. 2009, 351-380].

населяют женщины; те, кто отправляется туда, никогда не возвращаются». Описание демонов-людоедов в женском облике встречаются в японской литературе, в «Кондзяку моногатари» (XII в.) и в «Удзи сюи моногатари» (XIII). Истоки этого определения исследователи прослеживают в описании Западных районов в китайских летописях династии Тан (646). Однако в китайских хрониках, да и в средневековых японских текстах, местоположение страны Ракшас или Сокара (Симхала) указано в море, к югу от Индии. Неясно, почему ее поместили на юге японского архипелага.

Еще одна вымышленная страна Гандо: (Кари-но мити) ‘дорога гусей’. Она расположена на северо-востоке, в нижнем левом углу сохранившейся части карты в виде полукруга, на котором написано, что это страна Гандо:, читается также Кари-но Мити, «путь гусей». И далее говорится, что там есть замки, но нет людей. Это одна из вымышленных стран. По мнению Курода Хидэо и Лючии Дольче, корни этого названия следует искать в китайском понятии Янмэн (Врата диких гусей), которым обозначалась северная граница Китая [Курода 2003, 60-67; Dolce 2007, 280]. Это понятие было известно в Японии еще с периода Хэйан из китайской классической литературы, обозначало северное направление.

Японские исследователи полагают, что дальние страны были средоточием всяческих злых сил, возможно, поэтому на картах Япония изображалась в центре, а удаленные, часто вымышленные страны, в четырех направлениях от центра по углам карты.

Появившись на первых картах Японии эти страны продолжают существовать и в XVII-XVIII в. на картах популярного мастера Исикава Рю:сэн «Хонтё: дзукан комоку» (Карта нашей империи. 1687) и «Нихон кайсан тё:рику дзу» (Карта морей, гор, озер и земель Японии. 1689). На обеих картах, подобно ранней сохранившейся карте типа Гё:ки Сё:мё:дзи-нихон-дзу, зарубежные страны вынесены на поля, кроме того, карты Рю:сэн дополнены таблицами с перечислением стран и расстояний до них от Тэндзику [Индии] до Японии. Расположение вымышленных стран со временем не меняется.

На картах Рю:сэн страна Гандо: записывается другими иероглифами, что демонстрирует изменение представлений, связанных с данным топонимом [Аояма Хироо. 565-585].

Литература

[1] Аояма Хироо. (1992). Гандо:ко: (Исследование о [вымышленной стране] Гандо:. Гуманитарная география. Выпуск 44. №5. С.565-585.

[2] Курода Хидэо. (2003). Тацу-но суму нихон (Япония, в которой обитает дракон). Токио: Токио: Иванами.

[3] Moerman D. Max. (2009). Demonology and Eroticism. Islands of Women in the Japanese Buddhist Imagination. // Japanese Journal of Religious Studies. Vol. 36. P. 351-380.

[4] Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. (1998). Пер. Игнатовича А.Н. М.: Ладомир.

[5] Unno Kazutaka. (1985). Cartography in Japan. // History of cartography. Cartography in Traditional East and Southeast Asian Societies. University of Chicago Press, Vol. 2, book 2. P. 346-477.

Культура повседневности и быт представителей властной элиты османского Египта во второй половине XVIII в.

Смирнов В.Е.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока

В центре внимания настоящей работы находятся обыденные практики и нравы правящей элиты османского Египта второй половины XVIII в. Проблематика подобного рода изысканий предполагает перенос фокуса и методов исследований с макро- на микроуровень, обращение к истории и частной жизни отдельных личностей прошлых эпох, их персональным, а также групповым пристрастиям и ценностным ориентациям, межличностным отношениям. Подобный подход опосредованно влияет на повышение эффективности изучения глобальных исторических процессов в целом. Он позволяет избежать обезличения истории развития человеческого общества и нередко выводит на исследования более широких социокультурных проблем, затрагивающих те или иные социальные группы, рассмотренные в контексте конкретных культурно-исторических ситуаций.

Повседневный мир, поведенческие модели и культурные потребности сложившейся в исследуемый период в османском Египте военно-бюрократической верхушки отражали социальную дифференциацию египетского общества и имели все признаки элитарной культуры. Во второй половине XVIII в. военно-служилая знать преимущественно мамлюкского происхождения представляла собой верхнюю, привилегированную прослойку городского населения страны, важным показателем престижа, богатства и статуса которой служило место жительства и качество жилья. Они обитали в столице Египта — Каире — «повсеместно во всех районах и кварталах». Как уточнял арабский хронист ʻАбд ар-Рахман Ал-Джабарти: «Каждый эмир имел большой дом, в котором жила его семья, приближённые, мамлюки, находились его лошади, верблюды. Кроме того, он владел одним или двумя небольшими домами в переулках районов ал-Азхара и мечети ал-Хусейни, где они прятали то, чем дорожили, полагая, что дальность и неприкосновенность этих кварталов обеспечивает сохранность этого в случае опасности» [3, с. 303].

Высокое положение в обществе фактически обязывало правящую элиту, пришедшую к власти в Египте, поддерживать респектабельный образ жизни и соответствующую организацию быта. Место обитания сюзерена, его домочадцев и воспитанников зачастую включало в себя целый комплекс роскошных многоэтажных жилых строений, хозяйственных построек, внутренних дворов с

садами, фонтанами и бассейнами. Фасады и внутренние покои дворцов облицовывались мрамором, расписывались красками, украшались резьбой, «фаянсом, золотом и лазуритом». Быт правящей египетской знати был наполнен красивыми вещами: интерьеры обставлялись «различной мебелью, диванами, подушками, завесами, обшитыми позументом», декорировались дорогими коврами, люстрами, ценными художественными изделиями, привезёнными из Европы [1, с. 33; 3, с. 91].

Высокий социальный статус представителей властных структур османского Египта подчёркивал тот факт, что они имели возможность содержать свой многочисленный гарем, включавший в себя как официальных жен, так и неограниченное число наложниц. Их супружницами, как правило, становились дочери и вдовы высокопоставленных эмиров, а также вольноотпущенницы-черкешенки, грузинки, гречанки и т.д. [4, с. 99; 5, с. 279–280] Тем не менее, иногда представители правящей элиты брали в жёны дочерей зажиточных египтян [1, с. 244, 345].

Обзаводиться семьёй было принято после обретения финансовой самостоятельности. Впрочем, случалось, что именно брак с вдовой знатного эмира, служил средством достижения благосостояния [1, с. 232–233]. Женитьбе предшествовало сватовство, в ходе которого именитый патрон жениха мог лично хлопотать за своего подопечного. По завершении сватовства заключался брачный контракт, стороны пили шербет, одаривали друг друга платками и иными ценными подарками [1, с. 55, 91]. Сама свадебная церемония, как правило, длилась несколько дней и ночей, которые были заполнены различного рода представлениями и фейерверками [1, с. 25–26, 350].

Наряду с объектами городской недвижимости эмиры владели загородными домами в предместьях Каире, куда часто наведывались, чтобы заняться, к примеру, охотой, либо принять гостей. Излюбленными формами организации досуга были всевозможные увеселительные мероприятия «с обсуждением новостей, слушанием анекдотов и с присущей этому глупостью» [1, с. 348]. Ещё со времён мамлюкского султаната большой популярностью на подобных вечеринках в среде власть имущих пользовались шахматы, мастерство игры в которые рассматривалось как несомненное достоинство наравне с искусством ратной верховой езды (фурусийя) [1, с. 345; 2, с. 429].

Не менее привлекательными способами проведения свободного времени представителями неомамлюкской знати было посещение гаваней Булака, Старого Каира и острова ар-Рауда, где на ночь фрахтовались «лодки с большим количеством вёсел». Эмиры и их приближённые «садились в них с женами и проститутками, брали с собой вино» и «катались в них с музыкой и песнями» [2, с. 224].

В широком спектре досуговых практик предводителей египетской военно-бюрократической прослойки важные общественные функции выполняли так называемые «хаммамы», или бани, где можно было не только помыться, побриться и сделать массаж, но также узнать последние новости, весело

провести время в компании друзей и единомышленников и даже устроить праздник с приглашением танцовщиц и музыкантов.

В целом культура повседневности и быт представителей властной элиты османского Египта были типичными для высшего слоя городского населения страны. Сквозь призму своего высокого социального статуса правящие египетские эмиры создавали элементы своей повседневной жизни и конструировали своё частное пространство. Они практиковали различные формы культурно-досуговой деятельности, направленные на удовлетворение своих физиологических, эстетических и иных потребностей, которые можно с уверенностью определить как элитарные.

Литература:

[1] *Ал-Джабарти ‘Абд ар-Рахман.* ‘Аджаиб ал-’асар фи-т-тараджим ва-л-’ахбар (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике собы-тий). Т. 2. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798). Пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. — М.: Наука, 1978.
[2] *Ал-Джабарти ‘Абд ар-Рахман.* ‘Аджаиб ал-’асар фи-т-тараджим ва-л-’ахбар (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий). Т. 3, ч. 1. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801). Пер. с араб., предисл. и примеч. И.М. Фильштинского. — М.: Наука, 1962.
[3] *Ал-Джабарти ‘Абд ар-Рахман.* ‘Аджаиб ал-’асар фи-т-тараджим ва-л-’ахбар (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий). Т. 4. — Египет под властью Мухаммада Али (1806–1821). Пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. — М.: Наука, 1963.
[4] *Клот-бей А.-Б.* Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии. В 2 ч. Ч. 2. Пер. с фр. А.А. Краевского. СПб.: Типографии К. Жернакова и штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1843.
[5] *Sonnini C.S.* Voyage dans la haute et basse Egypte: fait par ordre de l'ancien gouvernement et contenant des observations de tous genres. Vol.1. Paris, 1798.

В поисках «альтернативного социализма»: связи индийских левых сил и Югославии в конце 1940-ых – начале 1960-ых гг.

Спектор И.Б.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник лаборатории «Восточные языки в средней школе»

Для участников индийского левого движения, особенно для членов основанной в 1925 г. Коммунистической партии Индии, примером для подражания и идеалом общественного устройства служил СССР. Ситуация радикально изменилась нат рубеже 1950-1960-ых гг., когда в мире появилось два центра коммунистического движения, а симпатии индийских левых разделились между Москвой и Пекином. Однако и до советско-китайского раскола мировое

коммунистическое движение не было монолитным. В 1948 г. произошёл разрыв отношений между СССР и коммунистической Югославией. Последовавшее за этим противостояние Москвы и Белграда в идеологической сфере отразилось и на левом движении в Индии.

В 1945-1948 гг. югославский опыт серьёзно изучался прежде всего представителями самого радикального крыла индийских коммунистов, мечтавших о взятии власти в стране путём вооружённого восстания. Опыт Народно-освободительной армии Югославии (как и опыт китайских коммунистов) считался весьма полезным в индийских реалиях. Кроме того, действия правительства Тито в сфере внутренней политики выглядели самыми решительными на фоне ситуации в остальных странах Восточной Европы.

На II съезде КПИ в Калькутте в 1948 г. позицию Коминформа представляли именно югославские делегаты. Они поддержали радикальные резолюции съезда, отражённую в т. н. «Калькуттских тезисах». Их позиция участниками съезда воспринималась и как позиция Москвы, хотя до открытого разрыва между Сталиным и Тито оставались считанные недели.

После начала советско-югославского конфликта КПИ однозначно приняла сторону Москвы, все связи с Белградом были разорваны, а в самой партии началась чистка «титовцев». Но в это же время происходит активное развитие связей Белграда с другими левыми силами в стране – прежде всего, с Социалистической партией Индии, руководимой Дж. Нараяном. Связи с Югославией устанавливают и другие индийские левые политические группы, негативно настроенные по отношению к советской политике.

Нормализация отношений с Югославией в период правления Н. С. Хрущева привела к аналогичным процессам и в индийском коммунистическом движении. При этом линия СКЮ (Союза коммунистов Югославии) стала изучаться многими членами индийской компартии уже как пример достижения максимальной независимости от Москвы.

Специфика правового положения пакистанских *хиджра* в историческом контексте

Филимонова А.Л.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории Южной Азии

Социо-культурный феномен *хиджра* в южноазиатской культуре представляет особый интерес. Данный термин является зонтичным понятием для обозначения лиц, выходящих за рамки бинарной половой идентичности: в эту категорию попадают трансгендеры, гермафродиты и «евнухи» (к последним традиционно относят всех, чьи половые органы по той или иной причине не функционируют).

История *хиджра* насчитывает не одно тысячелетие: отдельные упоминания людей «третьего пола» встречаются ещё в древнеиндийской литературе. Их

историческое присутствие, весьма ограниченно отраженное в источниках, тем не менее было непрерывным. Феномен *хиджра* органично интегрировался разными этническими и религиозными группами, на каждом историческом этапе обогащаясь новыми чертами.

В современной Южной Азии сложился устойчивый архетип внешности, образа жизни и занятий *хиджра*; однако их локальные общины в разных странах имеют собственные названия и внутреннюю классификацию. Это обусловлено тем, что в каждом обществе внутри региона *хиджра* выполняли и продолжают выполнять специфические функции, продиктованные запросами и потребностями конкретного социума. Соответственно, варьируется отношение к *хиджра* на бытовом уровне, государственная политика в отношении них и степень их юридической защищенности.

В Пакистане положение *хиджра* регламентировано как исламским, так и светским правом. Большую роль играет также колониальное наследие страны: именно при англичанах юридический статус *хиджра* был впервые зафиксирован, и в независимом Пакистане в силу прецедентной системы права кодексы Британской Индии сохранили основополагающую роль.

«Акт о преступных племенах», принятый администрацией Британской Индии в 1871 г. [2], стал первым документом, который признавал наличие *хиджра* и одновременно криминализировал их. Данный Акт был построен на убежденности колониальных властей в том, что определенные племена и общины, проживающие в Индии, по своей природе склонны к совершению преступлений и, соответственно, нуждаются в постоянном жестком контроле. К такого рода сообществам были отнесены *хиджра* (не вполне корректно обозначенные в Акте как «евнухи»). Указанный документ носил откровенно дискриминационный характер и был отменен в Пакистане в 1956 г.; однако зафиксированная в нем категория «евнухов» (понимаемых как *хиджра*) де-факто продолжила существовать и сохранила свой маргинальный статус, при этом до начала XXI в. не имея юридического признания.

Пакистанская конституция 1973 г. [1] утверждает равенство граждан и запрещает любого рода дискриминацию, в том числе по половому признаку; тем не менее в тексте содержатся уточнения, позволяющие сделать вывод, что речь идет только о двух полах (например, в статье 27).

Принципиальные меры по легализации *хиджра* были предприняты в последние полтора десятилетия: в решении Верховного суда Пакистана по так называемому делу Кхаки 2009 г. [4] было напрямую заявлено о необходимости гарантировать «евнухам» (под которыми, опять-таки, понимались все *хиджра*) все права, закрепленные в конституции за гражданами страны. Речь, среди прочего, шла о праве наследовать имущество, голосовать на выборах, получать образование и трудоустраиваться. Более того: Верховный суд предписал разработать механизм, который бы позволил *хиджра* фиксировать свою небинарную половую принадлежность в официальных документах.

Решение по «делу Кхаки» легло в основу «Акта о защите прав трансгендеров» [5], который был утвержден пакистанским парламентом в 2018 г.

В данном Акте не только более подробно были оговорены права *хиджра* и обязательства государства по отношению к ним, но и предложено практически применимое определение термина «трансгендер».

Примечательно, что при формулировании этого понятия пакистанские законотворцы обратились к традиционной классификации, выводимой из средневековой исламской литературы. Как не раз обращали внимание исследователи, исламское право в отношении лиц «третьего пола» демонстрирует определенную двойственность. Категоричный запрет гомосексуальных отношений сочетается с признанием права на существование за следующими половыми и гендерными категориями: мужчины, женщины, гермафродиты (*кхунса-и мушкил*) и трансгендеры (*мукханнатх*); отдельно упоминаются также евнухи [3].

Вышеописанная схема, по сути, и была введена в оборот «Актом о защите прав трансгендеров»: под последними отныне понимались гермафродиты (*кхунса*), евнухи и собственно трансгендеры (*кходжа-сира*).

Таким образом, можно констатировать, что в XXI в пакистанские *хиджра*, до этого находившиеся вне правового поля, впервые с колониальных времен становятся объектом внимания властей, что свидетельствует об общей положительной динамике в социальной политике государства. При этом кажущаяся революционность подобной политики смягчается тем, что при её проведении руководство страны апеллирует к устоявшимся архетипом исламской культуры.

Литература:

[1] Constitution of Pakistan, 1973 [Электронный ресурс] // National Assembly of Pakistan. – Режим доступа: http://www.na.gov.pk/uploads/documents/1549886415_632.pdf (Дата обращения 12.03.2022)

[2] Criminal Tribes Act, 1871 [Электронный ресурс] // India Code. – Режим доступа: https://www.indiacode.nic.in/repealed-act/repealed_act_documents/A1871-27.pdf (Дата обращения 10.03.2022)

[3] Khan, Faris Ahmed. Khwaja Sira: Culture, Identity Politics, and “Transgender” Activism in Pakistan / Faris Ahmed Khan//Syracuse University. Режим доступа: https://surface.syr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1056&context=etd (Дата обращения 13.03.2022)

[4] Supreme Court of Pakistan Order on Constitution Petition No.43 of 2009 [Электронный ресурс] // International Commission of Jurists. – Режим доступа: https://www.icj.org/wp-content/uploads/2012/07/Khaki-v.-Rawalpindi-Supreme-Court-of-Pakistan.pdf (Дата обращения 12.03.2022)

[5] Transgender Persons (Protection of Rights) Act, 2018// National Assembly of Pakistan. – Режим доступа: https://na.gov.pk/uploads/documents/1526547582_234.pdf (Дата обращения 12.03.2022)

Исламизм и хиндутва в сфере образования как угроза диалогу цивилизаций

Фурсов К.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник кафедры ЮНЕСКО

С конца XX в. в афро-азиатском мире идёт процесс индигенизации (Р. Дор, С. Хантингтон) – подъёма незападных форм культурной идентичности. Возник он как реакция на глобализацию, которая ведёт к обезличиванию и стиранию цивилизационного разнообразия. Важную роль в индигенизации играет рост религиозного фактора. Это реакция на неэффективность светского национализма, который в XX в. показал неуспешность в решении социально-экономических и политических проблем Востока.

Во многих странах исламского мира происходит ползучая исламизация, а в Индии, соответственно, индуизация (шафранизация) общественной жизни, включая сферу государства. Это процессы повышения социальной роли преобладающей религии. Они ведут к размыванию принципа секуляризма, что повышает риск усиления радикализма.

Одна из сфер, которые затронуты исламизацией и шафранизацией в наибольшей степени, – образование. Радикальные силы стремятся получить в руки мощный инструмент распространения своих взглядов.

Яркий пример – Турция. Хотя президент Р.Т. Эрдоган отрицает исламистскую направленность идеологии своей Партии справедливости и развития (ПСР), образовательные программы в стране из года в год приобретают всё более религиозный характер. Так, одним из мероприятий в ходе реформы образования 2012 г. было возвращение сети религиозных школ Имам Хатип права давать среднее образование. Между 2003/04 и 2015/16 учебными годами число таких заведений выросло на 588%, с 452 до 3110 [Lord, 2018, p. 192]. Правящая ПСР видит исламизм как одно из орудий усиления своей популярности внутри страны и повышения влияния Турции в исламском мире.

В Египте «Братья-мусульмане» при попустительстве президента Х. Мубарака укрепляли влияние ещё с 1980-х годов через разветвлённую сеть социального обеспечения – включая создание частных школ. После военного переворота 2013 г. власти нанесли этой сети ряд ощутимых ударов.

Даже правительство Саудовской Аравии приняло меры против расползания образования в духе «Братьев-мусульман». Салафитская версия ислама пугает саудовских ваххабитов, так как трактует как отступников тех правителей, которые имеют дела с «неверными». В то же время династия Саудов сама жертвует крупные суммы на образование. В конечном счёте дух ваххабизма тоже содействует нетерпимости к «неверным». К настоящему времени на средства Саудовской Аравии по всему миру учреждено более 2 тыс. исламских школ [El Karoui, 2018, p. 50].

Схожие процессы исламизации отмечены в Пакистане. Даже в Индонезии, где ислам в силу удалённости от очага возникновения всегда носил мягкий характер, исламизация образования и вообще публичного дискурса с 1970-х годов объективно ведёт к понижению градуса терпимости к другим религиям. В соседней Малайзии эти процессы осложнены этническим фактором: политики, которые представляют малайское большинство населения, используют ислам как политический инструмент, вызывая отторжение у китайской и индийской общин страны.

Тенденции ревайвализма набрали силу и в Индии. Шафранизация общественного пространства, которая особенно активно идёт с 2014 г., с победы на общенациональных выборах проиндуистской Бхаратия джаната парти (БДП), выражается в подчёркивании роли индуистского большинства населения во всех сферах жизни.

При премьер-министре Н. Моди переписаны многие школьные учебники по истории и обществоведению: акцентируется величие индуистской цивилизации, а вклад мусульман, христиан, сикхов и других конфессий принижается. Так, в штате Махараштра в учебниках по истории для 7-го класса период Могольской империи при шахе Акбаре урезали до трёх строк. Резко сократил изучение этой эпохи и Делийский университет [Jaffrelot, 2019, p. 178]. Прошлое изображается не как эволюционный процесс, события и фигуры произвольно вытаскиваются с нарушением исторической последовательности. Патриотизм отождествляется с ненавистью и местью. В годы правления БДП в Раджастхане совет штата по образованию убрал из учебников по истории все упоминания первого премьер-министра, поборника секуляризма Дж. Неру, зато обильно снабдил их упоминаниями основателя хиндутвы В. Саваркара [Sanghera, 2020].

Составной частью описываемых процессов выступает продвижение принципа вождизма. Хотя основатель Турецкой Республики М. Кемаль правил автократическими методами, её идеология включала принципы демократии: двумя из «шести стрел» кемализма были провозглашены народность и республиканизм. Культ Эрдогана отодвинул кемализм на задний план. В Индии правительство БДП в образовательных программах по истории поощряет выпячивание монархических фигур в ущерб пониманию массовых процессов. Это имеет коннотации в связи с современной политической ситуацией: народ приучается к мысли, что есть люди, которые всё важное решат за него.

Исламизация и шафранизация образования иллюстрируют экспансию феномена «параллельного общества» (В. Хайтмайер). Группа исследователей из Москвы и Петербурга применила это понятие к глобальному конфессиональному геопространству [Трансформации…, 2021]. В их концепции параллельное конфессиональное сообщество вступает в конфликт со светскими правовыми и социальными нормами государства и пытается подменить их своими. В свете этой концепции часто смотрят на мусульманскую диаспору Европы, но применима она и к странам Азии, к наступлению религиозных радикалов на государство западного типа.

Всё это нагромождает препятствия на пути диалога цивилизаций в то самое время, когда он так нужен. Мало того, что это происходит внутри той или иной страны. Ненастроенность на диалог неизбежно транслируется вовне. Мифологизация преподаваемой истории, подчас буквальная (включение мифологии в изложение истории страны или народа), закрепляет установку на непримиримость. Так поиски национальной и религиозной идентичности сопровождаются складыванием образа врага – внутреннего и внешнего. Этот образ – одна из непременных скреп такого «воображаемого сообщества» (Б. Андерсон), какое пытаются строить приверженцы исламизма и хиндутвы.

В XXI в. исламизация образования в мусульманском мире и его шафранизация в Индии – часть процесса демонтажа светского государства, причём независимо от цивилизационной принадлежности страны. Размывание принципа лаицизма, поиски национальной и религиозной идентичности через образ врага и индоктринация молодёжи в духе нетерпимости затрудняют способность общества к диалогу. Это повышает риски политических и военных конфликтов между этноконфессиональными общностями как внутри государств, так и между государствами.

Литература:

[1] Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений: коллективная монография / науч. ред. Л.А. Андреева, И.В. Следзевский, М.Ю. Смирнов. СПб.: Владимир Даль, 2021. 549 с.

[2] *El Karoui H.* La fabrique de l'islamisme. Version abrégée. Paris: L'Institut Montaigne, 2018. 83 p.

[3] *Jaffrelot C.* L'Inde de Modi: national-populisme et démocratie ethnique. Paris: Fayard, 2019. 352 p.

[4] *Lord C.* Religious Politics in Turkey: From the Birth of the Republic to the AKP. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2018. XX, 363 p.

[5] *Sanghera T.* Modi's Textbooks Manipulations // Foreign Policy. 06.08.2020. URL: https://foreignpolicy.com/2020/08/06/textbooks-modi-remove-chapters-democracy-secularism-citizenship (дата обращения: 07.03.2022)

Трансформация партийно-политической системы Турции в исторической перспективе 1980-х – 2010-х гг.

Шлыков В.И.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока

В докладе представлены результаты анализа трансформации партийно-политической системы Турции в 1980-е – 2000-е гг. Работа построена на детальном изучении данных по активности избирателей, волатильности электората, фрагментации партийной системы, уровню политической конкурентоспособности и характеру партийного представительства в парламенте. Стержневая гипотеза исследования состоит в том, что определенная стабилизация партийно-политической системы затрудняет поиск электоральной ниши любым новым партиям, повышая возможности перетекания электората между действующими партиями и партийными альянсами. В условиях трансформации партийно-политической системы и формирования новой матрицы политической жизни перед оппозицией встала задача поиска новых стратегий политической борьбы и подходов к работе с электоратом, ревизии партийных установок и программ.

Формирование существующей сейчас в Турции партийно-политической системы хронологически можно отнести к началу 1980-х гг., когда после переворота 12 сентября 1980 г. правящий военный режим задал параметры управляемой демократии, в которой не должно было остаться места для радикалов и эскалации политического насилия. Начало нового этапа в развитии партийно-политической системы Турции ознаменовалось пересмотром базовых норм и принципов организации выборного процесса, введением новых правил, серьезно ограничивающих политическую активность гражданского общества и партий, а также 10-процентным барьером для прохождения в парламент.

География политической конкуренции и «регионального» распределения электората основных политических партий позволяет сделать вывод о том, что существующие в стране социальные размежевания являются определяющим фактором для характера межпартийного противостояния и политической жизни в целом. На фоне доминирования правящей Партии справедливости и развития (ПСР) в большинстве илей электорат главных оппозиционных партий регионально ограничен, и преодолеть эту ограниченность в рамках выборных циклов конца 2000-х и 2010-х гг. не удалось, соответственно ресурс для того, чтобы оспорить электоральную гегемонию ПСР на общенациональном уровне у оппозиции ограничен. Однако стратегия ПСР по вытеснению конкурентов не всегда оказывается достаточно эффективной. Так, не оправдали себя попытки ПСР переманить на свою сторону избирателей прокурдских партий за счет дискредитации их программ с позиций религиозной идентичности курдов-суннитов и курдов-алевитов. В восточных илях электорат по-прежнему поделен между курдскими политиками и кандидатами от ПСР, и на это соотношение не

повлияли даже новые программные лозунги оппозиции о необходимости позитивной программы решения проблем курдов. Центральные провинции остаются главным ресурсом правящей партии: если отталкиваться от культурно-религиозной идентичности электората, то за ПСР здесь голосует суннитское большинство, на оппозицию ориентируются алевиты и часть националистически настроенных избирателей.

В итоге, главным бенефициаром высокой степени регионализации электората выступает ПСР, поскольку для оппозиции высокая степень дробности электората лишь сокращает диапазон возможных стратегий политической борьбы и фронт конкурентного противостояния с ПСР (реально потеснить ПСР оппозиция способна в провинциях с преимущественно курдским населением и в крупных городах – Стамбуле, Анкаре, Бурсе, Адане, Газиантепе, Коджаэли и т. п.).

Снижение волатильности и политической фрагментации говорят об определенной стабилизации партийно-политической системы и делают крайне сложным любым новым партиям найти свою электоральную нишу и стать реальной альтернативой существующим парламентским партиям, в то же время возможности перетекания электората между существующими партиями, наоборот, повышаются. Поэтому перед оппозиционными партиями с особой остротой встает вопрос о завоевании симпатий части электората правящей партии, популярность которой снижается из-за финансового кризиса и внешнеполитической напряженности.

Главная оппозиционная сила – Народно-республиканская партия (НРП) в 2010-е гг. пережила процесс коренной трансформации. Проект «Новой НРП» стал ответом на вызовы переформатирования партийно-политической системы и запросы турецкого электората 2000-х гг. При этом регулярное обновление партии с кардинальной ревизией партийных и идеологических установок – это отнюдь не отход от традиционной траектории развития старейшей политической партии республиканской Турции. Если рассматривать без малого 100-летний период существования НРП как непрерывный континуум, то в нем четко вычленяются пять периодов, на каждом из которых партия становилась «Новой НРП», радикально пересматривая и программные принципы, и политический дискурс. Первый период – 1923-1946 гг., когда НРП действовала в рамках однопартийной системы. Второй период – 1946-1961 гг., характеризующийся переходом к многопартийности, ревизией принципов кемализма и наследия кемалистской революции, первым опытом формирования коалиционных правительств и пребывания в оппозиции к режиму Демократической партии. Третий период – 1961-1980 гг., время Бюлента Эджевита, когда НРП провозгласила курс «левее центра». Четвертый период – 1992-2010 гг., когда НРП была воссоздана Денизом Байкалом и пыталась найти новую траекторию развития и превратилась в главную оппозиционную партию. В рамках этой парадигмы 2010 г. и избрание на пост председателя НРП Кемаля Кылычдароглу ознаменовал начало нового периода, в рамках которого НРП попыталась стать «всеохватывающей партией» с обновленной левоцентристской идеологией, максимально приемлемой для разных слоев турецкого общества.

Несмотря на скепсис в отношении избирательного процесса после путча 2016 г. и масштабных репрессий муниципальные выборы марта 2019 г. подтвердили реальность выборов в Турции. Оппозиция победила в большинстве мегаполисов, в том числе в Анкаре (Мансур Яваш) и Стамбуле (Экрем Имамоглу против бывшего премьера Бинали Йылдырыма). Повторные выборы в Стамбуле в конце июня 2019 г. бросили тень на электоральную демократию Турции, но в конечном итоге стамбульцы ясно выразили свою волю, и оппозиция победила с еще большим отрывом.

В начале 2020-х гг. обозначилась тенденция к реальной консолидации политической оппозиции. Во-первых, переход к суперпрезидентской системе создал ряд проблем. В новой системе произошло определенное отчуждение ПСР от бюрократии и советников президента, которые не обязательно имеют тесные связи с партией. В результате отчуждения бюрократического и партийного аппарата и потери крупных муниципалитетов в 2019 г. устоявшаяся ранее патрон-клиентная модель стала давать сбои. Негативно на популярности и электоральной базе ПСР отразился формальный «избирательный альянс» с националистами – крайне правой Партией националистического действия (ПНД) Девлета Бахчели. Зависимость от ПНД не только ограничила идеологический и политический маневр для ПСР, но и оттолкнула некоторых избирателей ПСР, таких как консервативные курды. Во-вторых, НРП смогла сформировать формальный альянс и неформальный союз с разнообразными партиями (умеренно националистической Хорошей партией Мерал Акшенер, исламистской Партией счастья Темеля Карамоллаоглу, правоцентристскими Партией демократии и прогресса Али Бабаджана и Партией будущего Ахмета Давутоглу), получив возможность обращаться к более широкой аудитории. НРП изменила свой политический дискурс. В прошлом она занималась жесткой светской, антирелигиозной и националистической риторикой. НРП поддерживала репрессивные меры (в т.ч. одиозный запрет на ношение хиджаба в 1990-х). Такой подход загнал НРП в маргинальный идеологический угол. При нынешнем председателе НРП Кемале Кылычдароглу партия постепенно отказалась от этого подхода. Кылычдароглу даже публично извинился перед теми, кого НРП обидела в прошлом.

Собирая “пространство общей истории”: феномен культурной дипломатии Турции в XXI в.

Шлыков П.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока

В докладе представлены результаты исследования стратегии и формы реализации культурной дипломатии Турции в 2000-е и 2010-е гг. Работа построена на анализе деятельности Координационного управления общественной дипломатии (*Kamu Diplomasisi Koordinatörlüğü, KDK*), Главного

управления по прессе и информации (*Basın Yayın Ve Enformasyon Genel Müdürlüğü*), Управления по делам турок, проживающих за рубежом и родственных общин (*Yurtdışı Türkler Ve Akraba Topluluklar Başkanlığı*), международной сети Институтов имени Юнуса Эмре (*Yunus Emre Enstitüsü*), международного фонда-вакфа «Просвещение» (*Maarif Vakfı*) и государственной Турецкой теле-радио-корпорации (*Türkiye Radyo ve Televizyon Kurumu – TRT*), а также других структур, занимающихся вопросами культурной дипломатии на разном уровне.

Подобно другим «средним» и «поднимающимся» державам Турция открыла для себя потенциал и возможности культурной дипломатии и стала активно ее использовать как инструмент по купированию негативного образа страны или механизм наращивания своего присутствия на региональном и глобальном уровне. Корнями практика культурной и общественной дипломатии в Турции уходит в османскую эпоху, в XIX в. можно найти немало примеров подобной деятельности. Более широко инструментарий культурной дипломатии стал задействоваться в 1990-е гг. Однако по-настоящему масштабно и профессионально культурной дипломатией в Турции стали заниматься в 2000-е гг.

С приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. во внешней политике Анкары обозначилась доминанта «мягкой силы» как главного механизма в укреплении сотрудничества с традиционными союзниками и в налаживании отношений с новыми партнерами – странами и регионами, долгое время находившимися на периферии турецкой политики (Балканы, Ближний и Средний Восток). В силу объективных исторических причин среди соседних стран – на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке – репутация Турции после окончания холодной войны была не самая блестящая. Для Анкары здесь особенно остро стояла проблема формирования позитивного имиджа Турции. Создание позитивного образа требовало более разносторонней и масштабной по своему характеру общественной дипломатии с опорой на ее культурную составляющую.

Культурная дипломатия Турции фактически сформировалась как часть и одно из важнейших направлений публичной дипломатии, институционализированной в рамках созданного в 2010 г. Координационного управления общественной дипломатии. Помимо этого управления, вопросами культурной дипломатии на государственном уровне занимается большое количество государственных и окологосудасрственных структур.

В 2000-е и 2010-е гг. турецкая культурная дипломатия развивалась по двум параллельным и дополняющим друг друга трекам: продвижение «высокой» и «массовой» культуры. В продвижении обоих направлений активно задействованы как государственные и окологосударственные структуры, так и гражданские и неправительственные организации.

С самого начала правительство ПСР не только фокусировалось на международном продвижении разнообразных культурных проектов, но и активно поддерживала деятельность негосударственных организаций и фондов,

работающих по этому направлению, предоставляя таким НПО все возможности для использования единой инфраструктуры по реализации культурной дипломатии. Иными словами, все, кто серьезно занимался культурной дипломатией, находились в оперативно-стратегической связи и в той или иной степени координировали свои действия по продвижению Турции, ее национального бренда и формированию позитивного международного имиджа страны.

Координационное управление общественной дипломатии непосредственно координировало и согласовывало деятельность многочисленных НПО и проектную активность в сфере культурной дипломатии. Управление выполняло две функции – координировало проектную деятельность и выделяло дополнительные средства на их реализацию.

Первой официальной структурой, работающей в сфере культурной дипломатии, стал фонд-вакф имени Юнуса Эмре, созданный в 2007 г. для продвижения турецкого языка, истории и культуры на международном уровне, а также для развития инфраструктуры академических и студенческих обменов с разными странами. Фонд-вакф Юнуса Эмре безусловно не был первой в истории страны подобной организацией, нацеленной на формирование и развитие культурных взаимоотношений с другими странами. Отличительная особенность фонда-вакфа Юнуса Эмре состояла в том, что он был первым государственным учреждением, систематически ведущим работу в этом направлении как внутри страны, так и за рубежом. Фонд-вакф Юнуса Эмре создавался, прежде всего, для лучшей организации и координации уже существующих разрозненных турецких культурных центров за рубежом и их формального объединения в единую сеть. Главным проектом фонда-вакфа стал одноименный институт – Институт Юнуса Эмре с его разветвленной международной сетью институтов-представительств по всему миру. Формально и Институт Юнуса Эмре с его многочисленными филиалами и сам одноименный фонд-вакф представляют собой НПО, однако на практике они чрезвычайно тесно связаны с государством как организационно, так и функционально.

Сама модель, по которой создавались и функционируют Институты Юнуса Эмре, международная и универсальная. Подобные структуры есть у всех ведущих европейских стран. Можно упомянуть – германский Гёте-институт, испанский Институт Сервантеса (*Spanish Instituto Cervantes*), Британский совет (*British Council*), китайский Институт Конфуция или проекты российского Института Пушкина. Эта модель предполагает продвижение страны не только через языковые курсы, но также разнообразные культурно-просветительские и массовые мероприятия – фестивали, выставки, показы кино, театральные гастроли, публикацию переводной литературы и т.д.

Помимо Институтов Юнуса Эмре в Турции функционирует ряд других проектов в сфере культурной дипломатии, которые курируют профильные государственные ведомства и министерства. Особую роль среди подобных структур играет созданное еще в 1992 г. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (*Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı – TİKA*), более

известное под турецким акронимом ТИКА. Регионы наиболее масштабной активности ТИКА – Центральная Азия (постсоветское пространство), Балканы, Африка южнее Сахары. В Африке ТИКА не только напрямую реализовала множество научно-просветительских и образовательных проектов (строительство школ, внедрение стипендиальных программ для талантливых и малообеспеченных детей), но также подготовила плацдарм для работы еще одного важного турецкого государственного учреждения, работающего в сфере культурной дипломатии – Управления по делам религии (*Diyanet İşleri Başkanlığı*), или Диянет.

В Африке Диянет работает через свою дочернюю структуру – одноименный благотворительный Религиозный фонд-вакф (*Türkiye Diyanet Vakfi*) и занимается распространением исламского образования (суннитского толка ханафитского мазхаба) в рамках создания сети школ имам-хатибов, организуя распространение религиозной литературы, проводя встречи между африканскими религиозными деятелями и представителями Диянет.

Культурно-просветительскими проектами за рубежом занимается и непосредственно Министерство образования Турции: это и разного рода грантовые программы для студентов, и распространение учебной и научно-просветительской литературы. География деятельности обширна, но наибольшее внимание сейчас уделяется Африке. Африканские страны давно стали объектом масштабных научно-просветительских проектов и долгосрочных инвестиций, нацеленных на ускорение социально-экономической трансформации стран региона и воспитание будущих поколений. Помимо турецких государственных структур в Африке работает большое количество турецких независимых благотворительных и просветительских НПО.

Культурные проекты, рассчитанные на массовую аудиторию, выступают серьезным подспорьем в деле преодоления устойчивых стереотипов о Турции и турецком обществе. Ведущую роль в их продвижении и реализации турецких масскульт проектов играет основанная в 1964 г. государственная Турецкая теле-радио-корпорация (*TRT*), осуществляющая радио-, теле- и интернет-вещание на разных языках и в разных странах. Международное вещание ТРТ давно вошло в арсенал одних из наиболее эффективных инструментов культурной дипломатии Турции (как с точки зрения содержания, так и формы): телерадиовещание на 30 языках мира позволяет успешно транслировать «турецкий взгляд» на события в мире и развитие отношений Турции с другими странами, что крайне важно с точки зрения как культурной, так и публичной дипломатии.

Методика и практика преподавания восточных языков

Традиционные и инновационные методы преподавания арабского языка

Акинина О.Г.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры арабской филологии

В ходе преподавания арабского языка необходимо учитывать, что в современном арабском обществе этот язык бытует в виде иерархии различных форм, которые можно изучать как отдельно друг от друга, так и в комплексе. Высшую ступень в этой иерархии занимает классический литературный арабский язык (fuṣḥā at-turāth), нормы которого были зафиксированы в сочинениях средневековых арабских филологов. Эта разновидность языка представлена в текстах преимущественно религиозной тематики, которые в устной речи озвучиваются в ходе рецитации Корана, во время проповедей в мечетях и в программах религиозно-богословского содержания по радио и на телевидении.

Возможно, самым эффективным и экономным методом освоения классического литературного арабского языка является изучение Корана – конкретного текста, в котором представлена вся грамматическая система данного языка. Пример учебного пособия, которое дает такую возможность, - учебник «Учись читать Коран по-арабски», автор которого - В.В. Лебедев - кандидат филологических наук, доцент кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. [3]

В учебнике «Учись читать Коран по-арабски» «каждое изучаемое языковое явление предъявляется в форме речевого образца из текста Корана, а объяснение фонетических, графических, морфологических и синтаксических явлений дается в терминах и понятиях арабской языковедческой традиции», которая является существенной частью «исламских наук» и всей мусульманской культуры. [3, 2] Закрепление изученного материала осуществляется на основе чтения специально подобранных коранических аятов, «обеспечивающих оптимальную повторяемость нового явления». [3, 2]

Однако надо отчетливо понимать, что для общения с носителями арабского языка в повседневной жизни, в бытовых ситуациях необходимо обладать хотя бы элементарными базовыми знаниями разговорного языка (Colloquial Arabic), поскольку именно он является для арабов родным, в то время как литературным языком сами носители овладевают в процессе получения образования. Понятно, что диалекты арабских стран могут существенным образом отличаться друг от друга, но это не исключает возможности их освоения хотя бы на начальном уровне. С этой точки зрения, полезным в прикладном отношении представляется, например, учебное пособие Al-kitāb fī ta‘allum al-‘arabiyya [5], в котором большое внимание уделяется именно развитию речевых навыков. Отличительной особенностью данного учебника является то, что в словаре к

каждому уроку арабское слово представлено сразу в трех вариантах: на литературном языке (al-fuṣḥā), на египетском диалекте (al-maṣrī) и на сирийском (ash-shāmī), который по сути объединяет говоры Сирии, Ливана, Иордании и палестинских арабов. Эти диалекты являются наиболее распространенными в арабском мире и доступными для понимания. Поскольку лексический материал представлен в учебнике в форме таблицы, сразу есть возможность сравнить разные варианты одного и того же слова. Кроме того, уроки снабжены аудиоматериалами, которые позволяют осваивать фонетические особенности упомянутых диалектов.

Однако в плане использования в реальной жизни литературный арабский язык и диалекты находятся не настолько в полярных позициях или в оппозиции друг к другу, чтобы их четко можно было разграничить и противопоставить друг другу. Здесь необходимо учитывать существование такого явления как «переключение языкового кода» (code switching), которое может происходить «как между двумя разными языками, так и между двумя разновидностями одного национального языка», в том числе между его диалектами, стилями и речевыми регистрами. [2, 101] Интересно, что у носителей языка переключение языкового кода никогда не происходит спонтанно, но всегда является «способом решения той или иной коммуникативной задачи». [2, 102] Понимание этого факта ставит перед преподавателем арабского языка задачу поиска оптимальной методики, которая бы, с одной стороны, давала обучающемуся наиболее полную картину функционирования иностранного языка, а с другой, - позволяла освоить его разновидности для выработки умения выстраивать стратегии общения с носителями языка адекватно предложенной ситуации.

В этом отношении необходимо обратить внимание на своего рода «промежуточную» форму арабского языка, которая включает в себя как литературный, так и диалектный варианты. Это так называемый Educated Spoken Arabic – «разговорный язык образованных арабов, который является основным средством междиалектной коммуникации, поскольку он понятен носителям разных диалектов в силу схожих уровней образования». [2, 100] Это своего рода «наддиалектная разновидность» арабского языка, не привязанная к местному разговорному языку ни одной страны. Ее основу составляет литературный арабский язык, а также общие разговорные элементы, которые встречаются в разных национальных диалектах. Об этой разновидности арабского языка писал, например, египетский лингвист ал-Бадави, называя ее «языком интеллигенции» (ʻāmmiyyat al-muthaqqafīn) и подразумевая под этим разговорный язык людей, имеющих высшее образование. [4]

Из личного опыта профессионального общения с носителями арабского языка из Египта, Сирии, Ирака, Алжира и Марокко, в ходе которого использовался именно Educated Spoken Arabic, стала очевидна необходимость создания интернет-ресурса, которым могли бы пользоваться студенты для развития и совершенствования коммуникативных и переводческих навыков, приобретения межкультурной компетенции и, в частности, формирования ее социокультурного компонента.

В октябре 2020 г. мной был создан ютуб канал «Говори по-арабски на актуальные темы!», где при участии студентов ИСАА МГУ было записано несколько бесед с арабскими собеседниками на такие темы, как «Укрепление иммунитета», «Арабская свадьба», «Гражданский брак. Развод», «Духовные ценности праздника Ид ал-фитр», «Беседа о хадже» и др. [1] В настоящее время эти материалы активно используются мной на занятиях по арабскому языку в качестве завершающего этапа работы над определенной темой, «позволяющего проконтролировать качество ее освоения, оценить уровень квалификации студентов, «отточить» их профессиональные навыки и компетенции» [1, 440].

Параллельно с контентом, нацеленным на аудиторию с продвинутым уровнем владения арабским языком, на канале «Говори по-арабски на актуальные темы!» в 2021 г. была запущена серия видео уроков «Арабский под ключ», предназначенных для изучения языка «с нуля». При этом я опиралась на методику преподавания арабского языка как иностранного, разработанную на кафедре арабской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова и базирующуюся на арабской языковедческой традиции. Так в рамках ютуб-канала удалось найти оптимальный баланс между использованием традиционных и инновационных методов преподавания арабского языка.

Литература

[1] Акинина О.Г. Ютуб-канал “Говори по-арабски на актуальные темы!” как инновационный способ взаимодействия преподавателя с учебной средой // Магия ИННО: лингвистика и лингводидактика в меняющейся системе координат. – МГИМО – Университет Москва, 2021. С.439-443.
[2] Закрыжевский М.Ш. Связь между выбором языкового кода и ролью говорящего (на материале публичных выступлений политических деятелей Египта) / Вестник Московского университета. Серия 13 Востоковедение. №3 – М., 2021, с.98-108.
[3] Лебедев В.В. Учись читать Коран по-арабски. – М., 1996. 335 с.
[4] Badawi, as-Said Muhammad, Mustawayāt al-‘arabiyya al-mu‘āṣira fī Miṣr, Dār al-ma‘ārif , 1973. 223 p.
[5] Brustad K., Mahmud al-Batal, ‘Abbas al-Tonsi, Al-kitāb fī ta‘allum al-‘arabiyya, 2011, Washington, Georgetown University Press, 2011, 353 p.

Скороговорки в процессе обучения японскому языку на начальном этапе

Бессонова Е.Ю.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры японской филологии

Обучение японскому языку в высшем учебном заведении опирается на основной учебный материал, но может быть расширено за счет дополнительных учебных материалов. Один из видов расширения обучающего контента на начальном этапе мы видим в введении скороговорок. Скороговорки были

созданы для отработки произнесения звуков, вызывающих затруднения у носителей языка. Соответственно, при преподавании языка имеет смысл акцентировать внимание слушателей на этих звуках. Кроме отработки определенных звуков или их сочетаний, скороговорки могут представлять интерес с точки зрения лексического наполнения и даже быть использованы при объяснении грамматики. Кроме того, введение скороговорки в учебный процесс добавляет заметный игровой акцент в структуру занятия, способствуя быстрому запоминанию фразы. На начальном этапе обучения такого рода дополнительный учебный материал вызывает большой интерес у слушателей, студенты хорошо овладевают японскими скороговорками. Отметим, что в Японии скороговорки широко представлены в Интернет-контенте, часто бывают задействованы в телевизионных учебных или развлекательных передачах. Приведем примеры скороговорок, предлагаемых нами для запоминания и тренировки на начальном этапе обучения японскому языку. Скороговорка «*ака макигами, ао макигами, ки макигами*» (красная рулонная бумага, синяя рулонная бумага, желтая рулонная бумага), дает возможность отработать произношение интенсивно звучащих гласных «*и*» и «*а*», а также знакомит учащихся с основными цветами, а именно красным, синим и желтым. Скороговорка «*тонари но кяку ва ёку каки ку: кяку да*» (посетитель рядом ест много хурмы) предназначена для тренировки правильного и отчетливого произношения пары «*каки – кяку*», а также может быть задействована в объяснении грамматики «*но*», определительных предложений. Скороговорка «*бо:дзу га бё:бу ни дзё:дзу ни бо:дзу но э о кайта*» (монах хорошо нарисовал на ширме картину монаха) вводится нами для тренировки долгих гласных и произношения «*дзу*», одновременно на основе структуры этой скороговорки есть возможность объяснить использование падежей, а слово «*кайта*» предваряет введение простых форм прошедшего времени.

Аудиторная работа со скороговорками делится на несколько этапов и начинается с объяснения материала, а именно разъяснения преподавателем значения скороговорки, выделения звуков, которые нужно тренировать в ее рамках. Далее идет заучивание материала слушателями. Повторение скороговорок проводится практически на каждом занятии на протяжении длительного времени, позволяя выработать автоматизм произнесения фразы. По такой расширенной схеме вводится от трех до пяти скороговорок. Введение большего числа скороговорок приводит к потере интереса со стороны слушателей. Однако остается возможность вводить скороговорки не для комплексного заучивания, а для тренировки звуков на единичном занятии, что позволяет познакомить студентов с 6-7 скороговорками дополнительно.

В качестве вывода отметим эффективность японских скороговорок с точки зрения тренировки отдельных звуков, лексики, а также большой интерес к скороговоркам со стороны слушателей начального этапа обучения.

Работа с параллельными текстами как один из методов обучения основам письменного и устного перевода

Васильева Л.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры японской филологии

Перевод с японского языка на русский и с русского языка на японский помимо всех естественных трудностей, сопутствующих любому переводу с одного языка на другой, сопряжен с необходимостью существенно менять порядок частей предложения. Построение фразы в японском и русском языках, а также порядок расположения относительно друг друга как главных, так и второстепенных членов предложения довольно сильно различаются, поэтому при переводе предложение порой приходится практически «выворачивать наизнанку». При обучении студентов, изучающих японский язык, базовым правилам и алгоритмам перевода с японского языка на русский, все преподаватели как мантру повторяют ряд правил, например: «Нельзя переводить подряд, следуя порядку слов в предложении языка-оригинала, не определив тип и структуру предложения», «Следует найти (и перевести) подлежащее (если есть) и группу поясняющих его членов предложения, затем найти сказуемое или сказуемые, перевести его и, следуя вверх по фразе, поясняющие его члены предложения» и т.п.

Несмотря на то, что подобные алгоритмы правильного перевода разъясняются студентам с самых первых дней обучения, по мере усложнения текстов они о них начинают благополучно забывать. Вследствие этого нередки случаи, когда, сталкиваясь со сложными для перевода распространенными, сложносоставными предложениями, осложненными множественными определительными конструкциями, причастными или деепричастными оборотами и т.п., студенты начинают переводить их подряд, искажая при этом синтаксическую структуру и смысл переводимого текста.

В помощь таким студентам можно предложить метод разметки параллельных текстов для отработки и доведения до автоматизма правильного членения фразы в языке оригинала при переводе ее на другой язык. Этот метод при обучении устному переводу «с листа» сложных текстов общественно-политической тематики применял на занятиях по японскому языку блестящий переводчик, преподаватель кафедры японской филологии ИСАА МГУ Леон Абрамович Стрижак. Выбор общественно-политической тематики, например, сообщений, описывающих ход и результаты двусторонних переговоров, или двуязычных вариантов совместных заявлений и т.п., обусловлен характерной для подобных текстов сложностью предложений, обилием осложняющих оборотов, устойчивых выражений и клише.

Суть метода заключается в следующем. Для начала преподаватель предлагает студентам устно перевести на русский язык «с листа» текст на японском языке, предварительно разделив каждое предложение на смысловые

фрагменты и пронумеровав их в том порядке, в каком их нужно будет переводить, чтобы перевод был полным и правильным. Первое предложение может быть заранее размечено самим преподавателем в качестве примера. Такая предварительная разметка призвана помочь студентам не упустить при переводе ни одной детали, соблюсти синтаксическую структуру предложения и наиболее точно передать на языке перевода смысл переводимого текста. После выполнения студентами предварительной разметки преподаватель может предложить им сравнить разные варианты разметки, а затем и сами переводы, сделанные на их основе. В таких сравнениях сразу можно увидеть, насколько внимательно студент отнесся ко всем нюансам и деталям, а также уточнить минимально необходимую для точного перевода «глубину членения», то есть величину фрагментов, которые будет удобно переводить в размеченном порядке для соблюдения структуры и точной передачи содержания.

На втором этапе работы студентам предлагается тот же текст, перевод которого на русский язык выполнен профессиональными переводчиками. И теперь студентам предлагается выполнить такую же разметку текста для устного перевода «с листа» с русского языка на японский. Несмотря на кажущуюся простоту такого «обратного перевода», когда тот же самый текст на японском языке студентами уже был переведен на русский язык, выполнить достаточное для правильного и точного перевода членение на фрагменты и нумерацию этих фрагментов в нужном порядке удается сразу далеко не всем. В ходе работы с параллельным русским текстом студенты, разумеется, не сверяют его с имеющимся у них вариантом на японском языке, но по окончании разметки и выполнения перевода с русского на японский язык могут сравнить получившийся результат.

Разметку текста для устного перевода «с листа» можно рекомендовать также и для отработки навыков письменного перевода, например, газетных статей. Опыт преподавания этого аспекта студентам средних и старших курсов показывает, что ошибки в этом виде перевода у студентов часто возникают по той же самой причине неумения правильно определить структуру предложения и порядок перевода его фрагментов на русский язык.

Упражнения по предварительной разметке текстов для устного перевода «с листа» рано или поздно помогают студентам выработать и довести до автоматизма умение сразу видеть структуру предложения и быстро перестраивать его в соответствии с правилами построения фразы в языке перевода, что приводит к повышению точности перевода и его качественному улучшению в целом.

Типовые ошибки при письменном арабско-русском переводе

Германович А.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры арабской филологии

В своем докладе мы ставили задачу обобщить ошибки, которые делают студенты-арабисты 4 курса ИСАА в работах по письменному переводу текстов общественно-политического содержания с арабского языка на русский. Объем каждого из предлагавшихся для перевода арабских текстов составлял около 1500 знаков (с пробелами), время на перевод - 90 минут (2 академических часа). Разрешалось пользование бумажным словарем. Общее количество проанализированных переводов превысило 80.

Прежде чем говорить о типовых ошибках при переводе, остановимся вкратце на принципах их типологизации. В теории перевода существуют различные классификации переводческих ошибок, однако основные перечисленные в них категории во многом совпадают. К первой из них относятся ошибки, которые носят смысловой характер, то есть искажают содержание оригинального текста. В рамках этой категории выделяются: а) грубые искажения текста, которые мы будем называть собственно смысловыми ошибками; и б) «неточности», подразумевающие частичное искажение смысла или неполную его передачу.

Еще одну категорию составляют ошибки, негативно влияющие на качество перевода, но не искажающие его общий смысл, связанные, главным образом, с нарушениями стилистических норм языка перевода (в нашем случае - русского). Отметим, что некоторые авторы относят стилистические ошибки к разряду смысловых [1, с.244], но нам представляется целесообразным выделить их в отдельную категорию, поскольку такие ошибки (в отличие от собственно смысловых ошибок или неточностей) связаны не столько с непониманием исходного текста, сколько с неумением адекватно выразить мысль на языке перевода (русском) и/или неспособностью противостоять «давлению» исходного языка, которое порой вынуждает переводчика слепо следовать за оригиналом.

Иногда в отдельную категорию выделяются т.н. логические ошибки, которые делятся на два типа: несоответствие перевода реалиям, описываемым в тексте оригинала, либо искажение переводчиком устойчивых словосочетаний, характерных для языка перевода. На наш взгляд, однако, первые более подходят под разряд смысловых ошибок, а вторые - стилистических.

Отдельным явлением, которое снижает качество письменного перевода, являются пропуски текста. Пропуски, конечно, трудно назвать собственно ошибками, но они оказываются ими фактически, поскольку искажают содержание оригинала. Более того, они зачастую скрывают ошибки, так как переводчик обычно предпочитает пропустить при переводе те или иные слова или фрагменты исходного текста, которые он не понимает. Кроме этого, причиной пропусков в переводах может быть невнимательность и/или спешка студента-переводчика вследствие его ограниченности во времени.

Очевидно, что само по себе деление ошибок на категории является в определенной степени условным, поскольку в рамках одной категории могут объединяться ошибки, вызванные разными причинами. Отметим наиболее существенные из них.

Одна из главных причин грубых смысловых ошибок состоит в банальном непонимании переводчиком иностранного текста, которое может проявляться, как это видно из приведенного ниже примера, в несоответствии перевода логике реальных событий: «Иудеи также хотят молиться в этой мечети, **предварительно разрушив ее**» (исходный смысл второй части фразы иной: «**тем самым подготавливая ее раздел** (между мусульманами и иудеями)».

Еще одной причиной подобных ошибок служит незнание или недостаточное знание студентами предметных или событийных реалий, которые описываются в исходном тексте. Так, израильская организация «Хранители Храмовой горы» в переводах ряда студентов получила такие наименования, как «Хранители горы скелетов» (арабское слово *haykal* наряду со значением «гора» имеет и ряд других значений, в том числе «скелет»), «Защитники горы Хикль», «Верные святой горе», «Верующие святой горы» и т.п.

Среди причин многих смысловых ошибок студентов в переводе, как показывают их работы, следует упомянуть неправильное прочтение арабских слов. Дело в том, что многие арабские графические слова могут быть прочтены по-разному (в силу того, что в печатном тексте не передаются краткие гласные) и, соответственно, иметь различный смысл. Так, совокупность трех *харфов* (букв) *ṣ-d-r* допускает прочтение *ṣadara* («была принята»), а также *ṣadr* (что может, в частности, иметь значение имени собственного «Садр»; попутно отметим, что в арабской графике нет деления на прописные и строчные буквы). В результате студент-переводчик воспринял арабское словосочетание *bayan ṣadara* («Декларация, принятая…») как имя и фамилию «Байан Садр», и, соответственно, арабская фраза «Декларация, принятая Национальным советом, гласила…» получила неверный перевод: «Байан Садр из Национального совета заявил, что…».

Немало смысловых ошибок в работах студентов оказалось вызвано непониманием синтаксиса текста, логических связей между отдельными частями одного большого сложного предложения, соединенными между собой различными служебными словами, которые несут определенный смысл, замещая собой привычные для нас знаки препинания, такие как, например, точка, запятая, тире или двоеточие, или сосуществуя с ними. Поскольку эти служебные слова, как правило, многозначны, переводчику требуется достаточный опыт, для того чтобы правильно понять их конкретное контекстуальное значение.

Лексические ошибки, искажающие смысл перевода, бывают вызваны, как показывает анализ студенческих работ, различными причинами. Среди них, в частности, могут быть спешка и/или невнимательность: так, студенты нередко путают похожие по написанию слова, например, *muṣālaḥa* («примирение») и *maṣlaḥa* («интерес»), *idh* («поскольку») и *idhā* («если»). Но часто в основе ошибки лежат и такие причины, как непонимание исходного текста

(контекстуальные ошибки) или незнание узуальной терминологии текстов данной тематики (в нашем случае - общественно-политической). Последнее обстоятельство приводит к неправильному выбору из синонимичных слов необходимого русского словарного эквивалента («оккупированные **земли**» вместо «оккупированные **территории**»). Причиной лексических ошибок (как и грамматических или синтаксических), как видно из приведенного ниже примера, также может быть недостаточно глубокое владение языком перевода (русским), особенно студентами-иностранцами: «Президент США подтвердил, что его политика **не направлена поразить** Иран, **скорее запретить** стране развивать свои ядерные **мощи**».

Стилистические ошибки в русском переводе, как и лексические, нередко бывают результатом буквализма - одного из самых частых «грехов» начинающих переводчиков («Ирак стремится остаться **одной родиной**, которая, как было всегда, **включает в себя крылья для** всех своих **детей**»), желания передать пафос исходного текста стилистически маркированными словами языка перевода, которые, однако, не стыкуются со стилем остального текста («На долю многих полицейских **выпала погибель**…»), контекстуально некорректного использования тех или иных русскоязычных фразеологизмов («Действия Израиля могут разрушить мирный процесс **в пух и прах**»; «США собираются убить **трех зайцев одним махом**»). Последний пример является еще и неуместной контаминацией - соединением двух близких по значению фразеологических оборотов.

В самом широком смысле общей причиной переводческих ошибок является «недостаточная образованность переводчика» [2, с.514]. Она включает: поверхностное владение исходным (арабским) языком; ограниченность активного вокабуляра и отсутствие должного опыта и навыка выражения мысли на языке перевода (русском); ограниченный общий кругозор переводчика и, в частности, незнание или непонимание описываемых переводимым текстом реалий, а соответственно - незнание соответствующей терминологии и узуса. При этом главным инструментом совершенствования письменного перевода (наряду с углублением знания обоих языков) была и остается самостоятельная переводческая практика.

Литература

[1] *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты).- М.: Высш. шк.,1990. - 253 с.

[2] *Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2007. - 544 с.

К вопросу об использовании технологий дистанционного обучения в преподавании арабского языка

Горячева Н.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры арабской филологии

В связи с тем, что обучение во многих университетах и на многих факультетах до недавнего времени велось преимущественно в дистанционном формате, многие преподаватели столкнулись с проблемой реорганизации учебного процесса. Особенно остро, на мой взгляд, ощущается разница форматов именно при проведении практических занятий, в частности, в преподавании иностранного языка: завладеть вниманием студента через экран компьютера сложнее, а многие привычные способы подачи материала и виды работы реализовать оказалось гораздо проблематичнее.

Вместе с тем, современные технологии предлагают различные варианты образовательных платформ и приложений, которые могут быть полезными для преподавателей при решении некоторых педагогических задач.

Мной были рассмотрены несколько таких платформ на предмет того, насколько эффективно их можно использовать при преподавании восточного языка, как органично встроить их в учебную программу и возможно ли их использовать и при очном обучении.

Далее будут приведены краткие характеристики таких образовательных платформ и программ, как Goggle Forms, Kahoot, Idroo, Quizlet.

1. Google Forms – платформа, которая отлично подходит для создания тестов, анкет и прочих форм для заполнения. При создании теста можно настроить множество параметров: включить разные типы вопросов (тестовые, с развернутым ответом и т.д.), определить для каждого вопроса правильные ответы и включить автоматическую проверку, перемешать вопросы, добавить комментарии к правильным и к неправильным ответам. Студент после прохождения теста будет видеть свои ошибки и комментарии преподавателя. Преподаватель может увидеть статистику ответов и ответ каждого студента в отдельности.
2. Kahoot! – сайт и приложение для телефона, которое позволяет создавать различные виды заданий в достаточно интерактивном, игровом формате. Можно создавать целые блоки по определенным темам с разными видами заданий: тестовыми, «правда/ложь», по расположению элементов в определенном порядке. Студенту предоставляется ссылка на блок заданий, и он может работать с заданиями самостоятельно, либо в аудитории/на дистанционном занятии: с помощью пин-кода, который будет известен участникам, каждый сможет подключиться со своего устройства по ссылке и выполнять задания, которые будут видны на экране преподавателя.

В результате такой «игры» программа определяет очки игроков и выделяет победителя. Полный функционал приложения доступен только в платной версии.

3. Idroo – виртуальная доска, которая может быть полезна на начальном этапе обучения восточному языку, когда большое внимание уделяется письму. Преподаватель регистрируется на сайте и совершенно бесплатно может создать виртуальную доску, переслать студентам ссылку на нее, и они без регистрации также смогут на ней писать в режиме реального времени. Таким образом, можно прописывать для студентов образцы написания новых слов и контролировать процесс написания ими этих слов. Кроме того, на сайте есть встроенная функция сглаживания углов при письме, что особенно удобно, если у преподавателя или студентов нет планшета и стилуса.
4. Quizlet – популярное приложение для запоминания лексики. Его можно использовать различными способами, и программа сама генерирует способы проверки выученных лексических единиц: на основании введенных преподавателем слов с переводом в приложении создаются двусторонние карточки, а также задания различного типа по ним. Кроме того, в приложении есть функция озвучивания лексических единиц, что позволяет закрепить запоминание на слух. Можно создавать модули по темам, а также объединять модули в учебные курсы.

Очевидно, что существует множество технологий дистанционного обучения, которые можно успешно внедрять в учебный процесс, и это лишь немногие из них. Безусловно, все вышеприведённые программы имеют свои плюсы и минусы. Например, приложения Quizlet и Kahoot! больше подходят либо для аудиторной работы, либо в качестве самостоятельной отработки студентами, так как преподаватель не может отследить результаты учащихся.

Вместе с тем многие из этих программ могут стать вспомогательными инструментами для формирования определенных грамматических навыков и закрепления лексических единиц. Кроме того, можно успешно использовать многие технологии дистанционного обучения и в рамках очного формата, например, в качестве домашнего задания для студентов, или (в случае с более игровыми форматами) – в аудитории в качестве викторины на знание какой-либо языковой и/или культурологической темы, связанную с регионом изучаемого языка. На мой взгляд, изучение преподавателем современных образовательных технологий и их разумное использование в преподавании восточного языка может разнообразить учебный процесс, мотивировать учащихся и предоставить преподавателю новые возможности для развития в своей области.

Литература

[1] URL: https://idroo.com/dashboard
[2] URL: https://kahoot.com

[3] URL: https://docs.google.com/forms
[4] URL: https://quizlet.com/ru

Аппетитное аудирование: мультимедийные кулинарные материалы в преподавании персидского языка.

Громова А.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры иранской филологии

Эмоции в классе сравниваются с топливом для позитивного настроя, ведущего к успеху в освоении материала, с эпицентром или с сердцем процесса обучения, который не сводится лишь к рациональной деятельности [3: 3]. Одним из новшеств в современных тенденциях преподавания второго языка стала идея мотивационной направленности (Directed Motivational Currents), понимаемой как продолжительный период работы с цепочкой увлекательных заданий, выполнение которых, будучи приятным и доставляющим удовольствие, ведет к достижению намеченной цели. Основными характеристиками DMC считаются 1) ориентированность на четко осознаваемую цель, достижение которой мотивирует и заставляет стремиться к прогрессу, 2) значительная гибкость / опциональность структуры, основу которой составляют рутинный костяк упражнений и ряд точек для оценки продвижения вперед (привычка к ним делает излишним постоянный волевой контроль со стороны), и 3) позитивный эмоциональный настрой, обеспечиваемый, в числе прочего, ясностью формулировки поэтапных задач, постепенное выполнение которых, будучи приятным само по себе, позволяет также оценить успехи на пути продвижения к конечной цели [5:3-4].

В рамках данного доклада предпринимается попытка описать опыт применения этих принципов в таком аспекте преподавания персидского языка, как аудирование. Традиционная сложность здесь заключается в необходимости учета варьирующихся на всех языковых уровнях функциональных регистров современного персидского языка: от книжно-литературного и официального до стандартного разговорного и просторечия. Как пример была выбрана самая позитивная и находящая самый живой отклик в аудитории тематическая область – кулинария.

Изучение рецептов является одной из самых популярных сюжетных линий в тренировке навыков восприятия звучащей речи. Другими стратегиями, также сфокусированными на аутентичном языковом материале, могут быть использование песен, сказок, новостей [1]. В плане структурной организации занятий и подготовки дополнительного материала, необходимого к отдельно взятому мультимедийному фрагменту, каждая из выделенных сюжетных линий предполагает: 1) предшествующие аудированию задания (введение в проблематику), 2) прослушивание, переводческий анализ звучащего текста,

пофразовый перевод и пересказ-реферирование, 3) запись отдельных отрывков или файла целиком, 4) задания на закрепление новой лексики, 5) ответы на вопросы и итоговая беседа по теме, 6) воспроизведение уже отработанного текста.

Сильной стороной при проверке усвоения всех четырех групп аудиовизуальных материалов является возможность задействовать артистическую составляющую, неизбежно проявляющуюся при описании рецептов (особенно у ребят, имеющих склонность к гастрономическим экспериментам), при художественном исполнении сказок, рецитации стихов, при описании, комментировании или переводе видео об актуальных событиях.

Некоторые из перечисленных выше видов заданий имеются в учебнике «Аудирование для изучающих персидский язык», где один из уроков посвящен здоровому питанию [2: 117-119]. Только аудио позволяет сконцентрироваться на тексте, который, как и весь учебник, записан на стандартном разговорном персидском и в бодром темпе, что является несомненным плюсом этого пособия, так как заставляет студентов постепенно адаптироваться к скорости говорения иранцев, которая обычно несколько выше привычного нам темпа речи.

Число интернет-ресурсов и онлайн-платформ, которые могут быть использованы в преподавании персидского, постоянно растет (подробнее см. [4]). Как показывает практика последних лет, наибольшим успехом в аудитории пользуются яркие видеорецепты и программы, посвященные готовке, которые по длине и формату можно поделить на: 1) короткие клипы (от 1 минуты), опубликованные – иногда вместе с текстом или с субтитрами – на многочисленных Телеграм-каналах, например, šabake-ye āšpazi (‘Кулинарный канал’), āšpazi -ye irāni (‘Иранская кухня’), āmuzeš-e āšpazi (‘Обучение готовке’) и на многих других; 2) видеорецепты в среднем по 5-10 минут на Youtube (некоторые примеры даны ниже); 3) гастрономические шоу на иранском телевидении хронометражом 15-25 минут: āšpazi ‘Готовка’, āšpazxāne (be xāne barmigardim) ‘Кухня (возвращаемся домой)’, asr-e xānevāde ‘Вечер в семье’; čāšeni ‘Приправы’; lezzat-e āšpazi ‘Готовим с удовольствием’; namāyeš-e āšpazi ‘Кулинарное шоу’; poxt-o pand ‘Стряпня и совет’; sarāšpaz ‘Шеф-повар’; āšpazi-ye mahalli ‘Местная кухня’; sofre-ye irāni ‘Иранская кухня’ (доступны на официальном сайте интернет-трансляции прямого эфира и архива основных иранских телеканалов https://telewebion.com/).

Помимо переводческой работы и лексических упражнений, можно предложить следующие практические и поисковые задания:

1) знакомимся с каналом традиционных иранских подлив и пловов «Стряпня Самиры» (āšpazi -ye samirā), находим информацию о времени его регистрации (июнь 2020 г.) и выбираем любой понравившийся рецепт. Смотрим видео и через 5 минут кратко рассказываем об описанном в ролике блюде. Какие ингредиенты необходимы для его приготовления?
2) открываем все вместе страницу канала «Кулинарные секреты» (rāzhā-ye āšpazi) и отвечаем на вопросы: когда был создан канал? сколько у него сейчас просмотров? О чем свидетельствует цифра в 5.300.000 (с мая 2020

г.)? Как это связано с пандемией? Какие тут представлены традиционные основные блюда, десерты, травяные чаи, кухня народов мира и фастфуд?

3) открываем страницу канала «Готовка с Саной» (āšpazi bā sanā) и уточняем число просмотров на данный момент, пробуем обсудить такой вопрос: более 22 млн. просмотров за последние шесть с небольшим лет – это много или мало? Далее среди множества комментариев выбираем любой и переводим на русский. Затем переходим к тематическим плейлистам и принципам их составления. Например, некоторые сформированы по типу и виду блюд (лучшие салаты, оладьи, пиццы, выпечка, десерты, похлебки), другие по календарному принципу (меню на праздник самой длинной ночи в году, на иранский новый год Ноуруз, на Хэллоуин), третьи – по географическому принципу (иранская, турецкая, индийская кухня), четвертые посвящены вкусной и здоровой пище. Давайте подумаем, если мы будем создавать канал о русской кухне, какие принципы классификации используем мы?

В заключение необходимо отметить, что помимо создания позитивного настроя, тренировки аудирования и знакомства с кулинарными традициями изучаемой страны работа с таким контентом помогает сформировать навык быстрого опознавания неологизмов и заимствований, которые сейчас стремительно наполняют современное гастрономическое пространство Ирана, открытое к новым веяниям, ярким открытиям и неожиданным международным сочетаниям.

Литература

[1] ‘Alizadeh Y. Second language listening in Persian // The Routledge Handbook of second language acquisition and pedagogy of Persian. P. Shabani-Jadidi (Ed.) Abingdon-on-Thames, 2020: Routledge. Pp. 235-256.

[2] Galledāri M. Dark-e matlab-e šenidāri-ye viže-ye zabān’āmuzān-e qeyr-e irāni. Ketāb-e tamrin-e sath-e mobtadi tā pišrafte. Tehrān: Mehr’ārmin, 2008(1387).

[3] Martínez Agudo J. de D. Introduction and Overview. Emotions in Education // Emotion in Second Language Teaching: Theory, Research and Teacher education. J. de D. Martínez Agudo (ed.). Cham, Springer Nature Switzerland AG, 2018. Pp. 1-16.

[4] Nojoumian P. Using technology to Develop instructional materials for Persian using technology // The Routledge Handbook of second language acquisition and pedagogy of Persian. P. Shabani-Jadidi (Ed.). Abingdon-on-Thames, 2020. Pp. 370-387.

[5] Zarrinabadi N., Ketabi S., Tavakoli M. Directed Motivational Currents in L2. Exploring the Effects on Self and Communication. Cham, Springer Nature Switzerland AG, 2019.

Трудности усвоения числительных хинди русскоязычными студентами

Захарьин Б.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой индийской филологии

Количественные числительные хинди на основании их грамматических свойств некоторые индийские лингвисты – например, К. Гуру - включают в класс неизменяемых качественных прилагательных [Гуру 1957: 131-355132], что нежелательно, так как в отличие от прилагательных они не предполагают грамматической категории компаратива. Порядковые же числительные, регулярно производимые от количественных, вполне допустимо считать особым (количественным) подклассом в рамках класса относительных прилагательных. Функционально они почти не отличаются от прилагательных и потому здесь не рассматриваются.

Выражая значение количества лексически, количественные числительные хинди не предполагают взаимодействия с категорией числа; для них незначимы также и категории падежа и рода. Однако русскоязычные учащиеся испытывают психологического характера трудности из-за расхождений в устройстве ряда количественных числительных в русском и хинди. Так некоторые «большие числа» в хинди обозначаются п р о с т ы м и числительными, а их аналоги в русском явлены с о с т а в н ы м и единицами – ср. хинди *lākh*, но русс. «сто тысяч», хинди *karoṛ*, но русс. «десять миллионов», - и т.п. Сходной является и ситуация с дробными числительными: в хинди они представлены отдельными лексемами, тогда как в русском словосочетаниями - ср., например, хинди *paun-e*, но русс. «без (одной) четверти», хинди *savā*, но русс. «с четвертью», и т. д. Когда в тексте на хинди встречаются формулы типа *ḍʰāī lākh* (букв. «два с половиной «лакха») или *savā karoṛ* (букв. «карор» с четвертью»), русскоязычный оказывается вынужденным быстро производить в уме сложные вычисления ради итогового понимания смысла представленных выражений - как, соответственно, «250 000» и «12 500 000».

Еще бо̀льшую проблему предполагают трехчастные структуры модели «дробное числительное + количественное 1-го десятка (исключая «10») + числительное, обозначающее целое «большое число». Так, например, имея дело с выражением хинди *paun-e pāⁿc lākh* букв. «без четверти пять «лакхов», изучающие хинди русскоязычные должны прежде всего установить соответствия между хинди *lākh* и русским «сто тысяч», затем определить, что *paun-e pāⁿc* «без четверти пять» равняется «4,75», после чего связать мультипликативным типом отношений 4,75 с числом 100 000, равным *lākh* хинди, и, наконец, произведя все эти необходимые вычисления, получить в итоге искомое 475 000 [Липеровский, 1978, сс. 109 – 111]! Неслучайно поэтому русскоязычные учащиеся, с трудом «дешифрующие» подобные конструкции с количественными числительными в хинди, любыми способами пытаются избежать их употребления в речи.

Простые числительные современного хинди характеризуются неавтоматичным варьированием входящих в их состав морфов – ср., например, *tir-pan* “53” из *tīn* “3” + *pacās* “50”. По этой причине русскоязычные учащиеся вынуждены заучивать и запоминать каждое из числительных целиком, как отдельную единицу словаря, что неминуемо ведет к многочисленным ошибкам при их порождении. Этим также объясняется стремление многих пользователей к замещению простых числительных хинди их английскими аналогами.

Особые трудности такого рода возникают у русскоязычных при работе с числительными хинди, оканчивающимися на «9» и обозначающими величины от 19 до 79. Морфемное строение этих единиц предполагает комплексы из префикса *un-* «без одного» и нестандартного алломорфа числительного «круглого» десятка - типа *un-nīs* «19» из *un-* «меньший на единицу» + *bīs* «20». Дополнительные неудобства и сложности для русскоязычных пользователей появляются из-за асимметрии в строении конкретных составляющих. Так, при наличии *navve* «90» или *sau* «100», числительные для «89» или «99», вопреки ожиданиям, строятся не как **un-navve* * «без одного 90» или **un-sau* * «без одного сто» а как *navāsī* и *ninānve* соответственно. Подобная непредсказуемость, имеющая место на фоне иного морфемного строения остальных числительных на «9», создает дополнительные сложности при усвоении языка.

Русскоязычные учащиеся также нередко делают ошибки в конструкциях хинди вида «числительное + существительное-квантификатор, являющееся единицей измерения времени, + управляющий послелог». Согласно нормам грамматики хинди, в подобных контекстах числительное, не соотносящееся с категориями числа и падежа, остается неизменяемым, а существительное-квантификатор предполагает форму косвенного падежа **единственного числа.** Однако вместо последней русскоязычные пользователи в силу интерференции с родным языком нередко используют форму косвенного падежа **множественного числа,** выстраивая, к примеру, для «спустя пять недель» вместо правильной конструкции *pā^{n}c haft-**e*** (ед.ч.) *ke bād* неправильную **pā^{n}c haft-**o^n*** (мн.ч.) *ke bād* . Часть слушателей даже ошибочно пыталась и количественное числительное соединять с аффиксом косвенного падежа **множественного числа** -*o^n* , образуя в итоге вдвойне неправильную конструкцию ***pā^{n}c-**o^n*** (мн.ч.) *haft-**o^n*** (мн.ч.) *ke bād*.

Литература

[1] *Гуру, Камтапрасад*. Грамматика хинди, часть I, Москва: Издательство иностранной литературы, 1957

[2] *Липеровский В.П.* Именные части речи языка хинди, Москва: Наука, 1978

Некоторые приемы развития навыков аудирования с использованием аудио-носителей

Кириллова О.Б.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры японской филологии

Понимание на слух речи на некоторых иностранных языках весьма затруднено. Это относится в полной мере к языкам с агглютинативным строем (т.е. когда большая часть лексики представляет собой слова с открытым слогом и словообразование осуществляется путем сложения корней).

К тому же артикуляция речи на японском языке относится к пассивному типу, т.е. в отличие, например, от американского английского (активного типа) или русского (средней активности). Движение речевого аппарата в японском языке не сильно выражено. Все это заставляет японцев при речевой деятельности (в выступлениях, докладах и других формах речевой деятельности) искусственно увеличивать избыточность грамматических форм сообщений, прибегая к разным рода приемам. (Например, употреблять полные срединные формы, использовать речевые обороты с субстантиваторами, которые обладают «нулевым» смыслом). Особенно это касается официального стиля речи, когда докладчик как бы дает время слушателям осмыслить содержание сообщения. Для японского языка вообще характерны сложные предложения, как сложносочиненные, так и сложноподчиненные, т.е. японцы в полной мере используют принцип «чем длиннее высказывание, тем понятней его смысл».

Именно эта избыточность и грамматическая разреженность японского текста позволяет использовать прием развития навыков аудирования с помощью аудионосителей, о чём речь пойдет в докладе.

Целью данной методики является развитие т.н. «контекстного мышления», абсолютно необходимого при переводе с японского языка на русский (и в меньшей степени с русского на японский язык), поскольку «суггестивность», недосказанность свойственна японскому языку не в меньшей степени, чем японской поэзии и прозе, где она считается самостоятельным художественным приемом.

Данная методика применима для текстов разговорного аспекта, которые поддерживаются аудионосителями и содержат до 30% незнакомой студентам лексики.

Необходимо стимулировать студентов начинать работу с такими текстами не с пословного перевода и выяснения значения каждого отдельного незнакомого слова в словаре (как это обычно и бывает), а с прослушивания аудиозаписи с выполнением следующих заданий:

I этап. (задания первого типа)

II этап. (задания второго типа)

III этап. (задания третьего типа)

При наличии некоторых навыков структурно-грамматического анализа (хотя бы на уровне школьной программы), как правило, общий смысл текста становится понятным без привлечения словаря, что экономит время подготовки задания и служит выработке аналитических навыков при работе с текстами.

Социолингвистические аспекты обучения японскому языку

Крнета Н.Д.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры японской филологии

Владение языком подразумевает не только собственно языковые умения человека, его знание, понимание и способность перефразировать, отличить неправильные и воспроизвести грамматически и лексически правильные формы. В научной и учебной литературе помимо собственно лингвистического уровня владения языком выделяют еще и национально-культурный, энциклопедический, ситуативный уровни [Беликов, Крысин, 2017, с. 112-119]. Поэтому в современных методах обучения языкам чаще всего практикуется комплексный подход, при котором изучается не только сама система языка, но и целый комплекс культурных и общественных внеязыковых факторов, влияющих на функционирование языка в обществе. При этом экстралингвистические факторы функционируют не только на микроуровне, определяя коммуникативную ситуацию, но и на макроуровне, влияя на систему языка.

В языках мира разные экстралингвистические факторы в разной степени влияют на язык и по-разному воплощаются и отражаются в языковом материале. Поэтому в процессе изучения иностранного языка и обучения ему необходимо рассматривать и языковые подсистемы, обусловленные разницей в возрасте, поле, принадлежностью к социальной группе, речевое поведение (переключение кодов, использование вежливой речи), языковые контакты (диалекты, стандартный язык, заимствования, билингвизм), изменения в языке, обусловленные изменениями в обществе (новые диалекты, изменения нормы, неполиткорректные слова и выражения, изменения в речи мигрантов, языковая идентичность) и т.д. [Санада, Сибуя, 1993, с. 15]

В японском языке конкретный речевой акт в большой степени обусловливается, определяется и формируется множеством ситуативных переменных. Под ситуативными переменными в данной работе подразумеваем весь комплекс экстралингвистических факторов, связанных как с участниками коммуникативной ситуации, так и с обстоятельствами совершения коммуникативного акта. При этом особое внимание следует уделить распределению ролей вышестоящего и нижестоящего между участниками коммуникативного акта. Сложная иерархическая система феодального японского общества, просуществовавшая долгие столетия, оказала сильнейшее воздействие на японский язык и речевое поведение японцев [Като, 2019, с. 17-20]. Дифференциация речевого поведения в зависимости от статуса и

взаимоотношений участников коммуникативного акта наблюдается во многих языках, но выражение иерархичности отношений между участниками коммуникативного акта является факультативным, или в тех случаях, когда это необходимо для беспрепятственной коммуникации, ограниченным немногочисленными лексическими средствами. В некоторых языках, таких как японский и корейский, подобная иерархичность получила материальное воплощение в особой лексико-грамматической категории вежливости [Алпатов, 1973, с. 3-4]. Сложная трехуровневая система вежливой речи в японском языке проявляется и в языковом материале, и в неречевом поведении. Ошибки в обеих сферах рассматриваются как нарушение коммуникативного акта и могут привести к его полной несостоятельности.

В процессе обучения японскому языку следует особое внимание уделять именно этому аспекту, поскольку отсутствие подобной категории и строгих правил этикета в данной области в русском языке делает для студентов трудным само понимание важности и необходимости усвоения этих правил. При этом необходимо изучать категорию вежливости именно с точки зрения социолингвистики, а не исключительно как языковое явление. Первая ступень в изучении категории вежливости - это изучение и запоминание самих форм вежливости, а именно особых грамматических конструкций, супплетивных форм глаголов, префиксов вежливости и т.д. Данный материал отрабатывается и закрепляется стандартными методами и средствами, используемыми в обучении иностранным языкам. Более сложным представляется применение полученных знаний на практике, поскольку в этот момент начинают действовать экстралингвистические факторы.

В кратком промежутке времени до начала беседы участники коммуникативного акта на японском языке негласно распределяют роли вышестоящего и нижестоящего в данный конкретный момент времени и, исходя из этого, строят коммуникацию, выбирая подходящие по уровню вежливости языковые формы. Человеку, чуждому японской культуре, представляется сложным учесть все многообразие факторов и подобрать точно соответствующие по уровню вежливости лексические и грамматические формы. Факторы можно условно поделить на две группы: личностные и ситуационные. Личностные характеристики являются постоянными. Это в первую очередь социальное положение, возраст, пол. Ситуационные факторы включают в себя степень знакомства, степень формальности ситуации, коммуникативные намерения, обстановку (например, место) и т.д. Как видно из приведенного краткого перечня, надо владеть автоматизированным навыком быстрого определения собственного статуса и статуса собеседника в каждой конкретной ситуации. Поэтому если на начальном этапе обучения японскому языку достаточно запомнить языковые формы категории вежливости и самые простые правила (например, преимущество в беседе у собеседника, который выше по социальному положению, старше, мужчина, оказывает нам услугу, является официальным лицом и т.д.), то на среднем и продвинутом этапе обучения следует более подробно отрабатывать навык использования вежливой речи.

Самыми простыми методами являются использование учебных видео- и аудиоматериалов для повторения языковых форм и понимания на простых примерах взаимосвязи статуса участников беседы и используемых ими речевых форм. Более сложным является использование неадаптированного контента (фильмы, интервью и т.п.) с той же целью. Эффективным методом представляются и ролевые игры, в которых студенты должны использовать полученные знания самостоятельно в заданной ситуации.

Освоение системы вежливой речи как комплекса языковых элементов и экстралингвистических факторов является необходимым условием для полноценного освоения японского языка. В то же время оно дает и лучшее понимание устройства японского общества.

Литература

[1] *Алпатов В.М.* Категории вежливости в современном японском языке. Москва: Наука, 1973

[2] *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика. Москва: Юрайт, 2017.

[3] *Като. С.* Гэнгогаку ко:ги. Соно кигэн то мирай [Лекции по лингвистике. Истоки и будущее]. Япония: Тикумасинсё, 2019.

[4] *Санада С., Сибуя К. и др.* Сякайгэнгогаку [Социолингвистика]. Япония: Офуся, 1993.

К вопросу о методике преподавания аудирования у студентов-арабистов 2-го курса ИСАА

Налич М.С.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры арабской филологии

Аудирование наряду с чтением, письмом и говорением является одним из основных навыков при изучении иностранного языка. Компетенции выпускника, у которого в процессе учебы не был в достаточной степени развит этот навык, будут сильно ограничены только письменным общением и переводом. Овладение навыком аудирования при изучении арабского языка (далее АЯ) осложняется диглоссией, то есть делением АЯ на литературный арабский язык (в англоязычной традиции его называют Modern Standard Arabic) и региональные диалекты.

На кафедре арабской филологии ИСАА аудирование как отдельный аспект вводится уже во втором семестре 1-го года обучения и продолжается в разных формах вплоть до магистратуры. Опыт ведения этого аспекта на разных уровнях позволяет мне сделать вывод о том, что преподавание аудирования на 2-м курсе имеет ряд особенностей, если не сказать трудностей. Причем трудностей как в усвоении этого навыка студентами, так и для преподавателя. Я хочу поделиться

личным опытом по преодолению этих трудностей и своей методикой проведения занятий по аудированию у студентов 2-го курса ИСАА.

Трудности состоят в том, что у студентов 2-го курса еще плохо развит навык восприятия на слух звучащей речи, у них ограниченный словарный запас и почти отсутствуют фоновые знания по страноведению. Поэтому, проводя занятия по аудированию, мы ставим следующие задачи: развивать навык восприятия звучащей речи как на литературном АЯ, так и, по возможности, на региональных диалектах, развивать навык перевода, расширять знания студентов о социально-политической, экономической и культурной ситуации в арабских странах, о региональных конфликтах и проблемах.

В качестве источника материалов для занятий по аудированию используются новости общеарабских телеканалов ал-Джазира и ал-Арабийя. Такой выбор обусловлен тем, что именно информационные сообщения представляют собой краткий (от 30 секунд до 1,5-2 мин) текст, содержащий целую историю. Давать учащимся в начале 2-го курса задание по аудированию на базе длинных интервью, документальных фильмов или тематических программ, на мой взгляд, не имеет смысла, так как такой видеоролик придется делить на части и работать с ним несколько недель, а за это время студенты уже могут утратить к теме интерес, а вслед за ним и мотивацию к выполнению задания.

Виды работы с аудированием меняются в течение 2-го курса. Студенты получают задание по электронной почте и выполняют его дома, а в классе мы устно проверяем результаты работы. В 1-м семестре студенты получают арабский текст информационного сообщения с пропущенными словами, которые им нужно вычленить на слух и вписать, а затем перевести все сообщение. На данном этапе обучения задание «заполни пропуски» является оптимальным видом работы, потому что построено на произвольном внимании, которые мы вызываем у студентов. Они соотносят звучащую речь с напечатанным текстом, и все их внимание направлено на распознавание отсутствующей лексической единицы. При этом в заданиях в начале учебного года я всегда пропускаю только знакомые студентам слова. Услышав и распознав знакомое слово, студент испытывает радость узнавания, что является хорошим стимулом для дальнейшей работы. И видимо, не случайно, что с заданием «заполни пропуски» справляются даже студенты с плохой академической успеваемостью.

Во 2-м семестре вид работы меняется. Теперь студенты получают видеоролик, а к нему следующие задания: 1) выделить на слух в видеофайле и выписать арабские эквиваленты выражениям, которые даны на русском языке; 2) перевести на русский язык арабские выражения из видео; 3) ответить на вопросы по видеоролику и перевести ответы на русский язык. Этот тип работы сложнее, чем первый, но он имеет большую практическую пользу, и студентам нравится смена вида деятельности.

Что касается тематики видеоматериалов, то при подборе новостей я отдаю предпочтение актуальным событиям в арабских странах, а также отношениям

между Россией и арабскими государствами. Продолжительность роликов, которые студенты прорабатывают, в течение учебного года также возрастает в 2-3 раза.

Таким образом, за год студенты совершают значительный прогресс в понимании арабских текстов общественно-политической и общеэкономической тематики и готовы к заданиям более высокой сложности, которые ждут их на третьем курсе.

Социальные сети и онлайн платформы в работе кафедры арабской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Налич М.С[1], Налич Т.С[2], Осипова К.Т[3]

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, кафедра арабской филологии,[1]старший преподаватель,[2,3]доцент

Социальные сети и обучающие онлайн-платформы вошли в преподавание в начале 2000-х гг. в связи с тем, что соцсети перехватили у телевидения внимание молодежи, став не только средством общения, но также и источником информации и развлечения, а в РФ стало активно внедряться дистанционное образование.

Однако именно после начала пандемии коронавируса и перехода вузов на дистанционное обучение в марте 2020 г. социальные сети и онлайн-платформы стали неотъемлемой частью преподавания.

В январе 2020 г. на заседании кафедры арабской филологии было принято решение о создании страниц (аккаунтов) кафедры в соцсетях с целью:

- информировать о мероприятиях - олимпиадах и конкурсах по арабскому языку, научных конференциях, заседаниях Арабского клуба;
- рассказывать о кафедре - её истории, преподавателях, публикациях.

Первоначально публикации на страницах кафедры в соцсетях были ориентированы на студентов-арабистов ИСАА МГУ и абитуриентов, но довольно быстро стало понятно, что аудитория страниц гораздо шире - студенты других вузов, выпускники института, просто любители арабского языка и литературы - и было принято решение дополнить страницы публикациями об арабском языке, литературе и культуре. Это привлекло на страницы дополнительных подписчиков и дало возможность распространять информацию об институте и анонсы мероприятий на более широкую аудиторию.

Отдельно необходимо сказать об Арабском клубе. Первоначально он задумывался как место встречи арабистов выпускников ИСАА и студентов для, если так можно выразиться, профориентации последних. Но чуть позже мы добавили еще одно направление - лекции по различным аспектам арабской культуры. Когда в марте 2020 г. встречи переместились в онлайн и появилась возможность их записывать, было принято решение выкладывать видео этих встреч.

Первое направление деятельности Арабского клуба кафедры арабской филологии ИСАА - встречи с выпускниками института, которые работают с арабским языком в разных сферах. Цель данных встреч – познакомить студентов и аспирантов со сферами деятельности, в которых они могут применить полученные в процессе учебы знания и компетенции. Изначально цикл встреч был задуман как очный, и первая встреча – с журналисткой ИД Коммерсант Марианной Беленькой - прошла в феврале 2020 г. Однако после начала пандемии и запрета на проведение массовых мероприятий Арабский клуб перевел встречи с выпускниками на онлайн-платформы (мы используем zoom). Но даже после возвращения к очной форме обучения было решено проводить встречи онлайн, так как оказалось, что они интересны не только нашим студентам и аспирантам, но и учащимся других учебных заведений, а также выпускникам. За 2 года существования Арабского клуба его гостями стали журналистка, дипломат, директор одного из институтов РАН, переводчик-синхронист, торговый представитель РФ, представитель Россотрудничества, научный сотрудник, дизайнер Большого египетского музея и другие выпускники. Гости не только рассказывали о своем трудовом пути после окончания учебы, но давали практические советы и делились своими соображениями о новых навыках и компетенциях, которые необходимы выпускнику-арабисту на рынке труда сегодня. Очень важно, что студенты с удовольствием слушают выпускников и имеют возможность уже в процессе учебы выбрать направление, в котором будут работать и развиваться после выпуска из ИСАА.

Другим важным направлением Арабского клуба стал онлайн-лекторий. Это серия открытых научно-популярных лекций о самых разных аспектах арабской культуры: от филологии до кинематографа. Так, цикл стартовал с увлекательного рассказа профессора Нью-Йоркского Университета в Абу-Даби М.А. Померанца об одном из самых оригинальных жанров арабской литературы - макамах. Ученый рассказал, как длительные исследования в области зрелой классики позволяют понять и прочувствовать тот отдаленный мир. Посетители лектория Арабского клуба также с интересом слушали лекции о жанрах и особенностях сирийского телесериала, о направлениях изучения арабской диалектологии, об истории распространения ислама в России, а также об арабо-христианском литературном наследии.

В настоящем докладе мы делимся опытом создания научно-популярного контента в социальных сетях для повышения эффективности преподавания и поддержания интереса студентов к изучению арабского языка и литературы.

К вопросу об обучении письменному переводу

Нечаева Л.Т.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий лабораторией «Восточные языки в средней школе»

Проблема обучения переводу с японского языка на русский очень важная при обучении в бакалавриате, так как в магистратуру идут отнюдь не все студенты, а переводить должны уметь все выпускники вуза.

На японской кафедре обучение переводу выделено в отдельные специальные занятия на 3-м и 4-м курсах обучения.

Задача преподавателя – подготовить специалиста, способного понять и выразить средствами русского языка содержание японского текста общего содержания.

Уже на 1-м курсе мы учим переводить тексты уроков, объясняя, что первый этап понимания – определение синтаксической структуры текста, поскольку смысловая структура текста обусловлена и находит отражение в логико-синтаксической структуре системы взаимосвязанных предложений, образующих текст и расположенных в виде речевой цепи. Как этому учить? Постепенно, переходя от простых текстов к сложным.

На 1-3 курсах обычно в задания занятия включается перевод текста из учебников, а во 2-м семестре 3-го курса уже начинается письменный перевод статей из газет.

Процесс обучения переводу начинается с процесса чтения, и здесь очень важно научить студента находить ориентиры, помогающие пониманию текста. Понимание облегчается, если в процессе чтения читающий знает, на какие структурные единицы следует обращать внимание. Обладание определенными умениями при чтении облегчает понимание текста. К таким умениям можно отнести умение находить формальные показатели связи между предложениями, умения лексико-грамматической ориентации в тексте и др.

В письменном тексте выделяются простые и сложные предложения, группы предложений, сверхфразовые единства, что происходит в результате понимания синтагматических и парадигматических связей элементов текста. Очень трудно понять отдельно взятое предложение вне его окружения. Понять смысл предложений, составляющих текст, значит понять не только их последовательность, определенную языковыми показателями, но и понять ассоциативные отношения, присутствующие в тексте. Это определяет две группы трудностей, возникающих в процессе чтения текста. Одна группа связана с эксплицитно выраженными связями между элементами высказываний, другая - с имплицитно выраженными отношениями между высказываниями.

Недооценка этих трудностей приводит к логическим провалам, пропускам, фактическим ошибкам в понимании читаемого. Рассмотрим эти трудности подробнее.

Синтаксическая структура японского предложения имеет ряд особенностей. Это - употребление сказуемого в конце предложения, особый порядок слов, который является одним из основных средств выражения тема-рематического членения предложения. Это всё таит в себе существенные трудности при восприятии читаемого. Употребление сказуемого в конце предложения снижает обозримость предложения и требует от русскоязычного читателя дополнительных усилий при осмыслении читаемого.

Особое внимание следует обращать на обучение переводу определительных предложений, поскольку, в отличие от русского языка, в японском языке единственным показателем того, что предложение является определительным, является примыкание к определяемому слову. Тогда как на русский язык необходимо научить переводить всеми возможными способами соединения определительных предложений. Особенно трудно студентам даются переводы с употреблением союзов где, куда, когда, кто и т.д.

Мерой сложности предложений служит глубина структуры конкретного предложения, что зависит от тематического наполнения, от эмоциональной насыщенности, от объема и характера памяти студента. Развертывание предложения может происходить за счет употребления однородных членов, определений к разным членам предложения и т.д.

Определенные трудности при восприятии текста вызывают сложноподчиненные предложения с разветвленной и многоступенчатой системой придаточных предложений; сложносочиненные предложения с большим количеством составляющих его предложений и усложненной структурой последних

Сложным синтаксисом японского языка определяется необходимость формирования у читателя умений преодоления трудностей, связанных с построением японского текста: умений грамматической антиципации (предвидения), умений определять различия в коммуникативном значении предложений, выявлять семантические связи между предложениями, членить их на смысловые отрезки, находить ключевые слова, отражающие тему высказывания.

Таким образом, преодоление трудностей восприятия литературных текстов, обусловленных их синтактико-стилистическими особенностями, предполагает становление специфических умений обучаемых. Развитию этих умений могут способствовать методические приемы, адекватные природе формируемых умений и ориентирующие на:

— распознавание средств внутритекстовой связи предложений;

— выявление ключевых слов и словосочетаний, отражающих тему высказывания;

— нахождение грамматических показателей, облегчающих поиск структурных ориентиров;

— определение логических связей текста (сходства, различия, причины, следствия, координации и т.д.).

Преодолевая грамматические трудности, расширяя лексический словарь, студенты учатся переводить.

В настоящее время возникла проблема использования компьютерного переводчика. Студенты стараются облегчить себе жизнь, переводя с использованием компьютерных переводчиков. Как с этим справиться преподавателю?

Писать, чтобы говорить: обучение техникам написания коротких текстов на арабском языке

Осипова К.Т.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры арабской филологии

В современной повседневной жизни умение лаконично, выразительно и доходчиво выражать свою точку зрения востребовано как никогда: в личной переписке, публикациях в соцсетях, в составлении текста устного выступления или презентации деловых проектов и т.д. Известно, что навык написания логично структурированных текстов полезен и для совершенствования высшей формы говорения – навыка инициативной речи.

Особенно актуален письменный аспект и системное обучение техникам написания коротких текстов на продвинутом этапе обучения восточному языку в магистратуре, подразумевающем профессиональное владение языком.

Темой данного доклада станет навык написания короткого текста. В качестве примера выбрано эссе, т.е. сочинение небольшого объема и свободной композиции, которое выражает личную позицию автора по конкретному вопросу. На материале разных заданий я поделюсь своим опытом разработки модели последовательной работы над формированием и развитием данного навыка.

Процесс обучения построен от простого к сложному: от обосновывающего сообщения в стиле поста для соцсетей к комментирующему эссе на предложенную тему по прочитанному произведению современной арабской прозы.

В начале работы с каждым видом эссе обучающимся предлагается изучить ряд аутентичных образцов и выполнить задания: определить тип текста (описательный, иллюстративный, комментирующий, обосновывающий) и его функцию (информативная, экспрессивная, оперативная), выделить языковые особенности, понять логику изложения материала, при наличии обратить внимание на структурно-языковую специфику материала.

Далее студентам предлагается написать собственный текст на любую волнующую тему. Последовательность организации работы выглядит следующим образом:

- определить цель высказывания и тип эссе;
- продумать способ изложения информации и логику аргументации;
- в случае описательного типа эссе определить сенсорные образы;
- выписать ключевые лексические единицы;
- продумать языковые опоры, т.е. конструкции, оформляющие смысловую связанность текста;
- написать и проверить текст.

Как любая форма письменного или устного общения, улучшение навыка письма требует большой практики. Систематическая работа подобного рода помогает лучше структурировать мысли, выработать индивидуальный подход к

совершенствованию навыка в дальнейшем обучении, настраивает на постоянный поиск оптимальных лексических единиц, в том числе и в устной речи.

Литература

[1] Никуличева Д.Б. Говорим, читаем, пишем: лингвистические и психологические стратегии полиглотов: учеб.-метод. пособие. М.: Флинта, 2018.
[2] Lahlali M. How to Write in Arabic: Developing Your Academic Writing Style. Edinburgh University Press, 2021.
[3] Mullan, J. How Novels Work. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Вопросы стилистики при преподавании аспекта "перевод газеты"

Румак Н.Г.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры японской филологии

Аспект «перевод газеты» вводится для обучающихся японскому языку с пятого семестра, так как только к этому моменту студенты набирают достаточный лексико-иероглифический запас, позволяющий им осваивать аутентичный материал (как правило, со словарем, хотя некоторые материалы можно также читать и переводить «с листа»).

При обучении переводу газетных текстов упор делается на знакомство со структурой газетной статьи, на освоение лексики общественно-политической и экономической тематики, а также на общие вопросы перевода – в первую очередь, на непривычный для русскоговорящих студентов синтаксис японской фразы, что представляет главную проблему перевода.

Адаптированные тексты учебников и учебных пособий, предлагаемые студентам в 1-4 семестрах, не позволяют в полной мере проработать все сложности, связанные с построением японской фразы, и выработать у студентов необходимые навыки, поэтому при работе с японской газетой зачастую эти вопросы приходится изучать и тренировать «с нуля». Необходимо снова акцентировать внимание обучающихся на построении японской фразы, где сказуемое расположено в конце, а лексема, оформленная именительным падежом, далеко не всегда является подлежащим главного предложения.

Для знакомства со структурой японской газетной статьи представляется целесообразным использовать японские пособия, в частности, «Ко:сэй, токутё:, бунъя-кара манабу симбун-но доккай» («Чтение и понимание газет, изучаемое по структуре, особенностям и областям») [3]. Пособие состоит из двенадцати уроков, каждый из которых посвящён отдельной теме: структуре газетной статьи, отдельным её частям (заголовок, лид, основной текст), особенностям подборок статей на одну тему (первичная и дополнительная информация), особенностям заголовков, а также статьям различной тематики (политическим, экономическим, социальным и т.п.).

Кроме теоретического материала, проиллюстрированного примерами из конкретных статей, учебник также снабжён подборкой аутентичных газетных

текстов, которые предлагается проработать в соответствии с темами уроков, выполняя конкретные задания. Предлагаются упражнения на определение главной темы материала, на установление ключевых слов и выражений заголовков и подзаголовков и идентификацию их в тексте статьи, на сравнение первичной информации и информации, появляющейся в дальнейшем, на сравнение нескольких статей на одну и ту же тематику с разных газетных полос и т.п.

Для отработки тематической лексики можно использовать пособие Н. В. Раздорской «Читаем и переводим японскую газету» [1]. Пособие разделено на тематические уроки, посвящённые экономическим проблемам, международным визитам, военному сотрудничеству, вопросам безопасности и так далее. В каждом уроке есть несколько текстов, предваряющихся не только словарём, но и упражнениями, в которых нужно а) прочитать выражения и найти подходящий перевод на русский язык; б) перевести выражения на русский язык; в) сказать по-японски. После текста также следуют задания на закрепление материала. Кроме того, на занятиях можно периодически устраивать диктанты, используя как слова и выражения из уже изученных газетных текстов (преподаватель может давать такие единицы списком после работы с конкретным текстом), так и выражения из упражнений пособия.

Для ознакомления учащихся с актуальной лексикой можно также использовать тексты из японских учебников для средней школы, например, «Атарасий ко:мин кё:касё» («Новый учебник для граждан») [2]. В этом учебнике в сравнительно простой форме (студенты третьего курса ИСАА МГУ, как правило, способны читать эти тексты с листа) изложены основные особенности политического устройства Японии, поэтому по возможности эти тексты также можно предлагать учащимся для ознакомления.

Однако синтаксические и лексические сложности аутентичных материалов – не единственная проблема при переводе газетных текстов. Часто в процессе проверки домашних заданий (то есть подготовленных переводов) обнаруживается недостаточно высокий уровень владения русским языком, в особенности – стилистикой именно газетного текста. Во многом этот уровень зависит от степени начитанности студента, однако в процессе занятий представляется возможным и целесообразным отрабатывать и этот навык.

Для этого можно предложить не только обращать внимание студентов на допущенные ошибки в согласовании, лексической сочетаемости единиц, выборе соответствующей лексемы (например, с нейтральной или, наоборот, с эмоциональной окраской), но и в небольших объемах вводить теоретические знания о функциональных стилях, об особенностях не только японских, но и русскоязычных газетных текстов, строении статей, формировании заголовков и т.п.

Литература

[1] Раздорская Н. В. Читаем и переводим японскую газету: пособие по работе с японскими газетными текстами общественно-политической тематики (начальный этап обучения). – Москва, АСТ; Восток-Запад, 2006.

[2] Сугихара С. и др. Атарасий ко:мин кё:касё – тю:гаку сякай. – Токио, изд-во Дзию:ся, 2011.
[3] Утида Я. и др. Ко:сэй, токутё:, бунъя-кара манабу симбун-но доккай. – Токио, Сури:э:-нэттова:ку. 2008.

Лингвопрагматические особенности заголовка современного медиатекста в китайских СМИ и проблема обучения его восприятию (на материале заголовков интернет-версий газеты Хуанцю Шибо)

Юй Цзе
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры китайской филологии

Рассмотрению лингвистического аспекта заголовка в СМИ посвящено немалое количество исследований. Большинство ученых склонны к выделению основных трех функций заголовка газетного текста: номинативно-информационную, воздействующую и рекламную [1], которые на наш взгляд также находят отражение в заголовках китайской прессы как печатной, так и ее интернет-версий. При этом существует значительная разница между заголовками одного и того же текста в его различных носителях – бумажных и цифровых.

Сравнительно большая автономность и лингвопрагматическая специфика заголовка электронного издания проявляются в лексике и синтаксисе, а также в стилистике с целью усиления функций воздействия и рекламирования. Отобранный нами методом сплошной и случайной выборки материала из газеты Хуаньцю Шибо (газета «Мировое время»), представляющей собой китайскую ежедневную газету, таблоид, показывает, что если в печатном тексте можно встретить три типа синтаксических структурных образований – простое предложение как простой заголовок, сложное предложение как усложненный заголовок и группа предложений как заголовочный комплекс, состоящий из надзаголовка и главного заголовка либо из главного заголовка и подзаголовка или даже из трех компонентов (надзаголовка, главного заголовка и подзаголовка), то электронный заголовок из-за отсутствия эффекта графического варьирования и пространственного расположения строится по линейному последовательному расположению без обязательной семантико-синтаксической иерархии, проявляя больше свободы в словоупотреблении и выражении синтаксической модальности.

Например, в бумажной газете от 8 числа февраля 2022 г. была напечатана статья с заголовком «Ласточка возвращается», Вивас снова критикует Запад за очернение Синьцзяна» (《燕子归来》，维瓦斯再批西方抹黑新疆), а та же самая статья в тот же день была размещена под аккаунтом газеты на платформе самой популярной социальной соцсети Вичат (WeChat) с другим заголовком-цитатой «Для меня они просто кучка негодяев и хулиганов» (“在我看来他们只是一群无赖和流氓”). Очевидно, что заголовок традиционной прессы

придерживается сочетания в себе объективного наименования ситуации и выражения оценочной позиции автора, а заголовок интернет-текста передает лишь осуждение, не сообщив никакой фактической информации, зато вызывает любопытство у пользователя информационного сервиса. Кроме того, ярко выраженная стилистическая окраска лексики второго варианта, свойственная устной речи, оказывает воздействие на психологию реципиента, что тоже является популярным методом привлечения внимания читателя.

Вот еще пример: заголовочный комплекс в бумажной газете от 17 февраля 2022 г., который состоит из надзаголовка «Правительственные ведомства приспустили государственный флаг, Моди лично присутствовал на похоронах» (**政府部**门降半旗，莫迪亲自去葬礼) и главного заголовка « «Соловей» улетел, Индия скорбит по всей стране» (“**夜**莺”飞走，印度举国哀悼). Поскольку заголовочный комплекс вместе с фотографией располагается над текстом в центре полосы газеты, читатель может моментально понять, что речь идет об общенациональном трауре в Индии из-за смерти певицы Латы Мангешкар. Причем языковое выражение заголовочного комплекса придерживается классического стиля речи, соблюдает принцип строгости и симметричности синтаксической конструкции и фонетически рифмованного каждого простого предложения, входящего в состав комплекса. Лексика также отличается сдержанностью и изяществом. В отличие от этого традиционного медиасредства электронная версия составлена весьма кратко и тематически не понятно: «Индия приспустила государственный флаг» (**印度降半旗**) в виде хедлайн-гиперссылки на телефонном приложении Вичат. Думается, что автор данного заголовка рассчитывал на то, что именно непонимание и любопытство толкает читателя нажать на гиперссылку и читать полный текст.

Для преподавателя китайского языка в иностранной аудитории представляют особый интерес такие заголовки, которые можно характеризовать как интригующие, пугающие, ошеломляющие, скандальные, игривые или интимные, с употреблением разговорно-фамильярной лексики и арго в качестве эмоционально-экспрессивной оценочной лексики, что не является популярным приемом создания заголовка российской прессы. Соответственно возникают трудности при их восприятии и переводе на русский язык. Например, заголовок «Приваривайте Ван Мэна к столу для комментаторов» (**把王濛**给我焊死在解说席上) (публикация Хуаньцю Шибао на платформе Вичат от 06. 02. 2022 г.) может показаться русским читателем крайне странным и непонятным, но вызвать у китайского читателя сильное восхищение.

Стоит отметить еще один сложный момент в восприятии китайских заголовков, в составе которых употребляются нормативные слова, не содержащие в своей семантике социально-оценочных элементов, хотя в контексте эти слова могут приобретать социально-оценочную окраску. К примеру, «С начала Зимней Олимпиады я съел около 200 пельменей» (**冬奥会以来我大**约吃了 200 **个**饺子) (публикация на Вичат от 08.02.2022 г.); «Мальтийский

спортсмен, единственный приехавший на зимние Олимпийские игры в Пекин, ел пирожок со сладкой начинкой из красного гороха прямо на поле!» (独闯北京冬奥会的马耳他运动员，竟在赛场上吃起了豆沙包！) (Публикация 09.02.2022 г.) Для того, чтобы постичь истинный смысл этих двух простых китайских заголовков, нужно не только знать важность еды в повседневной жизни китайцев, но и то, что сегодня китайскую еду осознанно пропагандируют как бренд китайской культуры по всему миру. Адекватное восприятие такого типа заголовков и их определенного психологического эффекта возможно только при наличии соответствующих знаний не только языка, а также жизни и культуры народа, говорящего на этом языке.

Литература

[1] Мосиенко Л. В. Стилистические и лингвистические особенности газетного текста [Электронный ресурс]. URL: http://www.ffosu.net/nauka/mosienko1.html (дата обращения: 05.03.2022).

Особенности проведения олимпиад по турецкому языку в дистанционном формате: проблемы и решения ***Е.А. Оганова***

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры тюркской филологии

Современные реалии жизни (прежде всего, пандемия новой коронавирусной инфекции) и стремительный технологический рост в первых десятилетиях XXI века привел к тому, что образовательный процесс во многом переместился в интернет-пространство, а также приобрел иные формы дистанционного взаимодействия преподавателя и обучающегося.

Такой формат обучения, несомненно, имеет как свои плюсы, так и минусы, что особенно в последние два года неоднократно обсуждалось преподавателями и разработчиками методик преподавания иностранных языков.

К одним из минусов данного формата относится сложность отслеживания «прозрачности» выполнения заданий, наличие устройств и программ, способных за максимально короткий срок «помочь» с выполнением заданий, в том числе и связанных с иностранными языками. Особо актуально этот вопрос стоит в связи с проведением олимпиад и им подобных конкурсов, где «прозрачность» выполнения заданий играет ключевую роль в справедливом определении победителей.

В данном докладе демонстрируются типы возможных заданий на олимпиадах по турецкому языку, которые ориентированы на максимально самостоятельное выполнение заданий участником конкурса, и сведения к минимуму «помощи» со стороны интернет- и прочих ресурсов. Так, среди описываемых типов заданий есть перифраз, грамматические задания на грамматику по поиску правильных/неправильных вариантов перевода, задания на поиск ошибок, если они есть, задания на подбор слов и словосочетаний в нужной грамматической форме и т.д. Все эти задания невозможно выполнить, прибегая к помощи внешних источников информации.

Данные типы заданий могут быть применимы и к другим восточным языкам.

ЮНЕСКО в арабском регионе в пандемийный и постпандемийный периоды (на примере Иордании, Ирака, Ливана, Палестины)

Арсанова Т.Е.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры арабской филологии, tat.evg.iaas@yandex.ru

Опубликованные за годы деятельности отчеты ЮНЕСКО в области образования свидетельствуют о том, что арабское направление в работе организации остается приоритетным, что объясняется значением образовательной составляющей в социально-экономическом и культурном развитии любого государства. Об этом свидетельствует и контент-анализ опубликованных отчетов. Данная тенденция сохраняется в пандемийный и постпандемийный периоды.

Современные задачи в области образования связаны с его доступностью, совершенствованием структуры непрерывного образования, диверсификацией и гибкостью высшего образования, внедрением различных систем обучения с помощью современных информационных технологий. Исследуя взаимосвязь образования и экономики, мы отмечаем потребность в качественном образовании и высококвалифицированных специалистах, от чего зависят технологический и экономический рост.

Самыми острыми для рассматриваемого региона остаются проблемы доступности и качества образования, его фундаментальности и специализированности. Поэтому программа модернизации образования Ближнего Востока должна быть ориентирована на социально-экономические и политические потребности современного развития – это и внедрение современных образовательных технологий, и выявление лучших стандартов образования, и обеспечение возможности получения качественного образования независимо от места жительства.

COVID-19 нанес всем направлениям образования глобальный урон по всему миру. В период после COVID скорее всего произойдут значительные социальные и экономические преобразования, и в сфере образования и профессиональной подготовки снова придется реагировать на эти новые реальности и вызовы. Образование должно быть важнейшим компонентом планирования и финансирования восстановления жизнедеятельности после пандемии, чтобы вносить значительный вклад в формирование устойчивых, гибких и инклюзивных обществ и экономик. В подтверждение выдвинутых тезисов прилагается прикладной анализ по ситуации в странах региона: например, ЮНЕСКО в соответствии с Целью 4 в области устойчивого развития, касающейся обеспечения качественного образования, поддерживает правительство Иордании в обеспечении справедливой непрерывности образования. Эта техническая поддержка полностью согласована с различными

национальными политиками и стратегиями, такими как Национальный стратегический план высшего образования (2019-2021 гг.), Национальная стратегия развития человеческих ресурсов (2016-2025 гг.). ЮНЕСКО, Министерство высшего образования и научных исследований (MoHESR) и Германское агентство международного сотрудничества (GIZ) выступили с инициативой «Укрепление национального потенциала» по развитию и обеспечению качественного электронного обучения в высших учебных заведениях Иордании». В частности, ЮНЕСКО в рамках партнерства с MoHESR и GIZ сосредоточила внимание на следующих приоритетных областях: «Повышение стандартов преподавания и обучения в высших учебных заведениях до уровня, которого ожидают от лучших современных университетов» и «Интеграция технологий в высшее образование для повышения качества и актуальности образовательных результатов».

Так, например, с 1 февраля 2021 г. в Ираке был введен в действие Квалификационный паспорт ЮНЕСКО (UQP) с целью использования проектов UQP в области высшего образования по обеспечению инклюзивного качественного образования и содействию обучению на протяжении всей жизни, обеспечению «равного доступа ко всем уровням образования и профессиональной подготовки для уязвимых лиц» (ЦУР 4.5) и обеспечению «равного доступа для всех женщин и мужчин к недорогому и качественному техническому, профессиональному и высшему образованию, включая университетское» (ЦУР 4.3). Также в марте 2021 г. была утверждена Система технических и профессиональных квалификаций для Ирака, что важно для модернизации TVET в Ираке и, следовательно, улучшения перспектив занятости молодежи и укрепления экономики.

ЮНЕСКО и Центр гуманитарной помощи и содействия короля Салмана (KSRelief) в Ливане запустили проект, который направлен на поддержку учителей путем наращивания их потенциала в области дистанционного обучения посредством создания этой онлайн-платформы для самообучения. Данный проект содержит онлайн-курсы, ориентированные на преподавателей для поддержки их профессионального развития в различных областях образования, включая дистанционное обучение, инклюзивное образование и обучение на протяжении всей жизни. В целом он будет развивать систему образования с использованием ИКТ в Ливане, повышая ее готовность к кризисным ситуациям и способствуя продвижению справедливого и инклюзивного дистанционного образования при одновременном укреплении устойчивости национальной системы образования.

Важным направлением остается деятельность по сохранению гендерных норм и создание необходимых инклюзивных программ, законов, пространств и диалогов.

Министерство образования в Палестине разработало Национальный план ответных мер для смягчения воздействия COVID-19 на учащихся с помощью дистанционного обучения, чтобы обеспечить предоставление образования с помощью телетрансляций и Интернета. Национальный план ответных действий

в настоящее время реализуется при поддержке Бюро ЮНЕСКО в Палестине вместе с ключевыми партнерами в области образования, включая БАПОР, «Спасите детей» и ЮНИСЕФ. ЮНЕСКО поддерживает разработку электронной платформы Министерства образования Палестины, известной как «Таммал», одновременно обновляя веб-сайт Министерства образования в Палестине.

Деятельность организации в арабских странах особенно важна как с точки зрения их геополитического расположения, так и с учетом продолжающегося роста численности их населения.

Литература

[1] https://ar.unesco.org/fieldoffice/amman
[2] https://ar.unesco.org/fieldoffice/baghdad
[3] https://ar.unesco.org/fieldoffice/beirut
[4] https://ar.unesco.org/fieldoffice/ramallah

Позиция Германии в сирийском вопросе на современном этапе

Ахтамзян Н.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, ст.н.с. кафедры политологии Востока

Германия стремится играть важную роль в разрешении сирийского кризиса, хотя понимает и осуществляет ее в рамках и по шаблонам антиигиловской коалиции во главе с США. Политика в этом вопросе, проводимая немецким Министерством иностранных дел под руководством Х.Мааса (2018-2021 гг.) и А.Бербок (в настоящее время), осуществляется по нескольким направлениям – финансирование международных организаций и гуманитарная помощь, прием беженцев в Германии (совместно с министерством по делам беженцев), политико-правовое сопровождение процесса.

Использование вооруженных сил ФРГ за рубежом (сфера деятельности министерства обороны) не имеет прочной (однозначной) законодательной базы: в середине 1990-х годов сняты конституционные ограничения («для обеспечения обороны Германии»), необязательным стал мандат ООН или ОБСЕ (на участие в миротворческих операциях или оказания гуманитарной помощи). Позицию Германии точно характеризует оценка: «Возможная политическая поддержка без военного участия» [2]. Берлин оправдывает бомбардировки («ограниченное нападение») позиций сирийских вооруженных сил Соединенными Штатами и их союзниками (в апреле 2018 г., в феврале 2021 г.) – для демонстрации единства союзников по коалиции и оказания давления на Россию.

Любое возможное применение бундесвера в других странах в каждом конкретном случае требует утверждения немецким парламентом (бундестагом). А это непросто, так как вызывает беспокойство немецких граждан, дискуссию в обществе, протесты левых сил. Фактически Германия участвует в военных операциях НАТО под руководством США в рамках борьбы с терроризмом, в

частности с Исламским государством (ИГ) и Аль-Каидой (Афганистан, Ирак). Германия участвует силами авиации: это заправка самолетов и транспортировка грузов, радиолокация и аэрофотосъемка. В январе 2022 г. срок действия мандата на использование ВС Германии для борьбы с ИГ в Ираке продлен до конца октября этого года. Но новый министр иностранных дел А. Бербок (от партии Зеленых) уже агитирует за внесение в него изменений, а именно – признания Сирии районом боевых действий.

Вопрос о возможном использовании бундесвера в Сирии уже приводил в октябре 2019 г. к конфликту между двумя ведомствами – военным и дипломатическимени Возмущение и раздражение тогдашнего министра иностранных дел Х. Мааса (от СДПГ) вызвало «преждевременное и несогласованное» заявление нового министра обороны ФРГ А. Крамп-Карренбауэр (от партии ХДС), которое она собиралась обсудить на встрече министров обороны НАТО в Брюсселе. Якобы, «восстановление разрушенного региона создаст предпосылки для добровольного возвращения беженцев» [1].

По словам спецпредставителя ООН по Сирии Г. Педерсена, за 11 лет конфликта в Сирии, по оценкам, убито около 500 тыс. человек, 6 млн. человек перемещены внутри своей страны, еще 6,5 млн. беженцев находятся в соседних странах; в целом 14 млн. человек нуждаются в помощи – максимальное количество с начала конфликта [1].

Своей самой большой заслугой и вкладом в «стабилизацию» ситуации и «подготовкой для политического решения конфликта» Германия считает финансирование международных (под эгидой ООН) и локальных неправительственных организаций, оказывающих помощь беженцам и перемещенным лицам в Сирии, соседним странам (Ливан, Турция), принявшим у себя беженцев, а также собственную гуманитарную помощь. Германия является «вторым по величине донором и играет передовую роль» в Сирии.

На конференции доноров для Сирии в марте 2021 г. Германия предложила 1,7 млрд. евро помощи: 1,1 млрд. поступит из бюджета министерства экономического сотрудничества и развития, 625 млн. – из средств гуманитарной помощи и остальные 40 млн. – из стабилизационных средств МИДа. Эти средства пошли на поддержку Всемирной продовольственной программы (170 млн. евро), на поддержку сирийских беженцев в соседних странах (147 млн. евро). Организации «Save the Children» («Спасите детей») МИД Германии выделил с 2019 г. около 5 млн. евро. В результате только в 2021 г. Германия предоставила около 2,6 млрд. евро. Всего же с 2011 г. Германия выделила на помощь Сирии и соседним с ней странам 10 млрд. евро, в т.ч. 4,4 млрд. – на гуманитарную помощь [1].

Особый интерес вызывают у немецкого МИДа два региона, находящиеся под контролем НАТО – северо-запад и северо-восток Сирии. На северо-западе страны находится Идлиб – последнее прибежище «сирийской оппозиции», который снабжается и поддерживается через «трансграничный коридор» из Турции, оккупировавшей северную часть Сирии (район проживания курдов). Поэтому понятно волнение немецких политиков относительно продления

резолюции Совбеза ООН о сохранении этого коридора: они опасались вето России и Китая. Однако резолюция была принята единогласно в июле 2021 г. В 2020 г. из 672 млн. евро гуманитарной помощи Германии «в рамках сирийского конфликта» 102 млн. евро пошло на северо-запад Сирии. В 2021 г. Германия перечислила на трансграничную помощь 40 млн. евро. И в этом (2022) году на гуманитарную помощь в северо-западной Сирии Германия выделяет 35 млн. евро [1].

Вопрос о том, из каких ведомств и куда идут огромные финансовые потоки, волнует немецкую общественность. Так, на одной из пресс-конференций в феврале 2022 г. после сообщения о ликвидации американцами в Идлибе последователей лидера ИГ Аль-Багдади журналист спросил: «Если господство ИГ и подразделений Аль-Каиды в регионе не свергнуто, куда уходят выделяемые правительством в больших количествах деньги?» [1].

На северо-востоке Сирии, где обосновались США, Германия занимается «стабилизацией освобожденных от ИГ районов». Она предпринимает «гражданские меры», это – дерадикализация и реинтеграция бывших бойцов ИГ, поддержка принявших их родных общин, а также улучшение жизненных условий людей. С 2017 г. (по 2022 г.) вклад Германии в стабилизационные меры в этом районе составляет 110 млн. евро и около 25 млн. евро для «усиления устойчивости».

В тюрьмах на северо-востоке Сирии содержатся заключенные-террористы, в том числе и бывшие бойцы ИГ-выходцы из Германии. Из разных мест северо-восточной Сирии в результате четырех «дорогих и тяжелых» операций удалось вернуть из Сирии в Германию 42 ребенка и 12 их матерей. Германии в этом помогают курдские отряды самообороны, которым германский МИД выражает глубокую благодарность.

Наконец, о путях политического выхода из кризиса, как его видит Германия. В документах МИДа – постоянные отсылки к Резолюции Совбеза ООН 2254 и требование решать проблему в политическом процессе под руководством ООН. Как и прежде, камнем преткновения является фигура Башара Асада. Не признавая легитимность правительства Б. Асада, Германия, тем не менее, призывает официальный Дамаск принять участие в очередном заседании Конституционной комиссии 21 марта с.г.

В последнем заявлении министров иностранных дел 15 марта 2022 г. прямо сказано: «мы не поддерживаем усилия, нацеленные на нормализацию отношений с режимом Асада». «Мы не только против нормализации отношений, но и против отмены санкций и финансирования восстановления, до тех пор пока не будет необратимого прогресса в политическом решении» [1], под которым понимается уход Асада с политической арены.

Запад обвиняет Асада в военных преступлениях, преступлениях против человечности, в нарушении прав человека. Европейские политики не оставляют планов «привлечь к ответственности виновных» и намерены использовать Следственную комиссию о положении прав человека в Сирии – «независимый механизм ООН для преследования за преступления в Сирии» и Организацию по

запрещению химического оружия (ОЗХО)., а также «усилия национальных судов, которые в рамках своей компетенции расследуют и преследуют совершенные преступления». Принимают участие в этом и немецкие суды.

Литература

[1] Das Auswärtige Amt – https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik (дата обращения: 17.03.2022)
[2] Syrien-Einsatz – Heiko Maas positioniert sich zu Deutschlands-Rolle – https://www.welt.de/politik/deutschland/article175381099/Syrien-Einsatz-Heiko-Maas-positioniert-sich-zu-Deutschlands-Rolle (дата обращения: 15.03.2022)

Основные тенденции развития конфликта в Ливии (2011-2022 гг.)

Васецова Е.С.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры политологии Востока, vasetsova-es@iaas.msu.ru

1. Причины и предпосылки конфликта в Ливии.
2. Роль внешнего фактора в конфликте в Ливии.
3. Стороны конфликта: «Палата представителей Ливии», также известная как «правительство в Тобруке», Новый Всеобщий национальный конгресс (с 2016 г. – Правительство национального спасения). Их позиции.
4. «Исламское государство» (запрещенная в РФ организация, признанная террористической), ультрарадикальные вооруженные исламистские группировки в ливийском конфликте. Военные операции по освобождению территории страны от боевиков ИГ, ультрарадикальных вооруженных исламистских группировок.
5. Особенности межливийского диалога. Схиратское соглашение. Роль Президентского совета Ливии (с 2016 г.) в межливийском диалоге. Форум ливийского политического диалога в урегулировании конфликта.

Литература

[1] МИД РФ: хаос в Ливии стал прямым следствием безответственного вмешательства США и НАТО. 25.08.2014 //URL: http://tass.ru/politika/1399263 (Дата обращения 16.02.2022).
[2] Мустафин Р. Ливия вновь становится горячей точкой. 23.09.2016 // URL: http://nvo.ng.ru/realty/2016-09-23/11_livia.html (Дата обращения 16.02.2022).
[3] Правительство Ливии объединилось впервые за семь лет. 16.03.2021 // URL: https://lenta.ru/news/2021/03/16/soglasie/ (Дата обращения 16.02.2022).
[4] Путин: вы хоть понимаете теперь, чего вы натворили? 28.09.2015 //_URL: http://www.vesti.ru/ doc.html?id =2669282 (Дата обращения 16.02.2022).
[5] СМИ: Хафтар поддержал избранные Президентский совет и правительство Ливии. 11.02.2021 // URL: Хафтар поддержал избранные Президентский совет и

правительство Ливии - Международная панорама - ТАСС (tass.ru) (Дата обращения 16.02.2022).

АСЕАН и вызовы азиатско-тихоокеанской безопасности

Кутовая Е.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры политологии Востока ИСАА МГУ, elenakut44@mail.ru

Официально оформившийся в ноябре 2017г. четырёхсторонний диалог по вопросам безопасности (Quad) в составе США, Японии, Австралии и Индии определил предметом своей заботы «безопасность Индо-Тихоокеанского региона». В марте 2021 г. состоялся первый он-лайн саммит четвёрки, в сентябре 2021г. прошёл очный саммит Quad. Лидеры четвёрки выступили «за верховенство права, свободу судоходства и пересечения воздушного пространства, мирное разрешение споров, демократические ценности и территориальную целостность государств». При оценке принятых в ходе саммитов четвёрки инициатив, следует отметить, что участникам саммита не удалось согласовать позиции по самым острым региональным вопросам-морской безопасности в целом и экспансии Китая в частности. Китайская инициатива «Один пояс один путь» однозначно оценивается четвёркой как проект геополитической и геоэкономической экспансии.

Государства АСЕАН проводят достаточно сдержанную политику в отношении Quad, выразив своё отношение принятием в июне 2019г. «Индо-тихоокеанского видения АСЕАН». Тезис о поддержке «центральной роли» АСЕАН в регионе остаётся принципиальной составляющей отношений АСЕАН со своими партнерами. Члены Ассоциации по-прежнему уделяют значительное внимание своему участию в АРФ, ВАС, СМОА плюс. Особое место отводится участию в реализации ВРЭП (Всеобъемлющего регионального экономического партнерства), в подготовке которого асеановцы принимали активное участие. В то же время в принятом АСЕАН документе был сделан акцент на мирном разрешении споров, связанных с морскими акваториями, в связи с продолжающимися разногласиями между Китаем и рядом стран АСЕАН в Южно-Китайском море.

Администрация Байдена придаёт большое значение укреплению связей с АСЕАН, о чем свидетельствуют состоявшиеся в 2021г. визиты вице-президента США Камалы Харрис в Сингапур и Вьетнам, зам. госсекретаря Венди Шерман в Индонезию, Камбоджу и Таиланд, поездка министра обороны США Ллойда Остина на Филиппины и Вьетнам. Характерно, что среди стран АСЕАН Сингапур и Вьетнам внесены в «Промежуточной стратегии США по национальной безопасности 2021г» (Interim National Security Strategic Guidance 2021) в категорию ключевых партнеров Вашингтона вне Альянса. При этом

Сингапур имеет статус стратегического партнера США, а Вьетнам-единственная страна АСЕАН, которая выразила желание присоединиться к формату Quad Plus.

Содержание обнародованных в 2021г. ранее засекреченных до 2042г. «Контуров стратегии США для Индо-Тихоокеанского региона» (US Strategic Framework for the Indo-Pacific) выстроено вокруг тезиса о «сохранении американского стратегического превосходства в Индо-Тихоокеанском регионе». С этой целью предлагается более чётко определить, чем Соединённые Штаты могут помочь государствам Юго-Восточной и Южной Азии в противодействии давлению со стороны Китая. Подтверждается и необходимость закрепления центральной роли АСЕАН в архитектуре безопасности региона.

Государства АСЕАН продолжают проводить поиск своего места в противостоянии США и Китая в регионе. Вьетнам и Сингапур, по мнению ряда исследователей, демонстрируют достаточно чёткое стратегическое видение ситуации по причине своей внутренней стабильности. Таиланд и Мьянма, а также Лаос, Бруней и Камбоджа больше сконцентрированы на своих внутренних проблемах. Стратегическое положение, интересы, конфликты на море требуют от Индонезии, Филиппин и Малайзии значительной степени оборонной готовности. Во всех странах в то же время большое место уделяется внутренним проблемам в особенности в постпандемический период.

Планы Quad перекошены в сторону геополитики с ущербом для продуктивных экономических взаимодействий. США как активный участник Quad рассчитывают больше на военно-политический альянс, на сдерживание Китая. АСЕАН же предпочитает рассматривать регион не как арену геополитического соревнования, а как пространство прежде всего экономического сотрудничества в особенности в постпандемических условиях.

Пандемия коронавируса оказала сильное влияние на экономику государств АСЕАН. Впервые за десятилетия регион испытывает экономический спад. Страны региона нуждаются в экономической поддержке и в этом отношении они в большой степени рассчитывают на помощь крупных держав. Одним из результатов финансового кризиса 90-х гг. XX века в ЮВА стало понимание того, что США в нужный момент не пришли на помощь своим партнерам и союзникам, в частности Таиланду и Индонезии, а экономическую поддержку в тот период оказал Китай.

Следует отметить, что Quad, AUKUS (военный союз в составе США, Великобритании и Австралии), а также состоявшийся в декабре 2021г. по инициативе администрации Байдена «саммит демократий»- это новые форматы поиска сторонников, которые предпринимают США в своём региональном и глобальном противостоянии Китаю. Налицо при этом и попытки раскола АСЕАН. Так, из десяти членов АСЕАН на саммит демократий получили приглашение только Индонезия, Малайзия и Филиппины.

Со своей стороны, на заседании Первого комитета Генассамблеи ООН в ноябре 2021г. представители стран АСЕАН –Индонезии и Малайзии- высказали свои серьёзные озабоченности, в отношении союза AUKUS, усматривая в этом трёхстороннем технологическом партнерстве угрозу региональной

безопасности. По мнению государств АСЕАН, деятельность этой инициативы может привести к началу гонки вооружений в регионе.

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона в свете украинского кризиса считают, что санкции Запада обостряют обстановку. В беседе министра иностранных дел КНР Ван И с министром иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди, состоявшейся в марте 2022г., была выражена готовность Китая вместе с Индонезией содействовать переговорам Москвы и Киева.

Литература

[1] Независимая газета, 16 марта 2022г.
[2] Сумский Виктор «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» и вертикальный взлёт американо-китайских противоречий. Международная жизнь, апрель 2021г.
[3] Global Asia, December 2021 Vol.16 N4

Глобальные тренды в современной ситуации в Азии

Мосяков Д.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, зам директора,
mosyakov.d@gmail.com

1. Политическая ситуация в современной Большой Восточной Азии и в Южной Азии все более характеризуется нарастающей неустойчивостью, обострением конкуренции великих держав, в первую очередь Китая и США. Их противостояние развивается циклически, всякий раз поднимаясь на новый уровень в результате какого-либо военного инцидента, связанного с противостоянием военных флотов в Южно-Китайском море, а затем постепенно напряжение спадает вплоть до нового обострения. А это обосттрение наступает как мы видим по исторической практике последних лет практически неумолимо, так как ни одна из держав не может проявить слабость: американцы отказаться от своих миссий в запрещенные Китаем акватории вокруг насыпных островов в Южно-Китайском море, а Китай не может не реагировать на нарушение установленных им здесь правил. При этом следует учитывать, что военное противостояние в ЮКМ — это частный случай намного более обширного противостояния, которое охватывает все сферы национальной мощи обеих государств - от борьбы за внешнеполитическое доминирование и до увеличения военных бюджетов и современного оружия, которое ставится на вооружение. от замкнутых на себя экономических систем и до борьбы за господство на информационном поле.

Можно сказать, что противостояние США и Китая является первым и очень важным трендом в развитии ситуации в Большой Восточной Азии и Южной Азии.

2. Второй тренд, который здесь можно выделить — это мультиплицирование конфликтов, отсутствие прогресса в решении уже существующих противоречий.

Так, несмотря на все усилия и подвижки до сих пор так и не решена проблема ядерно-ракетного потенциала Северной Кореи, остаются крайне острыми споры относительно будущего статуса Тайваня, практически «заморозился» вопрос принадлежности островов Южно-Китайского моря, нет подвижек и в ситуации вокруг бирманского Аракана, индийско-китайских противоречий и споров вокруг прохождения границы в Ладакхе и южном Тибете (Арунчал- Прадеше). Все эти факторы, практически накладываясь друг на друга, сталкиваясь с конкуренцией Китая и США только усиливают обстановку неопределенности и напряженности всегда сопутствующей глобальным трендам перемен, - то есть крупномасштабным долгосрочным экономическим, социальным, технологическим и природным сдвигам **глобального** характера, которые влекут за собой радикальные изменения условий жизни и деятельности человека, развития экономики и общества.

3. В этой связи еще одним трендом в развитии ситуации в этом макрорегионе можно считать процесс его милитаризации, когда практически все страны в большей или меньшей степени участвуют в гонке вооружений, непрерывно наращивают свои оборонные бюджеты. Это касается и стран АСЕАН, которые несмотря на всю миролюбивую риторику продолжают активно обновлять свои вооружения

4. Одновременно с этим в политике стран региона проявляется еще один тренд, тесно связанный с общей ситуацией. Речь идет о появлении новых военных и политико-экономических структур в этом огромном регионе. Процесс объединения и интеграции в рамках АТЭС, который мы наблюдали в 90-е годы и в начале 2000-х, сменился прямо противоположным процессом, когда регион дробится на отдельные противостоящие друг другу военно-политические блоки. Достаточно перечислить лишь те, которые появились здесь только в последние годы , а это так называемая демократическая четверка (Qwad) - США, Япония, Австралия и Индия или англосаксонское военное объединение в составе США, Австралии и Великобритании (AUKUS), чтобы понять все опасности внутреннего раскола. Организаторы этих блоков даже не скрывают, что цель их создания состоит не в процветании и развитии региона, как это было в АТЭС, а исключительно в сдерживании как они говорят экспансии Китая.

5. Пекин, также пытается формировать глобальные и региональные тренды, причем в отличие от своих противников основное влияние уделяет не выстраиванию военно-политических блоков, а продвижению своих политико-экономических интересов в рамках глобальной программы «Пояса и Пути». Здесь он добился существенных успехов постепенно расширяя возможности экспорта своих товаров, увеличивая свое влияние и в Юго-Восточной и в Центральной Азии и на Тихом Океане. Причем если организованное под эгидой США так называемое Транстихоокеанское партнерство кануло в лету, то зона свободной торговли, которую длтельное время продвигал Китай развивается вполне успешно. В этой связи возникает столкновение двух трендов- китайского на продолжение свободной торговли и взаимную экономическую интеграцию и другого- американского на установление разного рода ограничений по принципу

идеологии, когда государства так называемого Вашингтонского консенсуса рассматриваются как достойные претенденты на участие в блоках под американским патронажем, и соответственно те, кто к этому консенсусу не принадлежит такое право не получают.

6. Еще один тренд инициируемый Китаем- это инфраструктурное с троительство, ревализация крупных транспортных и логистических проктов, которые облегчают связи Китая и стран ЮВА. Недавно скоростная железная дорога связала провинцию Юннань со столицей Лаоса- Вьетнтьяном, дальше эта транса пойдетк Сиамскому заливу. Есть и менее крупные проекты, которые как бы подготавливают будущее китайское доминирование в сфере экономики и интеграция местных производств в Большой Китай. КНР сегодня выстраивает и защищенные линии коммуникаций, особенно вдоль ключевого маршрута транспортировки нефти из стран Персидского залива. Пекин создает свои военные базы в Пакистане (Гвадар) в Бирме на территории провинции Ракхайн. Здесь, договорившесь с бирманскими властями китайцы построили курпный порт откуда нефте и газопроводы идут через всю Бирму до границы провинции Юннань.

7. Рассматривая ключевые тренды нельзя не сказать и о крупнейшем американском проекте для восточно и южноазиатского политического пространства – проекте Индо-тихоокеанского региона. Это долговременная программа, которая прищла на смену ориентации США на Азиатско-тихоокеанский регион и на АТЭС. Для участия в ней планируется пригласить большинство азиатских стран- в том числе государства АСЕАН, Индия, Австралия, Япония, но исключить из него Китай и Россию. Понятно, что так легче добиться доминирования в Азии, чем в прямой конкуренции как это было в АТЭС. Осуществляя проект ИТР в Вашингтоне рассчитывают экономически и военно-политически отделить большинство стран Азии от Китая и России.

8. Как мы видим в Восточной и Южной Азии происходит борьба нескольких глобальных трендов. Все это придает ситуации и внутри стран региона и вовне неопределенность и непредсказуемость. А это вынуждает сообщества Большой Восточной Азии да и Южной Азии быть готовыми к глубоким переменам, которые способны будут радикально изменить жизнь миллионов людей и сформировать новую реальность, которая может оказаться совсем не такой как мы на это рассчитываем.

Трансформация роли армии в политической истории Египта XXI века

Первушина К.О.
Москва, Россия, Институт востоковедения РАН, соискатель,
koksyu1987@gmail.com

Армии и, в целом, силовым структурам исторически отведена особая роль в арабских политических системах. Особую траекторию развития прошли

вооруженные силы Египта, в которых гармонично сочетаются черты воинства номов как влиятельной и состоятельной касты эпохи Древнего и Среднего Царств, закрытой военной корпорации Мамлюкского султаната XIII века, модернизационной и национально-освободительной роли египетской национальной армии эпохи Мухаммеда Али и Гамаля Абдель Насера. Процесс трансформации роли армии в политической истории Египта на современном этапе становится актуальным благодаря событиям «Арабской весны», затронувшим страны Ближнего Востока и Северной Африки, и делает уместным вопрос о прогрессистской роли египетских вооруженных сил, о способности военных справиться с посткризисным состоянием и произвести реформирование страны. Посредством структурно-генетического анализ роли армии как традиционного политического института в Египте, а также контент-анализа официальных законодательных документов Арабской Республики Египет в период с 2011 по 2019 года автор приходит к промежуточному выводу, что на данном историческом этапе развития Египет идет по пути ускоренной милитаризации, усиления авторитарного режима в силу сложившейся многовековой политической культуры в египетском обществе и внутриполитического курса действующего президента Арабской Республики Египет (АРЕ) Абдель Фаттаха ас-Сиси, направленного на закрепление и обеспечении гарантии властных полномочий военного истеблишмента.

Для понимания роли армии важен анализ нарративов о вооруженных силах, преобладающий в египетском обществе. Не взирая на политическую принадлежность, социальной слой и уровень образования, он формируется на основе пяти стереотипов: 1) египетские вооруженные силы создали Египетскую республику и защищают ее от внутренних и внешних врагов; 2) египетские вооруженные силы на стороне народа; 3) египетские вооруженные силы являются сильным политическим институтом, обладающим организационными навыками и возможностями, которых не хватает гражданским институтам; 4) невоенная деятельность египетских вооруженных сил приносит пользу государству; 5) в настоящее время нет политической альтернативы египетским вооруженным силам [Elmeshawy, 2016, с. 18].

Данные нарративы во многом объясняют участие и успех военного истеблишмента в событиях «Арабской весны» 2011 года, последующего переходного периода и свершившейся контрреволюции 2013 года, а также победу на президентских выборах министра обороны, генерал-лейтенанта Абдель Фаттаха ас-Сиси в 2014 году. Исторический статус «народной», а затем «демократической», «мирной» армии позволил военным структурам выступить своеобразным буфером между египетским правительством и манифестантами, добиться отставки президента Хосни Мубарака, выполнить функцию арбитра в борьбе за власть между политическими силами Египта, и, в конечном счете, на правах защитника «волеизъявления народа» (преамбула Конституции АРЕ 1971 года) убрать с политической авансцены победившую на выборах организацию «Братья-мусульмане» в лице законно избранного президента Мухаммада Мурси, выполнив функцию гаранта внутренней безопасности Египта. [Конституция,

1971, преамбула] Подобная функция, закрепленная в Конституции 2012 года в статье 194 («Вооруженные силы должны принадлежать народу. Их обязанность – защита страны, ее территориальной целостности и безопасности»), позволяет оценивать действия военных в событиях «Революции 30 июня» (2013 г.) как законные вопреки распространенной в отечественных и зарубежных экспертных кругах формулировке «насильственного военного переворота» [Конституция, 2012, с. 45].

В действительности, армия остается опорой власти в Египте с 1952 года. Она пользуется в народе популярностью, поскольку несколько раз воевала с Израилем и считается защитницей независимости. Армию также рассматривают как наименее коррумпированную силу в стране, хотя фактически армия – это главный предприниматель в Египте, доминирующий в экономике, получающий самые выгодные контракты в стране.

После победы Абдель Фаттах ас-Сиси на президентских выборах 2014 года Египет взял курс на милитаризацию страны. На подобную перспективу указывала вся предвыборная компания ас-Сиси, начиная с листовок с его изображением на фоне первых египетских президентов, выходцев из касты военных – Гамаля Абдель Насера и Анвара Садата. Некоторые западные и египетские эксперты критиковали бывшего министра обороны в его стремлении укрепить свой бесприкословный авторитет по степени значимости аналогичный авторитету Г.А. Насера [Awad, 2013; Nawara, 2014].

Новый этап военного управления страной емко характеризует фраза из выступления президента А.Ф. ас-Сиси в 2018 году: «То, что произошло семь или восемь лет назад, больше никогда не повторится в Египте. То, что не удалось в то время, не удастся сейчас» [Sorour, 2021]. Современный Египет переориентировался на обновление авторитарного режима путем усиления военного присутствия и контроля над всеми сферами общественной жизни, в том числе над национальным самосознанием, чтобы не допустить феномена новой «Арабской весны».

Так, на Асуанском форуме мира и устойчивого развития в 2019 году Абдель Фаттах ас-Сиси представил итоговые положения концепции «новых египтян», формирующие контуры национального самовосприятия [El-Sisi, 2019]. Идейные установки направлены в большей степени на молодых людей, которые восприимчивы к новым идеям, и преследуют цель воспитать дисциплинированное и послушное поколение, осуществляющее «постепенный уход от излишнего традиционализма в сторону гибкого мышления и противопоставление его «исламистскому образу действий» и воспринимающее «излишнюю милитаризацию». Так, внимание автора привлекла идея «патриотизма, тождественного военной мощи», где любое применение вооруженных сил АРЕ за рубежом должно трактоваться не как силовое решение проблемы, а как акция по защите ценностей арабского мира. Подобная идейная установка направлена на преодоление феномена «неизбежного пораженчества» (Шестидневная война 1967 г., Октябрьская война 1973 г.), который существует в египетском обществе благодаря ложному стереотипу о неготовности

национальных вооруженных сил эффективно отстаивать свои национальные интересы. Концепция «новых египтян» призвана также сформулировать устойчивые идеологические ориентиры молодых солдат и офицеров, а также исключить влияние «инакомыслящих» религиозных ячеек, формирующихся в военных гарнизонах, которые расквартированы на Синайском полуострове или в непосредственной близости от него [Ахмедов, 2020].

Таким образом, политическое руководство АРЕ стремится сохранить опору на вооруженные силы и предотвратить появление сплоченной армейской оппозиции.

По сути, концепция «новых египтян», с одной стороны, направлена на повышение статуса национальных военных сил в глазах египетской и международной общественности, что позволит Египту вернуть себе статус регионального лидера и защитника арабского мира на Ближнем Востоке. С другой стороны, подобная пропаганда антиисламских идей значительно понижает риск политической борьбы за власть ассоциации «Братьев-мусульман», которая исторически являются главным политическим конкурентом военного истеблишмента.

В пользу милитаризации режима и усиления авторитарных тенденций говорят итоги референдума 2019 года о внесении поправок в Конституцию 2014 года. Так, ас-Сиси удалось увеличить свой президентский срок нахождения у власти с четырех до шести лет, что сдвинуло сроки очередных президентских выборов с 2022 г. на 2024 г. [Конституция, 2014, с. 37] Данный период времени позволит президенту и государственному аппарату сохранить контроль над страной, подготовить нового преемника из своей среды и осуществить транзит власти в 2030 году.

Несомненно, что египетская армия будет продолжать играть ключевую роль в политических процессах страны, оставаясь опорой авторитарного режима. Политическая история Египта XXI века лишь подтверждает тенденцию нарастания милитаристских настроений в государстве, придавая армии обновленный статус «неомамлюкской силы» в современных реалиях.

Литература

[1] Ахмедов В.М. О некоторых проблемах в египетской армии // Институт Ближнего Востока. 12 октября, 2020. URL: http://www.iimes.ru/?p=73681

[2] Awad, Marwa. Egypt wonders if army chief is another Nasser // The Guardian. 8 August, 2013. URL: https://www.theguardian.com/world/2013/aug/07/egypt-morsi-nationalist-general-sisi

[3] Mohamed Elmeshawy, Ragnar Weilandt, Romuald Bolliger. The Military, the Media and Public Perceptions in Egypt: Communication and Civil-Military Relations. DCA – Geneva Centre for Securtiy Sector, 2016. URL: https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/Egypt_Civil_Paper3_ENG.pdf

[4] Nawara, Wael. Sisi runs for president in Nasser's shadow // Al-Monitor. 27 April, 2014. URL: https://www.al-monitor.com/originals/2014/03/sisi-egypt-president-nasser.html
[5] Sorour, Abir. Egypt: 10 years on, is its revolution an unfulfilled dreams of the Arab Spring? // The Africa report. 22 January, 2021. URL: https://www.theafricareport.com/60797/egypt-10-years-on-is-its-revolution-an-unfulfilled-dream-of-the-arab-spring/
[6] El-Sisi's Speech in Aswan Forum Opening. 12 November, 2019. URL: https://www.presidency.eg/en/قسم-الأخبار/أخبار-رئاسية/كلمة-الرئيس-عبد-الفتاح-السيسي-في-افتتاح-أعمال-منتدى-أسوان-للسلام-والتنمية-المستدامة-11122019/
[7] Конституция Арабской Республики Египет, 1971.
[8] Конституция Арабской Республики Египет, 2012.
[9] Конституция Арабской Республики Египет, 2014 (с поправками 2019).

Современные дискуссии по вопросу внесения поправок в Конституцию Японии

Романова И.А.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры политологии Востока, ira.lambi@yandex.ru

В настоящее время центральной темой политических дискуссий в японском обществе по вопросу внесения поправок в Конституцию Японии служит Девятая статья, декларирующая отказ от войны.

Статья 9 Конституции Японии гласит: «Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров. Для достижения цели. Указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается» [1]. Определяя отказ от вооруженной силы и отказ от войны как суверенного права нации, Девятая статья указывает на пацифизм, провозглашаемый Основным законом страны.

Вопросами внесения поправок в Конституцию занимается Комиссия по вопросам Конституции палаты представителей Парламента Японии. В то время как одни депутаты Парламента считают, что Конституцию следует изменить в соответствии с реалиями времени, другие уверены, что нет необходимости ее менять и вносить правки в Девятую статью.

Дискуссии о пересмотре Девятой статьи ведутся главным образом вокруг следующих тем: 1) следует ли закреплять в Конституции статус Сил самообороны; 2) следует ли ясно прописывать в Конституции право на национальную самооборону; 3) следует ли определять в Конституции невоенный

характер международного сотрудничества, или же международное сотрудничество должно включать в себя и военную силу (в коллективных операциях ООН по поддержанию безопасности и т.п.)

Если обобщить основные позиции в отношении Девятой статьи, то мы получим следующую картину. **Отношение к Силам самообороны.** Те, кто выступают за необходимость внесения поправок в Конституцию, считают, что в ней нужно определить статус Сил самообороны как «Армии национальной обороны». Те же, кто против внесения поправок, считают, что лучше оставить все как есть или даже распустить Силы самообороны в соответствии с содержанием Конституции. **Отношение к праву на национальную самооборону.** Одни считают, что в Конституции нужно ясно изложить право на индивидуальную самооборону, а также подтвердить право на коллективную самооборону. Другие, признавая право на использование вооруженной силы в целях самообороны, призывают сохранить Девятую статью в неизменном виде. Право на коллективную самооборону ими не признается. **Отношение к японо-американскому Договору безопасности и американским военным базам на территории Японии.** Одни считают, что в Конституцию следует внести положение о недопустимости пребывания на территории страны вооруженных сил других государств. В соответствии с Девятой статьей, японо-американский Договор безопасности следует расторгнуть. Другие уверены, что японо-американский Договор безопасности является соглашением, обеспечивающим национальную безопасность страны, и расторгать его не следует. **Отношение к международному сотрудничеству.** Одни считают, что в Конституции следует определить, что международное сотрудничество ограничивается лишь невоенной сферой. Другие полагают, что следует определить правила международного сотрудничества, в том числе военного характера. **Отношение к ядерному оружию.** Одни выступают за то, чтобы в Конституции ясно изложить отказ страны от ядерного оружия, подтвердить действие на территории страны «трех неядерных принципов», придать «трем неядерным принципам» форму закона. Другие считают, что лучше оставить все как есть.

В проекте пересмотренной Конституции, который правящая Либерально-демократическая партия Японии (ЛДП) предложила в 2012 г., имеется статья, недвусмысленно утверждающая право на самооборону, а Силы самообороны предстают как «Армия национальной обороны». Сохраняя «пацифизм» ныне действующей Конституции Японии, этот проект вместе с тем не содержит положений о «необладании вооруженной силой» и «отказе от права вести войну», определяя через Основной закон статус армии в качестве вооруженной силы [2].

Позиция партии Комэйто, партнера ЛДП по правящему лагерю, не предусматривает рассмотрение Девятой статьи в качестве предмета конституционных правок. Так, выступая в июле 2016 г. на пресс-конференции, председатель партии Комэйто Нацуо Ямагути заявил: «На основании действующей ныне интерпретации Девятой статьи в марте (текущего года – И.Р.) был принят пакет законов о национальной безопасности. Мы не должны

отрекаться от собственной позиции». Тем самым он дал понять, что не считает необходимым вновь определять статус Сил самообороны в Конституции [2].

В составе Демократическо-прогрессивной партии имеется немало тех, кто положительно относится к пересмотру Девятой статьи. Они считают, что необходимо ясно определить рамки, ограничивающие полномочия Сил самообороны. В частности, они выступают решительно против пакета законов об обеспечении национальной безопасности, принятом при премьерстве Синдзо Абэ (2012-2020 гг.), который допускает использование права на коллективную самооборону, считая эти законы «антиконституционными».

Крупная региональная партия Ассоциация реформ Осаки, которая в целом положительно относится к внесению поправок в Основной закон, вместе с тем считает пересмотр Девятой статьи преждевременным. В проекте обновления Конституции, который партия представила в марте 2016 г., говорится о необходимости трех принципиальных поправок: переход на безвозмездный принцип в образовании, реорганизация системы регионального самоуправления и учреждение Конституционного суда как органа, выносящего решения об интерпретациях Конституции.

Коммунистическая партия Японии занимает позицию, согласно которой, следуя логике Девятой статьи, Силы самообороны должны быть распущены.

Социологические опросы, которые регулярно проводятся в Японии по вопросу изменения Девятой статьи, свидетельствуют о том, что большинство японских граждан считают, что изменять Девятую статью нет необходимости. Так, согласно результатам опроса, который провела в апреле 2019 г. общественная вещательная корпорация NHK, такого мнения придерживаются 40% опрошенных. За изменение Девятой статьи высказались 22,1%.

Те опрошенные, кто считает, что «в изменениях нет необходимости», в качестве основной причины отметили, что «это самая важная статья с точки зрения мирного характера конституции» (65,0%). Среди тех, кто высказался в пользу внесения поправок, в качестве причин многие указали на «необходимость четко прописать в Конституции обладание силой, позволяющей защищаться» (55,1%), а также «необходимость сделать так, чтобы страна могла участвовать в военной деятельности, главным образом, под эгидой Организации Объединенных Наций» (22,6%) [3].

Итак, пока трудно сказать, в какой степени подвергнется ревизии Девятая статья Конституции Японии, однако, необходимо констатировать, что усилия со стороны правящей Либерально-демократической партии и со стороны правительства в этом направлении предпринимаются очень серьезные и активные.

Литература

[1] Конституция Японии. 1947 г.- URL: http:// dic.academic.ru/dic.nsf/es/79350
[2] Современный взгляд на Японию / Nippon.com.
[3] The Japan Times. April 25, 2020

Различия между китайским и американским стилем ведения переговоров

Стремовская А.Л.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры политологии Востока, astremovskaya@iaas.msu.ru

Как известно, дипломатия и бизнес основаны на ведении переговоров. При этом при ведении международных переговоров, помимо грамотной подготовки, владения необходимыми коммуникативными умениями и выбора необходимой стратегии и тактических приемов, важно также понимать особенности национальных стилей ведения переговоров. В случае ведения переговоров между представителями западной и восточной культуры различия в стилях будут особенно заметны. Рассмотрим эти различия на примере китайского и американского стиля ведения переговоров.

Прежде всего, различия проявляются в разном темпе ведения переговоров. Так, как отмечает Л. Кац, «для американцев характерен довольно быстрый темп ведения переговоров [3]. Американцы предпочитают как можно скорее переходить к обсуждению «сути вопроса» [4]. Напротив, темп ведения переговоров китайцев – медленный» [3]. Это, в частности, связано с большой значимостью для китайцев установления хороших отношений с партнером до обсуждения основных вопросов на переговорах.

Кроме того, американцы предпочитают последовательно решать каждую проблему на переговорах,» а не использовать комплексный подход» [4]. Как пишет Л. Кац, американцы являются сторонниками монохронного стиля работы. Они ценят последовательность и не любят отходить от темы [3]. При этом для китайцев характерен полихронный стиль работы. Как пишут А. Акджюнс и Р. Калпеппер, китайцы могут перескакивать с вопроса на вопрос «и говорить обо всем сразу» [2; 194].

Помимо этого, стиль общения американцев довольно прямолинейный в отличие от китайцев, для которых характерна склонность к непрямолинейности в общении, что во многом обусловлено большой значимостью концепции сохранения лица в китайской культуре. Китайцы предпочитают не говорить прямо «нет», если они не согласны с предложением партнера по переговорам [3].

Следует также отметить, что китайская культура – высококонтекстная. Во время переговоров для более полного понимания важно обращать внимание не только на речь китайцев, но и на невербальное общение [2]. При этом в США преобладает низкоконтекстная культура, в которой для понимания достаточно только слов [2]. Кроме того, в низкоконтекстной культуре контракты обычно довольно длинные, предпринимается попытка учесть все непредвиденные условия и избежать двойственности смысла [2]. Как пишет Е.Г. Кутовой, «особенностью американского стиля в большинстве случаев является обширный объем текстового материала заключаемых договоров или соглашений» [1; 243]. При этом, как отмечает Л. Кац, в контрактах в Китае освещаются только основные аспекты и условия соглашения [3].

Также наблюдается разное отношение к контракту китайцев и американцев. По мнению китайцев, главная цель контракта – установление хороших «отношений между … сторонами» [5]. Для китайцев считается нормальным в случае необходимости вносить какие-то изменения в условия контракта после его подписания [5], в то время как в США подписанное соглашение считается окончательным [4].

Кроме того, «решения в китайских организациях обычно принимаются посредством группового процесса, а решения в США … часто ассоциируются с одним человеком» [5]. Таким образом, на процесс принятия решений в КНР влияет склонность к коллективизму, а в США – склонность к индивидуализму.

Американский стиль ведения переговоров не предполагает длительные периоды молчания, которые можно наблюдать в ряде азиатских стран, в частности в КНР, особенно в качестве реакции на тупиковую ситуацию. Рекейо и Грэхэм заметили, что «американские переговорщики реагируют на молчание японцев или тайцев» в двух формах: «либо они идут на какую-то уступку», либо пытаются убедить другую сторону принять определенное решение [4]. Согласно Л. Кацу, молчание другой стороны может вызвать у американцев большой дискомфорт и часто побуждает американцев «пойти на уступки» [3].

Анализируя китайский стиль ведения дипломатических переговоров, Е.Г. Кутовой отмечает влияние на него конфуцианско-буддийской культуры, «которая отличается от культур народов Европы и Америки», а также идеологии КПК [1; 337].

В заключение следует отметить, что различия в китайском и американском стилях ведения переговоров проявляются в разных темпах ведения переговоров, подходах к решению проблем, стилях общения, восприятии цели и содержания контракта или соглашения и ряде других аспектов.

Литература

[1] Кутовой Е.Г. Международные переговоры на перекрестках цивилизаций. М.; СПб.: Нестор-История, 2016.

[2] Akgunes, A., Culpepper, R. *Negotiations Between Chinese and Americans: Examining the Cultural Context and Salient Factors // The Journal of International Management Studies.* April, 2012. Vol. 7. No 1. Pp. 191 – 200.

[3] Katz, L. *Negotiating International Business: The Negotiator's Reference Guide to 50 Countries Around the World.* Booksurge, 2011. Kindle edition.

[4] Requejo, W. H., Graham, J. L. *Global Negotiation: The New Rules.* New York, 2014. Kindle edition.

[5] Wenzhong, Hu, Grove, C. N., Enping, Zhuang *Encountering the Chinese: A Modern Country, an Ancient Culture.* John Murray Press, 2010. 3rd ed. Kindle edition.

Преподавание западноевропейских языков студентам-востоковедам: особенности методики на современном этапе

Мировые новости японской телерадиовещательной компании NHK на английском языке в процессе обучения новостному контенту на начальном этапе

Бессонова Е.Ю.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры японской филологии
elenaolesya@gmail.com

Обучение новостному контенту на английском языке на начальном этапе может быть дополнено открытым медиаконтентом, представленным в Интернет-пространстве. Одним из ресурсов, на котором публикуются новости на английском языке – это ресурс японской телевещательной компании NHK [2]. Данный ресурс размещает широкий спектр новостного контента по различным тематикам. Важным преимуществом ресурса является отсутствие рекламы на сайте и хорошая визуальная составляющая. По наполнению контента: основной объем приходится на внутренние японские новости, много уделено внимания новостям стран Восточной и Юго-Восточной Азии, а также публикуются основные мировые новости.

На начальном этапе представляется возможным использовать контент для прочтения и дальнейшего аудирования. Выбор данного контента для начального обучения обусловлен тем, что ресурс размещает широкий набор новостей, что дает возможность преподавателю выбрать новость, соответствующей тематике учебных пособий. Например, при использовании учебного пособия «Перевод и реферирование общественно-политических текстов» [1], лексика, представленная в учебном материале, практически всегда могла быть проиллюстрирована текущей новостью с сайта. Новости на английском языке в основном сопровождаются видеорядом, а также текстом. Причем много новостей, где письменный текст совпадает с аудио рядом. На начальном этапе мы выбираем новостной контент нейтральной тематики, а именно визиты, переговоры, культура, туристическая отрасль, а также тексты, связанные с природными явлениями, при этом особое внимание уделяем не содержанию новости, а лексике и устойчивым словосочетаниям. И хотя содержание новости для процесса обучения в нашем случае вторично, важным является то, что слушатели осознают актуальность темы, а соответственно понимают, что лексика, словосочетания, устойчивые выражения, которые они изучают, актуальны и востребованы в современном мире. Выборку по новостям с данного ресурса на начальном этапе осуществляет преподаватель, в качестве домашнего задания или задания для самостоятельной выборки данный контент нами не рассматривается.

В качестве выводов можно отметить эффективность работы с представленным языковым ресурсом, большой интерес к такого роду материалу

со стороны слушателей и высокую информативность для студентов, изучающих страны Восточной и Юго-Восточной Азии.

Литература

[1] Беспалова Н.П., Котлярова К.Н., Лазарева Н.Г., Шейдеман Г.И. Перевод и реферирование общественно-политических текстов. Английский язык : учеб. пособие /Н.П. Беспалова, К.Н. Котлярова, Н.Г. Лазарева, Г.Т. Шейдеман. – Москва : РУДН, 2019. – 126 с.
[2] Сайт телерадиовещательной компании NHK. – Режим доступа: https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news Свободный. (Дата обращения: 10 марта 2022 г.).

Синтагматический подход при обучении иностранным языкам с развитой парадигматикой

Воронцова М.В.
ИСАА МГУ имени Ломоносова, заведующий кафедрой западноевропейских языков, mworonzowa@iaas.msu.ru

В современной методике преподавания иностранных языков традиционно выделяют несколько подходов к построению курса и типологии упражнений – грамматико-переводной, коммуникативный, социокультурный с упором на культурные и ментальные традиции стран, изучаемого языка, прагматико-лингвистический и некоторые другие. Очевидно, выбор того или иного подхода определяется, прежде всего, теми целями, которые определены в программе или личными амбициями преподавателя и студента. Одной из основных современных тенденций в преподавании западноевропейских языков является доминирование устного компонента в виде аудирования и говорения над письменными формами языка. Считается, что без формирования устной составляющей язык быстро «забывается» и переходит в формат пассивного владения, хотя научного объяснения этому феномену найти не удается. Этот вывод был сделан на основе практического анализа и опросов. Письменные формы языка - чтение и письмо – могут достаточно успешно компенсироваться существующими и широко используемыми компьютерными программами и искусственным интеллектом. Человеку остается некоторая редакторская и стилистическая правка. Письменная корреспонденция в сфере бизнеса практически полностью проходит по образцам. Научные публикации успешно переводятся на английский и проверяются с помощью компьютерных программ. Поэтому обучение устной форме языка представляется определяющим на современном этапе.

При обучении устной форме языка наиболее эффективными являются коммуникативный и прагматико-лингвистический подходы. Отличительным признаком обоих подходов является ориентация на изучении грамматических

явлений, представленных в устной речи, и отбор лексических единиц по частотности их употребления. При обучении аудированию и говорению мы имеем дело с звучащим потоком речи, с набором синтагм, которые идентифицируются в родном языке со схожими по смыслу синтагмами. Парадигматика языка может служить только объяснением, но не средством обучения. Поэтому синтагматический подход, т.е. работа над целыми синтагмами, а не над парадигматикой, представляется наиболее эффективным при обучении устным формам языка.

Лексический подход, т.е. презентация языка в виде chunks, т.е. словосочетаний, был предложен 30 лет назад Майклом Льюисом (Michael Lewis) для обучения английскому языку, в котором синтагматика явно преобладает над парадигматикой. Этот подход является фактически очень близким к коммуникативной методике, но является, скорее, прагматическим, так как основной его целью было быстрое овладение основами английского языка. Возможности применения этого подхода для языков с развитой парадигматикой ставились под сомнение. Однако если выстроить, хотя бы частично, обучение грамматике иностранного языка на основе так называемых грамматических коллокаций (устойчивых словосочетаний, имеющих определенное грамматическое значение), восприятие речи на слух, а затем и собственное порождение высказывания становятся более быстрыми и с меньшим количеством ошибок. Опыт преподавания немецкого языка, известного своей развитой парадигматикой, с помощью грамматических коллокаций подтверждает предположение о том, что синтагматический подход (грамматические коллокации) является наиболее эффективным при обучении иностранному языку с развитой парадигматикой.

Практические идеи по работе с видеоинформацией на занятиях по английскому языку

Короновская И.В.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель, кафедры западноевропейских языков, englishlesson@list.ru

Работа с видеоинформацией является интересным и познавательным заданием для студентов и способствует интенсификации учебного процесса. Для интерактивной работы в аудитории материал подбирается в таких форматах, как новости, интервью, дискуссии, лекции. Видеоролики можно выбирать на текущую тему по учебнику, таким образом закрепляя изучаемый материал, или на темы событий, происходящих в странах Азии, Африки и Ближнего Востока, с тем чтобы студенты, изучающие этот восточный регион, могли рассказать о нем на английском языке. Продолжительность видеозаписи должна быть не более четырех-пяти минут, это время позволяет целиком охватить предложенную тему и подробно ее обсудить.

Использование видеоматериалов в дополнение к основному учебному пособию имеет определенные преимущества и служит нескольким целям:

– может использоваться как источник информации наряду с текстовыми документами;

– позволяет наглядно продемонстрировать ту или иную новость, отображая культурные особенности страны, где происходят освещаемые события;

– может служить отправной точкой для дальнейшей работы по заданной теме. Вопросы, поднятые в предложенном видео, могут найти отражение в проектах, презентациях и обсуждениях студентов.

Важно заранее определить задачи, которые должны выполнить студенты после просмотра видеоролика. Он может использоваться для начала беседы на заданную тему и помогать студентам настроиться на дальнейшую дискуссию, а также для выполнения письменных заданий, требующих тщательного анализа услышанного. В случае с письменными заданиями запись включается дважды, чтобы студенты могли записать ключевые моменты и использовать их для ответов. Таким образом, в зависимости от поставленной задачи преподаватель выбирает те или иные упражнения.

Задания для работы с видеоматериалом.

Мозговой штурм. Brainstorming.

Перед студентами ставится задача понять главную идею сообщения. В этом случае нет необходимости обращать внимание на новые слова, нужно сформулировать главную идею в одном предложении так, чтобы было ясно, о чем идет речь в сообщении. Студенты свободно высказывают свои идеи, обмениваются впечатлениями об услышанной новости, строят предположения о дальнейшем развитии событий и предлагают свое видение представленной ситуации. Участников беседы можно разделить на группы по три - четыре человека и обозначить задания каждой группе. Например, одна группа формулирует проблему, поднятую в сообщении, другая должна найти решение данной проблемы, третья группа обсуждает актуальность представленной темы, четвертая — сравнивает тему в видео с реалиями, существующими в отдельно взятой стране и во всем мире. Обсуждение должно проходить в творческой обстановке, где каждый студент свободно высказывает свои идеи.

Понимание деталей. Close listening.

В данном упражнении перед студентами стоит задача понять конкретную информацию, выделить детали, которые важны для ответов на поставленные вопросы. Для этого запись просматривается дважды, чтобы студенты могли определить и записать необходимую информацию. Новые слова, фразы-клише, идиоматические обороты уместно выписать на доске или раздать группе в виде печатного справочного материала. Для закрепления новой лексики предлагается выполнить ряд упражнений, в которых необходимо найти соответствия новых слов и их дефиниций, вставить новые слова в предложения, сделать правильный выбор слов из нескольких вариантов. Детальное прослушивание предполагает выбор конкретной идеи из видео для обсуждения. Студентов нужно разделить на группы и предложить самостоятельно обменяться впечатлениями об этой идее.

Один человек из каждой группы записывает ключевые моменты беседы и затем озвучивает их всем присутствующим. Происходит обсуждение, переходящее иногда в дебаты, во время которых выдвигаются разные видения обозначенной темы.

Определение последовательности действий. Number the main points.

Задание требует от студентов внимательного просмотра и конспектирования видеоролика. Запись проигрывается дважды. Преподаватель раздаёт печатные бланки, в которых в хаотичном порядке с использованием ключевых фраз, идентифицирующих каждое событие, перечислены основные моменты видеосообщения. После второго прослушивания студенты должны пронумеровать предложенные варианты в порядке их появления в ролике.

Понимание мнения собеседника. Comprehensive listening.

Во время проигрывания ролика студенты внимательно слушают и смотрят видео, стараясь определить отношение автора выступления к предложенной теме. Мнение студентов не всегда совпадает с мнением выступающего. Здесь будет уместно выслушать аргументацию как согласных, так и тех, кто придерживается иного взгляда на данный вопрос.

Определение главной идеи. Identifying the main idea.

После просмотра видео перед студентами ставится задача определить главную идею сообщения и сформулировать ее в одном предложении. Им дается некоторое время на самостоятельную подготовку своих вариантов.

Перевод на русский язык. Interpreting into Russian.

Это задание может состоять из нескольких последовательных шагов. Сначала один из студентов делает краткое изложение содержания видеоролика на русском языке. Затем последовательно демонстрируются отдельные фрагменты видео, и студенты по очереди переводят их на русский язык. Важно отметить, что задание предполагает некую визуализацию, а не точный перевод каждого отдельного предложения.

Анализ сложных ситуаций. Developing critical thinking.

Любая идея из видеоролика может быть использована для глубокого и тщательного анализа как на интерактивных занятиях, так и в индивидуальной письменной работе. Задание заключается в свободном высказывании своего мнения по теме, обозначенной в видео. Для анализа ситуации студенты могут строить свои высказывания, используя личные примеры, текущие события, исторические факты, научные исследования, интервью с известными людьми, а также информацию о странах изучаемого восточного языка в сферах экономики, филологии, истории и политологии.

Особенности механизмов памяти в процессе запоминания иностранных слов

Павловская О.А.
ИСАА МГУ имени Ломоносова, доцент кафедры западноевропейских языков, ellisa@inbox.ru

За функционирование памяти в нашем мозге отвечают отдельные участки. При постепенном развитии личности «от простого к сложного», «от конкретного к абстрактному» в родной культурно-языковой среде происходит последовательное развитие участков мозга человека, отвечающих за накопление знаний и способность их анализировать, синтезировать и продуцировать. Однако при изучении иностранного языка в детском, подростковом или даже взрослом возрасте происходит «шоковая» работа мозга, направленная на удержание большого количества информации. Для облегчения и оптимизации этой работы необходимо учитывать особенности нашей памяти, внедрять специфические методы в процессе преподавания иностранного языка, например: ассоциации, «блуждание», рекурсия и другие.

Обучение студентов лексическому, грамматическому и социо-культурному аспектам английского языка на базе телевизионной драмы «Фортуна»

Полунина Т.С.
ИСАА МГУ имени Ломоносова, старший преподаватель кафедры западноевропейских языков, tatyana_polunina@mail.ru

Данная работа, в первую очередь, предназначена для преподавателей английского языка, работающих на старших курсах Института стран Азии и Африки.

Автор описывает и анализирует некоторые эффективные методы работы с видеоматериалом, а также делает выводы о том, как использование данных методов способствует формированию аналитических навыков, навыков визуализации, а также навыков интерпретации увиденного материала у студентов. Основной целью работы является обучение студентов старших курсов лексическому, грамматическому и социо-культурному аспектам английского языка на базе телевизионной драмы «Фортуна».

"Фортуна" - это шестисерийный драматический сериал, наполненный множеством тайн, сюжетных линий и интересных персонажей. На протяжении всего курса студентам будет предоставлена возможность поделиться своими мыслями и мнениями по целому ряду тем, связанных с каждой серией.

Каждая серия включает в себя работу над активными лексическими единицами, работу над грамматическими конструкциями, а также определенный социо-культурный компонент.

Основные цели, которые ставит перед собой автор по завершению студентами работы с телевизионной драмой являются следующие:

- развитие умения интерпретировать и комментировать основные идеи сложного визуального и аудиотекста как по конкретным, так и по абстрактным темам, используя различные грамматические конструкции;
- умение применять языковые навыки в повседневных ситуациях, таких как обращение с просьбами и предложение помощи;
- умение с определенной степенью беглости и спонтанности использовать ключевые фразы на английском языке для различных социальных ситуаций.

Варианты английского языка в Южной Азии

Хохлова Л.В.
ИСАА МГУ имени Ломоносова, доцент кафедры индийской филологии
khokhl@iaas.msu.ru

Обычно различают два типа английского языка, используемого в различных неанглоязычных странах мира: английский как иностранный (Foreign language) и английский как второй язык (Second language) [3]. В первом случае английский язык изучается как предмет в средних и высших учебных заведениях для общения с иностранцами и чтения англоязычной литературы; во втором случае английский является языком обучения в элитных школах и университетах, языком научных публикаций, в особенности в сфере естественных и технических наук, одним из языков средств массовой информации, администрации, юриспруденции, а также *lingua franca* при общении образованной части населения в многоязычных странах. Английский, используемый как иностранный и как второй язык, имплицируют разные типы билингвизма, а также разное отношение к этому языку различных социальных групп населения. Любые отклонения от нормы в английском как иностранном безоговорочно считаются ошибками, в то время как интеллектуальная элита в странах Южной Азии предлагает кодифицировать свой индийский или пакистанский вариант английского языка (ниже ИПА). Преподавание и использование английского как второго основано в Южной Азии на идее, что помимо британского, американского, австралийского вариантов английского языка ИПА также имеет право на существование в виде вполне престижной нормы.

Данное исследование посвящено особенностям функционирования английского как второго языка в двух наиболее крупных странах Южно-азиатского субконтинента: Индии и Пакистане. Существует немало описаний интерференции между английским и родными языками носителей хинди, урду и других языков Южной Азии. [1], [2], [4] и др. Местные варианты английского языка, безусловно, не представляют собой гомогенную систему. Можно выделить, например, (1) язык высокообразованной элиты; (2) язык мелких чиновников, торговцев, официантов; (3) близкий к пиджину язык базара и др.

Некоторые лингвисты предлагают кодифицировать первый вариант - английский, используемый местной элитой. Основным критерием выбора кодифицированного варианта ИПА из тех или иных отклонений от британского варианта английского языка предлагается считать правильное понимание высказываний носителями британской или американской нормы, а также иностранцами, владеющими английским как иностранным языком. [4, 11-15]

Ниже предлагается краткое описание тех отклонений от британского варианта, которые фактически уже стали нормой ИПА. Рассматриваются только некоторые особенности «южноазиатского» английского, которые являются общими для носителей различных языков рассматриваемого ареала. Существуют также «маратхский» английский [2], «панджабский» английский и др., особенности которых выходят за рамки настоящей работы.

К наиболее типичным проявлениям фонетической интерференции относятся замещение английских межзубных /ө/ и /ð/ взрывными зубными /th / и /d/, альвеолярных смычных /t/ и /d/ церебральными /ṭ/ и /ḍ/, дифтонгов /ou/ и /ei/ долгими гласными /o:/ и /e:/: *road* > /ro:d/; *rate* > /re:t/; распространена элизия звука /ə/ в английских сочетаниях гласных: /iə/ > /i/: *material* /mətiəriəl/ > /mətiril/. Наибольшие трудности для восприятия на слух ИПА связаны со смещением ударения и интонационного контура.

Морфосинтаксическая интерференция проявляется в опущении артиклей (*He said that ø Education Ministry is reorganizing ø English syllabus*), в употреблении неверных с точки зрения британской нормы видо-временных форм глагола, например, дуратива вместо имперфекта или перфекта (*I do it often > I am doing it often; Where have you come from? > Where are you coming from?),* перфекта вместо претерита: (*I worked there in 2020 > I have worked there in 2020)*; в употреблении дуратива со стативными глаголами (*I am seeing a sky from here. They were having a horse)*.

Наблюдаются также многочисленные отклонения от британской нормы в синтаксической структуре, употреблении предлогов и т.д.: *Students are eligible to enter the contest > Students are eligible for entering the contest*; *He went to China to learn Chinese > He went to China for learning Chinese; What is the time by your watch > What is the time in your watch; Get off (a vehicle)> Get from (a vehicle); The students prevented the Governor from taking charge of his office > The students prevented the Governor to take charge of his office.*

Допускается употребление во множественном числе таких слов, как *fruit* или *wood*, не имеющих множественного числа в английском языке: *They gather* <u>*woods*</u> *in the forest*. Самостоятельно употребляются слова, требующие указания количества в нормативном английском: *a piece of chalk > a chalk*; *two items of clothing > two clothes.* [5], [4].

Большинство отклонений от британского английского можно объяснить влиянием родного языка, например, употребление глагола *give* вместо *take* в значении «сдавать экзамен» происходит под влиянием хинди-урду, где используется словосочетание *imtihaan* (экзамен) *denaa* (давать). Конструкции

типа *I was in Delhi only* или *Can we meet today itself?* объясняются желанием буквально перевести на английский язык эмфатическую частицу хинди-урду *hii*.

Желанием перенести на английский особенности своей культуры можно объяснить употребление таких предложений, как *What is your good name*?, которое является калькой с вопроса хинди: *aap kaa śubh naam kyaa hai* «Как Вас зовут?» (букв. «Каково Ваше прекрасное имя?», а также частое употребление слова Sir при обращениях, иногда также по отношению к женщинам.

Особенностью лексической системы ИПА является изменение значений слов. Так, например, *hotel* обозначает не только «отель», но и «ресторан», *ticket* используется как в значении «билет (на поезд)», так и в значении «марка», глагол *feel* может значить «быть обиженным», слово *professor* помимо значения «университетский профессор» имеет также значение «школьный учитель». В ИПА употребляется много слов, связанных с местными реалиями, например, '*thumbs-up*' значит «неграмотный человек», так как вместо росписи неграмотные люди прикладывают отпечатки пальцев.

«Золотая молодежь» создает свой престижный стиль общения. Так, например, длинные английские слова, «неудобны» для носителя хинди-урду, в которых преобладают двуслоги и трехслоги, поэтому вместо '*enthusiasm*' употребляется слово '*enthu*': *That guy has a lot of enthu.* Используется также большое количество сокращений, не всегда понятных на слух иностранцу. Например, MCP (Male Chauvinist Pig); FOC (Free Of Charge) и др.

Русские студенты-индологи, изучающие английский как иностранный язык, часто относятся скептически к ИПА В отличие от англичан и американцев, они часто не понимают собеседников на слух, а те в свою очередь полагают, что русские не знают английского языка. Поскольку английский в Южной Азии является официальным языком, на котором осуществляется большая часть коммуникации с иностранными коллегами, хорошее понимание ИПА представляется необходимой составляющей подготовки специалистов, работающих в сфере экономики, политики, идеологии и культуры стран Южной Азии.

Литература

[1] Kachru, Braj B. 1983. The Indianization of English: The English Language in India, Delhi: Oxford University Press.

[2] Kelkar, Ashok R. 1957. Marathi English. A Study in Foreign Accent. Word, 13.2: 268 – 282.

[3] Marckwardt, Albert H. 1963. English as a Second Language and English as a Foreign Language. PMLA (May): 25-29.

[4] Rahman, Tariq. 2010. Pakistani English: The Linguistic Description of a Non-Native Variety of English, National Institute of Pakistan Studies, Quaid-I-Azam University, Islamabad.

[5] Trudgill, Peter. & Hannah, Jean. 1982. International English: A Guide to the Varieties of Standard English, London, Edward Arnold, 1994.

Реализация принципа коммуникативной методики awareness-raising в авторском курсе Concepts

Шихзаманова Л.Э.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры западноевропейских языков, l.e.shikhzamanova@rambler.ru

Раздел коммуникативной методики, посвящённый работе с навыками обучения студентов (learner training), предусматривает такие техники, как develop autonomy и raise awareness. Первая подразумевает развитие возможностей автономного обучения студентов, вторая - развитие осведомленности о собственных навыках, что способствует лучшему освоению иностранного языка вне занятий [1].

Классическое понимание данных принципов переосмысливается в рамках нового коммуникативного курса “Concepts”. В частности, автор применяет технику awareness-raising непосредственно к содержательной стороне курса. В то время как изначально данный принцип направлен на изучение своих сильных и слабых сторон в области освоения информации, курс Concepts рассматривает awareness-raising как средство расширения кругозора учащегося и получения знаний, которые необходимы для жизни, работы и взаимодействия на разных уровнях в новой цифровой реальности. Прежде всего речь идёт о понимании новой реалии и её специфики, анализе существующих и необходимых к приобретению навыков, знаний и умений.

В концепции данного курса изучение любого явления происходит по принципу дедукции, в движении от общего к частному. Сначала учащиеся осваивают новую тему, получают необходимые базовые знания, затем переходят к персональному анализу. Например, в теме, посвящённой спиральной динамике Грейвза [2], в первую очередь рассматривается суть данной теории, уровни системы и их особенности. Затем, после прохождения теста на ценностный спектр личности, студенты могут проанализировать показатели, отображающие степень их стремления и избегания каждой из стадий Спиральной Динамики.

Другой пример – изучение триады навыков, необходимых для успешного построения карьеры и взаимодействия в обществе: hard skills, soft skills, meta skills. Кроме получения общей информации о том, как обстоят дела на современном рынке труда, учащиеся также анализируют свои слабые и сильные стороны, учатся составлять skill set, грамотно преподносить собственные soft skills и т.д.

Новый взгляд на традиционную технику awareness-raising позволяет расширить область её применения и тем самым обеспечить более высокую эффективность как при освоении материала во время занятий, так и вне аудиторных часов.

Литература
[1] Richards J.C., Rodgers T.S., Approaches and Methods in Language Teaching, Cambridge University Press, 2001, 270 p.
[2] Beck D.E., Cowan C.C., Spiral Dynamics: Mastering Values, Leadership and Change, Wiley, 1996, 331 p.

Использование пособия A Russian-English Glossary of Political Collocations в группах студентов-востоковедов

Шихзаманова Т.Н.
ИСАА МГУ имени Ломоносова, старший преподаватель кафедры западноевропейских языков

В настоящее время приоритетным направлением в обновлении образования является профессионально ориентированное обучение иностранным языкам.

Профессионально-ориентированное преподавание иностранных языков должно соответствовать потребностям учащихся в их будущей трудовой деятельности. Студенты должны получить не только необходимые для осуществления профессиональной деятельности умения и навыки, но и набор специальной лексики. Необходимо дать им основу, фундамент и инструменты для решения языковых проблем в их будущей профессиональной жизни.

Следует признать, что во многих сферах будущей трудовой деятельности наших выпускников просто хорошего владения иностранным языком будет недостаточно, и именно перевод является тем самым недостающим звеном процесса обучения.

Совершенствованию процесса профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам в высшей школе также способствуют учебные материалы соответствующей тематики.

Одним из направлений профессиональной деятельности наших выпускников является политический перевод, который может быть как письменным, так и устным. С этой целью для работы со студентами была разработана специальная программа, создано пособие A Russian-English Glossary of Political Collocations (Русско-английский словарь-минимум политической лексики), а также Сборник текстов соответствующей тематики.

Следует особо отметить тот факт, что в основу работы над пособием положен эффект прайминга (priming), который в русскоязычной методической литературе, в работах отечественных исследователей и в переводных изданиях часто называется «преднастройка», «подсказка», «подготовка», «эффект предшествования». Эффект прайминга позволяет более эффективно решать поставленные задачи, так как даёт возможность более быстро находить правильный ответ на основе автоматической и контролируемой переработки информации.

Этапы и механизмы конфессионального размежевания в период христологических споров (Египет и Сирийский Восток)

Войтенко А.А.
Центр египтологических исследований РАН, ведущий научный сотрудник, voytenko@yandex.ru

Тема христологических споров периода поздней Античности (V - перв. пол. VII в.) представляет собой «территорию неравномерного развития». Если фактографическая ее сторона изучена относительно хорошо, то различные аспекты истории церковных элит и структур до сих пор представляют собой проблемное поле, где ощущается нехватка не только заключений, подтвержденных критическим исследованием источников, но даже обоснованных гипотез.

Прежде, чем приступить к теме, следует ответить на вопрос, какие именно социальные группы в Церкви в описываемый период обладали или могли обладать субъектностью. Материалы источников позволяют выделить три позиции: 1) группы внутри епископата (включая сюда и патриархов), 2) монашество и 3) александрийский клир (последний применительно к Египту).

Чрезвычайно важным также является вопрос о моделях выбора кандидата в патриархи на Александрийскую и Антиохийскую кафедры (как халкидонских, так и миафизитских). И здесь приходится констатировать известное различие у миафизитов (с одной стороны) и у халкидонитов (с другой). У египетских миафизитов после Халкидона практически сразу формируется линия преемственности: в большинстве случаев кандидат либо происходит из свиты предыдущего патриарха, либо является его секретарем. Кандидаты поставляются из двух социальных «кластеров»: александрийского клира и нижнеегипетских монастырей (Скита или Эннатона). При этом подавляющая часть из них уроженцы Египта. Показателен пример патриарха Дамиана (578–607), неегиптянина, который только подтверждает общее правило. Эллинизированный сириец, предположительно из Эдессы, он подвизался в Скиту, затем перешел в Эннатон, где стал секретарем патриарха Петра IV (576–578). Ситуация с антиохийскими миафизитскими патриархами немного отличается в силу ряда факторов, однако и здесь можно зафиксировать ряд попыток создать некую преемственность (Петр III Гнафевс-Иоанн II Кодонат; Иаков Барадей-Сергий Телльский). Наконец, начиная с Петра III Каллиника (581-591) формируется четкая ее линия по александрийскому «алгоритму»: кандидат отбирается из определенных монастырей (чаще всего, из Кеннешрина/Кеннешре) и в большинстве случаев является секретарем предшествующего патриарха.

В случае с поставлением халкидонских патриархов (и Антиохийских и Александрийских) картина принципиально иная, поскольку основная роль в отборе кандидата принадлежала императору и придворным структурам, при этом от будущего патриарха a priori требовалась полная лояльность к изгибам религиозной политики самодержца. Отсюда ситуативный характер выбора кандидатов, их рекрутирование в том числе из среды мирян и светских чиновников, а также их «интернациональность»: нередкими были примеры, когда Александрийским или Антиохийским патриархом становился житель другого региона Империи (Константинополя, Палестины, Синая, Фракии, Кипра и т. д.). Известны случаи, когда халкидонского патриарха смещали из-за его нелояльности к переменам в религиозной политике и заменяли другим. По сути дела, халкидонский патриарх был императорским назначенцем, выполнявшим функции чиновника по религиозным делам, и говорить о какой-либо преемственности в данном случае не представляется возможным. Нам известна только одна попытка выстроить таковую (Тимофей III Салофакиол-Иоанн I Талайя), но она закончилась безрезультатно.

Процесс институционализации миафизитских церковных структур в Египте и Сирии можно разбить на 4 этапа. При этом необходимо указать на одно существенное различие: если основные акторы этого процесса в Египте являлись, в основном, выходцами из местной церковной элиты, то в Приморской Сирии они, в основном, происходили из других регионов. Первый этап начался с проникновения христологической полемики в публичное пространство (428-429), был временем I и II («разбойничего») Эфесских соборов (431, 449), а также Халкидонского собора (451), и длился до воцарения императора Зинона (474). На этом этапе спор внутри богословских элит создавал вызовы имперской власти, которая была вынуждена на них отвечать. Царствование Зинона и Анастасия представляло собой второй этап (474-518). Теперь уже имперская власть сформировала повестку и сформулировала в «Энотиконе» дальнейшие «правила игры» для церковных элит. Наибольший интерес на этом этапе представляли собой патриаршества Петра III Монга (477, 482-490) и Севира Антиохийского (512-518). В первом случае радикальная антихалкидонская позиция активно формирующейся монашеской «ризомы» [см. 1, 305, 312-313, 314 (примени 12)][1] ставила под вопрос состоятельность «Энотикона», а во втором гибкая политика патриарха показывала, каким образом можно было добиться впечатляющих результатов, действуя в рамках «правил игры».

Следующий этап связан с временем правления императоров Юстина I, Юстиниана I и Юстина II (518-578). Резкое изменение религиозной политики и гонение на миафизитов при Юстине I создавало условия для формирования параллельной полулегальной церковной структуры, не связанной с имперским центром: изгнанные из городов миафизитские епископы устраивали свои резиденции в монастырях и опирались на монашеские «сетевые» структуры. Запрет Юстинианом I рукополагать миафизитских епископов способствовал кадровому кризису и создал ситуацию «бифуркации», предполагавшую разные сценарии последующего развития нехалкидонских церковных структур [ср. 1, с.

313]. Провал унинональной программы Юстина II, по сути являвшейся возвращением к принципам «Энотикона», был закономерным крахом прежней экклезиологической модели («одна Империя, одна вера»).

Заключительный, постюстинианов этап (578-641) характеризовался окончательным формированием полноценных миафизитских структур в Сирии и Египте. Основное его содержание составляла борьба двух течений внутри севириан (доминирующего направления миафизитов), которые условно можно обозначить как «централисты» и «регионалисты» [ср. 2, с. 143-164][2]. Убедительная победа последних знаменовала собой полное обособление церковных структур миафизитов Египта и Сирии от имперского центра, что создавало им намного более выгодные (по сравнению с халкидонитами) условия для выживания после арабских завоеваний.

Примечания:

[1] *Речь идет о сетевой социальной структуре, горизонтальной по характеру своей организации, которая состоит из центров, поддерживающих пульсирующие («мерцающие») связи друг с другом. Обрыв таких связей не приводит к исчезновению сети, поскольку ее центры могут функционировать автономно, имея определенный потенциал для их восстановления в будущем. В данном случае центрами сети были монастыри или монашеские общины, которые постепенно за счет своего неформального авторитета аккумулировали вокруг себя мирян, а, возможно, и приходские структуры (прежде всего, в сельской местности).*

[2] *«Централисты», главной фигурой которых был Иоанн Эфесский, надеялись на восстановление миафизитства по всей Империи с центром в Константинополе (главная роль здесь отводилась императору), «регионалисты» (Петр IV, Дамиан, Петр III Каллиник) не питали уже никаких иллюзий относительно имперского центра, их задачей было отстраивание полноценных миафизитских структур в своих регионах, т. е. в Сирии и Египте.*

Литература

[1] *Войтенко А.А*. Патриаршество Петра IV и Дамиана как время генезиса Коптской Церкви: проблемы и предлагаемые решения // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 6. С. 304-317 (DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.22).

[2] *Дьяконов А*. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб, 1908. 417 с.

Соперничество региональных элит в Восточной Римской империи IV–V вв. на примере церковных отношений.

Грацианский М.В.
Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник, gratsianskiy@mail.ru

В результате раздела Римской империи на Западную и Восточную части в 395 г. был запущен процесс окончательного формирования особой восточно-римской политической системы. Данный факт был в первую очередь связан с тем, что столица Восточной Римской империи — Новый Рим-Константинополь — с этого времени оказывается не только постоянной резиденцией высшего гражданского чиновника — префекта претория Востока, но и императоров, которые начиная с Аркадия (395–408) порывают с традицией личного участия в войнах и соответствующих постоянных перемещений из конца в конец обширной империи. Концентрация высшей имперской власти в восточно-римской столице и ее окончательное превращение в центр получения и распределения государственных налогов и выплат, а также сосредоточение всех высших судебных инстанций, резко меняют общий баланс власти в империи. С этого времени окончательно уходит в прошлое влияние западных частей Римской империи на восточные провинции, а роль древней столицы, Рима, окончательно становится символической.

Данные процессы приводят к сближению центральной бюрократии с населением восточных провинций, из которого она начинает формироваться. Тот факт, что новая столица была создана искусственно, привел к тому, что в формировании различных слоев ее населения стали участвовать выходцы из всех частей восточной империи, а сама она стала площадкой, на которой различные региональные силы стали бороться за влияние и преимущество. Если в Старом Риме местная аристократия была в значительной мере отчуждена от провинциальных кругов, то в Константинополе влиятельные провинциальные круги стали факторами, определяющими состав местного сената и высшей аристократии, которая по преимуществу становится служилой. Таким образом, Новый Рим становится ареной взаимодействия и противоборства выходцев из различных макрорегионов Восточной империи: Иллирика, западной и центральной Малой Азии, Восточной Анатолии и Сирии, Палестины и Аравии, Египта и Киренаики. Следует отметить, что именно период V – первой трети VI вв. является периодом наибольшей активности регионов в плане соперничества как между собой на местном уровне, так и за влияние в Константинополе. В этом отношении постановка вопроса о региональных «лобби» в столице Восточной империи является совершенно оправданной и закономерной.

Картина при этом усложняется наличием соперничества внутри самих макрорегионов, которая представляется вполне традиционной и восходит не только к более раннему периоду римской истории, но даже подчас к

эллинистическому. При этом учет свойственного поздней античности провинциального деления лишь в малой степени помогает при выявлении общественных структур и региональных интересов, присущих местным элитам. При анализе этих аспектов приходится учитывать и картину регионального деления более раннего периода, которая в целом представляется более соответствующей «естественным» и исторически обусловленным границам в регионах, поскольку она была в большей степени построена на компромиссе между интересами имперской администрации и реально существующими структурами общественных межполисных связей, представленных многочисленными региональными союзами — койнонами.

Состояние источников делает довольно затруднительным полноценный анализ реальной экономической подоплеки или основы действий тех или иных макрорегионов и потому наиболее доступными для анализа являются видимые, поверхностные проявления межрегионального соперничества на местах и в центре Восточной империи, в IV–VI вв. наиболее ярко представленные в виде религиозного соперничества в рамках новой официальной религии Римской империи — христианства. Традиция представлять и отстаивать региональные интересы через религиозные структуры сложилась еще в I–II вв. в виде структур императорского культа, которые возглавлялись архиереями гражданских союзов — глав традиционных региональных объединений (койнонов), группирующихся вокруг «первых городов»-митрополий. Структуры императорского культа носили более или менее унифицированный характер, при этом сам императорский культ по своей сути не подразумевал доктринальных разногласий. Между тем, постепенное утверждение христианства в качестве официальной, а затем господствующей религии сопровождалось серьезными вероучительными разногласиями, которые уже в ранний период IV века приобрели ярко выраженную региональную специфику. Основными протагонистами религиозных разногласий выступили макрорегионы Египта и Сирии, традиционно соперничавшие между собой по целому ряду направлений, причем это соперничество коренилось в глубине веков. Если предметом спора обоих макрорегионов на региональном уровне традиционно являлась территория Палестины и смежной с нею Финикии — тенденция, имевшая четкое церковно-политическое измерение в IV–VI вв., — то в столице сирийская и египетская «партии» выстроили «эшелонированную» систему влияния и продвижения региональных интересов. Показательны в этом отношении действия в Константинополе местных «землячеств», имевших с V в. в качестве своей постоянной опоры «сирийские» и «египетские» монастыри. Неизменной была их борьба за должности и влиятельные позиции при дворе и в центральном аппарате управления империей, а также лоббирование своих ставленников при назначениях на региональные посты. Религиозное влияние было не менее важным аспектом: так, престол константинопольского предстоятеля традиционно замещался выходцами из Сирии и столь же традиционно оспаривался александрийцами, зачастую проводившими на него своих ставленников. При этом доктринальный фон был необходимой предпосылкой

данного соперничества. Если окончательное падение арианства в значительной мере было поражением Сирии, то последующий христологический спор в конечном итоге привел к преобладанию в Империи «сирийской» доктрины дифизитства и постепенной доктринальной маргинализации Египта, хронологически совпавшей с полным политическим и экономическим подчинением этого региона Константинополю при императоре Юстиниане (527–565). Именно в силу этого перипетии церковной истории следует по возможности рассматривать в связи с этническими, социальными и политическими процессами, а последние в их региональной обусловленности не следует отделять от процессов религиозных, которые в руках региональных элит зачастую оказывались единственным или преимущественным средством оформления и выражения своих особых интересов.

Источники и факторы формирования новой церковно-политической элиты православных арабов во второй пол. XIX в.

Копоть Е.М.
МПГУ, старший преподаватель, Jenius1@yandex.ru.

После долгой борьбы православных рабов с греческой гегемонией в Антиохийской Церкви, антиохийский патриарший престол в 1899 г. занял митрополит-араб Мелетий (Думани). Окончание двухвекового господства греческих архиереев (фанариотских, а затем святогробских) над сирийской паствой и местным приходским духовенством ставит вопрос о причинах и факторах, позволивших православным арабам восстановить утраченную церковную самостоятельность.

К сер. XIX в. Антиохийский патриархат следовало бы, по мнению русского консула К.Д. Петковича, называть «дамасским». Местопребывание патриарха и центр православной жизни давно сместились в столицу сирийского вилайета. Если в XVIII в. конкуренцию Дамаску составлял Халеб (что вылилось в образование там сильной униатской общины), то во второй пол. XIX в. центр силы патриархата вслед за социокультурными и экономическими подвижками в регионе перемещается из Дамаска на ливанское побережье. В кон. 20-х – нач. 30-х гг. XX в. это приведет к борьбе за патриаршество Александра (Таххана) и Арсения (Хаддада) и временному расколу АПЦ, однако противостояние Дамаска и прибрежных центров начались задолго до этих событий. Стремление ливанских митрополий (прежде всего Бейрута, но также Триполи и Латакии) к доминированию в жизни патриархата сдерживалось во второй пол. XIX в. лишь контролем со стороны святогробских греков. Бейрут, погрязший в распрях как между группировками местной элиты, так и с арабо-христианской знатью Дамаска, еще не мог противостоять давлению Иерусалима, имевшему тесные связи с Портой, огромные средства и развитую культурную среду. Дамасская элита, оказавшись перед выбором между пришлым греком и патриархом из

Бейрута, склонялась к первому варианту. Нотабли Дамаска играли ключевую роль при избрании патриархов (а также и при низложении в случае с патриархом Спиридоном в 1897 г.), что при патриархах-святогробцах приносило им определенные материальные выгоды, от которых они не готовы были отказываться. Однако уже к 1901 г. сложилась ситуация, когда антиохийский патриарх не мог самостоятельно назначить митрополита Бейрута, даже имея дипломатическую и финансовую поддержку России.

Возвышение прибрежного региона определялось рядом обстоятельств. Формирование арабо-христианских элитарных групп складывалось там, где для этого имелась, во-первых, социальная база. Миграция христиан из внутренних районов в приморские города под защиту европейских консульств, особенно усилившаяся после Дамасской резни 1860 г., привела к тому, что с 1830 по 1900 г. население Бейрута увеличилось в 10 раз и достигло более чем 100 тыс. жителей.

Другим фактором выступала экономика. Включение региона в мировую экономическую систему, оживление торговли, реализация инфраструктурных проектов (порты, железнодорожный транспорт, телеграф) – все это значительно расширило старую экономическую базу прибрежных епархий, состоявшую из вакуфных имуществ. Из 17 монастырей Антиохийского патриархата, владевших земельными угодьями, 13 находились на Ливане. При этом из всех монастырей ставропигиальными были лишь 6, остальные же подчинялись местным митрополитам.

В-третьих, сыграла свою роль образовательная среда. Благодаря культурно-просветительской политике России ряд будущих видных арабских иерархов (Герасим (Яред), Александр (Таххан), Рафаил (Хававини)) получили хорошее богословское образование, не связанное с греческой школой. Для одной части арабского общества это означало эмансипацию от греческой традиции, для другой – радикальный разрыв с религиозно-патриархальным мировоззрением.

Православные переживали влияние тех же процессов, что и общество в целом – эмиграция в Египет и Новый свет, культурное влияние Запада. В биографиях деятелей Нахды и новой церковной элиты было много общего. Бейрутский митрополит Герасим (Мсарра) отправился в Александрию, как Журжи Зейдан, Фарах Антун и многие другие. Рафаил (Хававини) получил образование в России и переехал в США так же, как Михаил Нуайме.

Совокупность этих факторов привела к тому, что после освобождения Антиохийской Церкви от власти греков в 1898 г. влияние на дела патриархата надолго переходит к иерархам прибрежных митрополий Бейрута, Триполи и Латакии.

Научное издание

Материалы научной конференции

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

Главный редактор
Маслов А.А.
Отвественный редактор
Мосяков Д.В.

Редакционная коллегия
А.В. Бочковская, М.В. Воронцова, Н.В. Громова, В.Б.Иванов, В.А. Исаев, С.А. Кириллина, Л.Т. Нечаева, О.А. Машкина, Д.В. Мосяков, В.В. Орлов, К.А. Панченко, М.Л. Рейснер, А.Л. Сафронова, Ж.С. Сыздыкова, М.В. Фролова, М.Ю. Ульянов, М.Р. Урб, Т.А. Барабошкина, Т.Д. Черкасова, Е.В. Черновол, С.С. Белоусов

Москва 14-22 апреля 2022
Материалы научной конференции

Публикуется в авторской редакции

Усл. печ. л. 26,4
[Электронное издание]
ISBN 978-5-9216-0341-7 (e-book)

Верстка С.С. Белоусов

© ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2022
© Коллектив авторов, 2022

125 009, г. Москва, ул. Моховая д.11., стр. 1

Контактная информация:
lomonosov2022@iaas.msu.ru
+7 495 629 5493